Море Имен

Ольга Онойко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Студент-отличник Алей Обережь находит работу в IT-компании. Под договор о неразглашении подпадают не только коммерческие тайны.

- Ольга Онойко
  - Глава 1. Запрос
  - Глава 2. Выдача
  - Глава 3. Кэш
  - Глава 4. Геотаргетинг
  - Глава 5. Прокси-сервер
  - Глава 6. Дорвей
  - Глава 7. SEO
  - Глава 8. Спам
  - Глава 9. Индексация
  - Глава 10. Линкообмен
  - Глава 11. Метапоиск
  - Эпилог

Ольга Онойко
Море Имен

Глава 1. Запрос

Зеленым-зелено пламенел лес, шептался и шелестел, пощёлкивал птичьими голосами. Синее небо сияло, лучились белые облака, плыли чередой мимо солнца; солнце горело ясно – ярче не бывает.

Лёнька Комаров, мальчик-морковка, стоял перед Алеем несчастный, как в воду опущенный. Сегодня был, кажется, первый по-настоящему тёплый день в году, а веснушчатый нос Комарова уже облез, выгорели рыжие прозрачные брови… Умирающим голосом Лёнька лепетал что-то, прижимал к сердцу собачий поводок и смотрел на Алея с мольбой.

Алей хмурился.

– Ты уж помолчи, – строго сказал он, наконец. – Зачем ты её вообще с поводка спустил?

– Ну я… я же это! – снова отчаянно затараторил Лёнька. – Она так побегать хотела! Погода такая хорошая! Ну я же не думал, что она совсем убежит! Я уже всё оббегал! Везде искал! Ну куда она…

– Помолчи, говорю, горе луковое.

Комаров умолк и заморгал. В голубых круглых глазах закипали слёзы. Вид у него был – камень разжалобит.

«Растеряша», – подумал Алей, скрывая улыбку.

Пропала лёнькина собака Луша – колли, добрейшая псина, такая же рыжая и суматошная, как её хозяин. Ей едва исполнился год: не набралось ещё умишка в длинной лисьей башке.

– Алик, ну куда она могла убежать?! – несмело прошептал Лёнька. – Она ведь дурочка… под машину попадёт… – и всхлипнул, не сдержавшись: – я подумал, может, она в лес убежала, а в лес мне не разрешают, да и как я её там искать буду… Алик, ну пожалуйста!

– Тише.

Алей присел на корточки и посмотрел на Лёньку снизу вверх. Комаров терзал в пальцах поводок, на лице выражалась мука.

– Лёнь, – тихо и внятно произнес Алей, – я просил, правда?

– Что?

– Я просил ничего не говорить?

– Я и не говорил! – вскинулся тот. – Ничего! Никому!

– Вот я ещё раз тебя попрошу. Пожалуйста. Иня молодец, конечно, что растрезвонил по всему району, но я с ним ещё отдельно поговорю…

– Инька только мне сказал, – Комаров посуровел. – А мы лучшие друзья. Я тайну хранить умею, Алик. Правда.

Алей вздохнул. Повесил голову, сцепил пальцы в замок.

– Хорошо.

– Алик, – шёпотом сказал Лёня. – Ну ты же видишь, тут кругом никого нет. А если бы кто был, я бы тихонько очень… вот.

– Хорошо. Спасибо, Лёня. Только, пожалуйста, запомни, что я больше ничего вот так не ищу. Совсем. Вообще. И никогда этим не занимался. Понимаешь?

Комаров сглотнул.

– Понимаю, – ещё тише сказал он. – Только… Алик, ну ты… ну ты тоже понимаешь, я уже везде искал… где же мне теперь искать её? Вдруг с ней что-то случится? Я боюсь… а тут ты идешь. Вот я и подумал… я больше не буду, Алик, я… пожалуйста!

– Ладно.

Лёнька вспыхнул и просиял. Вытер рукавом сопли.

– Спасибо.

– Эх ты, – добродушно сказал Алей. – Разнюнился!

Комаров засмеялся – вначале робко, потом веселей.

– Здорово как, что я тебя встретил, – сказал он. – А то… а то не знаю, что б было!

– Ладно, ладно, – проворчал Алей.

Потом встал.

Сощуренными глазами он оглядел пустую окраинную автодорогу, овражистый лес по одну сторону от неё, высотки спального микрорайона – по другую. Сверкали зеркальные стёкла и белые стены домов, ветер гнал пыль по сухому асфальту. Тихо было, безлюдно и безмашинно, но всё-таки на лес смотрели сотни окон, и кто-нибудь за этими окнами… «Так, – сказал он себе, – прекратить. Тоже мне, мания преследования. Собаку пацану ищешь, не Предел».

Комаров смотрел с надеждой.

– Дай-ка поводок, – сказал Алей.

– По запаху искать будешь? – хихикнул Лёнька и съежился под суровым алеевым взглядом.

– Характеристики объекта снимать.

Это была шутка, которой пятиклассник Комаров не понял, отчего уставился на Алея с пущим уважением – почти благоговейно. Протянул поводок обеими руками, точно магический артефакт.

Алей взял длинный тканевый ремешок, испробовал на разрыв, потеребил обтрёпанные края. Сам по себе поводок ему был не нужен, но нервное мельтешение лёнькиных рук отвлекало, не давая сосредоточиться на задаче. «Тоже мне, задача, – смутно удивился Алей собственным мыслям. – И что я нервный такой сегодня? Это из-за Иньки. Ладно. С собакой разберусь сначала, а

там посмотрим».

Лёнька ждал, против обыкновения терпеливо.

Лёнька…

Алей искоса глянул на парня.

…Клён Комаров, с головы до пят осыпанный солнечными веснушками. Когда вырастет, будет и вправду клён огненноголовый, а пока что похож на говорящую морковку. Одноклассник и лучший друг алеева младшего брата Инея.

Лёнька и его собака.

Рыжая голосистая собака Луша.

«Комаровы, – потешалась как-то баба Медя, – рыжее семейство! Папка рыжий, мамка рыжая, дети рыжие и даже собака рыжая!»

Рыжая-рыжая. Как апельсин.

Собака.

Жить как кошка с собакой.

У кошки четыре ноги, а сзади её длинный хвост.

Хвосты. Хвостохранилища.

Смешным словом «хвостохранилище» называют захоронения токсичных отходов. Отрава, гибель, могила.

«Нет», – понял Алей. Слова не наполнялись тяжестью, не выступали на свет – они высыпались, как шелуха от семечек, пропадали.

Не здесь.

Рыжая собака Луша жива и здорова, бегает где-то. Мальчику Лёньке не придётся плакать по ней, ничего страшного не случилось.

Бегает она, машет хвостом, глупая, четверолапая…

Четвероногие.

Четвероногие опоры линии электропередачи.

Четверица, или тетрактида, порождает алмаз и уголь, золото и свинец. Это воздушный, небесный знак. Она определяет природу рудо-желтого, оранжево-золотого цвета.

Алей перевёл взгляд на рыжую курносую мордочку Лёньки – и словно молния, быстрая и острая, пронеслась в голове от уха к уху. Что-то невесомо, беззвучно вспыхнуло и погасло позади глаз, а плечи сами собой повело назад.

«Есть попадание, – определил Алей. – Идем дальше».

В логотипе Windows четыре основных цвета символизируют четыре стихии.

Тот, кто четыре раза сходит налево, вернётся туда, откуда вышел…

Второе попадание оказалось ослепительно ярким, на солнце смотреть и то легче. Алей заморгал и замотал головой.

Потом вздохнул.

– Лёнь, – сказал он, – да ну тебя совсем. Никуда она не убежала. Вот сейчас… – Алей покосился на часы, – сейчас прибежит обратно.

– Чего? – недоверчиво пробормотал Лёнька.

Алей прикрыл глаза. Под сомкнутыми веками закрутились сильно пикселизированные песочные часы, всем знакомый символ ожидания. «Четыре, – начал Алей, – три, два, один…»

Как всегда, он взял неправильный темп: считал слишком быстро. Настоящие секунды текли медленней. Когда счёт кончился, ничего не случилось.

«Ноль», – на всякий случай отметил он.

А затем Комаров дико заорал и подпрыгнул на половину собственного роста. Алей даже вздрогнул, потом засмеялся. На всех парах – только пятки мелькали – Лёнька мчался к дальним гаражам: мимо недостроенного супермаркета, мимо закрытого салона красоты, мимо пустой автобусной остановки…

Навстречу Лёньке с оглушительным лаем неслась собака, рыжая, как апельсин.

Она, конечно, облизала его всюду, куда достала, а доставала длиннолапая колли всюду, куда хотела. Ещё и грязью измазала. «Неделю дождя не было, а она грязь где-то нашла и в неё влезла, – дивился Алей. – Правда в лес бегала, что ли?» Он смотрел и веселился: Клён неистово тормошил свою псину и целовал в глупую морду, а Луша влюблённо повизгивала, прыгала и размахивала хвостом.

– Дура ты дура! – укорял хозяин, – куда ты понеслась?..

Голос его звенел от запоздалых слёз. Алей вздохнул снова.

– Лёнь! – окликнул он. – Поводок не забудь.

– А? – Лёнька обернулся с ошалелым видом, поморгал и вдруг заорал на всю улицу: – Ага! Алик, спасибо, спасибо! Ты настоящий друг! Алик, ты самый лучший!

Алей покачал головой, улыбаясь.

– Да ну тебя, – проворчал он, – пожалуйста.

Он быстро поравнялся с Комаровым, отдал поводок и развернулся уже, когда пришла мысль, что нелишне напоследок ещё раз погрозить пальцем. Лёнька был парень славный, но ужасный болтун, а проблем у Алея и так хватало. «Зря я это, конечно, – подумалось ему, – но что уж тут… А, ладно! Всё равно Инька уже раззвонил».

Он посерьёзнел. Комаров вскинул голову.

– Лёня, – тихо и строго сказал Алей, – я с тебя обещание взял?

– Взял! – бурно закивал Лёнька, придерживая обалдевшую от волнений Лушу, – клятву взял, я всё!.. спасибо, Алик!..

Колли в экстазе повалилась на спину у его ног.

– Не давши слова, крепись, а давши – держись, – зачем-то изрёк Алей, хотя сам не вполне понимал значения старой пословицы.

Лёнька понял правильно. Жестами изобразил, что будет нем как могила. Алей фыркнул, полюбовался на рыжую парочку ещё немного и сказал «ну пока».

– Алик, бывай! – кричал Лёнька ему вслед. – Удачи!

Потом Луша залаяла, звук лая стал удаляться вместе с топотом лёнькиных ног, и, наконец, всё стихло.

Налетел ветер, принёс запах свежей листвы и сырость ручья, протекавшего по дну оврага. Пронеслась быстрая тень малого облака, и подумалось, что в вышине ветер куда сильнее, чем здесь – вон как гонит… Не торопясь, Алей шагал по пустынному тротуару. Спустя пару минут он сцепил пальцы в замок на затылке и запрокинул лицо к небу.

Солнце сияло.

«Любопытная получилась цепочка, – думал Алей. – Странная. Коротенькая, но странная». Если случится свободное время, можно будет поломать голову над тем, какое отношение к собаке Луше имели линии электропередачи и логотип операционки, опасные хранилища и небесные знаки, можно будет много интересного и бесполезного извлечь из этого… можно, но скучно. Такими играми Алей развлекался, когда был чуть старше Лёньки – классе в шестом.

Потом стал развлекаться другими играми.

Зря.

Ой как зря…

Шила в мешке не утаишь. Сколько ни бери с детей страшных клятв, всё равно весь район знает, что Алей Обережь, хороший мальчик, «компьютерщик», поисковик… лайфхакер.

«И чего я нервный такой?» – подумал Алей и почти огорчился.

…А ещё там были апельсины. Апельсины встроились в ассоциативную цепочку, совсем непонятно к чему, только звено это ушло так быстро, что Алей не обратил на него внимания.

«Апельсинов, что ли, купить?» – рассеянно подумал он.

Сзади донёсся истошный лай и радостный вопль:

– А-а-али-ик!

В позапрошлом году Алей подрабатывал у Комаровых репетитором: натаскивал непоседу Клёна по всем предметам,

главным образом по математике, и на собственной шкуре убедился в том, что «Маугли – он кого хочешь достанет». Пускай на Маугли Комаров не походил – обожаемый, балованный ребёнок в состоятельной семье, – но энергии в нём крылось столько, что хоть электростанцию подключай. Алею приходилось туго. К концу занятия голова у него начинала разламываться. Лёньку даже игнорировать не получалось, не то что дисциплинировать как-то. Нет, он был хороший мальчишка – добрый, старательный, даже по-своему послушный, но фонтан иногда надо затыкать, ибо отдых необходим и фонтану…

– Алик, а я забыл! Алик, а ты вообще как? Слушай, у нас на той неделе контрольная была городская, там такая задача была, её никто решить не смог, даже Злата Сиренина, а я подумал, ты точно сможешь, и я вот…

– Блик! – с досадой прошептал Алей и уже в полный голос продолжил: – Лёнь, ты извини, я с работы…

«Удивительно, – думалось ему, – и как они с Инькой подружились?» Младший брат Алея Иней Обережь был незаметный, замкнутый, печальный мальчик. Порой из него слово нельзя было вытянуть. В первом классе он не мог отвечать у доски – не то что бы боялся, но впадал в какое-то оцепенение. Мать даже водила его к школьному психологу. Потом само прошло… Рядом с Клёном Иней словно перенимал часть комаровской кипучей, неуёмной энергии. У него едва приметно загорались глаза, на лице появлялась улыбка. Он даже рассказывал другу какие-то истории, и в такие часы совершалось чудо: Лёнька умолкал надолго.

Наверно, интересные были рассказы…

– А мама ходила Липку в первый класс записывать, – трещал Клён, – и Липка с ней ходила тоже, уже в бантах, как первоклассница, теперь надутая такая ходит! Говорит, я не как ты, я только на пятёрки учиться буду! Тоже мне! Пусть попробует!

Собака Луша нарезала рядом круги, испытывая на прочность пристёгнутый поводок и терпение хозяина. Лёнька то и дело выпутывался из поводка сам и выпутывал задумчивого Алея.

– Ага, – сказал Алей. – Лёнь, а вам оценки объявили уже?

– За четвёртую четверть объявили, а за год ещё нет. Но и так все знают же, – Клён засмеялся. – За год потом торжественно скажут. А мы не учимся уже, непонятно чем занимаемся, завтра вот день здоровья объявили. Сказали, мы в лес пойдём, а училки злятся, потому что им тяжело по лесу прыгать, говорят, так что мы, наверно, не пойдём, или только с физруком кто-то пойдёт, а я не хочу с ними, я хочу с Инькой гулять пойти…

– А у Ини сколько троек в четверти? – коварно вклинился

Алей.

– Да одна только! – ляпнул Клён.

После чего вытаращил глаза и залился пунцовым румянцем, осознав, что с потрохами сдал лучшего друга.

– По математике? – скорбно спросил Алей.

Лёнька приуныл. Он подёргал Лушу за поводок, оттащил от чьей-то метки в траве и велел сидеть. Колли послушно села и зевнула, а Комаров собрался с духом и самоотверженно заявил:

– Ну и что?! У меня вот две тройки! По русскому тоже!

– Тьфу на вас, – проворчал Алей.

Он не мог не смеяться.

Комаров почесал облупленный нос и развёл руками. Потом глянул на Алея исподлобья, подумал немного и закинул удочку:

– Алик, а ты больше не будешь со мной заниматься?

– Ты с ума сошёл. У меня в институте сессия, диплом на носу и работа ещё.

– Ты понятно объясняешь, – уныло сказал Лёнька.

– Ладно тебе. Не ной, горе луковое. Мой тебе совет, – Алей напустил на себя умудрённый вид, – возьми учебник и включи мозги, – и он легонько ткнул Комарова пальцем в лоб.

Комаров тяжело вздохнул.

– Угу… только там всё непонятно написано, даже Верба, ну та девчонка, с которой я потом после тебя занимался, она не всегда понимала, это всё новые учебники, говорят, дурацкие!

…Алей медленно шёл вдоль края газона. За изгибом дороги уже показалась следующая автобусная остановка. Кругом бегала Луша, обнюхивала все, что попадалось на пути, погавкивая и задирая лапу. Светило солнце. Клён говорил-говорил беспрерывно, как Медвежонок из мультика: то шутил и сам смеялся, то огорчался каким-то неурядицам своей детской жизни и тут же забывал о них ради чего-то нового…

И внезапно Алей осознал, что во всём этом казалось ему странным.

Лёнька сейчас приставал к нему потому, что ему было скучно.

Лёнька гулял в одиночестве…

– Лёнь, – сказал Алей, прервав комаровскую болтовню, – а почему ты не с Инькой гуляешь?

Клён замолк мгновенно. Насупился, отвёл взгляд, сцепил пальцы. Луша сунулась носом ему в руки, он оттолкнул её.

– А Иня дома сидит, – как-то очень серьёзно сказал Лёня, и Алей заподозрил неладное. – Он второй день гулять не ходит. Он расстроился очень.

– Расстроился?

– А его постригли.

Алей озадаченно уставился на Комарова.

– Не вижу связи.

Комаров вздохнул.

– Ты понимаешь, Алик, – начал он, остановился и почесал в затылке, подбирая слова: – Инька, он это… ну, короче, у него волосы отросли, он их в хвост завязал. В маленький такой.

– И что?

– Ну мама, то есть его мама, то есть ваша мама, тётя Весела, она увидела и сказала, что надо постричься. А Иня сказал, что не хочет стричься, потому что хочет хвост длинный носить, как ты. А дядя Лёва сказал, что надо быть как пацан, а не как девчонка. И повёл его и постриг налысо.

Алей поднял бровь.

– Вот как.

– И Иня расстроился очень, – Лёнька мучительно скривил рот, переживая чужое горе как своё. – Гулять не хочет. Я говорю – ерунда всё, а он говорит – не ерунда, и вообще дядя Лёва хочет его в другой класс перевести, в кадетский, чтоб он был типа как пацан, а не типа как-нибудь, и хочет заставить фамилию поменять…

Сердце Алея ёкнуло.

– Вот как, – повторил он, мрачнея.

«Значит, повёл и постриг, – он скрипнул зубами. Перекинул через плечо собственный вороной хвост, медленно накрутил волосы на палец. – Мама, почему ты промолчала? Ладно Инька, он маленький. Почему ты позволила?!»

На курносое лицо Лёньки тенью легли печаль и тревога.

– Алик, – сказал он. – Ты это… Неужели Иньку правда в другой класс? Как же мы тогда будем? Мы же всегда вместе.

Луша заскулила, глядя на Алея так, будто что-то понимала в разговоре.

– Нет, – хмуро ответил Алей. – Если Иней сам не захочет – никто ничего не сделает.

– Он не хочет! – встрепенулся Комаров, – не хочет!..

– Да знаю я, – Алей вздохнул. – Я с дядей Лёвой поговорю, Лёнь. Тоже мне, нашёл маленького, обижать можно…

– Да! – Лёнька задохнулся от возмущения. – Тоже мне!.. Алик, а…

– А ты не шуми, – сказал Алей, не глядя на него. – Ты не доставай Иньку с этим, ладно? Видишь же, как он переживает.

– А я говорю – ерунда всё! – завёл старую пластинку Комаров.

– Нет, не ерунда.

– Ага. Я знаешь что решил? Я решил, если его в другой класс

переведут, я папку попрошу, чтоб меня тоже перевели! Чтоб меня тоже постригли!

– Тьфу на тебя…

Лёнька замолчал и несколько минут тёрся рядом тихо, понурый. Луша поскуливала и совалась под руки то к хозяину, то к Алею, но на неё не обращали внимания.

Набежали белые облака, застили солнце. Лес загудел под ветром, клонясь над пригорками и оврагами. Пронеслась машина, ярко-алая, красивая как бабочка, – и снова всё стихло. Алей подумал, что автобуса тут ждать – дело безнадёжное, пешком дойти куда быстрее… Даже хорошо, что так: размяться можно после работы…

За плечом раздумчиво засопел Комаров.

– Знаешь, Алик, – сказал он, – а я всегда мечтал, чтоб у меня такой брат был, как ты.

Алей фыркнул.

– Ну тебя совсем. И вообще, у тебя сестра есть.

– Она мелкая ещё, – Лёнька смешно сморщил нос, – и глупая.

Алей улыбнулся.

– А ты умный. Вот и будь сам старшим братом. Большим и классным.

Комаров засмеялся.

– Ага, – кивнул он. – Буду.

Остались за поворотом новенькие высотки. Вдалеке, в проплешине между купами берёз замелькали вагоны электрички, – приглушённый шум донёсся с запозданием. Сильнее прежнего застонал ветер. Мимо всё-таки прошёл полупустой автобус, обогнав Алея на пути от метро до дома. Алей проводил автобус равнодушным взглядом. В такую погоду погулять одно удовольствие…

«Хорошо, что я Клёна встретил, – сказал он сам себе. Было грустно до горечи, от утреннего радужного настроения не осталось и следа. – Инька молчун, ничего сам не расскажет, а мама… связалась она с этим! Если б я знал, Господи. Я ведь ей сам говорил – выходи замуж, не хорони себя, ты молодая, он тебя любит… Она же прямо расцвела. Так хорошо было. А теперь вот Инька».

Клён, наконец, распрощался и отправился своей дорогой: ему пора было домой, обедать.

Алей дошёл до своей остановки, сел на скамью под прозрачным навесом и вздохнул.

…Район Пухово делился на старый и новый: в Новом Пухово были многооконные высотки, супермаркеты, фитнесс-центры и

аквапарк, в Старом – дряхлые пятиэтажки, огромные тёмные скверы и тишина. Раскидистые деревья поднимались выше крыш, а переулки были так пустынны, что казалось, даже здешние гаражи брошены хозяевами и стоят-ржавеют просто так.

В Старом Пухово жили Обережи. Сорок лет назад там дали квартиру бабе Зуре, Лазури Искриной, геологу по первому образованию и переводчице с монгольского – по второму. Щекастая, крепкая, неунывающая, Лазурь в одиночку подняла сына, приютила в тесной квартирке невестку, увидела первого внука и всего года не дожила до рождения второго… Через неделю после похорон пришло письмо: дед Алея на склоне лет отыскал свою юношескую любовь.

Сам Алей узнал об этом гораздо позже. Тогда отец показал письмо с приложенной к нему пожелтевшей черно-белой фотографией только матери, а потом спрятал. Алей даже не знал, ответил ли он на него.

С фотокарточки улыбался красивый молодой парень, такой же белозубый и самоуверенный, как Ясень Обережь и, должно быть, настолько же неотразимый. Всей разницы, что дед был чистокровным монголом, а отец – полукровкой…

Четверть азиатской крови сделала его сыновей невысокими и тонкокостными, вычернила им волосы и глаза, не по-здешнему очертила скулы.

Теоретически, отец мог ответить на письмо, потому что немного знал язык. Алей вот уже несколько лет собирался заняться этим делом, установить, что ли, родственные связи – хотя о каких связях могла идти речь? – узнать, куда тянутся семейные корни, но всё руки никак не доходили.

Отец пережил бабу Зурю всего на год.

Алей прикрыл глаза и почувствовал, как прохладный ветерок касается век.

«Улаан-тайдзи, – говорит Ясень, опуская руку на плечо сыну, – Красный Царевич…»

Папа – альпинист.

У него есть альпеншток и огромный рюкзак. В рюкзаке сложены веревки и карабины, и разные удивительные штуки. Еще у папы есть особенные свитера, ботинки и куртки, в которых он ходит в горы, а больше никуда не ходит. Все эти вещи хранятся в шкафу и одуряюще пахнут папой – большим, сильным, смелым. Иногда кажется, что хозяин этого запаха даже больше и сильнее, чем сам папа. Папа страшно сильный, но худой и невысокий. Все его друзья выше, чем он.

У папы много друзей.

Друзья папы – альпинисты.

Они вваливаются в крохотную квартирку и заполняют её целиком – кажется, что до самого потолка. Они сидят на кухне и разговаривают могучими голосами, низкими, как рокот моторов. Они разворачивают огромные карты и разглядывают маршруты, они проявляют фотографии и басовито хохочут.

Когда папа складывает рюкзак, маленький Алик всегда стоит рядом и смотрит. «Учишься? – спрашивает папа. – Молодец! Учись, расти, вместе пойдём». Мама готовит обед на кухне. Глаза у неё грустные и испуганные. Когда папа уедет, мама словно опустеет, ослабеет внутри – сядет на табурет и будет сидеть до вечера, а баба Зуря встанет у окна и начнёт вздыхать. Но сейчас обе они улыбаются, хоть и не по-настоящему.

«Ну хватит тебе, мам, – говорит папа и обнимает бабушку. Алику всякий раз немножко странно, когда папа называет бабушку мамой. Она же бабушка. – Сто раз уже ходил, целый пришёл».

«Осторожней, Ясик, – отзывается бабушка. – Осторожней, милый…»

«Веся, – говорит папа маме, – радость моя, Цэнгэл, не грусти». Мама утыкается лицом ему в шею, потом обнимает цепко, впиваясь пальцами в сильные его руки под закатанными рукавами, и целует его – быстро-быстро.

Папа вскидывает рюкзак на плечо. Перед тем, как уйти, он треплет Алика по голове и говорит: «Ну, сын. Мужик в доме! За старшего остаешься!»

И уходит.

Когда папа возвращается, все радуются как сумасшедшие. Алик тоже прыгает и смеётся, папа тискает его и подкидывает к потолку, потом тискает маму и свою маму, бабушку. Папа весёлый и храбрый, живой и тёплый, и пахнет горами. Папа берёт гитару и поёт песни.

Зеленым-зелено пламенел лес,
В земляничной глуши заяц рыскал.
Был с небес глас
И шептал бес:
«Не живи тихо, не летай низко!»

– так он поёт, а мама снимает его на камеру и смеётся.

Они самые лучшие на свете.

Самые счастливые.

…Похоронив бабушку, папа целый год сидит дома. Друзья его приходят в гости, рассказывают о восхождениях, показывают

фотографии. Теперь фотографии цветные, очень красивые. Папа улыбается, отмахивается, мотает головой, но Алик видит, как ему тоскливо – без гор.

Папа с друзьями заводит кооператив. Алик не знает, что такое кооператив, ему кажется, будто это что-то из мультика про спасение животных. Он думает, что папа как раз такой человек, который сумел бы спасать животных. Но кооператив – это всё-таки что-то другое.

Папа делает ремонт. Клеит новые красивые обои, меняет двери, белит потолок. Привозят новую мебель, вешают новый ковёр на стену. Дом становится как будто моложе и просторней прежнего, но вместе с тем теряет часть памяти: он уже почти не помнит бабу Зурю.

Папе весело делать ремонт, но с горами всё равно ничто не сравнится. Папа прибивает гвоздик и вешает на стену большую цветную фотографию в рамочке – обрыв, острые каменистые пики, курится туман в причудливо вырезанной расселине, снежно сияет свет. Мама гладит папу по голове и вздыхает.

Он честно старается, папа, но он не выдерживает, и мама смиряется, потому что очень его любит.

Папа снова уходит в горы.

Становится пусто-пусто, но совсем не так, как было пусто, когда жила баба Зуря. Как-то иначе пусто. Неуютно…

И маме звонят – откуда-то издалека, из тех краев, где папа с верными друзьями покоряет вершины. Мама прижимает к уху телефонную трубку и становится белой как снег. Алик ничего не понимает, только сердце у него бьётся очень часто, будто сейчас выпрыгнет из груди.

В тот день больше ничего не происходит.

Маме звонят назавтра. И ещё через день.

И ещё потом, кажется, звонят.

Алик, наконец, слышит обрывки разговора. Лавина, спасательная операция… не дала результатов… решением суда признан…

Признан погибшим.

…Утром мама бежит по коридору в туалет, спотыкаясь о разбросанную обувь. Её тошнит.

Через полгода рождается Иней.

На шкафу стояла свадебная фотография Ясеня и Веселы – скромная невеста с букетом лилий и красавец-жених, гордый, точно бойцовый петух. Когда пришло свидетельство о смерти, Весела убрала фотографию и поставила на её место другую. На той был просто Ясень – смеющийся, с хитринкой в раскосых

глазах.

Когда появился Шишов, эту фотографию она тоже спрятала. Алей потом достал её из семейного альбома и поставил обратно. Он уважал право матери на личное счастье, но память отца была святыней.

…Ветер стих. День клонился к вечеру, солнце пригревало почти по-летнему. Алей сбросил с плеч кожаный плащ и перекинул его через руку.

Подошёл ещё один автобус, открыл двери, закрыл и уехал. От метро досюда было три остановки, отсюда до дома – триста шагов.

Дома было пусто.

Выйдя замуж, мама переехала к Шишову и забрала с собой Инея. У Шишова была трёхкомнатная квартира – совсем рядом, в Новом Пухово. Алей не уставал дивиться, как они раньше умудрялись вчетвером жить в однокомнатной квартире бабы Зури. Сейчас она ему и одному-то казалась тесной. Может, из-за тёмных стеллажей с тысячами книг Лазури Обережь, может, из-за объёмистых советских шкафов, в которых хранились вещи когда-то нужные, а теперь хлам. Всё не разобрать, не выбросить отжившее, уже-не-своё…

С Шишовым мама познакомилась в церкви.

После смерти отца она, до сих пор равнодушная к мистике, вдруг уверовала со всей горячностью неофитки. Ходила на службы, исповедовалась, пела на клиросе. Она крестила новорожденного Инея, а Алей, уже почти подросток, упёрся: он помнил бабушку Зурю, и бабушка Зуря нравилась ему гораздо больше, чем церковь.

Лазурь была атеисткой, да не простой, а ругливой – воинствующей. Даже попав в больницу с инфарктом, она не сдалась: всё повторяла, чтоб не вздумали ставить на могиле креста, не позорили её. О близкой смерти она говорила бодро, точно как Ясень о новом восхождении. Сын и невестка пытались её переубедить, но она знала лучше – она всегда знала лучше.

Выслушав запальчивую отповедь Алея, Весела не стала настаивать. Она никогда этого не умела.

Шишов, Лев Ночин, был человек солидный, надёжный и положительный до оскомины. Алею он не нравился. Алей честно пытался задавить свою неприязнь. Он считал, что ревнует мать ради памяти покойного отца, и просто старался поменьше общаться с отчимом. Тот любил пускаться в рассуждения о житейской мудрости и мнил себя царём Соломоном, а Алей видел школьника-отличника, который до седин остался послушным примерным ребёнком. «Папа был вечный подросток», –

напоминал он тогда себе, но не мог не прибавлять, что это всё-таки совсем иное… Толстый, щекастый, мохноусый, Лев был полной противоположностью Ясеню. Иногда Алей думал, что мама выбрала его нарочно, чтобы не напоминал о первом муже.

…Он обогнул гаражи. За ними, на маленькой гравийной площадке трое парней возились с древними Жигулями. Завидев Алея, они на миг оторвались от машины. Алей помахал им рукой. Двое были одноклассниками, третий – приятелем из параллельного. В школе Алея любили – он всегда давал списывать и не задирал нос.

Зелёные кроны качались высоко в голубом небе. Под окнами, в палисадниках, зацветали весенние цветы. Над детским садом стоял весёлый визг – малыши вышли на прогулку. По узенькому проулку катили коляски две молодые мамы (одна – жена одноклассника, вторая – сестра другого). На скамеечке у подъезда сидели бабульки и переговаривались натужными громкими голосами.

– Здрасте! – сказал им Алей.

Баба Медя разулыбалась, собрав в морщины всё своё крошечное личико. Её соседки умиленно покачали головами.

Баба Медя, Медь Морошина, была алеевой первой учительницей – и ох какого страху натерпелся он когда-то оттого, что жил с нею в одном подъезде. В год, когда Медь Морошина вышла на пенсию, Алик ещё даже не родился. Пока оставались силы, она подрабатывала ради нескольких лишних копеек. Потом она совсем состарилась и теперь только сиживала порой на скамеечке у подъезда, даже летом укутанная в синее драповое пальто с коричневым воротником.

А ещё она стала совсем глухая.

И когда Алей, поздоровавшись, прошёл мимо, баба Медя наклонилась к плечу своей подруги, такой же тугоухой старушки, и пронзительным голосом, на весь двор, произнесла:

– А это Алечка, сосед наш, который Поляне судьбу сломал! Хороший мальчик!

Алей чуть ключи не выронил.

«Так вот оно что, – подумал он, безнадёжно закатив глаза. – А я-то Иньку ругать собирался! Это баба Медя растрезвонила… вот дурочка старая! А ей Поляна сказала, точно, к гадалке не ходи. Тьфу ты, горе луковое!»

С тем он поднялся на второй этаж и отпер дверь.

– Мама?

– Да, Алик.

– Что случилось?

Алей опёрся на подлокотник дивана, прижимая к уху телефонную трубку. Окно комнаты выходило на северо-восток: по утрам оно ловило солнечные лучи, но вечер в квартире наступал раньше срока. На улице было ещё светлым-светло, а в доме уже смерклось, впору зажигать лампу.

– Что случилось? – недоумённо повторила Весела. – Алик?

– Что с Иней?

– Иня гуляет.

– С Комаровым?

– Да, он всегда с ним гуляет…

– Мама, я только что встретил Лёню. Он сказал, что Иня второй день не ходит гулять. Расскажи мне, пожалуйста, что случилось.

– Ничего не случилось, Алик, – сухо ответила та.

– Хорошо, – Алей заговорил медленнее, стараясь, чтобы голос звучал ровно и благожелательно: – Позови, пожалуйста, Иню.

– Он в ванной.

Алей беззвучно вздохнул, помолчал и твёрдо спросил:

– Мама, это правда, что Лев Ночин его обрил налысо?

– Алик, у тебя такой голос, как будто это какая-то трагедия.

«…в другой класс… другую фамилию», снова пронеслось в голове; Алей скрипнул зубами.

– Мама, неужели ты не понимаешь?! – понизив голос, спросил он. – Ине уже не пять лет. Он взрослый парень. Он не кукла! Он сам имеет право решать такие вещи. Почему ты позволила, чтобы его заставили?

– Алик… – Весела вздохнула, – это ты не понимаешь. Пожалуйста, давай не будем ссориться.

– Мы разве ссоримся, мама?

Трубка помолчала.

– Алик… – беспомощно повторила она.

Ему показалось, что у мамы глаза на мокром месте, и сердце сжалось, но Весела продолжила ровным, только немного печальным голосом:

– Сына… я не хотела тебе говорить такие слова, но придётся, видать… Ты уже взрослый. Ты помнишь папу. А Иня – маленький, он папу… родного папу только на фотографиях видел. Мальчику нужен отец, образец для подражания…

– Который обращается с ним как с…

– Послушай меня, Алик. Мы с тобой разъехались. Мы ведь всё с тобой обсудили, ты был «за». У тебя теперь своя, взрослая жизнь, а у нас с Инеем – новая семья. Мы строим новую семью – Лёва, я, Иня. Не надо вмешиваться. Не вмешивайся, пожалуйста, Алик.

Алей так сжал трубку, что пальцы онемели. Он медленно вдохнул и выдохнул, переложил телефон из руки в руку.

– Мама, ты хочешь сказать, что это не моё дело?

– Нет, конечно… то есть…

– Иней – мой брат, – процедил Алей; его начало мелко трясти от нервного напряжения, дыхание участилось. – Родной брат. Он мне роднее, чем Шишову, мама. Я его растил вместе с тобой, пелёнки ему менял, кашкой кормил. Ему десять лет, он взрослый парень, и теперь твой Шишов начинает его воспитывать? У него своих детей нет, что он может понимать?!

– Алик, ты злишься…

– Да, мама, я злюсь. Я злюсь, потому что чужой человек обижает моего брата!

– Он не чужой человек… Алик, он твой отчим.

– Мне всё равно. Мама, почему ты позволила так обращаться со своим сыном?

– Алик! – её голос задрожал. – Он ведь муж мой! Мы повенчаны! Я его слушаться должна! Жена да убоится…

– Мама!

Потребовалось несколько секунд, чтобы совладать с собой. Алей откинул голову на спинку дивана, закусил губу и закрыл глаза. Сердце стучало. Сквозь зубы он произнёс:

– Мама, если ты сама не можешь настоять на своём – звони мне. Пусть Иня мне звонит. Если этот… Шишов ещё посмеет распускать руки, если он… Я приду и поговорю… по-мужски.

– Алик, что ты такое говоришь, – прошептала трубка. – Алик, ты с ума сошёл… не надо, Алик… ты преувеличиваешь, не надо…

В голосе матери было больше горя, чем испуга. Она попыталась сказать что-то ещё, но так тихо, что едва слышные помехи на линии заглушили голос. Оскалившись, со свистом втянув воздух сквозь зубы, Алей помотал головой и поднялся с дивана. Подошёл к окну, открыл форточку – ветер донес весёлые крики с детской площадки.

– Мама, Иня правда в ванной?

– Нет, – покорно ответила мать. – Он у себя в комнате сидит. Он с нами не разговаривает. Алик, – виновато заторопилась она: – но вот ведь у него теперь своя комната есть, Лёва…

– Мама, дай ему трубку.

Та только вздохнула.

«Иня! – донеслось, ослабленное расстоянием, заглушённое помехами, – Иня, открой дверь, это братик звонит. Алик с тобой поговорить хочет!», – и всё стихло.

Потом Весела обреченно сказала:

– Не открывает.

– Ясно, – откликнулся Алей. – Понятно.

– Алик!

– Мама, когда к вам лучше прийти? Чтобы Шишова дома не было?

– Алик… – она явно хотела возразить, но оборвала себя и сказала: – В рабочее время, если сможешь. Я теперь не работаю ведь… а в выходные мы все вместе всегда…

– Хорошо. В понедельник утром я прогуляю институт и приду.

– Алик, а ничего, что ты прогуливаешь… – пролепетала мать.

Он только фыркнул в ответ и уточнил:

– Иня дома будет?

– Нет, у него классный час, два урока.

– Хорошо. До свидания, мама.

– До свидания…

Алей нажал кнопку и пошёл положить трубку на базу. В тесном, мрачном коридоре, над тумбочкой с телефоном он остановился, привалился лбом к холодной стене и медленно выдохнул. Сердце всё ещё колотилось, кулаки сжимались от гнева. Постояв немного, он зашёл на кухню и налил себе чаю. Уже долив молока, обнаружил, что забыл подогреть чайник, в два глотка выхлебал холодный чай, сел на табуретку и тихо выругался. «Инька, – крутилось в голове, – Инька, Инька… я ведь маме сам сказал, чтобы она не волновалась, замуж выходила спокойно… она меня послушалась. Она кого попало слушается! Господи, нельзя было… нельзя человека, который слушается кого попало, так отпускать. Папа, ну почему, почему ты ушёл так рано… почему я тут самый взрослый… Господи, на кой чёрт она крестилась? Господи, что я говорю… чушь какая-то».

Рассеянным движением он открыл холодильник, посмотрел на пустые полки. Надо было чего-нибудь поесть, пусть и не хотелось… В пятнадцать лет, экстерном заканчивая школу, Алей как-то ухитрился упасть, точно девчонка на диете, в голодный обморок – и с тех пор не доверял желаниям и нежеланиям организма. Из еды имелись сосиски, пельмени и полпакета молока. Идти в магазин было невыносимо лень. Тянуло сесть за компьютер, погрузиться в код или в интернет и забыться.

Но на завтра с утра до вечера планировались дела, а вечером обещала прийти Осень. К её приходу надо было успеть убраться в квартире и что-нибудь приготовить, потому что Осень тоже забывала есть. Голодная Осень умела только работать, а Алей рассчитывал на что-нибудь повеселее.

Тут он вспомнил про апельсины.

Когда Лёнька Комаров уговорил его поискать собаку с

помощью ассоциативной цепочки, в той оказалось несколько чуждых элементов. Само по себе это ничуть не было удивительно: десять процентов «мусора» в цепочке – результат высокой чистоты, успех даже для мастера.

Но Алей не был мастером.

Он был – лайфхакер.

Взломанных Пределов на его счету было больше, чем у иного мастера – успешных поисков.

Горделивая эта мысль точно отбросила его назад, в прежние времена, и Алей выругал себя. «Всё. Я завязал. Ляна – последняя, – хмуро повторил он. – Больше я этим не занимаюсь».

И больше он этим не занимался. Даже заказчики перестали стучаться. Как лайфхакер Алей ушёл в историю…

…но мусора в цепочках у лайфхакеров не бывает. Их цепочки ветвятся, сплетаются, врастают одна в другую, становясь сетью – большой сетью, которая способна, если посвятить её плетению несколько лет, стянуть собою весь мир – и тогда станет видно, как именно взмах крыльев бабочки порождает тайфуны… Собственно, увлекшись витьём личной паутины, Алей и грохнулся в обморок, забыв о еде. С тех пор воспитывал самоконтроль, обуздывал любопытство.

Впрочем, иногда любопытство было на пользу. Например, сейчас. Идти в магазин лень, а надо; пойти туда не ради покупок, а ради проверки одного из ответвлений гораздо интереснее. Заодно и закупиться можно.

– Ладно, – вслух сказал Алей.

После чего обнаружил, что разуться тоже забыл, – потоптался в уличных ботинках по ковру. Ковёр и так-то забился пылью до потери цвета, а Осень грязи не любила – предстояло пылесосить.

– Ладно, – повторил Алей. – Хоть развеюсь…

Дверь за собой он запирал аккуратно, осознавая каждое движение ключа в скважине, и думал: «Хорошо, что не курю. Так и дом спалить недолго».

Рядом с продуктовым магазином стояла большая, чёрная, на танк похожая машина папы-Комарова. Собственно, магазин тоже был его. «Уж не на учёт ли закрылись?» – заподозрил Алей, ускоряя шаг. В Новом Пухово магазинов, таких и сяких и супермаркетов понатыкали на каждом шагу, а в Старом до соседней лавочки идти было с километр.

Папа-Комаров вышел на крыльцо. За ним просеменила заведующая, старая крашеная блондинка.

– Так ведь девочки… – донеслось до Алея, – устают они, пятнадцать часов на ногах…

– Этих девочек, – тихо ответил папа-Комаров, – пятачок пучок. За хамство увольняем. Передайте девочкам.

Заведующая заулыбалась и закивала.

– Ещё тест-покупателей буду присылать, – предупредил Комаров. Потом заметил подходящего Алея и едва заметно кивнул. Нищий студент, бывший репетитор Клёна, «здравствуйте» не заслуживал.

– Здравствуйте, – сказал Алей в спину Комарову.

Комаров сел в машину и уехал.

Он был такой же рыжий, голубоглазый и курносый, как Лёнька, – вернее, конечно, это Лёнька пошёл в отца. Но характером Лёнька пошёл непонятно в кого. Когда Алей приходил к Комаровым работать, мать Лёньки, роскошная подтянутая красавица, держалась ещё высокомерней, чем Комаров-старший.

С лица завмага пропала приклеенная улыбка. Накрашенный её рот неприятно перекосился, и она скрылась.

Алей вздохнул и шагнул к крыльцу.

Из магазина вышла девушка.

Высокая, ладная, с толстой русой косой, она напоминала Царевну-Лебедь из старого фильма, и двигалась под стать – как плыла. Тяжёлые сумки она несла не без труда – напряжённо разводила руки в стороны, балансируя на острых каблуках. «Коромысло. – Алей улыбнулся. – Коромысла не хватает…» Девушка медлительно, осторожничая, спустилась по крутым ступенькам.

Тогда Алей окликнул её:

– Ляна!

Поляна обернулась и ахнула.

Круглое нежное лицо её залилось румянцем, руки дрогнули. Поставив сумки прямо на землю, она прижала ладони к щекам и вскрикнула:

– Алечка!

Алей приветственно поднял руку. Он немного недоумевал.

– Алечка! – полушёпотом повторила Поляна.

И кинулась к нему на подворачивающихся каблуках.

Пышногрудая, крутобедрая, она чуть не снесла его с ног, с разбегу кинувшись ему на шею.

– Алечка, Алечка, миленький, – частила она, чуть не плача от счастья, – получилось, получилось, всё как ты говорил вышло! Всё правда! Спасибо-спасибо-спасибо тебе, как же мне тебя благодарить!..

– Что? – испуганно вымолвил Алей.

– Ты самый лучший на свете друг!

– Ляна, да объясни же…

Поляна крепко поцеловала его в щеку, чуть отстранилась и вытерла навернувшиеся слёзы.

– Алечка, – хрипловато сказала она. – Как ты сказал – так и вышло! Уже всё случилось! Понимаешь? Уже!! – и она, не силах сдержаться, подпрыгнула на месте и снова стиснула его в объятиях.

– Ляна! – он оторопело смеялся. – Задушишь!

– Задушу-задушу от радости! Алечка, как же мне тебя благодарить? Это так… это так чудесно! Я когда мечтала – даже не мечтала, чтобы так чудесно было!

– Ляна, не кричи, – смущённо просил Алей. – И так-то… Ляна! – он спохватился. – Я тебя просил никому не говорить? Сегодня иду с работы, баба Медя на весь двор вопит – вот Алечка, который Поляночке судьбу сломал.

– Я бабе Меде не говорила, – деловито отозвалась Поляна. – Я только бабе Речке сказала, но она же моя родная бабушка!

Алей закатил глаза.

– Тьфу ты, горе луковое… – простонал он.

Поляна, наконец, поняла, что досада Алея – неподдельная и нешуточная. Почувствовав за собой вину, она страшно испугалась, отпустила его и отступила на шаг, сжав руки у груди.

– Алечка, – повторила она беспомощно. – Ты… прости, пожалуйста, я же не знала, что баба Речка расскажет… я не хотела… ой, что же делать теперь…

Алей вздохнул.

– Ладно, ладно, – примирённо сказал он. – Ничего страшного. Ты лучше расскажи, что случилось.

– Случилось, – Поляна снова просияла улыбкой, зажмурилась. – Как ты сказал, Алик. Я… я встретила… я полюбила… Я ему рассказала, я его тоже к тебе приведу!

– Что? – потрясённо выговорил Алей. – Ляна!

– Всё! – по-командирски отчеканила та. – Я придумала!

– Что?!

– Ты, небось, опять одни пельмени ешь? Пойдем, – Поляна решительно развернулась, – пойдем, зайдём в магазин, я свёклу докуплю! Я тебе борщ сварю, хоть поешь нормально. Тебя же ветром сдувает!

На крохотной своей кухне Алей сидел за столом, пригорюнившись, как сестрица Алёнушка. Над столом стояла Поляна и резала овощи в борщ. Так-так-так – дробно стучал по доске нож, ш-шух – летело в кастрюлю мелкое крошево, раз-два – орудовали белые полные руки. «Кухонный ты комбайн, –

мысленно обзывался Алей, беззлобно, но тоскливо, – горе луковое, бестолковое! Сообразила мне проблем, будто без того мало было!»

От борща он тоже попытался отказаться, но не преуспел – да, сказать по чести, не очень настаивал. Поляна была не чета Осени, у которой пригорали даже пельмени.

С Поляной они дружили давным-давно. «Ещё в детском саду рядом на горшках сидели», – говорила Весела, хотя этой детали Алей совершенно не помнил. Зато в школе они действительно все классы просидели за одной партой. Даже в журнале их фамилии стояли рядом – Обережь и Облакова. Алей всегда решал контрольные в двух вариантах – для себя и для неё.

Потом, уже когда он поступил в институт, Поляна призналась, что классе в восьмом некоторое время всерьёз размышляла, не влюбиться ли в него, – но решила всё-таки не влюбляться.

«Очень ты был хороший, Алечка, – искренне сказала она, – просто чудесный, но как-то неудобно влюбляться в мальчика, который тебе носом до сиськи не достаёт».

Алей расхохотался до слёз. Он всё-таки вытянулся в длину, хоть и позже, чем остальные; теперь Поляна могла посмотреть на него сверху вниз, только взгромоздившись на каблуки. Но образ Облаковой – разъярённой валькирии, лупящей хулиганов портфелем, запечатлелся в памяти навсегда. «Ты тогда нанесла мне моральную травму!» – сказал он ей сквозь смех. «А иначе они бы тебе физические нанесли! – мгновенно отозвалась Поляна. – Хорошо, что ли?»

…Она покончила с шинкованием капусты, смахнула нарезанное в кастрюлю и села, удовлетворённо вздохнув. Алей поднял глаза.

– Я ему сказала, что ты лайфхакер! – со значением сообщила Поляна.

Алей снова уронил голову на руки.

– Ляна, – обреченно сказал он. – Ты что? Зачем?

– Нет, – жарко выдохнула Поляна, навалившись грудью на стол. – Ему можно верить. Он надёжный!

Алей вздохнул.

– Ладно… Расскажи, как ты с ним познакомилась.

Ляна мечтательно прикрыла глаза. На румяных губах её заиграла улыбка.

– Я в центре была, – сказала она, – мылом душистым закупалась и бомбочками для ванн. Пока я в магазине была, дождь пошёл. Такой дождь, прямо ливень! Дождь ещё с утра шёл, везде лужи были, а тут прямо моря стали. Выхожу я из магазина –

а передо мной лужища! Никак не обойти. Делать нечего, пошла через лужу. А я на каблуках была. Поскользнулась, упала, мыло уронила, туфлю потеряла… ой.

– И что?

– А он возле машины своей стоял. Красивый такой… только я тогда не заметила, конечно, это я потом заметила, – Поляна засмеялась. – Он подошёл и зонтик надо мной раскрыл. Ой… в общем, он потом меня домой отвёз. А я его чаем напоила. А он… ой, Алечка, я так… я так… я так сильно-сильно его люблю.

Алей улыбался, вплетя пальцы в волосы. Болтовня Ляны, полная охов и вздохов, его забавляла, но думал он о другом, – о том, что цепочка, взламывавшая полянин Предел, начиналась с воды.

– Как его зовут-то?

– Летен. Летен Истин Воронов. Мы женимся, Алечка!

– Что? – тот вытаращил глаза. – Как, уже?!

– Мы женимся! – Поляна перегнулась через стол и чмокнула Алея в лоб. – Он мне предложение сделал. Я счастливей никогда в жизни не была! Я тебе так благодарна, Алечка! И я ему рассказала, что это благодаря тебе я его встретила.

Алей выпутал пальцы из волос и напоказ слегка стукнулся лбом об стол.

– Ляна! – трагически сказал он.

– Да ну, – она засмеялась, потом посерьёзнела: – Алик, я тебя хотела попросить.

– О чём?

– Пожалуйста, взломай для него тоже.

Алей отвёл взгляд, закусил губу. Единожды он уже нарушил слово, данное самому себе, второй раз делать это не хотелось совершенно, – и не только потому, что клятва оборачивалась пустым звуком.

– Ляна, я больше этим не занимаюсь. Я тебе-то взломал… просто потому, что твой Предел такой же милый, как ты сама.

Поляна покраснела и смутилась.

– Ладно тебе, – пробормотала она, рисуя пальцем узоры на скатерти. Встала и начала мешать борщ в кастрюле. – Дай-ка кетчуп.

Алей протянул ей бутылку. Поразмыслил.

– Запредельное, – сказал он, – по природе своей всегда такое же, как сам человек. Но я никогда раньше не видел, чтобы оно было просто любовью. Пусть даже большой, счастливой и до последнего дня жизни.

Поляна поглядела на него через плечо. На щеке её блеснула слеза.

– Это очень хорошо, Алик, – шёпотом сказала она. – Так хорошо… Я бы хотела, чтобы у тебя тоже так было.

Алей улыбнулся.

– Я другой. У меня там что-то другое. Но я ещё не нашёл.

– Ты найди, – Поляна сосредоточенно мешала в кастрюле. – Это очень хорошо… – Она помолчала, а потом встрепенулась, вспомнив: – Алик, я тебя очень прошу, пожалуйста, взломай Лете предел.

– Ляна, я больше этим не занимаюсь.

– Летя… Летен очень богатый. Он заплатит, сколько скажешь.

– Ляна, мне деньги не нужны. У меня хорошая работа. Я просто больше этим не занимаюсь.

– Алик, пожалуйста!

– Ляна, не надо.

Поляна повернулась, схватила его за руки – и внезапно упала на колени, прямо на грязный пол; Алей вскочил в ужасе, ударился локтем о край стола – от боли искры посыпались из глаз. Он чуть не сполз на пол мимо стула. Ошалев, он пытался поднять Поляну, выпутаться из её крепкой хватки, – но ничего не получалось.

– Алик, пожалуйста! – умоляла она. – Я очень хочу, чтобы он тоже был счастлив! Я его очень люблю!

– Ляна!..

Она жалобно надула губы и приподняла брови, наклонила голову к плечу. Толстая коса соскользнула на пол. Алей беспомощно хлопал глазами, не зная, куда деваться. «Ну А-а-алечка!» – протянула Поляна детским голоском.

И Алей сдался.

– Хорошо, – выдохнул он. – Хорошо.

– Спасибо, – довольная Поляна преспокойно поднялась и ещё раз его чмокнула. – Ты лапочка.

Алей в тоске улёгся на стол.

– Да, – уныло сказал он. – Я лапочка. И симпампуська. Это был бессовестный шантаж, Ляна, я на тебя обиделся.

– У-у, обиделся он, – Поляна засмеялась и вытянула шею над кастрюлей, со знанием дела принюхиваясь. – Ничего, сейчас борща навернёшь и помиримся.

Глава 2. Выдача

Под арочными мостами, в оправе гранитных набережных несла тёмные воды река.

Влажный ветер колыхал ветви деревьев. По набережной проносились машины. Высоко над дорогой в крошечном садике, полускрытом зарослями туи и кустами роз, кто-то сидел, уткнувшись в ноутбук, и писал код.

Головной офис Ялика был похож на пряничный домик – трехэтажная, золотистого кирпича усадебка с белой лепниной, узорчатыми башенками, цветущими клумбами возле окон. Ограда территории, затейливая, тоже кирпичная, походила на стены крохотного кремля. Над автостоянкой высились старые раскидистые дубы, чуть одаль текла Яуза.

Алей миновал блестящие стеклянные двери. Сразу за ними красовалась стойка секретариата – сущий музейный экспонат. Главным элементом дизайна интернет-портала и символом фирмы была зелёная лодка-ялик. Такую лодку, почти настоящую – из досок, с килем и уключинами, с золочёной надписью «Вперёд!» на борту – выстроили на первом этаже. На стене за нею закрепили пару вёсел и с ними почему-то резной штурвал, а в самой лодке мерцали мониторы, звенели телефоны и сидели секретарши.

– Алик! – окликнула одна из них, Тайна. – Тебе Ворон Вежин с вечера конверт оставил!

– Да, – отозвался Алей, – спасибо! Доброе утро, Тань!

Забрав конверт, подписанный причудливым почерком начальника службы контроля индексации («Для г-на Обережъ», с ятем вместо мягкого знака), он приложил к замку магнитный ключ и поднялся на второй этаж.

Было тихо. Одни в одиннадцать утра уже с головой ушли в работу, другие ещё не появились. Этаж делили не сплошные стены, а съемные перегородки, полупрозрачные, расписные: на одной сплетались ветвями ивы, на другой темнели еловые лапы, по соседству высились сосны, а там от пола до потолка поднимался могучий хвощ или узловатые стебли бамбука.

Команда, в которой работал Алей, сидела в траве – обыкновенном сорняке-пырее, что служило поводом нескончаемых шуток (частью почему-то про коноплю). Сейчас среди пырея щёлкал по клавишам один Джипег.

– А, беспредельщик! – сказал он, не обернувшись. – Наше вам.

– И вам с кисточкой, – ответил Алей, опуская на стол сумку и будя компьютер. На рабочем столе полыхнул

фантасмагорический кадр: сумрачный зал в огненном золоте подсветки, ряды чёрных столиков и фосфоресцирующие бутылки за барной стойкой. Будь кадр сделан под другим углом, стали бы видны плакаты, развешанные по кроваво-алым и могильно-чёрным стенам: «Ночь работе не помеха», «Пыточная тут» и «Счастье в труде». Фотографию отсняли во время вечеринки в столовой второго офиса.

– Тебе Ворон вчера новые списки распечатал, – сообщил Джипег.

– Я знаю, уже забрал у девочек… Джипег, объясни на пальцах, зачем он их распечатывал? Не проще мылом прислать?

Пальцы Джипега замерли над клавишами.

Алей насторожился.

Джипег медленно развернулся на кресле; лицо его было странно серьёзным. Мгновение спустя он состроил гримаску, но и она оказалась скорее мрачной, чем насмешливой.

– Нет, – сказал он, – не проще. Мелкий ты ещё. Нуб!

И снова уткнулся в монитор. «Тьфу на тебя», – с досадой подумал Алей; чересчур уж Джипег любил театральные эффекты. Вслух же он проворчал:

– Можно подумать, я без санкции Стародубцева один в рейд пойду.

– Нуб! – громко повторил Джипег и, смилостивившись, объяснил: – Ты не пойдёшь, тебя поведёт. О тебе, дураке, Ворон-дядя заботится. Ты хоть раз в рейд ходил?

– Ходил.

– В один. В учебный. С Осенью. От реального рейда, дружище, это отличается как детский утренник от колхозной дискотеки. Понял?.. – Джипег вздохнул и добавил уже без апломба: – Не парься. Даже Стародубцев списки с бумаги вычитывает. Потому что техника безопасности.

– Ладно, – примирительно сказал Алей. – Техника безопасности священна.

Затем сел и распечатал конверт.

В конверте был спам.

В рейде Алей действительно побывал только единожды и нового опыта ждал так, что живот подводило от нетерпения. Срочных задач пока не было, воспользоваться кодом самостоятельно он не решался. Оставалось только надеяться, что Осень, Джипег или кто-то ещё вскорости улучит минутку для обучения новичка.

Вначале о нём вообще чуть не забыли.

Дел хватало, на каждом висело по несколько проектов. Алей

занимался поддержкой внутренних сервисов: задачи сыпались одна за другой. На собеседовании ему расплывчато сулили некий особенный, необычный вид работы, но, погрузившись в рутину, он почти забыл об этом. Случайно он услышал обрывок беседы Гривко со Стародубцевым – это сдвинуло дело с мёртвой точки. Иначе, пожалуй, он ещё полгода не узнал бы о существовании Старицы…

Прославленный День Вьюгин Стародубцев, тёртый калач и бывалый ходок, был начальник отдела информационной безопасности. Порознь они с Вороном Вежиным ещё звались День и Ворон, но стоило Алею увидеть их рядом, как в голове немедля пропело веселым детским голоском: «…никогда вы не найдёте в наших северных лесах длиннохвостых ягуаров, броненосных черепах!»

– Везде проставляем регион, – с расстановкой провозглашал День Вьюгин, вышагивая по этажу от лестницы к лестнице. – Регион! И что?! Я своими глазами вижу регион «Земля-Два» в пуле запросов, по которому настраиваемся! Когда его должны были отсечь, Ворон? Когда? Скажи мне!

«Ягуар ягуаром», – думал Алей, глядя на него. Так и представлялось, как Стародубцев в ярости хлещет пятнистым хвостом по офисным перегородкам. Высокий, худой, седой, он двигался как боец-рукопашник – плавно и без суеты стремительно. Рядом с достоинством семенил низенький Ворон Вежин.

– Он был размечен! – гневно продолжал ягуар. – Он был оценен! Люди рисковали – сам знаешь чем рисковали, я даже вслух этого говорить не хочу! Нам повезло, что это не частотные запросы! Я в прошлом месяце Иволгу два раза гонял на полевые операции, ей молоко надо за вредность бесплатно давать!

– Молоко у нас в столовой и так дают, – преспокойно отвечал броненосец. – Иволге премию выпишем. Фильтры работают, дают сбои, это нормальный рабочий процесс. А целокупная проблема вообще не может быть решена силами Ялика, потому что Хейхо, Мириада и другие поисковики индексируют контент всех параллелей без разбору.

– Мириада начала сортировку, – несколько тише сказал ягуар.

– Вот как? – броненосец встрепенулся. – Когда?

– Судя по всему, уже год назад. Результаты вот только…

И они скрылись из виду. Алей невольно вытянул шею, пытаясь различить в офисном гуле следующую реплику, но не преуспел.

– Экзе, – спросил он тогда, – а что такое параллели? Первый

раз слышу.

Он немного удивился, когда шеф задумался, приложив палец к губам: Алей успел привыкнуть, что тот знает всё и обо всём. Экзе поразмыслил, качаясь в кресле, и сказал:

– Знаешь, сходи к Ворону. Я смутное представление имею. Ворон тебе объяснит, – и добавил: – Давно должен был, собственно говоря. Это ж как вторая твоя задача предполагалось. Я вообще думал, что основная. Но ты как-то втянулся у нас… как котёнок в пылесос.

Джипег хохотнул.

Алей хмыкнул и снял трубку внутреннего телефона, по памяти набирая номер Ворона Вежина.

Броненосца на месте не оказалось. Сначала он обедал с ягуаром, потом до вечера торчал на совещании, а потом ушёл домой, так что добрался до него Алей только на следующий день.

– Вот и хорошо, – сказал Ворон. – У меня время есть. Садись. Впопыхах ничего делать не надо, – это положение он подтверждал всем своим видом.

Алей пододвинул стул и уселся.

– Ворон Вежин, что такое параллели?

Тот отъехал к краю полукруглого стола, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

– Ага, – сказал он. – Вот оно как. Не добрались до тебя ещё, – и внезапно погрузился в задумчивость столь глубокую и продолжительную, что Алей сначала смутился, а потом начал ёрзать на стуле и искать деликатный способ обратить на себя внимание. – Нда, – бурчал Ворон, потирая веки. – Упс. Дорвей твою релевантность.

– Извините…

– Три тонны спама мне в выдачу.

– Ворон Вежин, что значит регион «Земля-Два»?

– А что значит регион «Земля»?

– Это значит, что мы не определили, из какого региона пришёл запрос.

– И это тоже, – Ворон помотал головой, помял, кряхтя, пальцами загривок и, наконец, выпрямился в кресле. – Ладно, – сказал он. – Мы же тебя хотели подключить к проблеме. К сортировке контента. Ты же лайфхакингом занимался, – и неожиданно спросил: – В квантовой механике разбираешься хоть чуть-чуть?

Сдержав первое изумление, Алей поколебался и ответил, что нет. Он даже предположить не мог, зачем бы разработчику в поисковой системе понадобилась квантовая механика, но интуиция подсказывала, что «чуть-чуть» Ворону будет

недостаточно.

– Теорию Эверетта-Дойча знаешь? – продолжал допрашивать тот.

– Слышал.

– Ну, хоть что-то. Транслируй тезисно.

– Кустовая структура многовариантной Вселенной. Бесконечное множество параллельных миров.

– То-то же, – сказал Ворон и вздохнул. – Покончим на этом с теорией. Захочешь, сам почитаешь. Теперь слушай: я буду сказку рассказывать.

И он на самом деле рассказал сказку.

– Жил-был один мальчик, – изрёк броненосец, – был он лайфхакер. Хороший. Очень хороший. Лучший в Росе. А ещё он был совсем безбашенный, но это к делу относится косвенно. Однажды к мальчику пришла женщина и расплакалась. У неё пропал сын, ровесник нашего мальчика – вышел из дому и не вернулся. Сын тоже был безбашенный, но если мальчик-лайфхакер учился в институте и при этом работал как три ломовые лошади, то мальчик пропавший день-деньской играл в компьютерные игры, забывая мыться и бриться. И вот однажды исчез. Искали его пожарные, искала милиция – не нашли. Мать мальчика совсем извелась, говорит – любые деньги заплачу, всё отдам, хоть мёртвого найди, чтоб похоронить по-божески.

«Поищу, – ответил ей мальчик-лайфхакер. – А там сами решите, сколько заплатить». Он всегда так говорил, в накладе не оставался.

И начал искать.

Как это делается – ты лучше меня знаешь. Только нашёл наш мальчик, что этого, пропавшего, в природе не существует. Нет его ни живого, ни мёртвого, и вообще не было никогда.

Как человек разумный, он сначала решил, что ошибся, и три раза перепроверил. Потом заподозрил, что тётка сумасшедшая, шизофреничка с выдуманным сыном. Но тётка принесла свидетельство о рождении, а кроме того, такую версию предельный поиск тоже должен был бы выдать чётко…

Короче, мальчик наш малость обалдел.

Но поскольку он был совсем безбашенный, то не отступился, а наоборот, загорелся. «Найду, – сказал, – найду способ найти!» Он влез в компьютер того парня. Это было просто, потому что все пароли стояли на автозаполнении. Мальчик прочитал его разговоры, залогинился во все его игры и социальные сети, проверил историю поиска и в закладках браузера нашёл сайт знакомств, на котором парень познакомился с девушкой.

Закладка стояла на её анкете. По словам матери, парень ушёл на свидание. Лайфхакер немедля проверил девушку, и обнаружил, что и её не существовало нигде и никогда.

– То есть толстый бородатый программист тоже ею не притворялся, – пояснил Ворон. – Её просто не было.

Алей озадаченно молчал. Всё услышанное он примерял на себя и свой опыт, и разгадки пока не видел.

– До сей поры, – продолжал Ворон, – мальчик начинал поисковые цепочки с матери парня. Но он уже убедился, что это не даёт результата – а вернее, дает крайне странный результат. Тогда он сосредоточился на несуществующей парочке – и цепочки у него не получилось вообще. Он рассказывал, что выглядело это так, будто вся Вселенная состояла из десятка-другого имён. Не из чего было плести. Мальчик изрядно испугался, но довёл дело до конца – соединил все сущности в этом обрывке бытия… связал нашу парочку, Ялик и некий документ в формате html.

Он нашёл этот документ в журнале браузера и увидел, что тот представляет собой поисковый спам: огромный файл со списком наиболее частотных запросов.

– Чёрт знает, зачем этот парень открыл спамный документ и зачем начал в него вчитываться… – Ворон облокотился о стол, уронил голову на ладонь и деловито спросил: – Ты положение о неразглашении подписывал?

– Подписывал.

– Не болтай.

– Понял.

Ворон заложил руки за шею и потянулся.

– Эх-ма, – медленно сказал он, вращая глазами. – Нда.

Алей заподозрил, что он сейчас снова впадёт в задумчивость, и поторопился:

– Ворон Вежин, что было дальше?

Тот усмехнулся.

– Долго ли, коротко, – с расстановкой сказал он, – но стартовав цепочку с этого документа, наш лайфхакер нашёл место, где парочка решила встретиться. Он отправился туда – я уже сказал, что он был совершенно безбашенный? – и запустил предельный поиск из этой точки в пространстве. И нашёл обоих.

– Обоих?

– Живых, здоровых и очень довольных друг другом. Парень был уверен, что не раз звонил домой, говорил, что с ним всё в порядке, он в гостях у подруги. Не знаю, что ему наплёл лайфхакер и как вывел обратно, но парень вернулся. Кончилось всё почти хорошо, если не считать убитого здоровья матери и

того, что девушку своей мечты тот парень больше никогда не видел.

Алей молчал, внимательно глядя на Ворона. В мозгу его стремительно обсчитывались данные и мало-помалу выстраивалась целостная картина.

– Ну? – усмехнулся Ворон. – Если умный, уже сам всё понял.

– Параллель, – медленно сказал Алей. – Он попал в другую параллель.

Дело было на третьем этаже, в мансарде, и потолок косо уходил кверху. Прорезанные в нём окна смотрели в небо. Из-за туч вышло солнце, уронило на пол ровные жёлтые прямоугольники света. По коридору прошли два админа из техподдержки с большими гроздьями бананов. Один нёс в зубах яблоко.

– Удивлён? – спросил Ворон после долгого молчания.

– Нет, – честно сказал Алей.

Ворон хохотнул.

– Ну ничего нового под Луной. Много пределов взломал, хакер? – поинтересовался он.

Алей скосил глаза на сторону и уклончиво ответил:

– Много.

– Оно и видно, – Ворон не стал настаивать на точном числе. – Сколько раз я эту сказку рассказываю, ни один лайфхакер даже бровью не повёл. Заскучать можно.

Алей улыбнулся.

Он догадывался, о чём речь, с той минуты, как услышал о теории Эверетта-Дойча, но одно дело квантовая механика, и совсем другое – обыденная работа поисковой системы… Что спорить, сказка броненосца поражала воображение.

…почему-то пришёл на ум виртуальный приятель с форума лайфхакеров, Джейк Семнадцатый. Джейк был мистик и плохой поэт; он любил красочно описывать ощущения, которые испытывал при взломе предела, и как-то выразился… «Точно, – вспомнил Алей, – это как до Господня потолка достать пальцем. Людей, которые тыкали пальцем в Господень потолок, мало чем можно удивить».

Ворон смотрел на него с непонятным удовольствием.

– Люблю я вашего брата, – сказал он, – если серьёзно. У другого бы в глазах помутилось, мозг завис, мир кувырком покатился, а этот ничего, улыбается сидит. В общем, так: есть некое множество параллельных Вселенных, в которых существует Солнечная система. В этом множестве есть подмножество, где завелось человечество, а в том – подмножество, отмеченное такой деталью, как интернет. И в огромном количестве вариантных

миров архитектура интернета одинакова. В нём есть сайты, файлы, айпишники, деревья имён… поисковые системы, само собой, есть. И поисковый спам тоже.

Алей невидящим взглядом уставился в потолок, задавая себе новые координаты.

– А документ со списком запросов содержал что-то вроде кодовой последовательности слов? – спросил он. – Вроде ключа?

– Не совсем так. Документ сам по себе выполнял функцию ключа, потому что был создан в другой параллели. А проблема, – и Ворон воздел палец к потолку, – заключается в том, что Ялик этот документ проиндексировал.

– То есть Ялик индексирует документы из параллельных миров? – зачем-то переспросил Алей.

– Хуже того, – уныло присовокупил Ворон Вежин. – В Ялик оттуда приходят запросы.

Свет лился сквозь узкие окна.

– Большую часть этих документов раньше индексировала Мириада, – скучным голосом говорил Ворон. – Потому что у неё вообще поисковая база больше. Теперь потихоньку банит. Хейхо находит их меньше и пока не трогает. Инфокот их тоже находит, но слишком мало, чтобы кто-то заметил… Так вот, про параллели. Никто не может этого доказать, но тут у нас считается, что количество контактных параллелей ограничено. Их три. Кроме нашей собственной. Остальные существуют, но не мешают.

Ворон умолк и пошевелил мышью на столе, чтобы разбудить компьютер.

– А мы, по сути, только с кириллическим сегментом сети дело имеем, – сказал он тише. – К буржуям еле-еле полезли… кто его знает, что там в базах у Мириады… тьма, топь, конь бледный не валялся… А теперь, – он обернулся к Алею, глаза его сверкнули: – говори, как решить проблему. Если умный, уже должен был придумать.

Алей поперхнулся.

Некоторое время он жалобно смотрел на ухмыляющегося Ворона, а потом несмело сказал:

– Отслеживать айпишники, которые активны явно в другой параллели? Но…

– Ну-ну, – Ворон побарабанил пальцами по колену. – Развивай мысль.

– Ворон Вежин, можно вопрос?

– Нужно.

– Что делают на полевых операциях?

– Вид.

Ответ оказался так скор, что Алею пришлось переспросить:

– Делают вид? Чего? Служба информационной безопасности…

– Нет, – Ворон поморщился. – Наша служба безопасности никаких операций не проводит. Не наше это дело. Мы коммерческая организация. Мы сообщаем куда надо, а потом консультируем при необходимости. Есть такая девочка, Иволга Полещук, она консультант.

– А куда надо сообщать? – со жгучим любопытством спросил Алей.

Ворон негромко засмеялся.

– Не скажу, – назидательно произнёс он и поднял палец, – потому что у тебя допуска нету. Ты на частичной занятости, студент. На полную перейдёшь, тогда и узнаешь. А теперь думай дальше.

Алей упёр палец в середину лба. Мысль тонула в обилии информации и избытке переменных. Пришло в голову, что можно стартовать цепочку и найти решение с помощью предельного поиска, но интуиция подсказывала, что имеющиеся данные позволяют обойтись без этого – достаточно простой логики.

– Лайфхакер из вашей сказки нашёл некую точку в пространстве, – сказал Алей. – Материальный тоннель. Из ваших слов я понял, что его можно блокировать. Этих тоннелей не может быть много. Соответственно, нужно найти в поисковой базе чужие документы, вычислить по ним местонахождение тоннелей и сообщить куда надо. Так?

– Юношеский максимализм, – сказал Ворон, усмехаясь.

Тут у него зазвонил внутренний телефон и одновременно – мобильник; некоторое время Ворон решал рабочие вопросы, а Алей сидел как на иголках, горячо надеясь, что броненосца не выдернут по срочной надобности прямо сейчас и он успеет закончить лекцию.

Повезло.

– Так вот, – назидательно сказал Ворон, повесив обе трубки, – инцидент с реальной точкой перехода был зафиксирован лишь единожды. Тысячи и тысячи несчастных случаев не вышли за пределы информационного пространства – но от этого не легче. Информационное пространство на порядки пластичней, чем материальное. Психика человеческая уязвима. Люди внушаемы. Юзер, не чуя подвоха, углубляется в изучение документов, созданных в другой параллели, и его нечувствительно затягивает туда. А поскольку природа человеческая не оптимизирована под такое расщепление, возникают разные формы психических

расстройств. Галлюцинации. Бред.

– Наша задача – отсеивать чужие документы?

– А что ж ещё-то? Мы – поисковая система.

Алей поразмыслил.

– Вы сказали, что в Ялик приходят чужие запросы. Они должны вытягивать чужие урлы в выдачу. Можно забанить всё, что есть по гиперссылкам.

– Уже забанили. Мало.

– А найти сочетания слов, которые можно рассматривать как маркеры чужого документа?

– Теплее, – Ворон вздохнул. – Есть такая девочка, Осень Кузнецова, она филолог по образованию и как раз этим занимается. Менеджер семантического фильтра. Кстати, если память мне не изменяет, она у тебя на собеседовании была.

Алей на мгновение прикрыл глаза и вспомнил. Допрашивали его на собеседовании Ворон и Экзе, но Осень тоже сидела в кабинете – молчаливая девушка с неподвижным взглядом дымчатых глаз, красивая и чуть-чуть зловещая.

– Ладно, – сказал Ворон. – Буду прям. Пока что борьба с чужими документами приравнена к борьбе со спамом, а стало быть – вечна, как смена времён года. Ты отчасти поступаешь под начало Осени. Она тебя посвятит в детали. Знаешь, что я думаю? – и Ворон уставился куда-то поверх алеевой головы. – Всё дело в Старице. Если бы кто-нибудь разобрался, как с нею управляться, все проблемы бы решились. Пока ни у кого не вышло… Попробуй, может, у тебя получится.

– Ворон Вежин, – озадаченно сказал Алей, – Старица – это что?

– Стоп, – встрепенулся тот. – Ты что, Старицу не видел?

– Нет.

– Приди завтра пораньше, – строго сказал Ворон, – Осень тебя туда сводит.

Джипег писал.

Клавиатура у него была своя, раскрашенная под Палех и с громким щелчком. Алей некоторое время пытался сконцентрироваться, потом безмолвно поморщился, коротко махнул рукой и вытащил из-за монитора тяжёлые наушники.

– Джипег, – окликнул он, – у меня сегодня в пять тридцать консультация в инсте, я пораньше уйду. Если что на сегодня срочное есть, скажи сейчас.

– Понял. Особо срочного вроде бы нету.

На самом деле Джипега звали Крыл, Крыл Енисеев, но в команде все, кроме Алея, носили клички по расширениям

файлов. Был Крыл толстый весёлый парень в смешных квадратных очках, математик, кандидат наук и молодой отец. Алею вспомнился первый день работы: ещё не до конца веря в свою удачу, он читал документацию и чувствовал себя слегка во хмелю от беспредельного моря новых знаний. Именно Крыл тогда расхохотался в ответ на один из наивных его вопросов и сказал: «Чувак, это Ялик! Здесь даже секретарши умеют делать предельный поиск, а эль-хакинг каждый второй опробовал». И он широко развёл руками, озирая этаж сквозь полупрозрачные стены перегородок… «Эль-хакинг», – повторил про себя Алей, тараща на него глаза: так говорили лет десять назад.

Джипег был эль-хакер.

Бывший, как и Алей; но из тех, кто хоть единожды плёл Великую сеть, никто ещё не сумел из неё уйти.

…В ячейку вплыло облако табачного запаха, следом появился Экзе. Малорослый, смуглый и жилистый шеф обликом своим навевал мысли о малых народах и далёких краях, но в действительности был обыкновенный Пищенко.

– Работаем? – осведомился он.

– Пашем, не разгибаясь, – бодро откликнулся Джипег.

«Эх!» – в который раз подумал Алей с весёлой досадой. Когда он знакомился с коллегами и Джипег представился как, собственно, Джипег, Алею пришло на ум назваться Экзе. Все рассмеялись, а шеф отрекомендовался в том смысле, что exe'шник здесь он. Так Алею и не удалось влиться в файловый коллектив…

– Да, кстати, – прозвучал над ухом мягкий женский голос; Алей вздрогнул от неожиданности, – мальчики, мне нужна одна фича.

– Осень! – с восторгом сказал Джипег и опять лихо крутнулся на кресле. – Ты уже на работе!

Алей улыбнулся: восторг Крыла относился совсем не к обычаю Осени приходить рано. Она была такая красивая, что смотреть больно. Джипег обожал свою жену, но Осенью невозможно было не любоваться. Сейчас она стояла рядом с Алеем – лёгкая, стройная, прямая как стрела, пушистые рыже-золотые волосы падали на плечи ровными волнами, едва уловимо веяло сладкими духами… Алей даже зажмурился от удовольствия.

– Уже, – ответила Осень Джипегу и спросила как ни в чём не бывало: – Алик, можешь взять задачу на себя?

– А что нужно?

– Возможность найти в нашей базе оценку или урл по отдельным параметрам или по совокупности.

– А поподробней?

Осень объяснила. Алей задумался, уперев указательный палец в середину лба.

– Давай-давай, – донёсся голос шефа. – Осень, принимаем. В список задач занеси сама, а?

– Когда будет готово? – немедля спросила та.

– Э-э… через неделю.

– Ясно, – ответила Осень, почему-то усмехнулась краем рта и ушла.

Алей проводил её взглядом.

Осень редко улыбалась, а говорила всегда негромко и очень ровно, правильно, как по-писаному. Порой он ловил себя на том, что она напоминает ему андроида или голограмму – безупречный искусственный интеллект, наделённый странными, нелюдскими чувствами.

Они встречались уже два месяца, но Алею всё равно казалось, что они едва знакомы. Он её не понимал.

«Девушки вообще загадочные создания», – сказал он себе и вздохнул. Тайны мыслей Осени не имели ничего общего с женской логикой, логика у неё была математическая. Осень много времени проводила возле Старицы… Это место накладывало на людей отпечаток – странный, неопределимый.

– Всем привет. Что у нас плохого? – это появился Тифф.

Алей точно проснулся. Тряхнул головой, разгоняя лишние мысли.

– Меня нету, – решительно сказал он, – ошибка четыреста четыре, – натянул наушники и углубился в изучение распечатки.

…В первый, учебный рейд его отвела Осень.

– Я зарезервировала переговорку на три часа, чтобы никто нас не беспокоил, – сказала она.

Переговорка – одна из маленьких комнат, выгороженных от пола до потолка, – называлась «Ян». Её стеклянные стены изнутри закрывали жалюзи. В соседней переговорке «Инь» жалюзи были подняты. Там уже совещались трое – мужчина в строгом костюме, парень в дредах и девушка в шипастом ошейнике, с волосами, выкрашенными в четыре цвета.

Осень опустила жалюзи.

Алей огляделся. Теперь они с Осенью оказались в закрытом помещении неправильной формы и совершенной белизны. Белизну нарушали только пара черных кресел, циферблат часов на стене и едва заметной отлив бутылочной зелени на боковой грани стеклянного стола.

– Сядь в кресло, ноут лучше положи на колени, – сказала Осень. – Как всякий кодер, ты умеешь концентрироваться на

мониторе и ничего не видеть вокруг. Но если прикасаться одновременно к множеству предметов, будет неудобно. Чем меньше предметов, тем проще. Вай-фай работает? Проверь.

Алей послушно проверил.

– Я буду называть поисковые запросы, – продолжала Осень. – Задавай их Ялику и открывай все документы с первой страницы выдачи. Читать их не надо, достаточно того, что мелькнет у тебя перед глазами. Если ты не поймешь, что я сказала, не переспрашивай, вбивай то, что услышал. Любую чушь. Вкладки не закрывай. Если с тобой начнёт происходить что-то странное, не сопротивляйся. Всё нормально, это стандартная ситуация.

Она помолчала, вздохнула.

– Если хочешь что-то спросить, спроси сейчас.

Алей подумал.

– А если Стай зависнет?

– Начнем сначала. Ещё вопросы?

Алей подумал ещё.

– А принципиально то, что мы используем браузер с открытым исходным кодом?

В отрешенном взгляде Осени мелькнуло подобие какого-то выражения.

– Ты первый человек, который об этом спросил. Я не знаю. Обычно ходят через Горностай. Никто не пробовал использовать для этого Эксплорер.

– Мой сенсей говорит, – Алей многозначительно поднял палец: – Используя для медитации продукты Майкрософт, ты рискуешь возродиться голодным духом.

Осень засмеялась.

– Разрядил атмосферу, называется, – сказала она. – А я так старалась тебя напугать. Ладно, это неважно. Настроение не важно. Это не медитация. При некоторой тренировке это получается в любом месте и любом настроении. Только пьяным не ходи, можно умом тронуться.

– Э-э… понял.

– Окей, – сказала Осень. – Начинаем, – и склонилась над ноутбуком.

Алей открыл главную страницу Ялика. Среди бесчисленных ссылок, в окружении рекламных баннеров плыла зелёная лодка, мягко покачиваясь на серой зыби. «Вода» за её бортом состояла из набранных мельчайшим шрифтом последних запросов. Запросы в «воду» падали автоматически, каждый был активной ссылкой на результаты поиска. Алей подумал, что это довольно опасно. Чужих запросов в базах Ялика один на миллион, но этот единственный может оказаться на главной странице портала.

– Готов?

– Так точно.

Осень помолчала и сказала:

– Порно попки.

Губы Алея изогнулись в смущённой ухмылке. В порнозапросе как таковом не было ничего особенного, но он всё равно почувствовал себя неловко. Осень оставалась бесстрастной. Алей наморщил лоб и торопливо вбил запрос в строку поиска. Открыл десять окон, искоса поглядывая на страницы, желтовато-розовые от избытка обнажённых тел.

– Купить машину.

Ещё десять окон, скупых на цвет – крупнейшие автопорталы.

– Как я знаю эти несытые.

Алей вопросительно вскинул глаза. Осень молчала. Запрос состоял из цитаты-обрывка. Десять окон открылись с одним и тем же стихотворением.

– Реферат гражданское право. Гороскоп Овен. Бесплатный антивирус скачать.

Окна множились, но ничего не происходило. «Интересно, сколько времени это будет продолжаться, – думал Алей. – Осень сказала, что выделила три часа… Да уж, придётся запастись терпением». Отвлёкшись, он не расслышал её последние слова, уловив лишь обрывок «…монооксидаза», сделал опечатку, поторопившись, и в выдаче оказалось всего две строки.

– Фото инопланетян. Скачать новые песни. Курсы испанского. Куда пойти с ребёнком в Листве.

Голос Осени звучал как колыбельный напев: мягко и монотонно. У Алея начали слипаться веки. Он неплохо выспался, но время всё равно было чересчур раннее… Окна Горностая сливались в группы на нижней панели, назойливо выскакивали рекламные поп-апы – подарочки с десяти порносайтов. На каком-то из архивов софта замигала иконка антивируса.

– Солнце гудит, – сказала Осень.

Мурашки скатились по спине. Следом с запозданием хлынул горячечный азарт. «Началось! – напрягся Алей. – Наконец-то!..»

Но дальше дело пошло скучней и скучней.

– Пневматика, – ровно говорила Осень. – Взять автокредит. Фитнесс-клубы в Листве скидки, – ничего странного и редкого, обычные более или менее частотные запросы.

Сон подступил с новой гнетущей силой. Голова необоримо клонилась к ноутбуку, мерно шумевшему на коленях.

– Знакомства для секса. Сервера Линейки. Няня на полный день в Зеленограде. Туры в Турцию. Аниме магазин. Вызов такси. Мягкая мебель купить с доставкой.

Под веки будто песка насыпали. Алей закрыл глаза.

…и открыл.

Осень улыбалась.

Первое, что он заметил в этом странном, новом, немыслимом месте – Осень улыбалась, лицо её стало ясным и открытым, точно она сняла сотканную из тумана невидимую вуаль, отгораживавшую её от мира. Отовсюду лился свет. Золотые локоны Осени распушились и словно мерцали. Она стояла, по колено утонув в высокой траве, и смотрела на Алея как опытная, насмешливая наставница.

Зеленым-зелено пламенел лес, пел под ветром, сплетался ветвями. На улице за стенами офиса стояла ранняя весна, промозглая и сырая, – а здесь было лето, начало лета, цветение молодого времени.

Тихо дышали деревья. Паук плёл сеть под веткой орешника. Алей осторожно коснулся толстого поваленного ствола, на котором сидел, – на пальцах осталась коричневая труха. Он поднял глаза: небо над высокими кронами затягивала пелена облаков, но солнце за ними стояло в зените, и лучи его достигали земли лишь чуть рассеянными, приглушёнными, ласковыми.

Алей медленно сложил ноутбук, краем глаза заметив, что Осень держит свой под мышкой.

– Это Старица? – шёпотом спросил он.

– Нет, – легко ответила Осень. – До Старицы ещё идти. Пойдём?

Он встал с дерева – и замер, запрокинув голову.

– Ещё секундочку, – тихо попросил он.

– Сколько угодно. Здесь время своё, отдельное.

Алей прикрыл глаза и смотрел сквозь ресницы. Воздух был так чист, что каждый глоток ударял в голову. Чуть в стороне лиственный лес сменялся сосновым. Смолистые стволы уходили к небу, как колонны из меди. Сочная трава, густая и яркая, пружинила под ногами. За поваленным деревом стлался пушистый ковёр хвощей, а дальше начинался малинник.

«Нереальный мир», – тихо текли мысли. Всё здесь было так светло и чисто, словно… «Словно в начале творения», – мелькнула чужая неновая фраза, и Алей подумал, что если Творение было, здесь навсегда осталась та, самая ранняя его пора.

Он шагнул к Осени и неуверенно спросил:

– А где Старица?

Осень кивнула в сторону соснового леса.

– Тут недалеко.

Они не торопясь пошли. Ноги утопали в мягкой земле. Под соснами было суше, идти стало легче. Где-то куковала кукушка.

– Что это? – спросил Алей, зная, что не услышит ответа.

– Роща возле Старицы. Не знаю. Никто не знает, – Осень помолчала. – Я думаю, что это семантическое пространство. Мир чистых смыслов, первообразов вещей. Но тут почему-то только лес и река.

Пахнуло водой. Теперь они шли вниз по склону, и впереди между стволами засветилось пустое пространство.

– Если строить цепочку отсюда, можно найти всё, что угодно, – говорила Осень. – Верный ответ на любой вопрос. Я сюда прихожу, чтобы искать чужие запросы в базах. Ещё сюда ходят, когда обдумывают проекты или ищут решения. Но мне кажется, это всё равно что забивать гвозди микроскопом. Мизерная доля возможностей. Если понять, что это такое и как этим пользоваться… я не знаю, что будет. Всё будет. Мы пришли.

Склон обрывался вниз – почти отвесно. Корни деревьев плескались в речной воде. Река оказалась неширокой, метров пять от силы, но, судя по оттенку воды, тут было глубоко. «Наверно, омуты», – подумал Алей. На дальнем берегу стеной стоял лес.

Осень пошла вдоль обрыва, поманила Алея за собой. Они миновали заросли орешника, и берег вновь стал пологим.

В этих местах бывали люди. На узкой полоске песка лежали, как скамейки, сухие ошкуренные брёвна, а в воде у берега, привязанная к колышку, ждала зелёная лодка.

Осень села на бревно и озорно улыбнулась.

– Знакомься, – сказал она, – это Ялик.

– Что?

– Ялик, – она засмеялась. – Это действительно Ялик, он существует здесь в такой форме.

– Вот это да! – Алей подошёл к лодке и потрогал тёплый, точно живой, борт. – Похож на лодку секретариата. Как так получилось? Кто придумал символ, технический директор? Он тут был?

– Сколько вопросов. Да, директора тут были. Тут много кто был. Алик, не трогай воду!

– Что?

Осень смотрела серьёзно.

– Не прикасайся к воде Старицы, – сказала она. – Это опасно. Я толком не знаю, чем, но лучше этого не делать.

Алей отступил. Перебрался поближе к Осени и уселся на бревно по соседству. За спиной клонились побеги малины. Он нашёл веточку с четырьмя спелыми ягодами, сорвал и протянул Осени. Кажется, была не пора для малины… или пора?

Непонятное стояло время.

– Спасибо, – сказала Осень, возвращая ему пару ягод, и продолжила: – На самом деле тут довольно мало места. Три-четыре квадратных километра. Пространство закольцовано, если будешь долго идти, вернёшься туда, откуда вышел. Пробовали плыть по реке, это можно сделать в Ялике. Получается то же самое. Но известно, что это не русло реки, а только старица.

– Делали предельный поиск?

– Да. Результатов немного, но они есть. Каким-то образом отсюда можно выйти в реку имён. Но ни у кого ещё не получилось.

– Река имён?

– Да. Не спрашивай у меня, что это такое.

– Я не спрашиваю…

Некоторое время они сидели тихо, глядя, как колышется зыбь. Солнце не проглядывало в облаках, и река казалась тёмной, мрачной. В чистой воде можно было различить, как тянутся по течению бурые плети водорослей. У дна наверняка ждала топкая тина.

– А ещё я думаю, что это интерфейс, – внезапно сказала Осень. – Только нам в нём доступна от силы пара опций, потому что мы попали сюда не естественным путём, а с помощью чит-кода. То же самое делаешь ты, когда насильно выдёргиваешь человека в состояние полной самореализации.

– Я этим больше не занимаюсь, – сказал Алей.

– А почему? Если не секрет, – Осень обернулась к нему.

Алей помолчал.

– Потому что, как ты сказала, это чит-код, – ответил он. – А мы в этой игре не разработчики. Мы не знаем закономерностей. У лайфхакеров есть суеверия… и неплохо развита интуиция. Взламывать предел приятно. Это всегда красивая задача, которую приятно решать. Приятно, что человек до безумия счастлив благодаря тебе. Но чем дальше, тем меньше мне нравилось то, что я делаю.

Осень ничего не ответила, и он спросил:

– Осень, а почему Старица подпадает под договор о неразглашении? – и неуверенно улыбнулся: – Это коммерческая тайна?

– Это не коммерческая тайна, – сказала Осень. – Это просто тайна.

Алей взял сухой прутик и стал рисовать на песке. Он ни о чём не думал. Рука сама собой вывела дом, дерево, реку с лодкой.

– Я теперь, выходит, посвящён в тайну.

– Выходит, так.

– А как она появилась? Или ты тоже не знаешь?

– Почему? Знаю, – Осень вытянула ноги в тонких джинсах. – Старицу нашли случайно. Человек просто работал, проверял качество поиска после смены алгоритма и попал сюда.

– Нашёл уязвимость системы?

– Можно и так сказать. Для этой системы предусмотрена уязвимость. Так же, как для человека – возможность сломать Предел. – Осень сплела пальцы в замок. – Доступ к Старице включён по умолчанию, это одна из основных бонусных опций бытия. Но попадать сюда положено не с помощью простого перебора смыслов, а как-то иначе… И на нас вышли.

– Кто?

– Те, кто администрирует этот сервер.

Алей усмехнулся.

– У меня нет допуска к информации?

– Верно, – без улыбки сказала Осень и добавила: – Я подозреваю, что они подкинули нам код нарочно. Потом они пришли и договорились… В общем, возможность пользоваться Старицей для рабочих надобностей – это своего рода поощрение, которое мы получаем за то, что выделяем ресурсы на борьбу с чужими документами. У Ялика огромная посещаемость, так что это важно. Диффузия параллельных миров в интернете – это проблема и для них тоже.

– Это вселенских админов Иволга консультирует на полевых операциях? – поинтересовался Алей.

– Да. – Осень опустила ресницы и негромко сказала: – На всякий случай… Алей, в случае утечки информации доступ по этому паролю закроют, а с тобой может случиться что-то плохое.

Алей замахал руками.

– Осень! Понимаю, не маленький!

Осень поглядела на него, улыбнулась и вдруг сказала совсем другим голосом, легко и по-женски лукаво:

– Уменьшительное от моего имени будет Сеня. Потому что Ося мне не нравится. А «Ось» – это вообще ужасно.

Скользя взглядом по спискам поисковых запросов, Алей думал об Осени. Она обещала прийти вечером. Поляна сварила борщ и пожарила мясо, сам он пропылесосил ковёр, подмёл в коридоре и принёс апельсинов…

…Апельсины. Собака. Лёнька.

Иня.

Сердце ёкнуло снова.

Алей болезненно зажмурился. Он полночи думал о выходке

отчима и об Инее. Никакого толку от этого не было, кроме бессонницы, но даже на время не удавалось выбросить из головы тяжёлые мысли. Алей чувствовал вину – за то, что уговорил мать выйти замуж, за то, что редко навещал её в новом доме, что не разговорил молчуна Иню, не понял сразу, что за человек Шишов… «Понедельник – поздно, – в который раз подумал он, – надо прийти завтра и разобраться с Шишовым», – и в который раз вспомнил: прежде чем выяснять с отчимом отношения, нужно поговорить с матерью. Она придумала себе христианское смирение, вольно ли, вынужденно ли – чтобы выучиться жить с самовлюблённым хамом… теперь «смирялась»: терпела и всячески выгораживала мужа.

Алей стиснул зубы. Чем больше он старался успокоиться, тем сильнее нервничал. Нужно было сохранять присутствие духа. Иначе он просто рисковал всё испортить своим вмешательством. Если Шишов взбесится… С него потом станется сорвать злость на матери и Инее, безответных. Значит, нужно придумать, как решить дело миром… От нервного напряжения Алея всегда начинала бить дрожь, а Шишов и без того был втрое его тяжелее и вдвое шире в плечах.

Никогда Алею не было так мерзко от сознания, что он не может дать в морду.

Он медленно положил на стол листы распечатки и вдруг понял, что толком не прочитал последние три: автоматически скользил глазами по коротким строчкам, но мысль витала где-то далеко. Если в списках и были семантические ловушки, он их пропустил.

Он вздохнул и принялся перечитывать страницы.

Среди бесчисленного поискового спама эти страницы выделила текущая версия семантического фильтра. Написали версию недавно, толком ещё не настроили, и оставалась довольно высокая вероятность того, что распечатка в руках Алея совершенно безобидна. Тем важнее было в этом удостовериться.

Интереснее, конечно, было бы проверять осмысленные документы. Но этим занимался другой аналитик из проекта Осени – Светел Тишин, лингвист и историк, удивительный дедушка с бородкой клинышком и в пенсне. Интеллигент старой школы, он точно сам вынырнул из иного мира и времени. Только лайфхакером он не был и, вылавливая тончайшие культурные несоответствия, не способен был увидеть простейшую семантическую ловушку…

Осень по секрету рассказала Алею, что материальный тоннель появлялся дважды, просто Ворон Вежин не знал про второй раз. Стародубцев лично спасал дедушку, угодившего в

место совершенно неописуемое, но, по его словам, очень уютное. «Его там чаем угостили», – сказала Осень и в глазах её замерцали весёлые искорки. Алей поинтересовался, почему происшествие утаили от броненосца, и с него тоже взяли на всякий случай клятву молчания: Светел Тишин приходился Ворону тестем и очень боялся, что дочь начнёт волноваться и стыдить его за рассеянность.

Гипотетически чужой спам, гипотетически полный ловушек, оставался Алею.

Он ещё раз просмотрел три последние страницы и с чистой совестью положил их в стопку «свои».

Стопки «чужие» на столе так и не появилось.

Опасные файлы теоретически могли создать и местные спамеры. Неделю назад Алей обнаружил семантическую ловушку в стопроцентно здешнем документе. Природа ловушек, насколько он понял из объяснений Осени, заключалась в рассечении семантической сети. Кодовая цепочка, уводившая на берега Старицы, инициировала два нарушения структуры: подготовительное полурассечение на строчке из стихотворения Ахматовой и полное рассечение на словах «солнце гудит». Полюбопытствовав, Алей залез в энциклопедию и нашёл, что Осень употребляет понятие «семантическая сеть» не в прямом значении.

– Да, – сказала та. – На то есть причины. Можешь пользоваться понятием «ассоциативная атмосфера», если больше нравится. Когда у тебя будет полный допуск, я расскажу про якоря.

– Якоря, – повторил Алей с улыбкой. – У вселенских админов есть якоря? Они плавают по реке имён? Мне становится страшно при мысли, на что похожи их сервера… и какие оси на них стоят. А вселенские коты бывают?

Осень улыбнулась и отпила кофе.

В тот вечер они сидели у окна в маленькой кофейне. Высокие окна в узорных переплётах выходили в сад; тени сгущались, на столе тепло светилась жёлтая лампа.

– Ты настолько далёк от истины и настолько к ней близок, что голова кругом, – сказала она. – Давай пока оставим эту тему.

– Ну хорошо, – упорствовал Алей. – А про параллели можешь рассказать? Какие они? Что там?

– Ты бука, – сказала Осень. – Ладно, любопытный. Один из запросов по другой параллели был «купить таджика».

Алей поперхнулся.

– То есть как – купить?

– В прямом смысле. Две чужих доски объявлений вытянул в

выдачу.

– То есть, – всё не мог осознать Алей, – в одной из параллелей… в одной из реальностей, где существует интернет, есть… крепостное право?

Осень пожала плечами.

– Вот тебе другой запрос: «сословный состав студентов вузов 2008-2009 год». Сословия тоже есть.

– Но вуз – это же советский неологизм… кажется.

– Я в той параллели лично не была, – сказала Осень, – Думаю, это не наше дело – как они там устроились. Кстати, в одной из параллелей, в той же самой или другой, я не знаю… там вместо матичек у людей – отчества.

– Отчества?

– По отцу именуются. Вот твоих родителей как зовут?

– Ясень и Весела.

– Значит, был бы ты там не Алей Веселин, а Алей Ясеневич.

– Ясеневич? – переспросил Алей, улыбаясь. – Забавно.

– Таким образом, запросы типа «Семён Петрович Кошкин» отсекать легче всего – в нашем мире не может быть такого человека… Чаще всего лихорадит домен .su, сам понимаешь, почему. Но та параллель достаточно хорошо изучена, тамошние документы у нас уже почти не попадаются.

– Там не распался Союз?

– Да. Можешь представить, что было с людьми, чьё сознание затягивало туда.

– Галлюцинации?

– Или просто ощущение острейшего разлада с действительностью, – и она нахмурила золотую бровь: – Я чувствую разлад с действительностью. Кажется, мы всё ещё на работе. Алик, скажи что-нибудь романтичное.

…«И что она во мне нашла?» – подумал Алей, возвращаясь к распечатке. Осенью нельзя было не восхищаться, но сам он никак не решился бы заводить с ней роман. Она казалась слишком отстранённой и спокойной, слишком разумной и идеальной; разве у управляющей программы могут быть простые человеческие чувства?

Получилось так, что это она его выбрала. Взяла дело в свои руки. Как-то после работы Алей с Осенью вместе шли к метро, обсуждая настройки фильтра, разновидности ловушек и прочие столь же неромантичные вещи, а когда настало время прощаться, она вдруг улыбнулась – так, как улыбалась на берегу Старицы – и пригласила его в кино в воскресенье. Алей растерялся и согласился, Осень кивнула и исчезла в дверях метропоезда…

И роман у них выходил странный, не такой, какие бывали у

Алея прежде. Ему нравились девушки, похожие на Поляну – милые простые болтушки, уютные и понятные. С ними было легко. С Осенью было по-иному. Она не жеманилась, не имела вкуса к капризам, недомолвкам и беспричинным обидам, но зато с нею не получалось и расслабиться, поболтав о пустяках. Она заставляла держать разум в тонусе: не тёплая кошечка, а фиал с таинственной мудростью.

Алей не мог понять, что он чувствует к ней. Порой он предполагал, что очарование Старицы и восторг, который он испытал во время первого рейда, неразрывно связались в его сознании с образом Осени, и влюблён он на самом деле не в девушку, а в загадочные интерфейсы вселенских админов. Но не с интерфейсами и не с семантическими же пространствами он разговаривал часами по телефону, ICQ и просто с глазу на глаз, не идеальными прообразами вещей любовался. Не стоило сбрасывать со счетов и то, что Осень была упоительной любовницей – несмотря на то (а может, благодаря тому), что Алея не покидало чувство, будто он занимается любовью с ИскИном.

Она обещала прийти этим вечером.

Алей улыбнулся, и мысли его потекли в ином направлении.

Осень говорила, что находясь возле Старицы, можно найти ответ на любой вопрос. Ворон Вежин сказал, что никому ещё не удалось разобраться в устройстве самой Старицы, найти все функции её интерфейса. Почему? Известно, что из старицы нельзя выйти в реку – доступ заблокирован. Но закрыта ли возможность найти пароль? «Что сказал броненосец? – припоминал Алей. – Что это может у кого-то получиться… значит, это не запрещено».

Потом его осенило.

Он вспомнил, что – теоретически – к Старице может попасть любой человек. «Стало быть, – подумал Алей, чувствуя, как проносится от уха к уху жгучая искра, знак верной догадки, – стало быть, админы Старицы не блокировали доступ: они доступ открывали. Это демо-версия, она даёт крайне ограниченные возможности. Если попасть к Старице естественным путём… но как попасть к Старице естественным путём?!»

Этот вопрос уж точно задавал себе не только он. Алей предполагал, что немало умов и немало лет было посвящено решению проблемы. Наверняка перебраны уже все очевидные варианты. Ещё никто не ступал на берег Старицы без использования дарёной уловки…

Осень сравнивала кодовую цепочку с цепочкой взлома Предела. Откровенно говоря, Алей не считал, что сравнение справедливо. Пусть до Пределов способен добраться далеко не каждый, пусть лайфхакеров считанные единицы, но рядом с

тайнами Старицы эти задачи кажутся мелкими, слишком простыми… Вспомнился парень-поисковик из сказки Ворона Вежина: сорвиголова, ринувшийся в другую параллель за ответом на мучивший его вопрос. Алей не был настолько рисковым, но хорошо понимал чувства безымянного коллеги. Немыслимой сложности задача будоражила ум и бросала вызов, который невозможно было не принять.

Самым поразительным во всем этом оказывалась структура параллелей, которая на деле не имела ничего общего с теорией Эверетта-Дойча. Алей пришёл к выводу, что Ворон Вежин поминал физиков исключительно солидности ради и ещё затем, чтобы подготовить почву. Слушая Ворона, Алей предположил, что раз Ялику десять лет, то и точки расхождения контактных вселенных не могут быть старше.

Но отчества вместо матичек! Невозможно было представить, насколько давно разошлись параллели, – и в то же время там, в этом неимоверно далёком мире, некоторые районы Листвы носили привычные имена. Тёплый стан, Воробьёвы горы, Охотный ряд… сама Листва называлась иначе, но всё это в любом случае представлялось крайне нелогичным.

…Алей положил на стол последний лист из оставленной Вороном распечатки. Ни одной ловушки при простом чтении он не нашёл. Фильтр дал ложную тревогу? Это вполне вероятно. Всё просто…

Что-то не позволяло счесть задачу решённой.

Кончики пальцев будто залили свинцом. Бумага в них стала шершавой, как наждак. Тяжёлые наушники сдавливали виски. Алей снял их, и в уши ворвался ровный гул рабочего пространства. Джипег закончил печатать, теперь только кликал мышкой.

Алей в задумчивости сложил ладони у губ.

Перечитывать списки ещё раз было нерационально: на сегодня имелись и другие задачи, а времени оставалось всё меньше.

Значит, предельный поиск.

…Ловушка. Опасность.

Опасный контент в интернете. Зловредные файлы.

Вирус.

Вирусный маркетинг. Вирус как микроорганизм. Риск заражения.

Товарно-денежные отношения. Вирусная инфекция.

Поток расщепился. Алей крепко зажмурился: удерживать одновременно два русла ассоциативного потока было тяжеленько.

Игра на бирже. Женщина – опасная игрушка.

Курс валют. Кожвендиспансер.

Доллар. Шлюхи.

На этом цепочка внезапно закончилась. Алей изумился: несмотря на абсурдность итога, интуиция уверяла, что это и есть ответ.

Валютные проститутки? Чушь какая-то… Первым же запросом в списках честно значилось: «курс доллара» – и ничего криминального в нём не было.

Он устало перевернул страницу и наткнулся на шлюх: порнозапросы шли сплошным потоком.

Лучшие сиськи

Негры пялят

Проститутки Листвы фото отзывы

Мальчик нежно целует азиатку

Суку выпороли ремнём

Доллар умер

Девочку заставили

Порноролики

И Алей взялся за голову: задумавшись о высоком, он умудрился пропустить классическое рассечение сети.

Вздохнув, он обвёл непотребную ловушку маркером, с долей раздражения отложил лист и мгновенно забыл о нём, углубившись в базу задач.

Пригревало.

Солнце клонилось к вечеру, над тропками и цветочными клумбами тёк алый свет. Институтские корпуса отбрасывали глубокие холодные тени. Пыльные с зимы стёкла, на первом этаже забранные гнутыми решётками, снаружи казались непрозрачными; с решёток облезала голубая краска. Под выщербленными ступенями крыльца сохла лужа.

Алей перепрыгнул лужу с предпоследней ступеньки и направился к дальней скамье, белевшей под елями.

Там пили пиво.

Завидев сокурсника, Сон помахал рукой. Ветер и Волк что-то слушали, поделив наушники, качали головами в такт и как будто ничего вокруг себя не видели. От киоска неторопливо шли к скамейке Зелень и Юла с мороженым в ярких обёртках.

– Ты чего так долго? – поинтересовался Сон и смахнул с белых досок мелкий мусор, жестом предлагая садиться.

– А! – махнул рукой Алей, принимая из его рук бутылку, купленную за компанию. – Оленев в коридоре поймал.

– Чего ему надо было?

– Интересовался, куда я после диплома пойду.

Сон поднял бровь.

– А ему-то что?

Алей засмеялся.

– Он всё уговаривает в науку идти, диссертацию писать. По-моему, его совсем склероз одолел, он мне третий раз одно и то же талдычит и каждый раз думает, что первый.

– Старость не радость, – печально сказал Сон и сделал подобающее лицо.

– Это конечно…

Юла поставила ножку в узкой туфле на скамейку рядом с алеевым бедром, осторожно провела ладонью по широкому верху спинки, уселась. Подол короткой юбки оказался вровень с глазами Алея. Тот запрокинул голову, ища взглядом лицо девушки: Юла кокетливо улыбнулась.

– Алик, хочешь мороженку?

– Да я тут с пивом, – Алей зачем-то продемонстрировал бутылку.

Тихая дурнушка Зелень переминалась с ноги на ногу, не зная, куда себя деть; мороженое капало с её рук на асфальт. Зеленоватые глаза под тяжёлыми сросшимися бровями поблёскивали испуганно и влюблённо.

Сон рядом подавил вздох и полез за сигаретами. Сокурсницы, конечно, считались за сестёр, а Зелень так вообще была никудышная… Сон никак не мог найти себе девушку. Однажды в сердцах он сказал Алею: «Ты, гад, как котёнок. Хлипкий – в чем душа держится. А девки стонут от умиления. С тобой куда ни придёшь, они все на тебе виснут. Слушай, за тебя девки никогда не дрались?» Алей хотел было отмахнуться, но вспомнил Поляну, засмеялся и ответил, что если бы Сона девушки защищали от хулиганов, ему, Сону, это бы вряд ли понравилось. Сон мрачно засопел. Здоровый, накачанный, с квадратным подбородком, он был как раз из тех, кто способен защитить девушку от хулиганов. Только случая всё не выпадало.

Зелень судорожно вздохнула и что-то невнятно сказала себе под нос. Алей вопросительно поднял взгляд. Зелень замялась, уронила половину эскимо и покраснела.

– А ты не хочешь диссертацию писать? – выдавила она, наконец.

– Я ещё не знаю, – Алей откинулся на спинку скамейки; Юла с интересом смотрела на него сверху. – В следующем году решу. Я работать хочу по-человечески, деньги нужны. Если получится совмещать, если тему интересную найду… в общем, не исключено, но желанием не горю. Оленев меня армией пугал.

– А ты? – спросила Юла.

– А я бы в армию пошёл, да меня не берут.

– Это за что же? – осведомился Сон и с долей мстительности прибавил: – Белобилетник?

– Дистрофик, – Алей развёл руками.

– Это да, – согласился Сон, – это невооружённым глазом видно. А чего так? Воздухом питаешься?

– Конституция такая.

– В качалку пойти можно.

– Собираюсь.

Сон умолк и выпустил дым через ноздри. Несколько минут он смотрел, как Юла лижет мороженое, так и этак складывая длинные ноги и невинно щебеча что-то о зачётах, как Зелень таращится на Обережа коровьими глазами… Сон страдал. Он ничего не имел против самого Алея, тот был славный парень, только завидовать ему было противно, и хотелось, чтобы девичий любимчик уже куда-нибудь провалился.

– Ладно, – сказал Алей, – пойду я.

– Да посиди еще, – противореча самому себе, сказал Сон.

– Нет, никак. Тороплюсь, – Обережь поднялся и с улыбкой развёл руками: – Ко мне девушка в гости прийти должна, а у меня срач до потолка.

Юла выпрямила спину и поджала губы. Зелень помертвела.

– А-а, – сказал Сон, не глядя, – ну это дело хорошее. Счастливо там.

«Надо отпуск попросить на время экзаменов, – думал Алей, шагая к метро, – а то никаких нервов не хватит. Так, две курсовые сделаны, ещё две осталось… в воскресенье одну добью».

Потом он подумал, что фильтр надо перенастроить – он работает почти вхолостую. В распечатке на сорок листов отыскалась одна-единственная несчастная ловушка, а кроме того, Алей готов был поклясться, что файл создан здесь, а не в какой-то другой параллели.

Сама по себе ловушка не представляла опасности, тем более – затерянная в глубинах спамерских файлов, участь которых в любом случае была незавидна: их выкидывали из индекса. Даже оказавшись в осмысленном документе, ловушка не могла натворить особых бед.

Она всего лишь увеличивала риск.

«Язык, – цитировала Осень кого-то из маститых гуманитариев, – инсталлирует в мозг образ мироздания… Мы мыслим стереотипами, устойчивыми образами, заученными фразами. Это нормально. Наш мозг не способен постоянно обсчитывать всю информацию, поступающую с рецепторов. Невозможно каждую секунду воспринимать реальность как

совершенно новую. Стереотипы – это конспект мира, разметка, которая помогает в нём ориентироваться. Частотные запросы к поисковым системам – квинтэссенция такого конспективного мышления. Они создают образ абсолютно понятной материальной вселенной. А семантическая ловушка разрушает гладкое, простое течение слов. Помимо сознания она вкрадывается в память как вирус и открывает доступы, которые по умолчанию закрыты».

Чем больше ловушек застревало в памяти юзера, тем выше были его шансы заметить отличие чужого документа от здешнего и вдуматься в эту чуждость – или даже увидеть в знакомом переулке материальный тоннель. Разрушительные последствия для психики в том и другом случае были почти равны.

Светел Тишин предполагал, что так можно не только калечить, но и лечить – хотя бы исправлять последствия. Только проверять эту гипотезу было слишком опасно, да и некому.

Алей надел наушники и спустился в метро, оставив все мысли на поверхности.

Против обыкновения, баба Медя не сидела на любимой скамейке; Алей даже удивился, а потом услышал её громкий голос и приметил, как она вдали за гаражами гуляет с внучкой.

Вечер выдался светлый, безмятежный и будто бы сладкий, как карамель. Меж тихих деревьев плыли солнечные лучи. У дверей подъезда лежала белая кошка и внимательно смотрела прозрачными ледяными глазами. Кошка была незнакомая и очень строгая с виду, Алей не рискнул с нею фамильярничать.

За дверями распахнулась темнота, почти непроглядная для привыкших к солнцу глаз. На одном дыхании взбежав на этаж, Алей едва не налетел на брата.

Иней сидел на полу у дверей квартиры, руками и ногами обняв школьный рюкзак. Он не повернул головы – так и смотрел в стену, безразлично и внимательно, как белая кошка.

«Вот те раз», – озадаченно подумал Алей. Он обрадовался, что Иней не остался сидеть взаперти в квартире Шишова: то, что мальчишка сам пришёл поговорить – хороший знак. Но сегодня он ждал Осень… Иней про неё ещё ничего не знал. Неудачные получались обстоятельства для знакомства, совсем неудачные. Хуже не придумать, чем просить девушку уйти. «Осень-то поймёт, – подумал Алей. – Но Иня… он же ко мне с горем своим пришёл, расстроенный весь, а тут чужой человек, да ещё и девушка. Он застесняется…»

Стесняться было чего даже на взрослый алеев взгляд. Неведомо, что взбрело в голову Шишову, где он нашёл такого

косорукого цирюльника, но мальчишку не просто побрили как новобранца, а оставили, точно в издевательство, гнусную жидкую чёлочку. «Не замечу», – решил Алей.

Он покусал губу – и улыбнулся.

– Толстый! – весело сказал он. – Ты чего тут делаешь?

Иней перевёл на него взгляд.

Не был он толстым, даже пухленьким не был, но по сравнению с худым как кость старшим братом казался приземистым и коренастым. Алей в шутку обзывался Толстым, когда хотел немножко его растормошить. Иней мог так замечтаться, что ничего вокруг не видел и не слышал…

– Я со дня здоровья ушёл, – медленно ответил брат.

В раскосых глазах Инея точно тьма стояла. У Алея морозец подрал по коже.

– Ты хоть обедал? – спросил он как мог беспечно.

– Неа.

– Ну чего сидишь? – Алей отпирал дверь. – Пойдём лопать.

Иней помедлил, потом всё же встал и шагнул за Алеем. Он тащил рюкзак за лямку, и рюкзак бил по ногам. Иней будто не замечал этого.

– Разувайся, руки мой, – бодро велел Алей и шмыгнул в комнату.

С трудом попадая пальцами по кнопкам мобильника, он вызвал номер Осени. Та наверняка уже вышла из метро. Алей сознавал, что это непростительное хамство – вот так сейчас просить её «не приезжай», но приходилось выбирать меньшее из зол. Иней был не в порядке. Совсем не в порядке.

В ванной шумела вода.

«Осень поймёт», – мысленно повторил Алей, беспокойно барабаня пальцами по подоконнику. Какое счастье, что ИскИны не умеют обижаться…

«Аппарат абонента выключен или временно недоступен».

Алей тихо выругался.

«Она ещё в метро, – нервно сказал он себе. – Надо не забыть позвонить минут через пять», – и пошёл на кухню. По пути он случайно скользнул взглядом по зеркальной дверце шкафа и даже остановился: из зеркала смотрел мрачный, бледный как вампир тип с чернотой под глазами и кривой улыбкой. «Тьфу ты, горе луковое, – тоскливо подумал Алей. – Иньку надо успокоить, развеселить надо, а тут утешитель с такой мордой… как из гроба встал».

Пальцы уже дрожали. Это был плохой знак. Алей стиснул зубы и беззвучно застонал от безысходности. Что лучше сказать? Как поступить? Ещё и Осень вне связи. Он растерялся. Ещё

немного, и он от волнения совсем перестанет соображать. «Да меня самого успокаивать впору, – Алей разозлился. – Тоже мне…»

Сердце неприятно колотилось. Чаще и чаще.

Шаркая, прошёл по коридору Иней – из ванной на кухню. Сел на стул.

«Стартовать цепочку, – подумал Алей, цепляясь за эту идею как утопающий за соломинку. – И… найти нужные слова. Только я же не знаю, сколько времени это займёт. Рехнуться можно… никто, наверно, не использовал предельный поиск для такого».

Не было времени.

Стараясь не смотреть на Инея, Алей направился мимо него к холодильнику. Открыл дверцу и застыл, уставившись внутрь. «Сейчас, – думал он, – сейчас сообразим…»

– Аля? – тихонько сказали рядом.

Алей выпрямился. Попытался улыбнуться: нервно дрогнули углы губ, но получилось. Совладав с собой, он с облегчением заметил, что выражение лица Инея переменилось. Теперь брат был хотя бы на себя похож, а не на кусочек бездны…

– Что, Иня?

– Ты пельмени варить будешь?

– Что?.. А! Нет, – Алей улыбнулся уже легче, – ко мне Поляна приходила, хавчика наготовила. Вот, борщ настоящий!

Иней внезапно рассмеялся – напряжённым, звенящим смехом сквозь слезы.

– Знаешь, чего баба Медя говорит? – сказал он. – Наш, говорит, Алечка в людях не пропадёт, он такой тощий (Иней, передразнивая бабку, произнес «тошшай»), худенький мальчик, что его каждому покормить хочется.

– Баба Медя скажет, – фыркнул Алей.

Он разлил борщ по тарелкам, поставил их в микроволновку и сел, облокотившись о стол. Руки всё ещё дрожали, пусть почти незаметно. Идея стартовать ассоциативный поиск так и не ушла: Алей по-прежнему не знал, что говорить.

– А нам оценки четвертные объявили, – сказал Иней.

– И как у тебя дела?

– У меня по математике тройка. А так всё пятёрки и четвёрки.

Алей задумчиво потеребил нижнюю губу.

Потом враз надулся и пригорюнился.

– Горе ты луковое! – с наигранным унынием сказал он и закатил глаза. – У тебя такой брат! Всю школу на доске почёта висел! А у тебя тройка по математике. Тьфу!

Иней опустил голову.

– В году четвёрка выходит, – виновато ответил он и вдруг вскинулся: – Аля, позанимайся со мной, а?

– Когда, летом?

– Ну да.

– Толстый, ты чего? – изумился Алей. – Летом надо отдыхать.

– Да ну… – неопределённо сказал Иней.

– Летом надо отдыхать и набираться сил, – наставительно сказал Алей. – А вот со следующего года чтоб никаких троек!

– Ага. Аля… – Иней моргнул, помялся; Алей наклонился к нему, – а меня перевести хотят в другой класс.

Алей на миг задержал дыхание. «Хорошо, что мне об этом Лёнька рассказал, – подумал он. – Всегда лучше знать заранее».

– Никто тебя не переведёт, – твёрдо заверил он. – Я сказал.

Иней вздохнул и умолк.

Алей покусал губу. Не стоило тянуть время. Иней был по натуре парень замкнутый и не то что жаловаться – разговаривать с людьми не любил. Если заболтать его всякой чушью, пытаясь развлечь, есть риск, что он вообще передумает и так и не расскажет о своей беде…

– Ну что ты, Инька? – тихо спросил Алей. – Мама с дядей Лёвой ругаются?

Лицо брата потемнело.

– Нет. Не ругаются, – сказал он таким голосом, что ясно стало: лучше бы ругались.

– А что?

– Алька, возьми меня к себе жить.

Алей оторопел.

Этого он не ждал.

Иней слез со стула и стоял посреди крохотной кухоньки, умоляюще глядя на брата. «Но…» – начал Алей и смолк. Он не знал, что ответить. Если бы нужно было просто забрать брата оттуда, где ему плохо, вопрос бы не стоял. Но в квартире Шишова жил не только урод Шишов…

Алей уронил голову на руку.

– Ты чего, Толстый? – грустно сказал он. – Я же учусь, работаю, дома почти не бываю. Кто тебя кормить будет?

– Я сам! – выпалил тот.

– Пельменями питаться? Тебе расти надо, нормально есть.

– Аля, пожалуйста! – Иней подошёл вплотную, дотронулся до его рукава.

– Инька, – Алей заглянул ему в глаза. – Я же не мама. Ты пойми. Ты тут будешь один сидеть, не смогу я с тобой возиться. А если случится что – а меня нет?

– Я тихо буду, Аля.

– В интернете станешь сидеть целыми сутками, в игрушки играть?

– Не стану, – ровно сказал Иней. Губы его сошлись в ниточку. – Аля, вот хочешь, поклянусь? Я всё буду делать, как ты скажешь. Я мешать не буду. Если вдруг что… если я хоть четвёрку получу – ты меня сразу выгонишь.

– Толстый, ты с ума сошёл.

– Не сошёл, – сбивчивым шёпотом заговорил Иней, схватив его за руку, – не сошёл, Аля, я же… Аля, он меня постриг, а я не хотел, я хотел чтоб как у тебя было… Аля, он хочет, чтоб я его папой называл! Чтоб я фамилию поменял, Алечка! Иней Шишов, блик, как это клёво!..

Он задохнулся и умолк. Чёрные глаза беспокойно блестели, слёзы плыли по ресницам.

Алей закрыл лицо ладонью.

– Тьфу ты… – пробормотал он, – блик…

– Алечка, – беспомощно, отчаянно повторил Иней.

– А о маме ты подумал?

Наступило молчание. Даже холодильник перестал гудеть. Звякнул таймер микроволновки. Алей поднялся, достал горячие тарелки. Иней стоял возле стола, опустив голову, бледный, как восковой. Невыносимо было на него смотреть. «Нельзя так, – думал Алей, – нельзя же так», – и сам не понимал, чего именно нельзя.

– Давай поедим, – сказал он, наконец. – А потом я маме позвоню и скажу, что ты у меня переночуешь.

Иней вскинулся, быстро смахнул слёзы, улыбнулся несмело.

– А там посмотрим, – строго и печально добавил Алей. – Утро вечера мудренее.

Над чаем Иней совсем успокоился и даже как будто перестал замечать присутствие брата, погрузившись в свои таинственные размышления. С ним такое случалось. Неприметный, неслышный, он замирал над тетрадью, над книгой, над монитором с надписью «game over», и даже дышал, кажется, медленнее, чем положено. Только зрачки вздрагивали порой, словно он следил взглядом за чем-то, чего не видели остальные. «Привидение, – говаривала мать. – Сам привидение и с привидениями разговаривает».

Спрашивать, о чём он думает, нельзя было ни в коем случае – Иней односложно отвечал, что ни о чём, и начинал шарахаться от любопытных. Только Клён знал тайну. Алей в ту пору, когда работал репетитором, пробовал шутки ради выпытать её у Комарова. Но болтун Комаров, должно быть, поклялся молчать. Не по возрасту ловко он переводил разговор на другие темы. Славный парень Лёнька…

– Аль,– внезапно сказал Иней. – А поставь папу?

– Ага, – с готовностью ответил Алей, – сейчас.

Он давно оцифровал все старые видеозаписи, на которых был Ясень, даже самые короткие и бестолковые – там, где отец проверял, работает ли камера. Ясень на них корчил рожи и говорил какие-нибудь смешные глупости.

Алей включил компьютер и пододвинул к нему второе кресло; Иней забрался в кресло с ногами.

Качество видео было никудышное, никакими программами не поправить, но звук Алею удалось вычистить. Ясень неплохо пел. Алей страшно жалел, что отец не записывал свои песни; чаще он пел чужое, но сочинял и сам. Песен было гораздо больше, чем сохранилось на видеозаписях. Алей помнил из них какие-то обрывки строк. Целиком осталась только одна, эта – «Зеленым-зелено пламенел лес».

…в земляничной глуши заяц рыскал.
Был с небес глас,
И шептал бес:
«Не живи тихо, не летай низко!»
Если сила нужна, то бери вес.
Не бывает удачи без риска.
Забирай приз,
Обходись без,
Не живи тихо, не летай низко!
А приходит пора – надо знать честь,
И со всем рассчитаться по списку:
Выходил в плюс,
Не туда лез,
Не живал тихо, не летал низко!

Ясень сидел на старом, выцветшем до серого цвета диване бабы Зури – диван этот давно выбросили, теперь вместо него была тахта, – а баба Зуря стояла у стены, скрестив на груди руки, донельзя довольная, счастливая сыном. Тёмно-вишнёвая гитара гремела в ясеневых руках, сам он улыбался во весь рот и пел-кричал слова с таким вкусом, что невозможно было не подпевать.

– Не летай низко! – шёпотом повторил Иней. Он пожирал отца глазами и даже разрумянился чуть-чуть.

Алей отвёл взгляд. Томило в груди. «Папа не летал низко, – в тоске подумал он, откидываясь на подголовник кресла: люстра на потолке была старая-старая, та же, что на записи. – Папа не жил тихо. Папа… если бы ты был жив».

Гулко загремел дверной звонок.

Осень переступила порог.

На ней был светлый деловой костюм, в золотых волосах запутались искры, и в тёмной прихожей словно бы стало светлее.

– Привет, Алик, – сказала она. – Извини, что не позвонила, у меня телефон разбился. Прямо в сумке, кажется, в метро о поручень. Придётся новый покупать.

– Привет, – туповато ответил Алей.

Он умудрился совершенно о ней забыть.

Такое с ним случалось. Чем сильнее он нервничал, тем меньше информации получалось держать в голове. Пару раз из-за этого он даже проваливался на экзаменах… Но сейчас было хуже, чем экзамен. Намного хуже.

Из комнаты вышел Иней.

– Привет, – Осень улыбнулась ему, глянув мимо алеева плеча. – Алик, это кто?

– Это брат мой, Иней.

– Иней? Вы очень похожи.

Алей медленно обернулся. Иней стоял посреди коридора, глядя на Осень безо всякого выражения, как маленький робот. Не в силах отвязаться от сравнения их с двумя ИскИнами, Алей пробормотал:

– Инь, это Сеня, Осень. Мы работаем вместе. Вот, она в гости пришла… мы давно договорились.

Иней молчал.

Алей задержал дыхание, как перед прыжком в воду.

– Осень, – тихо сказал он, – пойдём выйдем, мне тебе кое-что сказать надо, – и добавил громче: – Иня, я щас приду!

…не получилось.

– Ладно, – сказал Иней равнодушно и чуть грубовато, – я пошёл, – влез в расшнурованные ботинки и рывком поднял с пола рюкзак.

Ни на кого не глядя, он вывалился в открытую дверь, задев Осень плечом, и скрылся на лестнице, не обернувшись.

Алей беспомощно смотрел ему вслед. Потом закрыл глаза и прислонился спиной к стене.

– Что-то случилось? – Осень коснулась его руки.

– Беда, – Алей вздохнул, не открывая глаз. – Брат… С отчимом поссорился.

– Это нормально, – Осень легонько сжала его пальцы. – Твоя мама не так давно вышла замуж?

– Полгода.

– Ему тяжело. Он уже совсем большой, привык жить втроём с вами.

Осень мягко переступила, выскальзывая из туфель, и стала

ниже Алея. Тот обнял её.

– Ты грустишь, – утвердительно сказала Осень.

– Да.

– Что мне лучше сделать сейчас? Уйти, отвлечь тебя, утешить? Но я плохо умею утешать.

Сейчас, говоря о чувствах, она как никогда походила на компьютер… Алей понимал, что её слова искренни. Он вздохнул, зарываясь лицом в её мягкие благоуханные волосы.

– Только уходить не надо, – сказал он. – Пойдём лучше поужинаем. Я думал романтический ужин устроить, даже свечи купил…

– Подожди со свечами.

Осень взяла Алея за плечи и медленно, легко поцеловала. Руки её пробрались к его затылку, стянули резинку, скреплявшую вороной хвост. Осень расчесала пальцами алееву гриву и отступила на шаг, любуясь.

– Так мне нравится больше, – сказала она.

Алей усмехнулся.

– Я похож на парня из мультика?

– Да, – Осень, не глядя, заперла входную дверь. – Из моего любимого мультика. У него тоже был маленький брат с трудным характером.

– У Иньки не трудный!.. тьфу ты, горе, и правда трудный…

– Не переживай. Это нормально.

– Переживать – это тоже нормально, Сень.

– Ты прав.

– Ничего у меня не получилось, – тоскливо сказал Алей, уставившись в потолок. – Он ко мне пришёл за поддержкой. К старшему брату. А я хреновый брат. Всё… провалил.

– Прекрати. Он сам ушёл. Вам обоим нужно успокоиться. Тогда вы ещё раз подумаете и всё решите правильно. Так?

Алей тяжело вздохнул и сдался. С Осенью трудно было спорить.

– Так.

Она кивнула, улыбнулась краешками губ и притянула его к себе. Алей прикоснулся щекой к её бархатистой щеке и застыл так. Близость Осени успокаивала. В голове стало яснеть, по телу разливалось тепло. Он смежил веки.

– Пойдём в комнату, – сказала Осень ему на ухо, – не в коридоре же стоять.

Монитор уже запустил заставку: на нём крутился, шевеля бахромой точно щупальцами, логотип операционной системы. «Четыре цвета, – мелькнула смутная мысль, – четыре стихии…» –

но Алей успел забыть, с чем они связаны, а вспоминать было не с руки.

Осень откинулась на спинку дивана, улыбнулась мягко и загадочно, вытянула длинные ноги. Узкая кисть правой руки живописно легла на подлокотник, а левой Осень поманила Алея к себе. Тот уселся на ковёр у её ног, чуть сбоку, и положил ей голову на колени.

– Хочешь апельсинчик? – пробормотал он.

Осень наклонилась и поцеловала его в макушку.

– Не надо меня кормить, я уже накормилась.

– Я же знаю, что ты забываешь.

– Заботливый, – она погладила его по голове. Алей поймал её руку и поцеловал пальцы. Рукав блузки пах причудливыми благовониями. Алей прижал ладонь Осени к своей щеке и закрыл глаза.

– Осень, – спросил он полушутливо, – скажи честно: что ты во мне нашла?

– Ты очень красивый. Только очень тощий.

Алей скис.

– Ну вот, – проворчал он. – Сказали тёплые слова, называется.

– Ты же знаешь, – сказала Осень, – я плохо умею это делать. Извини.

– Ладно уж, – Алей поднялся, навис над нею, упершись коленом в сиденье, и поцеловал её, придержав затылок ладонью. Губы у Осени были упругие, в меру влажные, в меру тёплые – безупречные губы ИскИна, который зачем-то инсталлировался в человеческое тело… Красивые, ловкие руки Осени огладили алеевы плечи и грудь, расстегнули несколько пуговиц на чёрной рубашке, взялись за чёрный кожаный ремень с серебряной пряжкой.

– Ужасно тощий, – повторила Осень со странным выражением; вероятно, это была насмешка, – но тебя это даже красит.

– А ты, – неловко ответил Алей, – ты – идеальная.

– Я знаю, – сказала Осень. – Меня отрисовал отличный дизайнер, – и улыбнулась ошалевшему Алею, – шучу. Иди ко мне.

Алей сполз на пол, сел на подогнутые ноги. Осень, взглянув на него сверху вниз, медленно провела языком по губам и наклонилась. Алей осторожно снял с неё блузку, поцеловал ровные, точно из мрамора выточенные ключицы. Её грудь мерно вздымалась, словно у настоящего живого человека… «С ума сойти», – он поёжился. Каждый раз ему в голову приходили такие ассоциации, впору было забеспокоиться, ведь для поисковика и лайфхакера ассоциации, даже самые абсурдные и мимолётные,

значили очень много, но Осень всё-таки была прекрасна, прекрасна, совершенна и неимоверно притягательна… Алей погладил её круглые колени и поцеловал левое сквозь гладкий нейлон, медленно сдвигая вверх подол юбки. На Осени были чулки с поясом и кружевное бельё. Белые бёдра, сжатые юбкой, манили.

– Подожди, – сказала она внезапно.

– Что?.. – Алей оторвался от неё, поднял голову, в тревоге гадая, не сделал ли чего неугодного или неправильного.

Но Осень улыбалась – особенной, мягкой, совсем человеческой улыбкой. Таким её лицо было возле Старицы. Алею вспомнился рейд: калейдоскоп ярких вспышек пронёсся перед внутренним взором.

– Я подумала, что можно совместить приятное с полезным, – сказала Осень.

– Что?

– Включи компьютер.

Вот уж чему сейчас, кажется, было совсем не время.

– Осень! – возмущенно начал Алей. – Сколько можно…

Она подалась вперёд. Улыбка её превратилась в азартную, почти хищную; дымчатые глаза стали ясны и ярки, засверкали.

– Ты помнишь кодовую цепочку? – приглушённым голосом спросила она. – Не важно, я помню. Мне всегда хотелось узнать, как это – заниматься любовью возле Старицы.

Алей изумлённо смотрел на неё, не веря своим ушам. Потом вскочил и кинулся к компьютерному столу.

…Над ними вспыхнуло зелёное пламя.

Глава 3. Кэш

Он проснулся внезапно, точно кто-то опрокинул ему на голову ведро ледяной воды: вздрогнул всем телом и оторопело захлопал глазами. Какой-то миг он видел только изумрудный свет, переливчатое, колеблющееся сияние Старицы, и даже кожей ощущал не лён простыней, а упругую мягкость хвоща. Потом лучистая зелень истаяла, и свет стал золотистым – простым утренним светом.

Прорвавшись сквозь пелену тишины, ударил по ушам звон мобильника. Алей вслепую протянул руку и наткнулся на гладкую, горячую со сна спину Осени. Она уже села в постели и спустила ноги на пол.

– Это явно не будильник, – сказала она. Голос был чуть хрипловатым, но в интонации уже возвращалась дневная бестрепетная чёткость. – Нехороший человек звонит в субботу утром.

Алей отчаянно зевнул и потянулся, встав под одеялом на плечи и пятки.

– Это хороший человек, – сонно ответил он, рухнув обратно на смятые простыни. – Только бестолковый совсем. Это Поляна. Я ей обещал…

– Что?

– Помочь…

Мобильник всё гремел и гремел, вибрация почти столкнула его со стола, а воли поднять себя с постели как не было, так и не появлялось.

Осень улыбнулась и сунула телефон Алею в руку.

– Да, – не своим голосом пробасил тот. – Я. Поляна? Утро добрым не бывает. Да, я помню. Когда? Через час?! А попозже… что, сколько? – Он рывком сел и с опаской выдохнул: – Осень, сколько времени?!

Та кинула взгляд на часы.

– Половина первого.

– Блик!

– Суббота же, Алик.

«Половина первого, – повторил про себя Алей. – Сколько же мы… пробыли у Старицы?»

Выйдя в рощу-интерфейс, они угодили из вечера в полдень. Солнце не показывалось над сказочной рекой, но пелена облаков была такой тонкой, что на береговой песок ложились едва приметные тени. Алей смутно припоминал: время шло, а тени не менялись – светило оставалось неподвижным. Осень

предупреждала, что время в Старице отдельное… В первый раз Алей не успел спросить, насколько отдельное и какое именно, а во второй ему было не до того.

И к тому же он совершенно не помнил, каким образом попал обратно.

В прошлый рейд Осень велела ему закрыть глаза, потом легонько толкнула сзади в плечо, и Алей очнулся в белой переговорке над ноутбуком, а вчера… не уснули ли они прямо там, на травяном ковре?

Осень встала.

Алей глянул на неё, уронив руку с мобильником на постель. Тихо, медленно вздохнул и улыбнулся. Розовое тело девушки источало едва уловимое, но внятное обещание сладости, точно было вылеплено из мармелада…

Осень взяла со спинки стула его рубашку и завернулась в неё.

– Я приготовлю завтрак, – сказала она, – а потом поеду. Обещала маме сегодня навестить.

Алей моргнул. «Хорошо, что ИскИны не ревнуют», – мелькнула у него мысль. Потом он осознал, наконец, услышанное, и встрепенулся:

– Завтрак я приготовлю!

В тот единственный раз, когда он доверил ей кухню, прекрасная Осень умудрилась сжечь яичницу.

– Хорошо, – легко сказала она. – Просыпайся, Алик.

И ушла в ванную.

За завтраком они молчали, но соприкасались коленями под маленьким столом; этого было достаточно, чтобы длилось, не таяло ощущение близости. Волосы Осени рассыпались по чёрной алеевой рубашке, а солнце било прямо в окно, и на крутой волне золотого локона светился блик.

Алей проводил её, запер дверь, собрал постель, но она как будто всё ещё оставалась с ним. Как будто она не совсем ушла: забыла здесь своё прохладное эхо, прядку мерцания… Пахло её духами.

Он сел на застланную тахту и несколько минут сидел неподвижно, совсем без мыслей, прислушиваясь к затихающему дыханию Осени.

Потом включил компьютер и под шум кулеров пристроился у окна под открытой форточкой.

Оставалось минут пятнадцать до прихода Поляны и её счастливого избранника… Как бишь его зовут? Летен Истин. Звучное имя, красивая матичка. Если Поляна не ошиблась, и он действительно тот, с кем она до гробовой доски будет

счастлива… должно быть, он хороший человек.

«Поляна не могла ошибиться», – думал Алей.

В его практике таких случаев не было, но он не раз слышал, как после взлома Предела, проделанного вполне аккуратно, люди всё же промахивались мимо цели. Это были очень умные и очень расчётливые люди. Они увлекались планированием и не верили случаю, – а силы, действующие за Пределом, выглядят как случай. Должно быть, для человека, который пришёл к Пределу сам и переступает его осознанно, это не так. Но подобные уникумы с лайфхакерами не знаются…

Алей думал, что Поляна как раз из тех, кто верит в случай. Она даже телевизору верила: порой, после особенно мутных передач, всех знакомых изводила рассказами об инопланетянах, экстрасенсах и колдунах. Хорошо, её практической сметки хватало, чтобы не давать денег мошенникам. Но кто ещё мог так доверчиво сесть в машину к богатому незнакомцу?

За два дня до этого лайфхакер Алей Обережь сломал Поляне судьбу – и вместо беды получилась сказка. Мечта Поляны сбылась, она счастлива, и что самое замечательное – это уже навсегда…

Алей закрыл глаза и привалился лбом к оконному стеклу.

На душе было нехорошо.

«Зря я согласился, – подумал он. – Поляна… это было бы отличное завершение карьеры. Светлое. Такие Пределы, как у неё, сам Бог велел взламывать. А теперь… кто его знает, что будет».

Последний раз.

Теперь – точно последний.

Больше ничьих уговоров не слушать.

И даже на форум не заходить.

Свербела мерзкая мысль, что если один раз не сдержал данное самому себе слово, не сдержишь и второй, и десятый… «Ладно, – решил Алей, пытаясь отогнать её. – Хватит киснуть. Ломать Предел приятно, в конце концов. Словлю напоследок кайф, ткну в Господень потолок пальцем».

Но стало ещё паршивее: он ощутил себя чуть ли не наркоманом, клянущимся завязать.

Крепло дурное предчувствие. Оно не приносило с собой ассоциаций – вообще никаких, Алей не мог даже вообразить, как выглядит Летен, – но нелепо не верить предчувствиям, если твои поисковые цепочки неизменно приводят к цели… «А в самом деле, – встрепенулся он, – чего я время теряю? Всегда лучше знать заранее». Запустить цепочку, стартовав её с Летена Воронова, – и причина тревоги скоро сделается ясна. Ещё не поздно. Возможно, Поляна всё же ошиблась, или иное мрачное обстоятельство ждёт

часа, чтобы выйти из тени. Тогда потребуется ещё один поиск – поиск выхода. Если найти его вовремя, несчастья может и не случиться.

…Облакова, Поляна Родина.

Воронов, Летен Истин.

Для того чтобы отыскать Предел, ничего не зная о человеке, требуется очень широкое информационное поле. Оно должно быть абсолютно свободным и никак не ограничивать ассоциативный поток. Интернет подходит для этого идеально. Задолго до того, как устроиться работать в Ялик, Алей искал ключевые понятия для цепочек взлома через поисковики.

Интернет.

Поисковик.

Ялик.

«Очень узкий канал», – осознал Алей. Это ему не понравилось. Обычно у кромки сознания брезжит целый веер ассоциаций, множество путей, прямых или окольных, но ведущих к одной цели: таково естественное состояние лайфхакера в поиске. Когда ассоциация всего одна, а вторую приходится вызывать чуть ли не усилием воли – это неправильно. Может завести в тупик. «То ли я не проснулся ещё? – предположил Алей. – Давненько со мной такого не было… вот тебе и дурные предчувствия». Но цепочка ещё не закончилась, и он продолжил её плести.

С некоторых пор самой прочной ассоциацией, которую вызывал у него Ялик, стала Старица.

Старица. Зелёная лодка, так похожая на лодку секретариата.

…и внезапно вспыхнуло что-то позади глаз – не привычная маленькая молния, а целый экран, переливчатый колдовской гобелен: туманное озеро, изобилующее островами, лес по берегам, черная вода, ряска и ил. Недвижно стоял камыш, к нему клонились седые вётлы. На дальнем берегу дикий лес сменялся лесополосой, прозрачной и ровной как частокол, а за нею, рассекая туман, шла электричка.

Мурашки скатились по спине. Алей задохнулся. «Старица? – проносились обрывки мыслей. – Да разве это Старица? Какие у Старицы электрички?!» – а цепочка продолжалась, теперь – помимо его воли.

Интернет. Алей вспотел от облегчения, когда вернулся один из старых образов, простой и понятный.

Интернет. Видеохостинги. Обработка видео.

Обережь, Ясень Лазурин.

Мелькнул обрывок старой битой записи – изображение прыгало, гасло, искажалось, не было звука, но даже в смутной

перекошенной фигуре Алей узнавал отца.

Папа – альпинист…

Папа умер.

Десятилетней давности горе ударило заново, с той же силой, что в страшный, первый день. Ноги Алея подкосились. Он впился пальцами в подоконник, успев подумать, что в норме предельный поиск не должен вызывать столько эмоций. Зачем, почему, при чём тут отец?

Смерть.

«Чья смерть? – спросил Алей у пустоты собственного сознания. – Чья?»

Смерть.

Предел.

«Неправда, – ответил Алей; волнение странным образом отхлынуло, стихла нервная дрожь, он стал холодным и отрешённым. – Достижение Предела означает полную самореализацию, осуществление жизненной программы человека, а по другим гипотезам – его высшего предназначения».

Неправда.

И на этом цепочка закончилась.

Алей прерывисто вздохнул. Открыл глаза. Некоторое время он, точно младенец, не способен был осознать, что видит. Цветные яркие пятна мелькали и двоились, ускользали куда-то влево и вверх. Но когда зрение и пульс пришли в норму, он не без удивления понял, что спокойствие, которым одарил его финал цепочки, осталось. Страх пропал, голова стала светлой и лёгкой, и где-то позади глаз кусочком льда ощущался полученный ответ.

«Неправда».

«Хорошенький ответ, – уныло подумал Алей и сел на подоконник. – Главное, понятный. Кто-то врёт. Ну и что? Может, это про Поляну, Поляна ошиблась? Не-ет, точно нет. Тогда бы получилась «ошибка», «промах», «непонимание» какое-нибудь. А тут, выходит, кто-то намеренно и нехорошо врёт… Кто? Летен врать собирается? Тьфу ты…»

Ветер донёс шум мотора: где-то рядом проехала и остановилась машина. Алей покосился в окно. У подъезда чернел громадный джип, похожий на машину папы-Комарова. Дверца джипа отворилась, показалась Поляна в голубом платье.

«Стоп, – подумал Алей. – А что я искал-то?»

С другой стороны из джипа вышел светловолосый мужчина в сером костюме. Поляна кинулась к нему и схватила за руки.

Алей этого не видел, потому что взялся за голову и зажмурился от досады.

– Идиот! – вслух, сквозь зубы процедил он. – Вот идиот!

Он неправильно задал цель поиска.

Что он вообще собирался найти?

Он чувствовал себя не в своей тарелке – это раз. Хотел найти причину тревоги – два. Но какого чёрта он решил, что цепочку нужно стартовать с Поляны и Летена?! Тревога принадлежала Алею; перед тем, как искать причину во внешнем мире, нужно было правильно распознать её в себе. Он решил, что переживает за Поляну, потом почему-то решил, что не доверяет её жениху. С тем же успехом тревогу могло вызвать то, что он готовился к новому взлому Предела, хотя когда-то твёрдо решил, что полянин станет последним.

«Да, – мрачно сказал себе Алей. – А ответ-то я нашёл. Молодец, блик. Враньё. Я сказал – и соврал. Тьфу ты, горе луковое… такой жути навидался, а мог бы просто подумать. Всё, надо с предельным поиском тоже завязывать, а то, чего доброго, останется вместо мозгов голая интуиция», – и, не удержавшись, продекламировал вслух:

– Душераздирающее зрелище. Кошмар!

– Алик, – радостно сказала Поляна, – мы пришли!

Алей улыбнулся – коротко, настороженно-вежливо – и отступил на шаг: в тесном коридоре вдвоём было не развернуться.

Потом ещё на шаг.

И ещё.

Следом за Поляной через порог шагнул её избранник.

Коридор старой пятиэтажки был ему тесен.

Алей так и вытаращился на поляниного жениха. По сравнению с тем даже накачанный Сон казался бы щенком. Плечи у Летена были шириною в дверной проём. «Пара, – весело подумал Алей, – да, они точно пара…» Крепко сбитая, пышная Поляна по нынешним временам считалась толстой, прежде она из-за этого очень переживала. Рядом с Летеном она выглядела статной, точно старорусская боярышня. При каждом взгляде на суженого лицо её озарялось восторгом и затаённой гордостью, и она делалась ещё краше…

Поляна торопливо вышла вперёд, встала рядом с Алеем.

– Это Алей Веселин, – официальным голосом сказала она, – мой друг. Алик, это Летен Истин.

– Я о вас много слышал, – в тон ей проговорил Алей.

И посмотрел Летену в лицо.

…Улыбка истаяла, не родившись.

Алей инстинктивно подобрался. Почему-то он остро ощутил, что стоит перед чужаком босой и в домашних штанах. Лицо у Летена оказалось неприятное – сухое, невыразительное,

непроницаемое. Глубоко посаженные глаза смерили Алея буравящим взглядом, и, похоже, Воронов остался недоволен увиденным. «Вот те раз, – подумал Алей, чувствуя, как приветливость его куда-то улетучивается, – Не нравится мне это. Ну посмотрим…»

– Добрый день, – коротко сказал гость и протянул руку.

– Здравствуйте.

Рука была широкая как лопата и такая же сухая и невыразительная, как лицо.

Рукопожатие прекратилось. На миг повисло молчание.

Поляна приоткрыла губы, на лице её выразилось, что она мучительно ищет подходящие слова, но она так ничего и не сказала. «Растерялась, – понял Алей. – Другого ждала… Эх, Ляна!»

– Поляна… – начал он, пытаясь её ободрить.

И наткнулся, как на нож, на взгляд Воронова.

– Поляна уговорила меня прийти, – сказал тот. – Я решил доставить ей удовольствие. Сыграть в эту игру. Вы, я так понимаю, кто-то вроде экстрасенса?

– Лайфхакер, – Алей медленно обернулся к Поляне: та стояла недовольная, надутая. «Летя!» – возмущённо сказала она одними губами.

Тот посмотрел на неё и вдруг улыбнулся.

Хорошо улыбнулся, искренне, светло; лучистые морщинки собрались у глаз, лицо потеплело… У Алея отлегло от сердца. Он успел уже задуматься, как лучше сказать Поляне, что она ошиблась. Но в этом не было нужды.

Летен любил её.

По-настоящему. Безгранично. Навеки.

Но это не было его Пределом.

«Отражённый свет, – рассеянно подумал Алей, прикидывая, с чего начнёт поиск. – Как это красиво. Изумительно… Так и должно было быть. Счастье Поляны невозможно без его счастья. Но его самореализация окажется уж точно не в семейной жизни. А любопытно – где? Отражения должны получиться взаимными, потому что Поляна везде будет с ним».

Ему стало решительно безразлично, что Летен подумает о нём. Главное – чувства Поляны. Пусть ей будет хорошо. Он собирался встретить её будущего мужа как друг, а встретит как профессионал, вот и вся разница.

– Откровенно говоря, я в вас не верю, – сказал Летен. Он больше не улыбался.

– Это неважно, – равнодушно ответил Алей. – Поляна

попросила меня вам помочь, я обещал ей.

Поляна закивала, бросая на Летена грозные взгляды.

– Ну, помогите, – с усмешкой сказал тот.

Алей подавил вздох. Клиент обещал проблемы.

– Давайте пройдём в комнату.

Переступая порог, Воронов бесцеремонно окинул взглядом растрескавшуюся побелку на потолке, старый ковёр на полу и потёртую мебель. Алей посмотрел на него косо. Это было уже, в конце концов, неприлично. Воронов видел перед собой тощего хайрастого студента, который выдавал себя за экстрасенса и задурил голову глупенькой Поляне, – пусть так, но открыто демонстрировать своё отношение не стоило.

Поляна пихнула «Летю» локтем, и он снова лучисто ей улыбнулся.

– Садитесь, пожалуйста, – с этими словами Алей плюхнулся в своё кресло с подголовником и скрестил пальцы на коленях.

Летен неторопливо сел. Поляна устроилась на тахте.

– Вы имеете представление о том, что произойдёт? – спросил Алей.

– Поляна рассказала. Вы собираетесь наворожить мне что-то хорошее, – Летен смотрел с иронией.

– Почти так. Но мне нужно будет кое-что о вас узнать.

– Что именно?

Алей помолчал.

– Вы бизнесом занимаетесь? – спросил он.

– Я им не занимаюсь, – сказал Летен. – Я им владею. Занимаюсь я политикой.

Поляна посмотрела на него с гордостью. «Вот как», – подумал Алей.

– А вы кто по образованию?

– Фрезеровщик.

И Воронов добавил с насмешкой, заметив хорошо скрытое удивление Алея:

– Не похож?

Алей отвёл взгляд.

– Это неважно. Летен Истин Воронов, правильно?

– Так.

Алей обернулся к монитору и впечатал имя в строку поиска. Ничего особенного он не получил: бизнесмен, владелец заводов… «газет, пароходов», – мысленно присовокупил Алей; пароходов не было, газет тоже, зато имелась сеть промтоварных магазинов в нескольких городах. Совладелец того-то и того-то, депутат городского законодательного собрания, отметился там-то и там-то. Квадратное невыразительное лицо на фотографиях. Родился в

Красноярске в 1972 году, переехал в Листву в девяносто шестом…

Предел – это достижение полной самореализации. Суть Предела сокрыта в мечтах человека. Что может ждать за Пределом сугубо делового, властолюбивого Летена Воронова?

Владелец заводов, газет, пароходов, мистер Твистер, бывший министр… будущий министр, пожалуй что так. Всё довольно просто, цепочка выйдет короткой, поиск не займёт много времени. «Вот и хорошо», – заключил Алей. Он не испытывал желания знакомиться с Летеном теснее.

– Я собираюсь найти ваш Предел, – сказал он, – и взломать его. В просторечии – сломать вам судьбу.

Летен сощурился.

– Любопытно.

– Вы согласны?

Поляна нахмурилась.

– Я же сказал, что не верю в это, – заметил Летен. – Делайте, что вы там делаете обычно.

Алей поморщился. Сквозь спинку кресла, лопатками он чувствовал насмешливый полупрезрительный взгляд. Человек позади ощущался как нечто огромное и холодное… нет, не холодное, другое. Вершина спящего вулкана покрыта льдом, но в глубине его кипят камни. Гора? И не гора тоже. Нечто из металла. Безграничные скрытые силы. Атомный реактор за надёжными экранами, многоступенчатыми защитными системами…

Поляну Алей тоже чувствовал. Она была меньше, в тысячу раз меньше и излучала в тысячу раз больше тепла. Пышущая жаром, как русская печка, прозрачная словно солнечный луч и мягкая как пух, она беспечно пристроилась подле страшного исполина. «Ночевала тучка золотая, – пропела память, – на груди утёса-великана…» Поляна светилась счастьем – и её мрачный возлюбленный рядом с ней становился светлее. Во всём различные, они предназначались друг другу.

Поток ассоциаций, завязанный на субъективные ощущения, считался наименее надёжным методом поиска. Алей ничего и не собирался таким образом искать, просто дал волю любопытству. Хотелось посмотреть на рефракцию света любви.

Свет воистину был прекрасен.

Но даже делая скидку на малую надёжность метода, нельзя было игнорировать крайне странный ответ.

«Это слишком, – думал Алей. – Слишком его много, этого Летена. Какой-то непомерно большой объект в ассоциативной картине. То ли это тоже субъективное? Я что, его боюсь? Нет, не боюсь. Тогда почему так?»

– Много это займёт времени? – спросил Летен.

«Занятой человек, – не без иронии подумал Алей и щёлкнул мышью, возвращаясь на главную страницу поисковика. – Давно не играет в игрушки. Такой бы в жизни к лайфхакеру не пошёл, а пёр бы, как танк, к своему запредельному… и свалился на полпути. Они всегда сваливаются. Ну, Поляна, ну, девчонка, обоих нас застроила! Ладно».

– Не больше часа, – ответил он. – Возможно, меньше.

– Приступайте.

– Летя!.. – донёсся строгий шёпот Поляны. – Ну не надо!..

…Алей смотрел на клавиатуру, рассеянно поглаживая пробел большим пальцем. Потом стал щёлкать по CapsLock'у, глядя на мигание огонька.

На губах его играла недобрая улыбка.

«А не сбить ли с него спесь?» – размышлял он и мало-помалу приходил к выводу, что это отличная идея. Ему было всё равно, что Летен Воронов думает о нём лично, но цеховая честь лайфхакера взывала к отмщению.

Игрушки?

Что ж, сейчас сыграем.

Алей задрал голову, чтобы видеть монитор только вскользь, и наугад щёлкнул по нескольким ссылкам.

Летен Воронов. Поиск. Прошлое.

Совсем недавно он стартовал поисковую цепочку с Летена, сделал это неправильно и получил непонятный ответ, а перед тем прошёл сквозь каскад ассоциаций необъяснимых и жутких. Он так и не понял, почему там оказался отец. Потом Летен явился лично. С насмешкой он смотрел на Алея и на его обшарпанную квартиру. А папа её ремонтировал… десять лет назад. Обои выцвели, потолок надо белить заново. Папа всё делал сам – старался забыть о горах, утолить тоску. Он ещё и кооператив заводил с друзьями. Чем они там торговали, в начале девяностых?..

Кооператив.

Начало девяностых.

Красноярск.

«Есть попадание, – определил Алей. – Идём дальше», – и взглянул в монитор.

Он почувствовал резь в глазах. Так бывало от работы за компьютером; сегодня он не успел просидеть за ним и получаса, но об этом не задумался, а просто на автомате посмотрел в окно, чтобы глаза отдохнули. Со второго этажа вида не открывалось вовсе никакого, зато день-деньской стучались в стекло ветви деревьев, зимой заснеженные, летом – зелёные… «Зелень, – высверкивали обрывистые, точно чужие мысли. – Зелёная крона…

роща. Это к чему? Нет, это не сюда».

Взгляд Алея упал на фонарный столб.

Столб.

Столбы.

«Это про что вообще?» – озадаченный, он снова ткнулся в поисковик.

…Зелёная Роща – микрорайон в Красноярске. «Столбы» – заповедник. В выдаче городские порталы, энциклопедии, фотоальбомы. Новости: опасность энцефалитного клеща, горожан просят быть осторожнее, воздержаться от прогулок в лесу. Рядом – последние новости по другим темам. Статистика смертности от сердечно-сосудистых… молодёжные движения… открытие модного магазина… мэр города Камыш Знаменский провёл пресс-конференцию.

Алей закрыл глаза, сполз вперёд, устроившись в кресле полулёжа, и некоторое время молчал. Плечи свело до боли. Помедлив, он закинул руку за спину и с силой надавил на седьмой позвонок. Карусель тусклых и ярких вспышек, означавших верные догадки, кружилась внутри черепа. Алей не понимал, что там к чему – данных не хватало. Но точность и не требовалась.

– Это было весной, – сказал он, не поднимая век. – Красноярские Столбы. Его звали Камыш, он торговал одеждой, у него было слабое сердце. Летен Истин, что с ним случилось?

Повисло молчание.

– Алик? – растерянно пробормотала Поляна.

– Мне нужно настроиться, – соврал Алей. – Чтобы пойти в будущее, я должен опираться на события прошлого.

– Любопытно, – сказал Летен. – А ещё?

Ещё?

Алей открыл глаза и снова взялся за мышь. В голове точно надувался воздушный шарик; казалось, череп заполняется чем-то посторонним, но вместе с тем становится легче. Это означало полную готовность к поиску: снижалась критичность восприятия, замолкал внутренний диалог. Теперь на мониторе был сайт маленькой районной газеты с маленькими районными новостями… Фотографии, много страниц фотографий. Виды микрорайона. Конкурс на самый благоустроенный подъезд. Репортаж о мини-зоопарке – белки, соболя, птицы, сокол на чьей-то перчатке. Цветочные клумбы. Какие-то немолодые люди в оранжевой форме… рассказ о работе дворников.

– Поздняя ночь или раннее утро, – проговорил Алей, сам не поняв, откуда взялось время. Время работы дворников, что ли? – Подъезд одного из домов в Зелёной Роще. Человек по имени

Сокол. Он возвращался с работы. Он очень сильно задержался.

Ассоциации кончились. Алей помотал головой. В висках начинало ныть. Слишком мало исходных данных, слишком смутна цель поиска: он хотел найти в прошлом Воронова то, что было для него важно – то, что тревожило его до сих пор. «Что случилось с Соколом?» – спросил себя Алей, рассеянно глядя на монитор.

Рекламный блок с правой стороны: «Проводить своего кумира в последний путь пришли сотни поклонников…» – и фото гроба в венках. Алей щёлкнул по ссылке: на Ваганьковском хоронили прославленного старого актёра.

– Он умер, – устало договорил Алей. – Потом там пришлось потрудиться дворникам… Летен Истин, кто это был?

Тот не ответил.

Алей развернулся на кресле.

Лицо Воронова было удивительно мягким и доброжелательным; сощурившись, он задумчиво смотрел на Алея.

– Ляна, – сказал он, – придумай нам чего-нибудь подкрепиться, а? А мы тут с Алеем Веселиным поговорим.

Поляна удивлённо посмотрела на жениха, потом на друга: оба улыбались. Растерянно она пробормотала «хорошо» и вышла из комнаты.

Летен быстро встал и шагнул за ней. Нагнал в коридоре, что-то пробурчал на ухо. Алей их не видел, только слышал полянин примирённый вздох.

Летен вернулся и аккуратно закрыл за собой дверь.

Некоторое время он молчал, с интересом разглядывая Алея. Тот не отводил взгляда.

– Алей Веселин, – спросил, наконец, Воронов, – кто вам платит?

Алей отрицательно покачал головой.

– Меня попросила Поляна.

– Не ломайте комедию, – спокойно сказал Воронов. – Поляна что-нибудь знает?

– О чём? О лайфхакинге?

Алей ловил себя на том, что совершенно не испытывает страха. Он понимал, что добродушный вид Воронова обманчив, что на самом деле Летен взвинчен и зол: он почувствовал угрозу, Алей наступил ему на больную мозоль. Напряжение звенело в воздухе. Но опасности не было – как будто траектория пули проходила мимо…

Крохотная молния вспыхнула между ушами. «Попадание? – удивился Алей. – Снова?»

Пуля.

Вот что случилось.

Человека по имени Сокол рано утром застрелили в подъезде собственного дома.

– Вы исполнитель, вы мне не интересны, – сказал Летен. – Я хочу знать, откуда у вас информация.

– Я получил её только что, методом предельного поиска. Я лайфхакер. Я же вас предупреждал.

– А я предупреждаю вас, – мягко, едва ли не сочувственно проговорил Летен, – что вы играете с огнём. Вы хоть понимаете, во что ввязались?

– Да, – сказал Алей, глядя ему прямо в глаза. – Я собираюсь сломать вам судьбу.

На скулах Воронова выступили желваки. Он даже не сразу нашёлся с ответом.

– Честно, – тихо заметил он после паузы и спросил: – Ваши требования?

Алей вздохнул и безнадёжно покачал головой.

– Вы не понимаете, – сказал он. – Точнее, не верите. Это ваше право. Я не знаю, кто такой Камыш, понятия не имею, кто и почему убил Сокола. Мне это не интересно. Я хочу только одного – чтобы Поляне было хорошо. Она мой друг. Я взломал её Предел. Она попросила, чтобы я сделал то же самое для вас, потому что она очень вас любит. Я готов выполнить её просьбу. Но если вы не хотите, я не буду этого делать. Я уже спрашивал – вы согласны?

Летен молчал. На лице его ничего не выражалось, блёкло-голубые глаза казались неживыми. Алей равнодушно ждал. Когда он зарабатывал лайфхакингом деньги, среди его клиентов случались люди ещё менее приятные, чем Воронов – этот хоть не впадал в бешенство. Возможно, потом он начнёт проверять хакера Обережа по своим каналам. Пусть проверяет. Никакого вреда от него не будет.

Люди, достигшие Предела, умеют обходить риски. Они почти никогда не попадают в беду. Алею до Предела было как до Китая, но способность предощущать опасность или удачу он уже обрёл – слабую, неясную, но надёжную.

Он посмотрел на Воронова и подумал: «Сейчас согласится».

Летен скрестил руки на груди и медленно усмехнулся.

– Расскажите, на что я подписываюсь.

Алей вырвал листок из большого блокнота.

– По оси абсцисс – время жизни, – заговорил он, вычерчивая линии. – По оси ординат… скажем так, успешность. На самом деле всё намного сложнее. Когда пытались вывести формулу, то дошли до пятидесяти факторов, потом бросили.

Летен слушал молча. Он сидел рядом, облокотившись о компьютерный стол, и заглядывал Алею под руку. Вблизи он казался гораздо старше. Пожалуй, старше своих лет. Светлые волосы пробила седина. Мимика у него была бедная от природы, поэтому морщины не успели появиться, но кожа уже одрябла. «Тридцать восемь, – думал Алей. – Впору пятьдесят дать. Любопытно, кто застрелил Сокола. Не он сам, конечно. Заказал? Что-то, я помню, было про кооперативы…»

Такое он тоже видывал. Когда предельный поиск впервые показал убийство (Алею не было ещё и восемнадцати), он страшно испугался, ночь не спал, а потом бросился к знакомому следователю. Выяснилось, конечно, что данные, полученные таким путём, не могут служить ни уликами, ни поводом для возбуждения дела. Алей, наверно, рехнулся бы от мук совести, не помоги ему приятели на лайфхакерском форуме. Минамото Дейрдре посоветовала просто сделать своё дело – взломать бандиту Предел. Так Алей и поступил. Через месяц убийца пришёл в милицию с чистосердечным.

«Что получится тут… – думал Алей. – Непонятно. Ладно, увидим».

Он провёл ещё две линии, параллельные оси абсцисс, одна – в плюсе по оси ординат, другая – в минусе.

– Это Пределы, – сказал он. – На самом деле их два. В просторечии они называются судьбой. Никакой другой судьбы нет. Приближение к верхнему Пределу означает, что человек… скажем так, нашёл смысл своей жизни. Созрел как личность. Но это ещё не всё.

Он прочертил извилистую линию между Пределами и вывел её за верхний.

– Запредельное, – продолжил он. – Обычно это некая громадная цель-мечта, достичь которой одним только трудом и упорством невозможно. Нужен счастливый случай. На Пределе человек приобретает… скажем так, способность притягивать случай. Это трудно объяснить.

– Мне понятно, – сказал Летен.

– Самостоятельно Предела достигают единицы. Для этого нужно посвятить годы самосовершенствованию. Отказываться от многих заманчивых, но ложных целей, отвергать стандартные сценарии или наоборот, осмысливать и принимать их. Думать, слушать. Это тяжело и сложно. К тому же, внешне запредельное может быть совершенно не похоже на привычный образ успеха. Оно всегда приносит счастье, но счастье у каждого своё.

– А что вы сделали с Поляной?

– Я взломал её Предел.

– Что это значит?

Алей помолчал.

– Ляна очень добрая девушка, – сказал он. – Она бы любила своего мужа, кто бы им ни стал. Ей могло бы повезти больше или меньше, только и всего. Шансы достичь Предела самой у неё были практически нулевые. Её это просто не интересовало. Но она мечтала о великой любви – огромной, до гроба, счастливой. И я решил найти для неё возможность выхода за Предел.

– Без всех этих медитаций? – уточнил Летен.

Голос его как будто дрогнул; лицо оставалось неподвижным, но в глазах проскользнуло что-то странное, светлое. «Он понял, – подумал Алей, – кто он для неё. Пусть. Это хорошо».

– Да. В сущности, не в медитациях дело. Нужен код. Этот код заложен в человеке изначально. Он состоит из впечатлений, озарений, мыслей – из некоторой их последовательности, которая приводит к пониманию. Я нахожу фрагменты этого кода.

– И объясняете, в какую сторону идти и где свернуть? – серьёзно спросил Летен.

– Да.

– Полезно.

Алей промолчал.

– Насколько я понял, – раздумчиво продолжал Летен; по лицу его ничего нельзя было понять, – вы можете найти не только эти фрагменты, но и вообще что угодно в прошлом и в будущем?

– Нет.

– А где границы?

Алей усмехнулся.

– Скажем, курс доллара на завтра я предсказать не могу.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, предельный поиск очень плохо работает с числами. Больше пяти предметов в запросе – проблема, точность падает до пятидесяти процентов. Больше десяти предметов – и получается уже не точность, а статистическая погрешность. А во-вторых, слишком много факторов, к которым я не имею даже косвенного доступа. В семантической сети не хватает узлов.

– Вы не имели даже косвенного доступа к делу Сокола Шершукова, – заметил Летен.

– Его фамилия была Шершуков? – спокойно уточнил Алей. – Я не смог бы это выяснить предельным поиском. Но вы были рядом и вы помнили о человеке по имени Сокол, которого кто-то когда-то застрелил.

– Вот как? – с интересом сказал Летен. – Значит, личное присутствие создает вам… своего рода доступ?

– Да, – ответил Алей. – Как иначе я мог бы взламывать Пределы незнакомых людей?

…По спине полз холодок. Алей положил листок с грубой схемой на стол и крепко сцепил пальцы, скрывая нервную дрожь. Нет, он не боялся Воронова, но ловил себя на каком-то изумлении: этот грубый человек, могучий как танк, был пугающе умён. «Всё правильно, – напомнил себе Алей. – У него же целая империя… бизнес-империя, и он идёт в политику. Он очень умный и очень хитрый. Надо быть осторожней». Он покусал губу и отвёл взгляд.

– А самому себе вы взломали Предел? – полюбопытствовал Летен.

– Нет.

– Почему?

– Мне больше нравится естественный способ, – устало ответил Алей. – Он экологичней. Итак, вам требуются мои услуги как лайфхакера?

Летен помолчал, глядя куда-то сквозь Алея.

– Я правильно понял, что знание кода ни к чему меня не обязывает?

– Да, так.

– Тогда ищите, Алей Веселин. Я с благодарностью приму этот подарок. От меня что-нибудь требуется?

Алей пожал плечами.

– Только некоторое время не отвлекать меня. Не задавайте вопросов, пока я не скажу, что уже всё. Хорошо?

Летен кивнул.

Он сел и скрестил руки на груди – Летен Воронов, огромный, страшный, рано постаревший, видевший самую грязную тьму и самый высокий свет. Человек, которому доводилось стрелять не только веселья ради. Во время поиска Алей не успел понять все полученные данные, но сейчас на грани осознания смутно брезжило – Сокола Шершукова убил киллер, и нанимал того не Воронов. Причину, по которой это убийство не давало Летену покоя, Алей не видел и уже не искал. Хватало понимания, что кого-то ещё Летен, бесспорно, убил, причём своими руками. Возможно, многих.

Человек, ставший подарком судьбы для доброй, славной Поляны.

Человек, чей образ в проекции на ассоциативную атмосферу был странно огромен – Алей никогда не встречал подобного.

Человек, с которого он уже два раза стартовал цепочки и всякий раз находил нечто пугающее.

На очереди был Предел.

Алей уже не верил, что за Пределом Летена окажется всего лишь министерское кресло. Это было бы слишком… просто. Очевидная, понятная, логичная вершина чиновничьей карьеры. Воронов не из тех, кто довольствуется простым успехом.

Но что тогда?

Алей смотрел на Летена неотрывно, словно загипнотизированный: ловил ассоциации, смутные ощущения, подсказки. В поиске Предела самым сложным было правильно настроиться на человека и не перепутать великую истинную цель с каким-нибудь малым, но горячечным желанием. Соображения клиента тут могли только помешать: люди, далёкие от Предела, часто даже не догадываются, чего на самом деле хотят.

Летен спокойно ждал.

Расслабленная рука его лежала на подлокотнике кресла. Под безупречно чистой манжетой серебрился браслет часов, похожий на танковую гусеницу.

Короткая молния-озарение пронеслась и сгинула среди теней: примета, догадка.

«Уже второй раз, – подумал Алей. – Опять танки. Он в танковых войсках служил, что ли? Больно здоровенный для танкиста…» – и спросил:

– А вы в армии в каких частях служили?..

– Десант.

«Понятно», – подумал Алей; ничего ему не было понятно.

Он повернулся к компьютеру.

Профессия у Воронова в самом деле была рабочая, диплом заочного юрфака ничего не менял, Алей вообще подозревал, что диплом просто куплен по какой-то необходимости. Ум, уверенность в себе и природная сдержанность заменяли Летену воспитание – там, где оно требовалось.

Времени хватало. Не было нужды торопиться и беспокоиться. С лёту найти код Предела невозможно в принципе, слишком это сложная и богатая смыслами штука. Если на первый взгляд зацепок нет вообще – это тоже нормально, это значит, что нужно продолжать настройку, потому что нет резонанса…

Алей закрыл глаза.

Ничего.

Ничего, кроме танков.

«Хорошо, – решил он, – танки так танки. Стартуем с них».

Армия. Война.

Гражданское население.

Гражданская война…

«Господи, ужас какой», – мелькнула мысль, хотя

промежуточная ассоциация сама по себе ничего не значила.

Сила. Огромная грозная сила.

Власть.

«Пожалуй, можно было начинать прямо с власти», – подумал Алей и открыл соответствующую страницу энциклопедии – так проще было уйти куда-нибудь по ассоциациям.

История. Возможность совершить нечто великое и войти в историю.

Алей кликнул по случайной ссылке: открылась страница о каком-то перевороте, справа мелькнуло видео – по улице города шли танки…

…И внутренний экран вспыхнул снова – там, позади глаз. Словно кто-то нажал на кнопку, включая проектор.

Тяжёлые солдатские сапоги впечатываются в брусчатку.

Знамёна реют над площадью.

Вот высокий зал, озарённый ярким, режущим глаза светом; ряды поднимаются амфитеатром, зал полон, забит до отказа, люди стоят в переходах, но те, кому досталось место в рядах, тоже стоят. Они слушают, не дыша. Впереди, под незнакомым сверкающим гербом, на трибуне – тот, кто говорит…

Небо, светлое бесконечное небо распахивается над утренним городом. С дальних аэродромов поднимаются истребители, чтобы в урочный час пронестись горделиво над торжественными колоннами демонстраций.

Портреты на стенах.

Портреты на стенах домов, огромные, многометровые.

Лица людей на улицах под портретами – невыразительные, непроницаемые: глаза опущены, опущены уголки губ. Рядом другие люди – с гордо поднятыми головами, ликующие, счастливые.

Интернет, обмелевший точно река: бесконечные объявления «сайт закрыт». Обрезан доступ к заграничным ресурсам.

Беззвучно – в ассоциативном потоке не бывает звуков, если только лайфхакер не слеп, – читают новости диктор с телеэкрана и диктор из окошка телеканала онлайн.

Сделано заявление.

Принят закон.

Воля народа.

Родина.

Алей вздрогнул. Звука по-прежнему не было, но он мог чувствовать интонацию – будто бы осязать. С такой торжественностью слово «Родина» в новостях не произносили уже четверть века.

Поляна Родина посетила с визитом… помощь детям…

международная обстановка…

На телеэкране Поляна шла через парк, улыбаясь радостной, чуть смущённой улыбкой, осторожно спускалась по мраморным ступенькам, подавала кому-то руку. Голос за кадром, восхищённый и подобострастный, лился чистым мёдом. Репортаж был о Поляне Родине Вороновой, супруге…

Алей очнулся.

Он чувствовал себя так, будто упал и ударился затылком. Голова гудела, в глазах всё двоилось и плыло, тошнота подкатывала к горлу. Некоторое время он не мог сообразить, сидит или лежит навзничь. Потом он не без труда выкарабкался из кресла и встал перед компьютерным столом, низко опустив голову – так было легче дышать.

В норме предельный поиск не вызывал особых эмоций, но то, что Алей пережил сейчас, не было нормальным поиском. Он припоминал: на форуме кое-кто утверждал, что видит картины, но этому не особо верили. Визионеры почти всегда вскоре бросали лайфхакинг. Теперь Алей понимал, почему. «Нет уж, – повторял он, судорожно встряхиваясь и нарочито глубоко дыша, – нет уж, если так дальше пойдёт, я тоже брошу это дело. Это, извините, для здоровья вредно. Здоровье дороже». Встрёпанный хвост свесился с плеча, волосы полезли в рот, но стоило поднять руку, чтоб убрать их, как комната пошла кругом; Алей пошатнулся.

– Вы в порядке? – донёсся откуда-то издалека знакомый голос.

Тот голос, который Алей Обережь слышал – будет слышать – по всем каналам телевидения и радио.

Тот, которому стоя внимали люди в высоком зале.

Обладатель голоса поднялся и шагнул к Алею, готовый подхватить его, если он упадёт.

– Вы меня просили помолчать, – с долей иронии сказал он и продолжил уже серьёзно, – но, по-моему, случай не тот. Воды? Скорую?

– Нет.

– Уверены?

Алей нащупал за собой кресло и рухнул в него.

– Я… всё в порядке. Слишком… я перенапрягся. Немного. Не беспокойтесь. Извините.

– Дело ваше.

Застывшим взглядом Алей уставился в монитор. Нужно было что-то сказать… что-то сделать, закончить работу, в конце концов. Он ведь толком не вычленил ещё фрагменты кода из цепочки. Из дикого, пугающего видения, которое пришло ему,

трудно было что-либо вычленить.

Нужно было поблагодарить за заботу. Повернуть голову и посмотреть в лицо.

Пусть даже не в лицо, если в лицо ему смотреть – выше сил.

Просто повернуть голову в ту сторону, где стоит он, Летен Воронов.

Вождь.

Диктатор.

Отец народа.

Алея бросило в ледяной пот.

Он всегда полагал, что это метафора, но сейчас зубы у него действительно застучали, а рубашка на спине стала липкой. Видение было слишком ярким – во много раз ярче первого, недавнего, с электричкой и озером в тумане, – очень ярким, очень долгим и страшно реальным. «Я должен, – лихорадочно метались мысли, – я должен собраться! Моей помощи ждёт сам Летен Истин! Сейчас… сейчас, скорее, я найду код, я расскажу, объясню!.. и он встанет… он позаботится обо всех, он поднимет Отчизну с колен!»

– О Господи, – вслух сказал Алей и закусил пальцы левой руки, – правая легла на мышь. Губы пересохли. Подводило живот, всё тяжелее подкатывала тошнота, но хотя бы голова перестала кружиться.

– Ляна! – окликнул гениальный лидер страны, – принеси водички, пожалуйста! Или соку какого, если есть.

Он был здесь, рядом, в одном шаге, в этой тесной квартирке, сам Воронов!..

– Сейчас, а что? – донеслось с кухни. – А я тут курочку запекаю.

– Ты умница. Чего-то Алею Веселину нехорошо.

– Ой! – вскрикнула Поляна и мгновенно появилась на пороге с пластмассовым кувшином и чашкой. – Алик! Ты чего? Что с тобой?

Алей механически протянул руку. Пальцы тряслись. Поляна бережно придержала его ладонь своей, помогла донести чашку до губ, он отпил глоток, второй пролил на подбородок. «Спасибо», – произнёс беззвучно; мелькнуло лицо Поляны – забавное, с приоткрытым ртом, испуганное и озабоченное.

Поляна Родина, верная спутница и первая помощница, крепкий тыл великого человека и великая его любовь…

…и Алей очнулся во второй раз.

Было тихо.

В форточку задувал ветер, шумели деревья в сквере. Малышей со двора увели обедать. Алей сидел за компьютером,

держась за мышь как за последнюю надежду, и тупо смотрел в монитор, а Поляна и Летен смотрели на него – выжидающе и тревожно.

Алей глубоко вздохнул и плотно закрыл глаза.

Нужно было успокоиться и подумать.

Нужно было думать очень быстро.

Он определил срок в один час и промахнулся: код, контуры которого уже различал Алей, был слишком длинным и сложным, на него требовалось втрое больше времени.

Только Воронов не должен был его получить.

Его самореализация, его счастье, его предназначение и высокая цель, пусть они потрясают величием на страницах учебников и исторических монографий – но не в этом мире!

Слишком туго придётся миру, у которого он потребует исполнения своей мечты.

«Что же делать, – мучительно размышлял Алей, – что же делать… Я же всё ему объяснил, чёрт меня подери, он всё знает про код и Пределы. Что, просто взять и отказаться? Это же Воронов. Он способен давить людей танками. Он из меня вытрясет всё, что ему надо. Я должен что-то сделать… как-то ухитриться сделать так, чтобы Предела он не достиг».

Как?

Придумать фальшивую кодовую цепочку? Прямо здесь, сейчас. Разве мало Алей видел цепочек? Даже если фантазия откажет, можно вспомнить чью-нибудь чужую.

«Но он же всё равно пойдёт к цели!» – в отчаянии подумал Алей. С помощью лайфхакера или без оной, Воронов не остановится и не сдастся. Пусть дойти у него один шанс из миллиона – даже свалившись на полпути, он успеет сотворить много зла.

Есть ещё один выход.

Пределов два.

Второй, нижний – это дно неудачи, ниже которого не может упасть человек. За ним лежит область смерти. Можно показать Воронову путь ко второму Пределу – и уберечь от него мир.

Но Поляна…

Для неё это означает страшное горе и жизнь, полную страдания, потому что никогда, на вершине власти или в грязи ничтожества, – она его не предаст.

«Нет, – решил Алей. – Я не имею права этого делать. Значит, нужна фальшивая цепочка».

Потом ему пришла мысль получше.

– Летен Истин, – медленно проговорил он, допив воду из

чашки, – прошу прощения за беспокойство. Я увидел ваш Предел. Это нечто весьма впечатляющее. Думаю, вы и сами это предчувствуете.

Глаза Поляны возбуждённо загорелись. Воронов усмехнулся.

– Вы неординарный человек, – на всякий случай Алей польстил вождю ещё раз. – Эту задачу у меня не получится решить в один приём. Она мне… очень интересна. Дайте мне неделю. Через неделю я опишу вам все фрагменты кода, которые сумею найти.

Воронов подумал.

– У меня много дел, – сказал он. – Позвоните мне в четверг, – и положил на стол визитку. – Я вас приглашу к себе. Полагаю, ваше рабочее время нужно оплатить.

– Н-не стоит, – испуганно промямлил Алей.

– Не волнуйтесь, – сказал Воронов так спокойно, что Алей мгновенно смирился.

Поляна наморщила лоб.

– Надо бы стол выдвинуть, – сказала она.

– З-зачем? – ошалело спросил Алей, подумав, что он так и заикой станет.

– Курочку кушать! – строго сказала Поляна. – На кухне сесть негде.

– А… да…

Воронов посмотрел на часы.

– Время есть, – весело сказал он, – оценим Полянину стряпню, Алей Веселин?

– Да… к-конечно.

– Командуйте, – добродушно продолжал Воронов, – куда стол ставить.

– А тут… на середину комнаты вот.

Воронов переставил стол легко, как бумажный, принёс из угла табурет. Поляна улыбнулась и ушла на кухню, оттуда донеслось постукивание крышек, позвякивание приборов, потёк аппетитный аромат… «Господи, – думал Алей, – меня же трясёт. За одним столом с ним сидеть. Я свихнусь. Нет, погоди, он ещё никто, то есть он ещё не тот Воронов, он просто человек…»

Летен негромко засмеялся.

– Знаете, – сказал он, – чем дольше я на вас смотрю, Алей Веселин, тем больше я в вас верю.

Проводив их, Алей лёг на тахту навзничь и закрыл глаза.

Он не смог оценить полянинoго мастерства – жевал её кулинарный шедевр как бумагу. Все его мысли занимал Воронов. Летен сидел напротив, неторопливо, со вкусом ел, улыбался

щебечущей Поляне, – а Алей видел его изваяния на площадях и его портреты на небоскрёбах.

То, чего не должно случиться.

Теперь он вспоминал первый за сегодня поиск, который стартовал с Летена, ещё почти ничего о нём не зная. «Неправда», – пришёл тогда ответ. «Всё ясно, – зло думал Алей. – С поиском будущего всегда так: ответ чёткий, но понять его можно только тогда, когда будущее уже настало. Я искал причину дурного предчувствия, она была в будущем, я фактически пытался строить из себя предсказателя… Нострадамус несчастный. Предчувствие было – у меня, и врать придётся – мне. И не врать, а обманывать. Причём с самыми подлыми целями… Я должен отобрать у человека мечту. А как иначе?.. Господи, как мерзко-то».

Он перевернулся на бок и подложил руку под голову. В форточку дуло, ноги мёрзли. Алей заполз под плед и сжался в комок, обняв колени.

Тошно было, хоть кричи.

«Хорошо, что я неделю себе выгадал, – угрюмо заключил он. – Со страху сейчас такого бы наплёл!.. Воронов… он хуже, чем умный – у него чутьё. Он мне поверил не тогда, когда я ему про красноярские его подвиги рассказывал, а тогда, когда я увидел его Предел и задёргался… А ведь он сказал, что идёт в политику. Господи, да он уже сейчас знает, зачем идёт!» Снова и снова в памяти прокручивались реплики Воронова; неприятно томило под ложечкой. «Сначала он сказал, что с благодарностью примет подарок, – вспоминал Алей, – а потом вдруг решил мне заплатить. Это не из-за того, что я заговорил о сложности задачи. Воронов решил, что я ему нужен. Как ищейка. Поляна, дурочка! Во что ты меня впутала?! Господи, за что мне это… Нет, я должен. Должен справиться. Я уже знаю, что делать. У меня есть неделя».

На этом мысли кончились. От усталости клонило в сон, но нервы ещё звенели от напряжения, и заснуть не удавалось; Алей лежал в полудрёме, полуоцепенении. Слух обострился, звуки с улицы и из соседних квартир казались оглушительно громкими и отдавались эхом в пухнущей голове.

Кто-то шёл к подъезду от гаражей.

Больше под окнами никого не было, ни детей, ни бабушек. Одинокий путник не торопился – наверно, никуда не спешил. Вот прохрустел под его каблуками гравий, вот они застукали по асфальту… Что-то в звуке шагов казалось знакомым, словно Алей уже прислушивался к нему тысячу раз – так, что запомнил походку. Он напрягся, пытаясь различить, что же в его памяти так живо откликается этим шагам.

Путник остановился совсем рядом.

Не стукнула дверь, не скрипнула рассохшаяся скамейка у подъезда, не зафырчал мотор машины. Человек просто стоял под окнами.

А потом хлынул внезапный, радостный летний дождь.

Он забарабанил по козырьку окна, по густой листве; в форточку полетела мелкая морось, стукнула в стекло ветка. Разом стало намного холоднее, но Алей, наоборот, перестал мёрзнуть. Тяжёлое оцепенение отпустило его, проснулось любопытство, и он подошёл к окну посмотреть, кто там внизу.

Но двор был уже пуст.

На воскресенье Алей постановил отложить все мрачные мысли и мировые проблемы. Близилась сессия, надо было писать курсовую. К тому же сложные расчёты и структурирование больших массивов информации как ничто другое успокаивали нервы и способствовали ясности сознания.

В субботу вечером он зашёл на лайфхакерский форум и оставил в закрытом разделе вопрос: что думают собратья о случаях, когда человек опасен, а после взлома обещает стать ещё опаснее? Как должен поступить истинный лайфхакер, столкнувшись с таким клиентом?

Он уже дал себе ответ на этот вопрос и не собирался менять мнение. Ему просто очень хотелось поддержки от своих. Алей никогда не видел этих людей – ни Джейка Семнадцатого, ни Минамото Дейрдре, ни Сержанта, – даже не знал, как они выглядят и как их на самом деле зовут, но они были ему дороги. Так дороги хорошие книги, которые можно закрыть и никогда не открывать больше, – они всё равно навсегда сделались частью твоей жизни.

Привычки собратьев Алей давно изучил. В закрытом разделе не приветствовались короткие реплики, под болтовню отвели другие места; в воскресенье завсегдатаи форума будут размышлять, а в понедельник мало-помалу начнут появляться ответы.

В понедельник Алей собирался прогулять консультацию и поговорить с мамой об Инее.

Разговор предстоял тяжёлый, и вдвойне тяжёлый из-за того, что у самого Алея ситуация переменилась. До явления Воронова он всерьёз думал забрать братишку к себе. Не разводиться же, в самом деле, матери с отчимом, их браку всего полгода, им ещё предстоит притереться друг к другу. Шишов не умел обращаться с детьми, тем более – с непростыми, замкнутыми мальчиками на пороге взросления. Опасно было оставлять Инея с ним, у парня могли возникнуть серьёзные психологические проблемы. Пусть о

привольной жизни Алею придётся забыть, пусть нельзя будет оставить девушку на ночь, зато Инька сможет дышать свободно.

Но если за Алея возьмётся Воронов…

«Если он захочет, чтобы я на него работал… – думал Алей. – Я, конечно, попробую выкрутиться. Попробую найти выход. Но если не получится – тогда Инька должен быть как можно дальше от меня. И Инька, и мама, и Шишов. Нельзя, чтобы им из-за меня грозила хоть какая-то опасность».

…Вечером в воскресенье он лежал в постели, закинув руки за голову, и размышлял. День, заполненный расчётами, действительно помог собраться, теперь мозг работал как компьютер.

Алей собирался поставить Воронову ложный Предел.

Каждый человек способен достичь Предела. Чаще всего этому мешают укоренившиеся в сознании стереотипы – стандартная разметка мира, – и привычный образ успеха, который путают со счастьем. В разметке самой по себе нет ничего дурного, изначально это адаптационный механизм: поиск пристанища в беспредельном непредсказуемом космосе. Но там, где один находит точку опоры, другой хоронится в пещеру. В пещере относительно безопасно, просто и даже комфортно, пусть снаружи бродят дикие звери, а внутри маячит призрак голода – зато не нужно изобретать колесо, строить пирамиды и лететь на Луну…

Чем больше стереотипов человек оценивает критически, чем меньшую власть они имеют над ним, тем он ближе к тому, чтобы переступить Предел самостоятельно. Это ещё не всё, но без этого вообще ничего не получится. Фрагменты кода, которые находит лайфхакер при взломе, процентов на тридцать состоят из идей и образов, идущих вразрез с привычной для клиента понятийной разметкой.

На эти тридцать процентов Алей намеревался сократить цепочку.

Зато оставшиеся семьдесят должны были быть настоящими, и, как положено настоящему коду, затрагивать глубинные струны души и отзываться в сердце… «Поляна знает, как должна выглядеть цепочка, – думал Алей, – я ей рассказывал, что код вызывает сильные эмоции, она сама через это прошла. Она женщина, любящая женщина, она будет допытываться у Воронова, что он чувствует… Ещё и поэтому нельзя его разыгрывать с фальшивой цепочкой. Он слишком умён».

Оставшиеся семьдесят процентов…

Алей задремал и продолжал размышлять в полусне. Мысли текли своевольным потоком. Ещё двадцать или тридцать

процентов кода – то, что помогает разрешить внутренние конфликты, найти точку покоя в самом себе. Чему служит остальное – загадка. Можно было бы, наверное, выяснить, если собрать статистику и провести исследование, но никто не горел желанием заняться этим большим и ненужным делом. Да и знания для такого труда требовались колоссальные… запредельные… Запредельное. В самом начале Алей представлял Воронова в министерском кресле? Вот и отлично. Большая власть и большая ответственность – именно то, чего жаждет его душа. Не имея ключа для выхода за грань привычного, он ничего не нарушит в течении событий, не изменит мир и не совершит государственный переворот.

Минамото Дейрдре когда-то излагала свои мысли о коде Предела. Она рассказывала, что в буддийских монастырях практиковались медитации: полгода на обдумывание каждого понятия из коротенькой мантры. Полгода неустанных размышлений об одном-единственном слове – этого хватало, чтобы перебрать все стереотипы, связанные с ним осознанно или неосознанно и выйти, наконец, на свободу. Так те, для кого просветление и было настоящим запредельным счастьем, достигали его. «Естественным путём код можно получить в странствиях по миру или в медитации на один предмет, – писала Дейрдре, – это непредсказуемо. Погоня за сильными впечатлениями, изучение философии, личная терапия – ничто из этого не увеличивает шансы. Пусковой механизм у каждого свой. Мы выступаем катализатором реакции. Возможно, если бы мы поняли, как работает наш собственный ассоциативный поиск, мы разобрались бы и в природе Предела».

«Если бы мы поняли, как устроена Старица!» – вспомнилось Алею; голос Ворона Вежина прозвучал где-то в стороне, в дремотной дымке.

Доступ к Старице.

Выход за Предел.

«Интересно, – подумал Алей, – люди, достигшие Предела, умеют выходить к Старице?..»

С этой мыслью он уснул и видел во сне туманную реку, едва приметную тропу вдоль берега и мерно колышущиеся вершины деревьев на фоне неба, затянутого облаками.

Ночью снова шёл дождь – наследил по обочинам лужами, смыл с листьев первую пыль. Белые высотки сверкали, переливая друг другу один ослепительный жидкий блик. В Новом Пухово зелени было меньше, чем в Старом, молоденькие деревца вдоль дорог едва прижились. Ясный воздух, расчерченный чёрными

проводами, звенел в вышине. День выдался ветреный, солнечный и какой-то чужой; Алей медленно шёл мимо частых, пустых в будний день магазинов и думал, что скажет матери.

К его приходу мама нарядилась, точно ждала не родного сына, а кого-то едва знакомого. Даже волосы уложила. В юбке из панбархата и синей кофточке она притулилась за кухонным столом на табурете – сидела боком, смущаясь, маленькая и потерянная. На стене тикали большие деревянные часы, в окно светило солнце, и видно было только солнце, небо, крыши соседних домов. Двадцатый этаж… Кухня у Шишова была просторная и светлая, и вся квартира – светлая, полупустая, какая-то казённая. «Это мне так кажется, – думал Алей, – потому что не нравится мне здесь». Он сидел на жёстком диванчике напротив матери, смотрел на неё и всё никак не мог начать разговор.

Потом Весела встрепенулась и попыталась Алея накормить – не то вторым завтраком, не то ранним обедом, – но он отговорился тем, что к нему приходит Поляна и каждый раз стряпает целыми кастрюлями. Ему не хотелось есть в доме Шишова. Мама Поляну знала и любила, и, услышав про неё, успокоилась.

– А как твоя новая девочка? – спросила она, наконец. – Весна, кажется?

– Осень. У нас всё хорошо.

– Жениться не собираетесь?

Алей хмыкнул, опуская глаза.

– Вроде нет.

– Да, – согласилась мама, – тебе рано ещё, надо институт закончить. А я подумала: ты хорошим отцом будешь, Алик. За Иню как переживаешь…

– Маленьких обижать нельзя, – сказал Алей. – Мама, пойдём погуляем, а? Сейчас хорошо: тепло, ветер… Развеешься немножко.

Та закивала.

– Конечно, Алик. Хорошо.

Выйдя из подъезда, Алей немного растерялся. В Старом Пухово за каждым домом раскидывался сквер, достаточно большой, чтобы гулять в нём полчаса, а если направиться через дворы, да примоститься где-нибудь на укромной скамейке – целый день мог пролететь незаметно… Здесь вокруг были только магазины. Не по магазинам же гулять.

Мама взяла его под руку и медленно пошла по тротуару к дальней автомагистрали.

– Мама, – сказал Алей, почему-то испытывая неловкость от

звука своего голоса, – а как у вас с Шишовым?

– Его Лёва зовут, Алик.

– Хорошо, – покорно повторил Алей, – как у вас с… дядей Лёвой?

– Всё нормально… – уронила мать, глядя прямо перед собой.

– А если честно?

– Это нормально, Алик, попервости ссориться. Мы с твоим папой, бывало, тарелки били…

Алей приподнял брови.

– Ты, мама? Била тарелки?

Весела прикрыла глаза и улыбнулась тихо, чуть мечтательно.

– Папа. У него присловье было: «развод, тарелки пополам!» А мама Зуря его как то подначивать стала, что ему слабо. А я заодно с ней. Так он схватил тарелку и… – она засмеялась.

– А ты бабушку мамой называла?

– А ты не помнишь?

– Нет. Наверно, маленький был.

– Да уже не маленький. Она добрая была, как мама. А мои мама с папой, твои другие бабушка и дедушка, они ведь умерли давно. В Воронеже. Я тогда только в институт поступила. Я всё хочу на могилки съездить. Сначала вас с Инькой нельзя было одних оставить, теперь вот Лёва…

– Что?

– Хочет со мной поехать, а на работе всё времени нет. Вот отпуск будет, поедем.

– Одну не отпускает?

– Не отпускает…

– Вы часто ссоритесь?

– Нет… Лёва, он очень… хозяйственный, строгий, как он сказал, так и будет, а я всё… несерьёзно как-то. С папой твоим всё у нас как-то несерьёзно было, весело… Господи, Алик, как я его любила!

Она остановилась. Алей осторожно взял её за плечи, повернул лицом к себе. На глазах матери блестели слёзы. В муке приоткрыв рот, она покачивала головой, точно не верила во что-то, представшее взгляду. Алей обнял её крепко, прижал к груди, тихонько баюкая.

– Не могу, – шептала она, спрятав лицо на его плече, – не могу, любой разговор на него сворачиваю, от этого и Лёва сердится…

– Ну что ты, мама…

– Я ведь, – она порывисто вскинулась, нашла его взгляд, – я ведь заупокойную службу по нём заказала, хоть он и некрещёный был и неверующий. Всё мечусь, мечусь – как же его забыть…

Плачу, Бога молю. Сил никаких нет. Пока с вами была, с двумя, как-то в делах, в заботах утихало сердце, и ты, Алик – ты так на него похож стал. Бывало, посмотрю на тебя и Ясеня вижу.

Алей закусил губу. Мама дрожала как в лихорадке, и он пожалел, что повёл её гулять, а потом подумал – в доме нового мужа, где она изо всех сил старалась держать себя в руках, она бы не решилась рассказать о своих тревогах. «Да что ж это такое, – загрустил он, – всё наперекосяк…»

– Он мне стихи посвящал, – сбивчиво шептала Весела. – «И пламенем счастья, и сталью печали клянусь – никогда я тебя не оставлю». И оставил… Это так всегда, когда со стихами.

– Мама…

– Я на исповеди была, – торопливо продолжала она, точно боялась, что не успеет выговориться. – Батюшка говорит – грех, грех, что я о нём так думаю, надобно покойника отпустить, только Бога молить за грешную его душу.

Алей вздохнул.

– А я… до сих пор… – исчезающим шепотом продолжала Весела. – Ведь как вчера он еще здесь был… до сих пор, веришь, не верю, что умер… такие, как он – не умирают… До сих пор люблю его как живого!

Алей отвёл взгляд. Снова прижал маму к себе, стал гладить по голове, по узлу волос, пронзённому шпильками, по тёплой шее.

– А с Шишовым как же? – печально спросил он. – Я думал, ты его… Я поэтому тебе и советовал замуж выходить.

– Я…

Она вдруг умолкла и отстранилась. Вытащила из сумочки платок, зеркальце, стала вытирать расплывшуюся подводку, облизывая уголок платка. Лицо у неё сделалось сосредоточенное и знакомое-знакомое: совсем малышом Алик любил смотреть, как мама наводит красоту у зеркала. Рядом с зеркалом висела бронзовая чеканка: колдунья с чашей огня. В молодости мама была красивая, точно как та колдунья… и сейчас тоже – красивая.

Алей молчал. Ждал.

– Раньше так не было, – сказала мама грустно, но уже спокойно. – Пойми, Алик… Я, наверно, привыкла, что Яся ходит в походы, и мне казалось, где-то глубоко внутри казалось, что он всё ещё в походе и однажды вернётся. Вот я и тосковала… не очень сильно. А как замуж вышла, стала жить с мужем – каждая мелочь, каждое слово напоминает, что это не он, что его больше нет… Лёва меня любит, он всё терпит, но я и сама понимаю, что нельзя так.

– Мама, зачем ты за него вышла? – тихо спросил Алей. – Ты

же его не любишь.

– Ах, сына… – она прикрыла глаза, – налюбилась я на своем веку. Это ведь больно, милый, очень больно, особенно когда… вот так потом… Пусть теперь меня – любят.

Алей ничего не ответил.

Обратно они шли молча, и только у самого подъезда Алей спросил:

– А как Иня?

– Иня на классный час пошёл, скоро придёт, принесёт отметки… Ты знаешь, Лёва сказал, что он сорвался и больше так не будет.

– Кому сказал?

– Мне.

– А Инею?

– А что? – удивилась Весела, – Иня маленький… Знаешь, тут и я виновата. Я всё время перед Лёвой о Ясе рассуждала, довела человека до трясучки, а тут вдруг Иня ту же песню запел… чужой ведь сын, пасынок, Лёва старается ему отцом быть, и вдруг такое отторжение.

Алей помрачнел.

– Он извинится?

– Кто?

– Лёва. Перед Инькой.

– Ты что, с ума сошёл, – мать заморгала от удивления; веки у неё были припухшие, глаза покраснели от недавних слёз. – Взрослый человек, должен быть авторитетом…

– Понятно.

«Я ничего не могу сделать, – Алей впился ногтями в ладони. – Раньше мама такой не была. Это она Шишова наслушалась, или бабок каких-нибудь в церкви… авторитет. Тьфу. Чтобы папа об авторитете рассуждал – представить не могу. Ему это надо не было. И Воронову не надо, хотя он-то как раз авторитет… Тут есть только один выход. Нужно каким-то образом раз и навсегда закончить дела с Вороновым. А потом забрать Иньку к себе».

– Алик, – сказала мать, отпирая тамбур этажа, – а ты не хочешь всё-таки пообедать? Скоро Иня из школы придёт, можете вместе пообедать, учёбу обсудите. Ты ведь у меня отличник, медаль бы получил, если б в экстерн не пошёл, а Иня что-то…

– Нет, – ответил Алей, – нет, спасибо. Пойду я, мам, может, ещё в институт успею.

– Вот, – заулыбалась та, – узнаю моего Алика.

Алей натянуто улыбнулся: он врал. Сегодняшний день он собирался посвятить поискам фрагментов кодовой цепочки для Воронова.

– Мама, – предложил он, – я вижу, тебе сложно… может, тебе к психологу пойти? Он что-нибудь скажет, поможет…

– Алик! – Весела возмущённо вскинулась. – Как тебе не стыдно такие вещи матери говорить!?

– А что? – смешался он.

– Психическую тоже нашёл! Всё, всё, давай не будем ссориться, чтоб я больше такого не слышала. Очень ты умный, Алик, идеи у тебя… всякие. Необычные.

– Извини, – он развёл руками, силясь не засмеяться. – Не хотел тебя обидеть. Ладно, мам, до встречи. Счастливо.

Весела улыбнулась и поцеловала его в щёку.

Иней Обережь шёл домой.

Ветер неприятно холодил бритую голову. Иней со скукой глазел по сторонам, еле переставлял ноги, запинался об рюкзак и об пакет со сменкой.

Домой не хотелось.

Он был один.

Комарова отец в пятницу увёз на дачу, а обратно привёз сегодня поздно утром, и в школу Лёнька уже не успел; если бы Иней сказал «приходи» – Клён бы пришёл, но Иней сказал «не надо». Ему сейчас не хотелось видеть даже Лёньку.

Потому что на самом деле он был один.

Совсем.

У мамы новый муж. Она стала другой, чужой. У Алика девушка, а будет невеста и жена, он тоже станет совсем чужим. Иней ему только помешает. Лёнька друг, каких мало, друг как в песне – в беде не бросит, лишнего не спросит, настоящий верный друг… но друг – это не семья.

А папа Инея умер за полгода до его рождения.

Никого нет.

…Иней закрыл глаза и некоторое время шёл так, вслепую, просто ради эксперимента: закружится голова или не закружится, оступится он или не оступится? Солнце било сквозь веки. Ровно, протяжно, будто мирные звери, гудели провода. По магистрали вдали проносились машины, а рядом всё было тихо. «Пойдём с Лёнькой в лес играть, – подумалось Инею. – С собакой. Каникулы же наступили, больше уроков учить не надо. Будем каждый день гулять. Если дождь не пойдёт».

Иней проморгался и отметил, что сошёл с середины тротуара к самой кромке. Он вскинул рюкзак на плечо. «А если дождь пойдёт – в гости ходить будем друг к другу, – решил он, – под зонтиками».

От этой мысли тоска отпустила и чуть-чуть потеплело на

сердце. Иней улыбнулся украдкой.

Всё-таки каникулы наступили. Свобода!

И в шестой класс он перешёл без троек. По математике за все четверти вместе четвёрка получилась. Алик, конечно, вообще без четвёрок учился… ну, он такой. Он гений.

До дома оставалось совсем немного. Иней подумал, что гадский Шишов на работе и придёт только поздно вечером, а пока можно будет поиграть во что-нибудь на компьютере. Мама не станет гнать, она сейчас расстроенная из-за того, что Иней на неё обиделся.

…Потом он почувствовал взгляд.

На углу стоял человек.

Средних лет мужчина в видавших виды джинсах и серой ветровке, он стоял, как будто ждал кого-то. И смотрел на Инея.

Улица была пуста. У магазина за школой толклись люди, но так далеко, что они не считались.

Иней забеспокоился. Ему хватало сообразительности, чтобы понимать – незнакомец может быть опасен.

Особенно когда вот так смотрит.

И никого вокруг.

Вдруг это какой-нибудь… злой? Из таких, о которых по телевизору говорят?

Может, бежать придётся.

«Куда бежать-то? – затревожился Иней. – До подъезда-то я добегу, недалеко. Но там кодовый замок. Пока открою… Нет, побегу в супермаркет, там охранник есть». Приняв решение, он приободрился и расправил плечи. Секунду помедлив, надел рюкзак на оба плеча, чтобы не мешал бежать, если что.

А незнакомец всё смотрел и смотрел.

Потом медленно пошёл к Инею.

Он шёл неуверенно, словно у него кружилась голова, и как-то странно вздрагивал всем лицом – ртом, веками, бровями. Как будто что-то страшно волновало его и мучило, но он старался сдерживаться. Иней смотрел пристально, не отрываясь; он весь напрягся, ловя момент, когда пора будет рвануться в сторону.

Но вместе с тем в мысли закралось сомнение.

Мужчина в серой куртке приближался, и становилось видно… очень уж ясно становилось то, чего Иней до сих пор не замечал. Да и сейчас боялся заметить. Холодок потёк по спине, сердце в груди тревожно и робко замерло. «Тьфу ты! – грубовато сказал Иней сам себе. – Струсил тоже. Зря разволновался. Может, он… мало ли, просто дорогу спросить хочет».

Может, действительно сейчас дорогу спросит.

Только уж очень смотрит странно…

Странный тип в серой куртке остановился шагах в четырёх от Инея и дальше не двинулся. Он, кажется, понимал, что напугал мальчика и не хотел ещё больше его пугать.

– Привет, – глухо сказал он.

Иней отступил.

– Ты ведь Иней? – спросил незнакомец с надеждой. – Иней Обережь?

– Я.

– Ты не пугайся, – попросил Серая куртка таким голосом, будто сам Инея боялся.

Из супермаркета вышла женщина, стала перекладывать покупки из корзины в багажник автомобиля. Вокруг неё вертелась маленькая дочка в весёленьком жёлтом пальтишке – точно огонёк прыгал. Иней отвёл взгляд от Серой куртки и смотрел теперь на маму с дочкой, судорожно вцепившись в пакет со сменной обувью: пальцы заледенели, в груди болезненно ёкало.

– Не пугайся, пожалуйста, – повторил Серая куртка.

– Я не пугаюсь, – осторожно ответил Иней, глянув на него исподлобья. – А вы чего?

Тип в серой куртке замялся и нервно облизнул губы. Лицо его исказилось. Иней моргнул. Сердце бухнуло раз, другой и заколотилось как бешеное.

– Ты меня не узнаёшь? – тихо спросил тип.

Иней проглотил комок. Потёр бритую макушку.

– А вы кто? – через силу выговорил он и отступил ещё на шаг.

Он весь дрожал, но не от страха, а от какого-то иного чувства, которое перехватывало дыхание и приподнимало изнутри, как волна.

На самом деле Иней давно узнал этого человека, и не только потому, что видел его сотни раз – в записи на мониторе, на фотографиях в альбоме и глазами своего сердца. Встречный был поразительно, до ужаса похож на Алика – на такого Алика, каким тот стал бы лет через двадцать. У него даже хвост по спине болтался. Пробитый сединой вороной хвост…

– Ты меня не узнаёшь? – беспомощно повторил Серая куртка. Он шагнул ближе к Инею и заискивающе, как собака Луша, заглянул в глаза.

Иней открыл рот да так и остался стоять – дурак дураком.

Трудно было дышать. Всё вокруг – солнце, небо, дома, дороги – словно поблёкло, ушло в тень, вдаль. Мир сузился до одного-единственного лица, в которое Иней смотрел, смотрел, смотрел – и не мог оторваться.

– Ты меня не узнаёшь? Может, на фотографиях видел… – голос немолодого мужчины дрожал, в глазах стояли слёзы. –

Иней… я старый стал, правда… не узнаешь… Я папка твой, Ясень.

Глава 4. Геотаргетинг

«Солнечный круг, небо вокруг, – пели на уроках музыки, – это рисунок мальчишки…» Дай сейчас Инею альбом, краски, кисточку – именно так он и стал бы рисовать. Золотым колесом катилось солнце по небу, от края до края земли летал шалый ветер, улыбались ему щекастые облака. Наступили каникулы, дождь кончился, папа вернулся живой.

Иней крепко зажмурился.

Когда он открыл глаза, ничего не изменилось.

Всё было по-настоящему.

– А у меня амнезия была, – сказал папа грустно. – Знаешь, наверно, что такое.

– Ага, – сказал Иней.

Они сидели рядышком на скамейке у подъезда, глядели друг на друга и не могли наглядеться.

– Знаешь, пап, – счастливо сказал Иней, – а я тебя сразу узнал. Я ведь тебя видел, ну, на записях с камеры и на фотографиях.

– А чего волком зыркал? – обиделся папа. Иней смутился, но папа сразу же засмеялся и снова обнял его, шумно дохнув в ухо.

«Ну, сын! Здоровый! Мужик!» – сказал он там, на дороге, и сграбастал мужика в охапку вместе с рюкзаком и сменкой. Иней хихикал и всхлипывал, как чокнутый, а папа накрепко прижал его к себе и нёс до подъезда на руках, будто маленького. «Ну, рассказывай, как твои дела», – сказал он, спустив Инея с рук на скамейку, и уселся рядом, и долго-долго слушал. Даже когда Иней играл с Лёнькой в путешествия, он не трещал так, как сейчас. Он рассказал папе про всё – и про Лёньку, и про его собаку, и про маму с Аликом, и про Шишова, и о том, как хотел, чтобы Алик забрал его к себе жить.

– Не переживай, – папа легонько сжал его плечо. – Мы теперь вместе с этим разберёмся. Я тебя никогда больше не брошу.

– Клянёшься? – выдохнул Иней.

– Клянусь, Инька, – серьёзно сказал Ясень. – Ты прости меня, если можешь.

У Инея дыхание перехватило.

– Да ну тебя… ну тебя, папка! – он чуть не расплакался.

– Тьфу ты, горе луковое! Разнюнился. Не реви, прорвёмся, – сказал папа озадаченно, и Иней засмеялся сквозь слёзы. Точно так же говаривал Алик. Теперь понятно стало: так всегда говорил папа, а Алик только перенял слова.

– Я не реву, – прошептал Иней.

– Молодец, мужик, – одобрил Ясень. Он улыбался: зубы у него были белые как сахар. – Вырастешь, в горы с тобой пойдём. Парня в горы тяни-гони, не бросай одного его… а?

– Ага…

– А знаешь, как тебя по-монгольски зовут? – спросил папа.

– Неа, – Иней шмыгнул носом.

– Цан. Цан-тайдзи, Иней-царевич. А маму – Цэнгэл. А меня – Гэрэл.

– А Алика?

– Улаан. Я всегда знал, что у меня два сына будет, – раздумчиво проговорил папа. – Это ведь я тебя назвал, Инька, ещё когда ты только в проекте был… Слушай, а во что это вы с Лёнькой играли? Когда собаку потеряли в лесу? Я помню, когда я малец был…

И Ясень начал что-то обстоятельно рассказывать, смешно тараща раскосые глаза и размахивая руками.

Иней смотрел на него с обожанием. Папа! Живой, настоящий папа, его собственный, только его!..

– А Алик как? – спросил папа, оборвав вдруг рассказ. – Взрослый совсем теперь. Мелкий-то такой был штрих тощий.

– Он и сейчас тощий, – разулыбался Иней. – Он меня Толстым обзывает! Вот скажи, пап, я толстый?

– Ты?! – папа уставился на него, задрав брови. – Н-ну… вы даёте, парни. Мало каши кушаете. Надо это пресекать, надо вас на свежий воздух вытащить, от него знаешь какой аппетит нагуливается!

Иней захихикал.

– Ну всё, – сказал папа, длинно, счастливо выдохнув; лицо у него сделалось хитрое, как у лиса, – теперь мы с вами заживём по-новому. Или по-старому. Хорошо заживём, короче!

Иней моргнул.

– А как же… этот? – спросил он. – Шишов?

Ясень помрачнел и задумался. Иней весь подобрался. Ему правильно показалось то, что показалось: папа совсем забыл о той жизни, что текла тут десять лет без него. Не получится ведь так – просто взять и зажить счастливо, как в сказке…

Но лицо папы быстро прояснилось. Глаза сверкнули решимостью.

– С ним я разберусь, – пообещал он и сделался строгим: – Ты только скажи мне, Инька: хочешь со мной жить? Вдвоём?

Иней зажмурился снова.

Это просто не могло быть настоящим.

Он это придумал.

Ночами, перед тем как заснуть, он порой сочинял, как бы

могло случиться: родной папа Ясень не погибает под лавиной, а целым и невредимым возвращается домой, или возвращается спустя годы каким-то чудом, или появляется в старом доме призрачный и разговаривает только с Инькой, ну, может, с Аликом ещё… Он придумывал мельчайшие детали – каждое слово папы, его одежду, понравился бы папе новый фильм или нет, что бы папа сказал о том и о сём… После того, как мама второй раз вышла замуж, Иней представлял себе, как папа приходит неведомо откуда и забирает его с собой.

Когда он открыл глаза, папа сидел рядом и внимательно смотрел, ожидая его решения.

Иней облизнул пересохшие губы и сказал хрипло:

– Конечно хочу!

– Точно?

– Точно!

– Ну, значит, решили, – тише и твёрже сказал Ясень. – Теперь слушай меня. Иди сейчас домой. Никому ничего пока не говори. Собери вещи – одежонки, белья смену на первое время. Главное, игрушки любимые забери. Там-то я тебе всё новое куплю, а любимые вещи бросать не след.

– А мы где жить будем? – горячо спросил Иней. Его заколотило от азарта и предвкушения новой прекрасной жизни.

– У меня, – папа подмигнул. – Увидишь.

– А это далеко? – нахмурился Иней, вспомнив о важном. – А то как же я… если в другую школу переводиться? А Лёнька?

– Недалеко, – улыбнулся Ясень. – Никуда я тебя переводить не буду, Инь.

– Хорошо-о, – Иней расцвел.

– Значит, соберёшь рюкзак и жди, – сказал Ясень. – Я приду.

Иней счастливо кивнул.

…Пусть всегда будет папа.

Пусть всегда буду я.

Медленно, по-летнему темнело. Алею лень было вставать и включать свет, и комнату наполняло призрачное голубоватое свечение монитора.

Минута текла за минутой. Потихоньку подбиралась мысль «день потерян». Алей несколько раз уже пытался взять себя в руки и приступить к делу: вставал, пил чай, умывался, стоял у окна, массируя виски – но, вернувшись к компьютеру и щёлкнув по значку браузера, вновь начинал бессмысленно бродить по Сети. Состояние было вроде того, когда на носу экзамен по самому нудному, нелепому и ненужному предмету. Упущены все сроки, пора спешно учить билеты, но так отчаянно не хочется запихивать

в голову пакость, что легче явиться, ничего не зная, и надеяться на авось.

– Воронов, Летен Истин, – шёпотом повторил Алей.

Он собирался найти для этого человека последовательность смыслов, взламывающую Предел.

Он не собирался отдавать ему настоящий код. Но всё внутри восставало даже просто при мысли, что код нужно найти. Видение, на несколько секунд полыхнувшее перед внутренним взором Алея, с течением времени не тускнело, наоборот – становилось ярче. Алей воочию видел лица дикторов телевидения, запылённые бока боевых машин, гранит постаментов. «Цепочка, – подумал он. – Что в ней окажется? Ложь, подкуп, террор. И ещё то, чего сейчас Воронов не может себе даже представить. Нарушение разметки. Что, хотелось бы мне знать, он не может себе представить?!»

Но маленький самообман не удался. На самом деле Алею не хотелось этого знать, ему вообще не хотелось бы знать о существовании Летена. «Поляна! – в который раз вздохнул он. – Почему, как получилось, что твоя вторая половинка оказалась именно такой?.. твоей полной противоположностью…»

Он провёл ладонью по лицу и посидел зажмурясь; потом решительно взялся за мышь… и вернулся на родной форум.

Последняя дискуссия о визионерстве датировалась прошлым годом. Дискуссий было несколько, Алей все нашёл, но толком не вчитался. Там много спорили о пустом. Муха-на-мотоцикле, психолог по образованию, рассуждала, что ассоциативный поток есть некий неизученный психологический механизм, а они бывают вредными, но никогда не бывают ненужными. Зачем бы природе заменять цепочку логическую на цепочку образную? Что это даёт? Точности поиска вряд ли способствует. Сержант по обыкновению грубо отвечал Мухе, что когда она даст внятное объяснение природы ассоциативного потока, тогда и сможет рассуждать об эффективности или неэффективности. Романтик Джейк вслух мечтал, что не отказался бы посмотреть картинки. Минамото Дейрдре взывала к здравому смыслу, говорила, что фактов катастрофически не хватает, что пока визионерство – только миф, и не из чего делать выводы. Азазель тут же заявлял, что вообще сомневается в существовании визионеров, и не враньё ли это от первого до последнего слова? В толчее мнений совершенно терялись сами визионеры, все – робкие новички, напуганные и измученные своим даром. Прежде Алей пожимал плечами, видя их темы на форуме, теперь – искренне сочувствовал. «Стоит ли поднимать тему?» – задавал он себе вопрос и хмурился: да, у него есть определённый авторитет, его

не обвинят во лжи, но что даст ещё один виток обсуждений? Дейрдре как всегда права – информации недостаточно.

В соседнем треде Дейрдре просила визионеров рассказать о себе и о видениях. Те мялись, отделывались короткими фразами. Ощущения у всех совпадали: невероятно острое сопереживание, непомерно яркие картины. Некоторые отмечали странную особенность: несмотря на пугающую силу эмоций, иллюзии присутствия не было. «Действительно, не было», – припомнил Алей. Он отчётливо видел происходящее, видел, пожалуй, даже себя в картинах будущего Росы под властью Воронова, – но сам ни в какие иные пространства не переносился.

«И что из этого следует?» – закатив глаза, спросил он у потолка.

Потолок безнадёжно молчал.

«Ничего не следует», – пасмурно согласился Алей и пошёл смотреть ответы на свой последний вопрос.

Там, вопреки его ожиданиям, развернулась нешуточная дискуссия.

Сначала пришла Минамото Дейрдре и по обыкновению потребовала фактов. «Я не понимаю вопроса, – писала она. – Он практический или теоретический? Если речь о конкретном человеке, Улаан, я бы попросила побольше рассказать о ситуации. Я с трудом представляю, как достижение Предела может сделать человека хуже. Честно говоря, вообще не представляю. Реализовавшийся, довольный жизнью человек может проявить здоровую агрессию там, где это необходимо, но он не будет причинять зло намеренно, ему это просто не нужно, не приносит радости. Мне кажется, зло растёт из чувства неудовлетворённости, чувств неполноценности, вины. Из внутренней боли, которую выплёскивают в мир. С приближением Предела внутренняя боль уходит. Именно поэтому я занимаюсь лайфхакингом и не собираюсь бросать. Но если вопрос практический, то мне очень интересно, что натолкнуло тебя на такую мысль. Пожалуйста, расскажи, в чём дело».

«Дейрдре, – отвечал ей Сержант, – ты меня прости, но ты что-то не то говоришь. Сомневаюсь, что гамадрилы, которых я гоняю из подъезда, гадят там от внутренней боли. Мобилы на районе отжимают тоже не из чувства вины. Мой сосед свою бабу вообще от большой любви бьёт. Люди разные, мотивы у них разные. Я понимаю Улаана. Может, к нему барыга явился, который подсаживает пареньков на наркоту. Когда я на Камчатке служил, был там один майор, которому я бы скорее шею сломал, чем Предел. Короче, считаю, клиент должен быть послан в пень. Хотя насчёт последнего момента плюс один: я тоже хочу знать, о ком

речь».

«Сержант, у твоих гамадрилов есть родители, которым безразличны их дети. Которые ходят на нелюбимую работу, стареют, чувствуют, как в никуда уходит их жизнь. Может, гамадрилов родили по залёту и никогда не любили. Может, их бьют. Я не знаю. Кто-то не умеет найти место в мире и пытается найти его в стае. Я думаю, если ради эксперимента взломать Предел какому-нибудь гамадрилу, он станет неплохим человеком».

«Благими намерениями, Дейрдре. Я вот думаю, что гамадрил станет паханом на районе, а гамадрилиха – дорогой содержанкой. О другом они не мечтают».

«Ты злой, Сержант», – Дейрдре поставила лукавый смайлик.

«Зол, могуч и волосат».

«А я о другом хочу поговорить, – вклинился новый парень со странным именем Гык; поразмыслив, Алей перевёл его как geek. – Уважаемый Улаан спросил, как должен поступить истинный лайфхакер. А что, бывают неистинные? То есть я не войнушку разводить пришёл, – тут Гык наставил много смайликов, – я хотел спросить, есть ли в Росе сложившееся сообщество лайфхакеров? Можно ли говорить о традициях, об этическом кодексе?»

И они начали рассуждать о традициях, об этическом кодексе и о том, что надо, наконец, встретиться по-настоящему и пожать друг другу руки, – а потом появился Времяделу, модератор, и прекратил оффтопик.

Алей вздохнул и откинулся на спинку кресла.

Он не собирался посвящать сотоварищей в детали проблемы. Такую ошибку делали только новички. Года три назад, столкнувшись с первым в своей жизни клиентом-бандитом, Алей вынес тему на обсуждение и спровоцировал войнушку на сорок страниц, которая закончилась ничем. Единственный ценный совет дала Минамото Дейрдре, и тот по почте. А на форуме тогда крутилось вдесятеро меньше народу… Алей подумал, что потом, когда всё закончится, он расскажет Дейрдре о Воронове и своём методе постановки ложного Предела. Просто в порядке ответной любезности. К тому же его очень интересовало мнение Дейрдре о методе.

Выполнив модераторские функции, Времяделу написал: «Как обычный форумчанин и старый эль-хакер я имею сказать вот что: мы – не организация. У нас нет правил. Нет руководства. Нет элиты. Я чисто технически тут модератор, официально вот заявляю. Где появляется элита, появляется серпентарий. Я считаю, мы делаем хорошее, доброе дело. Грызня запятнает наше дело больше, чем одно этически неверное решение, принятое

одним эль-хакером. Каждый советуется со своей совестью. Я думаю, просто каждому из нас стоит стремиться к Пределу. Неважно, с помощью коллег или самому, трудным путём. И тогда мы сможем принимать правильные решения. Улаан, я думаю так: если у тебя возникли сомнения, если ты не хочешь ломать этому человеку Предел – не ломай».

Алей улыбнулся. Времяделу разменял шестой десяток и уж слишком любил высказываться с высот мудрости опыта, но дядька был славный.

Ещё пару дней Алей собирался выждать, не появятся ли новые мнения, потом поблагодарить всех. А сейчас…

Сейчас и вправду наступало время делу.

Воронов, Летен Истин.

Алей навалился грудью на стол и закрыл руками лицо. Было очень тихо. Ровно, чуть поскрипывая, гудел кулер.

Воронов, Летен Истин.

С чего начинать цепочку взлома?

С танков?

Нет. Сейчас Алей ясно чувствовал – это неправильно. Первое звено должно быть иным.

Каким?

Поляна Родина.

Любовь.

Любовь к Родине…

Дети. Ясные детские лица, распахнутые глаза; чистый воздух, лесные кроны, высокие, пламенеющие зеленым-зелено…

Нет.

Не здесь.

Ассоциативный поток в мыслях Алея походил на реку, которая натолкнулась на плотину и разлилась искусственным морем. Где-то там, за плотиной, ждало решение, ждал единственно верный ответ. Но ворота шлюза оставались закрытыми.

Власть.

Абсолютная власть, такая, как у королей в старину… Король-Солнце… Солнце в бескрайнем небе, блещущее лучами, беспредельный всепроникающий свет – это была уже не ассоциация, но картина: видение, почти подобное тем, что являлись прежде. Только сейчас видение не дарило смыслов, оставаясь прекрасным, но пустым.

Нет разгадки.

Летен Истин.

Предел.

Алей Обережь, Улаан-тайдзи, Красный Царевич… хакер Улаан. Веб-поиск и предельный поиск, сотни найденных кодов Предела, сотни навсегда изменившихся жизней. Кодовая цепочка Летена Воронова. Место в истории, мощь и слава. Жизни сотен миллионов людей, изменившиеся навсегда.

Ассоциативная цепочка виляла, петляла, блуждала и истаивала, наконец, вовсе, точно тропка в лесной чащобе.

Лес.

Небо, затянутое облаками.

Старица.

Алей встрепенулся: ассоциации пошли знакомые, осмысленные, – поющие на ветру стволы, белый берег, тёмная вода, ряска и ил… Но они не приближали ответ – только запутывали ещё больше, уводили в маленький закольцованный мирок Старицы, откуда нельзя выйти к Реке Имён…

Закольцованный мир.

Мир без выхода.

У Алея мороз подрал по коже.

Он получил ответ, но ответ не имел отношения к вопросу. Алей искал понятие, с которого начиналась кодовая цепочка Воронова, а понял, что найти его не сумеет. Его ассоциативный поток больше не был рекой, неуклонно стремящейся к морю, он тёк по кругу и растворялся в бессмыслице, превращался в болото, как превращается в него старое, покинутое русло реки…

Нет и не будет ответа.

Цель навеки недостижима.

…Алей в задумчивости теребил нижнюю губу. «Невероятно, – думал он. – Я не могу. Никогда такого не было. Я о таком только слышал. Что же… что же, ладно. Никто не всесилен, я тоже. Задача мне не по зубам». Кулер закашлялся и затих, за окном посвистывала птица. Дыхание стало до странности неглубоким, будто лёгкие забывали о своём долге. В глазах темнело, поле зрения сужалось до экрана монитора, всё остальное исчезало в сумерках. «Нет, что-то здесь не так, – Алей закусил пальцы. – Когда Воронов был здесь, ничего подобного я не чувствовал. Я был совершенно уверен, что способен найти его код. Я не ошибался. Это сегодня… сегодня мне как-то не по себе».

Он покрутил головой, хрустя шейными позвонками, вздохнул и поплёлся на кухню – пить чай в десятый раз за день. «Ладно, – повторял он про себя, как заведённый, – ладно. Хорошо, что я неделю попросил. До субботы ещё времени полно».

На кухне, соорудив бутерброд с маслом и колбасой и заев его шоколадом, Алей мало-мальски пришёл в себя и оценил ситуацию трезво.

Ничего из ряда вон выходящего не случилось.

Во-первых, ему отчаянно не хотелось прикасаться к жизни Воронова, а через «не могу» предельный поиск не делается. Во-вторых, с утра у него случился трудный разговор с матерью, выбивший из колеи на весь день. После этого сложная и морально тяжёлая задача показалась нерешаемой. Чему удивляться?

«Не удивляться тут надо, а спать ложиться, – заключил Алей, допивая чай. – Утро вечера мудренее».

Он поставил чашку в мойку и собрался чистить зубы, когда в комнате запел мобильник. «Родительский дом, начало начал…»: звонила мать.

Гадая, о чём может быть поздний звонок, Алей прошёл в комнату и взял трубку.

Птица за окном замолчала.

В трубке тяжело дышали.

– Мама? – осторожно спросил Алей.

– Алик! – сказала мать; голос её был страшным, надтреснутым, незнакомым. – Алик, приезжай немедленно!

– Что? – прошептал он.

– Алик! Сейчас!

– Что случилось? – крикнул он в трубку, завертев головой в поисках штанов. Сердце бешено заколотилось, ладони вспотели.

– Иней… – прохрипела мать, – пропал. Не можем… найти. Алик, ты искать умеешь. Алик, ты его найдёшь.

– Мама! Мама, я сейчас приеду. Я его найду. Мама, держись, – он заклинал её, удерживая телефон плечом, и завязывал шнурки, согнувшись в три погибели, путаясь в собственных пальцах. Нервы звенели.

– Алик, – повторила она, и он пошатнулся и ушибся головой о стену. Голос матери стал низким, медленным, где-то глубоко в нём выло и металось подступающее безумие.

– Мама, что случилось? – выдохнул он. – Куда пошёл Инька? Когда? С кем?!

– С отцом, – тихо сказала мать.

– С Шишовым?

– Нет. С отцом.

– Мама, с каким отцом?! О чём ты говоришь?!

– С Ясенем.

Алей остановился. Он уже схватил со столика ключи, готовый рвануть на улицу, уже отпер дверь, и с лестничной клетки дохнуло холодом. Холод оледенил его, заставив замереть на месте.

– Мама, – почти спокойно сказал Алей. – Папа умер. Давно.

– Алик, – так же спокойно ответила та, – папа вернулся. Забрал Иню и ушёл. Мы кинулись за ними, их нигде нет. Приезжай, ты их найдёшь.

Связь прервалась.

Алей медленно положил мобильник в карман. Постоял немного у двери. Вышел в коридор, аккуратно провернул ключ в замке.

И в четыре прыжка слетел вниз по лестнице.

«Мама сошла с ума», – эта единственная мысль крутилась у него в голове, когда он сломя голову бежал по сумрачным улицам из Старого Пухово в Новое, к дому, где жил Шишов.

Мать и отчим стояли на улице перед подъездом.

Уже совсем стемнело. Горели фонари. Со стоянки у супермаркета, бархатисто шурша шинами, отъезжали автомобили. Под стеной магазина прямо на асфальте устроилась полупьяная компания – парни басили, девушки разражались грубым хохотом. По тротуарам вдоль жидких газонов собачники выгуливали собак. Весела и Шишов стояли под фонарём, в жёлтом конусе света, и смотрели прямо перед собой – одинаковыми остановившимися глазами. Мать была тиха, бледна и печальна, Шишов трясся всем своим толстым телом, но смотрели они одинаково.

Завидев их, Алей сбавил шаг. Добежал, задыхаясь, вдавил руки в горящее подреберье. Сердце колотилось в горле.

– Что случилось?

– Папа вернулся, – повторила мама ровно, будто загипнотизированная. – Забрал Иню и ушёл. Мы кинулись за ними, а их нигде нет.

Она не шевельнулась, даже не перевела взгляда – так и смотрела во тьму, помертвевшая, белая как полотно.

– Мама, кто вернулся? Как вернулся?!

– Папа вернулся.

Алей крепко взял мать за плечи, попытался заглянуть в глаза, но не мог поймать её взгляда: глаза её казались искусственными.

– Мама, – с расстановкой, пытаясь выровнять дыхание, проговорил он, – наш папа давно умер. Погиб в горах. Мёртвые не возвращаются. Кого вы видели? Что случилось?

– Папа вернулся. Забрал Иню и ушёл.

– Какой папа?! – выкрикнул Алей. – Живой? Призрак? Что за чёрт…

– Папа вернулся, – безучастно повторила мать, глядя в пустоту. Казалось, она способна повторить это ещё тысячу раз, с тем же безумным спокойствием.

Алей застонал.

– Ладно, – сквозь зубы процедил он. – Как он забрал Иню? Через плечо перекинул? Насильно утащил?

– Забрал Иню и ушёл.

– Ты знаешь другие слова?! – рявкнул он; волосы стали дыбом. Какой-то… какой-то маньяк, подонок уволок Инея, брата надо было спасать, счёт шёл на минуты, а мать стояла куклой и талдычила одно и то же, как заведённая.

Весела не шелохнулась. Не сложила оскорбленно губы, не возмутилась, не прикрикнула на сына в ответ. Только механически повторила:

– Мы кинулись за ними, а их нигде нет.

Мертвенный холод потёк по спине Алея. Ночная тьма чернилами вливалась в глаза, жёлтые огни плавали в ней, как рыбины.

– Да, – пробормотал Алей. – Я уже понял. Папа вернулся.

– Папа вернулся, – сказала мать. – Забрал Иню и ушёл.

Это было так страшно, что страх пропал. Алея охватило какое-то оцепенение чувств, остался только разум и логические умозаключения.

– Лев Ночин, – он повысил голос, – что случилось?

Тот молчал.

Алей шагнул к отчиму, потряс его за плечо. Потряс сильнее. Ударил кулаком. Шишов не реагировал. «О Господи», – подумал Алей отрешённо, без ужаса и мольбы; всего лишь досадно было, что не работают простые и очевидные способы действий, надо искать неочевидные и терять время…

Он подошёл к матери вплотную, пощёлкал пальцами перед её лицом. Та моргнула, но зрачки не дрогнули. Теперь Алею показалось, что взгляд её не столько отрешённый, сколько внимательный – очень внимательный. «Господи, что она видит?» – пронеслось в голове.

– Мама, что он говорил?

Она не услышала вопроса.

Алей отступил. Поразмыслив, отвернулся и отошёл на несколько шагов.

Надо было собраться.

От матери с отчимом адекватного поведения ждать не приходилось, а значит, он мог рассчитывать только на себя.

«Они в тяжёлом шоке, – думал Алей. – Их надо увести с улицы. Нужен психолог, специалист…» На последней мысли он споткнулся, но не стал искать, что не так, а переключился на другую проблему. «Кого они видели? Не представляю. Этот… тип, должно быть, действительно похож на папу. Поэтому мама в

таком состоянии. Она увидела мертвеца. Но Шишов тоже не в себе! Ему-то что с того? Он никогда папу не видел. Любой нормальный человек заподозрил бы обман. И почему Шишов позволил увести Инея? Мама говорит, что их нигде нет. Может, Иньку запихнули в машину… почему он не сопротивлялся? Неужели поверил, что к нему пришёл живой папа? Безумие какое-то…»

Алей взялся за голову. Сделал глубокий вдох.

Ещё шаг, и он угодит в ловушку.

От того, что он тысячу раз повторит «это невозможно», Иней не вернётся.

Абсурдность происходящего грозила затянуть в себя, как зыбучий песок. Да, случилось что-то страшное и необъяснимое, но в любом случае надо было включать разум. Мыслить абстракциями, коли уж практическая сметка не годилась. Действовать осознанно, а не метаться в панике.

В конце концов, он лайфхакер.

Человек, имеющий дело с запредельным.

…Алею точно в ухо дали. Он отчаянно замотал головой, судорожно вдохнул через рот и сел на низкую оградку подоконного палисадника. Металлическое ребро врезалось в зад. «Я и сам в шоке, – подумал он. – Поэтому не сообразил сразу. Господи, даже мама… мама даже в таком состоянии вспомнила, что я умею искать. Я идиот».

Всё просто.

Всё очевидно.

Оставался только вопрос приоритета. Что искать раньше – способ вывести из ступора маму или место, куда увезли Инея?

Между ушами замерцали быстрые искры. «Есть попадание», – машинально определил Алей, но только через пару секунд понял, в чём дело. Оставленная им до поры мысль о специалисте была неудачной. Любой специалист попытался бы узнать, что случилось, а узнав – решил бы, что имеет дело со странным бредом, ещё чего доброго, наркотиками или органическим поражением. Алей даже предположить не мог, что случилось на самом деле, но такого рода внимание к его семье определённо находил лишним. «Кроме того, – решил он, – мне нужна информация. Чем больше я узнаю, тем быстрее Иню найду. Значит, сначала мама, потом Иня, а потом – бежать в милицию».

Он сжал пальцами переносицу и закрыл глаза.

Папа умер…

Папа – альпинист.

…Оказалось проще, чем он ожидал.

Он встал с ограды палисадника, подошёл к матери и положил

руку ей на плечо.

– Ясень, – сказал Алей.

Мама вздрогнула и едва заметно повернула голову.

– Мама, папа ушёл в горы, – отчётливо произнёс Алей. – Я теперь мужик в доме.

На миг все звуки исчезли; немо затрепетали в вышине огромные крылья, исказилось огнистое лицо ночи, и Алей испугался, что сейчас помимо его воли начнётся новое поисковое видение – но нет, обошлось.

– Алик… – ускользающе прошептала мама, но тотчас повторила отчётливей: – Алик?

– Мама, я здесь. Я с тобой.

– Откуда ты… взялся…

– Ты мне позвонила. Ты сказала, что Иня пропал.

– Да… его забрал папа… Алик, – она растерянно заглянула ему в лицо, – я не помню, что я тебе звонила.

Алей прерывисто вздохнул.

– Это неважно, – мягко сказал он. – Мама, пожалуйста, соберись. Времени очень мало. Давай, сядь на скамейку. – Он взял её за руку и повёл. Через пару шагов мама судорожно зевнула, помотав головой, убрала волосы со лба и заметила, наконец, Шишова, стоящего как соляной столб.

– Лёва? – испуганно пролепетала она и дотронулась до его руки. – Алик, что с Лёвой?

– Ступор. Я тебя из такого же вытащил. Я его тоже вытащу, но потом. Сейчас нужно Иньку найти.

– Иня… – мама захлопала глазами, лоб её пошёл морщинами, – Иня… Господи! Алик, он… он… – её рот искривился, на лице выразился ужас. – Алик, его… О Господи, спаси и помилуй!

Она выкрикнула эти слова и застыла, оцепенела, вперившись в темноту так же, как минуту назад, но теперь глаза её были живыми – и страшная, смертная боль текла в них чёрной смолой. Алей стиснул её руки, наклонился к её лицу.

– Мама, – прошептал он, – прости меня, но нужно Иньку найти. Соберись. Расскажи мне, что случилось.

Она заговорила сразу, избавив его от необходимости новых мучительных расспросов. Она сбивалась, захлёбывалась словами, дрожала; Алей обнимал её, сжимал тёплые влажные пальцы и думал, что обязательно отведёт её домой, напоит корвалолом и уложит спать – только сначала найдёт, куда увезли Иньку.

– Иня пришёл со школы весёлый, довольный, – всхлипывала мать, – я подумала, вот счастье-то, успокоился. Он всё равно со мной разговаривать не стал, ушёл к себе в комнату, стал там шебуршиться… в шкафу рыться, таскать чего-то… я и не знала, к

чему это он, думала, играет сам с собой… Думала, ну ладно, пускай, хорошо, что повеселел, ещё отойдёт, оттает… маленький… Потом Лёва с работы пришёл, всё тихо, мирно… Сидим, телевизор смотрим. Тут звонок в дверь…

Она содрогнулась. Алей обнял маму крепче. Та не смотрела на него, взгляд её устремлялся куда-то вверх, будто там невидимый телевизор заново показывал всё, что случилось.

– Звонок в дверь, – повторила Весела. – Иня сразу к двери метнулся, и рюкзак… Господи, он рюкзак собирал! Огромный, тяжёлый. В школу с таким не ходил… рюкзак… схватил, и к двери. Он готовился. Господи, помилуй нас. Лёва выскочил, кричит – ты чего дверь открываешь! Ты же не знаешь, кто там! Вдруг воры! А Иня улыбнулся и отвечает – знаю.

– То есть он знал, – одними губами сказал Алей.

– Он ждал. И… дверь… открылась… – по лицу матери побежали слёзы. – И… Яся вошёл.

Алей закрыл глаза.

– Мама, – сказал он. – Ты же знаешь, что папа умер. Ты как-то зациклилась. Может, этот тип очень на него похож, но это не папа! Соберись, вспомни, как он выглядел?

– Алик, – ответила Весела тихо и очень спокойно, – я сначала тоже подумала то, о чём ты подумал. Я решила, что с ума схожу. Но… понимаешь, он постарел. На десять лет. Виски седые, на левой руке шрам вот тут, – она провела пальцами по костяшкам, – не было шрама раньше… Если бы я его вообразила, он бы молодой был. И потом, Лёва ведь тоже его видел.

– Что он сказал? – сухо спросил Алей.

– Сказал… – мать закрыла лицо руками. – Сказал, что заберёт сына и будет его сам воспитывать. И ушёл.

– И всё?

– Нет… не в этом дело… Мы же за ним кинулись. Лифт упустили, потому что… как-то странно… не знаю, почему, остолбенели как-то… но мы его нагнали на углу, они с Иней за руку шли, Яся рюкзак его нёс… они за угол завернули и пропали. И всё. Нигде нет.

– За какой угол?

– За супермаркет. Там ничего такого нет, ты же видел. Спрятаться негде. На машине тоже за миг не уедешь. Я ничего не поняла. Бегала туда-сюда, потом встала… Стою как пыльным мешком ударенная и только думаю, что ты можешь их найти, потому что искать умеешь… а потом всё, – она подняла взгляд на сына. – Ты меня хватаешь и… будишь. А я не помню, как тебе звонила. Алик, что нам делать? Что же теперь делать? Где же Иня?

Алей молчал.

– Но ведь это не мог быть папа, – сказал он, наконец. – Ни старый, ни молодой. Папа погиб.

– Но ведь тела так и не нашли, – просто сказала мать.

– Что?! – Алей вскинулся, потрясённый. – Мама, ты об этом не говорила!

– Тела не нашли, – подтвердила она. – Поиски прекратили. Было очень холодно… четверо суток искали. Решили, что замёрз. Судебным решением признали погибшим.

«Этого не может быть, – Алей отпустил мать, ссутулился и закусил пальцы левой руки. – В любом случае, этого не может быть. Даже если папа чудом выжил – почему он пропал на десять лет? Почему пришёл сейчас? Почему забрал Иню как вор, не объявившись, никому не назвавшись? Разве я меньше хотел бы его увидеть? И… и ещё – куда они делись теперь?..»

Ответов не было.

Но было всё, что нужно для старта поисковой цепочки.

– Мама, – сказал Алей, встав. – Я сейчас буду искать Иню. По-своему. Не трогай меня и не мешай, пожалуйста.

Она посмотрела благоговейно.

– Хорошо.

Он провёл ладонью по лицу, запрокинул голову, сцепил руки за спиной. Уходили вверх белые стены двадцатидвухэтажной башни, пронзённые светящимися окнами квартир. Мерцал кафель облицовки, над крышей сгущался мрак. Звёзд не было. Одинокая Луна висела в небе, похожая на теннисный мячик. Алым глазком подмигивал возле неё бортовой огонёк далёкого самолёта.

Ясень Лазурин Обережь.

Отец.

Живой.

Жизнь, изменившаяся навсегда. Поиск Предела. Выход к Старице. Хакер Улаан-тайдзи, один из лучших в Листве и во всей Росе, не знающий неудач. Лесное изумрудное пламя, тихий переплеск тёмной воды, лодка-ялик, ждущая в заводи. Небо, затянутое облаками.

«Опять», – Алей сцепил зубы. Финальная ассоциация ещё не вспыхнула в мозгу, а он уже понял, к чему идёт дело. Совсем недавно он получил подобный ответ на другой вопрос.

Закольцованный мирок Старицы, отрезанный от Реки, – символ недостижимой цели и безнадёжного поиска. Не удастся настроить формулу: в выдаче нет релевантного ответа…

«Нет, – упрямо сказал себе Алей. – Я не сдамся. Если нельзя начинать поиск с отца, я начну его с другой точки».

Шишов, Лев Ночин.

Шишова, Весела Искрина.

Вечер, телевизор, звонок в дверь.

И накрыло, как накрывает океанской волной и взрывной волной: Алей болезненно выгнулся, схватился за голову. Точно раскалённая спица пронзила череп – от виска до виска. Свело судорогой мышцы пресса. Началось видение, яркое и страшное, одуряющее, мучительное.

Теперь в нём был звук.

…Ясень, суровый и тёмный лицом, стоял в коридоре бок о бок с младшим сыном. Иней смотрел на него – преданно, с обожанием, – а он смотрел на двух взрослых, истуканами замерших перед ними.

В комнате орал нелепицы телевизор.

– Вот, значит, как, – тяжело уронил Ясень.

Алей закусил губу: он узнавал голос. Голос нельзя подделать, нельзя, точно нельзя… значит, это папа. На самом деле. Папа вернулся. Папа вернулся живой.

Папа стоял перед мамой и маминым новым мужем.

– Я тебя не виню, Веся, – сказал он. – Мёртвых не ждут.

– Ясик, – беззвучно прошептала та. – Ясик…

– Мне здесь места нет, – глухо продолжал он. – Я пойду. Будь счастлива.

– Ясень! – она рванулась вперёд и застыла, натолкнувшись на его взгляд. – Ясень, я люблю тебя!

– Ты чужая жена теперь, – возразил он печально, – венчанная. Прости, Веся. Прощай.

– Я твоя жена перед Богом! – выкрикнула она и всё же кинулась к нему – как на нож. Схватила за руки, заглянула в холодные чёрные глаза, отпрянула, помертвев… Ясень не шелохнулся.

– Но сына я заберу, – сказал он. – Пошли, Инька.

Иней с готовностью ухватил рюкзак.

– Погодите-погодите! – очнулся Шишов. – Это что, похищение? Я на вас в суд подам! Вас посадят!

– Я забираю своего сына, – спокойно ответил Ясень.

– Нет, – сказал Шишов с ненавистью. – Вы уходите. Сейчас. Иней остаётся.

Иней вздрогнул и испуганно уставился на папу, тронул его за рукав. Ясень улыбнулся сыну.

Алей помертвел. «Как же Иньке там было плохо! – с ужасом понял он. – Я и представить не мог. Думал, просто проблемы. Он же готов куда угодно уйти, даже от мамы уйти, только бы уйти… Он и просто из дому сбежать мог бы, наверно… Господи, почему я не понял этого раньше, я бы его раньше забрал. Какой же я

идиот!»

– Ну да, конечно, – насмешливо сказал Ясень. – Пошли, Инь, – и распахнул дверь.

– А ну стой! – рявкнул отчим.

Ясень выпихнул Инея за дверь, себе за спину, и встал в проёме, нехорошо улыбаясь.

Алей заскулил, как брошенный щенок. Он узнавал эту улыбку, этот оценивающий взгляд, эту расслабленную позу. Сейчас папа скрестит на груди руки… скрестил. А теперь привалится плечом к косяку. Точно, привалился. «Не на того напал», – говорит его взгляд, весь он как скрученная пружина, и такой силой от него веет, такой он отчаянный и отважный, умелый, опасный противник, что никто не рискнёт соперничать с ним…

– И что? – спросил папа, задрав брови.

Высокий, толстый, усатый, Шишов надвинулся на Ясеня – и отшатнулся, словно умалившись, спал с лица. Ясень сузил глаза; и в глазах Алея мир дрогнул.

Видение исказилось. Молния взрыла оштукатуренный потолок, песком осыпались стены, дунул ветер и развеял их. Звёздное небо распахнулось над головами, ничего не было больше, ничего, только летящие ковыли и ледяная луна над ними да свод созвездий… Перед бедным глупым Шишовым встал узкоглазый идол, мрачный воин-степняк.

Картина мелькнула и скрылась в одно мгновение, но дыхание перехватило и отчаянно заколотилось сердце: неведомое чувство подсказало Алею, что туда, в ковыльную степь, и ему открыта дорога – только шагни…

А Ясень стоял в дверях и смотрел на хозяина дома.

Шишов, крупный, физически сильный человек, рядом с худым и угловатым Обережем был как тюк ваты рядом с винтовкой.

– Господипомилуй… господипомилуй… – шептала Весела.

Алей вынырнул из грёзы как из воды – воздух кончился в лёгких. Окатил холодом обыденный, здешний ветер, разноголосица ударила по ушам. Шум колёс и гудки машин, пролетающих по далёкой магистрали, отголоски дискотечных песен, дыхание остывающего воздуха: приглушённые звуки городской ночи казались нестерпимым грохотом. Степное безмолвие отлетало как душа – к звёздам…

Мать сидела рядом, сгорбившись, сплетя пальцы в замочек у губ, и шептала молитву.

– Мама? – выговорил Алей.

– Алик? – она подняла глаза, и Алей содрогнулся: мама почернела от горя. – Где Иня?

Алей сглотнул.

– Сейчас. Ещё секунду.

Мама смирно кивнула, положив руки на колени. Алей отвёл взгляд: невыносимо было видеть её лицо. Он понимал. Утром этого дня мама плакала от любви к тому, кто десять лет как был мёртв, а вечером…

Алей торопливо начал рассуждать, гоня лишние мысли.

«Я увидел, что случилось, очень чётко увидел, потому что стоял рядом с мамой и ощущал её память. Значит, они с папой поссорились… Неважно. Мне нужно увидеть, что было потом! – и он опомнился, – нет, не увидеть, найти! Блик! Проклятые картинки, они мне сейчас меньше всего нужны! Цепочка, только цепочка, пожалуйста, больше никаких видений!»

Иней Обережь.

Рюкзак.

Дверь.

Знакомая, родная молния хакерской догадки сверкнула позади глаз; Алей встрепенулся. В лихорадке надежды он потянулся за следующим звеном цепочки, едва видным, но по крайней мере точно существующим. «Дверь, – на всякий случай запомнил он. – Это ключевая точка».

Исчезновение, дверь в никуда.

Пустота. Бесконечность.

Вселенная.

Звёзды.

Солнце, солнце за вечной пеленой облаков, над поющими соснами, над тёмной речной водой. Тихо дремлет на зыби зелёная лодка, мягкий мох стелется по корням, пахнет грибами… «Нет! – почти вслух выкрикнул Алей, – только не это!..» Неимоверным усилием он заставил себя отбросить мысли о Старице и переключиться на реальность.

Ясень Обережь.

Степняк, что явился за данью. Как морской царь из сказки, он забрал самое дорогое.

Море.

Алей судорожно втянул воздух сквозь зубы. По коже подрал мороз. Море было второй ключевой точкой, даже более близкой к истине, чем дверь. «Но при чём тут море? – изумлялся Алей, чувствуя всё же некоторое облегчение. – Какое море? Чёрное, Белое? Мы же в Листве. Или это вообще в переносном смысле?» Одинокое слово влекло за собой слишком много метафор.

Целое море вариантов.

Алей выругался. Он был до предела измотан, нервы сдавали, мысли путались, но всё же с таким сложным поиском он действительно не встречался никогда в жизни. Ни один код Предела не был упрятан так надёжно, как элементарная точка на карте, место, куда отец увёз брата… «Да что это за чертовщина!» – в отчаянии подумал он.

Мать взяла его за руку; выпав из сосредоточения, Алей болезненно дёрнулся.

– Алик, – жалобно сказала она, – может, всё-таки в милицию пойдём?

– Что?

– Ты уже двадцать минут стоишь в прострации, – горько сказала Весела. – Смотреть страшно.

– Что? – еле выдавил Алей.

Он никогда раньше не терял чувство времени!

То есть терял, единожды, когда плёл Великую сеть – но это было очень давно, почти в детстве, и это была колоссальная, всеохватная Великая сеть, а не простой территориальный поиск!

Скорбно сдвинув брови, снизу вверх смотрела на него мама.

– Да, конечно, – через силу выговорил он, опомнившись, – идём в милицию.

Утром на работе Алей сидел квёлый, как филин на солнце.

Полночи он провёл в отделении вместе с мамой и отчимом. Шишов почти всё время молчал. Он был где-то не здесь. Алей всё-таки провёл ещё один результативный поиск и выдернул отчима из транса, но если маму у врат сознания ждала нестерпимая боль, то его – невыносимый ужас. Шишов держался на удивление стойко. Боковым зрением Алей замечал, как он дёргается, заслышав малейший шум, как сжимает пальцы до синевы. На вопросы уполномоченного он отвечал односложно. «Что он видел, когда стоял под фонарём? – гадал Алей, поздно ночью шагая к дому. – Не то же, что мама…» Озноб пробирал до костей. Это был холод нервного истощения, а не летней ночи; ночь выдалась всего лишь свежей, но трясло Алея как в крещенский мороз.

«Стекло разбито, – там, у подъезда говорил он Шишову, глядя мимо искажённого страхом лица, – степь распахана, теперь там сады и поля. Стоит город, обнесённый стеной. По асфальту едут машины. Дымят заводы. По орбите летит спутник».

Алей обхватил себя руками за плечи и нахохлился.

«Маму заклинило на образе папы, – подумал он, – нужно было сказать ей, что он ушёл. Шишова, похоже, заклинило на ковыльной степи, поэтому нужно было распахать степь… и что такого страшного он в ней видел?»

Алей знал, что.

Но ему самому слишком страшно было об этом думать.

О том, каким образом можно загнать человека в подобный транс, он тоже думать боялся.

И без этого хватало бед.

…В переговорке «Аквариум», совершенно прозрачной и оттого действительно похожей на аквариум, стояли фикусы в кадках и лежали надувные мешки вместо кресел. С самого утра переговорку оккупировали двое дедушек. Забавно они смотрелись вместе – старый франт и старый хиппи. На одном мешке, умудряясь даже на таком сиденье оставаться элегантным, устроился Светел Тишин в пиджаке и при галстуке. На втором мешке валялся Мир Сиренин в вышитом балахоне и драных джинсах; седые его патлы падали по плечам из-под хайратника. Умудрённые старцы о чём-то оживлённо беседовали – не иначе о настройках семантического фильтра.

Прошла по коридору Осень, мимолётно кивнула Алею и нырнула в «Аквариум». Дедушки встали, дружно её поприветствовав, Осень закрыла дверь, разговор продолжился…

Вздохнув, Алей уткнулся в код – не предельный, а обычный.

Код не компилировался. Он уже четвёртый час искал, в чём дело. Даже раздражаться устал, только тупо смотрел в монитор, перебирая в голове варианты правок. Варианты были одни и те же, все – опробованные, ни один не помогал. «Не могу найти ошибку в собственном коде, – тоскливо думал Алей. – Не могу найти точку в пространстве. Господи, что со мной…»

Он сходил за кофе, а вернувшись, закрыл окно кода и открыл Горностай.

На форуме кипела привычная жизнь. Муха-на-мотоцикле давала ссылки на статьи по психологии, тесная компания врачей обсуждала влияние гормонального фона на успешность поиска, в разделе «Полигон» Сержант и Азазель азартно ругались с кем-то пришлым. Потихоньку прибавлялось информации в статистике поисков. Мюмзик выложил новую главу своей книги про методики обучения лайфхакеров и методики лайфхакеров в обучении. В миру добрейший Мюмзик был коррекционный педагог, да такой, что все подозревали в нём переступившего Предел, а когда он клятвенно это отрицал, умоляли его Предел себе взломать…

Алей прикрыл глаза.

Ещё никто ничего не знал, а он уже чувствовал себя изгоем.

Брат пропал. Его нужно было найти. Казалось, чего и ждать от хакера Улаана, одного из лучших, как не оперативного поиска. Прежде Алей находил самые немыслимые вещи, почти без

вводной информации, за несколько мгновений, максимум – за несколько часов. Он считал себя профессионалом, да что там – он и был профессионалом, он взламывал судьбы, дотягивался до потолка Господня… А сейчас? Он беспомощен. Может только ждать и надеяться на милицию.

Что с ним случилось?

«Я ведь сам собирался прекратить всё это, – вспомнил Алей; сунул в зубы карандаш и прикусил так, что дерево хрустнуло. – Я думал, что не буду заходить на форум, не буду никому ничего ломать и даже с предельным поиском завяжу. Вот оно, пожалуйста. Прежде чем мечтать, подумай, вдруг сбудется. Господи, почему именно сейчас? Почему так не вовремя? Когда Инька пропал, когда Воронов…»

– Шабаш, мужики! – бодро заорал Джипег, – пошли обедать!

– Пошли, – Тифф поднялся с места и растолкал Гифа. – Алик, проснись и пой!

Сладко, с подвыванием зевнул над ухом Ави, а Экзе был на совещании.

– Я попозже пойду, – сказал Алей, выплюнув карандаш. – Не хочу есть.

– Забудешь, – проницательно заметил Джипег. – Вот поэтому тебя ветром и сдувает. Ну сиди, сиди, яйцо высидишь.

И они ушли, смеясь.

Алей забрался на кресло с ногами.

«Ладно, – он повертел несчастный карандаш в пальцах. – Если практическая сметка не работает – мысли абстракциями. Если не работает предельный поиск – подключай логику».

Когда всё это началось?

Первое, что он не смог найти – кодовая цепочка Летена Воронова. Это было в понедельник вечером. За два дня до этого, в субботу, он с лёгкостью нашёл суть его Предела и несколько случаев из его прошлого – значит, в субботу всё ещё было в порядке. Что случилось потом?

Ничего особенного. В воскресенье Алей писал курсовую, утром понедельника разговаривал с мамой, разговор был неприятный, но отнюдь не из ряда вон выходящий и далеко не первый такой…

А если способности утрачиваются не сразу? Если есть какой-то инкубационный период у этого процесса, словно у вируса, и на самом деле всё началось раньше?

У Алея волосы стали дыбом.

Видения.

В субботу утром у него было первое видение.

…И разрозненные данные сложились в ясную картину

происходящего – слишком уж ясную. В последнее время Алей занимался семантическими ловушками. Осень говорила, что ловушки опасны: застревают в памяти и открывают доступы, которые по умолчанию закрыты. Не потому ли он начал видеть картины, что какая-то подлая ловушка, словно вирус, встроилась в сознание? А визионеры быстро уходили с форума и бросали лайфхакинг. Прежде Алей думал, что из-за общего недоверия и ненадёжности метода, потом решил, что видения – это просто слишком тяжело, мало кто выдержит, да и чего ради?

Но если визионеры уходили вовсе не потому, что дар их мучил? Если дар просто исчезал? Пылал слишком ярким пламенем и выгорал слишком быстро?

Живот подвело от страха. Алей стиснул кулаки. Да, он сам, вполне осознанно собирался отказаться от дара, но одно дело, когда человек решает больше не бегать марафонский кросс, и совсем другое – когда ему отрезают ноги… особенно если от его рекордов зависит жизнь близких. «Пусть бы это случилось в другое время, – в отчаянии взмолился Алей. – Через год, через месяц… Господи, через час! Господи, дай мне ещё час силы, я хочу только найти Инея, больше ничего!..»

В офисе было тихо и пустынно. Одни ушли на обед, другие – на совещание в большой зал. Только далеко за перегородками маячили чьи-то тени.

Алей вздохнул, осторожно потёр веки и огляделся. «Вот ещё один день потерян, – угрюмо определил он. – Хорошо, что меня не дёргают сегодня. Много я наработаю… А в понедельник первый экзамен. Привет, Алей Обережь, готовься пересдавать осенью. Оленев будет в шоке. Впрочем, у него память дырявая, забудет».

На всякий случай Алей влез на форум и робко спросил у врачей, как влияет на поиск повышенный уровень кортизола. Немного подумав, дописал: «…и адреналина». Врачи, кажется, удивились, но Сакура ответила ему почти сразу. «Привет! В стрессовых ситуациях точность поиска обычно повышается, скорость увеличивается. Мы тут как-то удивлялись, что кортизол и адреналин дают почти одинаковый положительный эффект. А убийца лайфхакера, если интересно – пролактин. Но тебе это не грозит», – и Сакура рассыпалась смайликами…

Алей тяжело вздохнул.

В прострации, обняв колени, он просидел несколько минут. Потом чуть одаль послышались мягкие шаги. Алей встрепенулся и спустил ноги на пол: он узнал походку Осени.

Золотисто-прохладная, по-всегдашнему безмятежная, она мелькнула меж стен нарисованного папоротника и миг спустя

вошла в ячейку Экзе. Алей грустновато улыбнулся, поворачиваясь к ней на кресле. Несмотря ни на что, с её появлением на душе стало спокойнее. «Осень, осень, – в голове будто плеер включили, – мокрый ветер листья носит…» Глаза у неё были цвета дождя.

– Привет, Алик, – сказала она. – Ты один?

– Все ушли на фронт, – Алей развёл руками, – в столовую.

– Я тебе от Ворона распечатки принесла, – Осень положила папку на стол. – Вычитай сегодня, пожалуйста.

И она ласково, по-домашнему сощурилась, глядя на него сверху вниз; Осень в офисе не целовалась принципиально, взгляд этот заменял прикосновение губ.

Алей его не заметил.

Ему стало совсем тоскливо.

…Его брали на работу как лайфхакера. Пусть обучение затянулось, но от него ожидают большего, через какое-то время ему поручат новые, специфические обязанности. Ворон Вежин даже надеялся, что Алей сможет понять интерфейс Старицы. А теперь окажется, что он профнепригоден. Да, программист он неплохой, но стоит ли того, чтобы держать его здесь только как программиста?

– Алик?

– Сень, – он опомнился, – да, конечно… это срочно? День терпит?..

– В принципе, терпит, – Осень пожала плечами. – Алик, ты в порядке? Если не в порядке, скажи прямо, потому что я плохо умею догадываться. Ты не простыл?

– Нет, – он замотал головой, – нет, всё в порядке…

На сердце точно камень лёг.

В надежде отвлечься Алей попытался заговорить о том, что волновало его меньше всего.

– Сеня, – спросил он, – а почему мы всё-таки пользуемся распечатками, а не почтой?

Осень глянула искоса, с недоумением.

– Ты так и не догадался? Мы постоянно онлайн. Интернет – слишком широкое информационное поле. Ты поработал с ловушками, неосознанно запомнил несколько рассечений сети, а потом открыл браузер и увидел где-нибудь в новостях ключевое слово. И всё. В твоём сознании одно сплавлено с другим, ты запутался и рискуешь пропасть. А переключаясь с бумаги на монитор, ты как бы пересекаешь границу сред. Получается своего рода изоляция. Это не очень надёжное средство, но лучшего мы не знаем.

«Рискуешь пропасть, – машинально повторил про себя Алей. – Рискуешь пропасть…»

По спине побежали мурашки. Что-то словно сверкнуло перед глазами.

Распечатки, Старица, Ворон Вежин.

Материальный тоннель.

Исчезновения.

История о великом лайфхакере и парне, угодившем в другую параллель. Тогда предельный поиск не дал результата, потому что цель поиска находилась в иной Вселенной.

– Да! – тихо вскрикнул Алей и вскочил с кресла. – Господи, как я не догадался?! Поиск не работает, потому что релевантного ответа нет!

– Это же очевидно, – проворчала Осень, поглядев на него с подозрением. – Алик, у тебя точно всё в порядке?

– Осень, – жарко выдохнул он и схватил её за плечи, – мне нужно знать всё о точках перехода.

Осень подняла брови.

– Алик, собственно, тебе действительно нужно это знать… но информации очень мало. Я думала, Ворон Вежин тебе всё рассказал.

– Мне нужно знать, как их можно найти. И как проходить через них.

– Алик, ты с ума сошёл. – Осень покачала головой. – Можно, конечно, спросить у Дня Вьюгина. Но что бы ты ни придумал, идея это безумная.

– Нет, – сказал Алей. – Осень, пойдём в переговорку. Я тебе всё расскажу.

Она слушала молча, внимательно, не шевелясь и словно бы даже не моргая. Алей смотрел на неё – на белые пальцы, ровные ключицы, красивое спокойное лицо, – и волнение отпускало, выравнивалось дыхание. По мере того, как рассказ близился к концу, лицо Осени становилось всё менее выразительным. Будто ИскИн, обитавший в этом прекрасном теле, отключал имитацию мимики, все ресурсы перебрасывая на обсчёт важных данных.

Алей рассказал ей о видениях, о невероятном возвращении отца спустя десять лет, о том, как Ясень снова исчез, просто завернув за угол, и о жутковатом трансе, в котором Алей нашёл маму и отчима. Рассказал прямо, ничего не пытаясь объяснить обыденными причинами. Осень не была лайфхакером, но она, научившая его ходить к Старице, тоже знала, что такое дотянуться до потолка Господня.

Когда он закончил, она надолго задумалась, обхватив подбородок ладонью.

Свободной в этот час оказалась только переговорка «Ян», та

самая, из которой Алей когда-то отправился в первый рейд. Меж разомкнутых белых реек жалюзи сквозили лиственно-зелёные перегородки этажа и высокие, сверкающие солнечными бликами окна. Туда-сюда беззвучно проходили люди. Мерно качался маятник больших чёрно-белых часов. В многоугольной маленькой комнате стояла плотная тишина.

– Подожди, – наконец, сказала Осень, хотя он и так вот уже минут пять терпеливо ждал. – Давай по порядку. Твой отец исчез на десять лет. Потом вернулся и забрал у матери сына, которого до этого ни разу не видел. Они завернули за угол и пропали, как в воду канули. В это время твои мама и отчим, то есть те люди, которые их преследовали, оказались парализованы шоком. Но это был не обычный стрессовый шок. Их как будто загипнотизировали. Насильно замкнули их внимание на образах, причинявших им боль и страх. Так? – она подняла глаза на Алея.

– Так.

– Ты не смог найти отца и брата предельным поиском.

– Так.

– Сначала ты решил, что утратил свои способности, – продолжала Осень. – Кстати, почему? Из-за одной неудачи?

Алей открыл рот – и поперхнулся словами.

От усталости и недосыпа он потерял способность помнить сразу о нескольких вещах. Он нашёл объяснение странному исчезновению отца и брата – и забыл о Воронове. Первым, что не поддалось его лайфхакерским способностям, стала кодовая цепочка Летена Истина.

Осень ждала ответа.

Алей замялся. У неё был такой вид, будто она видела и понимала тут нечто, чего сам он не понимал. Если так, стоило ей всё выложить как на духу, чтобы не запутывать могучий мозг ИскИна ложными предпосылками. Но Воронов… До сих пор Алей не упомянул Осени о нём; впутывать её в это он совсем не хотел.

– Нет, – морщась, Алей помотал головой, – нет.

– Что ты ещё не нашёл?

– Сегодня утром я не нашёл ошибку в собственном коде.

– Но вчера ты нашёл ключевые слова, выводившие мать и отчима из транса. Это нетривиальная задача, поверь.

– Ты знаешь, что это было? – Алей подался вперёд. Руки похолодели.

Осень потёрла лоб.

– Догадываюсь. Но должно быть что-то ещё. Ещё один кусочек паззла. Тогда я буду уверена.

«Рассказать?» – Алей заколебался. Осень могла бы пролить свет на происходящее… Он уставился на собственные пальцы и

уточнил:

– Что-то ещё? Где?

– В истории с твоим братом. В том, что ты чувствовал, когда искал его.

Алей скрыл облегчённый вздох. Всё-таки Осень имела в виду вполне конкретные вещи. «Чем меньше она будет знать, тем для неё же безопасней», – подумал он. Раньше он оценил бы риски с помощью предельного поиска, но теперь… Он не мог доверять себе. Лучше было перестраховаться.

Зато, по крайней мере, мысли прояснились. Всё благодаря Осени. Алей внутренне улыбнулся. Она как-то шутила: система охлаждения её процессоров настолько мощная, что хватает ещё на пару человек…

– Ассоциативный поток, – сказал Алей, – представляется как нечто… текущее. То, что продолжается во времени. То ли река, то ли нить, которую прядут, то ли мелодия… Мой поток как будто наткнулся на преграду. Я в нём запутался. Я всё время возвращался к одному образу.

– Какому?

– К Старице. Она была символом безвыходности. Тупиком.

Осень нахмурилась.

– А вообще? Что с тобой происходило?

Алей помолчал.

– Это было похоже на болезнь, – сказал он. – Я подумал, что это… эта штука может иметь инкубационный период. В субботу вместо нормальных ассоциаций у меня начали появляться видения, в понедельник вечером начали пропадать способности. Я вспомнил, что визионеры, приходившие на наш форум, быстро бросали лайфхакинг, и предположил, что у них происходило выгорание.

– И это тебя напугало?

– Да.

– Непохоже на тебя, – честно сказала Осень.

– Я был весь на нервах, – жалобно ответил Алей.

– Ладно, – сказала она. – А кто-нибудь ещё, не визионер, на вашем форуме выгорал? Такие случаи известны?

– Нет. Бывало, люди уходили, но не поэтому.

– Ты решил, что ты первый?

– Да. На форуме никто, кроме меня, не работал с семантическими ловушками. Они же расшатывают защиты. Я предположил, что видения могли начаться из-за какой-нибудь ловушки.

Осень задумалась. Алей смотрел на неё в тревоге.

– Ладно, – сказала она. И вдруг сощурилась: – Алик, когда я

пришла, ты попросил меня рассказать про распечатки. А потом вскочил как ошпаренный и закричал, что релевантного ответа нет. Что случилось? Я имею в виду – о чём ты подумал?

Припоминая, Алей растерянно заморгал.

– Ты сказала, что я могу пропасть, – неуверенно выговорил он, наконец. – И я… и у меня возникла ассоциация. Как морозом по коже подрало. Я вспомнил, что можно пропасть из нашей параллели вообще, так, что предельным поиском не найдёшь. Об этом ещё Ворон Вежин рассказывал. Я предположил, что поэтому и не могу найти Иньку и папу. Они угодили в точку перехода. Это невероятно, но другого объяснения я не вижу. И потом, с папой связана бездна… нетривиальных смыслов. Он же практически с того света вернулся. Если говорить о рассечении семантической сети, может ли быть рассечение глубже? Вот я и подумал, что он мог провалиться в другую параллель и Иньку за собой утащить.

Осень легко вздохнула.

– И как всё это называется? – поинтересовалась она. – Алик, то, что ты сейчас мне пересказываешь, и есть ассоциативный поиск.

– Сень, нет. Это просто логика. Цепь умозаключений.

– Но с чего она началась?

Алей озадаченно уткнул палец в середину лба.

За несколько часов он успел свыкнуться с мыслью, что способности утрачены навсегда – потому что где-то в мозгу сгорели предохранители, механизм поиска вышел из строя. Он даже сумел логически обосновать это, понял причину, связал между собой разрозненные настораживающие факты. Целую картину выстроил…

– Эта твоя ассоциация, – деловито говорила Осень, – которая возникла непонятно отчего, почти без всякой смысловой связи, но привела к верной догадке – разве это не предельный поиск?

Алей уставился на неё как кролик на удава.

Сладкий холодок окатил его плечи. Углы губ сами собой поползли в стороны. Алей приподнялся; озарение было почти физическим, почудилось, что в комнатке стало светлее. Солнечные зайчики проскакали по белым стенам «Ян», зелень перегородок снаружи заколыхалась, как тени Старицы.

– О Господи! – выдохнул Алей, сияющими глазами глядя на Осень. – Это же и есть…

– Я и говорю, – Осень поглядела на него с шутливой укоризной. – Не вздумай отлынивать и иди вычитывать распечатку. Всё ты можешь.

Голова пошла кругом от невыразимого облегчения. «Мастерство не пропьёшь», – сам себе со смехом заметил Алей.

Он уже поверил, что кончился как лайфхакер, а поиск его всё равно работал – на автомате, в фоновом режиме.

И он найдёт Инея! Лайфхакер из истории Ворона Вежина сумел отыскать человека в другой параллели, значит, это возможно. Пусть это окажется сколь угодно сложно и тяжело, но то, что сделал один, способен повторить другой. Он найдёт брата.

И увидит отца.

И спросит.

Ему о многом нужно спросить.

…Вот только кодовую цепочку Воронова Алей тоже найти не смог. А Воронов, к сожалению, никуда не проваливался.

Но рядом сидела спокойная Осень, и вместо того, чтобы заново впасть в панику, Алей задумался. Поначалу он решил, что не нашёл код просто потому, что не хотел его искать. Может, стоило воспользоваться бритвой Оккама и вернуться к самому простому объяснению? «Я могу попытаться ещё раз, – подумал Алей. – Найду Иньку, потом этим займусь. Вот и всё».

Осень недолго последила за ним глазами и улыбнулась.

– Ну хорошо, – сказала она, поднимаясь с кресла. – Пойду-ка я пообедаю.

Алей опомнился.

– Подожди! – горячо сказал он. – Осень, времени нет, их нужно спасать!

– Кого?

– Обоих, папу и Иньку!

Осень остановилась у двери. С лица её исчезла улыбка, она снова стала бесстрастной, будто ИскИн; помолчала немного и спросила:

– Уверен?

Алей, поднявшийся за ней следом, так и сел.

– Уверен?! – переспросил он в крайнем изумлении. – Осень, да я готов вскочить и побежать!

– Куда?

– Туда! В Пухово, туда, где точка перехода!

Осень покачала головой. Опустила ресницы и стала почти мрачной.

– Алик, остынь. Ты со страху всё забыл.

– Что забыл?

– Сам вспоминай, – лицо её было холодным. – Подключи голову, предельный поиск подключи. Я не получила всех необходимых данных, возможно, о чём-то мы узнаем позже, но я уже вижу, что ты допустил одну очень серьёзную ошибку. Корневой баг. Из него растут все остальные.

Алей хлопал глазами: Осень, бесстрастная и величественная, была ни дать ни взять пифия.

– Рот закрой, – после паузы сказала пифия и улыбнулась снова. – А я обедать пойду. See you!

С тем она вышла из переговорки и пропала в офисной толчее.

Алей остался сидеть дурак дураком перед закрывшейся дверью.

На стекле двери надпись «ЯН», вывернутая, превращалась в «HR». Мимо прошёл по коридору из антиспама в веб-поиск Ручей Любовин, эйчар-менеджер: посмотрел на Алея с недоумением и помахал ему рукой. Алей едва заметил его. «Вот те раз, – ошарашенно думал он. – Дорвей мою релевантность, как говорит Ворон Вежин… кстати, а что говорил Ворон Вежин?»

И тут Алей испытал острое желание побиться головой об стену.

Тайное начало становиться явным.

…Во-первых, точка перехода в каждый момент времени существует только для тех, кто в неё проваливается. Пройти след в след за пропавшими – задача для мастера, это поиск не проще, чем поиск Предела. Нужно по крайней мере знать, с чего начинать. Лайфхакер из истории Ворона Вежина отыскал стартовую точку в компьютере пропавшего парня. Нетрудно понять, что навело его на цель: за тем компьютером бедняга проводил большую часть жизни.

Но где искать такую точку для Ясеня? Для Инея?

«Не зная броду, не суйся в воду», – подумал Алей, досадуя. Хорош бы он был, в мыле примчавшись к новопуховскому супермаркету! Тут и День Вьюгин не помог бы: ягуару известно об алеевых родичах куда меньше, чем Алею.

А во-вторых – и в этом заключался тот самый корневой баг, с лёту обнаруженный Осенью – Старица не могла быть символом тупика!

У Алея мурашки побежали по коже, когда он понял, как глупо и прочно запутал сам себя, поддавшись эмоциям.

Старица.

Бездна знаков, кипящий котёл смыслов, узорчатая вязь загадок. Заблокированный интерфейс вселенских админов, место, куда вхожи достигшие Предела. Очарованный берег, вызов аналитическому разуму, ступень к порогу высшего мира.

И её Алей назвал тупиком?

Огромное поле значений он свёл к одному-единственному символу, к одному качеству – и качество это, если подумать немного, вовсе не принадлежало полю. Мир Старицы не был закольцован: тот, кто вступал в него по праву, мог выйти и к Реке

Имён. Возможности, доступ к которым давал чит-код, даже демо-версией назвать было трудно; это больше напоминало принтскрин окна работающей программы…

«Нет, – поправился Алей. – Не совсем принтскрин».

Таинственные админы, выдавшие код, открыли только одну функцию Старицы.

Самую нужную.

Жизненно необходимую.

Алей встал и перевёл дух. Он чувствовал себя странно лёгким, точно кто-то подбросил его ввысь. Так бывает в скоростном лифте после остановки. «И об этом я умудрился забыть? – удивлялся он. – Какой же я дурак! Самое важное из головы вылетело. Хорошо, что у меня Осень есть! Кто знает, сколько я бы ещё метался и с ума сходил…»

Он искал то, что невероятно трудно было найти – и то, чего вовсе не существовало в этой вселенной. Он получал один и тот же ответ – и принимал его за отказ. Раз за разом течение ассоциативного поиска возвращало его на берега Старицы. «Да, – подумал Алей и бледновато улыбнулся, берясь за ручку двери. – И это объясняется очень просто».

Из Старицы можно найти всё, что угодно.

Половина всех разговоров на форуме велась о том, как развить лайфхакерские способности и что делать, если предельный поиск не приводит к ответу. Алей знал, что проблема актуальнее некуда. Всеми любимый Мюмзик на эту тему целое исследование писал и даже, кажется, ставил эксперименты на добровольцах. Но до сих пор «проблема неответов» ассоциировалась у Алея с двумя явлениями: «молчащими страницами» в базах Ялика и бесконечными жалобами девочек-лайфхакерш на форуме.

Времяделу частенько поругивал последних. Но переживания посетительниц, которые не нашли предельным поиском какой-нибудь жизненно необходимый им крем (или пуще того – жениха), оффтопиком не были, а значит, модерированию не подлежали.

Алей свой последний полноценный неответ получил лет в двенадцать и с тех пор навсегда забыл о проблеме. Даже в условиях фатальной нехватки стартовых данных он рисковал только заработать при поиске головную боль – вместе со смутным, расплывчатым, но всё же верным ответом. В семнадцать, впервые посягая на коды Предела, он, случалось, промахивался. Но это были иные неудачи: он получал нечёткие или нерелевантные данные, а не «ошибку 404».

Сейчас он запрашивал то, что находилось вне досягаемости

ассоциативного поиска. И то, что он принял за неответ, на самом деле было редиректом, пересылкой. Поиск указывал ему на точку, откуда следовало начинать путь.

Алей подумал, что успеет застать Осень за обедом. Время шло, нужно было действовать. Понимание – дело большое, но само по себе бесполезное. Где-то в неведомом ином мире блуждали, потерявшиеся, папа и Инька, не могли понять, куда они угодили и что делать… «Я их найду», – заново поклялся Алей. Он испытывал настоящее счастье от мысли, что всё-таки может – найти.

Не хватало сущей мелочи.

Алей знал, как попасть в Старицу, но не знал, как из неё выбраться.

В первый раз его вывела Осень, оставив урок по выходу на потом. Во второй – он просто заснул у Старицы и проснулся у себя дома. Впору было бы рассмеяться, не будь каждая минута так дорога.

– Тьфу ты, горе луковое! – вслух сказал Алей и ринулся на цокольный этаж, в столовую.

У дверей этажа он чуть не налетел на Джипега с компанией: сотоварищи возвращались на рабочие места. Вид у них был сытый и добродушный, и только Гиф, завидев Алея, коварно, по-лисьи захихикал.

– Обедать идёшь? – спросил он.

– Ага! – крикнул Алей, ссыпаясь по лестнице.

– Эх ты, – укоризненно сказал Джипег ему вслед. – Не компанейский ты человек, Алик.

Тифф и Ави расхохотались.

– Проспорил ты, Джипег, – бодро объявил Гиф. – Щелбан тебе!

Осень ела медленно и красиво: аккуратно резала мясо, изящно свинчивала крышку с бутылочки соуса, точными движениями нанизывала на вилку листья салата. В толкотне и суете Алей издалека заметил её. Она сидела одна и будто бы медитировала над тарелкой – так медитируют, осознавая каждое мелкое обыденное движение.

Но ИскИны не предаются углублённому созерцанию – ИскИны производят расчёты. Лицо Осени было настолько невыразительным, что Алей затревожился за неё. В присутствии других людей она никогда не выключала имитацию обычного человеческого поведения: знала, что её природная холодность выглядит непривлекательно, а в беседе невежливо. Алей ценил её доверие: наедине с ним она порой позволяла себе экономить

ресурсы.

Но сейчас, в офисной столовой…

«Это что-то очень важное, – понял Алей. – Ужасающе важное». Осень расставила приоритеты и решила некоторое время не следить за тем, какое впечатление производит. Алей вообразил, насколько сложная система умозаключений, допущений и взаимозависимостей поглощает все ресурсы ИскИна и поёжился.

На миг он даже засомневался, стоит ли тревожить Осень сейчас. Но у него тоже было дело ужасающей важности. Возможно, речь шла о двух жизнях – и о бесконечно дорогих жизнях.

– Алик? – Осень подняла глаза.

– Осень, – он сел напротив, сплёл пальцы в узел и сжал до боли, – пожалуйста, удели мне полчаса. Пятнадцать минут. Десять. Это очень важно.

– Я могу уделить тебе несколько суток, – сказала она, и смысл слов противоречил равнодушию, с которым они были произнесены. – Что случилось?

– Мне нужен рейд. Третий учебный рейд. Мне нужно научиться выходить из Старицы. Потом… потом я всё смогу делать сам.

– Ты хочешь искать отца из Старицы?

– Да.

– Ты можешь попробовать.

Возле кухни отворили дверь на улицу. В столовую ворвался ветер, принёс шорох листьев и шум машин.

– Что? – тише выговорил Алей после паузы.

Осень помолчала немного и аккуратно съела кусочек жаркого.

– Я отведу тебя в рейд, – сказала она. – Прямо сейчас. Только возьми что-нибудь поесть. Я подозреваю, что ты начнёшь метаться в Старицу и обратно, а это требует очень много энергии. Потерять сознание в Старице не то чтобы смертельно опасно, но крайне нежелательно. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя вытаскивал Стародубцев?

Алей покивал и покорно поплёлся за обедом. Суп и котлеты уже остыли, но разогревать их в микроволновке показалось ему слишком долгим делом, и он решил съесть холодные. Осень ждала за столиком, глядя в окно прямо перед собой. Она походила на статую: даже губы побледнели, и только золотые волосы оставались живыми. Зрелище было жутковатое.

– Будь готов к тому, что получится не сразу, – сказала она.

– Я готов.

Осень кивнула и замолчала. Алей торопливо хлебал едва

тёплый суп.

– Осень, – осторожно спросил он, наконец, – о чём ты думаешь?

– О тебе.

«Романтичный ответ», – подумал Алей, уныло усмехнувшись; будучи абсолютно честным ответом компьютера, он звучал не совсем по-книжному.

– И… что?

– Алик, что ты сказал в милиции, когда снимали показания? Что отец просто исчез?

– Нет, конечно. Мы сказали, что они уехали на машине.

– Ясно. Хорошо.

Лицо Осени не менялось ни в единой черте. Она будто превратилась в фотографию самой себя. Алей ждал-ждал новых вопросов, потом решил заговорить сам. Заледеневшая в своих мыслях Осень его пугала.

– Сеня, – понизив голос, окликнул он, – что случилось? Там, наверху, ты не была такая. Что ты… придумала?

Она медленно перевела на него взгляд – механический, пустой, страшноватый.

Потом вздохнула. Лицо её утратило бесстрастие и стало печальным. У Алея мурашки побежали по спине; только когда напряжение отпустило, он понял, до какой степени был напуган и скован.

Возле кухни подсобные рабочие громогласно спорили, закрывать дверь или оставить так.

– Ты переоцениваешь меня, Алик, – грустно сказала Осень. – Я мало что знаю и ещё меньше могу. Но транс, в котором находились твоя мать и отчим – он очень странный. Я подумала о нём. Он напомнил мне кое-что, о чём я слышала. Так называемый временный якорь. Помнишь, или заново рассказать?

Алей наморщил лоб и засопел.

– Всё, что помню, – открыто признался он, – то, что ты обещала рассказать о якорях. Когда у меня будет полный допуск.

Осень приподняла краешки губ, но смотрела по-прежнему грустно.

– Я думаю, что можно пренебречь допуском, – сказала она. – Речь идёт о жизнях людей. Но ты не беспокойся слишком, Алик. Папа твой альпинист, один в горах выжил, сам не пропадёт и сына в обиду не даст. Я о другом.

Алей медленно осознавал сказанное.

– О другом? – наконец, переспросил он. – О чём? О жизнях других людей?!

– Да.

– Господи… – только и выдохнул он.

– Мне не хватает данных, – снова сказала Осень. – Если бы нашлось что-то ещё, я бы сказала точно. Но и сейчас вполне достаточно для того единственного, что я, в сущности, могу сделать.

– Для чего?! – Алей смотрел на неё расширенными глазами.

Осень покачала головой. Она улыбалась – смущённо, грустно и с лёгким сожалением. Алей успел достаточно хорошо узнать её, чтобы понимать – в действительности такое выражение на её лице было куда более странным и страшным, чем механическое бесстрастие… «Что случилось? – он впился пальцами в колено. – Жизни людей, транс, временный якорь… Господи, это что-то гораздо большее, чем папа и Иня. Да что же это?!»

– Осень, не томи, – выговорил он. – Я и так на нервах.

– Алик, – попросила Осень, – ты только не удивляйся. На самом деле я почти ничего не могу. Просто я немного подумала и теперь уверена, что к этой проблеме нужно подключить Васю.

Возле кухонных столов кто-то с грохотом разбил чашку. Алей открыл рот и закрыл, как рыба.

– Какого Васю?! – наконец, ошарашенно сказал он.

Осень выпила соку из высокого стакана, помолчала.

– Помнишь, мы говорили о вселенских админах?

Глава 5. Прокси-сервер

Они сидели на брёвнах у маленькой заводи. Возле берега дремал Ялик. Неподвижное солнце смотрело на сокровенный край из-за облачной пелены. Вода тихо плескалась, облупившаяся зелёнь лодочных бортов смыкалась с зеленью ряски. Ветер пошевелил волосы Осени; легко коснувшись виска, она убрала за ухо золотую прядку.

– Отсюда нельзя найти только одну вещь, – сказала она. – Вернее, не то чтобы найти… Отсюда нельзя сплести Великую Сеть. По крайней мере, этого не может сделать человек.

– Почему?

– Вода течёт, – ответила она, – видишь?

Алей перевёл взгляд на тёмную зыбь.

– Её течение символизирует появление в мире новых смыслов, – сказала Осень. – То есть является им. То есть… я не знаю, как это передать словами.

– Я понял, – ответил Алей. – Поле смыслов разомкнуто, и Великая Сеть в принципе бесконечна. Кстати, похоже на нашу главную страницу. Там лодка течёт по реке из поисковых запросов.

– Да. – Осень поразмыслила. – Возможно, поэтому Ялик и существует здесь.

– А Мириада здесь существует? Инфокот?

– Скорей всего, – Осень пожала плечами и поднялась с бревна. – Но мы их не видим. Ладно, Алик, я пойду. У меня ещё дела сегодня. Разлогиниваешься ты вполне технично, моя помощь не нужна.

– Погоди! – Алей подался в её сторону. – Я здесь долго собираюсь сидеть. Меня может застать кто-нибудь ещё?

– Может. Если специально поставит себе такую цель и будет достаточно опытным юзером. Так что не беспокойся.

Алей кивнул.

– Спасибо, Осень. Ты… я тебе очень благодарен. – Осень смотрела на него сверху вниз, чуть сощурив прохладные серые глаза, и слова будто терялись, уплывали по сокровенной реке Имён… – Ты очень хорошая.

– Я рада тебе помочь, Алик. И я тоже беспокоюсь за Инея.

Алей встал и обнял её. Она успела уже ступить на пригорок, стояла выше Алея, и он уткнулся лицом в голубые лацканы её офисного пиджака, прерывисто вздохнул, чувствуя запах духов. Осень погладила его по голове и поцеловала в макушку.

– Я позвоню Васе, – сказала она, отстранившись.

Алей промолчал.

– Но я не знаю, что он ответит. – Осень нахмурилась; это она тоже говорила не впервые. – Он сложный человек. Я думаю, что ты прав, Алик.

Алей бледно улыбнулся.

– Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, – продолжала Осень, – поработать со Старицей. Искать их отсюда.

– Я знаю, – сказал Алей.

Осень поцеловала его.

– Не паникуй, – сказала она на прощание и улыбнулась.

Потом пошла в лес. До сих пор каблуки её утопали в белом песке, а теперь погружались в зелёный мох, и там, где она проходила, на мху оставались песчинки. Качались ветви, клонился кустарник, шумел ветер в соснах, пахло смолой. Алей смотрел, как уходит Осень. Шаг, ещё шаг, вот она скрылась за купой молодых елей, вот вновь мелькнул её голубой костюм, а вот она затерялась в листве и тумане и не показалась больше… Так уходят из Старицы: ни шума, ни дыма, никаких фокусов, только шаг в сторону, за угол, в тень. Главное, пропади с виду: с глаз долой – из мира вон…

Делом это оказалось несложным. Собственно, иначе и быть не могло. Ходили же сюда офисные сотрудники безо всякой лайфхакерской подготовки. Часа два ушло на тренировки, ушло бы и меньше, но Осень хотела убедиться, что всё будет в порядке. «Ты нервничаешь и торопишься, – говорила она. – Нервничать ты не перестанешь, я знаю. Поэтому нужно добиться автоматизма».

Он быстро вызубрил последовательность действий, перестал задумываться над ней, но всё равно каждый раз, когда он выныривал из лиственного сияния, то ощущал подобие лёгкой обиды – словно потерял что-то.

В Старице же Алей, чтобы не терять время и заодно попрактиковаться, вычитал распечатку Ворона. Ловушки отыскались мгновенно, и на сердце стало легче. Кажется, и поиск из Старицы был не такой трудной задачей…

Они с Осенью обсудили работу семантического фильтра: эффективность выросла впятеро. В конце квартала собирались выложить бета-версию на большой поиск, а рабочую группу – премировать. Алей пришёл в бодрое расположение духа и был готов к подвигу.

Затем Осень собралась уходить, а он – приступать к настоящему делу.

Она ещё раз предупредила его, что сразу может не получиться. Она редко повторяла дважды, но уж если повторяла… «Теоретически искать что-либо из Старицы проще, – припоминал

Алей, – потому что исчезают любые преграды. Практически – намного сложнее, по той же причине». Насколько интернет как область поиска был обширнее, нежели личное ассоциативное поле лайфхакера, настолько же Старица превосходила Сеть. Она содержала все смыслы, когда-либо существовавшие. Алей представил, какие же тайны тогда заключает в себе недостижимая Река Имён: голова закружилась. Великий незнаемый мир за зелёной дверью…

Алей кинул последний взгляд в ту сторону, где исчезла Осень, вздохнул и вернулся к насиженному месту на брёвнах.

«Пока на тебя кто-то смотрит, выйти из Старицы нельзя, – повторил он про себя слова Осени, – потому что люди не могут исчезать как выключенные. Нда… А вот пропасть как Инька, завернув за угол, запросто можно… Ладно. Начнём. Иней Обережь, вечер, звонок в дверь».

У него ничего не вышло.

Всё здесь было иначе.

Он захлёбывался в ассоциативном потоке, тонул в нём, как в штормовом море. Ветвей-идей было слишком много, они делились слишком часто и уводили невесть куда. Старица, река… озёра и степи, глухие нездешние леса, колодезная тьма, которая вдруг оборачивалась тьмой небесной и приводила Алея к супермаркету в Новом Пухово, где под фонарём стояли мама и отчим. Теснившие супермаркет высотки сверкали огнями окон. Ржавые старопуховские гаражи, заросли пыльных акаций, проулки и тупички сплетались в фантасмагорический лабиринт, многомерное кружево дорог и пространств. Немедля возникали огромные внедорожники на этих дорогах и крупные хмурые мужики возле машин, сонные, но сторожкие, как рептилии…

…дощатые причалы у берегов малых рек. Людные вокзалы и забытые полустанки, дачные посёлки и ветхие деревеньки старше городов. Тропинки в берёзовых рощах, пронизанных светом. Духмяные грибные поляны, шумные летние ливни, листва, играющая на ветру… Шумливая Листва, столица Росы, и прохладный Ливень, северная столица.

Одно за другим воскресали видения прошедших дней. Летен Воронов. Электричка за рекой в лесополосе. Самолёты, рассекающие поднебесье. Старая видеозапись, на которой отец бродил по комнате и что-то искал под столом… Молния разбивала в пыль бетонные стены, а папа стоял посреди ковыля под звёздами и улыбался странной недоброй улыбкой.

Опоры линий электропередачи – и тонкий, тонкий, зудящий звук, который издают провода… Захоронения токсичных отходов,

умершая земля под брошенными заводами. Четыре цвета в логотипе Windows, символизирующие четыре стихии…

Алей забывал дышать, в глазах мутилось, и к горлу подкатывала тошнота. Казалось, что он ошибся на старте, неправильно задал цель и теперь вместо того, чтобы заниматься конкретным предельным поиском, зачем-то плетёт Великую сеть. Ещё небольшое усилие воли – и весь мир станет единым нераспутываемым клубком связей и взаимозависимостей…

«Чертовщина», – бормотал Алей и пытался начать всё заново.

Изумляло то, что в этом бешеном шквале все образы оставались раздельными и распознаваемыми. Благодарить за это стоило, пожалуй, не собственный ясный разум, а админов Старицы. «Раз уж они открыли доступ, – думал Алей, – то должны были и позаботиться о юзабилити… максимально возможном для нечеловеческих интерфейсов».

Или всё-таки интерфейсы были человеческими?

Теоретически к Старице мог попасть любой. Больше того – любой мог выйти к Реке. Вопрос заключался лишь в том, насколько гость готов к этому. Была минута, когда Алей пожалел, что его собственный Предел не взломан. Может, так было бы легче.

Ежесекундно он готов был признать, что потерял нить поиска. Ежесекундно он получал подтверждения тому, что находится на верном пути.

Путей было слишком много.

Вместо одной нити – тысяча. Любая из нитей приведёт к цели, но слишком плотно они перепутаны, клубок становится лабиринтом, и блуждать в нём можно до скончания века…

Алей не мог взять в толк, как же пользуются Старицей его коллеги, обычные менеджеры, аналитики, программисты, если даже для лайфхакера это немыслимо сложная задача. Может, всё дело в опыте? Несколько дней тренировок, и он в Старице будет как рыба в воде? Или сотоварищи задают Старице вопросы попроще? С распечаткой Ворона Вежина он разобрался быстро, но найти десяток ключевых слов среди данных тысяч – не то, что найти человека в огромном, постоянно обновляющемся мире…

Под конец он уже еле сидел; стволы деревьев плыли перед глазами, листва превращалась в зелёный дым. Пора было дать себе отдых. «Тренировки, – решил Алей, сдаваясь, – нужны тренировки. Я знал, что получится не сразу. Завтра продвинусь дальше».

Но это значило, что один день он уже потерял.

Над городом плыл пронизанный огнями мрак. Уже покинув

Старицу, Алей долго сидел в офисе – в тихой белой переговорке, в предполуночной пустоте. Приходил в себя.

Удивительно, как легко оказалось выпасть из привычного времени. Алей физически чувствовал, как оно пульсирует – растягивается и сжимается, вздрагивает и замирает. Осень говорила, что в Старице время иное, но о таком побочном эффекте не предупреждала. Вряд ли она забыла, скорее не знала сама. В первые минуты после выхода Алей шевельнуться боялся. На границе зрения вспыхивали и гасли зелёные блики, стрелка часов ползла по циферблату то быстрее, то медленнее, и слышалось в отдалении журчание тёмной воды.

Но галлюцинации неуклонно меркли и вскоре сошли на нет. Алей даже успел на последний поезд метро.

…Ночной автобус скрылся за поворотом. Алей перешёл пустую дорогу. Было так темно, что в небе причудливой полосой очертился Млечный Путь. Редкие освещённые окна словно висели над землёй.

Подул ветер. Деревья зашелестели, перекликаясь, – скромные, запылённые, они были точно тени прекрасных деревьев Старицы.

«Осень меня предупреждала, – думал Алей, шагая по тротуару. – Я не паникую. К тому же результат уже есть. Маленький, но результат». Он нашёл ещё одно ключевое слово в придачу к «двери» и «морю». Поиск вывел его на собственные воспоминания, на первое видение – лес и туманное озеро, за которым шёл поезд. «Поезд» и был новой опорной точкой. Стало быть, придётся куда-то ехать за Инеем на поезде: намечалась некая определённость, и оттого на душе полегчало.

Ещё была «дача», вернее «дачный посёлок», но её Алей считал скорее промежуточной ассоциацией. Папа когда-то купил дачу на Волоколамском направлении, только она вот уж пять лет как сгорела. Зимой забрались бродяги, растопили печь и, должно быть, перепились… У мамы на дачу не хватало ни сил, ни времени. Алей вспоминал, что участок с остатками дома хотели продать, но сразу покупателя не нашлось, а потом мама махнула рукой.

В бурлящем потоке ассоциаций последним смутно вырисовывался «дождь», вернее, «ливень». Его Алей тоже не решался обозначить как следующую вешку. Слишком легко было спутать просто дождь как промежуточное звено и город Ливень, а потом вывести, что на поезде надо ехать как раз туда. «Я научусь, – поклялся себе Алей. – Буду пахать как проклятый, но научусь. И найду».

Иней, Инька, тихий маленький мальчик бродит где-то далеко

от дома, один. Верней, не один – и от этой мысли становилось ещё страшнее. Что за человек Ясень Обережь? Десять лет прошло со дня его смерти. Алей сумел прикоснуться к маминому видению, и там Ясень выглядел настоящим, живым. Но как ни крути, его признали погибшим очень, очень давно, а теперь он вернулся и просто так, в одночасье забрал ребёнка, которого никогда в жизни не видел. Забрал, оставив маму в страшном оцепенении, скрылся с глаз, будто по собственной воле…

«Где ж они спать-то будут сегодня?» – подумал Алей, и ему стало дурно от тревоги. Инька даже в походе никогда не был. Никогда не спал под чужой крышей, тем более – без крыши вовсе. Папа, конечно, человек бывалый, в случае чего сможет постоять за сына, но папа ведь и сам не знает, где они очутились.

Или знает?

Куда можно попасть через точку перехода? Что может случиться – там?

«Завтра же подойду к Стародубцеву, – торопливо решил Алей. – Будь что будет. Я даже предположить ничего не могу. А он может. В конце концов, это же несчастный случай, так бывает. К нам же обращаются, полевая команда есть…» Но немедля он вспомнил, что отдел информационной безопасности вряд ли чем-то сумеет помочь: этот материальный тоннель образовался безо всякого участия Яликовой выдачи… Даже сам великий День Стародубцев сможет только поднять трубку и сообщить по инстанциям.

«Вселенским администам сообщить, в галактическую техподдержку», – Алей остановился посреди дороги и беззвучно сплюнул. Как ни крути, это была главная надежда, и она Алею не нравилась.

Если судить по итогам сегодняшнего дня – пройдёт по крайней мере неделя, прежде чем он начнёт хоть как-то ориентироваться в Старице. То есть, чтобы только найти Инея, ему потребуется неделя или две. А найти Инея физически – задача вообще другого уровня сложности, она требует знаний и умений, которых у Алея даже близко нет. За несколько месяцев с потерявшимся ребёнком может случиться что угодно. Даже самое худшее.

Времени в обрез.

Что Осень рассказывала про Васю?

Сложный человек, непредсказуемый и непонятный. Полохов его фамилия. Василёк Криницын Полохов. «Нет гарантии, что он поможет, – повторяла Осень. – Есть вероятность, что он вообще не возьмёт трубку. Он не любит, когда его просят. И работать тоже не любит». «Интересно, – подумал тогда Алей, – это ему звонят из

отдела безопасности? Если так, значит, он в некотором роде должностное лицо. Выполняет обязанности. Как он тогда может отказаться?» Мутна была эта вода, ой мутна… Чутьё лайфхакера говорило Алею, что никакое Вася не должностное лицо, нет у него обязанностей, да и человек ли он вообще – тоже под большим вопросом… Сказать по чести, вообразить не получалось человека – обычного, с квартирой и паспортом, друзьями и соседями человека, который занят тем, что управляет Старицей. Не могли управлять Старицей какие-то люди. Она была слишком… природная, изначальная. Администрировать её – всё равно что администрировать горы или грозу.

«Вася, – сказал Алей про себя, – что же… Если Вася не поможет, у меня останется один выход: научиться. И найти самому».

Наваливалась усталость. Голова тяжелела и тяжелела, с каждым шагом идти становилось трудней. Дальние дома колыхнулись в глазах, заволоклись дымкой; светлые пятна окон и фонарей расплылись, потекли куда-то, вернулись на свои места… Алей понял, что засыпает на ходу.

Он ускорил шаг.

Вначале он хотел по пути домой проведать маму, но было уже слишком поздно. Выходя из офиса, Алей позвонил Шишову – тот ответил, что она уже спит. Уполномоченный долго расспрашивал её, и она совершенно измучилась, а новостей никаких нет. «Немудрено», – подумал Алей, опуская телефон в сумку. У милиции зацепок ещё меньше, чем у него. Не милицейское это дело…

Молочная щека луны плыла в небе. Качались невидимые в темноте ветви, мерцали далёкие и близкие огоньки, а над головой, яркая и незыблемая, стояла Полярная звезда. Улицы были пусты и странно живы: они обезлюдели, но просыпались деревья, отдавали дневное тепло дома, дышал мрак.

У старой школы бегали бродячие псы. Сонному Алею вспомнились школьные годы: толстая Поляна с косичками, мальчишки в спортзале, директриса Вера Зарницына, похожая на императрицу Софию-Августу с парадного портрета… У директрисы были две афганские борзые, высокие и тонкие, как супермодели. Когда она гуляла с ними по вечерам, Медь Морошина говаривала «загляденье!» Вера Зарницына погибла, её сбила машина, все очень жалели её тогда, и Весела за ужином качала головой: такая молодая, жить бы да жить, да что же это умирают молодыми хорошие люди… Собак забрала дочь, которая жила в другом районе.

Собака.

Алей заморгал, помотал головой.

Собака Луша, рыжая как апельсин.

Клён Комаров, верный друг.

…это был кусок поисковой цепочки, протянувшейся неведомо куда и откуда; Алей спал на ходу, а предельный поиск работал в фоновом режиме, почти без участия сознания. «Клён, – повторил Алей. – Чем-то важен Лёнька. Надо запомнить. Завтра подумать».

Как бы то ни было, он продвигался вперёд. Медленно, оступаясь, спотыкаясь на каждом шагу, но продвигался.

Это радовало.

«Ну и чёрт с ним, с Васей, – подумал Алей, уже совершенно на автопилоте вваливаясь в подъезд. – Я сам… я сам всё смогу».

С вечера Алей не проверял мобильного. Он даже зубов не чистил – из последних сил сбросил ботинки и повалился на подушку. Осень не стала беспокоить его звонком, написала СМС. Алей увидел сообщение, когда отключал поутру будильник на телефоне.

«Алик, всё в порядке, – писала Осень. – Я договорилась. К Васе сегодня в пять. Он сказал, чтобы ты не волновался».

– Тьфу ты, блик! – бросил Алей. Он сел рывком, промахнулся ступнями мимо тапок. Мигом слетели остатки сна. Алей пришёл в скверное расположение духа.

Он слишком хорошо знал Осень. Последняя её фраза была лишней. И подозрительной.

Осень умела помогать и советовать. Сочувствовать и успокаивать она не умела. Если она писала «не волнуйся», значит, во-первых, админ Вася действительно так сказал, а во-вторых, это было важно.

«Отсюда следует, – думал Алей, умываясь в лихорадочной спешке, – что Вася хорошо информирован. И вполне возможно, заочно со мной знаком. Вот блик!» Он вспомнил, что речь о Васе у них с Осенью заходила ещё в Старице, и выругался.

– Головой надо было думать! – процедил он своему отражению в зеркале. – Раз есть админы, то должны быть и логи сервера… И один Вася знает, что в них содержится.

Вчера днём, в столовой, слова Осени взбудоражили его до невероятности. Он вскочил и начал метаться вокруг стола, ровно псих со справкой. Изумлённая Осень ловила его за рукав и уговаривала сесть. «Алик, что ты! – с улыбкой повторяла она. – Здесь же народу полно». Она укоризненно качала головой, Алей дико озирался и грыз пальцы, – но народ в столовой был сплошь местный, из Ялика, и программист, внезапно застигнутый озарением, никого особенно не удивил. Алей плюхнулся наконец на стул рядом с Осенью, наклонился поближе к ней и потрясённо

выдохнул:

– Ты знакома со вселенским админом?!

– Да, – сказала Осень, – но это секрет. Мой личный.

Алей моргнул.

– То есть как?

– Это внерабочий контакт.

– А как же Стародубцев? – удивился Алей. – Он же кому-то звонит? Он разве не…

– Нет, – ответила Осень. – День Вьюгин звонит другому админу. С которым совершенно невозможно общаться. А с Васей мы учились в одном потоке.

– Что?!

Это уже ни в какие ворота не лезло. Алей не нашёлся со словами и сидел, разинув рот.

Осень улыбнулась.

– Алик, – поинтересовалась она, – ты представляешь себе мальчика-филолога?

– Э-э-э… – только и сказал Алей.

Осень подняла палец.

– Вася – не такой.

Что она имела в виду, Алей не понял. Переспрашивать не было ни времени, ни интереса. Осень решительно встала, он кинулся убирать недоеденный обед, а потом они пошли искать место для тренировок: переговорку, свободную до вечера. Там, за работой, вселенский админ Вася почти что вылетел у Алея из памяти. Алей вспомнил о нём, только когда Осень сказала, что админ может и не взять трубку.

Тогда Алей подумал: если для обращения в техподдержку нужны какие-то особые дипломатические умения, то их нет ни у Осени, ни у него. И сказал, что есть отличный инструмент, называется «предельный поиск». Самое то, когда требуется нетривиальное решение. Может, и метод общения с Васей так поискать? Но Осень мягко усмехнулась и переменила тему.

…Теперь Алей смотрел на себя в зеркало и беззвучно обзывал идиотом.

Дело-то было в Старице. Несомненное, админ всё слышал. И что теперь? «Барин велели не волноваться», – мрачно подумал Алей и сказал вслух:

– Ч-чертовщина.

На работу он пришёл к полудню и три часа не находил себе места. Мысли не подчинялись. Проекты стояли, Алей не узнавал собственного кода. Он скачал учебник и попытался почитать что-то к экзамену – буквы не складывались в слова, не говоря уже о

формулах. Джипег подозрительно косился на него, но ничего не говорил. Эль-хакерское чутьё воспитывало в людях деликатность.

Думал Алей не о Васе.

«Вторые сутки идут», – неотвязно крутилось у него в голове. Это было первое, что он подумал, выдернутый звонком будильника из тягостного, мутного сна. Всё это казалось кошмарным сном. Вторые сутки, как Инька бродит невесть где с невесть откуда взявшимся папой… Хорошо, если с папой. Хорошо, если это действительно папа, вернувшийся вдруг спустя десять лет.

А если нет?

Осень сидела на совещании в большом зале. Дверь у зала была стеклянная, Алей раза три ходил к ней маячить. На третий раз Осень его заметила и коротко отмахнулась. «Рано, – прочитал Алей по её губам, – не торопись», – и он с силой провёл по лицу ладонью. Осень сжала губы и отвернулась.

В зале вместе с ней сидели Стародубцев, Иволга, Светел Тишин, ещё какие-то полузнакомые менеджеры и оба директора Ялика, технический и генеральный.

Алей вернулся к себе, сел, тяжело вздохнул и лёг лицом на клавиатуру.

Джипег не выдержал.

– Эй, чувак, – окликнул он, – морда кубиками пойдёт. Что случилось? Не выспался?

– Брат пропал. Младший. Ушёл из дома и не вернулся.

– О, ё, – растерянно пробормотал Джипег после паузы. – Так ты это, поищи его, что ли…

– Ищу, – подняв голову, ответил Алей таким голосом, что Джипег подавился словами и молча уткнулся в монитор.

Тифф и Гиф переглянулись и одинаково покачали головами.

«А если тогда, десять лет назад, – думал Алей, – папа тоже провалился в другую параллель? Ведь тело не нашли. Но как он тогда вернулся? И, собственно, что это меняет? Нет, только Вася может что-то сказать… Где же Осень, сколько они ещё там будут трепаться?!»

Наконец, дверь открылась.

Алей вскочил.

Не торопясь, Осень подошла к нему. Безмятежно улыбнулась, посмотрела в глаза, позволяя прикоснуться к своему спокойствию. Алей прерывисто выдохнул и закусил губу. Осень глянула на Джипега и прочих и сказала:

– Алик, пойдём поговорим.

Алей покорно поплёлся следом.

– Если быть совершенно точной, – говорила Осень, – то Вася сказал «приходите с утра». Но он живёт ночью и раньше четырёх не просыпается. Поэтому я и решила, что пойдём к пяти. Будить Васю – последнее дело. Но я смотрю на тебя и думаю, что лучше пойти сейчас. Можно будет погулять там возле дома и поговорить, в конце концов.

– Хорошо, – выдохнул Алей. Он сидел на диванчике в офисной библиотеке, свесив голову и вцепившись пальцами в волосы. – Спасибо.

Осень помолчала.

– Я должна попросить у тебя прощения. Я не всегда точно просчитываю, насколько сильно люди могут беспокоиться.

– Ничего, – ответил Алей. – Это я нервный слишком… Осень, а ты что, вообще никогда не беспокоишься?

– Постоянно беспокоюсь. Прямо сейчас беспокоюсь за тебя и за Инея. Я многозадачное устройство, Алик. Задача выполняется, но другим не мешает.

– Вот как, – пробормотал Алей. – А я торможу и подвисаю…

– Ладно, – Осень встала. – Идём.

Когда они вышли из офиса, хлынул дождь – упругий и хлёсткий летний ливень. Зонта Алей не припас. Предусмотрительная Осень дала ему свой, бледно-голубой с серебристым отливом, и Алей раскрыл его над ними обоими.

– Тебе нужно успокоиться, – говорила Осень, обходя по краю пузырящуюся лужу. В луже плавали сбитые с ветвей листья. – Иначе Вася тоже начнёт дёргаться. Он потому и не любит с людьми работать. Он подхватывает эмоции как вирусы. Но это тоже секрет. Он страшно обижается, если ему об этом сказать.

– Осень, как это вышло, что вы учились вместе? Кто это вообще – Вася?

Осень нахмурилась.

– Проще некуда, учились, и всё. Вася как Вася, Полохов. Любит пиво и девушек. Имел тройку по старославу. Это с одной стороны. Но я понимаю, что тебя интересует другая.

– Да. Другая.

– Я не знаю, как он стал админом. Может, он всегда был админом, но зачем-то решил выучиться на филолога, – она усмехнулась. – Когда-то он за мной ухаживал. Я была у него в гостях. Мы пили пиво. Он разгорячился, стал болтать и в конце концов начал показывать, что умеет.

– А что он умеет? – напряжённо спросил Алей.

– Увидишь.

Они вошли в метро, и беседа прервалась. Осень погрузилась в свои мысли, а Алей перестал думать вовсе. Грохотали поезда.

Толклись люди, занятые каждый своим, они не видели друг друга, даже когда наступали кому-то на ногу или задевали плечом. Здесь легко было отключиться и дать мозгу несколько минут отдыха.

Вселенский админ жил возле станции Тимирязевская, у самой станции монорельса. Север Листвы дождь обошёл стороной, и асфальт остался сухим. Алей и Осень миновали палаточный рынок, обогнули красные кирпичные здания торгового центра и вышли к станции монорельса. Высоко над их головами проехал, неслышно шурша, маленький бело-голубой поезд.

– Нам через дорогу налево, – Осень посмотрела на часы. – Рано, конечно. Васе звонить просто опасно. Со сна озвереет. Давай погуляем вокруг дома.

Ярко синело небо, всё в россыпи кудрявых сияющих облаков. Ничто не говорило о том, что где-то идёт дождь. Огромен город Листва, больше иной страны… Дом, в котором жил Вася, тоже был громаден, под стать городу – целый микрорайон под одной крышей. Он стоял квадратом, точно замок, отгораживая от шумных проспектов тихий внутренний двор со сквером и детским садом. Ещё во дворе ютилась пара продуктовых лавочек, чей-то сервисный центр, металлоремонт – и зоомагазин.

Невдалеке, по опушке крохотной берёзовой рощицы метался толстый мужичок. Весело орал: «Ах ты воробей крашеный!» За мужичком сторожко шарахались жена и дочка, а по ветвям берёз над ними неуклюже прыгал изумрудно-зелёный волнистый попугайчик. Алей и Осень поглядели на них и улыбнулись друг другу.

Потом Осень перевела взгляд на сверкающие белые стены высотного замка и задумалась снова.

– Вася – странный, – предупредила она, не глядя на Алея. – Но ты не обращай внимания. Всё дело в том, что он вынужден знать массу вещей, которые ему знать совершенно не хочется. А с живыми людьми он общается всё реже. Ему нужно выговариваться. Будет говорить чушь – не перебивай его. Чем больше он болтает, тем лучше у него настроение.

Она помедлила и добавила:

– Обратное тоже верно. Если бы он решил, что помогать не станет, то просто не взял бы трубку. А он позвал нас в гости. Это хорошо.

– Понятно, – кивнул Алей.

Донёсся шум. Осень встрепенулась. Алей проследил за её взглядом и заметил толкотню у дальнего подъезда.

– Нам как раз туда, – сказала Осень. – Подойдём?

Ражие подростки с ухарской руганью выволакивали из дверей обшарпанное старенькое пианино. Струны гремели. Пианино плакало навзрыд от беспомощности и горькой обиды.

– Надо же, – сказала Осень, – оно даже не расстроено. Жалко его.

«По-моему, до слёз расстроено», – собрался грустно пошутить Алей, но не успел.

– У меня абсолютный слух, – сказала Осень.

– Здорово, – растерянно проговорил Алей.

– Вовсе нет. Абсолютный слух – это как жить в одном-единственном мире. Едва мир чуть смещается, тебе становится больно.

Алей промолчал.

Осень тоже умолкла и долго смотрела, как подростки тащат пианино к мусорным бакам. Они радостно перекрикивались и вопили. Из воплей следовало, что какая-то подруга закончила музыкальную школу и избавляется теперь от орудия пытки. За это предполагалось выпить.

– Дождь подойдёт сюда к ночи, – сказала Осень, когда подростки скрылись. – И конец пианино. Нельзя всё-таки выбрасывать инструменты. Может, кто-то до вечера его заберёт… Алик.

– Что?

– Время – полчетвёртого. И теперь я думаю, что стоит использовать предельный поиск. Я уже сама как не в своей тарелке. Отыщи, можно ли позвонить Васе.

Алей прикрыл глаза. Осени не потребовалось просить дважды.

– Хорошо.

На третьем этаже пахло кошками. Запах доносился от тощей деревянной двери, обклеенной шпоном, – такие вешают в новостройках перед продажей. От кошкиного дома вглубь этажа вёл узкий извилистый коридор: разномастные двери, пёстрые коврики перед ними, велосипед, коляска, ящики под картошку. С другой стороны громоздилась мощная металлическая перегородка, от пола до потолка обитая кожей. Дверь в ней едва различалась – идеально пригнанная, спрятанная в квадратах обивки. Только на тяжёлой стальной ручке задерживался глаз.

– Это Васины соседи поставили, – сказала Осень, – заодно и его замуровали.

И она подняла руку к кнопке звонка.

Позвонить не успела: массивная дверь отворилась. Из-за двери высунулся молодой парень с двухцветными волосами. От

корней на ладонь длины волосы были русые, ниже – вытравленные до прозрачности.

Осень неторопливо опустила руку от кнопки и повернулась.

Алей напрягся. Вася? Это – Василёк Полохов, вселенский админ?

Представитель галактической техподдержки носил мятую серую майку и спортивные штаны, вид имел помятый и неприветливый. Убитые краской нечёсаные лохмы падали ему на плечи и лезли в глаза. Странно смотрели эти глаза – усталые и цепкие, хмурые, какие-то старые, много повидавшие, уж точно не глаза человека, который красит волосы перекисью… «Он вынужден знать много вещей, которые ему знать совершенно не хочется… – вспомнил Алей. – А впрочем, – неожиданно пришло ему в голову, – у меня с недосыпу тоже такие глаза. Нечего мистики надумывать больше, чем есть».

Админ смерил его равнодушным взглядом и упёрся локтем в косяк двери.

«Не дёргаться», – напомнил себе Алей и вежливо улыбнулся.

– Привет, Вася, – добродушно сказала Осень.

Тот высунулся дальше, чтоб видеть её, и вдруг расплылся в улыбке.

– А-а-а, Се-е-ень, – сладко протянул он. – Тыщу лет же! Ну заходи… заходите.

– Ты не спал? – спросила Осень, переступая порог.

– Да я давно проснулся! – воскликнул Вася, лучась приветливостью. – Я даже пыль вытер!

– Вот как.

– Вас ждал!

Алей шагнул вслед за Осенью и незаметно оглядывался. Квартира у Полохова была улучшенной планировки – двухкомнатная, с просторным холлом и высокими потолками, – но захламленная до последней степени. Неизвестно, где Вася вытирал пыль, потому что свободных поверхностей тут просто не было. Но пахло у него приятно – новенькими комплектующими. Пустые коробки из-под них стояли на полу. Алей рассмотрел надписи на коробках и отметил, что компьютер у Васи завидный.

А хлам у админа водился загадочный и богатый. На стеллажах и комодах громоздились связки каких-то перьев, россыпи погон и нашивок неведомых армий, японские статуэтки всех стилей – от деревянных раскрашенных гейш до грудастых девиц из пластика. По стенам висели африканские маски, египетские пергаменты и советские ковры. Были тут бесчисленные кабели и гарнитуры, заросшие пылью компакт-диски и вовсе седые от древности дискеты, старые календари и

ежедневники, декоративные кинжалы и веера, невероятное количество книг – и старых, почтенных томов в обложках с крупицами позолоты, и дешёвой цветастой макулатуры. На шкафу рядком сидели плюшевые игрушки. На диванчике валялись грязные майки, груды исчёрканных бумажек, куртка с оторванным рукавом и кружевной бюстгальтер второго размера.

Хищным движением Вася скрал и спрятал лифчик, после чего спросил:

– Чай будете?

– Вася, – ненавязчиво заметила Осень, – я тебе не представила моего друга.

– А чего его представлять? – удивился Вася и посмотрел сквозь Алея. – Я его знаю.

Осень выгнула бровь.

– Вася, – велела она, – веди себя прилично, пожалуйста.

Тот состроил унылую рожу.

– Хорошо, раз ты так просишь. – Он скосил глаза в сторону и протянул руку. – Полохов. Василёк.

– Алей Обережь.

Рука у админа была как змея – сухая, подвижная и неухватистая. Он быстро отнял ладонь и снова оглядел Алея с головы до ног, на этот раз – насмешливо.

– Обережь? – переспросил он. – А с виду не похож. Нерусский, – и улыбнулся неласково, во все зубы – по-волчьи.

Алей подавил вздох: «Началось. Ну, меня предупреждали, я вооружён».

– Если вы меня знаете, – ровно сказал он, – почему это вас удивляет?

Вася захихикал и сел на журнальный столик. Положил ногу на ногу, сунул руки в карманы. Лицо его сделалось каким-то нелепым, натянутым, словно некто злоумышленный оттаскивал Васю назад за щёки.

– Да меня-то не удивляет, – осклабясь, пояснил админ. – Это я тебя сейчас удивлять буду. Вот ты, скажем, знаешь фамилию своего дедушки?

– Ромашук. Аист Лисицын Ромашук.

– Это по матушке, – скалился Вася. – Аист, хе-хе, надо же… Второй твой дедушка, Алик, происходит из славного рода Борджигинов. В курсе, что это значит?

«Дожили», – равнодушно подумал Алей. Он не ответил, но Васе ответ и не требовался.

– Когда я узнал, что мою девушку увёл не кто-нибудь, а прямой потомок Чингисхана, я испытал смешанные чувства, – декламировал он.

– Вася, – поправила пунктуальная Осень, – я ушла от тебя сама. Много лет назад.

– Они набегают! – трагически продолжал Вася, закатывая глаза и делая пассы руками, – Ордой! И похищают наших блондинок! И смотрят на нас как на говно! Ну что ты смотришь на меня своими глазами косыми, чингизид? Умыкнул блондинку-то? В юрту. Кобыл доить.

Безропотно выслушивая всё это, Алей мрачнел и мрачнел. Меньше всего его сейчас интересовали тайны собственного происхождения, но если между ним и вселенским админом действительно значилось яблоко раздора по имени Осень… «Это плохо, – думал он, сцепляя зубы, – совсем плохо. И попал же я в переделку! Всё оттого, что Осень не понимает таких вещей. Она не всегда правильно просчитывает чувства. Но если Вася был влюблён… не могла она настолько промахнуться! Блик! Сейчас Вася меня пошлёт. Так я и знал».

– Ну идол же, как есть идол, – восхищённо заметил админ и замолчал, наконец. Вид у него сделался удовлетворённый и чуть ли не лоснящийся, щёки порозовели. Казалось, он сейчас похлопает себя по пузу, точно с голода вкусно наелся.

Вася встал со столика, томно потянулся и совершенно другим голосом спросил:

– Так чай-то будете?

– Не откажемся, – мягко сказала Осень.

Полохов протанцевал на кухню, кинув через плечо: «Не разувайтесь, пол грязный». Алей проводил его оторопелым взглядом. На кухне зашумел чайник.

Осень сжала пальцы Алея и посмотрела ободряюще.

Но ободрений Алею уже не требовалось. Он разобрался, наконец, в Васином нехитром устройстве и больше его ничто не тревожило. «Да ведь Полохов с самого начала предупредил, – вспомнил он и улыбнулся с долей досады. – Не волноваться… Он-то себя знает. И Осень говорила, что ему нужно сбрасывать напряжение. Ладно. Хотя наш великий предок велел бы сломать ему позвоночник».

– Я всё слышу! – проорал Вася. – Щас как в лоб дам!

– Что? – удивилась Осень.

Алей только засмеялся, проходя на кухню.

– Вы и мысли читаете? – спросил он, остановившись в дверях.

– Не все, – ответил Вася совершенно спокойно. – Выборочно.

Алей понимающе кивнул.

Не то что бы ему стало ясно всё до конца, но уже включилось лайфхакерское чутьё, и в числе прочего оно говорило, что хамское шутовство админа выполняет ещё одну функцию. Он

пытается отвлечься. В действительности он решает сейчас какую-то очень сложную и опасную задачу, а всё остальное для него намного менее важно. «Что же, – подумал Алей, – он взял трубку, стало быть, взял на себя ещё одну задачу. Пар он спустил, остаётся только перейти к делу. Сообразить бы, как».

За окнами плавно проходили игрушечные вагончики монорельса. («Футуристично, правда?» – полюбовавшись, сказал Вася.) Васин холодильник был сплошь, без просвета залеплен магнитами. На холодильнике красовался почти настоящий древнерусский шлем с бармицей, а рядом у стены высился чудовищный артефакт – покрашенная в кроваво-красный цвет коса-литовка с тремя параллельными лезвиями. Лезвия выглядели угрожающе.

Алей покосился на косу, поколебался и сказал:

– Вася, а вы…

– Давай на «ты», что ли, – великодушно предложил Вася. Он стоял к Алею спиной и показывал Осени, где чай, где сахар.

– Вася, ты что, смерть?

Админ обернулся. На лице его заиграла ухмылка, брови вскинулись, в бесцветных глазах блеснул огонёк интереса. «Есть попадание», – отметил Алей. Вася смерил взглядом свою косу так, будто видел её впервые, и ответил:

– Нет. Да. Почти, – помедлил и резюмировал: – Я хуже.

– Да, – подтвердила Осень, заваривая чай, – он хуже.

Алей улыбнулся.

Осень, в отличие от Васи, ничего не говорила просто так. «Молодец, Алик», – вот что это значило.

– Ты администратор Старицы, – продолжал Алей. – Я не знаю, что это значит. О тебе даже легенд толком не ходит.

– Только легенд мне не хватало.

– У меня есть проблема, – прямо сказал Алей. – И есть надежда, что ты можешь помочь с решением.

Админ переменился в лице. Теперь он был смертельно серьёзным.

Вася выдвинул из-под стола табуретку и оседлал её; Алей опустился на жёсткий диванчик напротив. Осень молча оглядела их. Поставила на стол чашки с чаем, вазочку печенья – и отступила, застыла в стороне, опершись о тумбу кухонного гарнитура и скрестив руки на груди. Глаза её стали фарфорово-холодными, утратили всякое выражение, и была она – точно телохранительница, прекрасный и грозный киборг. «Вечно меня женщины защищают, – мелькнуло в голове у Алея, – нелепо как-то…» Но он выкинул из мыслей лишнее, сосредоточился и

взглянул Полохову в лицо.

Вася щурился.

– По некоторым причинам, – сказал он, – я знаю о тебе больше, чем ты сам. Но эффективные менеджеры считают, что чётко сформулировать проблему – значит наполовину решить её. А я чужую работу не работаю. Так что формулируй.

Алей задумался. Уставился на квадраты старой, изрезанной клеёнки, застилавшей кухонный стол. В порезы набились крошки, клеёнке явно шёл не первый год. «Что он хочет услышать? – искал Алей. – Не пересказ событий – он всё знает. Не сетования. Так значит, чужую работу он не работает?..» Админ не торопил его, ждал.

Внезапно заговорила Осень.

– Вася, – заметила она, – по твоему тоннелю ходит человек, направо и налево раскидывающий временные якоря. Если я не путаюсь в вашей терминологии. А ты в игры играешь.

Тот поморщился, но не обиделся.

– Сень, – объяснил он, махнув рукой, – проблема не в этом. Вот сейчас Алик скажет.

Алей, наконец, решился.

– Вася, – отчеканил он, – я должен уметь то, что умеет мой отец. Или человек, выдающий себя за моего отца. Уметь прямо сейчас. Десяти лет на тренировки у меня нет. Тем более что и тренеров таких я не знаю.

Админ улыбнулся и отхлебнул чаю.

– Вот такой подход мне нравится. А то приходят и ноют – спасайте, Вася, я обосрался. А Вася не всемогущ. Хотя и демиург. У меня вон даже девушку увели. Ну, хватит лирики. Теперь давай с самого начала. Сначала ты, потом я.

Алей покусал губу.

– Десять лет назад, – сказал он, – мой отец был признан погибшим. Но тело не нашли. Он попал под лавину в горах…

– Нет, – прервал Вася. – Ясень – другая статья. О себе рассказывай.

Алей озадачился.

«О себе? Что?..»

– Мне двадцать лет, – неуверенно проговорил он. – Заканчиваю институт. Работаю в Ялике программистом. Я лайфхакер, пять лет этим занимаюсь, хотел бросить, но пока не выходит.

Вася усмехнулся.

– Пределы взламываешь?

– Есть такое.

– А мой предел взломать можешь?

Алей помолчал. Окинул Полохова медленным взглядом – от русой макушки до гибких, как змеи, рук с развитыми длинными пальцами. Админ Старицы небрежно улыбался и пил чай, но из взгляда его не уходило мрачное напряжение, сосредоточенность человека, занятого делом. «Тоннели, – вспомнил вдруг Алей, – временные якоря. Это сказала Васе Осень, но мне она не стала рассказывать о якорях, почему? И тоннель – это не просто материальный тоннель, другой?» Загадочный тоннель представился круглым в сечении, со светящимися зеленоватыми стенами. Из этой случайной ассоциации ровным счётом ничего не следовало, но Алею отчего-то сделалось неуютно. В тот же миг он понял, что неуютно на самом деле тут Васе, потому что это его, Васин тоннель. «При чём здесь Предел?» – удивился Алей, а слова уже звучали, будто сами собой, без Алеевой воли:

– Вероятно, могу. Но сомневаюсь, что тебе это надо.

Вася сверкнул зубами в улыбке.

– Может, и так. Так вот, о чём бишь я: почему ты хочешь бросить?

– Потому что нашёл хорошую работу.

– А серьёзно?

– Суеверия.

Вася снова сощурился.

– Расскажи про суеверия.

Алей вздохнул.

– Ладно, не суеверия, – сказал он. – Умозаключения. Насильственное вмешательство в естественное течение вещей рано или поздно приводит к неприятным последствиям. Хакеров становится всё больше. Никто не знает, во что выльется массированная коррекция судеб. Это первое. Второе. Лайфхакеры видят перспективу в масштабе судьбы одного человека. Этого недостаточно. Да, многие люди просто проживают жизнь счастливыми. Приятно дарить счастье. Но есть люди, счастье которых… требует…

Он запнулся. «Летен, – вспомнил он. – Летен Воронов», – и закончил:

– Требует чужого горя.

– Бывает, – согласился админ и покивал, напуская на себя удручённый вид. – Хотел бы я знать, баг это или фича, и если так задумано, то зачем. Но это не к тебе вопрос, не к тебе, – он тихо засмеялся, отмахиваясь. – А-лей О-бе-режь… Ты сам-то знаешь, какой у тебя Предел?

– Нет. Я не искал.

– А почему?

– Мне и так хорошо.

Вася снова засмеялся, на этот раз без малейшего веселья.

– Знаю, есть такое, – сказал он. – Тебе хорошо. Ты на вершине, Алик. У тебя прекрасная работа, ослепительная девушка, впереди красный диплом, любая карьера, какую захочешь, все тебя любят, и все пути тебе открыты…

Алей потемнел лицом.

– У меня брат пропал.

– Это не твоя проблема. Это его проблема.

– Иней мой брат.

– Каждый одинок перед вечностью.

– Он ещё маленький, – сухо сказал Алей, – и плевать я хотел на вечность.

Вася вскинул брови. Луч вечернего солнца упал в окно, скользнул по его встрёпанным, сожжённым волосам, и они окрасились странным химическим цветом.

– Это здорово, – пробормотал админ после недолгого молчания, – когда кто-то может плюнуть на вечность… А мне вот по должности нельзя. У меня тоннель, я – якорь.

– Что это значит?

Админ посмотрел на Алея вкось и скривился так, будто его кормили недозрелым лимоном.

– Ты же кодер, – сказал Вася с отвращением, – должен понимать. Якорь. Ну?

– Якорь, – растерянно повторил Алей.

– Ну?!

Алей моргнул. В голове что-то перевернулось, сверкнуло, кинуло блик.

– Анкор, – сказал Обережь. – Текстовое описание ссылки.

Вася выдохнул.

– Дошло, – брюзгливо отметил он.

– Ссылки на что?.. – полушепотом спросил Алей.

– Это в данном случае неважно. Потом поймёшь. Или не поймёшь, если не надо будет. Тут вот в чём загвоздка, Алик, – и лицо Васи стало спокойным. – По моему дому ходит посторонний человек и хлопает дверьми. Я могу его выгнать, это не проблема. Он может вернуться, и это для него тоже не проблема. Волнует меня другое. Я не знаю, откуда у него ключ.

Вася помолчал, отпил чаю. Алей знал, что продолжение будет, и не задавал вопросов.

– Это действительно Ясень, – сказал админ. – Твой отец. Десять лет назад он действительно попал под лавину. Но никто не знает, чем он занимался перед этим. Ты – знаешь?

– Я был ребёнком. Я хорошо его помню, но тебя вряд ли интересует то, что помню я.

Вася молча согласился.

– Что случилось после? – спросил Алей. – После лавины?

– Ясень ушёл, – ответил админ. – Опустив технические подробности и детали, скажу, что он ушёл в Старицу. И всё вроде бы он сделал правильно, он спасался, это был единственный способ выжить. Но он не вернулся обратно. Точнее, вернулся только сейчас. И я не знаю, почему это так. Не знаю, что ему нужно. Зачем ему Иней. Откуда у него такие возможности. Я смотрел старые логи сервера, десятилетней давности. Там ничего особенного нет. В общем, Алик, у меня тоже есть проблема. И есть подозрение, что ты можешь помочь с решением.

Вася умолк и со стуком опустил чашку на стол. Лицо его стало хмурым.

– Мы можем помочь друг другу, – сказал Алей. – Я готов.

Вася подался к нему, облокотившись о столешницу.

– Хорошо, – выдохнул он. Глаза его загорелись вдруг в непонятном азарте: – Как по нотам. Значит, всё правильно.

– Что? – недоумённо спросил Алей.

И наткнулся на взгляд Осени – твёрдый и светлый.

Осень смотрела на него с гордостью.

На самом деле реальность одна. Она огромна, как Мировой океан, и точно так же состоит из множества океанов и морей. Есть реки, ручьи и озёра, источники, подземные воды, морские течения, лужи и облака реальности. Везде обитают мириады живых существ. Каждое из них видит только свою часть Вселенной. Углы зрения могут совпадать или не совпадать, видимые области – полностью пересекаться или совершенно не соприкасаться друг с другом.

– Главная техническая проблема бытия, – сказал админ, – в том, что его фрагменты склонны к утрате пластичности и не склонны к самоорганизации. Тут ассоциация с водой заканчивается и начинается ассоциация с жизнью. Когда-то на Земле жили только одноклеточные. Прошли миллионы лет, прежде чем они начали соединяться в колонии. Ещё эпоху спустя возникли многоклеточные организмы. Для того чтобы клетки реальности соединились в организм – то есть для того, чтобы их обитатели жили более-менее в одном мире, – существуют привязки. Так называемые Якоря. Якорей тоже довольно много, но они организованы иерархично. Как домены в интернете.

– Здесь начинается ассоциация с интернетом, – сказал Алей.

Вася кивнул:

– И то, что ты и так знаешь. Скажи то, что хочешь сейчас сказать.

– Домен первого уровня, – раздумчиво проговорил Алей, – это страна. Или сфера деятельности, как .edu.

– Якорь первого уровня – это параллель. Знаешь о параллелях?

– Да, – растерянно сказал Алей. – Собственно, я…

– Позже, – велел Вася. – У деревьев имён не так уж много уровней иерархии. У Якорей их намного больше. В сущности, Якорем может стать любой. Первый якорь новорожденного – это его мать. Некоторые ухитряются делать своими якорями каких-нибудь кошек или вообще неодушевлённые предметы… но это скучно и не надо. Вот, я вижу, что ты уже кое-что понял.

Осень подошла и села, пристроив подбородок на сложенные пальцы. В глазах её светился глубокий интерес: она обсчитывала новые данные. Алей медлил, подбирая формулировку.

– Если я правильно понял, – сказал он, – то Якорь – это не идея и не комплекс качеств. Якорь воплощается в человеке.

– Для человечества – да.

Алей сморгнул.

– А что, есть ещё… что-то?

Вася улыбнулся.

– Это другая статья, – сказал он. – Реальность же одна. Она всеохватна. Но не будем уходить от темы. На самом деле в понятие Якоря входят и идеи, и комплексы качеств – но они могут и поменяться, а Якорь останется. Они для функциональности Якорей непринципиальны. Якорь может даже не быть их источником. Его основная функция чисто техническая – он генерирует тоннель.

Админ помолчал, покрутил на столе пустую чашку. Осень плавно встала и поставила ещё чайник чаю. Алей молча ждал продолжения.

– Ты куришь? – спросил Вася.

– Нет.

– Не возражаешь?

– Пожалуйста.

Вася выудил из кармана пачку сигарет, достал с холодильника пепельницу и зажигалку.

– Доменом второго уровня применительно к реальности, – сказал он, – будет не страна и не народ, а язык. Вот филологи это понимают. Сень, помоги, а? Я цитату забыл.

– Язык инсталлирует в социум образ мироздания, – чётко, раздельно проговорила Осень. – Язык выступает в качестве кода физической реальности.

– Вот! – вскинулся админ. – Разные языки, разные коды и разные реальности. А внутри идёт новое деление.

– То, что нельзя назвать, – пояснила Осень Алею, – как бы не существует вовсе. Люди не замечают того, что не имеет имени, даже когда смотрят впрямую на него. Это психический феномен, доказан экспериментами.

– Это называется «информационное сопротивление», – сказал Вася. – В психологии известно.

– А что такое тоннель? – вернулся к теме Алей.

Вася запалил, наконец, сигарету и затянулся. Осень открыла форточку и притворила её, когда с улицы донёсся шум машин.

– Тоннель, – сказал Вася, с каждым словом выпуская клуб дыма, – это главная техническая проблема индивидуального бытия. Это обманка. Ограниченная, заведомо несовершенная модель мира, которая воспринимается её обитателем как полная и подлинная Вселенная.

Говорил он со вкусом, формулировка явно доставляла ему удовольствие. Алей поразмыслил, укладывая всё это в голове. «Временный якорь, – вспоминал он, – стало быть, эта штука создаёт временный тоннель. Очередную декорацию, которая выдаёт себя за целый мир… Шишова заякорило на образе Дикой Степи! А маму… маму тоже на чём-то очень страшном заякорило… Это сделали специально. Получается, сознание человека можно выбить в другую реальность. Ну да, Ворон Вежин же рассказывал…». Он прикусил губу, посмотрел в сторону. Сами собой сжались кулаки. Не отпускала тяжёлая, жуткая мысль: «Это было сделано специально».

– Алей, – окликнул Вася, – ты уже много чего понял… Понял теперь, что ты делал, когда взламывал людям судьбы?

Алей вскинул на админа глаза и озадаченно нахмурился. Эта тема сейчас занимала его разве что в третью очередь, но он не стал возражать. Он прикинул аналогии, дополняя в уме теорию лайфхакинга, и сказал:

– Кодовая цепочка на тридцать процентов состоит из сущностей и идей, которые противоречат привычным представлениям. Вероятно, она частично разрушает внутреннюю модель мира. Или, по крайней мере, расшатывает.

Вася улыбнулся.

– Технически, – сказал он, – ты выбиваешь человека в тоннель другого порядка. В домен уровнем выше, так сказать.

И у Алея мурашки сбежали по спине. Ассоциация продолжилась, вырастая сама в себя, и казалось, ничего не было проще… Алей невольно привстал. Дыхание перехватило, напряглись все мышцы, дрожь пробежала по телу. Осень встревоженно подняла взгляд.

– Вася, – тихо спросил Алей, – сколько у человека Пределов?

Админ молчал. Он затянулся ещё раз и раздавил бычок в пепельнице, посмотрел в сторону, потёр лоб.

– Да не знаю я, – сказал он, вмиг утратив апломб. – Кто ж его знает-то. Я, откровенно говоря, не очень большой Якорь. Если совсем откровенно, то скорей маленький. Ладно, давай к делу, что ли…

– Подожди, – сказал Алей. – Как это – быть Якорем?

– Прикольно. Иногда, – сказал Вася и отчего-то совсем посмурнел.

– Чем занимаются Якоря?

– Да ну тебя, – беззлобно сказал админ, доставая вторую сигарету. – Ни черта я не ангелическая сущность, если тебя это интересует. Человек как человек. Просто среднестатический, в некотором смысле. Максимально полно воплощаю в себе комплекс качеств, характерный для моего тоннеля. Оно всё чуть сложнее на самом деле, но технические подробности опустим. Ну их совсем. А чем занимаются… Если самое прикольное – то я могу безвременье сделать.

– Как это?

– Э-э… вот представь: артиллерия ударит, стекла вылетят повсюду. Начнется, короче, какой-нибудь катаклизм. А я раз – и включаю безвременье. И время в моём тоннеле как бы замирает. То есть хуже не становится. Все питаются мёрзлой картошкой, но никто не умирает от голода. Каждый день бомбят, но никого не убило.

Алей молчал.

– Не впечатляет, да? – усмехнулся админ. – Мелкая опция. Но полезная, если вдуматься… Тьфу, блик, чего-то я заболтался.

– Ничего, – сказал Алей. – Это по делу.

Вася вздохнул, поразмыслил.

– Старица, – сказал он, – это интерфейс. Ну ты знаешь. И то, что она только часть интерфейса, тоже знаешь. Вообще-то это пространство гораздо больше. Им пользуются на всех уровнях.

– Можно выйти к Реке Имён, – кивнул Алей. – И пойти дальше.

– Да. Но для тебя сейчас актуально не это, – Вася повертел головой, хрустя позвонками, и приободрился. – Тебе нужна способность искать в других тоннелях, вплоть до других параллелей. И перемещаться физически. Первая задача решается просто. Ты её, считай, уже решил. Тут и Реки не нужно, достаточно Старицы и некоторого количества практики. Я помню, помню, что у тебя времени нет! – отмахнулся он, заметив, как потемнело лицо Алея. – Дай мысль закончить.

– Физическое перемещение, – произнёс Алей с нажимом.

– Да, – рассеянно пробормотал Вася, – да… Про временные якоря ты уже понял. Так это тоже делается через временный якорь. Якорь запускается и генерирует мини-модель альтернативной Вселенной, в которой перемещения между параллельными мирами реальны как табуретка. Собственно, этой функцией Вселенная и ограничивается, больше не нужно…

– Но точки перехода могут возникать самопроизвольно, – напомнила Осень. – В них попадают случайные люди.

– Так в интернете же, – объяснил Вася, поморщившись. – Это баг интернета как явления. Кто-то должен его пофиксить, но на тех уровнях, где это делается, работа занимает столетия. Пока это единичные случаи и дырки можно латать на местах.

– Занятно, – сказал Алей. – Вася, как генерировать временный якорь?

Вася усмехнулся и потянул дым носом.

– Для этого много всяких опций иметь нужно,– поучительно сказал он. – И в целом быть мощным парнем. Я в курсе, что ты мощный парень и вообще чингизид, – он смеялся. – У тебя тоже не вдруг получится. Но выход есть! – и админ торжествующе сверкнул зубами, откинув голову.

Алей выжидающе смотрел на него. Осень подняла бесстрастное лицо.

Вася сделал страшные глаза и сказал:

– Прокси!

– Интересная аналогия, – сказал Алей.

– Ты даже не представляешь, насколько интересная, – Вася снова ухмыльнулся с видом человека, которому не терпится выболтать тайну. – Пошли, посмотрим.

– Это здесь? – поднимаясь, поинтересовался Алей. – Я уже подумал, что твой прокси-сервер живёт по адресу улица-дом-квартира.

– Так и есть, почти, – фыркнул админ из коридора, – это моя квартира. – И он пропел лирическим тенором: – Сервера, сервера, не будите админов, пусть админы немного поспят…

Вася открыл дверь в комнату и вдруг развернулся – так резко, что Алей едва не налетел на него. Алей насторожился.

– Это не сервер, – сказал Вася, буравя его взглядом.

– А что?

– Туннелирующая сервис-программа. – Админ сделал паузу. Осень нахмурилась, глядя на него, Вася усмехнулся и закончил: – Проксидемон.

Хлам в комнате высился утёсами; впору было решить, что

Вася сваливает сюда ненужные вещи сразу из нескольких параллелей. Проходя по узкой тропке к окну, Алей увидел две палатки, спальник, огромные рыбацкие бахилы и гусарские ментик с доломаном. На стенах висели бубны – один с шаманским узором, второй с логотипом Windows. «Четыре цвета, – вспомнил Алей, – четыре стихии…»

Возле окна стояла круглая высокая клетка, а в клетке сидел попугай – изумрудно-зелёный, почти такой же, как тот, которого ловило во дворе дружное семейство. Вася отворил дверцу и принял торжественную позу.

– Ты готов увидеть нечто, выходящее за рамки обыденности? – сурово вопросил он.

Алей хмыкнул.

– А ты точно знаешь, где рамки моей обыденности?

Админ уставился на него, моргнул и рассмеялся.

– Уел, – сказал он. – Вообще-то знаю, но всё равно уел.

Он сунул руку в клетку. Попугай без возражений прыгнул ему в ладонь.

– Вот, – провозгласил админ. – Это Эн, проксидемон. С попугаем, наверно, неудобно будет. Смотри! – он поднёс попугая к лицу и что-то тихо прошипел.

И Алей отступил на шаг. По спине пробежал морозец. То, что происходило у Васи в ладонях, легко отрисовал бы аниматор в программе для трёхмерного моделирования, но экранный спецэффект, перенесенный в реальность, выглядел отталкивающе.

Перья осыпались с попугая, как листья с дерев по осени. Не долетая до пола, они меркли и превращались в пыль. Птица нахохлилась и сжалась в комок – а потом и действительно превратилась в комок шевелящейся плоти, который под Васиными пальцами подавался, как глина.

Вася пошуровал ладонями, аккуратно вытянул комок в колбаску и вполголоса чётко произнёс: «Уж!»

Один из концов колбаски сузился в хвост, из второго выползла змеиная голова. Быстрым переливом прорезалась чешуя, колбаска вытянулась, утончилась и медленно оплела руку Полохова.

– То-то же, – назидательно сказал админ ужу, – металлом оборачивайся, металлом, а то как тебя таскать.

И уж немедля стал неживым. Руку Васи оплетал теперь то ли браслет, то ли цепочка, выполненная в виде змеи.

– Функции свои он выполняет, я проверял, – сообщил админ, поглаживая чешую, – багов нет. Но технику безопасности соблюдать нужно.

Он развернул металлическую змейку и без лишних слов

сунул её Алею в руки. Алей вздрогнул от неожиданности. Холодный металл в ладонях не таил ни намёка на жизнь, круглая цепочка внутри была полой. Алей растянул её перед собой, чтобы рассмотреть получше. Приблизилась Осень, аккуратно провела пальцем по чешуе – от головы с гематитовыми глазами до твёрдого кончика хвоста.

– И где читать мануалы? – пробормотал Алей.

Вася сдвинул в сторону гору одежды, освободив краешек дивана, и сел.

– А нету мануалов, – сообщил он. – Вместо них философская концепция. Технически в данном случае то же самое.

– Занятно.

– Готов воспринять?

– Я уже готов идти работать, – сказал Алей. – Извини за прямоту, но время – вечер уже. Мне брата искать надо. Два дня прошло.

– Да понимаю я, – ответил Вася, понурившись, – что уж ты… Я и так старался мыслию не растекаться, по возможности. Только без инструктажа не обойтись. А то так попадёшь, что даже я не вытащу.

– Понял.

Вася вздохнул и опустил глаза, пальцами расчесал обесцвеченную паклю волос.

– Проксидемон, – сказал он, – живая программа, наделённая разумом и характером. Отвратительным характером, надо сказать. Этого конкретного зовут Эн. Как неизвестную в уравнении. Он будет отрицать, но ты ему не верь. Эн, и всё. У него два основных состояния, сон и бодрствование. Во сне он удобный. Всё понимает, ничего не говорит. Носи его на руке или на шее, как нравится. Он помогает искать из Старицы, выводит на цель. Фоновый эффект в данном случае используется, короче. Если опыт есть, он не очень-то и нужен, я им не пользовался давно, но у тебя опыта нет, для тебя опция полезная… Ах да, ещё в Старицу выходить без кода – это тоже он. Я и забыл уже, – Вася хихикнул. – Телепортатор, в некотором роде. Входишь откуда угодно, выходишь тоже куда угодно.

Алей молча кивнул, закрепляя металлическую змею на шее.

– Но чтобы сгенерировать тоннель, демона надо разбудить, – админ скривился. – Разбудить – не проблема, он голосовые команды понимает. Говори «просыпайся» или там чего-то подобное, вот и всё. Тут проблемы и начнутся.

– А в чём суть?

Вася мрачновато хихикнул, покосился на Алея, потом на безмятежную, как всегда, Осень.

– А он разговаривает.

– И что? – поторопил его Алей. Он чувствовал, что визит подходит к концу, и не хотел затягивать. Пора было приниматься за дело. Он потерял два дня.

– А он примерно как я, – признался админ, кося на Алея бледным глазом. – Видит тебя насквозь. То бишь своего носителя он видит. Ты же в момент перехода как раз оказываешься в его тоннеле. Он включает рентген и начинает болтать. Короче: он может врать, может говорить правду, но всё, что он говорит – он говорит с самыми худшими намерениями… Я, даже мыслей не читая, знаю, что ты сейчас подумал. Ты подумал, что просто не будешь его слушать, верно?

Алей сдержал вздох.

– Примерно так, – терпеливо признал он.

– А это не так просто, – Вася покачал головой. – Даже мне, хотя я привык. Проксидемон, конечно, не человек, он существо специализированное, но именно поэтому… Такой вот побочный эффект. Его дело какое? Принять тебя из одной модели Вселенной и перенести в другую. Но попутно он некоторое время придерживает тебя в своей собственной модели, ему это нравится, и он стремится тебя там оставить. Его мир – не по человеческому размеру, неадекватно тесный, по сути – служебный. Но там тоже можно застрять. И превратиться в бонсай.

– Каким образом? – коротко спросил Алей.

Вся пригорюнился и улёгся на гору тряпья.

– Я всех его хитростей не знаю, потому что со мной не проходит… В общем, Эн пытается оторвать тебя от всего, за что ты держишься здесь. Заставить сомневаться в том, во что ты веришь. В тех, кому ты веришь. Подлость в том, что он ориентируется в памяти и чувствах носителя обычно лучше, чем сам носитель. Не хватает людям осознанности. А аргументы демон подбирать умеет. – И Вася сплюнул в сердцах: – С-сволочь мелкая.

Алей молчал. Он прислушивался к интуиции, пытался лайфхакерским чутьём угадать, насколько опасна его затея, но шестое чувство молчало. Казалось, угрозы нет.

– Ладно, – сказал Алей. – Как его выключить?

– А точно так же. Команда «спать».

– Итак, – медленно проговорил Алей, – я иду в Старицу и ищу человека… Определяю параллель. Потом бужу демона и приказываю ему открывать путь. Так?

Вася уставился на него и недоумённо заморгал, а потом с досадой хлопнул себя по лбу.

– Совсем я обалдел на старости лет, – воскликнул он, – пардон! Не вздумай его в Старице будить. Старица не для таких, как он, писана. Я толком не знаю, что из этого выйдет, но что эпическая дрянь, говорю точно. Пожалеем все.

– Ясно, – сказал Алей. – Возвращаюсь из Старицы и бужу демона. Так?

– Так.

– Спасибо. Я понял. Можно приступать?

Админ вздохнул и встал.

Алей выжидающе смотрел на него.

– Алик, – проговорил Вася, глядя куда-то наискосок, – я бы тебе помог. Честно. Но… ты Ясеню сын, ты его знаешь более-менее, а он к тебе вроде хорошо относится. А я его, если честно, боюсь. Не понимаю я его. Что он делает, чего хочет, во что это выльется – всё мраком покрыто. Так что ты тоже, того… осторожнее. Не лети сломя голову. Мало ли.

Алей прикрыл глаза, дотронулся пальцами до холодного бока прокси-змеи.

– Спасибо.

Вася протянул руку. На этот раз рукопожатие вселенского админа оказалось настоящим, мужским.

Они вышли в холл. Хозяин дома отпер дверь, привалился плечом к стене, дружелюбно щурясь.

Осень улыбнулась ему.

– До встречи, – сказала она. Шагнула к Полохову и аккуратно поцеловала его в щёку. – Спасибо, Вася.

Тот разулыбался и растаял.

– Да ладно, я-то что, я всегда готов хорошему человеку, обращайтесь…

Осень скрылась за металлической дверью.

И вдруг Васю снова перекосило. Жутковато оскалившись, он ухватил Алея за рукав и дёрнул к себе. Алей не противился, только недоумённо поднял брови. Сейчас Полохова ему было почти жалко. Неудобная комплектация у вселенского админа, конфликтуют устройства.

– Хочешь, тайну открою? – жарко, азартно выдохнул Вася и, не дожидаясь согласия, поведал: – На самом деле она – человек.

Глава 6. Дорвей

Иней шёл торопливо и путался в собственных ногах, потому что всё время выворачивал голову – смотрел на папу. Крепко, как маленький, он держался за папину руку, но совсем этого не стеснялся. Пусть все видят, что у этого мальчика есть папа! Самый потрясающий на свете папа, настоящий! Щеки болели от улыбки. И папа тоже улыбался, нет-нет, да и поглядывал на Инея весёлым раскосым глазом. На плече у него, как влитой, сидел Инеев рюкзак. Папа быстро понял, что рюкзак тяжёлый, и отобрал его у Инея. «Ого! – нахмурился он, взвесив рюкзак на руке. – Ну ты даёшь, парень. Даже мне тяжело! Что ж ты туда напихал-то? Ну нет, я тебя научу, как рюкзак в поход собирать. Пойдём в поход, а, Инька?»

Иней счастливо кивал. За папой он пошёл бы на край света.

Вечерние огни разливались вокруг золотым морем. Гудели автомобили, шины шуршали по асфальту, неслась музыка из магнитол. Иней жмурился и глубоко вздыхал: дыхание перехватывало от радости.

Казалось, они с папой и собираются на край света.

– Автобус! – воскликнул вдруг папа. – Наш! Инька, побежали ловить!

И они сломя голову ринулись к стеклянному домику остановки. Влетели в распахнутые двери, и двери сомкнулись позади, автобус двинулся с места. Поздним вечером он шёл к метро полупустым. Папа уселся, поставил Инеев рюкзак на колени, а Инею отдал держать свою сумку.

– Пап, – спросил Иней, забравшись на сиденье с ногами, – а куда мы едем?

– Сейчас – на вокзал, – ответил Ясень. – А там за город поедем, на дачу. Лето ж наступило! В городе ловить нечего. Будем на даче жить, в лесу. Научу тебя рыбу ловить, а захочешь – стрелять научу, на охоту пойдём вместе. Жизнь!

Вроде бы шире улыбаться было невозможно, но Иней сумел.

Автобус шёл-шёл, не торопясь, дышал железным брюхом, как зверь. Спустя пару остановок Иней чуть успокоился и сел нормально.

– Пап, – сказал он, – а мы Алю к нам позовём?

Ясень зыркнул на него через плечо и состроил рожу.

– Какой он тебе Аля? – сказал с шутливым укором. – Тоже мне, девочку нашёл. Алик он! Позовём, конечно, куда ж без него-то. Соскучился я по нему, Инька, если б ты знал, как.

– А маму позовём?

Ясень помолчал, двинул бровью, покосился в окно.

– Позовём, – ответил, – если захочет… Знаешь, чего? Твоего, как его… Клёна тоже позовём. Большим собакам надо на природе бегать.

Иней засмеялся, сморщив нос.

– Да Лушка убежит, – сказал он, – дурочка она совсем! Она и тут убегала уже.

Папа подумал.

– Она кто, Лушка-то? – спросил он. – Колли? Колли – пастухи, Иньк. Там рядом фермер живёт. Лушка будет за его овцами следить и не убежит от них никуда. Инстинкт!

– Овцы? – трепетно спросил Иней. – Там настоящие овцы есть?

Ясень фыркнул.

– Ну не пластмассовые же. И овцы, и коровы, и лошадки. Парного молочка попьёшь, поздоровеешь. А то совсем ты бледный у меня, как в шкафу рос. Ты на море был хоть когда-нибудь?

– Неа, – робко ответил Иней и подумал: «Неужели мы и к морю поедем?!»

Всё это было так необыкновенно, так прекрасно. Как в мечтах. Именно так, как должно быть, когда случается чудо и возвращается папа.

– На море тоже повезу тебя, – решительно сказал папа. – Но это уж на следующий год, извиняй. Как-то я не сообразил.

– Ничего, – прошептал Иней. Счастье подступало к горлу, как слёзы. Он начинал уже бояться, что счастья станет ещё больше, потому что оно не помещалось внутри, и он не знал, что с ним делать.

– А в этом году, – продолжал папа, – научишься на лошади ездить. Сидел когда-нибудь на лошади?

Инею вспомнилось, как однажды к супермаркету рядом с домом две девчонки привели лошадь. Иней возвращался с мамой из поликлиники, увидел лошадь и даже дышать перестал. Она была коричневая (вроде, правильно – каряя?) и грустная. Девчонки предлагали прохожим покататься, за деньги. Лошадь притягивала Инея как магнитом, и он решился подёргать маму за рукав. «Инечка, у нас денег нет», – устало сказала мама. Иней хотел погладить лошадь, раз уж покататься нельзя, но мама крепче перехватила его руку и увела.

– Неа, – повторил он и поднял на папу неверящий взгляд.

– Ну, что за дела, – улыбнулся папа как ни в чём не бывало. – Какой ты монгол, без лошади?

У Инея поплыло в глазах. Он не смог ничего ответить. Он уставился на собственные колени, крепко обнял папину сумку и

замер, зажмурившись, баюкая своё счастье.

Приехали на вокзал, купили билеты, сели в электричку. В будний день поздно вечером электричка, идущая в дачный край, оказалась совсем пустой. В вагоне их было двое. Стемнело. Лампы в вагоне горели тускло, а когда электричка покинула городскую черту, за окнами воцарилась тьма. От непривычного нервного возбуждения Иней дрожал, как в ознобе, но всё же его начало клонить в сон. Он не подавал виду, потому что очень хотелось поговорить с папой. Папа расспрашивал про Алика и Лёньку, обещал, что научит Инея косить траву косой, стругать доски и сажать деревья, потом стал рассказывать про восхождения на горы, про охоту и лошадей; Иней слушал, слушал, слушал уже не слова, а только папин голос, улыбался сквозь дрёму.

– Эх ты, – проговорил вдруг папа тихо и ласково, – да ты спишь у меня, Инька… Ложись давай, ехать долго.

Он пристроил на коленях сумку, снял куртку и потянул Инея к себе. Иней улёгся папе на колени, на сумку головой, а папа укрыл его курткой. Стало тепло и так спокойно-спокойно, как никогда в жизни, кажется, не было. Папа положил руку Инею на плечо и откинулся на спинку скамьи. Ровно стучали колёса. Иней уснул почти мгновенно, и снился ему папа – верхом на лошади, посреди табуна, над движущимися, как волны, гривами и спинами – карими, рыжими, вороными…

– Вставай, приехали! – сказал папа.

Иней очнулся и заморгал.

Вроде ничего не поменялось – стучали колёса, за окнами неслась прежняя темень, в пустом вагоне стоял бледный жёлтый свет. Папа хлопнул Инея по плечу и повторил:

– Просыпайся, просыпайся. Наша станция следующая.

Иней протёр глаза кулаками и выпрямился. Папа с усилием развёл руки в стороны, потянулся, хрустнув позвонками, и крякнул.

– Ну, как там моя дача… – пробормотал он. – Поглядим.

Он сгрёб в охапку сына, рюкзак и сумку и потащил в тамбур, поясняя:

– Полустанок маленький, стоянка – полминуты, а сейчас, ночью, машинист двери откроет, закроет и поедет. Это тебе не автобус. Надо успеть выпрыгнуть.

Так они и выпрыгнули – ловко. Будто на соревнованиях по выпрыгиванию.

Идти к дальнему концу платформы, откуда спускалась лестница, папа не стал – с лихим кличем сиганул с края во тьму, в заросли пижмы, а потом принял Инея на руки. Вместе они

пошли по тропинке в лес. Куртку папа оставил Инею, потому что похолодало. Иней шагал твёрдо, поматывал головой, стряхивая сон, и думал, что тьма тьмущая кругом, лес, чащоба, а ему совсем не страшно. А почему? Потому что папа рядом. Папа храбрый и сильный, от всего защитит. Вот как от Шишова. Никакие Шишовы теперь не страшны, никто не посмеет на Инея кричать, и фамилия у него останется – его фамилия, Обережь. Теперь всё будет хорошо.

Тропинка вильнула и раздвоилась, они свернули. Вдали показался одинокий огонёк.

– Близко уже, – сказал Ясень. – Это на ферме фонарь горит.

Тропа поднялась на всхолмие и влилась, как ручей в реку, в просёлочную дорогу. По обеим сторонам дороги, разделённые островками леса, стояли дачи – тёмные, пустые.

Иней узнал дома и недоумённо подумал: «Ой, это же наш посёлок. Мы к нашей даче приехали. Мы с мамой по другой тропинке ходили, оттуда, где лестница, поэтому я сразу не узнал. Но она же…»

Тут и папа увидел.

– Ах ты ж мать твою за ногу! – зычно разнеслось над спящим посёлком. Ясень взрычал, бросил сумки на землю и поскакал к своему участку.

Забор покосился и обвалился, кое-где его не было вовсе – наверно, разобрали на дрова. Участок порос бурьяном в человеческий рост, сорняк задавил не только ягодные кусты, но даже яблони. Ясень кабаном проламывался сквозь него, громко и смешно ругаясь. Он совсем не матерился, поэтому Иней не испугался.

Кажется, ночевать им было негде. Но это Инея тоже не пугало. Папа же здесь. Он бывалый. Он разберётся.

Ясень вывалился из зарослей бурьяна, угодил ногой в яму, упал на четвереньки и снова зарычал, озираясь, как тигр.

Иней выжидал, недоумённо на него посматривая. Ясень наткнулся на сына взглядом и мрачно сообщил:

– Вот так всегда. Пока главный герой ищет Шамбалу, изучает кунфу и строит планы по захвату мира, у него сгорает дача. Трагифарс! Катарсис! Сколько труда вложено! Даже печь развалилась. Ты почему мне не сказал, Инька? Ехали мы, ехали, а ты как партизан.

Иней жалобно поднял брови.

– Я думал, мы на другую дачу едем, – неловко сказал он. – Я думал, ты знаешь. Она, дача, давно сгорела…

– У меня же амнезия была, – укорил Ясень, – откуда бы я знал-то? Ладно, – закончил он и поднялся на ноги, отряхивая

ладони. – Как оно ни есть, а спать пора… да и не ужинали мы. Я-то что, а тебе ужинать надо.

Есть Инею не хотелось, он боялся, что среди ночи достать ужин будет сложно, но возражать папе не стал.

Папа выбрался на дорогу и задумался, потирая подбородок.

– На дачу мы всё равно доедем, но завтра, – странно сказал он. – А сейчас есть альтернатива. Либо отпираем чью-нибудь чужую дачу и ночуем там, либо идём спать в лес, в палатку. Тебе как больше нравится?

Иней удивился. Папа ходил с маленькой сумкой, в которую палатка никак не могла поместиться. Совершенно непонятно было, откуда он её возьмёт. Но папа мог всё, и Иней даже не стал спрашивать, а сразу начал выбирать. Он немного боялся палатки, потому что не знал, как это, но забираться в чужой дом ему очень не хотелось. Это было похоже на воровство. Поэтому он сказал:

– Палатка – это здорово.

– Вот! – обрадовался папа, – вот сын мой! Ну, пошли!

Он подхватил сумки, выудил из своей фонарик и направился прямиком в лес. Иней поспешил следом, не переставая удивляться. Если папа не знал, что дача сгорела, откуда он знает, что рядом в лесу есть палатка? И чья это палатка?

Идти оказалось трудно. Тропка скоро кончилась, пропала в малиннике, а за малинником под ногами захлюпало болотце. Папа пёр вперёд как танк или медведь, насвистывал что-то себе под нос, шарил по лесу лучом фонарика и время от времени окликал Инея, спрашивая, не отстал ли он.

Иней не отставал.

Под конец он совсем запыхался. Смотрел только себе под ноги, даже фонарика не видел – шёл по папиному следу. И едва только Инею показалось, что он сейчас упадёт, как они с папой вышли на поляну – широкую, твёрдую и красивую, как нарисованная. Точно стражи, поляну обступали могучие замшелые стволы. Мягкая трава сладко пахла, в сторонке журчал ручей. Подул слабый ветерок, и листва зашумела, на траве покачнулись едва заметные тени. «Посветлело», – отметил Иней и решил, что вышла Луна.

Он поднял голову. Луны не было. Нежно сияли облака, странно светлые в темноте.

Папа прошёл вперёд и зажёг ещё два фонарика – один у входа в палатку, один на краю навеса. Иней поторопился к нему и стал жадно разглядывать их ночное пристанище.

Палатка тоже оказалась очень красивая, серебристо-зелёная. В бледном, волшебном облачном свете она мерцала, как трава на поляне. Под навесом чернело аккуратное кострище, на вкопанных

в землю колышках лежала перекладина, на перекладине висел котелок. Папа нырнул в палатку и вытащил пластиковую бутылку с пшеном.

– Будем ужин варить, как настоящие походники, – сказал он. – Бери котелок, пойдём воду набирать. Заодно и попьёшь – пить-то хочешь?

– Хочу, – признался Иней.

– Не бойся, вода чистая, прямо так пить можно. И зубы почистить, если щётку не забыл.

– Не забыл, – пропыхтел Иней, сползая к воде.

Маленький ручей прыгал по камням и рассыпался на череду крохотных водопадов. Вода его пахла цветами. Она была вкуснее любого сока, только холодная – зубы ломило… Папа набрал котелок и вернулся, стал разжигать костёр.

Каша сварилась быстро. Поужинали. Иней в жизни не ел такой вкусной каши. Если честно, он вообще кашу ненавидел и согласился её есть только потому, что стыдился по-глупому капризничать перед папой. Но оказалось просто здорово.

Вместе они помыли котелок и поставили греться чай. Папа снова полез в палатку, достал оттуда гитару. Он улыбнулся, подмигнул Инею, проверил настройку… Иней заморгал и весь подобрался от предчувствия восторга. Он слышал только одну папину песню, про «не летай низко», а ведь Алик рассказывал, что песен было много-много. Иней всегда страшно жалел, что не слышал их. Алик даже слов не помнил. Теперь Иней тоже услышит папины песни.

Вот они, сын и отец, вдвоём тёмной ночью в лесу у костра. Они пили из ручья, будут спать в палатке. Это точно как поход. Всё по-настоящему. И папа споёт походные песни. Иней глубоко вздохнул, зажмурился и прикусил губу.

Он был в сердце чуда.

Ясень уселся поудобнее, провёл пальцами по струнам и взял аккорд.

– Слушай, Инька, – сказал он. – Песня взрослая, но тебе должна понравиться. Я хотел тебе её спеть.

Иней не отвечал, только смотрел на него неотрывно – расширенными, очарованными глазами.

Ясень запел.

Наклей на белый альбомный лист
Алый кленовый лист.
Считал мальчишка, что любит риск –
Всё ещё любит риск.
Гляди, прошло тридцать девять лет,

Горит, не гаснет весёлый свет,
И я считаю, что смерти нет –
Я оптимист.
Тридцать девять лет,
Сорок вьюжных зим
Словно полчаса.
Я добыл ответ,
Я теперь один,
Всё – сам.
Опять весенний ручей звенит
И телефон звонит.
Вместилась вечность в единый миг
и пролетела вмиг.
Оплачен счёт и окончен бой,
Моя дорога ведёт домой,
И до последней травинки – мой
Зелёный мир.
Тридцать девять лет,
Несколько минут,
Всюду миражи.
Я добыл ответ,
Я останусь тут.
Я – жив.
Наклей на белый альбомный лист
Алый кленовый лист…

Иней сидел, закрыв глаза. Голова кружилась. «Папа жив, – повторял он про себя, – папа останется тут. Со мной…»

Ясень фыркнул чему-то, отложил гитару и поднялся.– Давай, – сказал он, – Инька, разувайся, снимай джинсы и лезь в спальник. В тот лезь, который слева, он теплее.

Когда Иней проснулся, было уже совсем светло. Из-за полога тянуло вкусным. Папа, насвистывая, жарил на костре сосиски. Протирая глаза, Иней разнеженно улыбнулся – всё осталось как было, папа с ним, это не сон, чудеса продолжаются… Он сладко зевнул, замяукав, и папа рассмеялся.

– С добрым утром, сын! – окликнул он.

– С добрым утром, папка.

– Собирайся, умывайся, завтракать будем, – сказал папа. – А потом домой поедем. Не всё ж в лесу жить, как медведям. Был бы ты лет на десять постарше, тогда может быть, – Ясень снова засмеялся. – А пока что тебе под крышей жить надо.

– Ладно, – не стал спорить Иней, хотя в палатке он отлично

выспался и успел прийти к выводу, что это и есть самая правильная мужская жизнь.

«А Шишов дурак, – удовлетворённо подумал он. – Тоже мне! «У парня стрижка должна быть три миллиметра! И ни миллиметром больше! А иначе он девчонка!» Вон у папки моего какой хвост, до ремня достаёт. А ты, гадский Шишов, его забоялся». По пути к ручью Иней всё вспоминал, как Шишов забоялся папку, и злорадно хихикал.

Солнце не выглядывало из-за облаков, но и дождя небо не обещало. Ручей весело бежал по камням. Иней присел на корточки, разложил на мху зубную щётку, мыло, тюбик пасты и стал умываться. Вода была ледяная. Пальцы враз перестали слушаться, а по спине побежали мурашки, но Иней скрепился духом и поблажки себе не дал.

Вернувшись к палатке, он увидел, что папа накидал жареного уже целую плошку с верхом. От мясного запаха Инеевы кишки скрутил волчий голод. Он принял у папы свою долю и начал стремительно уминать завтрак.

Папа смотрел на него и улыбался.

– Вкусно?

– Вкусно!

– То-то же.

Потом он протянул Инею большую чашку горячего чая и пару печений. Печенья были такие же, как дома, и вдруг Иней вспомнил маму.

– Пап, – сказал он, – а как там мама? Она волнуется, наверно. Мы вчера так убежали… а она плакала…

Папа достал из нагрудного кармана мобильник и показал Инею.

– Отсюда не ловит, – сказал он, – так я утром к платформе ходил, оттуда ловит. Я маме позвонил и предупредил её, что мы лето поживём вместе. Хочешь, попозже сам позвонишь.

Иней кивнул. Звонить, если честно, ему не очень хотелось. Он и так знал, что будет. Мама заплачет, изругает его и велит вернуться немедленно. Чего доброго, вылезет мерзкий Шишов и станет говорить гадости: скажет, что мама неправильно Инея воспитывала, и начнёт указывать ей, как воспитывать детей правильно. Налысо брить и всё такое. «Ну их совсем», – подумал Иней и спросил:

– А где мы жить будем?

– Как где? – удивился папа. – Я же сказал – на даче.

– На чьей.

– На нашей, дурья башка, – и Ясень засмеялся. – Сейчас пойдём ловить зелёный поезд. Он нас довезёт куда надо. Я там

где-то, кстати, и машину бросил.

Тут у Инея возникли два вопроса, большой и маленький. Но сразу задавать большой вопрос он сробел, поэтому спросил:

– Пап, какой зелёный поезд? Они тут всё зелёные…

Папа фыркнул. Потом наклонился вперёд, точно собирался сказать что-то тайное, и звучно прошептал – серьёзно, безо всяких подначек:

– Тут ходит волшебный Зелёный Поезд. Он же Нефритовая Электричка. Он же Изумрудный Экспресс. На нём куда хочешь доехать можно.

Иней не поверил. Он верил в то, что папа смог выжить в горах, потерял память, а потом снова всё вспомнил – ведь папа сидел напротив, живой и весёлый. Но Иней был уже не настолько маленький, чтобы верить в волшебные поезда. Он решил, что папа смеётся над ним. Но обижаться не стал – такой уж шутник у него папа! Только сказал солидно:

– Ладно. Пошли на поезд.

Посуду они помыли и сложили, а палатку Ясень собирать не стал. Всё оставил – и спальники, и котелок. Взял только гитару в непромокаемом кофре. «Ничего тут палатке не сделается, – сказал он, – а надо будет, мы сюда вернёмся. Пускай стоит, дожидается». Потом он вскинул на плечо Инеев рюкзак и уверенно зашагал в лес – в прозрачный, медный сосновый бор, за которым маячили тёмным пологом седые еловые пирамиды. Иней направился за ним.

И вдруг понял, что не помнит дороги.

Они пришли сюда ночью, в полной темноте. Папа светил фонариком, но видно всё равно ничего не было. Папа шёл по привычке, у него ноги дорогу помнили. Но Инеевы ноги тоже не всё забыли: они шли по болотцу, а потом по плетёнке подсохших трав, которые цепляли за штаны. И все руки себе Иней расцарапал о неплодоносную малину.

Где эта малина? Где болотце?

Кругом возвышались корабельные сосны. Земля была твёрдая, красноватая, присыпанная хвоей. Ни ягодных кустов, ни мшарника… «Тьфу ты, блик, – строго сказал себе Иней. – Это я просто спал на ходу и поэтому забыл». Но на душе всё равно сделалось неспокойно.

Чтобы успокоиться, Иней стал думать об Алике. «Алик может всё, что хочешь найти, – подумал он. – Алик – он гений, лайфхакер. Он и работает в интернет-поисковике. Алик в жизни нигде не заблудится».

А что сделает Алик, если потеряет в лесу дорогу?

Он закроет глаза и скажет всем «Тихо», и лицо его сделается строгим, словно он решает задачу по математике, а потом прояснится – и это будет значить, что Алик уже всё понял. Вот бы уметь так, как Алик… Иней много раз хотел его попросить, чтоб научил. Но когда Алик работал, то становился чужим и почти жутким. Иней боялся, что если он научится тоже, то брат перестанет с ним возиться, и они будут сами по себе, а не вместе.

Но они и без того стали не вместе. Так уж вышло. Алик повзрослел, нашёл девушку. Когда-нибудь у него родится свой малыш, и зачем ему глупый Инька…

Зато теперь у Инея есть папа.

Замечательный папа, который умеет варить на костре кашу, и поёт песни, и ходит по лесу так, что ни единая веточка не хрустнет. Папа, который Инея любит и никогда не бросит.

Ясень вдруг обернулся и кликнул, приложив рупором ладони ко рту:

– Эге-ге-гей! Ине-ей! Не отстава-ай!

Звук раскатился по лесу и отдался дальним эхом. Иней расхохотался и бодро полез на холм, где стоял Ясень.

– А я специально заорал, – хулиганисто ухмыляясь, сказал ему папа. – Тут эхо обалденное. Сам попробуй!

И минут пять они вопили на разные лады, прыгая по склону и слушая нелепое, весёлое эхо. Иней позабыл обо всех тревогах. Как маленький щенок, он кидался на папу и повисал у него на плечах, а Ясень хватал сына в охапку и крутил, будто на карусели… Наконец, Иней утихомирился, а Ясень сказал:

– Теперь нам только спуститься осталось. Видишь, куда?

Иней приложил ладонь козырьком ко лбу. Взгляд не нащупывал ни единой хоженой тропки, но один из склонов холма был не так крут, как другие. Березняк там расступался, а трава едва пробивалась сквозь песок.

– Верно, – одобрил Ясень и предупредил: – Ты там не бегай. Песок под ногами едет. Упадёшь, глаза запорошишь. А видишь внизу рощицу? Через неё рельсы и проложены. Тут путь сильно петляет между холмами, поэтому электричка сбавляет ход. Самое лучшее место, чтобы запрыгнуть.

Иней снова удивился. Зачем запрыгивать на электричку? Может, проще дойти до станции? Но спрашивать он ничего не стал. Как папа сказал, так и будет.

Они потихоньку спустились. Иней даже почти не набрал песку в кроссовки. В рощице было прохладно и тихо, где-то неподалёку бежал ручеёк, и свежая, душистая влажность поднималась от него меж стволов. Ближе к путям вповалку лежали старые деревья. Мох покрыл их, как меховое одеяло, из-

под него едва показывались трухлявые комли. Папа плюхнулся на дерево, поставил рядом Инеев рюкзак и похлопал рукой по мху, приглашая Инея садиться.

– Теперь ждать будем, – сказал он. – Скоро придёт.

Иней послушно сел и стал ждать.

Папа задумался о чём-то, склонив голову. Инею не хотелось его отвлекать. Сначала Иней озирался по сторонам, но всё было одинаковое – обомшелые бугры упавших стволов, тонкая молодая поросль меж ними, а над головой – лиственная пелена, сплетённая дуновениями тумана. Тогда Иней стал разглядывать рельсы.

Рельсы были странные. Иней не очень-то разбирался в железнодорожных путях, но помнил, что обычно их прокладывают по насыпи из камней. Насыпи бывали больше или меньше, поезда шли по высокому искусственному холму или между природных холмов, но вот так, прямо на траву, рельсы не клали… А на камнях и шпалах обычно чернели и воняли пятна мазута. Тут мазута не было. И ещё шпалы были неправильные – не из бетона, не из дерева, а какие-то яркие, будто игрушечные…

– Пап, – спросил Иней, – а из чего тут шпалы?

Папа встряхнулся, будто проснулся. Он недоумённо глянул на Инея, а потом рассмеялся с облегчением.

– Так я же говорил тебе, – напомнил он. – Это волшебный поезд. Нефритовая Электричка идёт по серебряным рельсам и яшмовым шпалам. Священная одноколейка, тот Путь, который с большой буквы.

Глаза Инея округлились. Ясень улыбнулся и потрепал его по макушке.

– Это ничего, – утешил он. – Подрастёшь – поймёшь. Или я расскажу, только попозже, потому что это долго. И сложно. Нам сейчас эту электричку поймать надо, вот и всё. Слушай, Инька, выйди, погляди, не показалась она ещё?

Иней кивнул и с готовностью вскочил с места. Выбежав к рельсам, он сощурился и стал всматриваться в подёрнутую дымкою даль.

– На рельсы не заходи! – встревожился папа.

– Я не захожу! – Иней отступил и вытянул шею.

Всего несколько секунд минуло перед тем, как сердце его подпрыгнуло и замерло в горле. Иней вытянулся как струна.

– Идёт, – просипел он на вдохе: голос перехватило. – Идёт!

Папа соскочил с бревна и встал рядом с Инеем.

Зелёный поезд выходил из-за покрытого березняком холма. Крут был поворот, и поезд шёл не быстрее, чем идёт человек.

Колёса его стучали легко и ровно. Певучее гулкое эхо множило этот стук меж холмов.

Иней смотрел, как околдованный.

Нефритовая Электричка была прекрасна.

Она была полупрозрачная, но вовсе не призрачная. Её, вплоть до самого последнего винтика, словно выточили из золотисто-зелёного камня. В тёплом свете плотных высоких облаков этот камень мерцал и лучился, переливал тени, а глубины его пульсировали, как будто там билось множество живых сердец.

Дух захватывало. Иней тихо ахнул. Ясень поглядел на сына и довольно засмеялся, как будто Электричка была его собственной.

А потом вдруг набрал в грудь воздуха и заорал благим матом.

– Ген-надь-ич! – орал Ясень. – Семё-он!

– Чего-о-о? – донесло эхо.

– Помо-ги!

– Чего надо-о-о?

– Помоги пацана на поезд подсадить!

Мгновение эхо размышляло. Потом ответило:

– Я в пер-вом ва-го-не! А ты дальше цепля-айсь!

– Понял тебя!

Иней уставился на папу почти испуганно. «Кто это?» – одними губами спросил он.

Поезд приближался.

– Это друг мой, – торопливо объяснил Ясень. – Самолучший друг, я с ним в разведку всегда готов. Он на лешего похож, но ты его не бойся. Он добрый.

Иней нахмурился. Отчего-то его пугал неведомый человек, разъезжающий на Нефритовой Электричке. Но раз папа готов с ним в разведку, значит, бояться не надо…

Электричка была уже совсем рядом. Издалека она в своём волшебном мерцании казалась игрушечной, но теперь стало видно, насколько она большая. Ничуть не меньше обычной. Даже больше. Она шла очень медленно – ей предстояло миновать второй крутой поворот. Ветви деревьев скользили по её бокам и по стёклам; казалось, что от их касаний Электричка чуть слышно позванивает, как хрустальная. «Чу-чух-ффф!.. Чу-чух-ффф…» – стучали её колёса, и вздыхало что-то внутри неё. Иней вдруг подумал, что Электричка живая. Отчего-то он решил, что она похожа на лошадь, на смирную добрую кобылу… Папа обещал, что учиться ездить Иней будет на такой…

Дверь первого вагона открылась, и в проём высунулась голова.

Иней сжался. Сердце трепыхнулось в животе.

Это был бомж.

Старый, испитый, до самых колен заросший бородой бомж. Он покрепче ухватился за поручни, крякнул, хекнул, протянул узловатую руку – не руку, а лапу, корягу, всю в расплывшихся синих татуировках. Иней весь застыл внутри от ужаса и чувства протеста. Бомж пугал его. Наверняка от него плохо пахло, к тому же Иней боялся пьяных. Но было уже поздно. Поезд поравнял с ними, Папа подкинул Инея в воздух, и старый дед крепко ухватил мальчика – тютелька-в-тютельку, как мячик.

Руки у него были – крюки.

Инея затрясло.

Нефритовая Электричка начинала набирать ход, Инея держал за курточку жуткий чужой старик, а папа быстро оставался позади.

– Не бойся! – гаркнул Ясень. – Я щас!

Иней увидел, что отец на ходу прыгает на подножку. Он запрыгнул – и как камень свалился с Инеевой души. Иней осторожно поглядел на старого бомжа и вежливо пролепетал:

– Здравствуйте…

Первый вагон Нефритовой Электрички оказался плацкартным. Изнутри он был такой же красивый, как снаружи. Светлые стены будто дышали, их словно вырезали из мрамора или белых агатов, и в дымчатой глубине тёплого камня плыли задумчивые облака. Рамы окон искристо золотились. Скобки на сиденьях блестели серебром, а обтянуты сидения были синим бархатом. Не поезд – волшебный дворец… Иней уже поверил в то, что он и правда волшебный.

– Эх, Яська, – добродушно пробасил дядя Сёма, – как тебя по-вашему, по матушке-то?

Ясень хохотнул.

– По матушке посылают. А по матичке я Лазурин.

– Вот оно как… – раздумчиво протянул Семён. – Дела… А ты, значит, Иней Ясеневич?

– Я Веселин, – поправил Иней и улыбнулся.

…И вовсе дядя Сёма был не страшный и не бомж. Иней сам себя стеснялся, вспоминая, как испугался его поначалу.

Дядя Сёма ехал в поезде один. Он выбрал себе место посередине вагона, узкий столик застелил старой газетой, на газете разложил хлеб и колбасу. У окошка стояла полупустая бутылка водки и банка с солёными огурцами. А напротив, на боковом сиденье, вальяжно развалились два больших холщовых мешка – в них дозревали жёлтые, побитые, кисловатые яблоки, которые одуряюще вкусно пахли, словно уже чувствовали себя вареньем.

Дядю Сёму звали Семён Геннадьич Пархоменко. Иней никак не мог уразуметь, зачем он «Геннадьич». Имя «Семён» он сам произвёл от слова «семена» и дознался, что по матичке дядя Верин. Это было понятно. Но папа упорно называл дядю Сёму Геннадьичем, а тот, похохатывая, время от времени пытался выговорить языколомное папино «отчество» – Бат-Эрденевич…

– Пирожки-то я подъел, – опечалился дядя Сёма, – в самый бы раз мальца пирожками покормить.

– Ничего, – невнятно пробурчал Иней. Он вгрызался в бутерброд с колбасой. – Вкусный бутерброд.

– Хороший у тебя парень, – сказал дядя Сёма Ясеню.

– А то ж! – фыркнул тот. – Конечно, хороший. А старшему моему, Алику, двадцатник уже.

– Совсем взрослый.

– Из наших, – непонятно сказал Ясень. – Уже вырвался. В меня пошёл.

– Это хорошо, – одобрил дядя Сёма.

Ясень покосился на сына, который таращил глаза из-за щедрого бутерброда, улыбнулся ему с гордостью. Иней осмелел, прожевал кусок и спросил:

– Пап, а куда Электричка едет?

Но ответил ему дядя Сёма:

– К морю, сынок, к морю.

«Вот как», – подумал Иней. Он вспомнил папино обещание и сказал:

– А мы поедем к морю?

– Поедем обязательно, – кивнул папа. – Только не сейчас. Сейчас не получится. – И он добавил тише: – Не так-то это просто, доехать к морю. Геннадьич чёрт-те сколько времени уже едет. А, Геннадьич?

– Тридцать лет еду, – подтвердил тот.

Иней поразился. «За тридцать лет вроде можно всю Землю кругом объехать, и не один раз, – подумал он. – А до любого моря несколько дней на поезде или несколько часов самолётом. Может, это другое море? Волшебное? К которому идут только волшебные поезда?.. Но почему так долго?»

– Мы раньше сойдём, – успокоил Инея папа. – Нам сейчас только до дачи доехать. Дорога пустячная. Но до моря мы обязательно доберёмся.

Семён Геннадьич пошевелил бородищей, улыбнулся. Вокруг его глаз собрались лучистые добрые морщинки.

– Держись папки, Иней. Папка твой доберётся, он такой. Он хваткий.

– Я знаю, – важно сказал Иней, и оба взрослых ласково

засмеялись.

Потом папа тихо сказал Геннадьичу:

– Я тебе помогу. Я тебе должен, Семён.

– Ну нет, – ответил Семён Геннадьич так же тихо, но не так серьёзно, – помогать мне не надо. Есть дела, Яська, в которых настоящий друг своему другу под дулом пистолета помогать не станет.

– Например? – Ясень заломил бровь.

– Например – детей делать.

Ясень расхохотался, потом скривился и едва заметно кивнул в сторону Инея.

– А что? – не согласился Геннадьич. – Здоровый мужик, не в люльке лежит. Пусть понимает. Дружба – дело большое. Если друг оказался вдруг… – тут он умолк, словно прислушиваясь к чему-то, и вдруг вскинулся, выставил бороду вперёд, заговорил торопливо и горячо: – Слушай, Яська! Спой, а? Очень я Высоцкого хочу послушать, стосковался прямо.

Иней широко улыбнулся, поглядел на папу выжидающе. «Пускай песня чужая, – подумалось ему, – папка всё равно так здорово поёт и играет. Слушать бы и слушать его…» А Ясень только руками развёл. Потупил смеющиеся глаза, сдаваясь, и полез за гитарой.

И он пел Высоцкого, много всяких песен: про друга и про скалолазку, про то, что лучше гор могут быть только горы, и про заколдованный лес, откуда уйти невозможно, потом ещё – и с чувством, со сладкой яростью выводил «ми-и-ир-р-р вашему дому!..» Дядя Сёма слушал его, уронив кудлатую голову на руку и закрыв глаза. Всё лицо его мелко вздрагивало – так жадно он ловил каждый звук. Высоцкого сменил Городницкий, затем Визбор и ещё кто-то, Ясень перестал называть имена, а Иней этих песен никогда прежде не слышал.

Наконец, дядя Сёма с силой провёл ладонями по лицу – как-то странно, словно умывался.

Папа отпустил гриф гитары и глянул на друга с тревогой.

Иней заморгал.

Что-то переменилось. Иней почувствовал это, как дыхание ветра. Мелькнуло мимо что-то не страшное, но страшно грустное.

– Ладно, – глухо сказал дядя Сёма, – Яська, растравил ты душу. Пожалей, сил нет терпеть. Расскажи, как дела-то в мире? Чего творится? Войны нет? Одолели разруху? Кто наверху сидит сейчас, что за человек?

Иней испуганно сжался. Какая война? Какая разруха?..

– Геннадьич, – покачав головой, сказал папа, – на что тебе мои новости? Я же из другой параллели.

– Давай выпьем, – непоследовательно предложил Геннадьич и плеснул мутной водки в пластиковые стаканчики. – Другая, не другая, а всё равно… Ох, Яська, никогда не знаешь, за что душа твоя зацепится. Тридцать лет еду. Зацепилась душа, прикипела, на цепь посадила сама себя и сама себя не пускает к Морю…

Он болезненно зажмурился. Ясень покачал головой.

– Геннадьич в восьмидесятом году поехал, после Олимпиады, – вполголоса сказал он Инею. – Тогда вас с Аликом ещё и в проекте не было.

Тихо и мелодично, как литавры оркестра, стучали колёса Нефритовой Электрички; Инею показалось, что она, живая, прислушивается к разговору. Тогда он тоже притих и стал слушать.

– Олимпиада, – повторил дядя Сёма и улыбнулся, как пьяный, хотя ни глотка ещё не выпил. – До свиданья, наш ласковый Миша… Душу рвёт, Яська, сил моих нет. Тридцать лет еду, а каждый день думаю: как там, в России? Поэтому и доехать не могу. Тебе-то что, ты космополит безродный… ты доедешь… Бат-Эрденевич…

Он поднёс стаканчик к губам. Ясень нехотя сделал то же, покосился на Инея и пить не стал. У Инея чуть-чуть отлегло от сердца. Он ужасно не хотел, чтобы папа пил водку. Папа с дядей Семёном говорили о непонятном и пугающем, и оттого папа становился чуть-чуть чужим. Пьяный он бы сделался совсем чужим. Тогда Иней остался бы один-одинёшенек в волшебном поезде посреди волшебной страны…

– Я русский, – негромко сказал Ясень. – Маму мою Лазурь звали. Только страна моя не Россией называется, Геннадьич, а Росой, и столица у неё – Листва.

– Яська, но ведь Олимпиада была! Общая! – дядя Сёма вскинул глаза, стукнул кулаком по столу. – И Союз Советский был! И Победа! И Гагарин!

– Было, – согласился Ясень. – А города называются по-другому, и имена у людей другие. Нашего Гагарина Бураном звали. И Победа у нас не девятого мая.

Лицо Семёна Геннадьича горько искривилось. Секунду Инею казалось, что он сейчас швырнёт недопитый стаканчик в стену, и Иней осторожно отодвинулся, но дядя Сёма, наоборот, поставил стаканчик на стол очень медленно и осторожно. Иней пригляделся к пожелтевшей газетке, постланной вместо скатерти – «Труд», 1980 год…

– Ещё тридцать лет ехать буду и не доеду… – пробормотал Семён Геннадьич. – Как ты мне сказал тогда, что Союз развалился, я трое суток спать не мог. Думал, не сойти ли с

поезда. Только куда идти-то, в чужую параллель? В прошлое? На кой оно сдалось, когда знаешь, чем всё закончится… Был я молодой, был я дурак, думал, я кремень-человек, пешком до Моря дойду. А вышло? Душа моя слабая и привязчивая, оттого все у меня наперекосяк и наискосок…

– Геннадьич, – предостерегающе сказал Ясень, – зря ты это. Хочешь – верь мне, хочешь – не верь. Это ты сам от себя отговариваешься. В том всё и зло. Как перестанешь – доедешь. Отговариваться перестанешь, а не Родину любить. Ты не обижайся, но, по-моему, ты Моря боишься. Потому и ищешь себе якорь, чтобы тысячу лет ехать и не доехать. А Море – оно светлое.

– А ты почём знаешь? – зыркнул на него дядя Сёма. – Ты его видел?

– Во сне видел, – серьёзно сказал Ясень.

Странно, но дядя Сёма ему сразу поверил, согласился и успокоился.

У Инея глаза лезли на лоб от этого разговора. Он совсем оробел и поэтому понемножку ел, чтобы не пялиться на папу и Геннадьича и не привлекать лишнего внимания. Сначала доел бутерброд, потом выпил чай, потом стал грызть, протерев рукавом, жёлтое яблоко… Всё это напоминало фантастический фильм. Небывальщина, красота нарисованная, сон сном. Но в живой Нефритовой Электричке стояла на столике дяди-Сёмина мутная водка и невкусные огурцы, да и сам волшебный поезд был абсолютно, непререкаемо настоящим – хочешь, нацарапай что-нибудь на облачной стене, хочешь, расковыряй пальцем синий бархат… Таинственная Электричка не казалась очень уж жуткой, гораздо жутче были сейчас дядя Сёма и папа, а вернее, то, как по-взрослому, просто и горячо они обсуждали волшебные дела, и какими невесёлыми эти дела были. «В сказку попал», – подумал Иней и тяжело вздохнул.

Он понял, что дядя Сёма Геннадьич происходит из другого мира. Он вспоминал, как играл в другие миры с Лёнькой, и начинал запоздало бояться за себя и друга. Что, если бы они в самом деле попали в другие миры? Плохо бы им пришлось.

«Хорошо, что папа рядом, – подумал он. – Папа всё может». Иней незаметно потрогал папин рукав и опустил голову.

А папа вдруг обнял его крепко-крепко и прижался носом к макушке.

– Где сходить будете? – спросил дядя Сёма.

– Давай на станции, – ответил Ясень.

Иней уже устал удивляться и только спросил мысленно: «Почему же мы на станции не садились?»

Папа положил гитару в кофр и встал.

– Геннадьич, – сказал он громко, – не последний раз видимся.

– Может, что и последний.

– Нет, – улыбнулся Ясень, – я тебя ещё на берегу подожду.

И дядя Сёма тоже улыбнулся, снова собрал лицо в лучики морщинок:

– Ну, держись, раз слово дал… А ты, Иней, не бойся ничего. Всё будет хорошо.

Иней молча кивнул.

Они с папой вышли в тамбур. За окном нёсся прозрачный зелёный лес. Уже не такой чудесно светлый, как там, где они шли пешком, обычный лес, но всё равно красивый. Только с мусором.

Вдали показался полустанок. Нефритовая Электричка замедлила ход, остановилась, отворила двери. Они вышли и подождали, пока она проедет – помахали руками дяде Сёме, высунувшемуся из окна. Потом направились к лестнице, спускавшейся с края платформы…

«Это ведь наша платформа, – настороженно примечал Иней. – Та самая. Зачем мы на неё обратно приехали? Столько ехали и обратно вернулись. Опять в палатке жить будем?» Он ничего не имел против палатки, просто странно всё было. Но к папе с вопросами он не лез. Папа сутулился и вздыхал, и понятно было, что думает он о дяде Сёме и всякой печали.

Прошли по лесной тропе, свернули в положенном месте, увидели просторное поле и далеко-далеко на высоком шесте фонарь фермера. Вскоре показалась и знакомая просёлочная дорога, под ногами захрустели камешки обочины. Иней крутил головой, узнавал места. Вот тропинка к пруду. Вот покрашенный жёлтой краской дом соседа с цветниками, теплицами и резной беседкой. Вот голубой дом другого соседа, а дальше третий сосед, дом каменный с красной крышей…

А за каменным домом стояла их дача.

Целая. Целёхонькая.

– Ой, – сказал Иней и остановился.

Папа потрепал его по волосам.

– Чего – ой? – поинтересовался он.

– Это же наша дача.

– Ну да. Я ж говорил – жить на даче будем.

– Она же сгорела!

– Где-то сгорела, где-то не сгорела, – Ясень рассмеялся. – Инька! Да ну что ты жмёшься, валенком прикидываешься. Ты парень умный, дошёл умом-то, я ещё в поезде заметил. Дача класс! Всю своими руками построил! И печь сам положил. А ты как думал? Твой папа через десять лет с того света вернулся –

думаешь, у тебя обычный папа? У тебя волшебный папа! Ты чего, испугался? Инька! Щелбан за испуг!

Смерклось. Осень зажгла лампу. Жёлтый электрический свет казался мертвенным и словно бы душным, как туман. В белёсом плафоне лежали дохлые мухи.

– Алик, – ровно повторила Осень, – приди в себя.

Алей взглянул на неё исподлобья.

Они сидели на Алеевой кухне, и перед обоими уже остыл чай. Алей нервно теребил хвост металлической змеи, обвивавшей его шею. Пальцы точно приклеились к чешуе.

Несколько минут назад ему звонила мать, спрашивала, нет ли новостей. У него не было новостей. Весела кротко ответила: «В милиции тоже говорят, что глухо. Лёва говорит – надо искать частного сыщика, а я уж и не знаю…». Мама ни словом, ни вздохом не укорила его, но у Алея не было для неё новостей! Он взвинтил себя до дрожи и без посторонней помощи. Чуть ли не проклял себя, самодовольного идиота, прославленного на всю Росу лайфхакера.

Надо было работать. Действовать.

– Осень, – в который раз процедил он, – не держи меня. Я пойду. Надо найти Иньку. С ним может случиться что-то плохое.

От админа Алей с Осенью уехали вместе. Держались за руки. Её прикосновение не было прикосновением девушки к парню – наоборот, оно остужало… Осень бы добилась успеха, заставив в конце концов Алея мыслить рационально, но позвонила Весела, и её усилия пошли прахом.

Осень не сдалась. Алей надеялся, что она дорасскажет ещё какие-нибудь важные вещи, выпьет чаю и поедет по своим делам. Но она заявила, что в таком состоянии его не оставит.

Теперь его девушка сидела перед ним спокойно-внимательная, будто врач или какой-то куратор, и демонстрировала своё нечеловеческое упорство.

– Успокойся, – безжалостно сказала она. – Если что-то плохое случится с тобой, Алик, Инею не поможет никто. У нас нет второго тебя в резерве.

– Хорошо, – Алей рывком поднялся, прошёл к окну, вцепился пальцами в распущенные волосы, – хорошо. Что я, по-твоему, должен сейчас делать?

Этот вопрос он тоже задавал не впервые.

Он устал повторять. Ему хотелось, чтобы Осень встала и ушла, просто встала и ушла, оставила его в покое наедине с проксидемоном и интерфейсом Старицы. Драгоценное время утекало минута за минутой. Ещё пара часов, и пойдут третьи

сутки, как Иней не дома.

– Перед тем, как начинать работу, – говорила позади Осень, терпеливая как машина, – надо изучить рабочую программу. Иначе неизбежны ошибки.

– Я изучу программу в процессе работы. Осень, не держи меня.

– Я никуда тебя не пущу.

Алей обернулся. Прерывисто выдохнул и вдохнул, подбирая слова. Он искренне не хотел обижать Осень, он был ей бесконечно благодарен за всё, но сейчас ему нужно было, чтобы она ушла.

Осень смотрела на него – холодная и безмятежная.

Киборг. Инопланетянка. Искусственный интеллект.

– Алик, слушай меня, – велела она как ни в чём не бывало. – Бери блокнот, ручку и пиши план. Я диктую.

И внезапно для себя Алей вызверился.

– Осень, – рявкнул он, – не приказывай мне!

Он не вполне сознавал, что говорит. Сузились невольно глаза, кулаки сжались, бешенство ударило от сердца в мозг – и тут же пропало. Пар вышел. Алей вздрогнул, будто от озноба, и неловко умолк. Ему стало стыдно. Но слово – не воробей.

Осень медленно подняла подбородок. Дымчатые глаза её похолодели и сделались цвета светлой стали.

– Я – твой руководитель, – размеренно проговорила она. – Я ставлю тебе задачи.

Алей с усилием провёл по лицу ладонью и закрыл глаза.

Прошла минута, за которую он успел встревожиться. Осень бесценна – и как помощник, и как его возлюбленная. Что теперь?.. Всё ещё глядя в пол, Алей напряжённо выпрямил спину, подыскивая слова извинений – и услышал, как Осень вздохнула.

– Прости меня, – печально сказала она. – Я не должна была так реагировать. Я обдумываю слишком много задач и, кажется, слишком волнуюсь.

Алей поднял на неё глаза.

Осень грустно улыбалась краешками губ.

– Вот, – проговорила она, – теперь ты знаешь, как бывает, когда я волнуюсь. Не обижайся, пожалуйста.

Алей шагнул вперёд и крепко обнял её. Встал на колени возле стула. Осень погладила его по голове, пальцами расчесала волосы.

– И ты меня прости, – глухо сказал Алей. – Проехали.

Осень с сожалением прищёлкнула языком.

– Алик, я же менеджер, – сказала она, чуть отстранив его. – Знаешь, что ты собираешься сделать? Стартовать проект,

требующий огромного количества человеко-часов работы, не имея никаких предварительных данных, не проведя исследований и не составив плана. Как минимум это глупо, как максимум – недопустимо. А я даже не учла фактор опасности для жизни. Проще говоря: ты уверен, что сможешь уйти в другую параллель. А ты уверен, что сумеешь вернуться в эту? Вася, кажется, ясно сказал, что проксидемон опасен.

– Вася… – с досадой пробормотал Алей, поднимаясь. – Почему бы ему самому этим не заняться… Отца моего он, видите ли, боится…

– Вася информирован лучше нас всех, вместе взятых, – Осень притронулась к его руке. – Не говоря уже о том, что он может намного больше. Я советую тебе опасаться того, чего опасается он. В том числе поэтому я хочу, чтобы ты хорошо подготовился к рейду. Прощупай дно, прежде чем прыгать головой вниз.

Алей передёрнул плечами и ничего не сказал.

Осень снова вздохнула, встала и обняла его, прижавшись щекой к груди. Сквозь тонкую футболку Алей почувствовал её тепло. «На самом деле она человек», – вспомнил он и опустил голову.

– Я сделаю всё возможное, – тихо сказала Осень. – Я уже поговорила с Иволгой, с Миром Сиреневым и Светелом Тишиным. Я собрала все данные, которые у нас есть по другим мирам, и все инструкции по туннельным перемещениям. Мне удалось выбить час времени у Дня Вьюгина, но только на завтра.

– Спасибо.

– На завтра, Алик. – Осень отпустила его и со строгим видом подняла палец. – Я надеюсь, ты понимаешь, как ценна консультация Стародубцева.

– Понимаю, – Алей закатил глаза.

– Я надеюсь, что ты ничего не будешь делать, пока не посоветуешься с ним. А теперь, действительно, не будем тянуть резину. Пойдём в комнату.

Алей прошёл за Осенью в комнату и уселся на тахту. Осень опустилась в его высокое компьютерное кресло, покрутилась туда-сюда.

– Я уже рассказывала тебе кое-что о контактных параллелях, – начала она. – До сих пор у нас были данные по трём. Но их больше. Сейчас уже можно утверждать, что мы зафиксировали четвёртую. Конечно, этого всё равно мало для статистики. Но есть любопытные наблюдения.

– О каком?

Осень поразмыслила.

– Мы знаем, что в одной из параллелей всё ещё существует рабство, – сказала она. – Во второй – там, где сохранился Союз, – несколько лет назад случилась экологическая катастрофа. Причины нам неизвестны. По этой параллели у нас есть пара официальных отчётов, небольшая фотогалерея, несколько популярных статей и форумных тредов… Катастрофа планетарного масштаба – серьёзные проблемы с самовосстановлением флоры и почв. Животный мир практически вымер, запасы пищи заканчиваются. Целые страны вымирают. Соединённые Штаты перешли на пайковую систему, а Африка пуста, как Луна.

Алей молчал, задумчиво пощипывая ворс пледа. Он понимал, что Осень рассказывает всё это не ради праздного интереса. Она шла к какому-то выводу.

– Во третьей параллели политическая карта мира совершенно иная. По некоторым данным, там и география другая. Сравнивать трудно. Но информация интересная. Алик, мы вышли туда, когда индексер Ялика обнаружил несколько документов в домене .dec. В нашем мире этот домен…

– …давно закрыт, – закончил Алей. – Это старинный домен военной сети.

– Гражданского интернета в параллели нет, – кивнула Осень. – Но некоторые институты выпущены в сеть. Думаю, ты уже представляешь себе ситуацию.

– Не представляю. Но не могу отделаться от мысли, что там идёт война.

– Да. Вряд ли её можно назвать Третьей Мировой, мы не знаем, были ли там предыдущие. Но применяется химическое и ядерное оружие.

Алей мрачно выругался без слов.

– Что касается четвёртой известной параллели, – продолжала Осень, – то данные по ней у нас довольно специфические. Школьные рефераты. Есть рефераты по новейшей истории, они наиболее любопытны.

– Например? – Алей прикусил пальцы.

Осень помолчала.

– Например… У нас фашистская Германия капитулировала двадцать седьмого августа сорок четвёртого года. У них – девятого мая сорок пятого. У нас блокада Ливня продолжалась двести пятнадцать дней. У них город называется по-другому, но блокада тоже была и продолжалась восемьсот семьдесят два дня. Был страшный голод, несравнимый с голодом в нашей параллели.

– И что это значит? – в задумчивости уронил Алей.

Он уже догадался, к чему клонит Осень, и догадка ему не

нравилась.

– Алик, есть основания утверждать, что мы живём в лучшем из миров.

Алей ссутулился. Засунул в рот прядь волос, подёргал за хвост металлическую змею. «Бедный Инька, – думал он, – маленький… Если наш мир и правда лучший, то в каком же он оказался? Каково ему там? А папа? Не знаю, чего он хочет, да какая разница, чего! Чем он думал, когда тащил Иньку отсюда?! Нельзя же так. Нельзя».

Спустилась ночь, на улице окончательно стемнело. В оконном стекле отражались огоньки люстры, ковры и шкафы комнаты – тёмные, блёклые, будто призрачные. За окном различались только ближние ветки деревьев да фонари внизу. «Фонарь», – зачем-то мысленно сказал Алей – и вздрогнул. Холодок прокатился по спине. Фонарь был ключевой точкой. Как, к чему её нужно было приложить, чтобы получить ответ? «Чёрт с ним, – решил Алей. – У меня есть Старица и проксидемон. Я пойду к Старице и со всем разберусь там».

– Поэтому я так за тебя боюсь, Алик, – тихо сказала Осень. Она глядела тревожно и грустно. – Куда ты угодишь, когда выйдешь в другой параллели?

Алей подавил вздох.

– Не знаю, – ответил он сквозь зубы. – Мне там не жить. Заберу Иньку и вернусь. Чем думал мой папаша, хотел бы я знать!

Осень нахмурилась.

– Алик, погоди. Параллелей намного больше, чем нам известно. Я рассказала об этой гипотезе только для того, чтобы ты был осторожнее. Я не думаю, что Ясень Лазурин отправился в один из этих миров. Если он любит сына, то будет избегать опасностей. Ты рассказывал, что он был хорошим отцом.

Алей сжал зубы. В горле встал ком.

– Да, – нехотя бросил он. – Был.

Осень помолчала.

Молчание текло, словно ручей – словно чёрные воды Старицы под зелёным бортом лодки. Алей поднял голову, встретил прохладный взгляд Осени.

– Мне пора, Алик, – сказала она спокойно и безмятежно, как всегда. – Ещё полчаса, и я поеду. Тебе сейчас стоит лечь спать, потому что завтра в девять ты должен как штык стоять перед Стародубцевым. Но я знаю, что спать ты не будешь. Пообещай мне, что сегодня ты станешь заниматься только поиском. Никаких материальных туннелей и параллельных миров.

Алей прерывисто выдохнул.

– Обещаю, Осень. Спасибо… спасибо, что ты обо мне заботишься.

– Поклянись, – сказала Осень тихо и твёрдо.

Алей покусал губу. Он смотрел Осени в глаза и понимал, что его видят насквозь. Осень едва заметно кивнула. Тогда он собрался с духом и выговорил:

– Клянусь.

Осень опустила ресницы. Помедлив немного, она встала с кресла и подошла к компьютерному столу.

– Ещё кое-что. Переключимся на ближний прицел. Алик, скажи, как ты оцениваешь сам – ты будешь сдавать эту сессию?

Алей поперхнулся смешком. Меньше всего он сейчас думал об институтских делах. Но Осень держалась совершенно серьёзно. «Многозадачной системе, – подумалось ему, – нет необходимости жёстко выставлять приоритеты».

– Осень…

– С работой решить проще, – сказала дорогая ему антропоморфная многозадачная система. – Завтра после консультации иди в отдел кадров и бери отпуск на время сессии. Что касается экзаменов, думаю, тебе надо купить больничный.

– Что? – Алей не выдержал и рассмеялся вслух. – Осень! Купить? Больничный?!

– Ты же не будешь их сдавать, – удивлённо пояснила Осень. – Тебе нужны астения, хроническое переутомление, депрессия и упадок сил. В связи с тяжёлой ситуацией в семье. Психоневролог даёт такие больничные. У тебя будут законные двадцать дней, и никаких проблем после.

Алей невесело фыркнул. Иногда компьютеры говорят сущие глупости…

– Ты всё продумала.

– Да, – просто ответила она и взглянула на него с вопросом: – Что не так?

– Осень, у меня по профильным предметам ни одной четвёрки за всё время… Без ложной скромности: думаешь, таких много? Меня знают. Я могу себе позволить просто забить, а потом восстановиться.

Осень помолчала.

– Как хочешь.

Алей поцеловал Осень на прощание и проводил её до лифта. Потом вернулся, закрыл дверь и привалился к ней спиной. Задрал голову, уставился на незажжённую лампочку. Кожей шеи он чувствовал согревшийся, но по-прежнему, вне сомнений, неживой металл.

Проксидемон Эн. Неизвестная в уравнении.

Мысли о данной Осени клятве Алей тотчас отодвинул. Он не собирался её немедленно нарушать, просто выбросил тот разговор из оперативной памяти. Сейчас это не было важно. «Буду действовать по обстоятельствам, – думал он. – Если всё пойдёт гладко… почему бы и нет. Стародубцев вряд ли пользуется проксидемонами. Или пользуется? Это-не-важ-но…»

Отбросить всё лишнее. Всё ненужное.

Уже несколько суток почти без передышек Алей мучила нервная дрожь. Сегодня он имел сразу два тяжёлых разговора. Но странным образом он не чувствовал ни малейшей усталости. Мысли были ясны и свободны. Осень оказалась права: в сон его не клонило, он бы и не уснул сейчас.

– Проксидемон понимает голосовые команды, – зачем-то сказал Алей вслух. Потом глубоко вздохнул, накрыл ладонью голову змеи и велел: – Пусти меня в Старицу.

…В роще-интерфейсе по-прежнему царил тихий день. Шумел ветерок, вкусно пахло грибами. Алей не пошёл к берегу – сел на ближайший поваленный ствол и, не теряя времени, запустил поиск.

Предельный поиск, осуществляемый с помощью сервис-программы, мало отличался от обычного, но всё же отличался – это Алей отметил сразу. Первым, что пришло ему, были не видения и не воспоминания о видениях, а собственные недавние мысли. Он ведь уже искал Инея и искал из Старицы, он уже нашёл ключевые точки: дверь, море, поезд, дачный посёлок… ливень.

«Что это значит?» – спросил Алей, и сам себе немедля ответил: «Открыть временный туннель – то же самое, что открыть дверь между мирами. Полохов говорил о морях и океанах реальности. А поезд идёт на дачу…»

Тут он встал и озадаченно взялся за подбородок. Поисковая цепочка оказывалась слишком короткой, странно простой. В сущности, её итог Алей уже видел раньше, но промахнулся, не увидел ответа, потому что это – в его личном тоннеле – никак не могло быть ответом.

Дача. Та самая, которую всю своими руками построил Ясень Обережь. Предельный поиск со всей ясностью говорил: Иней сейчас на даче.

– Она же сгорела, – пробормотал Алей. – Там же одни головёшки…

И осознал, что пропустил одну из ключевых точек. Даже две.

Безбрежны моря и океаны реальности. Бесчисленны параллели. Стоит на реке Неве город Ливень, а рядом, безмерно

далеко, в другом мире на той же реке стоит тот же город с другим названием, с теми же музеями и площадями, но с другой историей. Если возможно подобное, то почему невозможно существование двух дачных посёлков, которые на самом деле – один и тот же? Только в соседнем посёлке уже полвека не случалось пожаров…

И адрес параллели тоже не придётся искать долго: предельно короткая поисковая цепочка в то же время имеет предельную смыслоёмкость.

Алей зажмурился и помотал головой: он не мог поверить, что всё оказалось так просто. Только что Осень рассказывала ему, что команда семантического фильтра зафиксировала четвёртую контактную реальность – ту, в которой Ливень называется по-другому. Оказывается, это и была вешка, маркер, отгадка – так поразительно близко, под самым носом…

Теперь оставалось только открыть тоннель.

Открыть, пройти через него, полюбоваться на дачный домик и немедленно возвращаться, забрав Иньку, маленького мальчишку.

Подлистовье, окрестности железной дороги на полпути от Листвы до Волоколамска, станция «Девяносто первый километр».

Алей покинул рощу Старицы и попал из полудня в полночь. Свет по всей квартире был выключен, с отвычки Алей ослеп, споткнулся о собственные ботинки и пребольно вписался лбом в угол. «Тьфу ты, блик!» – злобно прошипел он, нашаривая на стене выключатель. Вокруг прыгали искры.

Он по-прежнему не чувствовал усталости. Ему только казалось, что он простудился. Глаза воспалились, трудно было смотреть прямо, всё время хотелось зажмуриться. Раздражала слабость в руках и пальцах, неприятная тяжесть гудела в голове. Но неутихающая тревога трясла Алея, как электрические разряды, и ему даже на ум не приходило, что он устал.

«Я нашёл», – торжествующе думал он, и вслух повторял, гордо и почти зло, почти выкрикивая:

– Я нашёл!

Оставалось только прорезать материальный тоннель. На волне лихорадочного торжества, внезапного успеха это представлялось совсем простой, элементарной задачей. Ждать завтрашнего дня? Зачем терять время? На кой чёрт сдался ему Стародубцев со своими консультациями, если в руках у Алея проксидемон?

О предупреждениях Осени Алей уже забыл напрочь. Как и о самой Осени.

Он снял с шеи змею и вытянул руку. Рука дрожала. Пришлось напрячься, чтобы усмирить дрожь. Потом Алей приказал демону:

– Выходи!

Змея дрогнула в руке.

«Он будет болтать», – вспомнил Алей и подумал, что это получится какая-то совершенная чертовщина дурного вкуса – разговаривать со змеями.

– Эн, прими форму попугая.

Второй рукой Алей подхватил болтавшийся хвост и так же, как Вася, слепил из змеи ком живого теста. Сейчас происходящее уже не казалось сверхъестественным. Оно даже не удивляло. Казалось, все чувства уступили одному порыву, приказу воли.

На ощупь тесто оказалось довольно приятным – не склизким, не холодным. Алею вспомнилось, как мама замешивала тесто для плюшек. Таким и был бесформенный Эн – мягким, чуть текучим, припорошенным мучицей. Ком повозился у Алея в ладонях, отрастил крылья и больно царапнул кожу когтями. Когда на тонкой кожице попугая повылезли зелёные перья, он тяжело прыгнул вверх и запорхал под люстрой. Алей следил за ним с весёлым оскалом, не позволяя себе щурить глаза.

– Ну что пялишься? – нервным скрипучим голосом осведомился попугай. – Попить дай!

Алей фыркнул и сходил на кухню за блюдцем воды.

Он поставил блюдце на стол и опустился в кресло рядом. Попугай спланировал к воде, но не рассчитал траекторию и ударился о край стола. Он бы упал на пол, если бы Алей его не поймал.

Убившийся попугай застонал в его ладонях, задрав лапы. Это был какой-то совершенно мультяшный комический попугай, вроде блудного Кеши. Сам демон, похоже, предпочитал другой образ, потому что сквозь стоны ясно послышалось:

– Это я, почтальон Печкин… Принёс заметку про вашего мальчика…

– Спасибо, заметку уже читали, – сказал Алей, выкладывая демона на стол. – В путь-дорогу пора.

– Щас! – рявкнул попугай и перекатился на лапы, превратившись в нахохленный и озлобленный комок перьев. – Сволочи! Ненавижу вас! Никуда не пойду!

– Что?..

– Что слышал! Жрать неси. И подушку дай. Я спать буду. Потом срать буду. И ссать буду. Потому опять пить, жрать и спать. И так – пока не надоест. А мне долго не надоест! Думаешь, приятно, когда тебя в металл загоняют?!

Алей растерянно помотал головой. Полохов предупреждал

его, что демон будет болтать и болтать с самыми дурными намерениями, но он как-то иначе себе это представлял. Серьёзнее, что ли…

– Думаю, неприятно, – примирительно сказал он. – Но давай поговорим как деловые… попугаи. Я достал тебя из металла. Мне нужно, что ты поработал. Меняй ай-пи, режь тоннель, что там тебе положено делать как прокси-серверу…

– Вот! – вскричал попугай и взвился. – Вот что я ненавижу больше всего!

Алей поморщился. Чепуха, которую нёс Эн, начала ему надоедать.

– Ты прокси-сервер, в этом твоя природа, – устало бросил он. – Мне тебя Полохов выдал для работы. Заткнись и работай.

– А больше всего я ненавижу твоего Полохова, – свистящим шёпотом сказал попугай и крылья расправил, как орёл.

– С чего же?

– Я демон! – выкрикнул Эн и взвился над монитором, отчаянно хлопая крыльями. – Я Эрниксиан, Демон Врат! А мерзостный Полохов сделал из меня прокси-сервер. Как я должен к нему относиться?..

– Вероятно, плохо, – согласился Алей. – Но это не снимает с тебя твоих обязанностей.

И логика, и чутьё согласно подсказывали ему, что чем меньше сочувствия проявлять к демону, тем легче заставить его работать, и тем он безопасней.

– Обязанностей? – переспросил Эн и гаденько захихикал.

– Режь тоннель. Координаты параллели определишь сам, ты их знаешь.

– Ах, Алик, – сказал попугай и лицемерно вздохнул. – Ты, кажется, не осознал. Кто Вася, а кто ты? Вася, впрочем, этого тоже не осознаёт. Тем хуже для вас обоих.

– Это не твоя печаль. За работу.

Попугай сел на монитор и обиженно повернулся к Алею хвостом. Хвост оказался куцый, кем-то подранный. Не исключено, что самим Васей. «Или демонической кошкой какой-нибудь… – подумалось Алею. – Кто его знает, Полохова, каких он ещё демонов оприходовал».

– Это всё Вася виноват, – печально сказал Эн. – Я ненавижу Васю. Он отвратителен. Записал меня в прокси-сервера. Он меня спрашивал? Мне это надо? Я честный бес! Искуситель.

– Только что ты был Демоном Врат, – с подчёркнутой скукой заметил Алей.

– Одно другому не мешает, – с достоинством сказал Эн.

– Бесов не бывает, – хладнокровно сказал Алей. – Ты

туннелирующая сервис-программа с богатой фантазией.

Повисло молчание. Попугай смотрел в стену за монитором, напряжённо подрагивая хвостом. Алей смотрел попугаю в зелёную спину, уронив голову на руку. Он не испытывал ни малейшего сочувствия и понимал, что это правильно. Ещё минута, другая, и Эн должен был сдаться.

– Ненавижу Васю, – жалобно повторил Эн. И вдруг расправил крылья: – Алик, ты хоть догадался, что он твой Якорь и есть? И все твои неприятности из-за него? Ты ему веришь? Он тебя не любит. Из-за Осени. Он за Осень кого угодно порвёт, я-то знаю. А ты её даже не любишь. Ты клятву ей дал и нарушил. И наорал на неё к тому же. Алик, ты любишь кого-нибудь вообще? Ты ведь даже Инея не любишь. Тебе не найти его надо, а доказать всем, какой ты крутой. Ты очень крутой, Алик! Ты собственную мать презираешь…

– А тут мы замолчим, – мягко сказал Алей. – Это было грубо, очень грубо. Можно сказать, в молоко.

– Ну да, да, конечно, – легко согласился демон. – С этим Васей же всю квалификацию потеряешь. Ладно, что там у нас? Какие ключевые точки?

Алей улыбнулся. «Вот и ладушки, – подумал он. – Не так-то это сложно оказалось».

– Дверь, море, поезд, Ливень, – с расстановкой перечислял он. – Фонарь. Дача. Мне нужно туда, где наша дача цела.

– А здесь что с ней случилось?

– Сгорела.

Эн развернулся к нему и засмеялся.

– Эх, ты, – добродушно сказал он, – дырявая голова. Второе-то толкование цепочки пропустил.

– Какое ещё второе?

– Огонь, Подлистовье, дачный посёлок в лесу. Там мусор ещё валяется везде, помнишь? Полиэтилен. Ни о чём не говорит?

– Нет.

– Так я тебе растолкую. – Попугай перепорхнул с монитора на стол и задрал головёнку. – Алик, ты забыл об одном человеке.

– То есть? – Алей нахмурился.

– Тоже мне, лайфхакер… – пропел с хохотком демон-попугай и поиграл перьями на тонкой шейке. – Эх, Алик! Я предрекаю тебе массу неприятностей, надо сказать, не без удовольствия. Твои сожжённые останки найдут, или не найдут спустя годы в Подлистовье в полиэтиленовых пакетах. В нескольких. Возле железной дороги Листва-Ливень. Я даже могу уточнить, что под Бологим.

– Почему в нескольких? – рассеянно спросил Алей, глядя в

окно.

Эн опять промахивался мимо цели: он нёс уже совершеннейшую чушь.

– По частям, – ласково объяснил демон. – Потому что Летен Воронов – очень суровый человек. А ты его обманул.

И Алей подавился воздухом.

– Завтра, – радостно пищал демон, понимая, что попал в цель. – Он велел тебе позвонить ему завтра. Ты обещал взломать ему Предел? Обещал. Взломал? Хрен там! Ты его обманул, Алик, обманул, он тебя не простит!

Алей судорожно сглотнул.

Он забыл о Воронове, бандите, чудовищном госте. Но не могло быть надежды, что Воронов забыл о нём. «А если и забыл – Поляна напомнит, – подумал Алей в ужасе. – Осень, Осень, почему ты всегда права? Если я не позвоню завтра Воронову, он позвонит мне. А у меня – ничего. Для него у меня тоже нет новостей, и я не знаю, как он на это отреагирует… Нет у меня второго меня в запасе! Если Воронов разозлится, что тогда станет с Инькой? Если я не смогу ему помочь?..»

– Воронов, – пел демон, – сейчас для тебя куда более актуален. Папу твоего я уважаю, уважаю! Он тоже суровый человек! Ничего с его сыном не случится плохого, с младшим сыном, я разумею! А вот с тобой может случиться. Не успеет тебя выручить грозный папа, и будущее твоё – в полиэтиленовых пакетах!.. А-лечка, А-леч-ка!.. сладкая девочка!..

– Заткнись! – прошипел Алей, опомнившись. – Дрянь! В металл, сейчас же!..

Две секунды спустя на столе перед ним стоял металлический попугай.

Утро застало Обережа за компьютером. Он спал на столе, уронив голову на руки. Статуэтка попугая валялась, опрокинутая, в стороне. Давным-давно Алей отключил скринсейвер, и монитор перед ним бледно светился. На мониторе плыл по морю запросов Ялик – зелёная лодка.

История запросов Алея обогатилась за ночь на пару-тройку килобайт, но последний запрос не имел отношения к Летену Воронову.

В поисковой строке значилось «якорь», а под нею лилась по странице выдача. На нулевой позиции стояло:

«Словари: перевод «anchor» (англ.) — якорь, якорь спасения, символ надежды, железная связь, спортсмен, бегущий на последнем этапе».

Глава 7. SEO

SEO – англ. Search Engine Optimization, рус. поисковая оптимизация. Приёмы для улучшения позиции сайта в выдаче поисковика.

Алей опоздал на полчаса, но День Вьюгин не оскорбился. Как и Осень, ягуар был многозадачной системой и обычно решал пару-тройку проблем одновременно.

– Сам у себя время отнял, – только и сказал он Алею, когда тот, опухший и полубольной со сна, пробирался вдоль стены. – Сам на себя и обижайся.

Сидевшая у окна Осень ожгла Алея холодным взглядом. Алей старался на неё не смотреть, но всё равно почувствовал и поёжился.

Главная переговорка офиса казалась непомерно велика для компании в шесть человек. Половину её заполнял стеклянный стол, а вторая половина пустовала. Переговорку можно было при надобности разгородить ширмой, и потому она имела сразу два названия: справа значилась Правь, а слева – Навь. Со стены Прави смотрел белый пустой лик тканевого экрана для проектора, а в Нави рядком висели доски для рисования маркерами. Сейчас на них одним синим маркером был написан прекраснейший триптих, изображавший церковь Покрова на Нерли.

В светлых огромных окнах сияло небо, затянутое облаками, лучистое и недвижное, точно в Старице. Над подоконниками клонились деревья сада, волновались под ветром, шумели зелёным прибоем.

Алей стал на встрече шестым: Осень молча наблюдала за тем, как Стародубцев наставляет троих новичков. Новички выглядели серьёзно – напряжённые, сосредоточенные, но ничуть не растерянные. Вчетвером они устроились за дальним концом стола, под экраном: День Вьюгин – вольно откинувшись в кресле, неофиты – одинаково подавшись вперёд и облокотившись о колени.

Вид у ягуара был сытый и довольный.

– Ещё одна наша проблема, – говорил он, окидывая компанию беглым взглядом, – это зеркальный демон. У сайтов бывают полные зеркала, бывают полузеркала, бывают и вовсе сателлиты. Это понятно. Но чем выше сходство интернетов в разных параллелях, тем выше риск, что наш сайт будет склеен с почти таким же – чужим. И тогда шанс пользователя попасть туда, куда ему совсем не нужно, становится… более десяти процентов, если мне не изменяет память. Это катастрофа. Что делать?

Зеркальный демон со сна представился Алею тоже какой-то птицей, возможно, галкой. Только минуту спустя он вспомнил, что это просто сервисная программа, склейщик зеркал сайтов в базе Ялика. «Впрочем, – подумалось ему, – Эн тоже сервисная программа…»

– Проверить базу зеркал, – сказал один из новичков, стриженый «ёжиком» тощий блондин.

– Ты представляешь себе объём работ? Их миллионы!

– Не вручную! – вскинулся «ёжик». – Прогнать через семантический фильтр…

Ягуар добродушно фыркнул.

– Осень, казал он, – поправь меня, если я ошибаюсь, но фильтр отлавливает от силы два процента чужих зеркал. Хорошее качество он сейчас даёт только на больших текстах.

– Необязательно больших, – сказала Осень, – но обязательно связных. Мы сейчас работаем над запросным спамом, то есть над бессвязными текстами, и качество фильтрации там по-прежнему заметно ниже. А морды сайтов и порталов вообще довольно редко содержат массивы текста.

– Морды? – переспросил другой новичок.

– Главные страницы, – пояснил День Вьюгин. – Ладно, я не требую от вас мгновенного решения. Задача такая: нам нужен дополнительный фактор в наш фильтр, так сказать, ещё одно щупальце, выкидывающее из индекса чужие зеркала. Кто-то из вас будет этим заниматься под руководством Осени. Кто возьмётся? Задач несколько, делить будете сами, кому какая больше нравится.

– А-а, э-э, – протянул кто-то, – огласите, пожалуйста, весь список, – и ягуар снова расфыркался:

– Оглашаю.

Алея мучительно клонило в сон. Это его злило. Одно дело проспать в институте лекцию, которую можно потом и перекатать у кого-нибудь. Совсем другое – проспать встречу, на которой знаменитый Стародубцев ставит задачи. Осень, конечно, потом перескажет, но всё-таки… К тому же, ягуару можно задать вопросы, на которые Осень не ответит.

Алей плотно зажмурился, скрутил внутреннюю пружину и постарался принудить голову работать.

– К нам пришёл с проблемой сервис «Погода», – говорил Стародубцев. – Они сами не понимают, как это происходит, но у них путаются города. Хорошо, что у них страницы малоконтентные – температура, давление, сила ветра и прочее подобное. Синоптики ошибаются. Если к нам пролезает чужая погода, этого даже не замечает никто. Но к нам пролезают чужие

города. И погода для населённых пунктов, не существующих в нашем мире.

Ягуар зыркнул на новичков жёлтым глазом и умолк.

– Можно с большой долей уверенности утверждать, – продолжила Осень из своего угла, – что во Вселенной существует множество Яликов. Я думаю, что проблема Погоды аналогична проблеме с зеркалами. Склеиваются страницы нескольких Яликов. Но это только гипотеза. Возможно, дело в другом. Возможно, потребуется ещё один фактор для фильтра. Это вторая задача.

Бритый наголо и оттого похожий на бандита новичок понимающе помотал головой, ложась животом на колени и складываясь чуть не вдвое. В глубокой сосредоточенности он начал дёргать себя за шнурки кроссовок и тут же перестал напоминать бандита.

– И последнее, – сказал ягуар, – самое смешное. Смешное потому, что в данном случае мы точно знаем: у Мириады та же проблема. Но информация по Мириаде просочилась даже в официальные СМИ, а мы стоим все в белом. Почему же, спросите вы? А потому, что в сервисе «Карты мира» у нас работают несколько бывших эль-хакеров, которые такие штуки быстро вылавливают. Тем не менее, мы хотели бы снять с них эту работу, у них и без того хватает… В общем, это тоже история о чужих городах. Только на Картах контента намного больше. Начиная собственно с карт, заканчивая «жёлтыми страницами» этих городов и вакансиями в них. Это очень много и потому очень опасно для юзеров… Что касается Мириады, то вы должны были слышать о фантомном городе Арглтон в Великобритании.

– Да, – в один голос сказали двое, «бандит» и третий новичок, маленький сгорбленный парнишка. Потом парнишка добавил: – Мириада попыталась выдать его за ошибку фирмы, у которой купила карты. Неудачно как-то вышло.

– Вот я и говорю, что смешно, – назидательно отметил День Вьюгин. – Ладно, сейчас решайте, кто чем займётся, а я вам представлю коллегу. Из вашей рабочей группы. Алей Обережь, бывший эль-хакер… или даже настоящий.

Алей, успевший всё-таки прикорнуть на подоконнике, вздёрнулся с места и беспокойно заморгал. Ягуар сощурился, но комментировать не стал. В стороне едва приметно покачала головой Осень.

– Бывший, – невпопад сказал Алей. Почему-то у него сильно стучало сердце. – Бывший…

Он опомнился и прошёл вперёд, к Стародубцеву. Новички дружно поднялись с мест.

– Арзамасцев, – представился светловолосый. – Зовут Диск.

– Надо же… – выговорил Алей и осторожно уточнил: – Жёсткий, флоппи, дивиди?

Диск поднял брови.

– Когда меня называли, – сказал он печально и умудрённо, – это было в честь спорта и Древней Греции.

– Прошу прощения…

– Ладно, мир, – Арзамасцев протянул узкую ладонь, и они обменялись рукопожатием.

– Лог Хмыра, – сказал «бандит» почему-то угрожающе. – Хмыра фамилия, Лог – имя. И только попробуй пошутить про сервер.

– А что будет? – поинтересовался сутулый парнишка.

– Я запишу тебя в блокнотик, – вполголоса недоброжелательно пояснил Лог. Парнишка, не смутившись, понимающе покивал. Глаза его весело блестели.

– Я Металл Майоров, – сказал он, протягивая Алею руку. – Можно просто Талик.

– Талька тут уже прославился, – усмехнулся Диск, опускаясь в кресло.

– Да?

– Умение гадать по графикам метрик, – Стародубцев многозначительно поднял палец, – в жизни бесценно.

– Я ещё по факторам формулы умею, – улыбнулся Металл, – но надо карточки вырезать, чтобы раскладывать, как Таро.

– Младшие факторы и Старшие факторы, – сказал Стародубцев. – Я был поражён.

Металл, смеясь, в притворном смущении опустил длинные ресницы, пожал тем плечом, которое было ниже.

«Лайфхакер», – с дрожью внезапного узнавания подумал Алей. Профессиональное чутьё пробудилось и окатило его, будто кипятком. Он смотрел в весёлое и умное лицо малорослого паренька и видел до боли знакомое: бесчисленные ассоциативные поиски, узлы и ячеи Великой Сети, взломанные Пределы.

Ещё он понял, что Металл не сутулый, а просто горбатый, и его стало жалко, и грустно стало оттого, что так не повезло человеку.

«Лайфхакер, – напряжённо проговорил Алей в мыслях. – Из первой десятки. По меньшей мере в Росе, а может, и больше… Я могу его знать по форуму. Как бы выяснить, ходит он на наш форум или нет? Я как-нибудь подойду, надо не забыть. Да мы же вместе работать будем. Здорово…»

– Ладно, – сказал ягуар и посмотрел на часы. – Иволга уже пришла или вот-вот придёт. Идите к ней, она вас отведёт в рейд.

– Куда? – вскинулся «бандит» Лог.

– Увидишь, – хмыкнул День Вьюгин и внезапно развернулся на кресле к Алею. – А ты, студент, что, сессию сдаёшь?

– С-сдаю, – ответил Алей, запнувшись.

Он настолько одурел от недосыпа и волнения, что только задним числом понял: соврал. Алей замялся, но Стародубцев понял его по-своему и только фыркнул.

– Отпуск берёшь?

– Беру.

– Заявление отнёс уже?

– Нет, сегодня собирался.

– Ясно, – сказал Стародубцев, вперившись Алею в глаза. – Жаль, что ты опоздал, мы тут интересные вещи обсуждали. Но не беда, сейчас обсудим ещё более интересные. Парни, – он кинул взгляд на новичков, – свободны, к Иволге.

Те закивали и гуськом направились к двери.

Алей ждал.

– Да ты садись, садись, – сказал ягуар. – Осень, иди, что ли, поближе.

Осень перебралась на место Диска.

Стародубцев помолчал, пожевал тонкие губы. Жёлтый огонь его глаз притих и будто бы ушёл вовнутрь.

– Админ выдал тебе проксидемона, – произнёс, наконец, День Вьюгин. – Осень сказала, что твой брат угодил в материальный тоннель. И тоннель возник независимо от Ялика.

– Да.

Ягуар вздохнул и поднялся с кресла. Отошёл к окну, гибко по-кошачьи потянулся, прогнув поясницу.

– Сурово, – пробормотал он, – сурово и мощно… Алей, ты когда-нибудь плёл Великую Сеть?

– Плёл, День Вьюгин.

– Хорошо. Задача у тебя стоит близкая по сложности. Через прокси по реальностям ходить опасно.

– Я уже понял, – хмуро ответил Алей.

– Умный, стало быть… Я ходил через прокси несколько раз, и каждый раз оказывался на волосок от того, чтобы застрять. На самом деле проблема не в нас, а в админах. Они демонами не пользуются, поэтому толком не знают, как с ними обращаться.

«Вот уж точно, – подумал Алей с досадой. – Философские концепции вместо мануалов – это оригинально».

– Кроме того, у админов допуски другие, возможности другие… – вслух размышлял ягуар. – Для них вызвать демона действительно то же самое, что для нас запустить приложение.

– День Вьюгин, – начала Осень, – пожалуйста…

Тот поднял руку, точно отодвигая слова Осени, вернулся к креслу и сел.

– Слушай, – вполголоса спросил он Алея, – ты уже пробовал работать? Только честно.

Алей покосился на Осень и прикусил губу. Но врать было себе дороже, и он ответил честно:

– Пробовал.

Осень медленно подняла золотую бровь. Глаза её на миг подёрнулись ледком, а потом утратили выражение и превратились в сенсорные камеры киборга.

– Пробовал спорить? Молчать? Отбрехиваться? – допытывался Стародубцев.

Алей поперхнулся.

– Скорее последнее, – признался он с кривой усмешкой.

– Ну-ну, – ягуар покачал головой. – И как результат?

– Ну как сказать… – Алей поморщился и уставился в пол. – Нулевой по сути. Э-э… Отрицательный.

– Вот само собой, – кивнул День Вьюгин и подался вперёд, глянул исподлобья. Жёлтые кошачьи глаза бледно блеснули. – Как ни удивительно это прозвучит, но его надо переспорить.

– То есть? – Алей моргнул.

Стародубцев понимающе скосил рот.

– Да, верно, совсем переспорить его нельзя. Но можно загнать в угол. Загнанный в угол демон начинает выполнять команды. Не дёргайся так, Алей, – ягуар белозубо улыбнулся, – это правда возможно. Интеллект у них по стандартной шкале примерно сотня, не выше. У нас, я так скромно прикидываю, посущественней. Не надо стремиться поставить мат, достаточно патовой ситуации. Покидайся парадоксами, почаще отвечай «ну и что?» Есть ещё приёмчик: не обращаться к нему прямо, выражаться назывными и инфинитивами. «Резать тоннель», «открывать путь». Приказы демона раздражают, не бери пример с админа, ему можно.

Алей выпрямился и перевёл дух.

– Понял свою ошибку.

– Умный, – одобрительно сказал ягуар.

– День Вьюгин, я пойду, – вмешалась Осень, подчёркнуто обращаясь только к Стародубцеву. Алея в её поле зрения не существовало. – У меня скоро совещание.

– Удачи, – кивнул ягуар ей вслед и снова глянул на Алея ласково и жёстко, будто упёр ему в лоб острый палец. – И ещё, Алей: никогда не теряй присутствия духа.

Алей улыбнулся. Стародубцев зафыркал в ответ, сощуриваясь, в глазах его метнулись две молнии, и почудилось:

пятнистый хвост встал трубой над чёрным офисным креслом.

Вчерашней ночью, несмотря на все усилия, код для Летена Алей так и не дописал. Ключевых точек оказалось слишком много – необычайно много, как бы не больше тысячи. Того, что Алей успел отыскать, не хватало даже для фальшивой цепочки. Собирайся он отдавать Воронову цепочку подлинную, сейчас как раз сравнялось бы полработы.

И все его точки были абстрактны, почти все – однословны: не образы, не метафоры – простые понятия. Чем дальше продвигался Алей, тем яснее он понимал, какая великая перед ним бездна и мощь. «Невообразимый масштаб личности», – думалось ему. Но стоило с этим согласиться, как на следующем звене ассоциативного ряда Алей видел Летена обыкновенным бандитом.

Сначала двойственность казалась естественной, как любая двойственность, но потом начала пугать. Одно состояние сменяло другое в произвольном ритме. Непредсказуемость всё портила, словно прорубала ухабы на торжественном царском пути. Потихоньку Алей начал проверять гипотезу о том, что Запредельное для Воронова – это прежде всего запредельный самоконтроль…

Возможно, в Старице он бы поработал успешнее. Но после беседы с Эном Алей опасался уходить туда. Он не понимал причин тревоги, так диктовало чутьё. Чутью же он привык верить.

Под утро Алей размышлял уже не над тем, как составить цепочку ложного Предела, а над тем, когда Воронову звонить и что ему сказать. По здравому размышлению он решил, что не так всё страшно. Вася предупреждал: Эн может врать. И про полиэтиленовые пакеты он наверняка врал. Алей бы увидел второе толкование, если бы оно у ключей было. Но Эн был прав в том, что Воронов опасен.

«Лучше его не злить», – подумал Алей и сам с собой согласился.

Мысль о возможных вторых толкованиях поисковых цепочек заставила его ещё раз спросить, что имел в виду админ, говоря о Якоре как анкоре, текстовом описании ссылки. Он спросил у Ялика, и Ялик отдал ответ своих Словарей. «Символ надежды, железная связь, – мысленно повторил Алей, – это понятно, а спортсмен? Это тоже неспроста. Что это значит?» Впрочем, вопрос сейчас по срочности точно находился где-то в десятой очереди.

…Мимо него прошли в бухгалтерию секретарша Тайна и Вера Тишина, начальница секретариата. Обе мило улыбнулись и состроили глазки; Алей поздоровался, но глазок не заметил. Он

был занят. Он спал стоя у стены, во сне размышлял о Пределах, смыслах и демонах, искал взглядом кадровичку, а в руках теребил заявление об отпуске и с трудом удерживался, чтобы не начать отгрызать от него уголочки. В зубах, по крайней мере, он этот ценный подписанный листочек уже пару раз зажимал.

«Вася – мой Якорь, – думал он, переминаясь с ноги на ногу. – Якорь создаёт тоннель. Обманку, неполную Вселенную, которая представляется настоящей. Это значит, что я не вижу чего-то в мире, чего-то не понимаю. Может, мне нужно найти собственный Предел? Может, я уже близок к этому? Я взломаю Предел себе, и всё станет проще. А может, и нет… Хорошо бы у Васи спросить».

Тут Алей наконец решился и, отбросив колебания, сел на пол. После такого манёвра кадровичка обязана была выскочить из-за угла и обиженно заявить, что выходила на три минуты. Но она не появилась, и Алей вернулся в полудрёму.

Теперь он думал о брате.

Да, Эн мог врать. Мог говорить правду. С самыми худшими намерениями… Он сказал, что уважает Ясеня, что Ясень грозен не менее чем даже Воронов. Это была ложь или истина? И какое зло в ней крылось? Что, если всё иначе, папа не хочет ничего плохого, братишке грозит иная, неизвестная опасность, а демон заставляет Алея думать о другом и тянуть время?

Что, если правда?

В кого мог превратиться Ясень за десять лет своего посмертия? Человек, который ушёл в Старицу и остался там? Который сотворяет с живыми и нечужими ему людьми – такое?

Алея терзал вопрос, как вообще отец мог узнать о Старице. Десять лет назад Ялик только появился и не очень-то напоминал теперешний. «Какой админ выдал папе код и зачем? – гадал Алей. – Или не было никакого админа? Теоретически к Старице может попасть любой человек, и любой может выйти к Реке. Папа – из тех, кто сумел? Папа видел Реку Имён? Что случается с тем, кто видит её?» Раньше Алей полагал, что видевший Реку становится кем-то вроде просветлённого, но теперь сомневался и в этом.

Загадки, бесчисленные загадки Старицы…

«Если я взломаю свой Предел, я выйду к Реке?»

Кадровичка вернулась. Алей с облегчением отдал ей листок, автоматически улыбнулся, кивнул и отправился домой.

По дороге его посетила новая идея. Может быть, Эн, подлый демон-попугай добивался только одного: чтобы Алей увяз в рассуждениях о возможных и таинственных реальностях зелёного мира и забыл о реальности мира обычного? «…данного нам в ощущениях, – закончил Алей про себя, спускаясь в метро. – Когда лучше позвонить Воронову, сейчас или к концу рабочего дня? И

сколько времени у него просить? Эн мне не подчиняется. Сложновато будет переломить ситуацию. Если даже Дню Вьюгину было сложно, а он… он – ягуар. И мне надо сначала выручить Иньку, в любом случае, только потом заниматься Вороновым. Может, через Поляну его попросить? Поляна мне всегда поможет, а он не откажет Поляне…»

– Алей, – донеслось вдруг сквозь шум идущего поезда. – Алей, привет!

Алей открыл глаза и увидел, что перед ним стоит, задрав голову и едва дотягиваясь до его плеча, горбатый Металл Майоров.

– Привет, – удивлённо сказал Алей, – а ты не пошёл с Иволгой?

– Иволга приболела, плохо себя чувствует. Она отпросилась сегодня. Парни пошли принимать другие дела, а на меня ноутбука не хватило. Завтра только привезут, сказали. Меня же только вчера на работу приняли.

– А, понятно.

– Здорово, что мы пересеклись, – дружелюбно сказал Металл. – Я сразу понял, что ты лайфхакер.

«Не «эль-хакер», – отметил Алей, – значит, из нового поколения», – и сразу ощутил к Металлу симпатию. У старых специалистов всегда водились какие-нибудь неприятные предубеждения. И высокомерными не по-хорошему они частенько бывали.

– Аналогично, – ответил Алей с улыбкой.

– Ты на форуме бываешь?

– Одно время я там жил. И сейчас захожу.

– А кто ты там?

– Улаан-тайдзи.

– Вау! – Металл присвистнул, глаза его округлились, брови полезли на лоб. – Польщён, блик, я польщён! – и он затряс Алееву руку, отмечая второе, настоящее знакомство. – А я Минамото Дейрдре.

– Очень приятно, – механически улыбнулся Алей, и только потом до него дошло.

Он разинул рот и уставился на маленького Металла в предельном изумлении.

– Дейрдре? Ты?! Блик, да мы давно знакомы!

– Ага! – смеялся Металл. – Даже дружим. Вроде как.

– Ты мне столько советов хороших дал, я тебе обязан даже, Талька.

– Да ну тебя, Алик, чего ж не помочь…

– А зачем ты девушкой зарегистрировался?

– Играю, – Металл пожал низким плечом. – Она красивая умная девушка, а я маленький страшный пацан. Прикольно…

Алей смущённо опустил взгляд и услышал невозмутимое:

– Помнишь Сержанта?

– Конечно.

– Он женщина.

– Что?!

– Правда, она капитан милиции, – Металл весь превратился в улыбку. – Так что это не совсем враньё. И она действительно служила на Камчатке.

– Круто, – помотал головой Алей. – Ты просто меняешь мою картину мира.

– Может, пригодится, – фыркнул Металл, – Предел ломать.

Алея вдруг захватила странная мысль.

– А ты?..

– Да, – просто ответил Майоров.

– И… – Алей растерялся, – как?

Металл прикрыл глаза.

– У меня не так здорово вышло, как обычно бывает. Но это, скорее, от человека зависит… Когда над чем-то по жизни напрягаешься, даже за Пределом продолжаешь напрягаться. Всё в голове, Алик.

– Понятно,– медленно ответил Алей.

– Зато я могу давать ценные указания, – улыбнулся Металл. – Всегда хотел уметь давать советы.

– Ты умеешь.

– Знаю. По-моему, тебе сейчас выходить.

– Чутьё? – с улыбкой уточнил Алей: Металл был прав.

– Ага. Счастливо. И… всё будет хорошо. Правда.

– Спасибо, – сказал Алей, и, уже выйдя из вагона, через окно ещё раз помахал на прощание своей виртуальной подруге.

«Надо же, блик!.. – хмыкал он. – Блик!» По дороге домой он то и дело встряхивал головой и смеялся. История Сержанта поразила его более всего: Сержант казался поистине брутальным мужчиной. Но в интернете возможно всё, а чем больше параллельных интернетов сходится в одной точке, тем больше возможно… «Наверно, – предположил Алей, – где-нибудь Сержант на самом деле мужчина. А Дейрдре на самом деле женщина. Интересно было бы на них посмотреть».

Облака просыпали пригоршню дождевых капель. Алей вскинул взгляд на небо. «Как там Иней? – подумалось ему. – Какая… погода – там? Может, холодно? Дождь? Вообще зима, а не лето? Папа, ну почему ты приходил – так? Зачем тебе надо было

исчезать снова? Я же тоже… я тоже мечтал тебя видеть».

Шумели деревья в скверах Старого Пухово. Здесь и там окна домов отворялись, впуская в тени квартир свежий ветер. В середине дня по дворам бегали только дети, счастливые наступившим летом и каникулами. «Лето пришло, – подумал Алей, – а я не заметил».

– Витя! Витя! – надрывалась в окне пятого этажа Витина мама. – Иди обедать!

– Ну мам! Ну ещё чуточку!

– Витя, иди обедать, суп стынет!

– Ну ма-ам!..

– Завиток Радостин, немедленно идите домой!

По узкому проулку перед домом Алея медленно двигалась тяжёлая чёрная машина. «Комаровский папа», – определил он, а в следующий миг увидел и Комарова-младшего с собакой Лушей.

Лёнька заметил его раньше и уже мчался наперерез.

Алей улыбнулся, но улыбка его быстро истаяла. «Сейчас спросит, где Инька», – понял он, и на душе стало нехорошо. Надо быстро изобретать какое-нибудь враньё, хоть противно и тошно врать Клёну…

– А-а-алик! – заорал Лёнька издалека. – Привет, Алик! Ты как? Хорошо, что ты тут! А то бы я до вечера тебя ждал!

– Что? Лёнь, ты с ума сошёл? – Алей ускорил шаг.

– Алик, а когда Иня вернётся?

Алей остановился, и Клён с Лушей налетели на него, как перехватчики на цель: с двух сторон взяли в клещи.

– Что? – переспросил он, отстраняя заполошного Лёньку.

– Алик, когда Иня вернётся? – требовательно закричал Клён, от волнения подпрыгивая на месте. Колли поскуливала и пыталась встать лапами Алею на грудь, он с трудом от неё отмахивался. – Ну, из лагеря своего?

– Из лагеря?

– Ну, он же в лагерь летний уехал, тётя Весела сказала. Его насильно услали, да? Он мне ничего не говорил. Это Лев Ночин его услал? В кадетский лагерь, да? Чтоб он был как пацан? А я бы с ним поехал! Мы же друзья! Даже в кадетский поехал, пускай бы меня тоже постригли, потому что друг должен быть рядом! Правда, Алик? Скажи, правда? Друг всегда рядом!.. Зачем его услали без меня?!

– Лёнь, замолчи, пожалуйста… – пробормотал Алей. Он чувствовал некоторое облегчение: мама придумала всё за него.

– Алик, ну когда Иня вернётся?

Алей глубоко вздохнул.

– Я не знал, что его услали в лагерь, – медленно ответил он и

заставил себя взглянуть в молящие, потерянные глаза доброго Лёньки. – Я туда позвоню. Если Ине там не понравится, я сразу его заберу.

– Ага! – выдохнул Лёнька. На ресницах его вдруг закипели слёзы. Алей пересилил себя и ободряюще улыбнулся, потрепал его по макушке.

– А может, – сказал он, присев на корточки, – может, Ине там понравится. Тогда он чуть попозже приедет. Ты не обидишься, если он приедет чуть попозже?

– Нет, – тихо ответил Клён, – не обижусь.

«Инька, Инька, – думал Алей, – от Шишова ты сбежал и маму бросил, а как же ты Лёньку-то бросил? Как забыл о нём? Он тут без тебя… как часовой, у которого знамя пропало. Что ж ты так, Иня».

Он выпрямился: подходила мама Лёньки, рыжая, красивая Изморось Надеждина. Она коротко посмотрела на Алея и надменно извинилась перед ним.

– Клён, – сказала она сыну, – пойдём домой. Папа очень недоволен. Мы искали тебя четыре часа.

Губы Лёньки сошлись в ниточку. Он обернулся к матери и выпрямил спину.

– Мама, – твёрдо и спокойно ответил он, – я гулял с собакой.

– Алея Веселина ты доставал, – сухо бросила Изморось.

– Нет-нет, – поторопился Алей, – я только возвращался с работы. Изморось Надеждина, Лёня хороший мальчик…

– Лёня ушёл гулять и пропал. Мы чуть с ума не сошли, – ответила Изморось устало и зло. – Уже готовы были в больницы и морги звонить. А он мобильник посеял где-то. Лёня, идём.

– Хорошо, – чужим, ровным голосом сказал Комаров.

Мать взяла его за руку, и он вдруг порывисто глянул на Алея, вскинул брови, несчастный, одинокий, и попросил:

– Алик, а ты когда Ине позвонишь, ты мне позвони, пожалуйста, ладно? Ты мне скажи, когда он вернётся!

Алей сглотнул комок в горле.

– Обещаю, Лёня.

– Спасибо!

Изморось перехватила его за руку крепче и увела. Алей покачал головой.

Он стоял и смотрел им вслед, и ветер донёс негромкий голос Лёнькиной матери:

– Что ты к нему прилип, к своему Инею? Ходишь за ним как… верный рыцарь. Лучше бы за девочкой какой ходил.

– Да они все дуры! – изумлённо сказал Лёнька.

– А Иня твой, значит, умный? Троечник. Не связывайся с ним.

И к Алею больше не приставай. Они нищеброды.

Лёнька вырвал у неё руку.

– Отстань! – крикнул он. – Что ты пристала! Отстань от меня!

– Как ты с матерью разговариваешь? – еще тише процедила та.

Дальше слушать Алей не желал. Он сжал зубы и недобро вздёрнул верхнюю губу. Изморось ему никогда не нравилась. Он подумал, что Лёньке не повезло с родителями, и ещё раз удивился, как у таких родителей мог родиться солнечный человечек Лёнька…

А машина папы-Комарова застряла в проулке.

Навстречу ей двигалась другая машина – ещё больше, ещё тяжелей и, казалось, ещё чернее.

Напротив подъезда кто-то из соседей припарковал старую «Волжанку». Хотя «Волжанка» наполовину стояла на газоне, место на дороге всё равно оставалось только для одной некрупной машины. Два внедорожника здесь никак разъехаться не могли. Один должен был дать задний ход.

Комаровский папа высунулся в окно и выругал нового гостя. Он подъехал раньше, теперь выбирался из двора, и его обязаны были выпустить.

Чтобы попасть домой, Алею пришлось бы пройти мимо них. Алей остановился в стороне. Он предпочитал переждать. В Старом Пухово нечасто разъезжали внедорожники, тем более – такие. Конечно, можно было надеяться, что это незнакомец на похожей машине… Алей помнил её. На такой приезжали к нему Поляна и Летен Истин.

Комаров оглушительно просигналил.

Громада, похожая на чёрный танк, не шелохнулась.

Комаров просигналил снова, и тогда Воронов вышел и хлопнул дверцей.

– Что такое? – потребовал он.

Воцарилась тишина. Даже дети на площадке умолкли.

Комаровский папа спал с лица. Голова его скрылась, он быстро поднял стекло и дал задний ход. Изморось, стоявшая на площадке, крепко перехватила руку Клёна повыше кисти. Комарову-старшему пришлось по новой припарковаться на пятачке между гаражами, чтобы пропустить во двор внедорожник Летена. Изморось мгновенно затолкала Лёньку в машину и нырнула за ним сама. Всё рыжее семейство притаилось там, будто в норе. Будто их вовсе не было.

«Вот два волка, – подумалось Алею, – один помельче, второй – матёрый… Хотя тоже вопрос, насчет волков-то. Комаров –

бизнесмен, Воронов – бандит. Ну пусть бывший. У него на лице написано, что он бандит. И на капоте тоже написано. Наверняка в девяностые Комаровы имели дело с этой породой. Господи, с кем я связался, с кем я связал Поляну! Чёрт меня подери…»

Забыв о существовании Комарова, Летен припарковался и вышел из машины. Алей не двинулся с места: уже поздно было скрываться, да и ни к чему. Он только удивился, что Воронов оказался здесь в такой час. «Наверно, Поляну навестить приехал», – догадался он.

– Здравствуйте, Алей Веселин, – сказал Воронов. – Хорошо, что я вас застал.

Алей молчал. Летен шёл к нему, и он смотрел на громадного Воронова как завороженный. Как кролик на удава.

– Я к Поляне решил наведаться, – сказал Летен Истин, подтверждая Алееву догадку. – С парковкой тут беда, улицы узкие. Я вас, помнится, просил сегодня позвонить.

Алей едва заставил себя ответить. Сила Воронова казалась какой-то огромной, чугунной, чёрной тяжестью, физически реальной, как тяжесть его машины. Только что она наваливалась на злосчастного Комарова, и она ещё не вернулась туда, где Летен придерживал её до надобности. Воронов надвигался, как грозовой фронт. Алей обладал слишком тонким и изощрённым чутьём, чтобы никак не реагировать на подобное. Он не боялся, но близость кого-то настолько могучего всё равно его цепенила.

«Танки, – вспомнились ему найденные ключевые точки. – Идол. Культ армии и культ личности… Гранит – как твёрдость духа и как памятники. Металл… а вот у металла-то два толкования, – неожиданно подумал он. – Есть у меня один знакомый Металл. Может, Дейрдре что-то подскажет?..»

Летен скупо улыбнулся, и ощущение надвигавшейся тьмы ушло – так отступают при отливе океанские воды.

– Д-да, – наконец, выговорил Алей. – Я собирался…

– Я считаю, личная встреча всегда лучше телефонного разговора.

– Д-да.

– У вас есть для меня информация?

Алей судорожно сглотнул.

– Д-да. То есть…

Летен спокойно кивнул.

– Давайте зайдём куда-нибудь. К вам. Или ко мне в машину.

Алей совершенно не жаждал снова видеть его у себя дома, но садиться к Воронову в машину хотел ещё меньше. Нет, он не боялся. Просто находиться рядом с Вороновым само по себе становилось для него испытанием. Оказаться на его территории

было бы ещё тяжелее.

– Да, – повторил Алей, – пожалуйста… Давайте зайдём ко мне.

На этот раз, входя в его маленькую квартирку, Воронов не излучал ни скепсиса, ни насмешки. Только уважение. Алей удивлялся тому, как чётко понимает его чувства. Выражение лица у Воронова менялось редко, мимика его не отличалась богатством. Настолько тонко и ясно Алей чувствовал людей, когда искал их кодовые цепочки в их присутствии, но ни разу – просто так. Возможно, дело было в сокрушающей властности Летена, страшной мощи его духа, которая словно бы превращалась в агрессивный химический агент и прожигала чужие психические защиты…

Алей незаметно сделал глубокий вдох. Приходилось справляться.

Летен сел в кресло, сложил на коленях большие руки. На миг Алей увидел в его ладонях револьвер – маленький, словно игрушечный. Сморгнул, мотнул головой – видение исчезло.

Он встал перед Летеном, немедля ощутил себя неловко и сел на тахту.

– Летен Истин, – начал он сбивчиво, – я прошу прощения…

– Ничего страшного.

– Нет… я прошу прощения, что отнимаю у вас время… то есть, я хотел сказать, что затягиваю с ответом. Не ответом, а…

– Я понял.

Алей вздрогнул. Летен наклонил голову к плечу, глянул пытливо.

– Вы не нашли мой код, – докончил он.

Алей напряжённо выпрямил спину.

– Нашёл, не целиком. Понимаете… цепочка должна быть полной, чтобы ей воспользоваться. Я закончу работу, обязательно… мне не хватило времени…

Он осёкся. Выражение лица Летена не менялось. Воронов поразмыслил, едва заметно сощурился и спросил:

– Алей Веселин, у вас проблемы?

– Что?! – в растерянности выронил Алей. – Да, то есть нет… то есть я хочу сказать…

Взгляд его сам собой приклеился к железному попугаю: проксидемон, задрав лапки, валялся на углу компьютерного стола. Алей понимал, что Летен не хочет на него давить. Нервы взыгрывали сейчас вовсе не из-за Воронова. «Эн? – в ужасе спросил Алей кого-то невидимого. – Подлая тварь не спит?»

– У вас проблемы, – Летен медленно кивнул. – Серьёзные?

– Да, – беспомощно ответил Алей. Дыхание сбивалось. Он

опустил взгляд, выламывая пальцы, потом поднял, словно повинуясь чужой воле, и посмотрел Летену в глаза.

Незлые глаза.

Голубые, глубоко посаженные глаза Воронова, казалось, выражали заботу.

– Расскажите, – велел Летен.

Алей стиснул зубы, пытаясь совладать с нервами, – и вдруг ощутил бессилие. «Его нельзя обмануть, – понял он, глядя в лицо Воронову. – От него ничего нельзя скрыть. Он и без взлома Предела многое может».

– Я… – Алей глубоко вдохнул, выдохнул и признался, точно бросился головой вниз в штормовую волну: – У меня пропал брат. Младший. Маленький.

– Не вернулся домой?

– Да.

– Сколько времени прошло?

– С вечера понедельника.

– Вы обзвонили больницы и морги?

Алей подавился воздухом, но ответил:

– Оперуполномоченный проверил.

– Объявили в розыск, – утвердительно сказал Летен.

– Да.

Летен задумался. Алей беспокойно смотрел на него. Он будто ждал от Воронова какого-то важного ответа. «Что это со мной?» – смутно удивился он, но додумать мысль не успел.

– Вы, – медленно сказал Летен, – поисковик-профессионал. Человек, который может найти что угодно. И вы не знаете, где сейчас находится ваш брат.

Алей ссутулился и заслонил ладонью глаза.

Он знал. Но он совершенно не знал, как рассказать об этом Воронову. Посвящать его в полуфантастические подробности тоннельных перемещений по параллелям и работы с проксидемонами он никак не мог, да Летен бы и не поверил. Но обмануть Летена не сумел бы никто. По крайней мере, в этой параллели.

– Я знаю, – сказал, наконец, Алей. – Но у меня проблемы… Очень большие проблемы, Летен Истин.

А Воронов понял его на свой лад.

Он помолчал. В его взгляде не было ни разочарования, ни гнева, ни пренебрежения. Не знай Алей, что перед ним тот самый Воронов, решил бы, что видит сочувствие. Или то и было сочувствие своего рода, растворённое в спокойной жестокости и стальной воле к власти.

– Если возникнут проблемы с милицией, – сказал Воронов, –

или нужно будет собрать выкуп, обратитесь ко мне. Я всё решу.

И Алей растерялся.

– Вы…

Воронов кивнул.

– Я понимаю, что вы не можете сосредоточиться на моей задаче, пока не выручите брата. Не тревожьтесь из-за меня. Брат важнее. Если я могу чем-то помочь, обращайтесь смело.

Алей туповато смотрел на него. Он ждал чего угодно, но не этого.

Пришло на ум, что чутьё под конец всё-таки изменило ему. Но немедля Алей понял: всё точно наоборот. Интуиция только начала раскручивать свой маховик, разведывать глубинные пласты смыслов. Ситуация гораздо сложнее, чем кажется. Он, Алей, на пороге того, чтобы увидеть нечто важное, намного важнее даже внезапной Летеновой человечности.

Летен помедлил.

– Я не хочу обращаться к другому лайфхакеру, – сказал он. – Я помню впечатление, которое произвёл на вас мой Предел. Я хочу, чтобы его характер остался тайной. Вы понимаете?

– Разумеется! – поторопился Алей. – Существует профессиональная этика. Я мог бы раскрыть сущность вашего Предела после взлома…

– Не стоит.

– …перед коллегами и клиентами, как свидетельство качества моей работы. Но конфиденциальность важнее. Достаточно одного вашего желания, чтобы всё, в том числе факт вашего обращения ко мне, осталось в тайне. А до взлома я просто не могу ни о чём говорить.

– Это хорошо. Ни о чём не говорите.

– Да, – Алей неслышно перевёл дух.

Всё-таки он очень устал и давно не спал нормально… Силы и выдержка заканчивались слишком быстро. Говорить с Летеном было тяжело, а говорить одновременно с ним и с собственными предчувствиями – задача не для человека, вымотавшегося вконец, сонного и, кажется, голодного. «Блик! – вдруг вспомнил Алей. – Я же второй день не ем! Я только у Васи пустой чай пил. Блик, да вот в чём всё дело! Конечно, меня ветром сдувает».

Летен сдержанно улыбнулся.

– Я подожду, – сказал он. – Вы сейчас не можете заниматься моим делом. Это нормально. Но я хочу, чтобы вы как можно скорее решили проблему с братом. Поэтому я предлагаю вам помощь. Насколько я понял, вы его уже нашли, препятствие в другом. Нужны деньги? Сила, в том числе вооружённая? Нужно

обойти закон или беззаконие? Алей Веселин, скажите прямо. Так будет гораздо проще. Никаких дополнительных проблем я вам не создам.

Алей прикрыл глаза. Сердце ёкало. Летен говорил правду: он мог всё. Уже сейчас. Главной ключевой точкой в его коде значилось – «хозяин»…

– Нет, – сказал Алей. – Спасибо вам, Летен Истин. Пока что… помощь не нужна. Но если станет нужна, я… позвоню вам.

– Хорошо, – сказал Воронов. – Тогда до свидания, Алей Веселин. Я передам Поляне привет.

И он ушёл, мягко прикрыв за собой дверь.

Когда Алей запер за ним и привалился спиной к дерматину обивки, его одолело жестокое головокружение. Слабость, как вода, подтапливала колени и поднималась к кистям рук. «Нужно поспать, – подумал Алей, чувствуя, что сейчас сползёт на половичок у двери и заснёт прямо на нём. – Только сначала поесть. А то опять забуду. Ещё хуже станет…» Его хватило только на то, чтобы вскипятить чайник и намазать маслом зачерствевшую булку. Дожевав её, он прошатался к тахте, завернулся в плед и вмиг свалился в глубокий, тяжёлый сон без сновидений.

Проснулся он спустя четыре часа. Было без двух минут семь. Кинув взгляд на циферблат, Алей вспомнил, что назавтра в институте значилась какая-то консультация, и немедленно об этом забыл.

На столе ждал проклятый железный попугай. Для вещи по сути живой он выглядел слишком грубо сделанным; тем не менее, нутро его имело чрезвычайно хитрое устройство… «Ничего, – решительно пообещал себе Алей, – справимся». Он постоял немного над столом: разглядывал попугая, но руками не трогал. Потом отправился в ванную.

Он принял душ и переоделся, перекусил, напился кофе. Включил компьютер, проверил почту и минут двадцать почитал форум. За последние дни он много раз кидался действовать, очертя голову, и ничего хорошего, кроме плохого, из этого не получилось. Надо было менять метод.

Алей откинулся на спинку кресла и взял попугая в ладони. Ощутил холод металла, остроту клюва и зазубрин, схематично изображавших перья, – и запустил предельный поиск.

Проксидемон.

Эн.

Эрниксиан, Демон Врат, бес-искуситель, туннелирующая сервис-программа Васи Полохова.

Вася-администратор, Якорь Алея и неведомого множества других людей и существ. Якорь надежды, железная связь…

Связь. Цепь, которую можно порвать, которую нужно порвать, выходя за Предел. Спортсмен, бегущий на последнем этапе, раньше или позже рвёт грудью финишную ленточку.

Ленточка, лента, синяя, тёмная, искрящаяся, текучая… река. Таинственная, легендарная Река Имён.

Старица.

«Надо всё-таки идти в Старицу. Без Эна, – предположил Алей. – Там я быстрее найду, как с ним совладать».

Но он уже однажды выходил в Старицу с помощью проксидемона, сейчас попугай был рядом и следил за Алеем сквозь свой металлический сон, капризничал, морочил голову, заплетал в узелок путеводную нить… путеводную ленту Реки Имён.

«Вот оно как, – понял Обережь. – Действительно, сначала надо разобраться с Эном, но лучше обойтись без помощи, потому что это будет помощь самого Эна. Что ж! Раз нельзя в Старицу, примемся работать по старинке». Он отложил в сторону тяжёлую литую фигурку, опустил пальцы на мышь и открыл главную страницу Ялика, вечно плывущего по реке запросов.

…И поиск не потребовался. Образ вьющейся ленты-реки вмиг, будто собственной волей перетёк в бесконечно далёкую ассоциацию. Ялик плыл по реке: по пользовательским запросам к системе.

Вопрос.

Решение заключалось в вопросе, точнее, вопросах, и это был первый ответ. Алей откинулся на спинку кресла, терзая нижнюю губу. «В Одессе все отвечают вопросом на вопрос», – мелькнула не то поговорка, не то старая шутка; так и следовало поступать, беседуя с демоном. Ни с чем не соглашаться, ничего не отрицать, только спрашивать, спрашивать, спрашивать… «Почаще интересуйся: «ну и что?» – вспомнил Алей советы Стародубцева и фыркнул, невольно подражая ягуару.

– Нет, – резюмировал он вслух, – ну-и-чтокать мы будем только в крайнем случае. Обойдёмся чем поинтереснее…

«Эн станет болтать, – закончил он про себя. – Может, скажет что-нибудь важное. Или многозначительно соврёт. А я лайфхакер, в конце концов, или нет? Я пойму. Если не пойму – поиграю с ассоциациями». Пару раз Алей и экзамены таким образом сдавал: ловил халяву, предельным поиском находя ответы. Не только с задачами удавалось справиться, даже с теоретическими вопросами. А разобраться в словесном мельтешении проксидемона должно быть проще, чем составить ответ по билету,

который первый раз в жизни видишь.

Алей покрутил в пальцах статуэтку птицы, отодвинул клавиатуру к монитору и поставил попугая на стол перед собой.

– Проснуться и петь, – доброжелательно сказал Алей, – выходить на работу.

Эн отозвался мерзким скрипом и свистом. Так могло бы скрежетать нутро механизма. Птица оставалась металлической, но Алей почувствовал взгляд и улыбнулся.

– Ну же, – окликнул он, – выходи… Эрниксиан.

– Вот это другое дело, – немедленно отозвался тот.

«Ага, – с внутренним смешком подумал Алей, – попался!» Недаром титулы и звания самопровозглашённого демона стали первой ассоциацией с его именем. Сервис-программа страдала склонностью к самолюбованию.

Волна бриллиантовой зелени прокатилась по тельцу попугая от лап до макушки. На минуту перья его обрёли цвет старой меди, а потом металлическая скорлупка посыпалась с проксидемона тёмной, пачкающей графитовой пылью. Пыль повеяла по Алееву столу, быстро истаяла и пропала в разводах шпона.

Эн нахохлился и стал чистить пёрышки на шее. Переступил лапками, скосил на Алея желтоватый глаз и вновь предался своему занятию.

– Пора резать тоннель, – сообщил ему Алей. – Подлистовье, платформа «Девяносто первый километр», соседняя параллель, та, где стоит наша дача целая.

– Зачем тебе туда? – немедленно отозвался Эн.

– А почему ты спрашиваешь?

Эн прекратил чиститься и уставился на Алея. Некоторое время он пялился на него сначала одним, потом вторым круглым глазом; поняв, что реакции не последует, пренебрежительно свистнул и сказал:

– Такой умный парень, а собираешься сделать такую глупость. Интересуюсь, с какого перепуга.

– Перепуга? – Алей нарочито вскинул брови. – Какое тебе до этого дело? Я же тебе не нравлюсь.

Эн радостно захихикал.

– Не нравишься, ой не нравишься, – подтвердил он. – Я, может, даже позволю тебе сглупить, это будет весело. Мне, понимаешь, в твоих мыслях покопаться хочется – они смешные. Вася тоже смешной, но он мерзостный. А ты просто смешной. Ты думаешь, раз Осень Васю на тебя променяла, так ты уже ему и равен? А то и круче? Чингизид, надо же, – и он рассмеялся, каркая, как ворона.

– Замучил тебя Вася, – в тон демону продолжил Алей, – в клетке держал, кормить-поить забывал, вот у тебя характер и испортился. Ты, Эн, устроен просто, как валенок. Ткнут – верещишь. Не верещать тут нужно, а работать. Тоннель прокладывать отсюда-туда.

Демон взъерошил перья, растопырил крылья и раздражённо свистнул.

– Дался тебе этот тоннель, – проворчал он. – Думаешь, это приятно – по параллелям летать? Тебя на выходе рвать будет минимум три минуты. А ты поужинал, как нарочно. Бутерброд со шпротами съел. Вот это зря! Чем блевать шпротами, хуже нету, я-то знаю!

– Тебя Вася шпротами кормил? Нехороший человек, у-у-у.

– Дался тебе твой Вася! – заорал попугай, подпрыгнул и вторым рывком порхнул под люстру. Алей, сощурившись, смотрел, как он под ней летает кругами, задевая стеклянные подвески. – Вася! Вася! Здесь и там! Меня от него тошнит!

– Шпротами?

– Сука ты! – Эн уже визжал, насколько позволяло птичье горло. – Ненавижу вас всех! Гады, гады! Алей, ты же гад и подонок! Ты у Осени даже прощения не попросил! А она тебя любит. Она на тебя обиделась. А ты её не любишь, тебе всё равно, ты о ней даже не вспомнил. Ты её не заслуживаешь. Её даже Вася не заслуживает. Демиург в масштабе административного округа!..

«Ого, – подумал Алей. – Интересно. Это, похоже, правда. Кто же тогда над Васей? Админ столицы?»

Подвески люстры позванивали. Эн быстро запыхался летать и сел на спинку Алеева кресла. Крылья его нервно дрожали.

– А ты, – отрубил он, – а ты мелок. И жалок.

– Ты хочешь об этом поговорить?

– Да, я хочу об этом поговорить! – выдохнул Эн.

– Хочешь надо мной посмеяться?

– Ты смешон!

– И жалок?

– Жалок!

– По сравнению с тобой?

– По сравнению со мно… – начал демон и осёкся.

– Тоннель, – быстро сказал Алей, – провешен из Старого Пухова, улица Ленина, дом сорок, квартира восемь, в параллель к целой, негоревшей даче семьи Обережь, на платформу «Девяносто первый километр».

Повисло молчание.

Алей пристально смотрел на Эна.

Тот прятал глаза.

Алей выжидающе склонил голову к плечу.

– Провешен тоннель? – беспомощно переспросил наконец попугай. – Провешен? Провешен? Прове… ве-ве… Ах ты ж мать твою налево!..

Он перелетел со спинки кресла на стол и начал нарезать круги по нему. «Крылья тебя не особо держат», – подумал Алей, улыбаясь, и пальцем поставил Эну подножку. Эн споткнулся, но на врага даже не посмотрел. Взъерошенный и растревоженный, попугай бешено прыгал по полкам с дисками и монитору, оттоптался по модему и в конце концов с протяжным писком перелетел на самый верх, на левую аудиоколонку. Алей проводил его насмешливым взглядом.

Попугай определил его нецензурно и помолчал. Потом уныло спросил:

– Доволен?

– Чем? – Алей на всякий случай выдержал линию.

– Провешен твой тоннель. Вот прямо туда и провешен. Сволочь.

«Попался! – торжествующе повторил Алей про себя. – Так я и знал. Этот метод мы запомним».

На самом деле толкового предварительного плана у него не имелось. Заранее Алей знал одно: ни в коем случае нельзя становиться в позицию обороны. И ещё он помнил, что сервис-программу только развлекают попытки говорить с ней серьёзно и по-человечески. Но стоило пару раз ответить демону в духе демона же, как Алея понесло. Более или менее осмысленные остроты посыпались с языка сами, и неожиданно оказалось, что для Эна этого вполне достаточно. «Блик! Стародубцев прав, – с этого часа Алей уважал ягуара ещё больше, чем прежде. – Прокси хорошо осведомлён, но мозгов у него не так много… Что же, попугай – он попугай и есть».

Тревожило Алея другое: он всё ещё не знал, как воспользоваться провешенным тоннелем.

Но у Эна он спрашивать не собирался.

– В металл, – без лишних слов велел он, шмыгнул на кухню и бросил статуэтку в сумку. Потом стал торопливо одеваться в дорогу. «Тоннель провешен, – гудело в голове, – провешен». Материальный тоннель – это значит, что где-то появилась ещё одна точка соприкосновения миров, ещё один прокол в пузыре Вселенной… Тут Алей осёкся. Так говорил о тоннелях Ворон Вежин, но Вася Полохов говорил иначе. А Вася знал лучше. Он всё это держал в руках.

Проксидемон создаёт дополнительную Вселенную, служебное

пространство. Во время перехода человек попадает в его полную власть. «Это значит, – задался вопросом Алей, – что демон может растянуть время перехода? На сколько? Или не может, время ему неподвластно? Блик! Мне оно точно неподвластно, а я его тяну без толку! Мне к Иньке нужно, и быстро. Прямо сейчас».

Запустить предельный поиск.

Чужое пространство, иная параллель. Впервые о параллелях рассказал Алею Ворон Вежин. Что он рассказал?

Он начал с безымянного парня, оболтуса-игромана, который познакомился в интернете с девушкой и отправился на свидание.

Девушки, бывает, опаздывают на свидания…

Осень никогда никуда не опаздывает.

Алей нахмурил брови: ассоциативный поток прервался. Но смысла в его случайной ошибке не нашлось, и Алей вернулся в поиск, логически выстроив, что парень-оболтус на то свидание не опоздал.

Он не опоздал. Он даже не заметил, как миновал случайно возникший тоннель. Это значило, во-первых, что соседняя параллель до идентичности походила на эту, возможно, парень угодил в тот самый мир, куда направлялся сейчас Алей Обережь… А во-вторых это значило, что переход был мгновенен.

«Обнадёживает», – подумал Алей.

Уже в уличной обуви он стоял над кухонным столом, упёршись в столешницу кулаками. На него смотрела тёмным нутром раскрытая сумка, полупустая: что может понадобиться в ином мире? Одно дело, если удастся уйти и вернуться, а если придётся подзадержаться? Если нужно будет ждать, искать, спрашивать? Алей додумался взять зонтик и плащ, деньги и паспорт были при нём всегда, а больше ничего в голову не приходило. Вон Эн-попугай валяется между паспортом и кошельком… «Ладно, – решил Алей. – В крайнем случае вернусь».

А где находится собственно точка перехода, он уже знал.

Он не прерывал поиска, тот шёл в фоновом режиме. Как только понадобилось, Алей понял, почему в его мысли так неотступно возвращалась Старица.

…С этими переходами всё как в Старице. Можно войти в неё вместе с кем-то, но нельзя – если тебя видит посторонний. И уйти из неё нельзя, пока кто-то за тобой наблюдает. Но достаточно скрыться с глаз, спрятаться в зарослях, завернуть за угол… Вход в служебное пространство окажется там, где Алей этого пожелает. За ближайшим углом, скрытым от чужих глаз.

Алей улыбнулся.

В квартире он был один.

Он обогнул полуотворенную дверь кухни и шагнул в коридор.

Ветер ударил ему в лицо.

Электричка уходила. С платформы виднелся её толстый обрубленный хвост. Но никто в этом поезде не смотрел назад, а может, платформу оттуда было уже не различить. «Вечер четверга, – подумал Алей, – это завтра здесь будет полно народу». Из переполненных дачных электричек посыплются люди с корзинами и рюкзаками, лопатами и саженцами, граблями и прочим садовым инвентарём… здесь, в чужом мире, точно так же, как в мире покинутом. Зимы и лета, будни и выходные, срубы, вагонка, грузовики… «Интересно, – пришло Алею в голову, – тут папа успел обшить дом вагонкой? Он собирался. И покрасить собирался – в синий цвет. Ещё про духовность шутил: синий, говорил, цвет духовности, и будет у нас духовная дача. А потом он погиб, дача его сгорела… И всё не так».

Асфальт платформы был тёмным от влаги, в ложбинах и выбоинах блестели лужи. Должно быть, Алей угодил в недолгое «окно», пару часов или пару минут между двумя дождями.

Ветер набирал силу. Надвигалась гроза. Лес застонал, клонясь, тучи над ним темнели, и даль застилали сумерки. Алей почувствовал, наконец, что озяб и ругнулся, торопливо натягивая свой готический чёрный плащ.

Он плохо помнил, куда идти. От обеих платформ в лес убегали тропинки, все они вели к дачным посёлкам, но в них заблудиться было проще, чем в лесу. Разномастные дома рассыпались там в беспорядке, почти без улиц, каждый из горожан-дачников знавался от силы с полудюжиной здешних соседей и дороги указать не мог.

Алей попытался вспомнить, как они добирались с матерью, а потом махнул рукой и положился на лайфхакерское чутьё. Чутьё указало на ближайшую тропку – тёмный провал в лиственных зарослях, за стеной мощной пижмы. С высокой платформы вниз вела только одна лестница, была она на другом, дальнем краю, Алей туда не пошёл. Его гнало прямо вперёд, точно кто-то давил в спину огромной ладонью. Буквально несколько сотен метров, наконец, отделяли его от Инея, – и Алей припустил с места так, будто за ним гнались. Слетел с платформы в траву, разом вымок, затрясся от холода и как мог быстро побежал в лес, намеренный высохнуть по дороге.

«Наврал Эн про тошноту», – пришло ему в голову, когда над головой зашумели ветви. Алей чувствовал себя превосходно, разве что мёрз всё сильней. Температура быстро падала. Скоро должно было ливануть.

Он ещё ускорил бег и начал задыхаться. Но так он мог

немного согреться, а дорога была короткой. Тропинка вилась, огибала стены старого ельника, обомшелые поваленные стволы. Чем-то путь на Ясеневу «духовную дачу» напоминал тропки в Старице, и только света свежести, ворожейного очарования не хватало лесу ближнего Подлистовья.

«Тут Ливень называется по-другому, – вспомнил Алей. – Интересно, Листва – тоже по-другому?..»

Тропинка пустила влево узкий рукавчик. Чуть в стороне его пересекал трухлявый берёзовый ствол. Алей смутно помнил, что в ту сторону они с матерью тоже ходили, то ли в местный магазинчик, то ли ещё куда, но дача была направо.

Алей рванул вправо. «Сотня метров, – почти вслух выдохнул он. – От силы полторы сотни. Инька!»

И хлынул дождь.

Словно тысяча водопадов разом обрушилась на землю. Они били сильно, как град, ледяные и плотные небесные струи. Деревья над тропой смыкались вершинами, но от дождя не спасали. Воздух наполнился звуками упругого топота капель, трепета листвы, по которой хлестала вода. Громыхнуло. Где-то впереди мигнул электрический разряд, и громыхнуло снова. Потом молнии начали бить часто и ритмично, точно сверялись с секундной стрелкой. Дождь на мгновение прервался – и полил стеной.

Мокрый до нитки Алей, сорвав дыхание, вылетел на дорогу.

Здесь, на открытом месте, до конца ясно стало, какая могучая пришла гроза. Пелена вод скрывала горизонт, как туман. Алей открыл зонтик, и его едва не вырвало из рук напором ледяного, почти зимнего ветра. «Сейчас град полетит», – думал Алей, сражаясь со стихией. Бежать больше не получалось, но шагал он быстро, как мог. По ту сторону водяной завесы уже поднимался кирпичный, с красной крышей соседский дом. Он бывал там в гостях подростком – приглашала соседская дочка Юность, худая и гибкая, как кошка, девочка, поэтому дом он помнил…

Пальцы немели от холода. Била крупная нутряная дрожь. «Инька с папой дома сидят, – сказал себе Алей. – Печку, наверно, топят. В грозу хорошо сидеть у печки…»

Шаг, другой – и он наконец увидал дом. Точно такой, каким его помнил.

Необшитый, некрашеный дом под железной крышей стоял на месте, будто ничего не случалось… «Папа так и не покрасил, – подумал Алей, переходя на рысцу. – Времени не было, или забросил всё? Или не стал на другую параллель силы тратить?» Слепо смотрело завешенное оконце мансарды. На высоком фундаменте поднималась, светя стёклами, большая веранда.

Раскачивались под ударами ливня ветви молодых яблонь, по каменной дорожке струился бурливый ручей. Калитка была закрыта на проволочную петлю, только для вида: откинь да войди…

Алей вошёл на участок и запрыгал к дому по большим камням, которыми дорожка была обложена. «Меня, наверно, увидели уже, – думал он. – Встретят? Что скажут?..»

Веранда оказалась не заперта. Он ввалился внутрь, ошалелый, дурной от холода и резкой усталости, сладко замурчал, ощутив тепло: папа действительно растопил печку. На веранде пахло свежим деревом, пушистым ковром лежали опилки: папа что-то мастерил. В углу стояла лопата, а на ручке её висела старая, продранная тёплая куртка, тоже папина. Всё тут хранило отпечатки отцовских рук, след его мысли, отзвуки его смеха, и сердце Алея сделалось детским.

Он словно вернулся на десять лет назад. Сейчас он войдёт в дом, а там мама и папа. Мама готовит что-нибудь на маленькой электроплитке. Она заохает, заругается и велит Алику немедленно переодеться в сухое. Папа вырезает доску для наличника или сколачивает скамейку. Он засмеётся и скажет сыну: «Привет, мужик!..»

Нет, сейчас время другое. Алею двадцать. В доме окажется Иней, его маленький младший брат, глупыш, за которым Алею пришлось отправиться так далеко. Но папа там тоже будет, наполовину седой, по-прежнему весёлый, и он скажет…

Алей распахнул дверь.

Ключи висели рядом с ней на гвозде. В печке потрескивало пламя, и по маленьким, тесно заставленным комнаткам плыло тепло, настоящая жара сгущалась в них. Штепсель электроплитки выдернули из сети, но на ней всё ещё дымилась побитая советская кастрюля. Алей подошёл, заглянул – сосиски, горячие… И чайник тоже стоял горячий, полупустой.

«Со стола не убрали, – увидел Алей. – А это, вот это Толстый насвинячил». В расписном блюдце с трещинкой красовалась кашица из наломанного печенья, залитая чаем. Так любил делать братишка. Потом он честно всё поедал, но мама каждый раз ругалась… Полупустая пачка печенья лежала на краю стола, а рядом стояла вторая чашка – большая, керамическая. Папа такие чашки уважал. Алей протянул руку и замер, не решаясь прикоснуться. Пять минут, пятнадцать минут назад из этой чашки пил отец, которого он десять лет считал мёртвым…

Он наведался в соседнюю комнату, улыбнулся двум застеленным постелям. На всякий случай поднялся в мансарду,

хотя знал, что там тоже никого не найдёт. Спустился, вернулся на кухоньку и сел на папин стул.

По всему выходило, что его здесь ждали. Знали, что он придёт. «Сосисок вот сварили на мою долю», – подумал Алей, с этой мыслью немедленно подхватился со стула и выложил горячие сосиски на тарелку. Смены одежды он не захватил, так хотя бы поесть и погреться чаем было сейчас в самый раз.

«Печка топится, – продолжал он рассуждать за едой. – Дверь не закрыта. И куда папку понесло в такую погоду? Да ещё с Инькой? Может, они в гостях? Поели и сразу в гости пошли, а мне еды оставили? Странно как-то… А, понял! Папка в садово-огородное товарищество сорвался. Ещё до дождя, дождь-то пять минут назад пошёл. И Иньку с собой взял. Он меня по делам с собой часто брал. Ему позвонили оттуда, наверное. Ну так они, может, через час придут. Я подожду».

От жаркого тепла и сытости его снова начало клонить в сон. Дождь поутих, гром больше не гремел, капли ровно стучали по стеклам, выводя колыбельную.

– Я подожду, – вслух повторил Алей.

Он напился чаю и прошёл в комнату. Одежду надо было подсушить. Он стянул штаны, футболку и повесил их поближе к печке. Огляделся: ага, на старой кровати с железной сеткой спал Инька, а на продавленном диване – папка… Алей улёгся на диван, накрылся одеялом и задремал.

Он уснул крепко и надолго. Снились ему сияющие деревья Старицы под вечно полуденным небом, зелёные озерца хвощей и тёмная вода. На песчаном берегу, на брёвнах сидел почему-то Летен Истин, но ничего плохого в этом не было. Воронов задумчиво смотрел на речную зыбь и зелёную лодку. О чём-то они с Алеем разговаривали, но о чём – Алей не запомнил.

…Алей проснулся рано утром. Дождь стих, но облака не разошлись, и в доме было ещё темно. Дрова в печи прогорели, кастрюля и чайник остыли, одежда высохла. Некоторое время Алей в растерянности слонялся по домику. Если папа и брат возвращались, не могли же они не разбудить его. Сами-то они спали где? Он ничего не понимал. Если они уехали отсюда, если не собирались возвращаться, как папа оставил в печке огонь? И дверь не запер?

Алей тихо выругался.

Ему отчаянно не хотело верить в то, что он уже понял. Зубы сводило от тоскливого этого осознания, до горечи, до ломоты. Неужели ничего не вышло? Всё зря? Но они же были здесь, Инька был здесь, накрошил печенья в блюдце и не доел!

Они не вернутся.

Они были тут и ушли насовсем.

Алей рухнул на стул и обхватил голову руками.

Вернулся он из дома в дом: открыл дверь на веранду и шагнул в коридор своей квартиры. Вытащил из сумки железного попугая, поставил на стол в кухне. Попугай смотрел металлическими глазами, приоткрыв клюв, будто ухмылялся Алею – ты промахнулся, Алей, не успел, не нашёл, сделал глупость.

Алей сел и уставился на проксидемона. «Я позволю тебе сглупить, – сказала ему подлая тварь, – это будет весело». «Стало быть, – подумал Алей, – он что-то знал. Ещё до того, как я рванулся на дачу, Эн знал, что я там никого не найду? Надо разобраться. Я с тобой разберусь, Демон Врат».

Он сплёл пальцы и сжал руки до боли.

Стародубцев говорил, что проксидемоны опасны, но он же обнадёжил Алея, прибавив, что человеческий интеллект сильнее программного. Ягуар считал, что демона всегда можно загнать в угол. Алей хорошо запомнил второе, но не удержал в голове первого. В этом была его ошибка, причина его неудачи. «Он может говорить правду, – медленно проговорил Алей про себя. – С самыми худшими намерениями. И он сказал мне правду. Ладно, Эрниксиан. Ты даже не виноват, в этом твоя природа. Второй раз ты меня не подставишь».

– В живое тело, – негромко велел он.

На этот раз демон не стал верещать и кривляться. Не было никаких спецэффектов, даже графитовая пыль не сыпалась. Алей только моргнул – и перед ним на столе уже стоял живой попугай. Маленькая птица с осмысленным нехорошим взглядом, персонаж злого мультфильма.

Не говоря лишнего, Эн задрал хвост и нагадил Алею на кухонный стол. «Понял твоё послание», – без раздражения подумал Алей.

Эн был только функцией, сервисной программой, средством. Алей хотел знать, куда и почему пропали отец с братом, и как их найти. Для этого ему приходилось ломать упрямство мультяшного попугая. Вот и всё. Алей догадывался: Эн хотел бы, чтобы победа в дурацком поединке стала для него самоцелью. Но тут уж попугая ждал неуспех.

– Что, – ласково спросил Эн, – побегал? Ну, хоть размялся. Спортом надо заниматься, Алик. Тогда, может, и догнал бы.

Алей помолчал. Потом спросил:

– Я сделал глупость?

– Ты и так не особо умный. Но когда тебя переклинит на чём-

нибудь, ты вообще удручающее зрелище начинаешь собою являть.

– А меня переклинило?

– Ещё как переклинило, – Эн подпрыгнул, весело зачирикав. – Приятно смотреть. Про мать забыл, на девушку забил, работу бросил, на учёбу наплевал, даже Воронова, и того перестал бояться. В башке одна мысль и полторы извилины. Найти Иньку! Найти Иньку!

Попугай захлопал крыльями и изобразил фуэте. Алей медлил с ответом: он сосредоточился и вслушивался в ехидные Эновы реплики, пытаясь найти зацепку.

– Что-то мне подсказывает, – продолжал попугай, – что ты детективы не уважаешь. Алик, уважаешь детективы? Или только про жукоглазых пауков и бластеры? Нету в тебе детективной жилки, это первое, а что ума нету, так то не главное. Поэтому ты сейчас не то что бы в жопе, но аккурат посреди полей аэрации, а это тоже неприятно. У меня прямо сердце радуется на тебя смотреть. Ты стол собираешься вытирать вообще? Я на него насрал.

Медленным небрежным движением Алей взял Эна поперёк тельца и вытер изгаженный им стол его же перьями.

Демон так оторопел, что даже не попытался вырваться. На минуту он потерял дар речи, отпущенный, сел на задницу и оглоушенно закрутил головой вправо-влево. Алей смотрел на него без улыбки и ждал.

– Сука, – наконец сказал Эн, зашипев от бешенства. – Подлая тварь. Подонок. Ты мне сильно не нравишься, очень сильно. Не только тупой, но ещё и злобный.

– От такого слышу. Понравилось?

Демон вывалил на него телегу отборного мата.

– Кто тебе больше нравится, – ровно продолжал Алей, – Вася или я?

– Друг друга стоите, – выплюнул Эн, – подите потрахайтесь. Нравится тебе Васина попка?

– Как ты узнал, что я опоздаю?

Шипение Эна перешло в хрип, он вздыбил крылья и вытянул тощую шейку.

– Потому что ты тупая сволочь, которая не думает, а только хочет. Не спрашиваешь, зачем. Не хочешь знать, почему. Бегаешь и требуешь, чтоб ответили, как. И умные люди тебе отвечают, потому что думают – ты свой. А ты мечешься, как муха под стаканом, бьёшься в стекло.

– Ясно, – сказал Алей, – спасибо. В металл.

Когда метаморфоза завершилась, он убрал попугая с глаз подальше, перебрался в комнату и включил компьютер. Дымной

тяжестью над душой нависала неудача. Алей пытался убедить себя, что в ней есть и надежда, ведь он всё-таки почти добрался до цели, он подловил демона на слове, тоннели провешивать научился. Но точно въяве стояли перед глазами чайное блюдце с раскрошенным в нём печеньем и куртка, повешенная на ручку лопаты. Они были и ушли насовсем – папа и брат. Бросили его. Не захотели встретить…

Алей покусал губу и обречённо подтянул к себе мобильный телефон.

– Осень? – осторожно проговорил он.

– Слышу тебя, Алик.

Она так и сказала – «слышу», не «слушаю», и ровный голос ИскИна чуть изменился, будто бы модулировал в другую тональность. Алей нервно впился пальцами в подлокотник.

– Осень, пожалуйста… я, в общем, извиниться… то есть, – он судорожно втянул воздух и услышал:

– Ты цел?

– Да, – ответил Алей с торопливым смешком, – вот, звоню же…

– С тобой всё в порядке?

– Да, то есть… ну…

– Я так и думала, – сказала Осень и озадачила его следующим вопросом: – Насколько серьёзные проблемы?

Алей недоумённо моргнул, в нерешительности сполз вперёд в кресле и перебросил телефон в другую руку. Он неожиданно осознал, что проблемы у него скорей эмоциональные, а в действительности всё куда лучше, чем могло бы быть.

– Ну, это… – глупым голосом сказал он и умолк.

– Видимо, не очень серьёзные, – заключила Осень. – Что же, я рада за тебя.

Алей снова моргнул, накрутил на палец прядь волос и засунул в рот солоноватый кончик.

– Осень, – наконец спросил он осторожно и ошарашенно, – ты на меня не сердишься?

– Я никогда не сержусь, – спокойно ответила его девушка-киборг. «Управляющая программа», – вспомнил Алей собственные давние ассоциации, и внезапно его посетила дикая мысль: что Осень, будто Эрниксиан, выдана ему каким-то вселенским админом, а то и менеджером высшего звена. «Вот только зачем?» – спросил он управленческие небеса и нелепо усмехнулся трубке сотового.

– Ты вёл себя нерационально, – объясняла Осень, и мягкий тон её голоса не сочетался с суховатой лексикой. – А перед тобой

стояла сложнейшая и нетривиальная задача. Следовательно, с вероятностью в девяносто девять процентов ты совершил бы просчёт того или иного рода. Поэтому я была очень недовольна. Я боялась за тебя. Ты мог бы ошибиться гораздо серьёзнее. Но ты, по крайней мере, вернулся, и я довольна.

– Э-э… – промямлил Алей, печально подумав «все, все знали, что я провалюсь!..»

– Если бы ты во всем меня слушался, – в голосе Осени промелькнула улыбка, – это было бы неинтересно.

Алей фыркнул и закатил глаза под лоб.

– Осень…

– Ты повёл себя как мужчина, – сказал ему прекрасный биокомпьютер. – Но, надеюсь, одного раза тебе хватит?

Алей не выдержал и тихо расхохотался. «Осень! – думал он, – Осень, ты всё-таки… потрясающая». Гнетущее чувство отступило, на сердце сделалось легче, и он наконец ощутил надежду, в существовании которой пытался себя убедить. Ничего не заканчивалось, ничего даже не началось толком, позади лишь один пробный, неуверенный шаг. Кто же делает выводы из таких данных? Что там! Он выкрутился из переделки, остался целым и невредимым, с первого раза легко прошёл по опаснейшему пути. В следующий раз будет проще. В следующий раз он уделит больше внимания подготовке, всё рассчитает верно, и тогда папа с Инькой от него не уйдут!..

– Осень, – проговорил он, захваченный искрящейся золотисто-зелёной волной веселья, – я тебя люблю.

По ту сторону связи послышался тихий шелестящий смешок.

– Я тебя тоже, Алик. А теперь перезвони мне на городской и расскажи, что случилось.

– Алик, – сказала она, выслушав его сбивчивый быстрый рассказ, – ты меня поражаешь. Лучше бы ты оставил Эна в виде змеи. Ядовитой. Может, тогда бы ты не относился к нему так легкомысленно. Насколько я знаю от Васи, проще вообще не пользоваться проксидемоном, чем полностью подчинить его.

Алей поморщился и ответил, что если бы он работал в галактической техподдержке и умел пересылаться по межмировой связи…

– Это ты зря, – заметила Осень. – В некотором смысле, ты работаешь в одном из её подразделений. Не бросайся словами.

Алей так и не понял, была это шутка, или Осень говорила серьёзно. Мысли его в тот момент перепрыгнули на другое, и он спросил, видела ли Осень когда-нибудь того админа, который сотрудничает с Яликом.

– Видела, – сказала та. – Но толку от него не будет, если ты об этом. Характер у него гораздо круче, чем у Васи, а периоды ремиссии намного короче.

Алей сам не знал, зачем задал этот вопрос. В голове у него крутилась реплика Эна о масштабах административного округа. Любопытно было, в каких масштабах работает Стародубцев со своим таинственным партнёром.

– Кроме того, – закончила Осень, – мыслит он не так художественно и собеседник довольно скучный.

– Понятно, – рассеянно сказал Алей, – понятно… Сень, а Полохов… Слушай, ты знала, что он мой Якорь?

– Он и мой Якорь тоже, – просто ответила Осень.

Алей от удивления сел на пол возле телефонной тумбочки. Его представления о роли Якоря в человеческой жизни успели сложиться несколько иными.

– То есть как? – переспросил он. – И… и ты его бросила?

– А что? – настал её черёд удивляться.

Алей дёрнул себя за хвост волос и уставился в потолок.

– Если он – демиург, смысловой контур нашего тоннеля, то как он…

– Наличие смыслового контура, – спокойно объяснила Осень, – не отменяет свободы воли и банальной логики. Демиург, Алик, сам находится внутри созданного им тоннеля, просто для него это добровольное и осознанное ограничение, в отличие от заякоренных им. Если в тоннеле Васи девушка может бросить парня, значит, и самого Васю девушка может бросить. А на самом деле, Алик, он сделал очень хороший смысловой контур. Достойный уважения.

– То есть как? Технически, – со жгучим интересом спросил Алей.

Он почувствовал, как Осень улыбнулась – там, на другом конце города.

– Честным людям, – сказала она, – везёт чаще. Добрые люди – счастливо любят. А те, кто помогает другим, дольше живут и реже болеют. Такие правила.

– Хорошие правила.

– Вася молодец, – сказала Осень.

– Молодец, – согласился Алей и подумал, что сам Вася человек отнюдь не добрый, и в свете этого – какой-то удивительно порядочный. Кто угодно на его месте настроил бы законы малого мира под собственное удобство – только допусти ко вселенским верньерам.

Но паролем от админки владел Вася и никто другой.

«Интересно, – глядя в потолок, подумал Алей, – как

становятся галактическими администраторами?.. А Вася, получается, добровольно остаётся по эту сторону своего Предела? Или нет? Ладно, не до того».

– Мне неловко давать тебе советы в области, где ты ориентируешься намного лучше меня, – напоследок сказала ему Осень. – И всё-таки, насколько я знаю, работа с проксидемоном – это задача примерно того же уровня сложности, что и плетение Великой Сети. И того же объёма. Честно говоря, я не до конца представляю себе, что такое лайфхакерская Великая Сеть, я о ней только слышала. Но никакая большая работа, требующая точных расчётов, не делается быстро. Стоит запастись терпением, Алик.

– Хорошо, – послушно ответил Алей, улыбаясь, – конечно, Сеня, – и в следующий же миг понял, что опять поступит по-своему.

Положив трубку, он скрестил ноги и привалился затылком к стене.

Как бы то ни было, впереди ждали новые килобайты предельных поисков. Эна Алей собирался использовать только в крайнем случае и надеялся, что до этого не дойдёт. Да, Вася говорил, что в спящем состоянии демон покорен, но Вася не больно-то много о своих демонах знал. «Админ, – заключил Алей, – даже мелкий, в масштабах административного округа, админ-Якорь – это получается очень высоко… Админы не пользуются сервисными программами, но раздают их. Коды доступа к служебным пространствам раздают. Значит, сами они могут перемещаться между параллелями свободно – а это уже круто. Фантастически круто. На что способен админ, который работает в масштабах страны, языка или параллели? Я и не воображу даже».

…Полохов сказал Алею, что боится его отца.

Ясень Обережь может больше, чем Василёк Полохов.

«Вот я попал», – подумал Алей и прижмурил глаза.

Он не торопился обращаться к Ялику или к собственным ассоциациям. Прежде чем пускаться в поиски, стоило включить логику и задуматься, наконец, над тем, почему и зачем происходили все события последних дней. Детектив, сказал проксидемон. Пусть будет детектив.

Первый вопрос, которым задаются великие сыщики – это вопрос о мотивах.

«Отбросим догадки о том, чем занимался папа в пропавшие десять лет, – мысленно сказал Алей. – Хотя вероятно, что началась история гораздо раньше».

Раньше – значит, там, где Ясень живёт с Веселой и маленьким Аликом. Он ходит на работу, как все люди, и увлекается

альпинизмом. И все его друзья – простые люди, пускай и смельчаки-альпинисты. И свою простую человеческую жизнь он любит так, как только можно её любить.

А потом всё меняется. Папа уходит в неведомых направлениях, он умирает – и он становится таким, что теперь его уважают демоны и боятся галактические админы.

И он возвращается за своим сыном.

Но почему за младшим? Понятно, конечно, что папа хочет познакомиться с Инькой. Он из тех мужчин, которые по-настоящему дорожат своими детьми. Но Инея он совсем не знает.

А Алика – знает. Десять лет Весела и Алик пробыли его счастливой семьёй. Ясень любил их.

…Алей сложил пальцы у губ. Вставало в памяти видение, которое он прочитал с воспоминаний матери – у проклятого подъезда в Новом Пухово, после того, как вытащил маму из созданной отцом фальшивой вселенной. «Папа был в ярости на маму, – думал Алей. – Папа решил, что мама его предала. Забирая Иньку, он хотел её наказать?»

Ясень Обережь? Горячий и бесстрашный покоритель вершин, весёлый певец, любимый папа, образец для подражания? Он мог до черноты разгневаться на жену, мог причинить ей боль жестокими словами, но ему бы в голову не пришло так подло уничтожать женщину.

«Нет, – сказал себе и миру Алей. – Это слишком мелко для моего отца».

Ясень добивался чего-то другого.

Чего?

Алей ссутулился и закусил пальцы. «Папа явился не вдруг, – размышлял он. – Не с Луны свалился. Он обо всём подумал заранее, много чего предусмотрел и спланировал. Поэтому и сумел так легко всё проделать. И исчезнуть, будто корова языком слизнула. Сначала он нашёл Иньку…»

…нашёл сына, поговорил с ним по душам, околдовал. Заморочил малышу головёнку. Только потом явился к дверям шишовской квартиры.

То есть, Ясень знал, что происходило в обоих районах Пухово по крайней мере последние полгода. Не знал бы – пришёл бы сюда, в Старое Пухово, к дому бабушки Зури, где теперь жил один Алей.

Но что именно он знал? Насколько ясно он умел видеть? Одно дело – знать, что Алей поступил в институт, а Весела вышла замуж, и совсем другое – знать, что Алей один из лучших лайфхакеров Росы, а Иней больше всего мечтает встретить своего настоящего папу…

Человек, которого опасается Полохов, мог знать всё.

Чего он хотел?

«Почему я не думаю о себе?» – вдруг спросил Алей. Восстанавливая ход мыслей отца, он постоянно забывал о его старшем сыне. А ведь папа любил его. Так сильно, как только может мужчина любить своего первенца, наследника своего имени и рода. «Интересно, – подумалось Алею, – папа знал, что он Борджигин? Да, точно, знал…» Ребёнком, с самого раннего детства, ещё до пробуждения сознания Алей чувствовал его любовь, как горячее солнце над затылком, как несокрушимую каменную стену за спиной. А потом, когда папа понял, что его сын – одарённый ребёнок, вундеркинд и талант, то стал любить его ещё сильнее, стал гордиться им. Алей был бы бесконечно счастлив снова встретить отца и обнять его.

Но папа ему даже не показался.

В задумчивости Алей вплёл пальцы в волосы. Стащил резинку, растянул её на пальцах.

Папа забрал Инея и увёл в иной мир.

«Конечно, папа знал, как я люблю Иньку, – Алей вскинулся вдруг, осенённый. – И он знал, что я умею и где я работаю. Он не мог не понимать, что я кинусь искать Иньку и доберусь до него даже в другую параллель!»

В самый последний миг Ясень вновь скрылся от сына-преследователя. Сосисок на его долю наварить – наварил, но скрылся…

«Вот блик! – Алей нервно засмеялся. – Неужели? Чертовщина какая-то… Папа хочет, чтобы я их искал? Чтобы я гнался за ними, как очумелый? Чтобы искал админа, цапался с проксидемоном, провешивал тоннели? Но зачем ему это?!»

Ответа не было.

«Я должен искать, – понял Алей, – до тех пор, пока наконец не найду. Пока он не позволит себя найти. Но я не могу ждать. Ждать – это всё равно что сдаться».

«…проблема, с которой я никогда раньше не сталкивался, – писал хакер Улаан-тайдзи на форуме «Запределье». – Я отрабатываю не самый сложный и местами очевидный поиск, в силу его простоты ясно, что где-то поблизости от начальной точки должно находиться звено Х. Но ассоциативные цепочки упорно отказываются включать в себя это звено. Более того, когда я направляю ассоциации усилием воли, звено Х остаётся недостижимым. Как будто ускользает. Дойти до него можно, только сломав логику поиска. А дойти нужно, потому что иначе задача не решается, искомое не показывается. Кто-то сталкивался

с подобным?»

«Однако, – насмешливо отвечал ему хакер Азазель, – я тоже не умею пользоваться поиском по форуму, но Мышь о таком писала месяца два назад».

Девушка с примечательным ником Среднего Размера Полосатая Мышь пришла в тему и пунктуально сообщила, что ничего подобного не писала. Азазель её с кем-то путает. Немедленно вслед ей примчалась Муха-на-мотоцикле с радостным, полным смайликов воплем «я это была, я!» и курсивной цитатой из старого поста.

«Ну вы даёте, – согласно посмеялся Улаан-тайдзи. – На нашем форуме можно найти всё», – а сам, вчитавшись в старые треды Мухи, устыдился. Ему никогда не приходилось отрабатывать технику предельного поиска и учиться хитрым приёмам – всё получалось само. Те же, кого природа не одарила так богато, создали целый справочник с массой умных и тонких подсказок. Минамото Дейрдре отмечалась там едва ли не каждым четвёртым постом. Металл мечтал научиться давать полезные советы, и он умел их давать…

Они и терминологию разработали. Проблема, о которой Алей до сих пор даже не слышал, называлась «теорема скользящей точки», и умельцы научились решать её тремя способами.

Первый из них, самый простой, назывался «метод отражения» и хорошо зарекомендовал себя в тех поисках, где скользящая точка являлась определённым понятием. Нужно было просто заменить его на противоположное по смыслу и повторить путь.

Второй, «метод отторжения», советовали для более сложных случаев. Тут требовалось строить несколько цепочек, отрицающих само существование того, что значилось в скользящей точке, а потом работать с их финальными понятиями.

Третий, «метод поражения», выглядел лапидарно, но на деле оказывался самым сложным. Поток ассоциаций нужно было стартовать непосредственно со скользящей точки. Большинство тех, кто пробовал этот способ, застревали на третьем-пятом звене и могли только ругаться в адрес автора метода. Алей улыбнулся, скользя взглядом по полотну треда, где терпеливый Времяделу пытался усовестить недовольных.

Потом он откинул голову на спинку кресла и потёр веки.

Ещё День Вьюгин сравнивал работу через проксидемона с плетением Великой Сети. Сонный Алей на беду себе пропустил мимо ушей его слова. Теперь то же сравнение, осторожно брошенное Осенью, позволило ему многое понять. Нужно было собрать детали, мелкие происшествия минувших дней, которые на первый взгляд не имели отношения к общей картине. Опытный

лайфхакер, Алей должен был помнить, что незначимых деталей не бывает в его работе, но – забыл, забыл, захваченный немыслимыми открытиями и происшествиями. Он слишком торопился и предсказуемо потерпел неудачу.

Первое, что должно было насторожить: раз за разом его как будто отшвыривало от намерения пройти к Старице и искать из неё. Именно поэтому он отправился сейчас на форум спрашивать о неуловимом «звене Х».

Второе: всего несколько дней назад он сходил с ума, пытаясь понять, почему привычный словесный поиск сменился видениями, но когда видения прекратились, даже не обратил на это внимания. Сразу две странности насчитывалось в этом пункте.

Третьим значился Летен Воронов.

Работа есть работа, но почему Алей не может свою работу спокойно закончить? Почему ему приходится разрываться между поиском брата и поиском Летенова Предела, который всё никак не поддаётся ему? И добро бы только это: вчера Летен так случайно встретил его перед подъездом, что от этой случайности у толкового лайфхакера волосы должны были стать дыбом.

А после, в квартире, когда в присутствии Воронова у Алея разыгрались нервы, он неосознанно связал это с проксидемоном. Ещё одна внезапная связь, новый смысл? Промежуточными такие ассоциации не бывают…

Но и это, вероятно, не последнее. Что ещё обыденного, обыкновенного, поразительно случайного упустил Алей?

«Металл как ключевая точка в цепочке Воронова, – вспоминал он, слоняясь по комнате кругами. – Была мне мысль, что у металла теперь два значения. Я могу спросить у Майорова, и он даст хороший совет, ему можно следовать – это его Запредельное. Но о чём его спрашивать? Спрашивать тоже нужно уметь. Ладно, вернёмся к нашим видениям…»

В субботу утром случилось первое из них. В понедельник видения находились на пике яркости и чёткости. Во вторник Алей отправился искать из Старицы, и оказалось, что там предельный поиск вообще возможен исключительно в форме потока образов. Даже галлюцинации были после выхода. А дальше… дальше всё прекратилось. «Видения возникли спонтанно, помимо воли, – думал Алей. – Работа в Старице предполагает полный контроль над ними. По-моему, далековато мне до контроля. Но, может, того, что есть, достаточно… А что я, собственно, видел?»

Алей вспомнил.

Дыхание прервалось. Он застыл на месте и в следующий миг с размаху рухнул на тахту навзничь.

Он видел электричку, идущую по лесополосе сквозь туман. Над нею, как вымпел, следовал странный, невесть откуда вплывший вопрос «папа умер?» и ответ – «неправда».

«Я видел будущее? – потрясённо спросил Алей у потолка. Глаза вылезали на лоб. – Неделю назад я видел то, что случилось вчера?» Нет, как любой лайфхакер, он не впервые находил события будущего, но до сих пор он касался только предсказуемого – называл реализующийся вариант из ряда известных заранее. Возвращение отца и электричка из параллельного мира были будущим иного рода. Непредсказуемым. Немыслимым.

«Как работает наш собственный ассоциативный поиск?» – спрашивала когда-то Минамото Дейрдре, и никто не мог дать ей ответа. «Ткнуть пальцем в Господень потолок», – вспомнил Алей и беззвучно засмеялся. Потолок оказывался куда выше, чем все они когда-то могли представить…

«Есть множество параллелей, – думал Алей. – Они разные. Может, и время в них разное. Может, где-то время опережает наше на месяц-другой, и в этом заключается единственное существенное отличие. И все предсказания будущего, точные и неточные – результат контакта с этой параллелью, которая вовсе не обязана совпадать с нашей во всём… Чёрт, безумие какое-то. Фантастика. Вот бы Васю спросить. Интересно, ангелы Божьи брали с него подпись о неразглашении?.. А вот тем не менее, почему мне нельзя в Старицу?»

По старой привычке отличника, Алей ринулся на задачу, как ястреб на жертву. Он выбрал самый сложный и эффективный метод – «метод поражения» – и запустил цепочку.

Старица.

Код допуска. Договор о неразглашении. Ялик.

Ялик – большая компания… согласованные действия множества людей, хрупкая и мощная техника, уникальные программы.

Техподдержка.

Галактическая техподдержка…

«Я понял, – внятно сказал про себя Алей. – Я ещё обращусь к Васе, и он мне поможет. Но я хочу знать, почему меня уводит от Старицы!»

Уводит, уводит-ведёт… судьба несопротивляющегося ведёт, а сопротивляющегося – тащит; есть такая старая поговорка.

Судьба.

Про мужа или жену ещё говорят – «это твоя судьба». И про детей. И про родителей… не выбирают родителей, это судьба назначает их, плохих и хороших, и таких, которые могут

вернуться через десять лет после смерти.

«Папа!» – Алей почти выкрикнул это в мыслях, но поиск ещё не закончился, и он не мог прерывать поток.

…Кто возвращается после смерти? Одна только нежить, зомби да вампиры.

Есть такой жанр – зомби-трэш. Или зомби-апокалипсис. Это когда всюду внезапно как повылезут зомби! И что хочешь, то ты с ними и делай. Есть такие фильмы, есть такие книги, но больше всего про это сделано компьютерных игр.

Компьютерная игра.

Обыкновеннейшее рубилово – найди зомби, убей зомби… или не обыкновенное; возможно, что даже не рубилово; не в этом дело. А в чём?

Захоронения токсичных отходов. Умершая земля под брошенными заводами. Начиная с «хвостохранилищ», которые навязались уму Алея когда-то при поиске Лёнькиной собаки Луши, этот ни с чем не связанный образ постоянно возвращался в его цепочки.

Жёлтый облупленный знак: предупреждение о радиации. В каждой второй игре ты его увидишь.

Редко ты увидишь его вне игры.

Лёгкие Алея судорожно втянули воздух. Алей надрывно всхлипнул, выгнулся, становясь на затылок и пятки; пальцы его судорожно комкали плед, сжимались до белизны. В глазах потемнело. Сердце стучало как бешеное, медленно, с пронзающей болью подкатывая под горло.

«Лучше бы я искал из Старицы», – успел ещё подумать Алей, потому что там, под зеленящимися кронами и лучистым вечно полуденным небом, видения сшибали с ног, но не обрывали дыхания. А потом мысли исчезли, и осталась только реальность – тяжёлая, вещная, настоящая.

…на деревянном столбе, на одном гвозде держался жёлтый облупленный знак: предупреждение о радиационной опасности. Мимо столба, лениво вихляя, ползла дорога – не дорога, две параллельные канавы, залитые грязной водой. Дорога рождалась из тумана и уходила в туман. Направо высокая трава ложилась навзничь, как ковёрный ворс, за полосой травы так же бессильно клонился почерневший забор, а за забором стояла страшная, слепая и гнилая избушка – вроде избушки Бабы-Яги.

Во дворике перед ней Ясень разбирал багажник старой красной «Листвянки», а на трухлявом крыльце перед отцом стоял Иней, маленький мальчик Инька, мертвенно бледный и такой испуганный, что Алей до крови прикусил губу, силясь подавить

душевную боль.

– Папа, – спросил Иней несмело, – а мы зачем здесь?

– Надо, – коротко ответил Ясень.

Он порылся в багажнике и достал какой-то длинный угловатый предмет, завёрнутый в тряпки.

– Ты совсем замучился, – сказал Ясень, – и я замучился. Так что ночку переночуем, а потом дальше поедем.

Иней с несчастным видом поднял брови.

– Пап, – сказал он, – может, мы не будем в избушке спать? Может, мы в палатке будем опять? Тут страшно…

– Нет, – ответил Ясень печально, – в палатке нельзя. Из палатки мы не уйдём. – И он с натугой повеселел: – Ну ты чего разнюнился, Инька? Мужик ты или нет?

Иней молчал. Он опустил глаза и крепко сжимал зубы: пытался быть мужиком.

«Папа, – почти вслух закричал Алей, – что ты делаешь? Зачем?! Отпусти его! Зачем ты его туда затащил? Он маленький!» Точно услышав старшего сына, Ясень поднял голову, и Алей увидел его мрачные, непроницаемо-чёрные глаза. Какой-то миг казалось, что отец смотрит прямо на него, видит его, и волна озноба прокатилась по телу Алея, но отец отвёл взгляд, и стало понятно – он оглядывает дорогу и дальний лес.

Ясень криво улыбнулся и со стуком захлопнул багажник.

Потом как будто камера сменилась. Только что Алей видел отцовское лицо, раскосые ледяные глаза, а теперь смотрел из-за его плеча. Отец разворачивал тряпки на длинном, глянцевом, угловатом… внутри были ещё тряпки, промасленные. И патроны. И ещё что-то, по всей видимости нужное для стрельбы.

– Инька, – ласково сказал он, примеривая винтовку к плечу, – иди внутрь и сиди там, пока не позову. Можешь не смотреть.

Инея как ветром сдуло. Ясень улыбнулся, прицеливаясь в кого-то, кого видел он один – там, далеко в тумане, на границе луга и леса.

Выстрелил.

Алей очнулся.

Он чувствовал себя так, точно попали в него. Казалось, сердце мотается по пустой грудной клетке, с размаху ударяясь о рёбра – настолько сильно и больно оно билось. Мысли путались от недостатка воздуха: всё время видения Алей не дышал.

– О Господи… – прошептал он, как только смог говорить, – Господи…

«Есть вероятность, – сказала Осень, – что мы живём в лучшем из миров», и меньше всего Алей хотел бы убедиться в этом – так.

Сумасшедший отец всё-таки затащил бедного Иньку в мир, где нужно держать при себе заряженную винтовку и уметь легко пускать её в ход.

Алей больше не мог ни о чём думать. Останься у него хоть толика хладнокровия, он, пожалуй, продолжил бы цепочку поиска и закончил её, поняв несколько важных вещей; но любые важные вещи могли подождать, пока брат был в опасности. До сих пор Алей ещё мог убеждать себя, что отцу, бывалому и тёртому человеку, стоит доверять, что ему можно доверить ребёнка. Теперь стало очевидно, что это не так.

«Папа, что с тобой стало? – отчаянно спросил Алей. – Зачем ты это делаешь? Я не знаю, но я тебе не позволю. Играй в свои игры, но без Иньки».

…А ситуация обрисовывалась – хуже не придумаешь. Мир брошенных изб и взведенных курков Алей видел только мельком, в галлюцинации, в полузадушенном состоянии. Он ещё сумел бы заставить Эна провесить тоннель именно в этот мир, но ориентировался там не в пример хуже, чем на собственной даче. Сказать по чести, никак не ориентировался – и точных координат задать не мог. Это значило, что Эн имел полное право выкинуть его за десяток километров от цели, в лесу или в чистом поле, где люди безоружными не ходят. А демон, по присущей ему злобности, не упустил бы шанса позабавиться…

Но на самом деле было ещё проще. Кто-то смотрел на поле из леса – кто-то, в кого отец пустил пулю, то есть заведомо недобрый и хищный. Алей не мог выйти рядом с избушкой, нельзя было возникнуть из небытия на чужих глазах. Нужно было выходить вдалеке и идти к домику через туман, поле, может быть – через лес… это было просто очень опасно.

Алей рывком сел. Голова закружилась, в виски ударила боль. С досадливым стоном он обхватил голову руками и скорчился.

Он не мог ждать. Физически не мог лежать и плевать в потолок, размышляя о вечном, пока Инька оставался в этой чёртовой чёрной избе в диких полях. Нужно было выручать его. Как угодно, но выручать.

Алей взял телефон и набрал номер, и после двух бесконечных гудков трубка ровно ответила ему:

– Слушаю.

И он тихо проговорил:

– Здравствуйте, Летен Истин.

Глава 8. Спам

Они стояли внизу, у машины – двое мужчин, похожих как братья. Рослые, плечистые, с одинаковыми армейскими стрижками, одинаковыми скупыми движениями. Воронов при них выглядел не то третьим, старшим братом, не то молодым дядькой: мужиком матёрым и бывалым, чьё главенство признают без споров и без обид.

Отойдя на два шага, Летен говорил с кем-то по мобильнику, а они ждали, оглядывая двор. На дороге чуть в стороне играли в футбол мальчишки; пущенный мяч угодил под машину, и один из них тотчас присел, доставая его, а потом азартно и ловко запустил обратно, к хозяевам.

Алей смотрел на них в окно, присев на подоконник между стопками учебников.

Машину Воронов пригнал другую – тоже чёрную и крупную, но какую-то обыкновенную. Безликую, невнушительную. Такая не притянет лишнего взгляда. Алей плохо разбирался в автомобилях. Ни у кого из родни Обережей не было машины. Он различал пяток отечественных моделей, а в остальном мог только смутно догадываться, что к чему.

«У папы теперь есть машина, – подумал он, отворачиваясь от стекла. – Красная «Листвянка». А раньше он и без машины неплохо себя чувствовал. И без винтовки. Господи, эта чёртова винтовка». Винтовка не шла из головы, винтовка – и тот, в кого из неё стреляли. Крепла уверенность, что отец стрелял не в зверя или птицу, и уж тем более не для развлечения… Становилось жутко.

День выдался неяркий, облачный. Ветви ближних деревьев загораживали свет, будто занавеси, их покачивал ветер, и в комнате блуждали тени. Все цвета поблёкли. Только горели яркие огоньки на системном блоке, да летал по монитору трёхмерный пернатый змей-заставка, вчера поставленный туда Полоховым.

Алей поколебался, выключил компьютер и выдернул шнуры из розеток.

«Винтовка, – думал он. – Пальба, путешествия и приключения. Сказка, конечно. Только нехорошая. Не по возрасту десятилетнему мальчику. Зачем папа туда полез? Зачем ему это надо? Он же может просто-напросто не ходить там, где опасно. Но он полез в эту чёртову избушку и Иньку с собой потащил. Чтобы отстреливать зомби в режиме полной реальности. Блик! Вот уж удовольствие! Напугал маленького. Инька даже на компе в такие игры не играл…»

Последней мыслью мелькнуло, что ассоциация с игрой слишком прочная и естественная, чтобы быть только метафорой, но додумать Алей не успел: Летен закончил свой деловой разговор и теперь звонил ему. Мобильник замерцал экраном, заверещал и уже полз на вибрации к краю стола. Алей поймал трубку, принял звонок.

– Вы готовы, Алей Веселин? – спросил его Летен. – Мы вас ждём.

– Да, – отрывисто ответил Алей. – Сейчас.

Он собрался в дорогу ещё с вечера, а сегодня, подгоняемый тревогой, оделся заранее. Оставалось только зашнуровать ботинки и вскинуть на плечо рюкзак. «Вчера я себе места не находил, – подумал Алей, остановившись в тёмном коридоре, – спешил, голова шла кругом. А сейчас тяну время. Что за блик…» Из тусклого зеркала на него смотрел призрак – болезненно бледный, костлявый, с блеском одержимости в запавших глазах. «Зрачки расширены, – мрачно отметил Алей. – Не то вампир, не то героинщик. Сам кого хочешь напугаю».

На лестнице он встретил соседку с огромным ньюфаундлендом. Добрый пёс шумно обнюхал Алеевы руки, боднул его мохнатой башкой. Алей вымученно улыбнулся и ответил соседке, что да, Весела Искрина поживает замужем хорошо и ни на что не жалуется.

Он очень надеялся, что операция не затянется надолго. По крайней мере, не настолько, чтобы мать успела встревожиться. Начнёт дозваниваться в панике, искать телефоны Алеевых однокурсников и подруг, приедет сюда, оббежит соседей… Она, бедная, и так вся изнервничалась. Хватит с неё одного пропавшего сына.

В подъезде пахло свежей краской и новым дерматином – сосед снизу поставил новую дверь и подновил стены вокруг. А входную дверь заклинило. Алей с силой толкнул её и вышел, сощурившись от света и свежести прохладного воздуха.

Летен смотрел на него из-за машины. Лицо его было непроницаемым.

…Вчера Алей по телефону соврал Воронову, что Обережь-отец десять лет назад сбежал от семьи в неизвестном направлении, и они ничего не знали о его судьбе; впрочем, это была только полуложь. Потом Алей перешёл к правде: Ясень Обережь похитил своего младшего сына и скрывается с ним где-то за городской чертой. Он вооружён и неадекватен.

– Так в чём дело? – с интересом спросил Воронов. – Почему вы об этом говорите мне, а не оперуполномоченному?

Алей, сидевший на полу у телефонного столика, закрыл глаза

и закусил губу. Трубку к уху он прижимал так плотно, что ухо начинало болеть. Пальцы стали мокрыми от пота.

При всём желании он не мог выдумать подходящей лжи, – а правда была неправдоподобна.

Ни один нормальный человек на месте Летена не стал бы выполнять столь дикую просьбу. Нормальный человек потребовал бы вначале внятных и подробных объяснений, которых Алей тоже не мог дать. Он мог только надеяться. Летен всё же поверил в его рассказ о Пределе и в возможности лайфхакера, а значит, мог поверить и в нечто большее.

– Потому что туда, где они сейчас, – хрипло сказал Алей, – не доберётся никакая милиция. Никакой спецназ. Никогда.

Трубка молчала. Алей проглотил комок в горле, перевёл дыхание и подумал, что это с самого начала была дурацкая затея. Нелепый поступок в приступе паники, рождённой беспомощностью, растерянностью, бессилием. Но пора было брать себя в руки. Сейчас Воронов откажется помогать, и останется только сесть и взяться за работу. Делать то, что умеешь. Искать выход. Так даже лучше. «Я найду выход», – твёрдо сказал себе Алей и в этот миг услышал:

– Любопытно. А мы с вами как туда попадём?

– Я проведу.

Это был заранее заготовленный ответ. Алей выпалил его, не задумавшись, и только потом осознал, как оборачивается дело. Даже мурашки по спине пробежали с опозданием.

И по второму разу пробежали, когда Алей услышал следующий вопрос:

– А колёсную технику провести сможете?..

– Это Май, – представил Летен небрежно. – Это Корней.

Май был немного выше сотоварища и тоньше в кости, отчего мощь его мускулатуры сильнее бросалась в глаза. Корней, в соответствии с именем, оказался тяжёлым и коренастым, с намечающимся пивным животом. Оба были голубоглазы, чисто выбриты, молчаливы и собранны. Всё же теперь, вблизи, Алей видел, что они не родня друг другу. Братья по духу, не по крови.

– Это Алей Веселин, наш друг.

Летен произнёс это так спокойно и весело, что Алей поёжился.

Протягивая руку, Май дружелюбно улыбнулся, но выражение его глаз не переменилось, осталось таким же отрешённо-пристальным, как будто Май сидел в засаде на опасную дичь. «Будем знакомы», – сказал он. Корней хмыкнул, покрутил головой на толстой шее и без лишних слов полез на место водителя.

– Куда поедем? – бодро спросил он.

– За город, – ответил Алей.

– «Загорода» много.

– Волоколамское шоссе, – наугад сказал Алей, хотя направление не имело значения.

– И далеко?

Алей помолчал. Май и Корней смотрели на него со снисходительным любопытством.

– Нужно свернуть на просёлочную дорогу, – сипло проговорил Алей. – Любую, главное – пустую. Если она будет в тумане – совсем хорошо.

Корней присвистнул и высунул голову из окна машины, смерив Алея ироничным взглядом.

– Хорошенькая задачка.

– Знаю.

– Спокойно, Корень, – сказал Летен с усмешкой. – Прокатимся чуток. Если повезёт, будет интересно.

– Ну ладно, – ворчливо согласился Корней и завёл машину. – Я обещал, Лёд, я еду, – сказал он Летену, – но шутки шутить я не подписывался.

– Никаких шуток, – ответил Воронов и внезапно прямо и жёстко посмотрел Алею в глаза. Алей невольно сморгнул, но не отвёл лица. «Лёд, – подумал он. – Друзья зовут его – Лёд».

– Хотел бы я, чтобы это было шуткой, – негромко сказал он.

Летен одобрительно кивнул и сказал очень мягко, почти успокаивающе:

– Решим.

Май устроился впереди, рядом с Корнеем, а Воронов подбородком указал Алею на заднее сиденье. Алей сел, поставив рюкзак между колен. Виском он чувствовал внимательный, испытывающий взгляд Летена. Взгляд требовал обернуться и ответить, но Алей застыл в оцепенении, вызванном не то внезапной робостью, не то необъяснимым упрямством. Он смотрел в подголовник водительского кресла и крепкий бритый затылок Корнея над ним. Краем глаза он видел чеканное лицо Мая, которое теперь выражало рассеянную безмятежность. «Кто они?» – спрашивал Алей у ассоциативного потока, и поток отвечал простой цепочкой, ради которой к нему можно было и не обращаться.

Похожие как братья.

Братва.

Алей вспомнил, что у себя в Сибири, до того, как стать сильным мира, Воронов отметился в череде неприглядных дел.

Но Май и Корней не были бандитами, их побратимство имело

другую, благородную природу. «Десант, – думал Алей. – Летен служил в воздушно-десантных. Они похожи на десантников. Но они намного младше его. Лет на пять, а то и больше. Они не могут быть сослуживцами».

Будь в распоряжении Алея ноутбук с интернетом, он мог бы поработать с Яликом и кое-что выяснить о биографиях Вороновской братвы. Но компьютера не было, да и поважнее задача стояла перед Алеем сейчас.

– Поехали, – сказал наконец Воронов и добавил: – посмотрим.

Корней тронул машину с места так мягко, что движение почти не ощущалось. Алея мгновенно укачало. За тонированными стёклами поплыли назад старые деревья двора, качели и горка, скамейки и кусты шиповника и маленькая сгорбленная Медь Морошина, гулявшая под руку со своим седым уже сыном. Корней спросил у Мая, как отсюда лучше выезжать на окружную автодорогу, и Май стал тыкать пальцем в экранчик навигатора, читая карту. Беззлобно чертыхаясь, Корней развернулся в тесном проулке и повёл на проспект.

Алей откинулся назад, прикрыл глаза: его мутило, то ли из-за слишком совершенных амортизаторов иномарки, то ли из-за близкого присутствия Воронова. Вспоминалась картина, пригрезившаяся в день их знакомства: атомный реактор в мощном защитном кожухе. Ничего нельзя было прочитать по лицу Воронова, казалось, он дремал с открытыми глазами, но бодрствовала его грозная воля и работала мысль…

«Я чувствую», – вдруг понял Алей, и от потрясения его даже перестало тошнить. Плечи передёрнуло холодком. Он беззвучно перевёл дух, стараясь не показать волнения. Не то что бы эффект оказался для него совсем непривычным: такой же возникал, когда Алей в поисках чьего-нибудь Предела применял поисковый метод, основанный на субъективных ощущениях и эмоциях. Но он запускал такой поиск больше из любопытства, чем в практических целях, и получал впечатления самые общие. А сейчас… сейчас картинка сделалась очень чёткой. Очень качественной – как лучший дивиди в сравнении с оцифровкой видеокассеты.

Алей чувствовал ход чужой мысли.

Нет, до телепатии отсюда было ещё очень далеко, но он физически ощущал, что Летен, отрешённый и полусонный с виду, в действительности напряжённо размышляет о чём-то, и более того – он полон азарта и с нетерпением ждёт начала событий.

«С ума сойти», – подумал Алей, едва сдержав нервный смешок. Стало до чудесного ясно, что безумную его просьбу Воронов решил выполнить вовсе не из расчёта на благодарность лайфхакера, а просто по прихоти. Ему стало интересно. Он и у

Поляны на поводу неделю назад пошёл только потому, что его одолело любопытство. Это так не вязалось с образом солидного человека, бизнесмена и политика, что Алей даже повеселел.

Он подумал, что пару дней назад ему уже доводилось чётко понимать мысли Воронова. Тогда он списал это на собственную восприимчивость и давящую Летенову волю. Но нет, то была не случайность, а тенденция, динамическое усложнение ассоциативного восприятия… Что дальше?

Алей переключил восприятие на Мая. Оказалось нетрудно. Он и прежде чувствовал Мая где-то на периферии сознания. Внимание Корнея занимала дорога, поэтому в нём разобраться было сложнее, а Май думал о своём.

Бывший боевой офицер Май, похожий на дозорного волка, думал о детях. У него было двое детей, девочка и мальчик, и тоненькая, милая, усталая жена. К предложению Летена он отнёсся как к обычной молодецкой затее, вроде охоты. И он был не прочь поразвлечься, но уже скучал по семье.

Корней же незамысловато злился на водителя «Жигулей», который не давал ему дороги, и всё.

«Началось», – думал Алей. Живот подводило от пронзающей ясности понимания, от лихорадочно-весёлого ужаса: началось. Пускай его предупреждали, даже пытались инструктировать, пускай он сам получил кое-какие сведения заранее, но к такому нельзя было подготовиться. Можно было только встретить лицом к лицу – и не отступить.

Вася навестил его вчера вечером.

Админ вошёл без стука, не спросясь и в метафорическом смысле через окно. Работавший за компьютером Алей встал сходить на кухню за кофе (на две минуты дел), а возвратившись, обнаружил в своём кресле Полохова. Вася повелительно помахал на него рукой и что-то промычал: рот его был занят. Вася жевал батон.

«Кофе мне тоже», – по интонациям догадался Алей, сумрачно сдвинул брови и со стуком поставил на стол перед Полоховым свою полную чашку.

Полохов прожевал и заметил:

– Другой бы на твоём месте обрадовался.

– Я бы ещё больше обрадовался, если бы ты хоть позвонил, прежде чем ввалиться.

Админ моргнул, нахмурился и вдруг искренне удивился.

– А я разве не звонил? – растерянно спросил он. – О, чёрт! А кому же я тогда звонил?! Нет, я точно звонил тебе… А! понял. Это было на следующей неделе. Вот блик! Вечно у меня время

комкается, – и он как ни в чём не бывало уставился в монитор.

– Ещё и время, – вслух подумал Алей и сел на тахту.

– Я извиняюсь, – сказал Вася, кликая мышью. – Я в цейтноте. Решил маленечко схитрить и вот теперь расхлёбываю. Не умею я со временем работать. В общем, когда я тебе на той неделе позвоню, ты не удивляйся.

– Не удивлюсь, – пообещал Алей.

Он смотрел на Васю скептически.

Админ отстриг пожжённые белые лохмы, но за приличного человека всё равно не сошёл бы. Алей заподозрил, что в прошлый раз в честь прихода Осени Вася помыл голову, и подумал, что не мешало бы ему повторить.

Полохов отхлебнул кофе, шумно вздохнул и развернулся вместе с креслом.

По коже Алея подрал мороз.

В первый миг показалось, что глаза админа фосфоресцируют, будто у монстра в дешёвом фильме. Конечно, это было не так, просто свет из окна падал наискось, но всё же… Глаза Васи блестели каким-то противоестественным ритмичным блеском, словно в них на эбонитовых осях зрачков крутились голубые космические шестерни. А за ними сверкало что-то жуткое.

– Упустил, – тяжело сказал Вася.

Алей поник.

– Упустил, – согласился он. – Но я…

– Знаю, – админ отмахнулся, продолжая сверлить его диким взглядом. – Ты мне вот что скажи: ты можешь сейчас сделать осмысленный выбор?

Алей оторопело поглядел на него и осторожно ответил:

– Смотря какой.

Вася неопределённо хмыкнул, поколебался, и неожиданно продекламировал дребезжащим, натянутым, как не своим голосом:

– Твёрдая вера в безграничную силу разума и мощь человеческого духа неизменно приводит к победам!

Глаза его остекленели. «Это что ещё такое? – ошалел Алей. – Это ему опять надо какую-то информацию слить, чтоб не лопнуть?»

– Но здесь мы видим парадокс! – торжественно продолжал Полохов, в то время как руки его, будто отдельные существа, панически метались по подлокотникам кресла и собственным Васи коленям. – Твёрдая вера обычно слепа, а слепая вера может до бесконечности укреплять дух, одновременно уничтожая разум. В итоге получается чистый дух. Но очень, очень тупой. Это ли цель человеческого существования?

И он вытаращился на Алея, заметно поглупев с виду.

«Чертовщина, – подумал тот. – Крепко его трясёт. Не завидую я всё-таки демиургам», – а вслух сказал первое, что пришло в голову:

– Высшее предназначение человека становится очевидно только после выхода за Предел. А туда попадают единицы. И цепочка взлома Предела на тридцать процентов состоит из смыслов, разрушающих привычную понятийную разметку реальности.

Тут ему вспомнилось буддийское высказывание «ум – это обезьяна», но приплести его было вроде бы не к чему, поэтому Алей замолчал. Его вновь захватил вопрос, сколько всё-таки у человека Пределов, но админ был явно не в форме, и его не хотелось лишний раз дёргать.

Вася глубоко вздохнул и обмяк в кресле, свесив голову на грудь.

– Ну хорошо, – согласился он с долей печали. – Проехали. Так всё-таки разум или дух?

– И то, и другое, – сказал Алей, – и можно без хлеба.

Вася фыркнул.

– Это зря, – сказал он, – без хлеба на этом пути можно только бездарно помереть. Но суть я уловил. Суть здравая. Собственно, вопрос в том, что ты собираешься делать с проксидемоном. Я был бы эгоистически рад, если бы ты изучил устройство его мозгов и написал мануал для будущих юзеров. Но так как во мне есть и альтруизм… где-то в углу… в пыли… завалялся и присох… то я тебе скажу, что существует альтернатива.

Алей помолчал.

– Я уже догадался, – ответил он.

Немного странно было обращаться к Васе как к адекватному человеку после спектакля, который он только что устроил. Но он, кажется, уже пришёл в чувство. По крайней мере, на лицо его вернулось осмысленное выражение.

– И? – сказал Вася.

– Проксидемон – вспомогательное средство, – продолжил Алей. – Я знаю, что Старицу можно использовать для перемещений внутри параллели. Видимо, по Реке Имён можно перемещаться и между параллелями. Но попасть к Реке способен только тот, кто вышел за Предел. Или нет?

– Нет, – с облегчением поправил Вася. – Это вещи несвязанные. Ну, почти. К Реке может выйти тот, кто вплотную приблизился к своему Пределу. Хотя выходить туда, и вообще что-то знать о ней человеку совершенно необязательно. Это, так сказать, бонус. Специфический. Не всем нужный.

– А мне нужный?

– Это уж тебе самому решать, – Вася нащупал за левым локтем чашку, взял её и глотнул кофе. – Тебя обстоятельства прижимают. Начиная с места работы, заканчивая сам знаешь чем… кем.

Алей сомкнул веки и связал между собой несколько смысловых нитей.

– Я выходил к Старице как сотрудник Ялика, – сказал он. – Но теперь я каким-то образом связан с ней в принципе. Как человек. И мой Предел с нею связан.

– С ней связаны все, кто о ней слышал. Это не трагедия, не делай несчастное лицо, – Вася фыркнул, и Алей скосоротился: несчастного лица он не делал, Вася глумился.

Он не стал выдумывать ответную шпильку. Вместо того сказал:

– Я могу получить естественный доступ к возможностям Старицы? Так сказать, лицензионную версию?

Админ посмотрел на него и болезненно сощурился, словно у него заболели глаза.

– В принципе, – сказал он, морщась, – так сказать, условно ты его уже получил. Но получить мало, надо изучить. А изучить всё это… как иностранный язык без учебников. Или, в твоём случае, язык программирования. Тебе проще. Ты кое-что знаешь, а остальное можешь вывести логически.

– Так в чём проблема?

Полохов досадливо вздохнул и пригорюнился.

– А то ты сам не догадываешься. Легко тебе искать из Старицы?

Алей помрачнел.

– Практически невозможно… если без прокси, – и тут он понял: – а у меня сроки поджимают.

– Вот, – кивнул Вася. – Ты можешь тратить время на то, чтобы осваивать язык – или на то, чтобы осваивать инструмент перевода.

Алей замолчал и молчал долго. Он не столько размышлял, сколько прислушивался к интуиции – но она оставалась немой. Ничего не получалось выяснить и предсказать, слишком мало было данных, да и те – косвенные и неточные. Алей не мог отталкиваться от внешнего знания, и тогда он обратился к внутреннему – к самоанализу и пониманию себя.

И сказал:

– Одновременно.

– Что?

– Я буду осваивать их одновременно. Трудностей, конечно,

больше, но и коэффициент полезного действия выше.

Вася сполз вперёд в кресле и тихо присвистнул, разулыбавшись.

– И можно без хлеба, – повторил он. – Ну ты крут, чингизид… а выдержишь?

– Пока не попробую – не узнаю.

– Крут, – улыбался админ, грея ладони о чашку. – Знаешь, что? Я, пожалуй, буду иногда работать клавишей F1. По мере возможностей. Только учти, днём я сплю, звать меня бесполезно.

Алей усмехнулся в ответ:

– Я запомню.

Чем лучше ты слышишь журчание Реки Имён, тем лучше Река понимает тебя. Она создана людьми – бесконечным течением созидающей, познающей мысли человечества. Есть и другие Реки, но нам они непонятны и не слышны… Наша Река вслушивается в нас, ищет нас – насколько возможно испытывать стремления потоку понятийных частиц. Река радуется пришедшим, и поэтому нужно соблюдать осторожность: она не соизмеряет силу своей радости.

Слушая вдохновенный монолог Полохова, Алей молчал, и только раз спросил Васю:

– Если Реки текут, значит, они текут куда-то? Куда-то впадают?

И админ ответил:

– Да. Все Реки впадают в Море Имён.

Больше он ничего не сказал о Море, но мысль о нём вдруг захватила разум и душу Алея. Нельзя было не попытаться вообразить его себе, и образ Моря оказался так ярок, как будто был очередным видением: девственно чистый, белый безлюдный берег, нежный перламутр крупных раковин, медные сосны и переплеск тёплой, ласковой зелёной волны. И бескрайнее высокое небо, переполненное свечением.

– Видишь? – вдруг спросил Вася и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Поздравляю со вступлением в клуб. Все видят.

…Река будет звать тебя. Ты станешь слышать её всё лучше и лучше, великую Реку смысла, а это значит – лучше понимать мир. Видеть корни событий, как корни деревьев в земле, отслеживать паутину закономерных случайностей и случайных законов. Твой ассоциативный поиск будет всё более похож на ясновидение, но в отличие от ясновидцев, ты сможешь влиять на происходящее. Нет, никаких чудес. Влиять в той же мере, в какой способен на это любой человек – словом и делом.

Вася возвышал голос, глаза его горели, взгляд упёрся в ковёр

над Алеевой головой, а Алея всё более занимал один простой вопрос, который он наконец и задал:

– Вася, а как это технически?

Полохов смешался, поперхнулся и крепко задумался.

– Ну смотри, – ответил он после паузы. – Видишь, допустим, мужика, понимаешь, куда он думает. А куда он думает? А он может думать только по своему тоннелю. И ты видишь его тоннель. И видишь, в какое место его надо пнуть, чтобы из тоннеля выпнуть. Раньше тебе на это несколько дней требовалось, присутствие клиента и его согласие. А теперь сможешь элементарно за пару минут и по своей воле.

– Без согласия? – изумлённо переспросил Алей. – За минуту? Но зачем? Вась, зачем такие способности нужны? Это ж непорядочно, во-первых.

– Не зарекайся, – строго сказал Полохов. – Я тоже безвременье для собственного развлечения не включаю. Но может случиться, что я этой штукой когда-нибудь спасу кучу народу. Понял? И ты так думай.

Алей поразмыслил и согласился.

– Вася, – спросил он напоследок, – а кто Якорь Летена Воронова?

Админ молча покачал головой и уставился на люстру.

– Воронов, – сказал он задумчиво, – это особый случай… Воронова не всякий Якорь удержит, – и больше ничего не прибавил.

Ответ его подтвердил смутные Алеевы подозрения и разжёг любопытство – но и только.

– А у моего отца есть Якорь? – сказал он. Васин диковатый взгляд блуждал по потолку, и Алей заторопился, подозревая, что админ сейчас либо уйдёт, либо низвергнется в новые безумные откровения: – А почему меня не пускает в Старицу?

– Кто тебя не пускает? – буркнул Полохов. – Никто тебя не держит. Это надуманная проблема.

На первый вопрос он не ответил. Алей уже собрался переспросить, когда админ встал, прогнулся, кряхтя, в пояснице и уточнил, глядя в окно:

– Санузел у тебя в коридоре?

– Да.

Вася без лишних слов выпал в коридор, хлопнул дверью, выругался, ударившись локтем, через минуту спустил воду – и всё стихло. «Сгинул», – сказал себе Алей; это был очевидный факт, и оставалось только выключить за сгинувшим Васей свет.

Машина небыстро шла через город – от светофора к

светофору. Май и Корней вполголоса переговаривались о своём, а Алей восстанавливал в памяти детали вчерашнего разговора с админом – каждую реплику и мысль, каждое умолчание.

Корней вслух выругался на водителя маршрутки, и Алей вынырнул из размышлений. Он огляделся – район был незнакомый, по обе стороны дороги высились серые бетонные коробки советского вида, а на горизонте вставали узкие усечённые небоскрёбы. Алей нахмурился, пытаясь вспомнить, где в Листве может быть такая архитектура.

– Метро Савёловская, – спокойно пояснил ему Летен. – Корней по ЛКАДу не поехал. Ещё часок, и выедем за черту города.

– Ну ты скажешь тоже! – фыркнул Корней. – Часок! Через часок я даже до Димино не доеду.

– Да ладно, – деловито заметил Май. – Тебе ж не надо никуда доезжать. Тебе надо свернуть в туман. Туман, кстати, очень удачный сегодня.

Алей не мог с ним не согласиться. Дымка на горизонте была слишком густой для городского смога, дождь не моросил, но воздух дышал влагой. За городом погода должна была стать понятней: либо дождь, либо нет. Всё же Корней обещал ещё не меньше часа пути, в центре Листвы на туманные просёлочные дороги рассчитывать не приходилось, и Алей вновь погрузился в размышления.

Оставалось ещё несколько вопросов без ответа. Главным из них был Предел Летена – немыслимо длинная и сложная цепочка, удивительно сухая и одномерная при всей своей мощи. Рядом с нею маячил вопрос помельче: Алей пытался понять, почему его впечатления от Воронова так неровны и нелогичны. Его кидало от мучительного волнения и едва ли не страха к чувству полного спокойствия и защищённости – вот как сейчас. Частично это можно было объяснить двойственностью Летеновой натуры. Был же он одновременно бандитским паханом и мудрым отцом народа. Но не получалось вывести закономерность, увязать эмоции с ситуацией, и оттого не стихала тревога. Алей страшно нервничал в тот день, когда Летен был настроен благожелательно и предложил ему помощь; а в день знакомства Алей опрометчиво привёл Воронова в ярость, но совершенно его не боялся…

И Металл Майоров. Человек, который умел давать советы. Неслучайна была их встреча, о чём-то Алею предстояло у него спросить, но о чём?

Об отце же и его загадках Алей думал мало. Нужно было сначала выручить Иньку из передряги, а потом уже допытываться у отца, где он потерял рассудок. Не собирался Алей играть с ним в его игру.

– Ну вот и Кольцо, – удовлетворённо сказал Корней. Алей вместе со всеми проводил взглядом проплывающий над головой автомобильный мост. – Ещё полчасика, и пойдут твои просёлки. Ты уж смотри, не пропусти нужный.

– Не пропущу, – пообещал Алей.

Он расстегнул рюкзак и сунул руку внутрь, нащупав на самом дне ледяное текучее тело железной змеи.

В змею он велел превратиться Эну, помня о словах Осени. Вряд ли она была совершенно серьёзна, но мультяшный попугай действительно казался слишком уж безобидным существом. Стоило перестраховаться даже в такой мелочи.

А ночью Алей ходил в Старицу.

Он творчески переработал вычитанный на форуме «метод поражения» и использовал его дважды. Не пользуясь проксидемоном, он забил в Ялик админский код и уже из зелёного, вечно полуденного мира отправился на поиск нужной параллели. Решение пришло быстро: в качестве ориентира он задал собственное недавнее видение.

Старица подсказала ему ещё одну важную вещь. Для того чтобы разбудить демона, его не нужно было жаловать живым телом. По идее, лишённый способности возражать Эн должен был сдаваться намного быстрее.

…Машина стремительно пронеслась сквозь спальный район. Дорога вела на север, погода едва приметно менялась. Туман сгущался, вскоре он скрыл горизонт непрозрачной жемчужной дымкой. По обеим сторонам дороги встала стена леса. Дневной свет растворялся в сумерках и тенях.

– Хоть фары включай, – прокомментировал бодрый Корней.

А Май сказал:

– Ого. Нас сейчас тормознут.

Впереди из ватных пелён тумана показалась машина ГАИ.

– План «Перехват», – прибавил Май с небрежной досадой.

Корней хмыкнул и остановил машину.

Он опустил стекло и что-то неразборчиво сказал постовому. Протянул книжечку документа в тускло-серой обложке. Постовой взял под козырёк, отступил, и чёрная машина сорвалась с места.

Отчего-то эта рядовая, непримечательная встреча подействовала на Алея как звонок будильника. Он встрепенулся и выпал из прострации, напряжённо огляделся и снова сунул руку в рюкзак, вытаскивая змею на свет. Длинные острые выступы на её нижней челюсти можно было зацепить за плетение чешуи. Алей обернул проксидемона вокруг запястья и сложил руки на коленях.

Дорога сузилась. Уже впадали в неё с обеих сторон сухие ручьи просёлков. Они ещё не годились в дело, потому что со всей

очевидностью вели к загородным ресторанчикам и старым дачам. Жидкий лесок просвечивал, мимо проносились попутные и встречные машины, и даже туман не спасал положения. Но Листва осталась позади. С минуты на минуту могло наступить время действия.

Алей крепко стиснул шею железной змеи.

– Провесить тоннель, – одними губами произнёс он, – из Подлистовья в Подлистовье-прим, к подножию Красной Горки.

Летен искоса окинул его внимательным взглядом. Алей не обернулся. Он смотрел на дорогу, выжидая. Тревожное напряжение пробудилось и поднялось к сердцу, сдавило горло, давая понять: скоро.

– Скоро Красногорск, – сказал Корней с ленцой. – К Волоколамску поедем?

Алей хватанул ртом воздух, как рыба: не получилось выговорить с первого раза.

– Корней, поверните налево, – попросил он, переведя дух, – пожалуйста.

– Так я эту дорогу знаю, – не без удивления ответил тот. – Там дачи. Моего дружбанчика тёщи дача.

– Поверни, поверни, Корень, – весело сказал Летен, – жалко тебе, что ли.

– Не жалко, – со смехом ответил Корней.

Он сбросил скорость и свернул на дорогу, от которой с шоссе виднелось только подножие, порог – вроде волны песку, выплеснувшейся на асфальт. Дальше между высокими соснами всё поглощал туман.

На миг водитель ослеп: стёкла автомобиля точно завесили снаружи белой тканью. Корней беспечно ругнулся и включил противотуманные фары, а Алей не без труда избавился от мерзейшей ассоциации с саваном. «Только не саван!» – в ужасе думал он, пока Корней ругал погоду и спрашивал у Мая, исправен ли навигатор, пока Летен советовал сбавить скорость, чтоб не вписаться ненароком в сосну, – и Алей упустил момент перехода. Эн сработал слишком быстро. Его неожиданное послушание встревожило Алея ещё больше – не приходилось сомневаться, что намерения у демона самые неприятные, и в сочетании с возникшим ниоткуда «саваном» это было страшно. Несколько минут Алей не мог сориентироваться в ситуации, не знал, куда глядеть, что искать – попросту сидел и боялся.

Машина шла прямо, прорезая туман светом фар. Мелькали укутанные в белизну, точно призрачные стволы сосен и тёмные высокие гребни ельника. Дорога оставалась пустой.

– Эге, – пробормотал Корней, – а посёлок-то где? Поворот

должен быть… Тут нет развилок.

«Тут нет развилок, – в ужасе повторил Алей про себя, сжимаясь на кожаном сиденье, которое стало вдруг холодным и жёстким. – Тут… я сделал развилку».

Он озлился на себя за глупые мысли. Немедля ему пришло в голову, что из-за него подвергают себя опасности трое совершенно посторонних людей. От этого стало ещё хуже. «Я ничего им не сказал, – отчаянно думал Алей, – они не знают, на что пошли. Нет, я же предупредил Летена, что папа вооружён. Они знают, что он вооружён. Но я не сказал, куда мы едем на самом деле. Я не мог сказать. Они бы не поверили, никто бы не поверил. Но получается, что я… подставляю их… но…» Он болезненно зажмурился и стиснул зубы. Реальность оказывалась какой-то непомерно страшной – куда там планам и теориям. Она была слишком простой и настоящей. Непредсказуемой.

Лес тем временем кончился.

Дорога пересекала поле, обрамлённое, как камень оправой, тёмной зеленью чащи, и в этой неглубокой чаше туман стлался по самому донышку, не загораживая обзор.

– Что за чёрт, – тихо сказал Корней. – Тут должны быть дачи. Развилок нет. Дачи где?..

Алей осторожно глянул на Летена.

Воронов улыбался.

– Я же обещал, что будет интересно, – сказал он Корнею. – Сохраняй спокойствие.

– Сюрпризы у тебя, Лёд, – неодобрительно отозвался Корней.

Май промолчал.

Алей подумал, что побратимы-десантники его и за человека-то не считают. Эта мысль его почему-то успокоила. Всю ответственность брал на себя Воронов. Он был тем человеком, которому ответственность можно отдать. Хозяином. Алей подумал, что Воронов многого добьётся и сам, без взлома Предела. Пожалуй, он даже не поймёт, что отданный ему код был фальшивым. Эта мысль окончательно его умиротворила.

Корней озадаченно ворчал и требовал от Мая ответить, где они находятся. Май возился с навигатором, чертыхался, а потом сказал, что навигатор, видимо, сломан: судя по его показаниям, они вообще стоят на месте.

Алей медленно вёл кончиками пальцев по ледяной чешуе змеи. Во рту сохло.

На дороге, там, где к обочинам вновь подступал с двух сторон лес и сгущался туман, медленно прорисовывалась на белом тёмная человеческая фигура.

– Эй! – закричал мужик, когда машина приблизилась. – Эгегей! Стой! Выходи!

Он замахал руками, подскакивая. Корней сбросил скорость, опасаясь сбить голосующего. Май хмыкнул, нехорошо сощуриваясь.

– Что, выйдем? – спросил Летена Корней.

– Почему бы нет, – задумчиво сказал Летен, и машина остановилась.

Мужик подобрал что-то с земли и вразвалочку направился к ним.

Мурашки сбежали у Алея по спине. Встречный был одет в страшное рваньё и обноски, хуже любого бомжа, но он отнюдь не походил на бомжа – начать хотя бы с того, что был совершенно трезв. Двигался он уверенно. В осанке чувствовалось достоинство и сознание своей силы. Высокий и дородный, он зарос бородой так, что та лопатой ложилась на грудь. Пряди длинных вьющихся волос торчали во все стороны, на темени сквозила плешь. В руках бородач на манер копья держал кусок тонкой металлической трубы.

Летен сощурился – точно так же, как Май.

– Доставай, – непонятно велел он.

Май мгновенно скособочился и в следующий миг уже сидел с автоматом на коленях.

Алея продрала дрожь.

– Что?.. – едва выговорил он. – Вы…

– Тихо, – не глядя, велел ему Летен.

– Выходи из машины! – крикнул мужик.

– Зачем это? – недружелюбно поинтересовался Корней.

– Я велю – выходи!

– Ты кто, председатель колхоза?

– Да! – с хохотком ответил бородач. – Имени Красного знамени. Выходи, говорю.

Никто не шелохнулся. Алей впился ногтями в ладони: его душил ужас. Он не мог бы ответить, кого именно боится – банды оборванцев или всё-таки братвы Воронова. Больше всего он боялся, что кого-нибудь сейчас убьют. Всё равно кого. Думать он мог только об одном: раз Вася сказал, что звонил ему на следующей неделе, значит, на следующей неделе он будет дома и целый.

Точно из ниоткуда рядом с бородачом возникло ещё пять человек. До сих пор они лежали, укрывшись в зелени посевов, на поле. Все были… вооружены? По сравнению с Маевым «калашом» арматура и обрезки труб выглядели нелепо, но хозяева их, сутулые и угрюмые, смотрелись куда как серьёзно.

И страшно.

Крайний слева был одноглаз. Глазница заросла мясом – багровым бугром, из которого торчала щетина бесформенной брови. У другого синей шишкой торчал изуродованный нос. Щёку третьего пробуравил широкий шрам. Не найти здесь было ни одного привычного лица, пусть даже испитого лица алкоголика из выморочной деревни. На всех наложили свою печать странные болезни и уродства. Все были бородаты, одеты в рваньё – и трезвы.

Корней посерьёзнел.

– Вы партизаны, что ли? – сказал он. – Так война давно кончилась, мужики. Хорош, пустите, по делу едем.

– И я говорю – хорош, – откликнулся «председатель». – Вылазь из машины. Машина моя будет. А вам всем дело найдём. Избы, баб найдём. Всё хорошо будет. Ты где бензина столько взял?

– На заправке.

«Председатель» укоризненно покачал головой, явно не веря, и едва заметно повёл в воздухе концом своей железяки.

Пятеро двинулись вперёд. Цепенея от ужаса, Алей медленно перевёл взгляд на Летена – и задохнулся.

Так не могло быть. Никто не мог относиться к происходящему – так. Это было неправильно, неестественно. Не по-человечески.

Воронов смеялся.

Май поглядел на него и улыбнулся.

– Твои шутки, Лёд?

– Нет. Алея Веселина, – сказал Летен и снизошёл до того, что хлопнул перепуганного Алея по плечу, выражая одобрение. – Он нам потом объяснит. Правильно я говорю, Алей Веселин?

Тот не нашёл в себе сил даже кивнуть. Вопрос всё равно был риторическим.

– Нет, я не понимаю, – как ни в чём не бывало бурчал Корней. – Здесь стоят дачи. Корефанчика моего дача, Лёд! Дурдомов тут никогда не стояло.

– Это не дурдом, – с удовольствием сказал Воронов. – Это, мужики, всерьёз.

– Шутишь, – огорошенно сказал Корней. – Да что это за хрены моржовые?

Летен азартно крякнул, не сводя взгляда с приближающейся компании, и вдруг сказал Маю:

– Дай.

Ухмыляясь, Май отдал ему автомат, прибавив: «Ты

осторожней». Воронов бешено оскалился в ответ. Казалось, он помолодел лет на десять. Глаза его горели. Он снял «калаш» с предохранителя, распахнул дверцу и вышел.

– Вот это другое дело… – начал «председатель» и осёкся.

– Давай-ка по-хорошему, – сказал Летен, пока все шестеро, как завороженные, осматривали автомат у него на груди. – Снимайся с места и вали откуда пришёл. Своим передай: в случае чего – стрелять будем.

«Председатель» опасливо отступил. Но что-то мешало ему сдаться – то ли алчность, то ли необходимость поддерживать авторитет среди своих; он свёл брови, набычился и наконец бросил:

– Не будешь ты стрелять.

– Это почему же?

– Патронов у тебя мало. И взять неоткуда.

В ответ Летен саданул короткой очередью. Пули выбили песчаные фонтанчики у ног «председателя». Словно по волшебству, шестеро в один миг оказались на десять шагов дальше, чем были. Крайние медленно потекли обратно в заросли, но Воронов предостерегающе повёл дулом, и они замерли. Май с Корнеем оглядывали поле – не подбирается ли кто с тыла? Алей боялся дышать. Он бы сполз на пол машины, но самообладание совершенно его покинуло. Без приказа он не осмеливался шевельнуться.

– Понял, – нехотя выдавил «председатель». – Понаехали, м-мать вашу… стрелки в-ворошиловские, уж и из дому не выйди…

«Стрелки, – озарило вдруг Алея. – Воронов не первый здесь с огнестрелом! Первым был папа. Это в них папа стрелял. Он тут. Я привёл их куда надо… Теперь надо найти его. Надо спросить «председателя», он знает».

Оставалось выйти из машины и задать вопрос… Но у Алея язык присох к гортани, руки и ноги не слушались, он был не в состоянии сдвинуться с места. Голова наливалась болью от дикого напряжения; как он ни старался, заставить себя не мог.

К счастью, Воронова посетила та же догадка.

– Стой! – велел он. – Остальные стрелки где? Мужика с ребёнком ищем.

«Председатель» хмыкнул – как показалось, с долей облегчения.

– Да тут двух километров не будет, – с неожиданной доброжелательностью сказал он. – Поезжай прямо, там пустая деревня стоит, в крайней избе твой мужик засел. Только у него винтовка.

– Знаю, – так же дружелюбно ответил Воронов, – спасибо.

– Ну мы пошли, – сказал бородач.

– Удачи, мужики.

Широко улыбаясь, Летен вернулся в машину и отдал Маю автомат.

– Поехали, – сказал он довольно.

Корней взял с места.

– Ну и сафари под Листвой, – неверяще пробормотал он. – Чище чем на медведя.

– Я же обещал, что будет интересно, – добродушно сказал Летен. – А вон и деревня.

Алей подобрался и обеими руками вцепился в грубую чешую проксидемона.

«Лёд, – вдруг прозвучало в голове, как будто он услышал кем-то произнесённое: – Летен – Лёд… когда он приходит в ярость, лёд тает и показываются подснежники…» Он снова озлился на себя за то, что думает чушь, а потом вспомнил: «подснежниками» на жаргоне судмедэкспертов называются трупы, пролежавшие зиму под снегом.

Воронов убивал людей.

Он убийца.

Алей закрыл глаза.

Летен Истин может выглядеть защитником и опорой, но в действительности он убийца. Нельзя ему верить, нельзя на него полагаться. Он страшен. Он не должен получить код Предела. Никогда.

Машина поравнялась с чёрной избушкой.

На этот раз Май вышел первым. Сторожко пригибаясь, он скользнул вдоль покосившегося забора, заглянул в окна и крикнул:

– Чисто!

За секунду до этого Алей понял, что красной «Листвянки» в деревне нет. Это значило, что они опоздали. Что он – опять – опоздал. Но Летен уже открыл дверцу и поманил его к себе, и Алей покорно вышел из машины.

– Ну, – сказал Воронов, – что?

Алей молчал. Закусив губу, он как сомнамбула двинулся к Маю. Избушку он узнал, он видел её, но красная машина успела скрыться…

Алей не помнил, как открыл скрипучую дверь, как вошёл. Только что он стоял на воздухе рядом с Летеном Истиным, и в следующий миг уже склонялся над чёрным гнилым столом под чёрным потолком у разбитого закопчённого окошка. Воронов по-прежнему был рядом, в окошке виднелась спина Мая, который

зорко оглядывал окрестности. В избушке скверно пахло: воняла химией какая-то дрянь, налипшая на бок древней «буржуйки».

На гнилой столешнице ногтем было процарапано: «Алик». И ещё чуть помельче, пониже, чуть наискось: «Алечка».

В глазах у Алея потемнело. Подломились колени. Он сполз бы на грязный пол, но Летен ловко поймал его поперёк туловища и поставил на ноги. Дыхание у Алея прервалось от резкого толчка под дых, и он не смог ничего выговорить, так и шатался безвольно, вцепившись в рукав Летеновой чёрной куртки.

– Ну-ну-ну, – успокаивающе сказал Летен и кивнул на стол. – Брат твой тебе весточку оставил. Во дворе следы от покрышек. Уехали они?

– Да, – прошептал Алей.

– Куда? Будем догонять.

– Я…

Алей снова покачнулся, и Воронов перехватил его крепче.

– Держись, – сказал он. – Я с тобой.

Он поразмыслил и повёл Алея наружу. Аккуратно наклонил его голову, положив ладонь на макушку, иначе Алей вписался бы лбом в низкую притолоку. На свежем воздухе Алею стало немного легче, он судорожно вдохнул и потёр лицо ладонью. Летен ждал. В молчании прошла минута, потом Летен окликнул Корнея, велел, чтоб тот кинул ему фляжку. На фляжке был оттиснут герб СССР, твёрдое металлическое горлышко ткнулось Алею в зубы и ливануло жгучим ароматным коньяком. Алей закашлялся, сглотнул, больше половины пролил.

– Эх, ты, – добродушно сказал Летен и похлопал его по спине. Легко и естественно он вдруг перешёл на «ты», и так получалось даже спокойней – пока он обращался к Алею по имени и матичке, в этом неизменно слышалась ирония. Теперь Летен, казалось, окончательно записал Алея в «свои».

Алей глубоко вздохнул.

Мысль о том, что Летен убийца, уже утрачивала вес и значительность. «Ещё бы, – отрешённо подумал Алей. – А ведь если бы я пошёл сюда один, чёрт знает, чем бы это обернулось. Могли бы и убить. Как хорошо, что я его попросил… хорошо, только теперь что мне делать?»

И вопрос этот отворил шлюзы едва отхлынувшему беспамятству. Руки и ноги стали ватными. Белое небо и бледно-зелёную траву затопила волна чёрной воды. Алей подавился воздухом, земля покачнулась, желудок подпрыгнул к горлу, сердце скатилось в живот, и последним, что он увидел, были глаза Летена, серьёзные и встревоженные – и очень близкие, потому что Летен держал его на руках.

…Как отличается дивиди-рип от записи на старой кассете, как ясновидение отличается ото сна, так отличалась эта грёза от всех прежних. Наконец Алею доступен стал эффект присутствия, и не то что бы Алей этому радовался.

Он стоял на брусчатке и чувствовал её неровности сквозь подошвы ботинок. Было очень темно. В чернильном мраке угадывались громады высотных домов. Ни одно окно не светилось. Слева возвышался забор из сетки-рабицы, на нём тускло белел какой-то плакат. Справа, как молчаливая река, тянулось шоссе. В тишине было слышно, как гудит ветер, проносясь вдоль него. Ни машины, ни человека.

Страшным одиночеством сдавило горло. Глаза Алея закатились, и в этот момент он увидел, как в головокружительной высоте загорелся единственный квадратик окна.

Иней был там. Теперь Алей видел брата будто бы в бинокль: издалека, но очень чётко. Иней сидел за тяжёлым старинным столом из красного дерева и что-то вяло рисовал шариковой ручкой. Горела настольная лампа в зелёном бахромчатом абажуре. Иней поднял взгляд и посмотрел с отчаянной, обречённой горечью – как будто бы прямо в глаза Алею, и Алей набрал в лёгкие воздуха, пытаясь позвать его, но не мог произнести ни звука.

Вошёл Ясень, хмурый и озабоченный, сел на стол, поболтал ногами, что-то сказал сыну. «Не бойся, – прочитал по губам Алей, – всё хорошо». Невольно сжались кулаки. То, что делал отец, становилось уже преступлением. Нервы маленького человека могли не вынести подобного ужаса. Даже взрослого Алея мучил страх! «Папа! – немо крикнул Алей, – прекрати! Отведи его домой, если ты хоть чуть-чуть его любишь!» Но Ясень не услышал.

И так получалось, что Алик, старший брат, остался единственным, на кого Инька мог надеяться, единственным, кого он мог ждать. Маленький Инька нацарапал его имя на столе в страшной избе. Как бы жутко и тяжело ни приходилось Алику, он не имел права отступить, дать слабину: он был один в поле воин. Кроме него, никого не было.

Последним усилием воли Алей запомнил пустое шоссе и брошенную стройку, чтобы приказать Эну провесить туда тоннель, а потом нахлынувший ниоткуда бурный поток света увлёк его за собой, и он вернулся в сознание.

– Да, дела… – услышал он голос Мая. – Эпилептик?

– Не знаю, – задумчиво отвечал Летен, – Рябинушке надо показать. Непохоже… Нет, не эпилептик. Это профессиональное.

– А кто он по профессии? – подтянулся Корней.

– Маг, – с неожиданной ласковостью сказал Воронов, – волшебник. Очнулся? Водички дайте человеку…

Алей жадно выхлебал половину протянутой бутылки. Летен придерживал бутылку поверх его трясущихся пальцев и улыбался ему, точно щенку. Другой рукой он поддерживал голову Алея, на пару с Маем. Алей лежал на траве, а они с двух сторон от него сидели на подогнутых ногах. Когда Май склонился над ним и стал с любопытством заглядывать ему в лицо, Алей окончательно почувствовал себя щенком, потом идиотом, разозлился и встал.

– Надо ехать, – сказал он. – Мы их догоним.

– А сил у тебя хватит? – мягко спросил Воронов.

– Хватит, – коротко ответил Алей. – Времени мало.

Он нащупал на запястье змею. Эн молчал. Бодрствовал молча. Алей знал, что демон затаил на него зло, на миг он задался вопросом, что может затевать мстительная тварь. Но пока что Эн подчинялся… «Будем решать проблемы по мере их поступления», – сказал себе Алей и зашагал к машине.

– Что, – спросил его Корней, – снова в туман?

Алей сел, захлопнул дверцу, глубоко вдохнул. Рядом грузно опустился улыбающийся, не то растроганный, не то просто довольный Летен. Алей чувствовал исходящее от Воронова одобрение. То, что случилось, для Летена Истина было не более чем занятным приключением, и он веселился.

– Да, – запоздало ответил Алей Корнею, – снова… в туман. Обратно в Листву.

С переднего пассажирского места обернулся Май, окинул его изучающим взглядом и оптимистично спросил:

– Ещё сюрпризы будут?

– Не без этого, – ответил за Алея Летен. – Корень, газуй.

Мотор заревел. Меся колёсами грязь, машина выбралась на дорогу и устремилась обратно, туда, где спускалась над просёлком пелена тумана, словно облако, присевшее отдохнуть.

Алей прикрыл глаза и сосредоточился.

Сейчас для него существовал только демон, – демон Эн и мрачный, затопленный тьмой город, куда он должен был проложить путь.

«Тоннель, – мысленно проговорил Алей. – Провешен из Подлистовья-прим, окрестности Красной Горки… в Листву-два-прим, жилой комплекс… жилой комплекс…» Он не знал, как назывался этот безлюдный микрорайон, высокий и роскошный, архитектурой чем-то похожий на сталинские высотки, хотя возведённый спустя более чем полвека. Алей мог только вообразить его, что и проделал, старательно восстановив перед

внутренним взглядом все детали, какие упомнил. Он успел удивиться тому, как много, оказывается, разглядел в плотном мраке, успел понять, что места ему смутно знакомы, а потом услыхал голос.

Мысленная картинка исчезла. Остались только звуки, словно второе зрение Алея изменило ему.

– Алик, – сказал Эн, – привет.

Голос демона звучал сейчас детски искренне, грустно и чуть виновато. И ассоциировался Эн с мультяшным котиком или зайчиком, пушистым, прижавшим ушки зверьком, – никак не с железной змеёй.

«Привет, – беззвучно ответил Алей, – Эрниксиан. Тоннель провешен?»

– Провешен, – тотчас же послушно сказал прокси. – Комплекс называется Студенческий. То есть раньше назывался. Ну, вы увидите.

Алей снова представил себе роскошное новорусское жильё и удивился нелепому названию, а потом с нехорошим чувством повторил про себя: «Раньше назывался?»

Пустота.

Пустое шоссе, по которому носится только ветер.

Непроглядная тьма.

– Алик, – неразборчиво, будто надув губы, сказал демон, – давай помиримся?

От неожиданности Алей ничего не ответил, и Эн продолжил:

– Я злой был, потому что Вася злой. А ты добрый. Давай ты не будешь меня обижать. А я буду всё делать хорошо.

Алей настороженно молчал. В манере Эновой речи изменилось всё – тембр, лексика, построение фраз. Теперь демон говорил как ребёнок, выставлял себя доверчивым и беззащитным. Чешуйчатое тело его больше не обжигало кожу запястья мертвенным холодом. Алей замкнул внимание на проксидемоне, прислушался и понял, что начал чувствовать течение его мыслей. Воля Эна казалась пластичной: надави и поддастся.

«Я не люблю обижать, – ответил он, наконец. – Что, мир?»

– Мир, – с облегчением ответил Эн. – Я тогда сразу скажу, что до точки перехода долго ехать.

«Понятно», – подумал Алей.

– И я сейчас не Эрниксиан.

«А кто?»

– Нириэкс. Демон Отдельного Времени.

Сказав это, Эн засмеялся.

Беспечный детский смех его превратился вдруг в сухое металлическое звяканье, а потом в режущий уши грохот. Будто

многотонный грузовик вываливал ржавый лом на кучу другого лома.

– Мы с тобой тут надолго, – низко проскрежетал демон. – Может быть, навсегда.

Во рту у Алея пересохло. Он проглотил вязкий тошнотный комок и открыл глаза.

В машине он был один.

Мотор ревел, автомобиль резво шёл вперёд, в небытие. Стёкла облепил непроницаемый густой туман, белый как саван. Алей полулежал на заднем сиденье. Остальные пропали, как не было их – ни Мая с Корнеем, ни грозного Воронова… Алей смутно отметил, что он не боится. Только думать было трудно, как будто туман проникал и в мысли. «Он может лгать, – повторил про себя Алей, сжимая тело змеи, – может говорить правду, но всё – с самыми худшими намерениями. А ещё он создаёт служебные Вселенные для перехода из одной параллели в другую. И я думал, что там нет отдельного времени. Но я ошибся». Алей покусал губы. «Как бы то ни было, – подумал он, – человек способен обвести прокси вокруг пальца. Ягуар же предупреждал меня, что каждый раз застревал при переходе. Ситуация рабочая».

И всё же сейчас он находился в служебной Вселенной, созданной демоном перехода.

Ощущение было отвратительное.

– А тебе не надоест – навсегда? – спросил Алей.

– Ты за меня не волнуйся, – мягко посоветовал Эн. – Ты умрёшь раньше.

– Зачем тебе это?

– Ты меня обидел. Теперь я тебя обижу. Всё честно.

– А не боишься, что Вася тебе перья повыдергает?

– Во-первых, у меня нет перьев. Во-вторых, Вася не умеет со временем работать, а я умею, так что ты всё равно умрёшь раньше. Это приятно.

– Собираешься понаблюдать?

Демон снова рассмеялся, радостно, с подвизгиванием.

– Собираюсь комментировать, – сообщил он, хлюпая и фыркая от счастья. – Это будет забавно. Вот, скажем, ты представляешь, где сейчас твой любимый Летен?

– Где?

– Так я и сказал,– промурлыкал Нириэкс. – Помучайся. Он ведь тебе доверился. А ты трёх человек погубил, как с куста. Летен убивал своих врагов и врагов своей Родины, а ты убил людей, которые хотели тебе помочь. И кто из вас хуже?

Алей молчал. Он безотрывно смотрел в лобовое стекло, хотя

вид открывался со всех сторон одинаковый. Больше всего ему хотелось переключить мысли и не слышать Эна – но надо было слушать. Надо было найти зацепку и обернуть дело в свою пользу.

– Такой ужасный, кровавый грубый бандит Воронов, – журчал Нириэкс. – Такой прекраснодушный, интеллигентный, тонко чувствующий Алей Обережь. Признайся, ты же смотрел на него свысока. Даже тогда, когда видел, кем он может стать за Пределом. Он мерзкий кровопийца, а ты образец человечности. Ты, великий Улаан-тайдзи, собираешься спасти человечество от диктатора. Ты – Провидение, ты – Бог, ты определяешь судьбы. Первый раз в жизни вижу такую манию величия. Вася может выйти перекурить.

– А тебе нравится Воронов? – осторожно вклинился Алей.

– Мне? Мне нравится. Но не этим.

Тут Алея осенило. Он вспомнил, что говорил о Воронове Вася: далеко не каждый Якорь удержит Летена. В устах админа это могло значить, что и сам Вася не в силах его удержать. Существо вроде Нириэкса тем более не сумеет ничего сделать с человеком такого масштаба. Эн блефовал и глумился над Алеем.

«Ага, – подумал Алей, – ясно».

– А Ясень тебе нравится? – закинул он удочку.

– Ясень подгадил Васе, – резонно заметил проксидемон, – как он может мне не нравиться? И Вася его боится. Это же прекрасно.

– То есть ты работаешь на Ясеня?

– Я ни на кого не работаю, – фыркнул Эн, – размечтались. Я развлекаюсь.

– Не скучно в одиночестве?

– Я не в одиночестве. У меня есть ты. Кстати, – и Эн перешёл на сальный шёпот, – ты в курсе, что ты Летену нравишься? У тебя глаза красивые. И сам ты такой нежный мальчик, одно наслаждение.

Алей медленно улыбнулся.

– Летен тоже развлекается, – заметил он. – Нириэкс, зачем тебе портить ему удовольствие?

Демон хмыкнул и замолчал.

Он молчал несколько секунд. Алей тем временем пытался найти ещё одну лазейку, куда можно было бы увильнуть, если его примитивный экспромт не сработает.

Но он сработал.

– А и правда, – сладко протянул демон. – Всё-таки ты, Алик, мелкая рыбка. Скучно тебя умучить. А стравить Летена с Ясенем… О-о-о! Это будет эпическая битва. Не жалко тебе отца, Алик? Воронов его отутюжит. Редкий ты всё-таки подонок, как и

всякий интеллигент. Может, это у тебя Эдипов комплекс? Любишь маму? Или ты в Летена Истина влюблён? Какое море извращённых мотиваций!

Алей молчал. Улыбка его превратилась в напряжённую гримасу и не сходила с лица. Он скользил по лезвию бритвы: Эн мог принять его игру, мог обратить всё в издёвку, шансы были равны.

Ожидание стало невыносимым. Алей решил рискнуть.

– У Летена Истина есть автомат, – негромко заметил он. – Это так эротично.

Демон расхохотался.

– Вот они, – сказал он, – тайные устремления всех маминых мальчиков! Грубые альфа-самцы с большими стволами! Нет, было бы жестоко вас разлучить. Закрывай глазки, противный, я верну тебя избраннику твоего сердца.

Алей сжал зубы.

Он опять упустил момент перехода. Нириэкс не стал тянуть время. Алей сморгнул – и вздрогнул, услышав мрачное бормотание Корнея:

– Рановато сегодня стемнело…

Корней снова включил фары, и бледный золотистый свет выхватывал из тёмного моря ночи то припаркованную машину, то дорожный знак, то бетонные блоки обочины. Не светился ни один фонарь. Тьма всё сгущалась. «Хоть глаз выколи», – бурчал Корней и прибавлял: «Чертовщина». Алей был с ним согласен. Он понимал, что происходит и как они оказались здесь, но никогда не спящая Листва встречала их гробовым молчанием. Это было жутко. «Саван», – вспомнил Алей, и стало нехорошо: слишком часто сегодня возвращалась к нему эта ассоциация.

После разговора с Эном он чувствовал себя так, будто наелся гнили. Хотелось попросить воды, но он не решался.

– Корней, – поторопился сказать он, и снова вздрогнул – собственный голос прозвучал непривычно, сипло и низко: – вы знаете, где жилой комплекс Студенческий?

– Знаю, – отозвался тот. – Напротив Университета. Ну, почти. Нам туда?

– Да.

Корней резко выкрутил руль, сворачивая в переулок.

– А навигатор не работает, – вдруг заметил Май. – Говорит, сигнала нет.

– Мы в черте города, – всем и никому сказал Корней.

И наконец, заговорил Летен.

– Корней, останови, – велел он и обернулся к Алею. – Алик, я

думаю, пора объяснить нам, где мы находимся.

Алей ждал этого вопроса уже давно. Он терялся в догадках, почему Воронов не спросил раньше. И теперь он подобрался, сложил руки на коленях и как мог спокойно ответил:

– Мы в параллельном мире.

Корней длинно присвистнул. Май обернулся и пристально посмотрел на Алея через спинку сиденья.

– Судя по внезапной смене времени суток, – деловито уточнил Летен, – это уже второй по счёту.

– Да.

– Ты можешь объяснить, каким образом мы меняем дислокацию?

– Да. Через прокси-сервер. Обычный прокси-сервер меняет айпи… – Алей смешался под тремя испытующими взглядами, – а у меня есть сервис-программа, которая меняет параллели. Тоже регион… в некотором роде.

– Ясно, – сказал Летен как ни в чём не бывало.

– Хоро-ош… – озадаченно протянул Корней. – Экстремальный туризм. Я бы послал тебя ко всем чертям… если б сам не видел.

Летен усмехнулся.

– Корень, – сказал он, – тебе же понравилось сафари.

– Какое сафари? А! да, – Корней хмыкнул и потёр подбородок. – Ничего себе, да… А сейчас мы где?

– В Листве, – ответил ему молчаливый Май. – Ты бы лучше спросил, где все остальные.

– Что?

– GPS не работает. Сеть не ловит. Фонари не горят. – Май повёл рукой в сторону города. – Ни одно окно не горит. Машин нет. Никого нет. Корень, тебя это не настораживает? Меня настораживает.

Воронов откинул голову и уставился в потолок машины.

– Май, – спросил он вдруг, – у нас счётчик Гейгера есть?

Повисла тишина.

– Нет, – негромко ответил Май после паузы. – Нужен?

У Алея вся кровь прихлынула к сердцу. Его охватил ужас. Такая вероятность просто не приходила ему в голову. Это казалось невозможным, абсолютно фантастическим. Он не предусматривал подобного. А ведь Осень рассказывала ему, что в соседних параллелях идут войны с применением термояда… Но город стоял! Он не мог бы уцелеть после ядерного удара. И отец был всё же не настолько безумен, чтобы останавливаться в выморочной радиоактивной Листве!

– Мальчик нейтронную бомбу нашёл, – нравоучительно сказал Корней. – С нею мальчонка в школу пришёл. Кто его знает,

столько рентген мы уже словили.

– Н-нет, – едва выдавил Алей. Он заикался. – З-здесь н-нет ра-радиации.

– Откуда такая уверенность?

– Здесь мой отец. И брат. Папа бы… он не самоубийца…

– А он почём знает?

– Он знает, – с железной уверенностью сказал Алей.

– У него, – спросил Летен, – тоже есть сервис-программа?

Воронов был совершенно спокоен, даже безмятежен. Он вёл себя так, будто ничего сверхъестественного не происходило, и звук его голоса как-то разом снял волнение, успокоил всех. Алей почти с мольбой уставился на Летена. От ужаса и шока он сказал правду, да и не было больше причины врать:

– Нет. Он умеет сам.

– Ясно, – сказал Летен и задумался.

Он размышлял с минуту, которая показалась Алею часом, а потом сказал Корнею:

– Поехали.

Безмолвные тёмные дома замелькали по сторонам. Дорога была пуста, и Корней гнал, словно пилот гоночного болида, куда-то сворачивал и снова гнал… Алею подумалось, что он очень хорошо знает Листву. Май снял навигатор с подставки и задумчиво прокручивал карту, должно быть, отслеживал путь, но Корней ни разу ничего не спросил.

– Вот, – проговорил он, наконец. – Подъезжаем.

Алей подался вперёд, пытаясь различить во тьме очертания комплекса, знакомого по видению. Корней затормозил, но Алей всё не мог разглядеть нужную высотку. Наверно, они подбирались с другой стороны.

Машина остановилась. Летен обернулся к Алею и спокойно, ободряюще велел:

– Ищи. Остальное сделаем мы.

Алей послушно кивнул и прикрыл глаза. Под веками заплясала, задрожала насмешливая злобная тьма.

Тьма.

Забор навеки заглохшей стройки, белый фанерный плакат «Работы производит строительная…» Панельный дом, далёкий этаж. Который?

Инька сидит за столом, не то пишет, не то рисует что-то, а далеко-далеко тоскуют по нему верный друг Лёнька с собакой Лушей, рыжей, четверолапой. И бахрома на абажуре настольной лампы – рыжая. А у тяжёлого стола – четыре ножки.

«Четвёртый этаж?» – предположил Алей. Но это было низковато; он помнил, где загорелся свет – высоко, чуть ли не под

самой крышей.

Четырнадцатый? Или не этаж четвёртый, а подъезд?

Третья по счёту параллель.

Десять лет Инею, двадцать – Алею, сорок девять – Ясеню Обережу.

Как же трудно искать точные числа, почти невозможно. Даже если это не курс валют, а всего лишь адрес. Кажется, проще выйти из машины и пойти наугад, как шёл Алей наугад через лес от полустанка к отцовской даче.

Платформа «Девяносто первый километр».

…Алей глубоко вздохнул и сказал:

– Четвёртый подъезд, тринадцатый этаж. Номер квартиры определить не могу.

– Не надо, – сказал Май. – Достаточно.

И они с Корнеем вышли из машины – очень быстро и совершенно бесшумно. Алею показалось, что побратимы повеселели. Летен улыбнулся, глядя на них. Корней извлёк из тайника второй автомат, а потом бросил Маю какую-то чёрную тряпку.

– Да ну тебя! – бодро ответил Май, кидая тряпку на сиденье. Она развернулась, и Алей узнал вязаную маску спецназовца с вырезами для глаз и рта.

Ему стало дурно. Он представил, как два автоматчика выбивают дверь в квартиру, где сидит маленький ребёнок, приказывают лечь на пол, вытянуть руки…

– Не беспокойся, – сказал Летен. – Сделают аккуратно, без пальбы. Пойдём следом?

Алей сглотнул и, не ответив, вышел из машины.

Было очень холодно, как будто при переходе из параллели в параллель сменилось не только время суток, но и время года. Ледяной ветер пробивал до костей, и вместе с ним жгло и пронзало сознание, как же в действительности пустынно, мертво и страшно в этом мире. Так в детстве Алей пугался, читая о далёких планетах, на которых погибла жизнь. Но здесь всё было по-настоящему. Жизнь погибла. Впору было вообразить, что и солнце этого мира погасло, и никогда более здесь не рассеется тьма.

Май и Корней скрылись. Летен помедлил у машины, сунулся в неё и достал толстый серый свитер. Окликнул Алея.

– Держи, – сказал ему, – а то простудишься.

Алей хотел ответить, что у него есть одежда в рюкзаке, но вместо этого нелепо посмотрел на Летена, комкая свитер у груди.

– Даже крыс нет, – мрачновато заметил Летен, оглядываясь, а

потом велел: – Пошли.

И в этот миг затеплилось далёкое окно над их головами.

Алей увидел его первым и едва не вскрикнул. Лайфхакерская интуиция на долю секунды опередила бойцовскую реакцию Воронова. Летен недоумённо покосился на Алея, а потом проследил за его взглядом и сказал с усмешкой:

– Ну, поймали.

Алей бегом кинулся к подъезду.

На лестнице Воронов догнал его. Лифт не работал, а подняться пешком на тринадцатый этаж оказалось неожиданно тяжело. Алей выдохся где-то на седьмом и уцепился за перила, досадуя на собственную нетренированность, недостойную мужчины. Летен добродушно подтолкнул его в спину.

Дверь квартиры была распахнута, изнутри лился свет. Май и Корней стояли в гостиной, прибранной, богато обставленной. Кроме них, в комнате никого не было.

– Чертовщина, – снова сказал Корней. – Мы их слышали. Шуршали они тут и топотали. Вошли – никого. В окно, что ли, смылись?

– Не в окно, – за Алея ответил Воронов.

Алей расширенными глазами смотрел на лампу – тёплую настольную лампу в зелёном бархатом абажуре с рыжей бахромкой. Откуда в мёртвом мире электричество? Или папа носит с собой батарейки?

Минуту назад Иней что-то рисовал при этом свете…

На деревянных ногах Алей прошёл к столу и взял в руки неровно выдранный из альбома листок. Печатными буквами, мелко и криво на нём вывели: «Алечка забери меня отсюда пожалуста тут страшно».

Алей положил листок на место. Голова была пуста, в висках гулко звенело. Подошёл Летен, склонился над листком, прочитал и нахмурился.

– Несладко парню приходится, – вполголоса проговорил он и прибавил мягче: – Алик, возвращаемся.

Ему пришлось снова подтолкнуть оцепеневшего Алея и едва ли не за руку вывести из квартиры.

Внизу, в машине, Май сказал:

– Лёд. У меня дети маленькие. Прости. Это уже слишком.

– Понял, – ответил Летен. – Претензий не имею. Корень?

Корней хмыкнул.

– Экипироваться надо посерьёзней для таких сафари, – ответил он. – А так я спрыгивать не намерен.

– Ладно, – решил Летен и заглянул Алею в глаза. – Алик, на сегодня всё.

Алей отвёл взгляд. Он никак не мог прийти в себя, его начало потряхивать от нервного возбуждения, и соображать было трудно.

– Мы выручим твоего брата, – твёрдо сказал Воронов. – Корень прав: подготовка нужна. Дашь нам сутки?

– Я… – выдавил Алей и больше ничего не смог сказать, только судорожно кивнул.

– Как нам вернуться обратно?

Алей глубоко вдохнул и выдохнул. «Тоннель, – подумал он. – Из Листвы-два-прим в Листву». Его охватила отчаянная надежда, что Эн насытился и больше не станет издеваться над ним. Силы заканчивались, в глазах плыло. Он вцепился в кожаную обивку сиденья и подумал: «Сейчас ночь. Если не будет другого выхода, я позову Васю. Я позову Васю, он нас вытащит…»

Но сигнал пришёл: тоннель был провешен. Алей ощутил настроение проксидемона: Эн что-то затевал. Он хотел играть с Вороновым и рассматривал Алея как инструмент, пока всё шло в соответствии с его замыслами, и он не собирался чинить препятствий. «Ладно, – бессильно согласился Алей. – Пускай хотя бы так», – а вслух произнёс:

– Нужно проехать чуть вперёд. Там будет стройка. Ворота открыты. Минуем стройку… и всё.

Корней молча дал по газам.

…Звёзды в небе загорелись одновременно с морем городских огней. Воздух наполнился звуками; казалось, можно было чувствовать вибрацию земли под колёсами сотен тысяч машин. Навигатор пикнул, найдя сеть, определил местоположение и сменил карту. Корней шумно выдохнул. Май потёр лицо ладонями.

Алею казалось, что он сидит и смотрит на дорогу, летящую навстречу. Осиянными стрелами возвышались небоскрёбы, похожие на космические корабли. Цепочки фонарей сливались в горящие нити, в золотые реки, текущие сквозь дрожащий, колеблющийся мрак. Проспекты сменялись тоннелями, многоцветье витрин – тишиной переулков. Город дышал; пульсировало его огромное сердце, гнало по жилам жаркую электрическую кровь. Дорога всё не кончалась. Скоро Алей перестал понимать, куда они едут и сколько им ехать ещё; он просто сидел и смотрел на привычный, родной, живой город, Листву, столицу Росы в одном из лучших во Вселенной миров.

В действительности он давно был без сознания.

Свет бил прямо в глаза. Алей зажмурился и почувствовал, как проваливается сквозь тахту, сквозь пол, сквозь перекрытия этажей – до самой земли. Казалось, толща бетона давит на грудь и

мешает дышать. Он судорожно втянул ртом воздух и очнулся. Открыл глаза, уставился в потолок, пытаясь вспомнить, как он попал домой…

Люстра на потолке была чужая.

Алей наморщился и перевёл взгляд. Даже это оказалось нелегко проделать – такая слабость владела им.

Тахта тоже была чужая, и не тахта вовсе, а кровать. Напротив неё стоял стол, а за столом сидела незнакомая женщина лет тридцати, красивая яркой, редкостной красотой. Алей невольно залюбовался ею. Снежно-белая кожа незнакомки будто светилась. Тёмно-алые вьющиеся волосы она заплетала в косу, которую перебрасывала на грудь. Тонкое лицо её было спокойно и чуть печально.

– Проснулись? – спросила она с улыбкой, заметив его взгляд. – Доброе утро. Хотя сейчас вообще-то полночь. – Голос её оказался глубокий и нежный, певческий.

– Вы… – начал Алей и смолк: составлять слова во фразы было нелегко, а произносить их – и того труднее.

– Меня зовут Рябина Метелина. Можно просто Рябина. А вы Алей Веселин.

– Да…

Она поднялась из-за стола, подошла и присела на край постели.

– Вас привёз Летен, – сказала она. – Я врач.

– А… понятно. Я…

– Вы сознание потеряли, – Рябина помолчала. – Летен не говорит, что с вами случилось. Скорую вызывать запретил. А что я сделаю дома? Смотрю, вены у вас чистые, кровотечений нет, следов побоев нет. Летен говорит, что черепно-мозговой травмы не было, а было что-то вроде эпиприпадка, но вы не эпилептик. Так я и не поняла: эпилептик или нет?

Наверно, мысли Алея легко читались по его лицу, потому что Рябина сказала:

– Понятно, не эпилептик. Так всё-таки? Вид у вас истощённый. Вас держали в заложниках?

Она спросила это так просто, будто к ней уже десятки раз привозили истощённых обморочных жертв. Алей не успел с удивлением.

– Нет, – сказал он и помотал головой: – Нет, нет.

За этим скупым движением последовал новый прилив слабости, такой, что свет в глазах померк. Алей перестал чувствовать и понимать, проваливаясь в небытие, и Рябина сунула ему под нос ватку с нашатырём.

– Вас точно не били? – спросила она, когда Алей пришёл в

себя. – Не надо обманывать, я ничего больше не спрошу.

«Нет», – подумал Алей; сил его хватило только на то, чтобы сделать едва заметный знак глазами.

Рябина нахмурилась и спросила:

– А ели вы в последний раз давно?

Алей прикрыл глаза и мысленно чертыхнулся.

С тех пор как админ Вася выпил его кофе – а было это вчера в середине дня, то есть уже почти позавчера, – у него во рту не было и маковой росинки. Последний раз он ел на отцовской даче, а с тех пор разве перехватил пару кусков. Или решил, что перехватил. Сегодня утром от тягостного волнения он не сумел впихнуть в себя завтрак. Потом пришёл черёд путешествий и приключений, едва не вылившихся в перестрелку… он спорил с проксидемоном, ему являлись видения, и один раз у него уже случился обморок…

– Блик! – одними губами проговорил Алей.

– Я вам сейчас чаю принесу, – сказала Рябина. – Очень, очень сладкого. Вы сколько дней не ели? Больше двух? Кивните, если да.

Алей отрицательно покачал головой.

«Чёртовы нервы, – думал он с досадой. – И нетренированность. То есть нет, я просто не ожидал, что этот режим работы потребует столько энергии… Мда. Измерять процесс ясновидения в калориях, кажется, ещё никому не приходило в голову. Хорошенькая была бы статья в женский журнал…»

Рябина вышла и вскоре вернулась с большой фарфоровой чашкой.

– Со сливками, – весело сказала она.

У неё в хозяйстве оказался маленький складной столик, подобия которого Алей до сих пор видел только в кино: столик ставился прямо поверх больного, можно было есть, не вставая, только опираясь о спинку кровати.

– А Летена я ужином накормила, – сказала Рябина. – Он на кухне новости смотрит, ждёт, когда вы в себя придёте. Сейчас я вам ещё сырников принесу, если остались, а если нет, то булку с маслом.

Она не притворила дверь комнаты, и вдалеке слышались голоса. «Ну блик! – говорил кто-то ломающимся мальчишеским баском, – я не хочу опять на Мальту. Нам там в прошлый раз не понравилось». «Тогда в Англию поедете, – сурово отвечал Летен Истин, но в голосе его слышался сдержанный смех: – английский язык учить надо». «В Англии ску-учно, – тянул второй басок, – мы целый год учились, что, ещё всё лето учиться? Ну пап!»

Рябина высунулась в дверь и сказала:

– Огонь, Пламень, не спорьте. Уголёк спит?

– Нет, – ответил не то Огонь, не то Пламень, – за компом сидит.

– Время – первый час! – возмутилась Рябина. – Скажите, что мама велела немедленно идти спать. И вы тоже ложитесь. Мы с папой заняты.

«С папой?!» – Алей заморгал и уставился в потолок.

У Воронова есть дети? И Рябина – его… жена? Видимо, бывшая, если Летен собирается жениться на Поляне. «Но я её не видел, – тревожно думал Алей. – Никаких ассоциаций, никаких связей, ни одной. Даже намёка не было, что у него уже есть жена и дети. Что за чёрт?..» Он отхлебнул приторно-сладкого чаю, в задумчивости уронив несколько капель на покрывало.

Рябина принесла суповую тарелку, с горкой наполненную тёплой выпечкой, и аккуратно пристроила на столике.

– Спасибо, – сказал Алей.

– Пожалуйста, – она улыбнулась. – Как вы себя чувствуете?

Алей помедлил, прислушиваясь к себе, и ответил:

– Лучше. Я… Рябина Метелина, ничего со мной особенного не случилось. Я просто не ел очень долго, не потому что, а… я, в общем, просто есть забываю иногда. – И он неловко прибавил: – День тяжёлый был, нагрузки большие.

– Ясно, – Рябина вздохнула. – Да вы ешьте, а то опять забудете.

– Ага, – Алей кивнул, запихивая в рот масляный горячий сырник.

Дверь скрипнула.

Алей скосил глаза и увидел длинного, мосластого парня лет тринадцати. Светловолосый, с глубоко посаженными глазами, он походил на отца как две капли воды. Никаких не оставалось сомнений: парень – Воронов.

– Ну что тебе, Гонька? – укоризненно спросила Рябина.

– Здрассте! – сказал Алею Огонь Рябинин и заученно заныл, исподлобья поглядывая на мать:

– Мам, ну можно мы ещё посидим? По телеку фильм начинается. Папа сказал – можно.

Рябина с наигранной скорбью опустила лицо.

– Ладно, – ответила она, – раз папа сказал, значит, можно.

– Сы-пасиб! – закончил сын и скрылся.

– Хулиганьё! – сказала Рябина с улыбкой. – Спасу нет. – И обернулась к Алею. – Метро скоро закроется. Летен сказал, он вас домой отвезёт. Но, по-моему, лучше вам остаться здесь. Комната гостевая, бельё свежее, у меня и зубная щётка нераспечатанная

есть. Переночуйте. Мальчики себя тихо вести будут.

– Спасибо, – тихо сказал Алей.

– Я тогда пойду скажу Летену, чтоб он не ждал.

Рябина поднялась и вышла. Алей откинулся на подушки и поморщился: руки стали масляными, а салфетку Рябина забыла. Стоило бы подняться и сходить в ванную, но изысканный столик был для него сейчас тяжеловат, Алей рисковал обрушить на себя посуду, начав с ним возиться.

Дверь отворилась. «Ряби…» – начал Алей и осёкся: в проёме стоял Воронов.

– Ты как, – спросил он дружески, без малейшей насмешки, – живой?

– Живой, – на автомате ответил Алей и встрепенулся: – Летен Истин, я вам очень…

– Знаю, – Воронов сделал жест рукой, прекращая благодарности, прикрыл дверь и сел на Рябинин стул. – Ты мне вот что скажи: куда мы в следующий раз попадём?

Алей помолчал.

– Сейчас – я не знаю. Я могу узнать.

– Мы два раза промахнулись, – сказал Летен. – Надо менять тактику. До сих пор ты искал место, где они находятся. Ты можешь найти место, где мы их поймаем?

Алей уставился на него и озадаченно заморгал. Настолько простая мысль до сих пор не приходила ему в голову.

– Н-наверно,– неуверенно сказал он. – Но…

– Хотя бы так, – предположил Летен. – Людям надо спать. Особенно детям. Несколько часов они не смогут двигаться. Можешь определить время?

– Попробую.

– Попробуешь или определишь?

Алей обречённо прикрыл глаза.

– Не знаю. У меня получалось определить время… Но папа… он может уйти в любой момент.

– Каким образом?

– Завернуть за угол. Скрыться с глаз.

– Значит, облава нужна, – усмехнулся Летен. – Чтобы не мог скрыться. Расставить людей надо. Сказал бы раньше, управились бы скорей.

– Извините.

– Я сам должен был подумать. – И он добавил: – Я, признаться, ждал, что будет просто дача большого человека, с охраной. Документами запасся. Даже ордер на обыск есть. А тут не документы нужны.

Алей незаметно прикусил губу.

– Ясно, – закончил Летен, – подумаем. И ты подумай, поищи. Завтра приеду.

– Летен Истин, – неожиданно для самого себя спросил Алей, – а Рябина вам…

– Она мне Рябина, – коротко ответил Воронов, поднимаясь, но всё же помедлил и сказал, наконец: – За Полянку не переживай. Это дело прошлое. Бывает.

«У вас трое детей», – подумал Алей, но промолчал. Он видел будущее Воронова – в нём была Поляна Родина, любимая и неразлучная, и не было трёх мальчишек-Рябининых. Учитывая же, каким это будущее представлялось… Вполне возможно, что для мальчишек так было и вправду лучше. Образование отец давал им превосходное, а в том, чтобы носить его фамилию (Алей только теперь это понял), на деле не было никакой выгоды. «А Поляна не боится», – подумалось ему и ещё подумалось, что Поляна, наверно, просто не понимает, что это значит – стать супругой Воронова.

Но он был её Пределом. Её великой вечной любовью. Что бы ни принесла ей эта любовь, Поляна всё примет с радостью. Такой уж она рождена. «Если Воронов останется без Предела, так будет даже лучше, – решил Алей напоследок. – Безопасней».

Летен ушёл, а минуту спустя в комнату заглянула Рябина. Алей попросил у неё ещё чаю и выбрался из-под одеяла.

Рябина закончила мыть тарелки и присела за стол, подперла подбородок красивой рукой. Алей смущённо пригубил чай и только потом взглянул на неё. Одной лампочки, заключённой в алый абажур, маловато было для просторной кухни, оконное стекло дышало тьмой, воздух полнился сумерками. Ореховые глаза Рябины темнели, и становилось понятно, что она намного старше, чем выглядит, ей уже под сороковник.

– Алей Веселин, – спросила она, – вы давно с Летеном знакомы?

– Несколько дней.

– Он о вас беспокоится, – Рябина помолчала. – Вы с ним работаете?

Алей замялся и ответил:

– Примерно так.

– Непохожи вы на делового партнёра, – сказала Рябина, – извините. Вам сколько лет?

– Двадцать.

– Зря вы в это ввязались, – просто сказала она.

Алей уставился в чашку.

– Вы правы, – сухо ответил он. – Но так получилось.

– И соскочить уже нельзя? Я знаю. Но вы подумайте, может, получится. Вам лет совсем мало. Я попрошу Летена – вдруг отпустит?

Алей неловко улыбнулся.

– Спасибо, но я…

– Сами, сами, понимаю.

– Он обещал мне помощь, – вдруг сказал Алей. Он не собирался откровенничать перед Рябиной, это выходило как-то помимо его воли. Доктор Рябина собирала анамнез, и глупым казалось что-то от неё утаивать. – Мне очень нужна помощь. И взамен я должен выполнить для него одну работу.

– А кто вы по роду деятельности?

Алей поморщился и коротко ответил:

– Хакер.

– Ясно, – сказала Рябина. В певучем голосе её неожиданно воскресли интонации Летена. – Дело уголовное выходит?

Алей поперхнулся чаем.

– Нет! – прокашлял он, – нет, что вы. Ничего особенного. Просто… информация.

– Информация… – медленно повторила Рябина, отводя лицо. В алых полутенях оно было чарующе прекрасным. Алей смотрел на неё, как завороженный. Слова подбирались к губам и теснились на языке, но он всё не понимал, о чём ему хочется рассказать Рябине, и можно ли рассказать ей об этом.

И вдруг он увидел её тоннель.

Это оказалось поразительно легко и просто. Не требовалось ни малейшего напряжения. Видеть тоннель было так же естественно, как видеть надетую на человеке одежду. Алей заморгал от неожиданности, зажмурился и разожмурился – всё осталось ясно, как было. Рябина Метелина Чалко, невролог в профсоюзной поликлинике, тридцать девять лет, трое сыновей – старшие близнецы Огонь и Пламень, младший Уголёк… Её Вселенная была Вселенной матери. За прожитые годы так велика стала мудрость Рябины, так укрепилось её сердце, что сама она уже незаметно становилась Якорем для тех, кто окружал её. Алей вспомнил, что мать – первый Якорь ребёнка. Всякий, кто попадал в поле силы Рябины, становился для неё дитятей – и Алей, в самом деле годившийся ей в сыновья, и могучие приятели Летена, и даже сам грозный Воронов, которого она любила и боялась. Тихо и покойно делалось им у материнской юбки, под материнской рукой.

Чтобы выйти за Предел и стать настоящим Якорем, администратором, подобным Полохову или даже могущественней его, Рябине не хватало осознанности и воли к власти.

А подтолкнуть её в нужном направлении было очень просто. Пугающе просто. Бросить несколько реплик: спросить, почему такая прекрасная и умная женщина похоронила себя, отказавшись от карьеры, развлечений и личного счастья, почему она живёт не своей жизнью, а только жизнями своих детей. Огонь и Пламень уже выросли, да и Уголёк не нуждается больше в ежеминутном присмотре. Что будет делать Рябина потом, когда они покинут гнездо?.. И грозой поднимутся мысль и понимание, мудрость не исчезнет, но обретёт мускулы устремлений, а власть с радостью подарят Рябине мужчины, которым с ней так тепло.

Алей поёжился. Напомнил себе, что никто не просил его взламывать этот Предел, и значит, нужно молчать.

– Как вы встретились? – спросила Рябина. Алей не сразу понял, что речь о Летене.

– Поляна познакомила. Поляна – это моя подруга, одноклассница, – поторопился объяснить он.

Рябина подняла прекрасные глаза, и он неуклюже, почти грубо выпалил:

– Вы знаете, что он женится?

Рябина помолчала.

– Знаю, – сказала она. – Слава Богу. Теперь будет спокойнее. Вы сказали – ваша одноклассница? Ей двадцать лет? – И она прибавила с тоской: – Господи, бедная девочка.

Алей едва не проговорился про Пределы и взломы. Вовремя прикусил язык. Этого Рябине не стоило знать. А самому ему не стоило напрашиваться на ответную откровенность, но он всё же сказал, чувствуя, как уши рдеют от острой неуместности вопроса:

– Рябина Метелина, почему вы не вышли за него замуж?

Ресницы Рябины дрогнули.

– Страшно, – коротко ответила она и встала. – Спокойной ночи, Алей Веселин. Будете утром кашу геркулесовую?

Алей покраснел до корней волос и что-то промямлил. Он понимал, что влез куда не надо. Но Рябина улыбнулась ему, как мать, кивнула и вышла, сказав из коридора:

– Гостевое полотенце – зелёное.

Вернувшись из ванной, Алей забрался в постель. Полежал немного, привстал, проверил, что проксидемон на месте: железная змея свернулась кольцом на тумбочке у изголовья. Алей покрутился с боку на бок на непривычном, слишком мягком диване и только успел подумать, что не сможет уснуть в чужой квартире, как провалился в глубокий сон.

…тихо текла вода смыслов в безмятежных берегах Старицы, и вечный полдень смотрел на неё из-за облаков. Зелёная лодка

ждала у берега, привязанная к колышку грубой верёвкой. В лодке лежали вёсла. Но никто не слыхивал, чтобы в этой лодке куда-то плавали, хотя её воплощение в вещном мире, интернет-поисковик, принимало любого и отвечало любому… Алей спустился с обрыва и сел на брёвна рядом с Полоховым.

– Привет, – сказал Вася и ловко кинул камешек: раз-два-три-четыре блинчика проскакало по тёмной речной глади.

– Это сон или видение? – спросил Алей.

– Ни то, ни другое. Я тебя разбудил, но ты проснулся не в бодрствование, а в интерфейс. Я ненадолго.

Вася покосился на Алея насмешливым бледным глазом и прибавил:

– Судя по твоему кислому виду, успехи никакие.

Алей не обиделся, но всё же раздражённо фыркнул:

– Твой прокси меня достал.

– Он не мой, он свой собственный, – ответил Вася и снова уставился на реку. – Я предупреждал.

Алей поразмыслил.

– Осень сказала, что Старица – закольцованный мир, – вслух подумал он. – Но это, я так понимаю, только для тех, кто пользуется чит-кодом.

– Верно.

– А как из неё выйти?

Настал черёд Васи фыркать.

– Ты уже знаешь.

– Знаю, – согласился Алей и посмотрел на зелёные борта Ялика.

– Умный! – ёрнически восхитился Вася.

– Меня только один вопрос интересует, – сказал Алей. – Осень говорила, что воду Реки Имён нельзя трогать. А что будет, если в ней искупаться?

– Дурак! – не меняя интонации, резюмировал Полохов.

Алей вскинул брови. Он не смотрел на Васю, но чувствовал ход его мыслей. Понимать админа оказалось не сложнее, чем читать Мая или Рябину, да и устроен он был в чём-то проще. Но Вася тоже ощущал мысль Алея, и Вася оскалился, сузив диковатые глаза:

– Веди себя прилично. А то болтанку подцепишь.

– Болтанку? Это что? – и Алея осенило: – Слив лишней инфы?

– Она самая.

– Ага, – сказал Алей с пониманием. – А вода – это вообще не вода, это нарождающиеся смыслы. Символы смыслов. Символы символов, причём всех, любых. Наглотаться этой воды – то же, что перебрать информации. Будет паралич мозгов и болтанка.

– В лучшем случае, – угрожающе посулил Вася, а потом пригорюнился: – Ладно, дело сделано, я пошёл гулять.

– Какое дело?

Полохов встал и воззрился на Алея сверху вниз. В глазах его снова загорелись голубые галактические огни.

– Инициация, – величественно сказал админ. – Теперь берегись! Теперь самый смак начнётся.

– Ты меня пугаешь.

– Я тебя предупреждаю, – и Вася хохотнул: – Если что, я на связи. Чувствую за тебя, понимаешь, некоторую ответственность… чингизид.

И он, не говоря больше ни слова, полез вверх, оскальзываясь на песке. Алей провожал его взглядом. Выбравшись на твёрдое место, Вася усердно потопал, стряхивая песчинки, и поволокся в лес, где и сгинул по всем правилам перехода из служебной Вселенной в рабочую.

Алей сморгнул, сделал глубокий вздох и закрыл глаза, надеясь вернуться в сон.

Вместо этого он проснулся.

…В Рябининой гостевой комнате было покойно и тихо. Сумерки казались текучими и бархатисто-мягкими на ощупь. Меж незадёрнутых занавесок раскидывался созвездиями огней бессонный город.

Над изголовьем кровати висели дешёвые пластиковые часики с подсветкой циферблата. Алей приподнялся, скользнул по ним взглядом. Было полтретьего ночи. Он проспал от силы два часа, но чувствовал себя освежённым и не то что бы отдохнувшим, но взвинченным и готовым к действию. «Понятно, – подумал он, – мы же между параллелями часов десять потеряли, не меньше. Для моего организма сейчас и шести вечера нет. А идея насчёт расхождения времени в параллелях правильная была. Есть расхождение». Он вспомнил другую свою идею, о предвидении будущего: возможно, оно есть результат контакта с похожей параллелью, где время ушло вперёд? Поэтому-то статистическая точность такая низкая, хотя случаются невероятные озарения. Параллели не идентичны…

Потом Алей задался вопросом, как и когда могли разойтись параллели с неидентичными сутками, и пришёл к выводу, что это могло случиться только миллионы лет назад в результате удара астероида или даже миллиарды лет назад, когда формировалась Луна; недаром Осень сказала, что в разных параллелях даже география разная. И с этой потрясающей воображение мыслью он встал.

Ему было заранее неловко оттого, что придётся среди ночи

будить Рябину, но надо было работать. Инька надеялся на него, а Летен попросил у него сутки на подготовку, и суток этих могло не хватить. Алей не имел права терять время.

Он оделся, подошёл к массивной деревянной двери и тихо нажал на ручку.

В доме кто-то не спал: по паркету в коридоре плыли разноцветные пятна света. Свет шёл сквозь дверь кухни, застеклённую полупрозрачным витражом. Алей прошёл к ней и осторожно открыл. На вытертом насухо кухонном столе стоял большой старый ноутбук, за ним сидела Рябина. Она обернулась. Уголки губ приподнялись в улыбке.

– Не спится? – спросила она. – Может, нужно успокоительное?

– Нет, спасибо, – смущённо ответил Алей. – Я хотел сказать, в общем, спасибо вам большое, но мне нужно ехать. Мне нужно работать.

Рябина помолчала.

– Может, не стоит? – сказала она; голос её звучал твёрдо и уверенно, и был это не вопрос вовсе, а указание врача. – Вам сегодня было плохо. Может стать хуже. Даже если работа настолько срочная, что не ждёт никак – вы же ошибок наделаете. Лучше сначала отдохнуть.

Алей смешался. Рябина, конечно, была права, но она знала не всё…

– Это не та работа, – неловко сказал он, – то есть, в смысле… мне просто интернет нужен.

Рябина улыбнулась, выгнула тонкие медные брови.

– Если только интернет, так давайте я вам свой бук одолжу.

– А… – Алей окончательно смутился, – э… спасибо, а ничего, что я?..

– Ничего. – Рябина встала, наклонилась к экрану, аккуратно щёлкнула мышкой – Алей, даже не видя монитора, понял, что она разлогинивается откуда-то. – Я засиделась, – продолжала она, – а мне тоже спать пора. Берите.

И она развернула ноутбук к Алею. На мониторе высвечивался один из крупнейших медицинских порталов.

– Я подрабатываю, – ответила Рябина на незаданный вопрос Алея, – отвечаю на вопросы на форуме. Летен нас обеспечивает, но я люблю, когда есть свои деньги.

– А зачем вам две работы? – не подумав, спросил Алей, и Рябина пристально на него поглядела.

– Откуда вы знаете, что их две? Летен сказал?

– Да, – соврал Алей и почувствовал, что краснеет: Рябине было очень неловко лгать.

Она кивнула и сказала:

– Иду спать. Всё, что в холодильнике, берите смело.

– Спасибо.

Оставшись наедине с ноутбуком, Алей открыл Ялик и задумался. В последнее время от него требовалось соображать быстрее, чем он привык, и важные мысли приходили с опозданием. Так и теперь: он хотел как можно скорее найти Инея и упустил из виду то, что за сутки Ясень мог поменять добрых двадцать параллелей. «Летен был прав, – думал Алей, терзая нижнюю губу. – Искать надо место, где мы их поймаем… Но как? Пускай Летен умеет устраивать облавы. Как поймать того, кто может в любой момент исчезнуть?»

Исчезновение. Переход.

Путешествия и приключения…

Путешествие.

Как отправляются в путешествие?

Догадка оказалась настолько простой, что Алей не понял даже, была то простая логика или предельный поиск. Нельзя исчезнуть при свидетелях; стало быть, требовалось оттеснить беглецов в такое место, где свидетели есть везде и всегда, за любым углом.

Например, на вокзал.

«Хорошо, – сказал себе Алей, несколько оторопев, – но папа это тоже понимает. Зачем ему на вокзал? Как вынудить его туда отправиться? Нет, всё-таки придётся искать ещё… Должна быть какая-то подсказка. Деталь».

Он взялся за мышь. Мышь была непривычной, очень маленькой, и Алей нечаянно щёлкнул по кнопке «вернуться» в браузере. На экране открылся форум, где работала Рябина.

И тут Алей вспомнил, что в два часа ночи на другой форум обычно приходит Минамото Дейрдре.

Он улыбнулся и торопливо вбил адрес «Запределья». Уже давно он знал, что однажды Металл даст ему ценный совет. Сейчас он понял, о чём спросит. Алей надеялся только, что Металл, устроившись на работу, не изменил своим привычкам и среди ночи сидит в интернете…

Алей увидел его сразу – внизу страницы, где высвечивались ники пользователей форума, бывших онлайн. «Только не уходи!» – мысленно взмолился он и открыл форму личного сообщения.

Он написал: «Привет! не знаю, как к тебе обращаться, то ли Талька, то ли Дейрдре. Наверно, всё-таки Дейрдре. Извини, что так в лоб, но мне нужна твоя помощь. Я решаю задачу, очень сложную. Меня преследует мысль, что я упустил какую-то деталь,

важную, но мелкую, и из-за этого ничего не могу понять. Подскажи, в какую сторону мне смотреть?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Привет, Улаан! Может быть, ты упустил не деталь? Может быть, ты погнался за деталями и упустил самое главное?»

Алей перечитал эти строки раз десять, прежде чем понял их смысл, а поняв, взялся за голову.

Талька Майоров ничего не знал о его жизни. Мог бы узнать, если бы заинтересовался и поискал, но среди лайфхакеров не принято было шпионить друг за другом. Дело было в другом. Талька умел давать советы, и он перешёл свой Предел – а это значило, что он улавливает неочевидные смыслы и видит всю систему сразу, ситуацию со всеми взаимосвязями, в исчерпывающей полноте. Чтобы найти логическую ошибку, ему не требовалось знать, о чём идёт речь.

Самое главное.

Всю жизнь Алея сейчас определяли два человека – Ясень и Летен. Они вторглись в неё внезапно и почти одновременно. До сих пор они ни разу не видели друг друга, не знали о существовании друг друга, нигде не сталкивались.

Алей ни разу не задавался вопросом, как они связаны.

Ясень Обережь. Летен Воронов.

Алей сознательно усложнил себе задачу, запустив предельный поиск сразу двумя потоками.

Отец Алея и «отец народа».

Потоки сошлись в единый на второй же ассоциации: видения. Впервые Алей узнал, что отец его жив, в видении – в том, где загадочная электричка шла через лесополосу за тёмной гладью озёрных вод, за туманом… Пускай он не сразу понял смысл видения, это ничего не значило. «Папа умер», – думал Алей тогда и получил ответ: «Нет, неправда».

А что Алей искал? Какая мысль и цель швырнула его, как щенка в воду, в визионерское озарение?

«Я искал Предел Летена, – напомнил себе Алей и тут же поправился: – Нет, я искал причину своего беспокойства. Я ещё не видел Воронова тогда и ничего не знал о нём, кроме того, что он жених Поляны. Но он уже тогда меня тревожил».

Алей потёр висок двумя пальцами. Да, он нашёл первый узелок, но до выводов было пока далеко.

Беспокойство. Тревога. Ужас.

…вскоре после этого Алей испытал смертельный ужас, подобного которому не случалось до сей поры в его жизни. Трижды ему довелось переживать ужас: впервые – когда он увидел Воронова за Пределом, во второй раз – когда пропал

Инька, и в третий – когда он решил, что утратил способности к предельному поиску, что дар его сожгло непрошеное ясновидение.

Запредельная сила Летена Истина. Запредельные возможности Ясеня Обережа.

Алей вздрогнул. Привычная маленькая молния мелькнула между ушами: интуиция подавала сигнал. Поисковик вступал на верный путь.

«Что случилось потом? – спросил Алей. – Что мне связывать воедино?»

Потом в его дом вошёл Летен Истин, и Алея снова посетило видение: громадное, жуткое, не столько связанное с Пределом одного человека, сколько с будущим всей страны. Всё это Алей хорошо помнил.

А потом Летен покинул его, отобедав и заручившись обещанием получить код Предела чуть позже… но позже Алей уже не мог его отдать, не мог и не желал. Но главное – не мог. Он уже не видел его Предела. И до сих пор не мог увидеть, хотя усердно искал. Понятийная цепочка растянулась на сотни звеньев, но в ней не было ни единого звена, рассекавшего смысловую сеть.

«Я что-то упустил?» – спросил он.

Только что Металл ответил на этот вопрос коротким личным сообщением, которое всё ещё высвечивалось на мониторе Рябины: Алей упустил самое главное.

– Ничего не понимаю, – вслух подумал Алей, ложась грудью на край стола. – При чём тут папа?

И вернулось зрение визионера; загорелся позади глаз второй, сверхъестественный монитор. Но ничего сверхъестественного он не показывал, напротив, картина была самая привычная, самая мирная: пустая квартира Алея, тихий весенний день. Алей лежал на тахте, свернувшись в клубок под пледом – сейчас он видел себя со стороны. Только что ушли Поляна и Летен. На душе скребли кошки. Голова гудела от усталости и напряжения, руки и ноги колол озноб.

Кто-то шёл к подъезду от гаражей.

Шёл, и звук шагов казался знакомым, словно Алей уже прислушивался к нему тысячу раз. Никого не было во дворе, путник остановился у подъезда, и Алей готов был голову дать на отсечение, что он поднял глаза и посмотрел в окно – до боли знакомое, родное окно собственной квартиры…

– Папа? – оторопело проговорил Алей.

Потрясённый, он откинулся назад так, что ударился затылком о стену. Видение медленно, медленно меркло, но Алей

уже не обращал внимания на тактильные и слуховые галлюцинации, прорезавшие тишину реальности.

Сомнений не оставалось.

В тот день, в тот час, лишь на минуту разминувшись с Летеном Истиным, к его подъезду подошёл папа.

«Но почему он не вошёл? – мысленно крикнул Алей. – Почему не позвонил?! Если он был там. Если он навещал меня, почему?..»

Потому что Ясень приходил по делу.

Внезапное осознание этого хлестнуло Алея точно кнутом. Он вскочил и заметался по кухне, кусая пальцы. У отца было какое-то дело, очень важное, важнее даже, чем возможность увидеть сына спустя десять лет.

Какое?

Ответ казался невероятным. В него не хотелось верить. Но альтернативы Алей не видел.

Целью отца был Воронов.

Почему? Как? Что понадобилось всесильному путешественнику Ясеню от красноярского бандита, пускай даже и с невероятным Пределом?

Алей рухнул на табурет.

«Я», – понял он.

Дело было в нём самом. Получалось, что Ясень знал о визите Воронова. Скорее всего, он знал, какие проблемы создал Алею этот визит. Папа любил Алея и всегда оберегал его, но как он мог защитить сына здесь? «Даже Вася его боится, – подумал Алей отстранённо, поглаживая кончиками пальцев тачпад ноутбука. – Папа может очень много чего. И что он сделал тогда?» Не без мрачной иронии Алей припомнил, что тогда папа, по всей вероятности, отправился планировать похищение младшего сына.

И всё-таки было что-то ещё.

Предел. Код Предела для Летена Воронова, который Алей так и не смог найти.

– Вот блик, – утомлённо проговорил Алей и провёл по лицу ладонью. – Не мытьём, так катаньем. Придётся заканчивать цепочку. Найду – пойму…

Сказав это, он раздражённо выдохнул.

Конечно, он планировал рано или поздно разобраться с этой задачей, но сейчас она казалась неактуальной. Сейчас нужно было выручать Иньку, а не искать рассечения семантических сетей среди тошнотворно-величественных военных парадов, манифестов, культов и монументов Летена. Но предельный поиск дал ясный и однозначный ответ: Алей не продвинется дальше, пока не покончит с кодом Воронова.

И он принялся за работу.

Тренированная память хранила все узловые значения, которые Алей уже нашёл. Он располагал временем, тишиной и доступом к интернету. Алей трудился не разгибаясь. Он падал в видения, точно с обрыва в бездну, и возвращался к действительности, даже не вздрагивая. Он запускал предельные поиски в два и в три потока, сплетал их интуитивно и логически, увязывал далёкие понятия через одно промежуточное, рылся в интернете и в собственной памяти. Он потерял счёт времени.

К пяти часам утра он понял, что цепочка вошла в кольцо.

Код был закончен.

И в этом коде, непривычно объёмном, заключавшем в себе несколько сотен понятий, не нашлось ни одного рассечения семантической сети.

Ни единого.

Глаза резало от перенапряжения. Алей выругался и плотно зажмурился, надавил пальцами на веки. Потом включил чайник. Ожидая, пока заскипит вода, он встал у окна и привычным движением прислонился лбом к холодному стеклу.

– Чертовщина, – пробормотал он и поёжился от звука собственного голоса, – чертовщина.

Что-то не клеилось.

Даже если бы Алей нарезал из реального кода фальшивую цепочку, он и то ввернул бы в неё одно или два рассечения. Иначе получалась не цепочка, а бессмысленная последовательность слов. Обычной бытовой интуиции хватило бы, чтобы распознать обман, а Летен не позволил бы себя обманывать… Но Алей искал честно, и он честно нашёл код взлома Предела, который в принципе не мог ничего взломать.

Как будто Предела у Воронова не было вовсе.

– Невозможно, – сказал Алей. – Даже чисто теоретически невозможно. Предел есть у каждого. А Летенов Предел я видел своими глазами. Пускай он мне не понравился…

Не понравился?

Алей встрепенулся. Сейчас, после напряжённой работы, его на самом деле клонило в сон, и трудно стало следить за подсказками интуиции, ещё труднее – делать их них выводы. Он постарался собраться с мыслями. Ответ маячил где-то совсем рядом.

Увидев Предел Воронова, Алей впервые испытал ужас. И была причина. Алей боялся не за себя – за целый мир, в котором жили его друзья, родные, девушки. За мир, которому предстояло стать даром победителю, отцу, командиру, хозяину – этой жуткой фигуре, громадной, почти нечеловеческой… Алей растерялся. Он

не готов был брать на себя такую ответственность. Какой молодой парень не мечтает стать спасителем мира! Сколько об этом написано книг, снято фильмов. Но когда ты не избранный, не неуязвимый киногерой и не изучал кунфу в Шаолине, спасать мир очень страшно. За это можно заплатить жизнью. Для этого может потребоваться подлость. Разве не подло было бы обрекать Поляну на участь декабристки?.. Да что там! Может потребоваться просто быть начеку, ежеминутно принимать решения и искать выходы, много дней и ночей без сна и отдыха. Для обыкновенного человека даже это – страшное испытание.

И папа Алея, сильный и смелый, пришёл сыну на помощь.

Вот только что именно он сделал, сын так и не понял.

– Чертовщина, – повторил Алей и выпрямился.

Чайник вскипел, но пить уже не хотелось. Хотелось спать. Время шло к утру, скоро должны были проснуться дети Рябины. Алей решил, что нужно урвать несколько часов сна. Утро вечера мудренее.

Он выключил Рябинин ноутбук, выключил свет на кухне и тихо прошёл к себе.

Иней сидел на бревне и бездумно чертил на земле веточкой.

Когда они вернулись в лес, к папиной зелёной палатке, он минут пять только и делал, что вздыхал от облегчения. В лесу было спокойно. Так тихо-тихо. Рядом речка, дачный посёлок, люди живут… Никаких ужасных пустых городов и ужасных брошенных деревень. Иней за всю прошлую жизнь не натерпелся столько страху, сколько за эти дни. Он думал, что с Шишовым плохо и противно, но это просто детские игрушки оказались по сравнению с пережитым.

Внутри у Инея было горько от обиды. Он обнаружил, что приключения – это плохо и противно. А в мультиках – так интересно! Захватывающе. Иней примерял свою новую жизнь на мультики и честно признавал, что смотреть её по телевизору было бы здорово. Суперски. Особенно вместе с Лёнькой…

И где сейчас Лёнька? И собака его. «Скучают, наверное», – подумал Иней и вдруг так сильно заскучал по ним, что слёзы навернулись на глаза. Он очень, очень хотел обратно.

Когда-то он придумывал истории про то, как волшебным образом вернулся папа и забрал его от Шишова. И папа волшебно вернулся и забрал. Это наводило Инея на мысль, что придуманные им истории имеют какую-никакую силу. Поэтому теперь он придумывал, как к ним придёт Алечка и… Нет, Иней не хотел расставаться с папкой. Папка был чудесный. Но Иней уже устал от приключений, а папа всё не уставал и не уставал.

Иней хотел домой.

«Домой» у него теперь стало целых три: один дом – где мама и Шишов, второй – вот тут, где зелёная папкина палатка, а третий – в квартире бабы Зури, где живёт Алик. Иней хотел к Алику. У Алика бы ему точно жилось хорошо. Не надо было бы прятаться, убегать, огрызаться, злиться. Вот это настоящий дом – когда не надо ничего такого делать. А когда надо – то это и не дом вовсе, одно название.

Иней придумывал истории про Алика и так в них верил сам, что почти всерьёз писал Алику весточки. Ногтем на столе написал в ведьминой избушке, пока папа отстреливал мутантов на опушке леса. Честно говоря, до сих пор Иней не верил в мутантов. Алик объяснил ему когда-то, что мутантов и зомби придумали для прикола, чтобы кино снимать и игры делать. А вот оказалось, что правда. Но настоящие мутанты были очень страшные, кошмарные просто. Иней среди ночи просыпался с криком – ему снилось, как плетутся вдали по бурьяну сгорбленные, расслабленные какие-то фигуры, падают, сбитые пулями, и снова поднимаются и плетутся… Папа только посмеивался и перезаряжал ружьё. Больше всего Иней боялся, что папа и ему предложит стрельнуть, а у Инея не хватит духу, и значит, он не мужик. Но папа не предложил, всех пострелял сам.

А потом они уехали в пустой город, где была ночь, и из этой ночи и города вдруг попали в другой город, живой, где был день. Иней не понимал, как так получилось, и только молча боялся. Он так искусал губы, что они никак не могли зажить и горели. И из города, где был день, они опять уехали в лес, в палатку.

Иней не знал, зачем они так мечутся. Папа говорил: «Пора!» – вставал и брал его за руку, и всё менялось, мир менялся, становился ещё страшнее, чем был. В одном из миров им пришлось бросить машину. Кажется, они от кого-то убегали. Иней один раз прямо спросил папу, от кого они бегут, но папа не ответил. Сказал: «Так надо, сын, поверь мне. Скоро поймёшь». И всё.

Иней верил папе. Он просто очень устал.

Теперь папа сидел в палатке и перебирал струны гитары. Он пел страшную песню, и пел её сам себе. В ней звучала папина таинственная жизнь, его далёкие печальные странствия и неведомые друзья. Очень взрослая была жизнь. Иней примерял её на кино, и кино выходило интересное, а на самом деле получалось просто очень тоскливо. Иней старался не слушать, но всё равно слышал. Как-то неловко было затыкать уши.

Там, где остров, заросший осокой, посреди безымянной

реки,
Полустёрты эпохой далёкой, проходили с боями полки.
Вот зелёный цветущий пригорок – как боец, в нём лежит пулемёт…
Здесь рассвет занимается споро и умытое солнце встаёт,
Тихо тают ночные туманы, сладко пахнут цветы над рекой.
Нам, недобрым, усталым и странным, хорошо отойти на покой.
Набело выбелит снег виски.
Выбери имя своей тоски.
Ты послушай, отшельник, послушай, ввечеру над водой наклонясь,
Как отводит косматую душу буреломов и осыпей князь.
Как лисица выходит на зайца, и ложится ночная роса.
Может статься, тебе не приснятся этой ночью друзей голоса.
Помнишь, старый, как мы поднимались к поднебесью, где искры звенят?
Ни изъяна на синей эмали. Не печалься. Не помни меня.
Лиц и поныне черты резки.
Названо имя твоей тоски.
Пусть иссохшие чёрные ели смоляную роняют слезу –
Надо льдом, в снеговой колыбели тёплой жилкою бьётся лазурь.
Там, где радуги, словно коровы, серебристую щиплют траву,
Ни судьбы не имея, ни крова, я теперь беспечально живу.
Светлый дуб гробовой доски
Скроет имя твоей тоски.

Папа допел и выбрался из палатки. Он улыбался, но лицо его было грустно. Иней вздохнул.

– Ты как, мужик? – ласково спросил папа. – Устал?

– Ага, – признался Иней.

– Я тут решил: посидим-ка мы в лесу, отдохнём. Я тебя обещал на охоту взять. Пойдёшь охотиться?

Иней не ответил. Совсем недавно он так мечтал пойти с папой на охоту… Папа подошёл и присел на корточки рядом с ним. Заглянул в глаза.

– Ну что ты? – спросил он встревоженно и виновато. – Прости меня, укатал я тебя совсем.

Иней снова вздохнул. Папа забеспокоился.

– Инька! – воскликнул он. – Да что с тобой? Разнюнился.

Иней вздохнул в третий раз, набрался смелости и сказал:

– Пап. Я домой хочу.

Ясень помрачнел.

– К Шишову? – спокойным голосом спросил он.

– Нет, – Иней кинул на него быстрый взгляд. – К Алику. Я по Алику соскучился.

Ясень моргнул, озадаченно нахмурился – и вдруг рассмеялся.

– Так что ж ты молчишь-то? – шутливо возмутился он, тиская сына за плечи. – Поехали к Алику!

Он встал и поманил Инея за собой. Иней недоумённо заморгал и слез с бревна. Не то что бы ему хотелось новых приключений, но раз папа обещал к Алику… Они обогнули колючую купу ёлочек, проломились через малинник, влезли на холм и там нашли (Иней так и вытаращился) двух сказочно красивых вороных лошадей в блестящей, будто золотой сбруе. Лошади храпели и косились на них огненными глазами.

– Я обещал, что научу тебя на лошади ездить? – бодро напомнил Ясень.

– Обещал… – уронил Иней и остался стоять с открытым ртом.

Кони были – как чудо. Настоящее чудо, доброе, не то что гнилые избушки и чёрные города. Против таких чудес Иней ничего не имел. А если на этом чуде им предстояло ехать к Алику… Иней вообразил, как они подъезжают к Алику верхом, такие, такие… сверкающие, и Алик изумлённо вскидывает брови, и ласково смеётся, и говорит ему: «Ну ты даёшь, Толстый!..» Иней расплылся в счастливой улыбке.

Папа потрепал его по бритой макушке.

– Ну что, – спросил, – который больше нравится?

– Оба, – очарованно признался Иней.

– Их зовут Этигэл и Шонхор, – сказал папа.

Имена оказались тоже сказочные, под стать коням. Иней восторженно закатил глаза.

– Этигэл – значит, Надёжный, – продолжал папа, отвязывая поводья. – Он спокойный и добрый, будет твой. Иди-ка сюда, подсажу.

Иней тихо пискнул, оказавшись в седле, и намертво вцепился в луку. Было очень высоко. Теперь папа смотрел на него снизу вверх, довольный, сверкал зубами в улыбке и откровенно любовался на сына. Этигэл тряхнул гордой головой, фыркнул, и Иней снова пискнул – от ужаса. Конь переступил копытами, и Иней разом вспотел.

– Не боись! – гаркнул папа. – Кони чуют! Поедем шагом, ничего страшного.

– Я не боюсь! – громко сказал Иней. В груди у него кипел восторг. Он забыл все свои злоключения, забыл об усталости и тоске. Сейчас он даже готов был доказывать, что настоящий мужик.

Папа укоротил стремена и всунул в них Инеевы ноги. Потом отдал ему повод и объяснил, как рулить лошадью.

– На самом деле, – сказал он напоследок, – Этигэл пойдёт за Шонхором сам. Так что не волнуйся.

Иней кивнул. Он чувствовал лёгкое разочарование: уже успел напрячься и приготовиться в расчёте, что будет рулить своей рукой.

– Шонхор – значит, Сокол, – пояснил папа. – Горячий зверь! – Он взлетел в седло и ударил коня пятками. – Едем, Цан-тайдзи. Не грусти!

– Я не грущу! – звонко сказал Иней, улыбаясь во весь рот, и прибавил: – Поехали!

Глава 9. Индексация

Улаан-тайджи открыл глаза в полной темноте.

Вдалеке кричала ночная птица. Крикам её отвечало лишь эхо, и чудилось, что одинокий гортанный голос принадлежит человеку, что он отчаянно, горестно зовёт кого-то; может, не человек то был, а неведомый дух, белый лебедь или золотой волк из тех, что зачинают в женских животах великих героев… Заржала лошадь, послышался топот копыт, звякнул металл, и птица смолкла. Донеслась хриплая перекличка ночной стражи: подходило время сменить её страже дневной. Улаан узнал кашель Хурамши-нойона, надоедливого, мнительного старика. Он поморщился: Хурамша, год назад приставленный к нему отцом, успел выесть царевичу костный мозг. Счастье младшему брату, что ему ещё рано думать об управлении улусом и командовании войском, а стало быть, и слушать должные наставления… Китайские мудрецы рассказывают вещи позанятней.

Бледные предвестья зари начали теснить ночь, пятно дымового отверстия медленно светлело. Ночные духи бежали с земли, прятались в норах и логовищах… Некоторое время Улаан бездумно смотрел в потолок двенадцатикрылой ханской юрты, потом повернул голову. С двух сторон от него, смуглые, тонкие и красивые, с лицами, капризными даже во сне, с масляными чёрными косами, которые вились по кошмам, как змеи, дремали две касожские наложницы, дочери подвластного хана. Царевич не помнил их имён и называл по-монгольски – Кермен и Булган, Белка и Соболь. Довольный сладостной ночью, он расслабленно намотал на руку косу одной из них, то ли Кермен, то ли Булган; коса была текучей и скользкой, как её хозяйка.

Уже слышались голоса слуг, разжигавших огонь под котлами. Птица всё ещё вскрикивала, но голос её стал тише. Вскоре ей начал отвечать другой голос – гулкое, тяжкое, утвердительное слово металла, гром кузнечного молота, ударявшего о наковальню. Звук разносился далеко и был мелодичным, как звон колоколов в далёком Китае.

Царевич откинул одеяло и встал, переступил через спящую наложницу, нашарил босой ногой свою одежду, брошенную ввечеру. Он натянул штаны и рубаху из китайского шёлка, обулся, запахнул расшитый серебром халат. Возле юрты – он знал это – уже ждал старый раб с оседланным конём. По утрам царевич не принимал пищи и только после охоты собирался перекусить сушёным творогом-хурутом, запив его глотком кобыльего молока.

День обещал быть хорошим – никаких тягостно-долгих

советов в отцовской юрте, никаких воинских смотров и проверок. Проверки закончились вчера. Вчера были розданы награды достойным и плети нерадивым. Сегодня войско кочевников свёртывало шатры и уходило вперёд – в последний страшный, сокрушительный рывок к берегам урусутской реки Немясты, где, по донесениям, собирались войска московского князя… Алгинчи-передовые уже столкнулись с урусутскими разъездами. Улаан-тайджи собирался пострелять мелкую дичь и послушать степь, как он делал всегда перед большими сражениями. Степь никогда не лгала ему, это знали все – и старый Хурамша, и великий хан-отец, и всё войско. Когда он вернётся, друзья осторожно начнут расспрашивать его, выпытывать, кому суждено прославиться на белых стенах Московского Кремля, а кому – сложить голову под мечами урусутов. Царевич никому не даст ответа. Он заранее укрепит сердце, чтобы потом много дней отмалчиваться, уже зная, кого из друзей он потеряет в грядущем сражении. Как хорошо, что отец не любит гадателей. Никогда он не обращается за советами к вещему сыну. Грозная воля предка-Чингиза, его неукротимая душа-сульдэ возродилась в великом хане Гэрэле. Он сам созидает свою судьбу.

«Мне следует брать с него пример, – подумал Улаан, взлетая в седло и принимая повод из рук седого раба. – Ведь это знание мне самому тягостно. Я ничего не могу изменить. И всё же я должен услышать». Порой ему казалось, что степь сама влечёт его к себе, тянет, чтобы нашептать в уши человеку то, что известно пока ей одной. Ведомое будущее тяготит её так же, как будет тяготить его.

Сердце степи в нём; он – её дитя.

Раб промахнулся: сбруя на коней была роскошная, с алыми шёлковыми кистями и золотыми бубенчикам. Царевич предпочёл бы простую. Но он промолчал, даже не нахмурил брови. Он не стал настёгивать коня, только звучно щёлкнул камчой по седлу, и застоявшийся жеребец рванулся в просвет между юртами и кибитками к чистой, едва окрашенной рассветом дали – прочь, прочь от дымов жилья туда, где благоухали степные травы. От огромных котлов несло крепким духом бараньего мяса и жира. Как всегда, сразу по пробуждению запах пищи вызывал у царевича тошноту.

Воины, женщины и рабы одинаково старались не замечать его, не оглядываться вслед хану – и все смотрели на него тайком: из-под руки, через плечо, из-за конской гривы. Улаан чувствовал их взгляды спиной, и верхняя губа его вздрагивала от раздражения. Как неприятно! Возможно, стоило бы с самого начала хранить свой дар в тайне; но когда дар пробудился,

царевич был ещё ребёнком и не нажил ума.

Стрелы пробьют сердца уток и тарбаганов, и улетающие жизни животных заберут с собой его утреннюю тоску. Улаан-тайджи насладится одиночеством и охотой, потом навестит любимого брата и отдаст добычу его слугам, потом – найдёт друзей и отправится к любимой жене Саин-хатун, чтобы она окончательно разогнала тучи над его сердцем.

Солнце поднималось. Бледно-голубым пламенным щитом смотрело небо. Серебристый ковыль шелестел под ветром. Курени остались позади, на пологих холмах здесь и там виднелись, будто каменные выступы, неподвижные сонные стада. Славные травы здесь! Даже бесчисленные стада Орды не могли до конца выесть и вытоптать этих трав. Тихо было. Только матёрые жеребцы тревожно обегали свои табуны, чуя приближение великого гнева… Царевич взял в сторону от дороги, разбитой тысячами копыт.

В зарослях мелькнула лисица-корсак, и, точно по волшебству, мигом выгнулся в умелых руках охотничий лук, тетива приблизилась к уху охотника и прозвенела, послав стрелу. Корсак упал пронзённым. Не спешиваясь, Улаан подхватил добычу с земли, выдернул стрелу и коротким ножом распорол брюхо. Тёмная печень сама скользнула в пальцы… Царевич не был шаманом и не гадал по внутренностям. Остывающая кровь лисицы должна была остудить и успокоить его собственную кровь. Пальцы задрожали, когда горячие липкие капли потекли по ним.

В колчане его насчитывалось лишь три стрелы – три тоски: тоска небосвода, тоска железа и тоска земли. Тэнгри, вечное Небо, дарует жизнь, железо всегда рядом с живыми, а земля примет мёртвое тело… Утолена первая из печалей, осталось две.

Улаан пустил коня в галоп. Топот копыт вспугнул уток, укрывшихся где-то у невидимого ручья, и они кинулись к небу, хлопая крыльями. Спустя миг одна из них рухнула, отягощённая стрелой.

Вот и вторая печаль…

Урусутская река зовётся Немястой. Она отделяет непролазные леса от вольной степи. По-урусутски имя её означает «не место», то есть дурное, плохое место. Так прозвали её хлебопашцы, прикованные к земле, за то, что не было года, когда бы степные племена не разоряли их поселения. Но земля окрест Немясты плодородна, и потому на берега её нанизаны города, как драгоценные камни на нитку бус. До сей поры все они платили дань великому хану, а князья их каждые десять лет ездили в Орду за ярлыками. Никто не мог укрыть их от грозы

ханского гнева, и оставалось им только юлить и кланяться, изощряться в лести и продаваться с потрохами, чадами и домочадцами.

Но поднялась Москва. И как не было этих столетий покорности: вот уже двухсоттысячное войско князя Летена выходит к Немясте… Все, кто клялся в верности великому хану, ныне склонились под руку московита. Купцы доносят, что на Руси его называют Ледяным Князем. Его боятся больше, чем великого хана. Чёрный люд упивается слухами: маленькие глаза московита видят людей насквозь, и те, кто обманул его или в чём-то провинился перед ним, тот же час падают замертво.

Это хорошо. Степные волки давят шакалов, но те множатся снова и снова. Когда волки задерут урусутского медведя, лесная страна смирится надолго. Многие попадают замертво под страшным взором отрубленной головы Ледяного Князя.

Рысьи глаза царевича приметили в траве толстого тарбагана, и третья стрела легла на тетиву. Люди верят, что в тарбаганов нельзя стрелять из лука. В тарбагана, говорят они, превратился от стыда бог-лучник Эрхий-мэргэн, когда не смог сбить стрелой Солнце, последнее из четырёх изначальных. Сурок утащит стрелу к себе в нору и превратится в оборотня. В эту легенду Улаан-тайджи не верил. Он не верил ни в какие легенды, потому что слишком многое видел собственными глазами. Видел, как злая женщина заживо становится ведьмой-шулмой, как скачут по степи одноногие и однорукие тэрэны, покорные воле шаманов, как духи предков выходят из статуэток онгонов, чтобы помочь потомкам. Блуждающие огни элээ он видел, и дзедгеров, демонов безумия, и даже чудовищного элчи, посланника Эрлика, видел однажды и не хотел бы увидеть вновь. И так же было ему ведомо, что нельзя найти в земле наконечник стрелы, пущенной Хухэдэй-мэргэном с небес: смертоносные стрелы громовержца бесплотны. А Эрхий-мэргэн побрезговал бы превращаться в сурка, даже от самого горшего стыда: пускай лучший из лучших единожды промахнулся, что с того!.. Сейчас умрёт тарбаган, и будет утолена третья печаль, и степь заговорит, тысячи голосов застонут и зашепчут в ушах Улаана, открывая ему будущее… Белый конь фыркнул, переступил на месте, прицел сбился. Царевич подался в сторону, целясь заново.

И в этот миг он очнулся.

…Алей выронил стрелу. Натянутая тетива хлестнула его по пальцам, и лук он тоже уронил, заорав от боли. Суслик шмыгнул в нору, жеребец от неожиданности заржал, подкинув зад, и Алей только чудом удержался в седле. Живот подвело от ужаса. Похолодев, Алей вцепился в луку, потом смутно вспомнил что-то

читанное о конях и всадниках и ухватился за гриву. Рассечённая рука сильно кровила, но он боялся даже сунуть пальцы в рот.

Конь фыркнул раз и другой, потом успокоился, стал смирно, принялся щипать траву, и минут через пять сердце Алея опустилось из горла на положенное ему место.

Алей Обережь впервые в жизни сидел верхом.

Это происходило посреди Дикой Степи в неделе пути от русской реки Немясты и за несколько веков до его рождения. Он был одет в расшитый серебром голубой халат и сапоги-гутулы, на поясе его был нож, за спиной – колчан, а лук, который он постыдно выронил, валялся под копытами стройного арабского жеребца.

– Блик! – растерянно сказал Алей и облизал, наконец, пораненную руку. Подумалось, что ситуация заслуживает куда более крепких ругательств, но он не мог даже вспомнить подобающих выражений. Воспользовавшись его слабостью, монгольский царевич Улаан перехватил поводья его воли и поводья коня. Со стороны фиксируя свои действия, изумлённый Алей легко перегнулся с седла и подобрал стрелу и лук, благословив духов за то, что лук не треснул.

– Блик, – ошалело повторил он, выпрямившись.

Сам он предпочёл бы благословить духов за привычки тёзки-царевича. Из-за них он сейчас находился в одиночестве, которое никто не смел нарушить. Это было как нельзя кстати.

Конь неторопливо шёл вперёд, ухватывая зубами верхушки трав. День разгорался; охвостья тумана уползали в ложбины и таяли там, с каждой минутой становилось теплее. Был август, на богатых пастбищах отъелся скот, на Руси поднимались хлеба… Зоркие глаза царевича различали вдали верховых пастухов, гнавших стада вслед за кибитками хозяев, а там, откуда снималось сейчас войско, поднимались к небу узкие дымы.

С виду Улаан-тайджи был безмятежен, как травы и камни, но сердце его бешено колотилось в груди.

«Отлично, – думал Алей, стискивая зубы, – просто великолепно. Такого я и вообразить не мог. О таком меня не предупреждал никто, ни Осень, ни Вася… значит, никто не мог и в мыслях допустить подобного. Что это нам даёт? Ничего. Значит, не будем мыслить в этом направлении. А в каком направлении надо мыслить?.. В каком?! Чёрт меня побери. Что мне делать? Что это вообще такое? Я…»

Алей злобно зашипел и провёл по лицу ладонью. Больше всего ему хотелось проснуться у себя дома, пойти попить водички и облегчённо подумать, что сны ему снятся шизофренические. Но

раненая рука саднила, под задом переступал здоровенный горячий зверь, а солнце палило непокрытую голову. Не то что бы всё это было совершенно реальным. Алей чувствовал себя пьяным, и порой в глазах у него плыло, а гул крови в ушах перекрывал все звуки. Но осязание оставалось безжалостным: холодный металл, горячая шерсть, шершавая кожа. Жёсткое оперение стрел, тонкое шитьё шелкового пояса, узорная рукоять камчи. Улаан-тайджи, старший сын великого хана, вещий царевич.

– Все татарин, кроме я… – пробормотал Алей, наматывая повод на пальцы. «Сын великого хана?..» – пронеслась между ушей мысль, тонкая молния догадки, дар лайфхакерской интуиции – и он замер, оледенев.

Отец.

Что бы это ни было, но затеял это он.

Ясень Обережь, могущественный бродяга… кочевник. Потомок Чингисхана.

– Ах ты ж мать твою за ногу, – вырвалось у Алея. Крайне неприятное открытие заняло его всецело. Шутки шутками, но папа, кажется, действительно собрался поиграть в монголов. Более чем настоящих, голодных и воинственных монголов.

– Но как это возможно технически? – закатив глаза, спросил Улаан у Вечного Синего Неба.

Тэнгри молча голубел в вышине.

– Ладно, – вслух сказал Алей, устало потирая пальцами лоб. – Что я вообще знаю? Произведём индексацию. То есть инвентаризацию… впрочем, индексация тоже подходит.

Почему-то нелепость и неуместность этих слов успокоила его. Собираясь с мыслями, он вспомнил, что заснул в доме Рябины Метелиной, давней любовницы Воронова и матери его сыновей. Сейчас дом её, панельная высотка возле Пролетарской, казался не более реальным, чем двенадцатикрылая юрта Улаана-тайджи… Торопливо Алей восстановил в памяти безумное странствие по нескольким параллелям в сопровождении братков Летена, потом – излияния вселенского админа и словесные поединки с проксидемоном…Рябин

Проксидемон.

Алей прикусил губу. Пальцы правой руки метнулись к левому запястью, вокруг которого до сих пор он оборачивал металлическую змею. На запястье был только серебряный браслет ханского сына. Демон исчез. Алей оставил его в квартире Рябины, на тумбочке возле постели. «Этого следовало ожидать, – подумал он, справляясь с нахлынувшим ужасом. – Если папа ухитрился вытащить меня сюда, не в его планах отпускать меня… быстро».

Что ему нужно?

И как он сумел это сделать? Если подобное в его силах, значит, мощь его куда больше, чем Алей полагал до сих пор. Это пугало, но вместе с тем – это бросало вызов его разуму. Алей встрепенулся, осознав собственные чувства. Папа сбежал от него с подлистовской дачи, исчез из гиблой деревни и из города тьмы. Он играл с сыном в какую-то дикую игру, и сейчас игра его переходила на новый уровень.

Алей глубоко вдохнул. Если отец хотел ему зла, у него была масса возможностей разделаться с неугодным сыном куда раньше. Нет, Ясень Обережь преследовал иные цели. Он сам хотел стать целью преследователя, хотел заставить Алея гнаться за ним.

Зачем?

«Мне надо было запустить предельный поиск и допытаться, – досадливо подумал Алей. – Я мог бы понять. Всё стало бы проще…»

Жеребец тихо, проникновенно заржал: мимо гнали косяк дойных кобылиц. Пастухи-харачу, чёрная кость, узнав хана, склонились ниже грив своих коней. Рассеянным взглядом Улаан окинул лоснящиеся конские спины, отметил, что кобылицы жирны, и ударил пятками недовольного жеребца, отгоняя его в сторону.

Он думал о том, что вечером, перед тем, как лечь в постель в доме Рябины, он успел разгадать какую-то загадку – но какую? Вылетело из головы. Ощущение было сродни восстановлению системы, когда обнаруживаешь, что бэкап не делал слишком давно и потерял самые последние, самые нужные данные. Над чем работал Алей вчера вечером, семь веков тому вперёд, в другом мире? Без особых надежд он пытался смоделировать ход своей мысли. «Что-то, связанное с отцом, – повторял он снова и снова. – Что я узнал вчера? Может, ответ именно на этот вопрос? Я понял, зачем папа гонит меня за собой? И поэтому он заставил меня забыть?.. Да ведь он здесь! – осознал вдруг Алей. – Великий хан Гэрэл, мой отец. Гэрэл – значит «свет, ясность». Великий хан Ясень…»

Камча взлетела над конским крупом. Круп подобрался, до ушей царевича донеслось шумное фырканье раздражённого зверя, и Алей откачнулся назад, когда жеребец взял с места в галоп.

Сидеть в седле оказалось поразительно просто, стоило лишь Алею перестать думать, как он это делает.

Чувствовал он себя странно. На нём была удобная, но до жути непривычная одежда – и столь же удобным, но непривычным знанием полнился его разум, а мускульная память хранила отточенные до автоматизма чужие движения. Алей

отдавал себе отчёт в том, что пару часов назад был только Улааном – но он и сейчас им был. В его теле жило лишь одно сознание, он не подавлял никакой чуждой воли. Сливаясь с этой волей, он уверенно брал её в руки, как взял поводья ханского жеребца.

Опомнившись, Алей придержал коня. Тот перешёл на рысь. Прежде чем кидаться к золотой отцовской юрте за объяснениями, нужно было разобраться в собственных, неведомо откуда свалившихся знаниях. О чём размышлял царевич сегодня, проснувшись во тьме?

О любимом брате.

«Иней!» – Алей едва не вскрикнул, поняв это. Иней был здесь, рядом. Отец взял его с собой в поход. Где-то всего в получасе езды томился Иней-царевич, вверенный попечению китайских учёных. «Отец и с ним играет в эту игру», – подумал Улаан и скривился от злости. Монгольское войско идёт к полю битвы, а большое сражение – последнее, что Инею стоит видеть. Сразу и не решить, что хуже: одичалые деревни, мёртвая ночь радиоактивного города или беспощадная средневековая война. «Папа сошёл с ума, – ярость охватывала Алея. – Инька даже в кино зажмуривается! «Спасение рядового Райана» испугался смотреть. А живьём показывать, как людей на части рубят, значит, можно. Нашёл чингизида!..» Кулаки царевича сжались, а в следующий миг пальцы его сами собой нащупали рукоять кинжала, узорчатое золочёное яблоко черена, и Алея бросило в холодный пот.

Он никогда не дрался всерьёз. Он физически не смог бы ударить человека в лицо.

А Улаан-тайджи мог. Улаан мог и убить без особых сомнений.

– Блик, – прошептал Алей. Его затошнило.

Вдали показались кибитки: кочевники заканчивали складывать свой скарб. Иные и жили в юртах, поставленных на телеги. Они уже ушли вперёд. Алей сглотнул и заранее сделал каменное лицо. Знания Улаана оставались с ним, но самообладания Улаана ему не хватало. А нужно было действовать, не теряя минуты.

Прежде, чем ехать к отцу, он навестит брата: Алей решил так и стиснул зубы. После безумной выматывающей погони он должен увидеть Иньку – увидеть и ободрить его, а с тем и себе вернуть присутствие духа. Они с братишкой вместе подумают о том, что делать дальше. Можно же отсюда как-то выбраться. Если можно попасть, то можно и уйти…

Алей вздохнул. Конь пошёл шагом, и он не стал его

подхлёстывать.

«Если это очередная параллель, – возник вдруг вопрос, – то почему эпоха другая? Откуда такое расхождение по времени, во много веков? И если здесь не было Ренессанса, Просвещения, технической революции, то откуда совпадение культур? Бывают, конечно, статичные культуры…» Алей напряг память, повторяя про себя рассказы Осени. Осень говорила о мирах с иной географией и иной историей, но во всех этих мирах существовал интернет. Иначе и быть не могло: сведения о чужих параллелях до сих пор получали благодаря совмещению интернетов. Само собой, множество миров, где Сети так и не изобрели или она имела принципиально другую архитектуру, в пересечение не входили.

Но почему монголы? Почему объединённая рать русских князей и битва у реки?

– Немяста, – прошептал Алей, в задумчивости играя прядями конской гривы. – Но ведь нет такой реки. Непрядва? Куликово поле? Мамай… Денислав Донской… это же не Летен Красноярский… а, чтоб его!

Глубоко потрясённый, Алей лёг на лошадиную гриву и обнял коня за шею, непринуждённо, будто делал это в тысячный раз. Белый жеребец мотнул головой и остановился, но Алей даже не заметил этого.

Мысли смешались, как люди и кони в отчаянной схватке. Алей перестал что-либо понимать. Он окончательно восстановил ход размышлений Улаана-тайджи и вспомнил истории о князе московитов, лютом Летене-Льде, из чьего черепа хан Гэрэл обещал сделать чашу и украсить её рубинами. Легко было опознать слово «Москва»: аналогии возникали как исторические, так и фонетические. Про первый, белокаменный Кремль в Листве Алей тоже помнил. Но остальное…

Всё это не лезло ни в какие ворота.

Такого мира быть не могло.

Кибитки уходили, дымы костров истаивали в разгорающемся сиянии утра. Солнечные лучи окаймляли края облаков розовато-золотистой тесьмой. Звенела мошка. Из края в край степи гулял вольный, лёгкий душистый ветер. Он доносил отзвуки конского ржания и блеянья овец. Серебряные волны ковыля отливали под ним сиреневым и нежно-зелёным цветом, как самый чистый металл.

Навстречу царевичу мчались, нахлёстывая коней, кэшиктэны, его телохранители и друзья.

Да, они знали, что нельзя тревожить его, когда он слушает

голоса, но он задержался противу обыкновения, войско уходило, и кто-то решился отправиться на поиски… Не требовалось долгих гаданий, чтобы узнать, кому пришла в голову дерзкая мысль. Ирсубай-багатур скакал впереди, готовый принять на себя первый удар ханского гнева. На лице его сверкала улыбка. И в пирах, и в бою он улыбался одинаково лучезарно, весёлый и храбрый человек, преданный друг. Алей отстранённо улыбнулся ему в ответ.

– Саин-хатун послала нас! – издалека крикнул Ирсубай; это была неправда, и он знал, что царевич разгадает её.

– Шутник, – ответил царевич. Вышло чуть более грозно, чем он рассчитывал, и багатур приложил руку к сердцу, наигранно клянясь в правдивости своих слов.

Приблизились Ринчин и Шоно-мэргэн. Соловый конёк Ирсубая коротко заржал, мотая лохматой головой. Монгольских кровей, он был настолько ниже Алеева араба, что Алей смотрел на кэшиктэна сверху вниз. В бою кэшиктэны садились на рослых вороных лошадей, но в походе приберегали их, и только Ринчин выглядел сейчас так, как подобало воину сменной гвардии.

Ринчин с трудом удерживал бесящегося жеребца. Диво было, как этот спокойный, будто валун-одинец, и всегда рассудительный воин подбирал себе коней в противовес собственному нраву. «Смирная лошадь подо мной засыпает на ходу, – отвечал он на подначки Ирсубая, – рука устаёт работать камчой». Шоно-мэргэн на своей серой в яблоках кобыле объехал их полукругом и остановил лошадь за спиной у Алея.

Как всегда.

Так бывало уже тысячи раз. Алей узнавал жесты и выражения лиц, оружие и одежду, повадки коней. Одновременная привычность и непривычность происходящего поражала разум. Алей едва не физически чувствовал конфликт прерываний. Он впервые видел этих людей, но он же рос вместе с ними и учился воинскому искусству, доверял им свою жизнь и пил с ними на пирах. Он сватал Ирсубаю его жену и подарил Шоно кровную кобылу.

Ирсубай подъехал вплотную и сказал, понизив голос:

– Прекрасная Саин-хатун сердится, что ты, мой хан, оставил её одну этой ночью. Ты прав, я солгал. Она не хочет и слышать о тебе.

– Хороший друг знает о настроениях жён лучше мужа, – бесстрастно заметил Алей, но весёлый багатур только покатился со смеху.

Ринчин хладнокровно сказал:

– Войско уходит, мой хан. Теперь идти будем быстро.

Великий хан велел стягивать отряды. Большая часть обоза останется позади. Твой отец разгневается, если ты пропадёшь в такую пору.

Алей промолчал. «Наш великий отец сам имеет привычку пропадать не вовремя», – рассеянно подумал он. Поддавшись веянию покоя, он смотрел вдаль, в тонкую полосу голубой дымки, где небо смыкалось со степью. Последние кибитки скрылись, и впору было решить, что нет там за нею никакого войска, и не было никогда…

– Где мой брат? – спросил Алей. – Как он?

– Как приказал великий, едет со своими наставниками, слушает об устроении земель и о походах Повелителя Сильных.

Алей застыл в седле. «Грустен он или весел? – мелькнули мысли, принадлежавшие скорей Улаану-тайджи, чем Алею Обережу. – Доволен или терпит ущерб? Никто не скажет, потому что никто, кроме меня, не поймёт».

– Я хочу повидать его, – отрывисто сказал царевич и, не раздумывая, хлестнул коня. – Потом поедем ублаготворять Саин-хатун! – добавил он, не оборачиваясь.

Стук копыт учетверился: пригибаясь к гривам коней, кэшиктэны мчались за господином.

День вступил в свои права. Облака ушли. Голубой котёл неба пылал в вышине, раскалившись на очаге солнца. На землю опустился тяжёлый зной, голову пекло. Огромная армия растянулась на часы и часы пути. Алей подгонял коня, быстрыми взглядами окидывая дикую и жуткую для него картину, которая, тем не менее, была знакома ему до последней бляшки на конской сбруе. Тумен Хутуги… тумен Галдана… тумен Бухи-сэчэна… чёрные халаты ханской гвардии… Разум отказывался выполнять непосильную задачу. Сознание то и дело норовило отступить в сторону, скрыться за незримой преградой отрицания. Алей сознавал: стоит поставить перед собой воображаемый экран монитора, позволить себе считать, что это всего лишь кино, и станет намного проще мириться с происходящим. Но лайфхакерская интуиция бодрствовала. Она напоминала, что простое и лёгкое решение – неверное. Если Алей мысленно отстранится от реальности, то память Улаана закроется для него, он перестанет понимать язык, забудет имена и звания воинов, норовы нойонов и ханов. Останется только притвориться безумцем, что крайне осложнит его задачу.

Иней ждёт. Маленький брат звал на помощь. Алей уже рядом.

О том, что покинуть параллель без интернета и без помощи проксидемона они не сумеют, Алей предпочитал пока не думать.

«По крайней мере, это не постъядерный мир, – сказал он себе и попытался порадоваться меньшему из зол. – Лишних рентген не словишь». Трезвый рассудок немедля напомнил, что можно словить стрелу в бок, и Алей скосоротился.

Поглощённый размышлениями, он едва не промчался мимо китайских возков. Телохранители свернули раньше. Ему осталось только последовать за ними.

Тёмная повозка пованивала. Изнутри подслеповато выглядывали испуганные старики в жёлтых халатах, с жидкими длинными бородами. Посмотрев на них с лёгким презрением, Улаан-тайджи подумал о том, насколько радостней вольно скакать по степи верхом. Монгол встречает свою смерть на коне, полный достоинства. Эти же люди, сморщенные, как печёные яблоки, пытаются бесконечно продлевать жизнь травами и нелепыми взмахами рук и ног.

«Тайцзицюань», – прокомментировал эту мысль Алей и внезапно озадачился: он совершенно не помнил, когда возникло китайское ушу, в тринадцатом веке или позже? Какой, собственно, сейчас век? Если тысяча триста восьмидесятый год, то он золотоордынский царевич, и столица Орды в Сарае на Волге… Алей торопливо зарылся в память Улаана.

Не было никакого Сарая. Только Хар Хорум – Каракорум.

От шока Алей выругался по-русски. Благо, мудрым Лю и Чжану было совершенно не до различения языков: они часто кланялись, будто китайские болванчики. «Китайские болванчики и есть», – подумал Улаан и хмуро спросил по-китайски:

– Где мой брат?

– Благородный Цан-тайджи по распоряжению своего великого отца находится при юртаджи, – ответил Лю. – Он учится тому, как правильно перемещать большие армии.

– Вот как? Наш отец решил, что он уже достаточно вызубрил китайских наук?

Лю согнулся так, что казалось, ещё немного, и уткнётся лбом в дно повозки.

– Великий хан Гэрэл бесконечно прозорлив!

Алей раздражённо выдохнул. При юртаджи – значит, в штабе, среди главных военачальников. Впитывает воинскую премудрость. Конечно, молчаливый Иней никому там не помешает. Но Улаану ехать в штаб было не с руки. Там люди отца следят друг за другом, выгрызая малейшее несогласие, там подозрения достаточно, чтобы сломать хребет, там душно… Алей не знал, кому принадлежит полыхнувшая в нём жажда свободы, но она пришлась ему по душе.

Он подумал немного и спросил у Лю:

– Ты составляешь записки о походе?

– Как и о всех походах великого хана! – китаец поклонился.

– Прочитай последнюю запись, – приказал Алей.

Спеша исполнить веление, мудрец склонился над маленьким резным сундуком, извлёк на свет исписанные листы, начал читать. Услышав «в девятнадцатый год, год Водяной Лошади, со знаком Ян», Алей отвернулся и прикусил губу. Да, он уже понял, что эта параллель сильно отличается от его родного мира; да, знание точного года ничем бы ему не помогло. Но хотелось хоть какой-то определённости… В четырнадцатом веке Орда уже приняла ислам; откуда в памяти Улаана-тайджи духи и демоны исконной Монголии, не менее реальные, чем ночная тьма?

– Едем, – велел Алей, мигом забыв об усердном Лю. – Я хочу видеть брата.

Рыскали долго: Цан-тайджи искусно прятался. Помогли острые глаза стрелка, Шоно-мэргэна. Он издалека заметил в высоких травах вороного коня, на котором сидел бритый наголо мальчик. Спелые, подсушенные солнцем метёлки злаков золотились вокруг него, как дорогой убор. Застыв в неподвижности, маленький всадник наблюдал, как проходят мимо тумены конницы. Алей облегчённо выдохнул.

– Ждите здесь, – сказал он, и кэшиктэны послушно отстали.

Алей хлестнул коня. Сердце его часто билось. Он так долго искал брата, через столько прошёл и столько узнал, и вот… Как странно – найти его здесь, в неведомом времени и пространстве. Но что с того? Алей отправился бы за братом даже туда, где никакого времени и пространства нет. Инея некому больше защитить – и не нужно других причин.

Иней увидел его, но не поскакал навстречу, только повернул голову и напряжённо сощурил раскосые глаза, нахмурившись, будто не верил зрению. Чумазые пальцы его легли на повод верного Этигэла, напряглись, оторвали жеребца от пастьбы. Иней приподнял подбородок. Алей был уже совсем рядом, но брат вглядывался в него так, будто едва различал далёкого всадника.

Алей остановил коня в нескольких шагах. Руки его похолодели и стали влажными. Несмотря на жару, его колотила дрожь.

«Инька, – сказал он безмолвно, одним взглядом. – Маленький».

Казалось, Иней повзрослел за эти несколько дней: осунулся, посуровел, стал даже самую малость выше. И не было уже в чёрных глазах прежнего потерянного, горестного выражения, оно сменилось сухой стойкостью, мужественным спокойствием воина.

Но видение взрослого Инея мелькнуло и исчезло. Братишка

моргнул, беспомощно приподнял брови и потянулся к Алею с седла.

– Иней, – тихо произнёс Алей.

Он заставил коня подойти вплотную и поднял руку – дотронуться.

– Алик, – шёпотом проговорил Иней, отстранённо, задумчиво, и вдруг всхлипнул: – Алечка…

Младший царевич отвернулся, прижав к лицу раззолоченный рукавчик. Плечи его задрожали от рыданий. Алей растерянно смотрел на него, не зная, что сказать.

– Я тебя всё время искал, – наконец, выдавил он, запоздало поняв, что говорит по-русски. – Всё время.

Иней втянул носом сопли. Поднял на брата чёрные отчаянные глаза. Бездумным движением он вытянул из колчана стрелу для детского лука и стал теребить её в пальцах; Алей с удивлением отметил эту незнакомую новую привычку.

– А папа маме не позвонил? – вдруг сипло спросил Иней.

– Нет.

– Я так и знал, что он соврал, – Иней стиснул стрелу в пальцах. – А обещал позвонить.

– Я за вами гнался, – зачем-то сказал Алей. – Чего только не видел. Я избу видел, где ты на столе ногтем писал. И записку твою нашёл. Там, где ночь.

Иней подумал, морща лоб.

– Это мы от тебя убегали, значит? – спросил он.

– Да. Наверно.

– Так я и знал, что мы неправильно убегали, – ожесточённо сказал Иней. – Не надо было убегать. А папа – раз-раз, спасайся кто может.

Недовольно раздувая ноздри, он сломал стрелу и бросил обломки на землю. Алей улыбнулся.

– Вообще-то я был не один, – сказал он, движимый внезапным наитием. – Со мной был Летен Истин. Может, это от него надо было спасаться?

Иней удивлённо покосился на него.

– Какой Летен? – спросил он по-монгольски. – Урусут? Ледяной Князь? Как он мог быть с тобой? Он наш враг. И он далеко. Но мы его победим.

Алей покачал головой.

– Я не знаю, что происходит, – невольно он ответил на том же языке. – Но что-то очень странное. Цан, ты понимаешь, что случилось? Как мы здесь оказались? Где мы были вчера?

Цан-тайджи похлопал Этигэла по крутой шее, пожал плечами.

– Вчера, – сказал он, – мы с папой были в Верхнем мире. Папа

часто ходит в Верхний мир.

Алей открыл рот – и закрыл.

Поразительным казалось совпадение, хотя что могло быть естественней: Старица и Река Имён, интерфейс вселенских админов, Верхний мир… обиталище богов и духов. ЦУП демиурга Васи. То, что крашеный псих Василёк Полохов в этой системе координат становился, ни много ни мало, богом, насмешило Алея. «А ведь в этой параллели тоже должны быть Якоря, – осенило его в следующий миг, и он вскинулся так, что белый жеребец замотал головой, грызя удила. «Если есть Якоря, – быстро рассуждал Алей, – значит, кто-то умеет выходить к Реке Имён, то есть кто-то может дать нам код доступа!» Он вообразил себе местного админа: не иначе, им должен был оказаться какой-нибудь шаман. Или святой монах, если искать на Руси. «Сергий Радонежский? – подумал Алей и сам поёжился от дерзостности предположения. – Не факт, что здесь существует Сергиева Лавра… И я, минуточку, ордынец».

– Алик? – осторожно сказал Иней. – Ты чего?

– Думаю, – ответил Алей, по новой своей привычке укладываясь на гриву. – Думаю, как нам отсюда выбираться.

Иней засопел и кивнул.

– Мама, наверно, волнуется, – сказал он грустно и спросил: – Алик, а почему папа такой? Он раньше тоже такой был?

– Какой?

– Ну… такой, – Иней неопределённо повёл рукой в воздухе. – Как будто что-то знает и не говорит. Как будто куда-то идёт – и не поймёшь, куда. Как будто ему что-то очень нужно, но…

– Но что?

– Не знаю, как сказать, – Иней зажмурился. – Как будто это секрет какой-то, и он никому не может сказать. Но очень хочет сказать.

Алей скрипнул зубами и как мог мягко ответил:

– Я думаю, мне скажет.

– Наверно… – и Иней вдруг приободрился, точно лишь сейчас понял, что старший брат наконец вместе с ним. – Алик, знаешь, я тоже много-много всего видел! Ещё больше, чем ты. Папа столько всякого знает, столько показал. Я Нефритовую Электричку видел, вот, мы на ней ехали! На ней дядя Семён тридцать лет едет и столько же ехать будет.

– Нефритовая Электричка? – настороженно переспросил Алей: молния озарения зажглась позади глаз, но он никак не мог уловить её.

– Да, – вдохновенно сказал Иней. – Она такая красивая! Едет по серебряным рельсам, а вокруг… очень красиво. Лес такой.

Светится.

– Светится – лес?

«Старица, – понеслись, спотыкаясь, мысли, – Река Имён…»

– Туман, – сказал Иней, – и облака. И лес такой очень-очень красивый. Как в кино, даже лучше. У папы там палатка стоит. Мы там ночевали. Прямо в Верхнем мире у папы палатка, круто, правда?

«Нет, – разочарованно подумал Алей, – не Старица. Там же нет ночи».

– И мы оттуда выходили в разные места, – сказал Иней. – Я даже не знаю, как это так. Сначала в одно место, потом в совсем другое, потом вообще в центр города прямо из леса.

«Старица – это демонстрационная версия, – понял Алей, – с ограниченными возможностями. Возле Реки бывает ночь. Значит, папа действительно выходил к Реке».

– И сюда мы тоже из того леса попали, – продолжал Иней, – я теперь вспомнил. Мы в палатке спали, мне было грустно очень. Я скучал по тебе. И я сказал папе: «Папа, я скучаю по Алику», – а папа сказал: «Тогда пойдём к Алику», – и мы пошли в лес и нашли там коней. Моего Этигэла и папиного Шонхора. И мы поехали… – Иней запнулся, – и приехали сюда, – закончил он растерянно.

Алей молчал.

Клубилась пыль, поднятая копытами ордынских коней. В серых тучах блестели, как молнии, острия копий.

– И утром ты проснулся в юрте, – медленно сказал Алей.

– Да, – Иней потупился. – Алик, а ты как сюда попал?

– А я заснул и тоже тут проснулся, – Алей улыбнулся, не желая пугать брата. – Я очень хотел тебя найти, Инь. Я тоже очень скучал. А папу ты видел уже? В смысле – здесь?

– Нет, – ответил Цан-тайджи. – Папа командует войском. Объезжает передовые тумены. Улаан, а почему московиты непокорные? Все покорные, они нет.

– Подожди, – сказал Улаан и задумался.

«Я видел Нефритовую Электричку, – сказал он себе, – видел, как она идёт по берегу озера, в лесополосе. Из Старицы, которую показывала мне Осень, к этому озеру выхода нет. Значит, оно – часть речной системы, и Электричка тоже часть системы. Я видел Реку Имён…» Это внушало некоторый оптимизм. «Если я мог увидеть Реку, – думал Алей, – значит, я могу к ней и выйти. Тем же путём, что и папа. А потом вернуться домой, вместе с Инькой. Пускай это будет план «Б». Всегда нужно иметь план «Б». Если я не найду админа, то найду способ выйти к Реке, и пусть Вася сам ищет своего проксидемона».

И мысль о проксидемоне потянула за собой другую мысль,

которая сплелась со словами Цана, породив новое пугающее озарение. «Не жалко тебе отца? – хихикая, спрашивал когда-то Алея Нириэкс, Демон Отдельного Времени. – Летен его раздавит».

Улаан облизнул внезапно пересохшие губы.

Монгольские тумены шли к реке Немясте, навстречу русскому войску, во главе которого стоял беспощадный московит Летен.

Налетел порыв ветра, пригнул травы. Трубно перекликаясь, в поднебесье летели лебеди. Алей проводил их взглядом и заметил ястреба, который стремительно приближался со стороны войска. Должно быть, кто-то из ханов решил пренебречь приказом и позволил себе охоту на марше… узнает великий – будет в гневе.

«Улаан должен был увидеть, чем кончится эта битва, – подумал Алей. – Я и так знаю. Удивительно, что папа не отдаёт себе отчёт… Или у него другая цель? Я не понимаю его. Я не могу его предсказать».

Он не оборачивался, хотя уже слышал стук копыт: кто-то скакал к ним. Он подумал, что это, как всегда, Ирсубай, но нет – то был незнакомый нукер, сивоусый, со шрамом на пол-лица. Остановив коня, воин коротко поклонился и сказал:

– Царевич, твой великий отец приказывает тебе явиться к нему. Он с передовым туменом.

– Я немедленно отправлюсь.

Нукер снова поклонился и ускакал.

Алей повернулся к брату. Иней напряжённо смотрел на него, терзая в пальцах камчу.

– Я вернусь, – сказал Алей в ответ на молчаливый вопрос, – и мы поговорим ещё.

Он окинул сощуренными глазами горизонт – от края до края земли вставала мгла над нескончаемыми колоннами конницы. Выше неё плыли туги-знамёна и значки туменов. Алей уже изготовился хлестнуть коня, но невысказанные слова поднимались к горлу, и он задержался на миг, только сказал совсем не то, что хотел. Не надо было Инею волноваться о нём, маленький и так намучился… Алей улыбнулся и сказал:

– Не грусти, Толстый!

Вопреки обыкновению, Иней не обиделся. Братишка засмеялся и ответил Алею:

– Не буду, Тощий.

Алей прыснул и, не медля уже больше, свистнул в воздухе упругой плетью.

Гэрэлхан не ждал на одном месте. Долго пришлось царевичу и кэшиктэнам преследовать повелителя. В сопровождении личной

сотни он скакал от одного тумена к другому, наблюдая за тем, как держатся войска на марше. Улаан знал, что в такое время обнаруживаются недостачи и упущения, которые тысячники и темники во время смотров исхитряются скрыть от всевидящего ханского ока. Хромых и изъезженных лошадей прячут, воинов с плохим оружием отсылают с поручениями или велят им сказаться больными и сидеть в юртах. В походе такое войско спотыкается, как конь, который ушиб ногу. В преддверии жестокой схватки нет мелочей, и сам великий Гэрэлхан неутомимо мчится от северных сторожевых застав к южным через весь строй военной орды. Здесь и там выныривает из бурой клубящейся пыли его личная сотня. Они как призраки. Каждый нерадивый воин, каждый проворовавшийся десятник будет уличён и наказан. Так затачивается остриё великого оружия. Когда алгинчи-передовые увидят алые щиты передового полка урусутов, поздно станет готовиться к бою.

– Нам не догнать великого хана, – сказал Ринчин, когда солнце миновало зенит. Как всегда, никто не мог спорить с ним, и суровый кэшиктэн едва приметно улыбнулся. Ирсубай только пробурчал с досадой, что Ринчин мог бы изречь эти мудрые слова и пораньше.

– Да, – сказал Алей. – Мы узнаем, где он, только к ночи, когда поставят золотую юрту. Сейчас едемте же к Саин-хатун. Думаю, она уже сменила гнев на милость и велит заколоть для нас жирного жеребёнка.

Все довольно засмеялись, а Шоно выразительно потёр кулаком голодное брюхо.

Улаан знал, что его Саин настоящая отважная монголка и заботливая жена. Со своими слугами и рабынями она ускакала далеко вперёд, чтобы приготовить всё для короткого дневного отдыха. Её маленький лагерь обнаружился на берегу безымянной степной реки. Между кибитками натянули огромные полотнища, создав прохладную тень среди жаркого дня. Царевна не велела варить жирной похлёбки, чем изрядно опечалила Шоно. Она приготовила угощение из вяленой конины, сушёного творога и тонких лепёшек, предложила гостям засахаренные плоды и орехи на серебряных блюдах. Ирсубай издалека увидал, что девушки Саин уже сидят на бурдюках с кумысом, чтобы он пенился, когда его будут разливать в чаши. Кэшиктэн радостно присвистнул.

– Чтоб ты на охоте был таким зорким, – поддел Шоно-мэргэн, и весь оставшийся путь багатуры с хохотом задирали друг друга.

Алей молча улыбался, не глядя на них, и улыбка застывала на его лице гипсовой маской. Он никогда прежде не видел Саин-хатун, но четыре года назад он взял её в жёны, и любовь их была

взаимной… Алей уже догадался, как вести себя в этом чуждом и невозможном мире: главное – не задумываться, наподобие гусеницы, не считающей при ходьбе свои ноги. Не думай ни о чём – и колени твои уверенно сожмут конские бока, и стрела полетит в цель, и нойоны будут повиноваться царевичу. Так можно было принять невесть откуда возникшую дружбу, но супружеские отношения – это всё же нечто большее… Алей вдруг спросил себя, мог бы он жениться на Осени – и едва удержался от нелепой ухмылки. Это было примерно как жениться на сервере. Алей кое-что смыслил в системном администрировании, но явно не столько.

Его хатун вышла из-за кибитки.

Шоно и Ирсубай замолчали.

Алей поднял глаза, моргнул, будто ослеплённый, и с трудом проглотил комок в горле. Он ожидал, что Саин окажется красива, как-никак, ханша… Царевна прикрыла глаза узкой ладонью и подняла подбородок.

Она была похожа на Нефертити. На живую юную Нефертити, что ходит по-кошачьи мягко и высоко несёт гордую голову на лебединой шее. Её лицо не было достаточно плоским, а глаза – достаточно узкими, чтобы она считалась красавицей по монгольским канонам. Улаан смутно вспомнил, как наложницы нашёптывали ему: некрасивая Саин – ведьма и приворожила господина волшебством. Алей не знал и знать не хотел, что на этот счёт думал Улаан. Бюста египетской царицы Улаан не видел.

«И повезло же мне», – ошалело подумал Алей. Саин не искажала своих черт краской, не увязывала волос в двурогую причёску ханши, и даже золота на ней блестело немного. К чему это ей?.. Очарованный, он даже спешиться забыл. Саин, улыбаясь, подошла ближе, подняла по-весеннему прекрасное лицо и положила красивую руку на стремя. Опомнившись, Алей слетел с коня.

Он понимал, что сейчас наваждение рассеется. Это было неизбежно. Весь срок колдовству – несколько мгновений. Жгуче не хотелось прощаться с ним. Но как бы прекрасна ни казалась Саин-хатун издалека, есть то, чего рождённый в двадцатом веке не сможет простить средневековой степнячке.

Саин-хатун обняла мужа и приникла к его груди. Алей склонился над её макушкой.

И от сердца отлегло. Саин пахла звериной шерстью, раскалённой солнцем выделанной кожей и грубыми сандаловыми притираниями – но вовсе не кислой грязью, чего он боялся. Кошачий дикий запах вовсе не отталкивал. «Экзотика», – подумал Алей и на сей раз не сдержал глупую ухмылку. Всё же ему

невероятно везло с женщинами.

– Должно быть, я чем-то провинилась перед тобой, господин, – нежным глубоким голосом проговорила Саин, и у Алея по спине скатились щекотные мурашки. – Я прошу прощения. Я забылась от счастья, видя тебя.

Она увлекла его в тень кибитки и усадила на лучшее место, а потом принялась угощать. Алей чувствовал себя пьяным без кумыса. В голове крутилось что-то про топ-моделей мирового уровня, а также про то, что главному герою полагается принцесса. Девушки Саин перешучивались с приятелями Улаана, скоро Ирсубай скрылся за кибиткой вместе с двумя хохотушками. «Не был бы я воином, – говаривал он, – стал бы улигэрчем. Рассказывать сказки я хорошо умею». А впрочем, он обошёлся бы и без сказок: длинные глаза, высокие скулы, повадки леопардовы – красавец! Ни одна девушка не устоит.

Шоно сосредоточенно набивал желудок, а Ринчин задремал в тени.

Спустя несколько минут Саин придвинулась к плечу Алея и тихо спросила:

– Что ты видел?

Алей вздрогнул. Беспечная истома рассеялась вмиг. Он знал, что Саин заговорит об этом, и знал, как тяжело будет молчать.

– Что ты видел утром, уехав в степь с тремя стрелами? – повторила она.

Алей прикрыл глаза.

– Ничего, – как мог спокойно ответил он.

Это была правда. Мысленно он прибавил: «Утром – ничего. Я видел позже».

– Я знаю, что муж мой – вещий, – втекал ему в уши мелодичный шёпот прекрасной степной ведьмы, – я и сама – вещая, но куда мне до тебя, господин. Я вижу, что сердце твоё омрачено печалью. Открой мне его, прошу тебя. Я истомилась от беспокойства.

Алей медленно улыбнулся.

– Ты знаешь, что я ничего тебе не скажу.

Саин потупилась.

– Знаю, – сказала она. – Тогда поклянись хотя бы, что не оставишь меня, мой хан.

Улаан вдохнул и выдохнул. «Конечно, не оставлю», – хотел было ответить он, когда неумолимый рассудок словно бы окатил его ведром колотого льда. «Как только я пойму, как попасть отсюда к Реке Имён, – напомнил себе Алей Обережь, – я немедленно заберу Инея и пойду домой. И лучше бы это случилось пораньше».

– Я права! – горько сказала Саин. – Тебе открылось что-то ужасное. Но знай, – глаза её сузились и бешено засверкали, – даже если ты вздумаешь оставить меня – я тебя не оставлю. Я пойду за тобой куда угодно и приму любую судьбу.

Алей поставил наземь пустую чашу и встал.

– Будет, как ты хочешь, хатун.

Вокруг золотой юрты пылали костры. Хэбтэгулы, ночная стража, почти неразличимые в своих чёрных доспехах, окружали её кольцом, сквозь которое не могла проскользнуть и мышь. Неподалёку, окружённое странным слабым свечением, высилось Цаган-сульдэ, святое Белое Знамя, окружённое восемью малыми знамёнами. Хвосты белых жеребцов, из которых оно было собрано, оживали на глазах, приподнимались и искрились, потрескивая, точно перед большой грозой. Улаан задержал взгляд на знамени, пытаясь понять его волю, но не успел прочесть знаки, видимые ему одному. Нойон, имени которого Улаан не помнил, а лицо едва различил в тенях, сказал царевичу, что великий хан давно ждёт его. Кэшиктэны не шелохнулись, когда Улаан миновал их строй, даже зрачки не дрогнули в узких глазах. Острой стрелой, по обычаю, Алей поднял полог в дверном проёме и шагнул через порог золотой юрты.

Войдя, он глубоко поклонился, медленно выпрямился и поднял глаза.

Спустя десять лет неведения, спустя бесконечные дни невероятной погони он, наконец, видел отца.

Поджав ноги, великий хан сидел на груде подушек, в стороне от восьминогого своего трона. Золотое шитьё его халата мерцало в колеблющемся свете огней. Возле правой руки хана лежала сабля в дорогих ножнах, а перед ним расстилалась шкура белого барса. Седеющие длинные волосы, заплетённые в косы, спускались на плечи Ясеня. Лицо его сохраняло совершенную неподвижность, и был он – степной истукан, воплощение духа гнева.

Улааном внезапно овладела робость. Никто не знал Гэрэлхана до конца, даже его старший сын-ясновидец. Никто не мог прочитать его мысли, предсказать его следующий приказ. И никто не знал, насколько глубоко проникает в душу человека страшный взор чёрных огненных глаз, так непохожих на зелёные глаза пращура-Тэмуджина, и вместе с тем – так похожих…

– Здравствуй, отец, – сказал Улаан.

Ему едва удалось заметить движение: стремительно, как молодой хищник, хан встал. Дрожь пробежала по спине Улаана.

Ясень подошёл к сыну и крепко стиснул его плечи сильными

руками. Заглянул в лицо.

– Так вот ты какой, – по-русски сказал великий хан Гэрэл, и суровый рот его разомкнулся в светлой улыбке, а раскосые глаза заблестели. – Алик. Выше меня вымахал, а весишь, небось, как один мой ботинок. Мало каши ел!

У Алея сдавило горло.

Он открыл рот, но не мог даже глотнуть воздуха, не то что сказать слово. Все мышцы его напряглись, и разум не знал, какое отдавать им веление. Кинуться на шею вновь обретённому отцу? Дать ему в ухо за всё хорошее? Развернуться и убежать куда поглядят глаза? «Папа», – беззвучно проговорил он, и Ясень тряхнул его за плечи, приводя в чувство.

– Эх ты! – сказал он, смеясь. – А я тебе тумен дал. Какой тебе тумен! Ты с собственным конём не управишься.

Алей поперхнулся и закашлялся.

Отец заметно постарел с тех пор, как он последний раз видел его въяве. Волосы пробила седина, возле глаз и рта залегли морщинки. Но что до остальных перемен, то Алей не мог сказать, произошли они в отце или в нём самом. Ребёнком он радовался папиной беспечности и лёгкости нрава, ребёнка завораживали папины фантазии, приводило в восторг то, как легко папа шёл на риск. Папа был сильным и смелым, весёлым и мужественным – лучшим в мире отцом. И всё это осталось с ним, но Алей больше не был ребёнком.

Папа очень легко менял темы разговора, а с ними эпохи, миры и личности. Это, мягко говоря, обескураживало. И меньше всего сейчас Алей мог понять беззаботность, с которой Ясень играл в свои игры. Дикая мысль забилась между висками: «Папа что, всерьёз… всерьёз ведёт Орду на Русь?»

– Туменом управляет Хурамша-нойон, – сказал Алей по-монгольски, после чего задал, наконец, вопрос, который в последние минуты владел всем его существом: – Папа, что ты делаешь?!

Ясень рассмеялся и отпустил его, прошёл к трону и уселся, закинув ногу на ногу.

– Что именно? – сказал он. – Ну и лицо у тебя! Глаза как плошки.

Алей облизнул пересохшие губы.

– В этом нет ничего смешного! – выпалил он. – Папа… объяснись, чёрт тебя дери!

– Ну вот уже на что-то похоже, – заметил Ясень. – А то стоишь, глазами лупаешь, как маленький. Это, Алик, как нетрудно заметить, большой военный поход.

– Поход куда? – отрывисто уточнил Алей. Растерянность

мало-помалу покидала его, сменяясь давней, выдержанной, как вино, яростью.

Ясень улыбался. Ему нравилось то, что он видел.

– На нижней полке, – негромко, доверительно сказал он, – в коридоре стояла трилогия Яна. Мы с тобой ещё её вместе читали, когда тебе девять было. Помнишь названия томов? «Чингисхан», «Батый»…

И он замолчал. Он сидел и ждал, мало-помалу обратно превращаясь в хана Гэрэла, и хан бессветно улыбался сыну тонкими каменными губами. «Идолище», – с неприязнью подумал царевич Улаан и на мгновение прикрыл глаза.

– «К последнему морю», – покорно договорил он.

– Да, – сказал хан. – Поэтому мы здесь. Я хочу попасть к морю, Улаан.

Алей взглянул исподлобья.

– К Морю Имён? – спросил он, хотя ответ знал заранее.

– К нему, – лицо хана странно озарилось. – Это единственное истинное море. Первое и последнее.

Алей тяжело перевёл дух.

– Хорошо, – сказал он после долгой паузы. – Но почему – так? Зачем всё это? Зачем ты забрал Иньку? Зачем… это вот?! – и он раздражённо тряхнул рукой, указывая на полукруглый свод юрты. – Это дикие игры, папа.

– Это мужские игры, – заметил Ясень не без удовольствия. – Я думал, тебе понравится, Алик.

На миг Алей потерял дар речи.

– Что? – тихо переспросил он.

Ясень вздохнул. Опечаленно он прикрыл узкие глаза, повесил голову, и косы соскользнули на блистающую золотом широкую грудь. Алей мрачно ожидал ответа.

– Упустил, – странно сказал Ясень, побарабанив пальцами по колену.

– Что?

– Упустил тебя, говорю. Рано ушёл, оставил при мамкиной юбке. Прости, Алик, хоть и не было в том моей вины. Ну ничего. Инея я забрал вовремя. Мужик вырастет.

И Алей вызверился.

– Мужик? – сквозь зубы повторил он; голос его сорвался. – Значит, надо было отобрать его у матери, запугать до смерти, загнать, куда Макар телят не гонял… надо было свести маму с ума, надо было заставить меня лезть чёрт-те куда, связываться чёрт-те с кем…

– С Вороновым ты сам по своей воле связался, – сказал Ясень, ухмыляясь. – А насчёт остального – так погляди, какой эффект!

Был девочка Алечка, а стал злой монгольский парень. Боец! Мужик! Стоишь передо мной, набычившись, ничего не боишься, за нож хватаешься. Приятно взглянуть.

Алей опамятовался и убрал руку с рукояти кинжала. Но суженными глазами он смотрел на отца, и ноздри его раздувались.

– Это твои методы воспитания? – процедил он.

– Мои, – не стал отрекаться Ясень. – Чуток экстремальны, но как иначе? Время-то упущено.

– Время, – вполголоса повторил Алей, болезненно распрямляясь. Дыхание стесняло от трудно сдерживаемого бешенства. – Время… Что ты сделал с матерью? С ней ты почему так поступил?! Она же всю жизнь любила только тебя!

Лицо Ясеня со вскинутыми бровями на миг окаменело, а потом стало угрюмым. Весёлость ушла из его глаз. Он будто постарел. Теперь он смотрел на сына холодно, тяжёлым взглядом степного владыки.

– Потому что у мужчины должна быть гордость! – сказал он. – Я бы понял, Алик, если бы она просто вышла замуж. Дело такое, я десять лет как подснежник, женщине тяжело одной. Но она венчалась! Вступила в церковный, нерасторжимый брак. Какого же хрена, если она только меня любила всю жизнь, навечно вместе она захотела быть с Шишовым? Думать же надо, что ты делаешь. Даже если это всё высокие материи, которые нельзя пощупать. Особенно – если.

Алей не ответил.

Отец тоже молчал теперь. Он опустил веки и облокотился о колени, странно, печально искривляя рот.

– Что теперь? – спросил Алей.

Ясень снова усмехнулся, хотя и без прежней лёгкости.

– Теперь, – ответил он, – марш-бросок к Немясте. Есть у меня ещё одно дело.

Алей открыл рот – спросить, какое, – но сам понял быстрее.

– Летен?

– Улусник мой и раб Летька Московский.

– Как он здесь оказался? Ты и его впутал?

Хан поднял свинцовый взгляд.

– Впутал его ты, – сказал он. – А здесь он оказался по собственной воле.

Алей не поверил.

– По собственной, – продолжал Ясень. – Он гнался за мной. Благодаря тебе, почти догнал. Я тебя прощаю за это, Алик. Ты не понимал, что делаешь, а я тебе не объяснил. Но всё-таки не могу не спросить. Алик, ты же видел, что он такое, не мог не видеть.

Почему ты связался с ним?

Алей сжал зубы. Ставя себя на место отца, он сознавал, что его поступок труднообъясним, а пожалуй, и глуп. Заключая договор с Летеном, Алей не видел и не понимал того, что было тогда уже известно Обережу-старшему.

Но и Ясень не понимал своего сына. Отец не понимал, на что могла подвигнуть Алея любовь к брату. Он считал Алея тепличным мальчиком, робкого десятка, не нюхавшим пороху. Он считал, что достаточно хорошенько напугать Инея, чтобы избавить его от таких же недостатков характера. Он считал, что это достойно мужчины – находить развлечение в чужом горе и ужасе.

Алей криво улыбнулся и ответил:

– Тебе не понять.

Ясень смерил сына пытливым взглядом и легко согласился:

– Наверно. Не бойся, с Летеном я разберусь сам. Уже практически разобрался.

– Ты его недооцениваешь, – сказал Алей. Пасмурная усмешка не покидала его губ.

– Нет. Как раз я оцениваю его верно, – и Ясень вдруг оскалился с прежним весельем.

…Маленькая молния, внезапный инсайт: озарение лайфхакера посетило Алея, и он судорожно глотнул спёртый воздух юрты, стиснул в пальцах плотный шёлк халата. Сейчас, глядя в непроглядно-чёрные, жуткие, смеющиеся глаза отца, он наконец понял то, что должен был понять много раньше.

Предел.

Предел Летена исчез из сфер его представлений после того, как в родной мир возвратился Ясень.

Это было немыслимо, но отец Алея уже совершил множество немыслимых вещей. Алей не видел причин сомневаться в его могуществе. Значит, Предел? Его можно каким-то образом отнять? Но ведь это неотъемлемая, базовая часть человеческой индивидуальности, много глубже, чем вкусы и привычки; она сравнима разве что с темпераментом. Предел не меняется после личностных кризисов – наоборот, эти кризисы приближают человека к Пределу. Алей имел смелость предполагать, что Предел не способна отнять даже лоботомия.

Нет, забрать его нельзя. Но, очевидно, можно блокировать. Только как это возможно технически? И… ради чего?

…а могущество Ясеня всё же имело границы. Некоторые вещи были ему неподвластны.

Алей сплёл пальцы в замок и сжал до боли.

– Ты отсёк Летена от его Предела? – очень спокойно спросил

он.

– Дошло наконец-то? А ещё, говорят, гений, – Ясень зажмурился и зафыркал. – Алик, ты же не станешь спорить с тем, что этот Предел нужно было закрыть? Из человеколюбия хотя бы. Хватит с Росы одного Вождя народов.

Алей не поверил ушам. Озадаченно он уставился на отца. На его золотую шапку и серьги, на сапоги с загнутыми носами и кривую саблю в узорных ножнах, на унизанные перстнями длинные пальцы. Страшные шутки у Ясеня Оберега… Если он шутит – то каковы истинные причины его поступков? Чего он хочет добиться?

А если папа серьёзен – то в своём ли он уме?

– Папа, – осторожно сказал Алей. – В настоящий момент ты – хан Великой Орды.

– Да, – сказал Ясень. Он явно не видел противоречия. – Я кое-что не закончил. Но закончу в ближайшее время. А потом мы отправимся к Морю. Ладно, – он хлопнул в ладоши, – на сегодня хватит. Я позову тебя потом. Иди.

Алей втянул воздух сквозь зубы – и выдохнул, ничего не сказав. Повернулся и вышел.

От золотой юрты великого хана Улаан-тайджи ускакал прямиком к Саин-хатун. Его преследовала мысль, что стоило бы ещё раз навестить Инея, но сейчас он всё равно ничего не мог бы придумать. А печаль Саин отзывалась в его сердце как собственная печаль, и хотелось утолить её, обняв жену. Алей успокоил себя тем, что ему надо прежде всего отдохнуть, расслабиться и подумать, чтобы потом с успехом потрудиться. Слишком много всего случилось. Поразмыслить ему лучше всего удалось бы в одиночестве… но это здравое соображение он вовсе отбросил, нахлёстывая коня. В конце концов, мог главный герой стосковаться по своей волшебной принцессе?

Саин ждала его с ужином и улыбкой. Звезды загорались в августовском небе, несчётными огнями костров встречала их степь. Фыркали лошади, слышались песни – кто-то похвалялся победами, кто-то тосковал по любимой. На мгновение Алей ощутил удовлетворение и радость, принадлежавшие Улаану-тайджи – радость большой войны и удовлетворение от вида мощи монгольского войска. Опрометчив Ледяной Князь, что выбрался за стены своей белой крепости – эту силу ему не одолеть, и столетиями будет греметь в степи слава о победах хана Гэрэла…

Девушки Саин стреножили его коня и по знаку ханши удалились куда-то в ночь. Алей перекусил копчёными языками и варёным рисом, облизал пальцы, выпил кумыса. Саин, загадочно

улыбаясь, потянула его за собой в юрту, и он, опустив полог, привлёк к себе жену. Она обхватила ладонями его голову и прижалась лбом ко лбу. Алей поцеловал её, опускаясь вместе с нею на кошмы, и она тихо сказала:

– Что ты видел сегодня утром, господин мой?

Алей разомкнул объятия.

– Ты знаешь, что я не скажу тебе, – повторил он, всё ещё оставаясь Улааном-тайджи, вещим царевичем.

– Но я могу догадаться, – сказала Саин со щемящей грустью в голосе. – Ах, как ты жесток, мой хан!

– Что?

– Ты оставляешь меня в неведении, мучиться догадками. Разве ты не понимаешь, что легче знать страшную правду?

– Легче всего ничего не знать, Саин.

– Но я не могу не знать ничего! – Саин привстала на коленях, ловя его взгляд. – Я вижу тебя! Моё сердце – твоё сердце. Моя бабка была шаманкой, от неё я унаследовала чутьё. Но я не умею добиваться от духов такого ответа, какой они дают тебе. Я слышу только «да» или «нет», и сейчас слышу – «нет».

Алей покачал головой. Было темно, только теплилась свеча в дорогом, заморского стекла фонарике. В неверном трепещущем свете раскосые глаза Саин мерцали, мерцало шитьё на её одеждах и драгоценности в ушах и на запястьях, а очертания её тела и причудливые извивы чёрных кос таяли во тьме. Она казалась порождением ночи – не грозного смертного мрака, а мягкой, ласкающей темноты, таящей секреты зачатия и рождения новой жизни.

«Осень, – вдруг вспомнил Алей. – Золотая девушка-киборг, – и почему-то прибавил: – Урусутка». Степная царевна-шаманка Саин была так глубинно, так ярко непохожа на Осень – словно фантазия, всплывшая откуда-то из подсознания… И змеёй метнулась позади глаз Алея бледная молния озарения, предвестница невозможной догадки, но Алей поймал её и придушил.

Он обхватил жену за талию и крепко прижал к себе.

– Что ты хочешь узнать ещё? – спросил он.

– Я хочу знать, что случится, – ответила она серьёзно, и Алей так же серьёзно сказал:

– Ты знаешь.

Саин опустила голову, ткнувшись лбом в его плечо.

– Он победит, ледяной урусут? Не может быть. Гэрэлхан непобедим. Но многие погибнут в битве? Падут Ирсубай, Ринчин, Шоно? Ты сам потеряешь жизнь?

Алей молчал. Саин чуть отстранилась, губы её изогнулись в

выражении страшной тоски.

– Умоляю, скажи мне, – прошептала она. – Если нас ждёт чёрная судьба, я сяду на коня и возьму боевой лук. Я могу его натянуть, ты видел, я стреляю метко. Хочу пасть в битве рядом с тобой. Не буду добычей урусута.

Алей нервно тряхнул головой и встал. Вся кожа на теле его дёрнулась, будто у зверя.

– Я больше ничего не скажу, – проговорил он. – Тебе теперь тоже придётся молчать, Саин.

Царевна поднялась гибким звериным движением, упрямо приблизилась и взглянула ему в лицо. Глаза её горели мрачным огнём.

– Нет, ты не оставишь меня, – сказала она твёрдо. – Знай, я готова ждать в юрте вестей о победе, но других вестей не стану ждать смирно.

Алей вздохнул.

– Будет, как ты хочешь, хатун.

Ночью Улаана-тайджи мучили кошмары. Любимая жена-шаманка прижималась к нему, пытаясь отогнать злобных духов, шептала заклятия, но так страшны были его сны, что даже Саин отступилась и тихо заплакала, лёжа ничком рядом с мужем и пряча лицо в рукавах.

Ему снились два мангуса – один высокий, похожий на барса, другой низкий и толстый, медлительный, как китайская черепаха. Мангусы рука об руку шли по длинному коридору, блиставшему белизной, и беседовали о Геобазе Ялика, в которой то и дело возникали несуществующие в этом мире страны и города. Они двигались, умаляясь, по неведомому сверкающему дворцу и наконец совершенно исчезли в сиянии, но в тот же миг из него родилась женщина-мангус – урусутка с волосами из золота. Глаза её были похожи на два дымовых отверстия юрты, над которой вечно стоит пасмурный день.

Эта женщина-мангус вселяла в душу невыносимый страх. Так мог бы, верно, выглядеть Ледяной Князь московитов, родись он женщиной. Нагая и белая, как снег, она возвышалась посреди океана света и смотрела в огненное зеркало, произнося странные слова. Они были похожи на заклинание, но звучали как приказ, и с каждым словом за спиной белой женщины всё яснее обрисовывался иной силуэт, во много раз величественнее и ужасней.

Вот что говорила золотая мангуска:

скалистое поле
молнии мечут славу

две чашки горя
летит фотография птицы
голодное море
города радости
карандаш
зима приближается слева

И с последним словом облик Повелителя, молчавшего за её спиной, обрёл полную определённость.

Но Улаан не успел его разглядеть. Сон сменился. Сияние погасло, исчезла мангуска и её чудовищный бог. Теперь царевич стоял на улице города, странно знакомого, хотя и непохожего ни на один город, где до сих пор ему довелось бывать.

Здания здесь были выше гор и уходили к самому небу, а невозможно гладкие стены их так сверкали на солнце, будто их изготовили из сплошного алмаза. Улицы были широкими, как площади, а площади напоминали замощённые камнем моря. Тьмы тем жителей обитали здесь, и их страх колыхался сейчас над крышами невообразимо высоких зданий, как густой серый туман. Слышался запах гари, хотя нельзя было увидеть пожара.

И Улаан увидел танки, входящие в город. Они медленно плыли по улицам и площадям, от скверов к скверам, от фонтанов к фонтанам – казалось, отдельно от них плывёт их могучий рёв, поднимаясь высоко, опережая ход тяжких тел защитного цвета. Танки вела мрачная воля Летена Московита.

Не просыпаясь, Улаан судорожно встряхнулся и увидел другое.

Тяжёлая русская конница разворачивалась в лаву, чтобы смять отступающих степняков, не дать опомниться разгромленному войску. Их гнали и гнали, отмечая путь мёртвыми телами, а впереди уже показались юрты куреней…

Улаан проснулся от собственного крика.

«Папа не может этого не понимать, – думал он в ту ночь, задыхаясь, вспотев под волчьим одеялом. – Даже если он сумасшедший, он не настолько сумасшедший». Ясень направлял Орду так, будто был уверен в победе. Но он должен был знать, что идёт навстречу разгрому. Несообразность эта не давала Алею покоя. Отцу до такой степени застит глаза возможность блокировать Предел Летена? Он рассчитывает на то, что у этого мира другая история? Он до такой степени вошёл в роль ордынского хана? «Ну хорошо. Пусть даже победа, – думал Алей, кусая пальцы, – но ведь будет бойня! Жуткая бойня. И потом ещё десятки и сотни боен, в каждом селе, в каждом русском городе. Блик! Блик! Чёрт! Господи боже мой, мы же вместе читали эти книги. Его это совершенно не трогает? Потому что мир другой?

Но люди – живые! Люди везде одинаково живые…» В родном их мире люди тоже гибли десятками тысяч, но это было далеко – в Африке, на Ближнем Востоке. Это не воспринималось… так резко. Огромные цифры проходили мимо сознания. Не хватало эмоционального опыта. В самой Листве люди тоже гибли во время терактов, но и десяток погибших был большой трагедией. «Папа так хочет уничтожить Летена, что готов устроить бойню? Как будто он родился в Средневековье!» – мысли эти доводили Алея до отчаяния. Он был бессилен что-либо изменить. Отец не нуждался в его советах, даже не звал его для разговора. И в советах Улаана-тайджи Гэрэлхан тоже никогда не нуждался…

Дни шли за днями. Ордынские тумены продвигались к Немясте. Всё отчётливей становились окрест знаки приближения земли великих лесов. Прежде в степи встречались курганы безымянных вождей, теперь – затянутые кустарником и полынью, потонувшие в земле развалины древних стен. Чередами волн шли пологие холмы, в распадках бежали ручьи и мелкие реки, а над ними зеленели заросли, рощи, лески. Возле лесков ютились первые урусутские деревни. Жители их были достаточно дерзки, чтобы селиться на самой границе Великой Степи, и достаточно умны, чтобы не дожидаться монгольского войска на своих полях. Почти все деревни оказывались пустыми. Нукеры, что обыскивали дома, возвращались мрачными и злобно сплёвывали в ответ на расспросы: нечем поживиться, проклятые урусуты, убегая, забрали все ценное, что смогли. От досады деревни жгли.

Улаан почти не видел отца. Разве что вдали порой можно было различить трепещущие на копьях значки его личной сотни. Оставалось только гадать, о чём думает Гэрэлхан и что затевает он, даром предвидения наделённый не в меньшей, а, скорее, в большей степени, чем царевич.

…Мало-помалу Алей осваивался в обращении с собственным расщеплённым сознанием. Только теперь он осознавал, до какой степени утратил контроль над ним. В первые дни он не мог толком даже отслеживать переключения между личностями. Пусть обе личности принадлежали ему, пусть он не чувствовал никакого сопротивления или отторжения одной из них, но две воли, два опыта, два рассудка не могли гармонично сосуществовать в одном теле. По крайней мере – сразу после совмещения. Частичное слияние ментальностей степного воина-аристократа и рядового айтишника из Листвы порождало мысли и выводы, невероятные в своей нелепости и чудовищности. Так, неизбежная победа русского войска в грядущей битве Алею отнюдь не казалась чем-то удивительным и невероятным: материал школьной программы, о чём говорить? Но Улаана-

тайджи эта победа приводила в черное отчаяние. Его эмоции были так сильны, что в конце концов даже Алей начал стискивать зубы при мысли о Немясте. «Ирсубай, – проносилось в уме, – Ринчин. Шоно», – и ещё десятки знакомых имён и лиц. Лиц живых, весёлых и симпатичных людей, которые навеки останутся на Куликовом поле, изрубленные русскими топорами… Нельзя сказать, чтобы Алей совершенно спокойно принимал то, что по воле отца – или же по какой-то иной, неведомой воле, – ему пришлось принять не ту сторону. Но поделать с этим он ничего не мог. Окажись он во стане русских воинов – по-прежнему считал бы себя русским и наверняка бы искренне возненавидел захватчиков, о которых знал из книг и мультфильмов. Но он был одним из захватчиков, другом, командиром и царевичем захватчиков, и волей-неволей личные симпатии и убеждения Улаана-тайджи становились его симпатиями и убеждениями. К тому же Саин-хатун действительно была очаровательной женщиной, а Ирсубай – отличным приятелем…

Алей твёрдо намеревался добиться полного разделения сознаний. Прежде чем анализировать странную параллель и строить планы побега из неё, надо было разобраться в себе. Порядком неприятно было, начав размышлять о деле, внезапно осознавать себя думающим о добыче, которую можно взять в русских городах. Первой в списке стояла задача определить границы личностей и научиться сменять их по собственной воле.

Нескоро, но Алею удалось это. Спустя несколько дней он, поигрывая камчой, уже размышлял о бездонном потенциале человеческой адаптивности и устройстве многомерной Вселенной. Лайфхакерский опыт оказался как нельзя кстати: Алей и раньше умел управлять потоками неясных и непонятных ассоциаций, спокойно принимать озарения, явившиеся непонятно откуда, развивать мысли, казавшиеся чужими. Отделять искры ценного и верного знания от балласта он тоже умел. Разница заключалась лишь в том, что теперь балласта просто не было. Любая информация могла оказаться полезной, так или иначе.

Только покончив с рефлексией, он отправился к брату. Младший тоже путался между Инеем Обережем и Цаном-тайджи, но, судя по всему, даже не замечал этого. Алей боялся оказать брату медвежью услугу, взявшись помогать, пока сам едва держался на плаву.

Но его помощи не потребовалось.

Когда он подъехал к возку, где Иней под руководством наставников читал по-китайски, тот немедля бросил занятия и в мгновение ока отвязал своего Этигэла. Алей внутренне подобрался, ища самый мягкий, безболезненный способ вернуть

брата в его привычную личность. Они отъехали в сторону, Алей осторожно начал:

– Инька… – и Инька ответил по-русски:

– Алик, ты почему так долго не приезжал? Я хотел уже тебя искать. Только не знал, где ты. А за мной эти деды таскаются, вообще никуда не пускают.

Алей глянул на брата испытующе и даже нахмурился слегка. Как-то слишком легко получалось.

– Инька, – сказал он, – это точно ты?

Иней посмотрел на него в недоумении.

– Ты про что? – сказал он и вскинулся: – А! Ты про понарошку?

– Какую понарошку?

– Ну мы с папой и с тобой вроде как понарошку здесь, – улыбнувшись, объяснил Иней. – А сейчас несчитово вроде как, да?

– Да, – сказал Алей в смущении и прибавил: – Ну ты молодец, Инька.

Младший засветился. Потребовал, покраснев ушами:

– Почему молодец?

– Я думал, ты не отличаешь понарошку от несчитово, – сказал Алей со вздохом. – В прошлый раз ты то на одном языке говорил, то на другом. Я даже испугался.

– Ты тоже на разных языках говоришь, – сказал Иней. – И по-китайски даже, Лю сказал, что хорошо. А дома только английский знал. По-моему, прикольно, правда?

– Прикольней некуда… – пробормотал Алей, в задумчивости терзая нижнюю губу. – Слушай, Инька, ты как смотришь на то, чтобы домой уже поворачивать? По-моему, прогулялись мы неплохо. Мама волнуется. И Лёнька скучает очень.

Иней приуныл.

– Я хорошо смотрю, – печально сказал он. – Только папка не хочет. Он хочет Летена победить, ну этого, который московит. Очень хочет. А я… ну… – он смешался, сморщил нос, скосил взгляд в сторону и признался, – Алик, я папку очень люблю. Взаправдашне так люблю. Он классный, правда. Давай так сделаем, – Иней поднял глаза, улыбнулся: – папка Летена победит, а потом мы сразу домой пойдём. Вместе.

Алей стал мрачен как туча.

Но он ничего не сказал, только уронил неопределённое: «Подумаем», – и стал расспрашивать Инея о том, где они с папкой были и что видели. О возвращении домой он в тот раз больше не заговаривал.

Тем же вечером он начал искать админа.

Первый поиск оказался предсказуемо безуспешным – и неподъёмно тяжёлым. Алей с гнетущим чувством понял, что сейчас как поисковик он практически беспомощен. Это была беспомощность не того рода, какую он испытал при первой попытке поработать из Старицы. В Старице он тонул в морях и океанах информации, теперь же оказался посреди безводной пустыни. В отсутствие интернета, Старицы, проксидемона или, на худой конец, видимого объекта анализа он не мог нащупать даже начальные звенья поисковых цепочек. Конечно, во многом неудачу определяли параллель и эпоха. Даже вместе со всеми знаниями Улаана Алею не хватало эрудиции. Царевич был на редкость образованным человеком для древнего монгола, но ни в одном из знакомых ему языков не было аналога для тоннелей и Якорей. Нелепо было искать в средневековье системных администраторов, а как правильно именовать местных управленцев, Алей не знал. Бурханами или богами? Шаманами? Старцами? Все варианты приводили к пустоте.

Он пробовал искать иначе. Дома у него уже получалось увидеть тоннель человека, а всякий тоннель, как известно, привязан к Якорю.

Но и здесь его ждал неуспех. Далеко не каждый Якорь – вселенский админ. Для младенца первым Якорем будет его мать, для фанатика – его пророк. В эту эпоху Якорями оказывались либо властные старики, главы семейных кланов, либо командиры и первый из них, сам Гэрэлхан. Единственный раз замаячил лучик надежды, когда Алей попытался определить Якорь своей жены. Им была некая могущественнейшая шаманка, старая принцесса чингизовой крови… но она осталась в Хар Хоруме, а войско с каждым часом удалялось от столицы.

Найти админа на русской стороне в сложившихся обстоятельствах было нереально.

Алей скрипел зубами от досады. Не то что слуги – даже нукеры порой шарахались от его взгляда. Это бесило уже Улаана: царевич знал, что славится как вещий, но одно дело дар прорицания, и совсем другое – дурной глаз. Позор воинам, боящимся порчи, и трижды позор, что порчи ждут не от какой-нибудь чёрной старухи, а от высокородного Улаана-тайджи.

Приходил старый Хурамша-нойон, даже днём, в жару, кутавшийся в кислую овчину, говорил что-то, поучая царевича, и Алей полностью превращался в Улаана. Улаан-тайджи подавлял зевоту, Алей же пользовался случаем, чтобы передохнуть, хотя бы ненадолго прекратив мучительный бесплодный поиск. Он даже испытывал благодарность. Славный всё же старик Хурамша, справедливый и незлой, хотя и испортили его нрав вечно ноющие

старые раны. Воины его любят. Жить ему осталось недолго, пусть же гордится собой, наставляя вещего царевича… Улаан-тайджи превозмогал скуку, прислушивался к старому нойону, задавал вопросы.

В прочие же часы тягостные мысли глодали Алея.

Неужели он и вправду ни на что не годен без подпорок? Или это за последнее время он так привык ими пользоваться? Нет, без интернета он обходился только в детстве или когда искал сущую чушь… но человеческая память не может сравниться по ёмкости с компьютерной, ни один лайфхакер не смог бы полагаться только на себя! Памятуя, что его собственный админ обещал ему помощь, Алей пытался позвать Васю. Но он слабо понимал, как это можно сделать. К тому же, он не знал, способен ли Вася услыхать настолько отдалённый зов, и не спит ли он вообще беспробудным сном. На Васю можно было надеяться, но не рассчитывать.

В конце концов Алей вернулся к размышлениям об отце и его цели.

Иней сказал, что Ясень хочет победить Летена. Братишка мог и напутать… почему-то Алей был уверен: не напутал. Алею отец сказал, что хочет попасть к последнему морю. Но на пути к нему Ясеню обязательно нужно разбить Ледяного Князя урусутов.

Зачем?

Если Предел Летена он уже отрезал?

…«Летен и без Предела многое может», – думал Алей ввечеру, глядя в дымовое отверстие юрты. Прямо над ним горела звезда – золотая Небесная Коновязь, выкованная девятью кузнецами… Летен мог даже больше, чем полагал Алей до сих пор. Каким-то непостижимым образом Воронов отправился вслед за ним в эту параллель… Звезда задрожала, метнулась в сторону, вернулась на место и вдруг сорвалась вниз. Небесная дверь приоткрылась и луч благословенного света озарил землю. Позади Алеевых глаз вспыхнула короткая молния.

Проксидемон.

Алей оставил его на тумбочке в доме Рябины. После исчезновения своего гостя Рябина, несомненно, позвонила Воронову. Тот приехал немедля, и единственным, что он нашёл, была металлическая змея. Летену Истину не составило труда определить, что Алей не выходил из квартиры. О возможности перемещаться между мирами Летен уже знал.

Всё складывалось. Неясным оставался только последний ход. Как Летен попал сюда? Да ещё в обличье Ледяного Князя, грозного владыки, знаменитого по всей ойкумене?

Алей зажмурился и представил себе это. Вот Рябина второпях

набирает номер Воронова, вот он, невозмутимо-спокойный и немного мрачный, переступает порог, осматривает комнату, выходит в коридор и возвращается, проверив, что все ключи на месте… Говорит Рябине, что Алей не выходил из квартиры – или не говорит, чтобы не тревожить её. Он замечает железную змею проксидемона. Летен наблюдателен. Конечно, он помнит, что змея была на запястье Алея во время путешествия, и он помнит, как Алей говорил о прокси-серверах, меняющих адрес пользователя и координаты пространства. Вот уже напрашивается вывод… Но как Алей отправился в путь без своего прокси-сервера?

И Летен берёт змею в руки.

«А у змеи на него свои планы», – вспомнил Алей и перевернулся на бок. Где-то за стенами юрты глухо звякало железо. Конь грыз удила?.. Проксидемон собирался развлечься, столкнув лбами двух исполинов, Воронова и Обережа-старшего. Последний был вовсе не против. А Летен Истин хотел найти Алея, но и брошенный вызов он, несомненно, принял бы… Железной змее оставалось только сделать то, для чего она была создана – перебросить человека в другую параллель.

«Всё понятно», – подумал Алей.

Следующей мыслью было, что ничего ему на самом деле не понятно. То, что они оказались здесь в телах уже существовавших людей, шло поперёк всякой логики. То есть чисто теоретически, конечно, это можно было как-то объяснить, притягивая за уши тысячи допущений, но Алей уже работал с проксидемоном и имел опыт смены параллелей. Во время прогулок по постапокалиптическим мирам он оставался самим собой.

Алей устал за день, рядом тихо дышала спящая Саин, и он мало-помалу впадал в забытье, достраивая цепочки рассуждений почти во сне. Последние звенья их он уже не осознавал.

Уснув, он упустил и забыл последний дар лайфхакерского инсайта.

Слово «постапокалиптика» в его мыслях не относилось к реальности, пусть даже реальности иномировой. Это был жанр. Разновидность компьютерной игры или фантастического романа.

Утром следующего дня великий хан-отец наконец вызвал Улаана к себе. Один переход оставался до берегов Немясты, и войско уже собиралось в ударный кулак.

Ночь выдалась холодной, и утро голосами ветра и мороси говорило о подступающей осени. Небо тяжело тянулось к земле, ветер гнал облака – отары низких, тёмных туч на фоне белой пелены, просвеченной далёким солнцем. Всё было влажным –

одежда, оружие, шерсть боевого коня.

Великий хан поставил свой шатёр на древнем кургане. Золотой шёлк намок и стал тускло-жёлтым, он больше не притягивал взгляда издалека, как костёр во мгле. Белые хвосты Цаган-сульдэ отяжелели и обвисли. Под курганом протекала река. Туман застилал её всю и поднимался над водой, скрывая заросли ольхи и камыша по берегам. Элээ, предвещающие несчастье, вольно бродили в этом тумане. «Див сулит полночным кликом гибель Приднестровью» – откуда-то вспомнил Алей и всю оставшуюся дорогу мучительно пытался понять, где он вычитал эту строку; точно не в «Слове о полку», но тогда где?..

Казалось, по обе стороны кургана простираются огромные тёмные крылья, и чернело мощное тело раскинувшего эти крылья орла: то была Орда. За пару дней лошади съели всю траву в окрестностях – земля обнажилась.

Чистокровный туркменский скакун под Алеем досадливо и нервно фыркал, прядал длинными ушами, норовил вильнуть в сторону. Поход был для него лёгким, а ночью он хорошо отдохнул. Удерживать его стоило всаднику труда. Улаан почти не смотрел на сторонам, но острым боковым зрением всё же различал бесконечные колонны всадников. Они то терялись в тумане, то выныривали из него. Войско казалось бессчётным: точно игрок решил облегчить себе задачу и ввёл чит-код, снимающий ограничения на число бойцов на карте…

Ясень сидел на кургане. Он был в доспехах, но без шлема. Золотые серьги путались в седых косичках. Алей спешился и поклонился.

– Здесь оставим лагерь, – сказал отец, не взглянув на него. – Жён, скот и казну. Передовые наши отряды выгнали отсюда заставы московитов. Их полки уже строятся.

– Они перешли реку? – зачем-то спросил Алей.

– Само собой, – ответил хан. – Надо сказать, товарищ Воронов меня не разочаровал. Он перевешал моих соглядатаев. Урусутов до последнего не могли подсчитать, но сейчас ясно, что их заметно больше, чем требует того историческая достоверность.

Алей не удержался и сплюнул.

– Не дерзи, – сказал хан. – В первый вал я тебя не пущу, а дальше – посмотрим.

Алей подошёл и сел рядом с отцом. Он молчал: не мог подобрать слов. Гневные вопросы раздирали его, и непонимание, близкое к отчаянию, и неверие – слишком сильные и противоречивые чувства.

– Папа, – наконец, сказал он, – я не буду в этом участвовать. Я не могу тебя остановить, но я…

– Ты уже в этом участвуешь. И не потому, что командуешь туменом.

Алей втянул воздух сквозь зубы.

– Я программист.

– А я инженер.

– Я не годен к строевой.

– А по-моему, годен.

– Папа, я русский.

– Да я тоже русский, – сказал хан и указал рукоятью плети на запад, где за непроницаемой пеленой тумана собирались на битву полки Ледяного Князя. – Объяснишь это им?

Алей не ответил.

– Зачем ты всё это затеял? – убито спросил он после паузы. – Ну пускай тебе что-то нужно. Зачем так развлекаться? Зачем людей убивать?

– Историческая необходимость, – сказал Ясень, и по голосу его нельзя было понять, серьёзен он или по обыкновению извращённо шутит. – А по правде-то я самый гуманный и цивилизованный человек. Если есть возможность убить одной стрелой двух куропаток, с чего бы её упускать?

– Двух? Я не понимаю. Ты хочешь уничтожить Летена, но как это поможет тебе попасть к Морю Имён?

Ясень впервые взглянул на сына: коротко, насмешливо блеснули узкие чёрные глаза.

– Во дурака родил, – удручённо сказал он. – Ты о чём все эти дни думал? С гаремом баловался? Ну да, когда тебе ещё целый гарем выдадут, пущай и немытый. А ещё меня попрекаешь развлечениями. К Морю Имён, Алик, поведёшь меня ты.

– То есть как?

– Так же, как водил Воронова за мной, – сказал Ясень и подпёр рукой подбородок. – У тебя неплохо получалось. Видишь ли, я могу выйти к Реке, но не дальше. Чтобы добраться до устья Реки, нужен лоцман. Я пробовал добраться на Нефритовой Электричке, но не смог. Очень страшно. Особенно когда просыпаются проводницы.

– Папа, – оторопело выговорил Алей, – ты о чём вообще?!

– О дакини, – как ни в чём не бывало пояснил Ясень. – Проводницы Нефритового Экспресса – дакини.

Алей отвёл взгляд.

Он толком не понимал, чьё это знание – Улаана ли, сведущего в мифологии буддизма, или его собственное, он и об этом тоже где-то читал… Дакини, буддийские богини-демоницы, невыносимо страшные обликом танцовщицы Пустоты, пожирательницы плоти. Они являются к ступившему на путь

Просветления, чтобы помочь избавиться от иллюзий и от привязанности к сансаре, прекрасной сансаре, полной дождя и тумана, огня и железа, душистых цветов и сладкого женского смеха…

Проводницы Нефритового Экспресса.

– Там спальный вагон только один, – сказал Ясень. – Но когда они просыпаются, это становится неважно… Серебряные рельсы, яшмовые шпалы. В конце пути они идут прямо по пляжу Последнего моря. Как в Феодосии. Но я пришёл к выводу, что проще найти лоцмана и проплыть по Реке.

Алей кривовато ухмыльнулся.

– Дакини не выдают белья?

– И чая не приносят, – подтвердил Ясень. – Кстати, к вопросу избавления от иллюзий. Алик, ты должен был по крайней мере понять, что это всё ненастоящее.

Он широким жестом обвёл степь от горизонта до горизонта. Всё попало под этот простой и немыслимый приговор – небо, земля, трава, закутанная в туман река, тысячи людей и коней. Ясень стал серьёзен и спокоен, и озноб пробрал Алея до костей. Смутно вспоминались былые странные подозрения и неуместные догадки. Они подталкивали бы к выводу, наводили бы на мысли, если бы…

Нет.

Невозможно в принципе.

– Ненастоящее – в смысле майя-иллюзия? – на всякий случай уточнил Алей.

– Ненастоящее в прямом смысле. Настоящего кровопролития таких масштабов я бы, пожалуй, не осилил. Говорю же – я самый гуманный цивилизованный человек.

– Папа, – безнадёжно начал Алей, – но люди – живые…

– Хватит, – оборвал его Ясень. – Должен же хоть кто-то говорить с тобой не загадками, пусть это буду я. Ты в курсе, что вода Реки Имён по сути является информацией – символами, понятиями et cetera. Вода Моря Имён – тоже. И сами Река и Море суть символы. У символов есть воплощения. Поскольку Река и Море – обобщения высочайшего порядка, то их воплощения могут быть как реальными, как и мифологическими. Шаманская река Энгдекит, текущая из Верхнего в Нижний мир. Небесный и подземный Нил. Реальные Нил, Ганг, Хуанхэ, Волга. Само время, кстати, тоже проявление Реки Имён. У неё так много проявлений потому, что она ближе к вещному миру и к человеческому сознанию. Попасть к ней сравнительно легко. Море Имён неизмеримо дальше. Эта сущность – надчеловеческая. Нечеловеческая. Разные философские понятия вроде вечности и

бытия – только её частичные проявления. Если при определённой подготовке можно поплыть по Нилу и доплыть до Небесного Нила, то попасть к Морю практически нереально. Единственное условно-доступное его воплощение – это Последнее море монголов. Римское Mare nostrum не годится. Я проверял.

Алей слушал молча. Что-то он понимал, что-то – нет, но недостающие детали одна за одной встраивались в систему.

Ясень замолчал и внимательно посмотрел на сына.

Алей глядел мимо отца – вдаль, в туман, туда, где голубовато-белая дымка незаметно переходила в облака. Странная иллюзия преследовала его: казалось, что земля под ногами греется и гудит. Там, внизу, мчались, медленно пробивая себе путь к поверхности, огненные и железные адские реки…

– Дойдя до Последнего моря, – сказал Алей, слыша себя будто со стороны, – ты попытаешься уплыть по нему в Море Имён?

– Не совсем так, – сказал Ясень. – Во-первых, я не попытаюсь, я уплыву. А во-вторых, ты поведёшь меня.

– А если я откажусь?

– С чего бы? – вдруг улыбнулся Ясень. – Можем Иньку с собой взять.

– Иньку мама ждёт. И друзья.

Ясень фыркнул.

– Ты о времени беспокоишься? Не беспокойся. Время здесь отдельное, можно подвинуть. Ну-ну-ну, Алик. Зря я тебя, что ли, тренировал?

– Так ты меня тренировал, – медленно проговорил Алей.

– А ты не догадался, что ли?

– Догадался, – соврал Алей и помрачнел, хотя более мрачным, казалось, стать было нельзя.

– Не грусти, – сказал ему невозможный и непостижимый отец, – а то прыщи будут. Слушай вот лучше. Эх, жаль, гитары нет!

И он негромко, вполголоса, запел:

Небо молнии мечет, золотые вьются арканы,
беглым пламенем светят их искрящиеся края.
От зари утра до утра, с океана до океана
простёрлась воля моя.
Мир струится и каплет, озарённый до окоёма.
Поднимается Солнце над расплавленною волной,
И летят его сыновья от дверей лучистого дома
к зелёной ночи земной.
Сбить печати печали! И мечами блещут зарницы,

Встала радуга крепким луком, щит лежит ковылём.
Поднимайтесь! В путь! И заржут жеребята и кобылицы
над галькой Моря Имён.

Великий хан пел, а ветер всё усиливался, и низкие облака расходились, оставляя только сияющее белое полотно в вышине, так похожее на небо Старицы. Дождь кончился, рассеивался туман, всё явственней становились очертания войска, готового к бою. «Пойдём быстро и ударим с разгону, – сказал хан. – Первый вал должен смыть передовой полк». Алей почти не слышал его. Слова сливались с гудением ветра. Море Имён, последнее море, совокупность и источник любых понятий, любых явлений… тихий, чистый безлюдный пляж с жемчужно-белым песком и причудливо извитыми раковинами, ласковый прибой, пенные гривы волн. Серебряные рельсы проложены прямо по песку. Нефритовая Электричка, достигнув места назначения, замедляет ход. Многорукие, клыкастые, с кроваво-алой кожей, в ожерельях из отрубленных голов дакини выходят из неё и преображаются в прекрасных благих духов. Олицетворения Пустоты, которая сама лишь одно из частичных воплощений Моря…

Отец велел Улаану-тайджи отправляться к своему тумену. Спускаясь с кургана, Алей ощутил, как задрожала земля, когда десятки тысяч лошадей одновременно сорвались с места.

Глава 10. Линкообмен

Всей битвы Улаан не видел. Его тумен шёл в бой с третьим валом Орды, а Хурамша-нойон меньше всего хотел докладывать повелителю о гибели наследника. Закованный в золочёную персидскую броню, окружённый нукерами, Алей смотрел на поле сражения со стороны, поднявшись на невысокий увал. Доспех оттягивал плечи. Лук в саадаке и меч в ножнах дразнили, тянули руки к себе. Желания Улаана-тайджи и желания Алея Обережа вновь противоречили друг другу: один страстно стремился в гущу битвы, другой хотел бы этой битвы никогда не видеть. Конфликт прерываний стал острее, чем когда-либо. В глазах темнело. Алей стискивал зубы, натягивал поводья так, что жеребец мотал головой и пятился. На поле боя трудно было различить что-либо даже намётанным взглядом Улаана-тайджи. Он понял только, что передовой полк так и не удалось сшибить одним ударом. «Летена так просто не одолеть… – и тут мысли Алея снова смешались, он подумал с досадой монгольского царевича: – Что он им сказал? «Ни шагу назад?» – опомнился и впился ногтями в ладони.

Когда он впервые увидел русский строй, длинник пехоты показался ему ослепительно-белым, он точно лучился светом. Невозможно ровным и ярким был ряд червлёных щитов, перегородивших поле. Нереально для Средневековья. Вообще нереально. Даже не фильм – мультфильм какой-то, притча, сказание. «Это ненастоящее, – вспомнил Алей отцовские слова и растерянно прибавил, возражая далёкому Ясеню: – Но люди живые, папа. Сталь настоящая. И кровь…» Потом он вспомнил почему-то о Пересвете и Челубее. Конечно, то была легенда; но коль скоро они находятся в пространстве сказки, странно, что обошлось без сказочного поединка. Ясень Обережь, великий хан Гэрэл неудержимо рвётся к своей фантастической цели и может отказаться от зрелищности, если считает нужным…

Алей на мгновение закрыл глаза.

По крайней мере, Иней был далеко отсюда. Он остался в лагере.

Не дожидаясь второй атаки, передовой полк слаженно отступил. Монгольская конница врезалась в полк левой руки, оттесняя урусутов к реке, – и откатилась, осыпанная градом стрел. Гремели боевые трубы. Далеко, очень далеко, не то за линией страшной рубки, не то в самой этой линии, вспыхивали золотые и серебряные блики, словно маленькие молнии лайфхакерских инсайтов. «То князья и бояре, – думал Улаан, – их драгоценные доспехи». Чёрные и алые знамёна с ликом

урусутского бога высились ещё дальше. Пока угрозы им не было. Только чёрные стрелы падали изредка на излёте под копыта княжеских скакунов.

Не выдержав внутреннего раздора, Алей, наконец, попытался найти компромисс. В бой его не пустил бы, кроме прочего, старый темник Хурамша, а отвернуться, поддавшись цивилизованной природе, не позволял стыд. Улаан-тайджи желал хотя бы разумом унестись туда, где лилась кровь и слышались вопли страха и смерти, ненависти и отчаяния – так пусть это случится.

И нукеры почтительно затихли, глядя на царевича, застывшего в ледяной неподвижности.

Улаан-тайджи поднял руки и вжал кончики пальцев во впадинки на висках – так сильно и резко, как будто вгонял в разъёмы нейрошунты.

Он оказался совсем рядом с центром битвы: там, где готовилась ударить по большому полку урусутов первая тысяча тумена Улдая. Она едва ли на десятую часть состояла из ордынцев; их растянутый строй стеной стоял за спинами степного сброда, крикливого и пёстрого. Монголы готовились погнать вассалов перед собой. «Заградотряд», – подумал Алей. Его бессмертная душа-сульдэ, легко отделившись от тела, парила над землёй на высоте полуметра. Отсюда можно было познать весь ужас кровавой сечи, но нельзя было понять замыслов воевод, и Алей поднялся выше. Сейчас, в действительной полуреальности, он не мог воспринимать битву иначе, как столкновение войск в компьютерной стратегии; и несмотря на чрезмерные подробности отрисовки, это было нестрашно.

Высоко в небе описывали круги коршуны, почуявшие поживу. Пространство между строем белой пехоты и серо-гнедой конной лавой быстро сужалось. По нему металась в смертном отчаянии одинокая лохматая собака, невесть как оказавшаяся здесь… «Ур-р-ра-а-а!» – загремело с обеих сторон и белая сторона прибавила: «Слава!» Урусуты опускали тяжёлые копья, задние ряды готовились метать сулицы. И вот уже страшно закричали пронзённые лошади, всадники вылетали из сёдел и падали на мечи, корчились и хрипели, погибая. Но и белые ратники падали под копыта. Когда русские ряды сомкнулись плотнее и медленно пошли вперёд, на врага, многие шагали по телам товарищей.

Алей поднял взгляд. Полк правой руки выдвинулся вперёд и продолжал наступать. Конная дружина князя Белолесского-Белопольского минуту назад врезалась в противника, как один огромный булатный меч, и толпа степняков разлетелась пёстрыми ошмётками. Улаан хорошо различал князя. С ног до

головы в железе, на огромном сером коне, в алой ферязи, этот кряжистый, страшно широкоплечий гигант был невероятно похож на Корнея. Алей даже заподозрил, что Летен и братву свою привёл за собой. Но князь обернулся, мелькнуло его тяжёлое усатое лицо, и стало ясно – нет, не Корней.

Вторая и третья Улдаевы тысячи пошли вслед за первой.

Монголов в них было больше, и они уже не ждали, когда рассыплются потрёпанные вассальные сотни. С монотонностью небесной воды падал дождь из стрел. Слышались крики раненых, и их заглушали боевые кличи. Новый удар ошеломлял, валил с ног. Вскоре стало ясно, что наступление московской рати не удалось, урусутов оттеснили на прежнее место и продолжали теснить. Тем временем тумен Бухи-сэчэна всей силой навалился на большой полк.

…Алей прерывисто вдохнул и вернулся в тело.

В глазах прояснялось медленно. Придя в себя, Алей увидел, что рядом с его туркменским жеребцом стоит горбоносый конёк Хурамши-нойона, а сам старый темник испытующе смотрит на царевича. «Вернулся, – подумал Улаан, – говорил с тысячниками». Сегодня нойон казался особенно старым. Он мёрз и сутулился, вечная овчина его намокла от мороси и воняла.

– Что скажешь, царевич? – спросил он.

Алей опустил глаза в землю.

– Ты стар и мудр, Хурамша, говори первым. Учи меня.

Нойон коротко, скрипуче хохотнул.

– Великий хан наказывал, чтобы я не спрашивал тебя о будущем. Но покойный отец темника Улдая был мне андой. Улдай мне почти племянник. Тумен его скоро выбьют совсем. Он уже бросил в сечу резервные тысячи. Так прошу тебя, Улаан-хан, скажи: умрёт ли Улдай, и если умрёт, то достойно ли?

Алей помолчал.

– Будет живым и достойным, но без тумена.

Хурамша уныло закряхтел, подтянул больную ногу и прилёг на своего конька, как на диван. Алей мимолётно даже полюбовался на это: поза человека, воистину родившегося в седле. Потом перевёл взгляд.

Мудрый Буха-сэчэн теснил большой полк Летена. Лошади шли по мёртвым и по живым. В стороне полка правой руки сеча почти утихла. К полку левой руки, истончившемуся под напором противника до двух рядов, быстро подходила подмога. «Интересно, засадный полк у Летена есть?» – подумал Улаан-тайджи, а потом задался вопросом, почему он до сих пор не сказал о засаде… ну хотя бы Хурамше? Потому ли, что о ней совершенно точно знал Гэрэл? Или… Алей не был уверен, что

Летен последовал исторической расстановке сил. Летен знал, с кем сражается.

Тем временем ратники большого полка отчаянным усилием отбросили поредевший тумен Бухи.

И начали расступаться.

Белая рать хлынула в стороны, точно море из библейской легенды. Пешцы двигались быстро и слаженно, никто не остался на пути – на пути броненосной конницы, хлынувшей на врага широким валом смертоносной стали.

Какой-то боярин в сверкающих серебром доспехах прорубился к знамени тумена, и знамя упало. Следом повалился с коня, лишённый головы, и сам урусут, но воины Бухи уже утратили боевой дух. В отчаянной злобе устремлялись они в сечу, подбадривая себя криками. Их отбрасывали легко. Железные конники шли и шли. Они казались неуязвимыми. Стрелы свистели над ними, со скрежетом царапали броню, застревали в кольчужных бармицах и не причиняли вреда. «Ещё немного, – подумал Улаан, – и в строй третьего вала урусуты ударят первыми». Хурамша не по-старчески споро крутнулся в седле, сощурился, приложил ладонь ко лбу. С холме, где неподвижно стоял белый конь великого хана, поднимались чёрные сигнальные дымы. Качнулись цветные значки, вознесённые на копьях.

– Пора! – сказал Хурамша. – Увидим, царевич, помогут ли нам бурханы и тэнгри, с которыми ты знаешься!

Нойон хлестнул коня и во весь опор унёсся вперёд, к ровному строю своих воинов.

Тяжёлой конницы урусутов на поле становилось всё больше. Новые и новые стальные сотни шли через коридор, образованный рядами пехоты. Алей вспомнил слова отца: Летену удалось собрать больше войска, чем предполагала историческая достоверность. Он попытался вспомнить если не школьный учебник, то хотя бы какую-нибудь книгу о Куликовской битве. Кажется, к Денславу не пришли тверичи и рязанцы, тверской князь Мороз Морянин за что-то обиделся на него… к Летену – пришли?

Невозможно обойти этот вал. Лошади урусутов огромны ростом, в Орде только ханские, кровные иноземные кони могут равняться с ними, но не кони простых воинов. Остатки тумена Бухи кинулись в отступление, сходное с бегством: их нагоняли и рубили нещадно. Витязи Летена неуклонно наращивали рысь. Кони их были одеты в броню, как и они сами. Всадники походили на горы, закованные в сталь.

Броненосная конница…

«У понятия высокой степени обобщённости, – подумал Улаан-

тайджи, вытягивая из колчана стрелу, – тысячи вариантов воплощения. И эти бородатые старики на рослых конях – они тоже танки, пресловутые танки Летена Воронова, которые сметают всё и приносят ему высшую власть…»

Он не накладывал стрелы на тетиву: положил её на луку седла и несколько мгновений сидел так. Первые тысячи тумена, доверенного ему отцом, пошли в бой. Нельзя было различить овчину Хурамши: уж не пренебрёг ли старик заветами полководцев древности, не сам ли повёл воинов в битву? Темник берётся за меч лишь тогда, когда тумена его нет больше… Взгляды нукеров, устремлённые на царевича, светлели от боевой ярости и предвкушения крови. Они знали приказ, но не верили, что царевич останется наблюдателем.

– Улаан! – сказал наконец Ирсубай тихо, на выдохе: – Когда?..

Царевич закрыл глаза и открыл. Зрение обострилось, стало орлиным. В груди ощущалась такая лёгкость и пустота, как будто у Улаана более не было сердца.

– Сейчас.

Его сотня сорвалась с холма.

Стрелять начали на полном скаку. Улаан-тайджи издалека увидел, как валится с коня тяжкобронный урусут, убитый стрелой. Шлем с личиной не уберёг его, чёрная стрела вошла прямо в глазницу. Улаан поймал торжествующий взгляд Шоно-мэргэна и издал победный клич. Клич поддержали остальные. В тот же миг вороной жеребец Ирсубая поравнялся с конём царевича, и багатур сказал:

– Только не в сшибку, мой хан! Лошади перекалечатся.

Улаан придержал коня.

– Ты прав. К тому же нам нужны достойные противники.

Багатур сверкнул улыбкой. «О, Ирсубай!» – подумал царевич. Этого воина и в сменную гвардию взяли не столько за отвагу, сколько за умение дерзить ханам так, чтобы те оставались довольны.

Они замедлили ход. Остальные на полном скаку налетели на московитов с фланга, врезались в строй, рассекли его. Прорубились к тысяче Дэлгэра, от которой едва ли уцелели три сотни. Мгновение Улаан видел лицо тысячника: надежду и благодарность выражало оно, нойон уже отчаялся вырваться живым, когда пришла помощь. В следующий миг урусутский меч разрубил его от плеча до сердца. Улаан знал об этой смерти заранее и остался бесстрастным. Подскакал Ринчин – пол-лица забрызгано кровью. Коротко сказал: «Не моя». Вид у него был удручённый: он успел оторваться от товарищей, забыв о своём

первейшем долге – охранять царевича. Шоно же, не теряя Улаана из виду, пускал стрелу за стрелой, и каждая находила цель. Мало кто мог бы стрелять так, как он, и он не упускал времени.

– Ты видишь Хурамшу? – спросил Улаан у Ирсубая.

– Вон он, перед четвёртой тысячей.

Улаан нашёл взглядом овчину.

– Неужели сам поведёт?..

– Может быть, – ответил багатур, и царевич тотчас увидел, что это и впрямь возможно. Половина Орды уже ввязалась в битву. Исход её всё ещё не был ясен, но уже близился перелом.

От стального сверкающего потока тяжёлой московской конницы отделились несколько витязей.

Шоно хрипло вскрикнул. Улаана сотрясла дрожь: это не был крик победы или крик досады. Обернувшись, он уже не увидел своего стрелка, седло его коня опустело. Урусут опустил арбалет. Тяжёлый болт, пробив броню, засел в груди Шоно-мэргэна. Тот уже не был живым. Ринчин схватил лук, выстрелил в арбалетчика. Стрела чиркнула по броне. Ирсубай потянул из ножен меч.

– Вот и противник, – сказал он с улыбкой, – жаль, не князья!

Улаан-тайджи закусил губу.

Течение времени замедлилось.

Звуки исчезли.

Огромные кони урусутов плавно, неспешно плыли над зёмлёй, что стала сейчас грязью, замешанной на крови. Широкие копыта тяжело ударяли в землю и так же тяжело поднимались, посылая вперёд и вперёд закованные в сталь тела. Отряд приближался. Трое дружинников опередили прочих: один на вороном, один на белом и один на гнедом. Улаан уже не видел друзей и не знал, с кем они рубятся. Три урусута надвигались. Они были громадны. Похожи на горы сверкающего металла. Улаан натянул лук, поджидая их. Трое – это было для него много, по крайней мере одного надо было убрать стрелой, а царевич не мог похвастаться великолепной меткостью. О, Шоно! Если бы звание мэргэна давалось дважды, он дважды носил бы его, убитый герой.

Улаан выстрелил в первого урусута, восседавшего на огромном вороном. Бармица закрывала не только шею и плечи дружинника, но и лицо: только ястребиные тёмные глаза смотрели из-под венца шлема. Царевич целился в правый глаз, но попал ниже. От страшного удара в скулу голова урусута дёрнулась, он откачнулся назад, но на коне удержался. Мгновение чудилось, что он вовсе не заметил раны. Всё же он отстал от товарищей и, горбясь, схватился за лицо. Улаан забыл о

нём.

Он выстрелил ещё раз, целясь уже в гнедого коня: всадник его носил шлем с личиной, и попасть в узкую глазницу Улаан не сумел бы, а грудь и шею дружинника надёжно защищал доспех.

Но собственный конь Улаана дико заржал и поднялся на дыбы. Царевич попал всего лишь в пластину нагрудной брони гнедого и тихо выплюнул проклятие.

Одуревшее, полуобморочное от ужаса сознание Алея Оберега пробудилось вдруг в дальнем уголке разума и заметило, что трое атакующих невероятно, до сказочности похожи на трёх богатырей с картины Васнецова. Только доспехи их и коней их тяжелей и надёжней.

Ещё долю секунды спустя сознание Улаана померкло. Душа-сульдэ отделилась от тела и успела увидеть падающую стрелу, которая ударила царевича в шлем.

Стрелу с тупым наконечником.

Его брали живым.

В начале всего установилась золотая вселенная.

В пустое синее небо с десяти сторон повеял воздух и, мало-помалу сталкиваясь, образовал нерушимо твердый круг синего воздуха, называемый Дзиламахан. На поверхности его из семи озер ветра сделалось и вышло облако, называющееся золотым сердцем; из сильного дождя образовалась вода, опиравшаяся на воздух; внизу был великий океан. Воздух взбалтывал воду, и на поверхности её установилась золотая пыль, твердая, подобная пенке. Это и была золотая вселенная. Толщина ее была в тридцать два тумэна бэрэ, ширина ее была с водой наравне. Над нею непрерывно шёл дождь. Вода образовала Внешнее Море.

В небе возник весьма твердый воздушный светлый круг, который вращался по солнцу. На нём держались солнце, луна, звезды, и пребывали летающие по воздуху тэнгри. Солнце есть дворец солнечных тэнгри из огненного драгоценного хрусталя. Луна есть дворец лунных тэнгри из водяного драгоценного хрусталя…

…Когда душа Алея покинула небесные области вернулась в тело, течение времени уже восстановилось и более уже не замедляло свой бег.

Всё двоилось перед глазами. Шум крови в ушах заглушал звуки битвы. Алей попытался подняться и не смог, лишь заметил, как скачет прочь, не разбирая дороги, его жеребец с опустевшим седлом. Наперерез ему мчался Ирсубай-багатур. «Оставь меня! – хотел приказать ему Улаан. – Меня пощадят, тебя – нет!» – но нельзя было набрать в грудь воздуху, нельзя было разжать зубы,

чтобы сказать слова, да и знал царевич, что ответили бы ему на этот приказ. «Я твой нукер, тайджи – умру, защищая тебя!..»

Ирсубай налетел на дружинника как чёрный вихрь. Конь его встал на дыбы, пытаясь загрызть белого жеребца урусута, ударил его копытами. Но сил недостало. Дружинник отмахнулся громадной булавой – казалось, небрежно, слишком медленно, и всё же мощи удара хватило, чтобы сбросить кэшиктэна наземь. Собственный конь, опускаясь на четыре, ударил багатура копытом в грудь и вышиб из него дух.

На грани беспамятства Алей услышал:

– Слышь, Поток! Которого вязать-то?

– Вяжи обоих, – распорядился Поток. – Князю…

Что нужно князю, Алей уже не узнал, потому что провалился в беспросветную чёрную шахту и полетел по ней, падая и взлетая одновременно, навстречу жемчужному сиянию облаков и зеленым-зелено пламенеющему лесу Старицы.

Улаана-тайджи обезоружили, скрутили ремнями и перекинули через седло белого коня.

– Быть тебе боярином, Месяц, – ухмыльнулся Поток, – не позабудь друзей, как в вотчине сядешь.

– Может, и не мне ещё, а тебе. Ну как князю не этот нужен, а тот, – сказал добродушный Месяц. – И на что князю этот?.. – прибавил он задумчиво, разглядывая не столько царевича, сколько его золочёную броню. – В чём душа только держится. Захилела татарва.

Раненый Беркут проклял татарву вдоль и поперёк, невнятно и с подвыванием, потом сплюнул в горсть кровь и зубы.

– Ты молчи, – посоветовал ему Поток, – куда болтать с поломанной скулой. А ты, Месяц, тоже хорош. Так захилела татарва, что теперь Беркут на правую сторону ни в жизнь жевать не будет.

Беркут погрозил Потоку латным кулачищем, и тот засмеялся. Поток накрепко привязал к седлу бесчувственного Ирсубая, взгромоздился на безразличного ко всему коня и пришпорил его, направляя к далёким знамёнам великого князя Летена Истина. Приказ был выполнен.

…Алей услышал разговор русских уже после того, как он закончился. Он пришёл в себя, когда Месяц сволакивал его с седла. Голова страшно болела от удара и тряски, к горлу подступала рвота, но та часть сознания, что отвечала за предельный поиск, была странно ясна. Алей увидел лицо Месяца, круглое, простое, почти наивное. Дружинник заметил его взгляд и вмиг переменился: сталью блеснули серые глаза, в них

проступило холодное отчуждение, память былой лютой ненависти и злобы. Алей судорожно сглотнул и от страха, почти невольно считал информацию о тоннеле молодого дружинника.

Якорем его был даже не Ледяной Князь, а простой попик из родной деревеньки, отец Иоанн. Он крестил Месяца: христианское имя его было Андрей. Крестил и братца, и сестричку. Братца убили во время набега, когда деревеньку сожгли, а сестру увели в полон. И сам отец Иоанн, сгоревший вместе со своей церковью, давно лежал в земле, а доброта его всё ещё оставалась Якорем, определявшим путь Месяцевой души и средоточие сердца. Будь жив тот поп, ох и не понравилась бы ему божественная его должность…

– Что вылупился? – грубо сказал Месяц. В этот момент Алей прочитал его последние мысли и услышал разговор.

«Князь, – подумал он. – Летен приказал меня… да, этого следовало ожидать». Летен Истин пришёл сюда за ним и вот – Алея приволокли в его стан. «Если он ставит перед собой цель, то достигает её. Даже без Предела», – то ли подумал, то ли вспомнил Алей. Потом голова у него снова закружилась, он почти перестал видеть. Только образ Инея стоял перед глазами: маленький печальный мальчик на вороном коне, среди густых трав.

Подтащили обморочного Ирсубая, содрали с ордынцев доспехи и украшения, посадили их спиной друг к другу и скрутили локтями. Алей сморгнул, зажмурился, пытаясь прийти в себя. Пленных оттаскивали к обозу, за ряд огромных телег. Десяток или полтора их было здесь, молодых воинов в изорванных дорогих халатах. Великий князь знал, кого ищет, но дружина не знала. «Иней, – неотступно крутилось в мыслях Алея, – Иней…» Из-за телег ничего не было видно, но Алей уже знал, что за несколько минут его беспамятства в ходе битвы произошёл перелом. Нельзя было надеяться, что отец придёт сюда за сыном. Отец отступал, девятихвостое белое знамя покинуло своё место на холме. Теперь расчёт Алея переменился. Он надеялся, что броненосная конница Летена догонит отступающих, и Иней тоже попадёт в плен. Это был бы лучший выход. Ради этого можно было бы примириться со всем, через что он прошёл. Дружинники привезут второго ханского сына, и Алей примется за поиск вселенского админа на русской стороне… или попытается перехитрить проксидемона, если Эн находится при Летене… и все они отправятся домой.

Призрачной была эта надежда. Ясень в любой момент мог уйти в другую параллель и забрать с собой младшего сына. Но могло случиться и так, что он начнёт тянуть время, или не успеет

скрыться с глаз своих кэшиктэнов, ведь нельзя исчезнуть, пока тебя видят. «Да, шанс есть», – заключил Алей и прикрыл глаза. От него уже ничего не зависело.

Он хотел забыться, но вместо этого вспомнил про Саин-хатун. Отчаянная тоска подкралась к горлу и остановила дыхание. Саин, его принцесса, погибнет в бою. Ей скажут, что муж её сгинул, и она не побежит от урусутов в степь вслед за свёкром. Она возьмёт в руки боевой лук и успеет натянуть его несколько раз… Алей поднял веки, окинул прочих пленников одурелым от боли взглядом. «Их всех убьют, – внезапно подумал он. – Летену нужен только я». Летену Истину нужен только Алей Обережь, а Ледяному Князю ни к чему пленные ордынцы, за них не будут брать выкуп, их не будут обменивать на русских. Пленных и рабов страшный московит освободит силой оружия, силой оружия возьмёт богатства. Он беспощаден.

Алей мучительно оскалился. «Нет, – сказал он себе. – Мне нельзя терять сознание. Мне нужно хотя бы…» Он не успел додумать. Позади судорожно вздохнул Ирсубай, и локти Алея перестало оттягивать назад – кэшиктэн попытался выпрямиться. Он поднял голову, но не мог удержать её прямо и уронил Алею на плечо.

– Улаан, – тихо сказал он, – ты это видел? Степь… сказала тебе?

Улаан помолчал.

– Да, – больше он ничего не мог ответить.

– Ринчин погиб.

– Знаю.

– Нас тоже ждёт смерть?

Алей закусил губу.

– Ну скажи, царевич, – в голосе кэшиктэна послышалась улыбка, – дай достойно подготовиться.

– Я должен увидеть Летена, – сказал Алей.

– Что ты ему скажешь? Заживо гнить в плену не хочу. Почему нас не добили на поле?

«Сказать?» – Алей поколебался. Он не знал, станет ли Летен слушать его сейчас. Он командует армией, которая перешла в наступление. Он занят.

– Ледяному Князю нужен я, – ответил он наконец. – Не знаю, насколько нужен.

Донёсся тихий смешок. Ирсубай шевельнулся, попытался размять затекающие руки.

– Люблю тебя, Улаан. С тобой весело.

«Если Летен станет меня слушать, – подумал Алей, – попрошу оставить Ирсубая со мной. И… когда мы будем уходить, дам ему

коня. Саин скоро погибнет, не хочу, чтобы он тоже». Вслух он ничего не сказал – не хотел мучить друга надеждой.

Всё это он думал достаточно спокойно, оставаясь собой в иллюзорном мире, но эмоции Улаана-тайджи под конец прорвались на поверхность, и сердце его почернело от горя, как уголь в костре. Трое из четырёх его друзей пали. Любимая жена скоро покинет мир. Будь проклят этот ненастоящий мир с настоящими людьми и настоящим железом! Хорошо же отцу! Видно, за десять лет своей смерти он встречал столько ужасов и чудес, что может теперь беспечно играть тысячами жизней… или он всегда был таким? «Может, я ко всему отношусь слишком серьёзно, – подумал Алей. – Но я не хочу меняться».

– Вот он, – сказал вдруг Ирсубай. – Вижу его. Грозный урусут! Пожалуй, какой дурак перед ним и в самом деле мог помереть со страху. – Кэшиктэн снова засмеялся, но в веселье его отчётливы стали тоскливые нотки.

Алей резко втянул воздух сквозь зубы и повернул голову.

На громадном белом жеребце, с ног до головы закованный в железо, ехал князь. Полы его ослепительно-белой ферязи оставались недвижными, как будто он был изваян или выкован таким – цельным, неуязвимым, не знающим слабости. Лицо Летена закрывала личина шлема.

И точно повеяло ледяным ветром: Алей вновь ощутил ту жуть, которая исходила от Воронова в день их первой встречи. Веяние её стало стократ сильнее. Сила Воронова и прежде становилась физически ощутимой на расстоянии, заключённая в нём угроза и прежде бросала встречных в дрожь и пот, но тогда дело было в зелёных дворах спальных районов, в малогабаритной квартире глупого студента… Сейчас Летен уже не сдерживал себя. Он командовал сражением и руководил государством. Он держал в руках судьбы тысяч. «Атомный реактор», – вспомнил Алей свою давнюю ассоциацию. Великий князь Летен был похож на работающий реактор, который нельзя остановить в один миг. Часа не прошло с той поры, как под натиском его страшной воли, воплощённой в мечах и сулицах русского войска, повернулась и побежала Орда. «Он не станет меня слушать», – кусая губы, думал Алей.

Но вслед за этой мыслью так и не пришло отчаяние. Собственный ужас перед Вороновым Алей теперь ощущал как вызов. Бессилие и беспомощность перед загадками Ясеня стали некогда вызовом его разуму, теперь испытывалась на прочность его воля.

Князь поднял личину шлема. Повинуясь движению его брови, ратники, стоявшие в охране, кинулись к пленным. Похватали их,

растащили в один ряд, поставили на колени, стали дёргать за волосы, поднимая лица. Ирсубай зашипел, заваливаясь на Алея: кто-то от души пнул его по сломанным рёбрам. Алей двинул плечом, помогая другу выпрямиться.

Летен легко соскочил с лошади.

Лицо его было отрешённым. Словно бы великий князь не знал упоения битвы и победы, а чувствовал лишь чудовищную ответственность за каждую из положенных ради этой победы жизней. Мнилось, землю схватывает морозом под его шагами. Даже ближние бояре держались на расстоянии от него. Алей заставил себя поднять голову, попытался найти взгляд глубоко посаженных голубых глаз, но Летен смотрел в сторону. Не верилось, что этот человек когда-то смеялся, по-детски радуясь возможности пострелять из автомата, что он отправился к «экстрасенсу» для развлечения своей невесты. Он был как ледник на вершине высочайшей горы: недосягаем.

Медленным шагом он прошёл вдоль ряда пленных, вглядываясь в одинаковые грязные лица, искажённые где ненавистью, где – страхом. Алей видел, как ханы и царевичи цепенеют при его приближении. Ледяной Князь казался страшнее всякого слуха, что ходил о нём в Орде.

Он остановился перед Улааном-тайджи. Тот едва сдержался, чтобы не облизнуть обмётанные губы.

– Этот, – сказал Летен и тронул подбородок Улаана рукояткой плети.

Ратник, стоявший у Алея за спиной, выхватил нож и в два взмаха рассёк ремни на его руках. Не сводя с Летена пристального взгляда, Алей поднялся. Но Летен уже не смотрел на него.

– А прочие? – спросил боярин, следовавший за князем.

– Кончайте.

Словно в каком-то тумане Алей перевёл взгляд. Кудрявый мужичок, освободивший его, уже снова занёс свой нож. Ирсубай откинул голову, улыбнулся своему царевичу напоследок.

В мгновение ока Улаан развернулся, перехватил запястье ратника и коротко сказал: «Нет». Урусут оторопел от такой наглости, даже не сразу вырвал руку, хлопнув глазами и нелепо открыв рот, и Алей успел возвысить голос, окликая уходящего князя:

– Летен Истин!

Он увидел запредельное, благоговейное почти изумление на лицах бояр и дружинников, когда Ледяной Князь остановился. Летен не глянул даже через плечо, только ухо обернул к просителю, но и того было достаточно.

– Что?

– Летен Истин! – отчаянно выдохнул Улаан. – Прикажите брать пленных!

Он шагнул вперёд, ещё, ещё, Летен вдруг оказался рядом, и царевич вцепился в рукав его ферязи. Алей хотел сказать что-нибудь внятное и вежливое, напомнить Летену, что он всё же не средневековый государь, а человек цивилизованной эпохи; Улаан считал, что было бы разумнее пасть на колени. От конфликта прерываний вновь закружилась и пронзительно заболела голова, мир пошёл цветными пятнами, в уши начал ввинчиваться тошнотворный комариный звон… Потом небо сверкнуло невыносимым светом, как будто высокая синева Тэнгри разродилась мириадами молний, а истоптанная твёрдая земля встала дыбом и провалилась в бездонную черноту. Это, опомнившись, ближайший ратник со всей силы пригрел Алея кулаком в висок.

…Ни тени гнева не скользнуло по лицу Летена. Он перехватил рухнувшего без чувств ордынца и прижал к себе. Покосился в сторону боярина Остеева и кратко распорядился:

– Пленных – брать.

Потом поднял Улаана на руки и пешком понёс за сотню шагов к реке, где среди полотняных шатров хозяйничали лекари.

В очередной раз Алей открыл глаза уже в княжеском шатре Летена. Снаружи шёл дождь. Полог был откинут, ветер задувал внутрь, принося пригоршни мелких брызг. Светлое полотно трепалось и хлопало. Алей пошевелился и беззвучно заскулил от боли. Каждая мышца, каждая косточка в теле ныла. В горлу подступала тошнота, во рту бродила сухая вязкая мерзость. Голова раскалывалась. Плечом и щекой Алей чувствовал чужое присутствие, но не мог повернуться, даже скосить глаза не получалось так, чтобы избегнуть нового прилива боли. Алей вдохнул влажный холодный воздух чуть глубже – и в глазах потемнело: вновь подступало беспамятство. Алей впился пальцами во что-то мягкое и мохнатое: он лежал на какой-то шкуре.

– Очнулся, нойон? – приветливо спросил Ледяной Князь. – Угораздило же тебя в ордынцы.

Улаан не ответил.

– Я боялся, живым не возьмут, – закончил Летен.

Что-то зашуршало и стукнуло, а потом Ледяной Князь урусутов опустился на колени возле простёртого на медвежьей шубе Улаана-тайджи и поднёс к его рту серебряный узкогорлый кувшинчик:

– Пей.

Тот послушно попытался поднять голову – и тихонько взвыл.

– Пей, – велел ему Летен Истин, – легче станет.

Улаан медленно вдохнул и выдохнул. Недосягаемо-прекрасное видение таблетки анальгина возникло в мечтах и рассеялось. Ненастоящий мир, настоящее железо, настоящая боль… Чёрт бы побрал всё это! Дома Алей забывал есть вовремя – забывал и о том, что можно выпить таблетку. Каждый раз пытался совладать с болью мысленным усилием: отделиться от неё, вообразить её ненастоящей и просто перестать её замечать. Он читал, что кому-то такое удавалось, но сам всякий раз сдавался… «Нет здесь никаких таблеток», – подумал он и тоскливо зажмурился.

Летен терпеливо вздохнул. Взял голову Улаана большими ладонями, бережно поднял, подложил что-то мягкое под затылок.

– Ладно тебе, – сказал он с долей насмешки. – Лекари сказали – жить будешь. Пей давай.

Улаан через силу разжал зубы.

– Это у в-вас к-коньяк? – без голоса спросил он.

Послышался смешок Летена.

– Был бы коньяк – я бы его сам уговорил. Травки это. Я пробовал, помогают.

«Римское Mare Nostrum не годится, – почему-то вспомнилось Алею. – Я пробовал». Серебряный кувшинчик ткнулся в губы так же, как когда-то фляжка из нержавейки с советским гербом – там, в иной параллели, в мёртвой чёрной деревне… Летен осторожно обхватил Алея за плечи, потянул на себя. Алей сел. В голове бухнул набатный колокол. Носом пошла кровь. Он шмыгнул, сжал пальцами ноздри, вытер кровь рукавом халата.

– В-ваши д-дружинники, – гнусаво пожаловался он, – х-хуже омоновцев.

Верхняя губа князя дрогнула, приподнялась бровь.

– Хуже, лучше, – сказал он, – а боевую задачу выполнили на отлично. Что ты глаза закатываешь, тебя же не били. Ну, помяли чуть-чуть.

Улаан с трудом сглотнул горькую водицу, помедлил и глотнул ещё раз, а потом уже взял кувшинчик из рук Летена и допил всё. Боль никуда не делась, но она перестала туманить сознание и не мешала двигаться. «От обезвоживания так сильно болело, – подумал Алей, – не от травмы. Хотя сотрясение мозга я наверняка получил… ну и чёрт с ним. Мог получить стрелу в бок…»

Он вернул Летену кувшин и откинулся назад, на его княжескую белую ферязь, собранную в тугую скатку. Медленно,

медленно прояснялся взгляд. Свод шатра казался высоким, точно свод церкви. Грезились фрески, золочёные, цветные, но не святые и ангелы изображались на них, а бурханы и тэнгри… Алей подумал об админе, Якоре-управленце Руси, который называет себя иначе, и, возможно, даже не сознаёт, кем является. Как добиться от него помощи? И как его найти?..

И что ему за дело до этого Якоря, когда его друзья мертвы, когда войско отца разбито и бежит, когда тяжёлая русская конница разворачивается в лаву, чтобы смять отступающих, не дать им мгновения передышки, а вдали уже показались юрты куреней!..

Сердце Улаана сжалось и пропустило удар. Ужас поражения поднялся перед ним чудовищной тёмной фигурой, покрытой запёкшейся кровью подобно духу-элчи, нойону Эрлика. Один глаз элчи был белым, а другой – чёрным; челюсти же непрерывно двигались. Глаза Алея распахнулись, но он ничего не видел. Будто бы в судороге он приподнялся. Произнёс что-то, но не понял собственных слов. Казалось, сейчас душа снова отделится от тела и кинется туда, к куреням, проклиная свою беспомощность и бесплотность…

Летен нахмурился. Присел рядом на подогнутые ноги, положил тяжкую руку Улаану на грудь и велел:

– Закрой глаза.

– Что?!

– Делай, что сказано.

Алей обречённо откинулся на шубу и упрямо уставился в полотняный свод.

– Чем интернет отличается от веба? – вдруг спросил Летен.

– Формально интернет – это сеть компьютеров, а веб – сеть сайтов.

Алей выговорил это, не задумавшись, и удивился с запозданием. О чём он? Что это за слова, такие знакомые, такие чуждые и нелепые? Зачем они, когда волки и демоны-людоеды терзают трупы, а бесприютные души превращаются в оборотней и блуждающие огни?..

– Какой язык программирования лучше?

– Зависит от поставленной задачи. И от программиста.

– На какой оси подняты сервера Ялика?

– На Свободной Берклиевской.

– Чем контекстная реклама отличается от баннерной?

– Баннерная реклама – имиджевая, позиционирует брэнд на рынке. Контекстная нацелена на продажи.

И стало тихо.

– Ну что, – спросил князь с усмешкой, – успокоился, кодер?

Алей изумлённо молчал.

– Не дёргайся, – продолжал Летен. – Всё под контролем, – и добродушно прибавил: – А то повадился в обмороки валиться. Напугал меня.

Алей глубоко вдохнул. В виски, в глаза и под рёбра по-прежнему впивались тонкие раскалённые иглы боли, но его точно окатили ледяной водой: мысли прояснились, пульс пришёл в норму.

– Летен Истин, – выдавил он всё же, – что сейчас… происходит…

Ледяной Князь помолчал. Алей осторожно перевёл на него взгляд: лицо Воронова было невозмутимо-спокойным, будто бы обозначенным условно, в несколько грубых черт, как лицо монумента. Один миг великий князь сидел в неподвижности, а потом точно каменная статуя ожила: Летен откачнулся назад, глянул в вырез входа, словно мог что-то там различить.

– Тарусский, – сказал он, – Берег Стужин ударным полком командует. Велел ему зря кровь не лить. Не удержится. Лют. Белопольский-Белолесский должен был вести. Ранили его. Сами виноваты.

– Летен Истин!

Тот хищно улыбнулся, прищурил глаза.

– Гэрэлку мы не догоним. Если, конечно, его свои не прирежут. Он теперь до самого Каракорума будет мчать, как солёный заяц.

– Летен Истин, там мой брат! – забывая о боли, Алей приподнялся на локте. – Он остался в лагере. Если лагерь разгромят…

Летен посмотрел на Алея, хмурясь. В глазах его блеснуло понимание, он покачал головой и досадливо потёр давнюю небритость. Сказал:

– Я тебя одного искал. Эх, если б успеть… Гонца поздно посылать, не доскачет. Тяжело без связи! – он помрачнел, потеребил бляшки на ножнах меча. Потом быстро встал и вышел из шатра. Алей услыхал приглушённый рык: «Аникея ко мне!» Летен вернулся и встал посередь шатра, заложил руки за спину, глядя прямо перед собой задумчиво и недобро. Вскоре послышались шаги. Склонившись, в шатёр ступил окольчуженный белобородый витязь, выпрямился, глянул сурово орлиными пронзительными очами. Воронов едва заметно поклонился старику. Потом усмехнулся углом рта:

– Здравствуй, Волк Евпраксин. Не тебя звал.

– И ты здравствуй, княже. Прости, что не ко времени.

– Коли пришёл, значит, ко времени. Есть ли вести от

Тарусского?

– Юрты татарские захватил и скот. Охрану поставил, как ты велел. Табуны отбил. Осталась Орда без запасных коней. Отправил гонца, когда коней меняли. Гонит дальше.

Летен беззвучно сказал что-то. «Тяжело без…», – прочитал по губам Алей, но так и не разобрал, без чего ещё тяжело Воронову. Он приподнялся, и седой боярин кинул в сторону Улаана-тайджи один жгучий угрожающий взор.

– По всей степи шайки ловить теперь, – сказал князь, – ну, что же. То иная забота. Добро! Скоро победу праздновать, боярин. Бочки выкатывать ратникам. Баранину у Орды займём, – он усмехнулся снова, но Волк Евпраксин остался хмур.

– Бояре спрашивают, князь, – сказал он, – на что тебе царевич ордынский. Говорят, то сын Гэрэлов, наследник.

Алей замер, боясь вздохнуть.

Глаза Воронова подёрнулись ледком. Всякая тень улыбки покинула его лицо, и даже бесстрашный старый воевода отступил на полшага.

– Не о том речь, Волк Евпраксин, – сказал вдруг Летен вполголоса, очень мягко и совершенно спокойно, – что он царевич. Колдун он. Мне колдун нужен.

Волка точно отмело в сторону. Лицо его окаменело и сравнялось цветом с его бородой. На Улаана он больше не смотрел даже искоса. Верно, боярин слыхивал уже что-то о колдунах Ледяного Князя. «Проксидемон, – понял Алей. – Эн ошивается где-то здесь и не считает нужным скрываться».

– Грех на душу берешь, княже, – проговорил Волк с укоризной.

Летен кратко ответил:

– Отмолю.

Волк Евпраксин скрылся. Не прошло и минуты, как на его месте стоял Аникей – совсем молоденький безусый монашек в чёрной рясе, подпоясанной грубой верёвкой. Такая же верёвка, только потоньше, перехватывала русые волосы. Монашек низко поклонился, перекрестясь, пробормотал что-то молитвоподобное и поднял голову. Лицо его показалось Алею смутно знакомым. Несмотря на юность, черты монашка светились острым и глубоким умом, и что-то злое проскальзывало в них, что-то странное – то ли старческое, то ли нечеловеческое вовсе… Взгляд же его оказался беспримерно наглым. Бледно-голубые, слегка навыкате, глаза бесцеремонно обшарили Алея, и монашек ухмыльнулся.

– Ух ты, – сказал он протяжно, – какой колдун. Гладкий колдун. Слышь, колдун, наколдуй мне бабу гладкую, вот как ты

примерно.

На протяжении этой тирады глаза Алея становились всё шире и шире, и под конец её он взвился:

– Эн! Ах ты тварь поганая!

В глазах тут же потемнело от боли. Колокол между ушами забил так часто, что показалось, сейчас расколется череп. Алей упал навзничь и стиснул руками виски.

Проксидемон визгливо хохотал – до тех пор, пока Летен Истин не поднял ладонь. Тогда хохот прекратился вмиг, как будто Эна выключили.

Болезненно шипя, Алей извернулся по-змеиному, прижался виском к холодной ткани и нашёл позу, в которой мог почти непрерывно думать и иногда открывать глаза.

– Быстро, – сказал Летен проксидемону, – к Тарусскому. Пусть из кожи вон вылезут, но найдут.

– Кого? – смиренно спросил Эн.

Летен оглянулся на Алея.

– Мальчика, – прошептал Алей. – Десять лет, стриженый… Иней, Цан-тайджи, второй сын хана Гэрэла…

Инея не нашли.

Нечему было здесь удивляться, и Алей не удивился, но бессильное отчаяние сжало его сердце стальными скобами. Совсем недавно ему казалось, что путь окончен. Он отыскал Инея, добрался к нему на край и за край света, и Иней готов был уже отправиться с ним домой, к маме… Прошёл день, ночь, и что же? Алей отброшен к началу пути, а брат вновь затерян в безднах мультивселенной. «Я не знаю, на что ещё способен папа, – думал Алей. – Он развлекается. То так, то сяк. Пострелял из винтовки по мутантам, поводил кочёвые орды. Дальше что? Что будет, если он примется за дело всерьёз? Он хотел, чтобы я стал его лоцманом, повёл его к Последнему морю. Но теперь ему придётся продолжить игру…» Заняться предельным поиском Алей не мог физически – мешали тошнота и резь в висках. Оставалось только ждать. Летен предупредил, чтоб царевич не выбирался дальше коновязи, но Улаан и сам не рискнул бы. Стерегли его крепко. Конечно, лишь безумец рискнёт поднять руку на личного пленника Ледяного Князя. Только кто знает, не придумано ли уже в этой параллели убивать при попытке к бегству… Улаан сидел тише мыши.

Перевалило заполночь. Летен почти не появлялся. Когда только стемнело, он прискакал на взмыленном коне, тяжело слез с него и упал спать прямо в доспехах. Проспал он часа полтора, а потом явились два ратника. Один красовался посеребренной

бронёй и заморским шлемом, второй был одет скромно, но держались они на равных. Летен покосился на Улаана, обменялся взглядами с тем воином, что выглядел попроще, и все трое молча вышли.

Зажмурившись, Улаан грыз пальцы от досады, горькой ярости и непрекращающейся головной боли, когда в княжеский шатёр вновь куницей проскользнул Аникей, поддельный монашек. Алей открыл глаза, наткнулся взглядом на медный крест на груди демона и снова смежил ресницы.

– Хорош? – поинтересовался Эн, зажигая свечу; голос у него был – как гвоздём по стеклу. – Нравлюсь? Вижу, что не нравлюсь. А ты мне нравишься, Улаан-тайджи. Глаза у тебя красивые. Хотя этим диким урусутам всё одно. Прибьют и не пожалеют красоты.

– Заткнись, – пробормотал Алей и смутно вспомнил, что разговаривать с проксидемоном опасно. «Был у меня какой-то метод, – мысль навивалась на раскалённый штырь боли, как нерв на иглу стоматолога. – Метод. Вопросы. Я разговаривал с ним вопросами…»

– Поздно командовать, покомандовал уже, – Эн захихикал. – Где твой тумен, царевич? Где великий хан-отец? Прекрасная Саин-хатун отдана на поругание злобной холопской своре. А тебе всё равно. Конечно, ты не хотел. Тебя заставили. Ты чистенький. А что успел женщине сделать ребёнка, так ведь она всё равно ненастоящая…

Алея так и подбросило, точно его кнутом хлестнули.

– А ты почём знаешь?! – рявкнул он.

С трудом собранные крупицы хладнокровия вскипели и испарились. Техники ведения бесед с демоном разом вылетели из головы.

Монашек сделал постное лицо.

– А что тут знать-то? – благостно проговорил он. – Бери да читай.

– Что?!

– Читать, – ласково объяснил Эн. – Книжку. Так и не догадался, что ли? Вроде папа тебе все мозги проточил. Но нет, нет. Какие там тайны мироздания, ты же чингизид, прямой потомок Угедэя. Нажраться кумыса, закусить кониной и завалить славянскую пленницу – вот все твои интересы. А ещё интеллигент, диссертацию писать собирался. Тонок налёт цивилизации!

Алей стиснул зубы. От злости даже голова перестала болеть. Лишь случайность позволила ему не отдать Эну всю полноту контроля, и он всё ещё скользил по лезвию бритвы…

– Тебе крест не жжёт? – через губу спросил он.

– А должен? – Эн удивился. – Я же не бес, а туннелирующая сервис-программа. Я чист перед православием! Никаких отблесков адского пламени.

– Аникей, – сказал Алей, – как ты в человеческое тело попал?

Демон радостно засмеялся. «Он явился сюда просто поиздеваться, – понял Алей. – Это даже хорошо. Если я возьму себя в руки, а я обязан взять себя в руки, я сумею с ним разобраться. На самом деле он глуп. Мне нечего бояться…»

– Ясный князюшко, – нежно сказал Эн, – Летен свет-Истин вас, козлов, не в пример милостивее. Я ему поклонился, он мне и разрешил. Что ему, бесовскую железную змею на шее носить, государю святорусскому?

Алей на миг зажмурился. Его трясло от бешенства, но мысли начали проясняться. Он уже видел, как можно пикироваться с Эном; не знал пока, как заставить его подчиняться.

– Уже государю? – спросил Алей с насмешкой, просто чтобы не терять инициативу.

– А то! – демон засмеялся снова, скаля неровные зубы. – И я не Аникей, – продолжал он с удовольствием, – нашёл Аникея! Я, милый мой, сейчас Нирманакая. По-твоему – Хутагт-гэгэн. Как считаешь, мне идёт?

– Тебе не кажется, что это нескромно?

– А чего стесняться? – просиял Эн. – Ты же царевич, а Летен так и вообще. Вымышленные миры – они пластичнее настоящих, прогибаются легко. В некотором смысле это лучший способ понять, чего ты стоишь. Летен и дома большой человек, но пока не особо. Здесь он – великий князь. А был бы у него Предел… – Эн мечтательно закатил глаза, – быть ему императором всея Великия, и Малыя, и Белыя, и Советския.

Алей потёр лоб. Голова болела, как будто мозг внутри болтался и толкал в стенки черепа.

– Значит, вымышленный мир?

– Вселенная так велика, что в ней есть место всему, – назидательно сказал Эн.

– Вымышленный где и кем?

– Да чёрт его знает, – лениво сказал демон и уселся на ковёр. – Неважно.

«Вот теперь всё понятно, – сказал себе Алей, – и другой ход истории, и другие названия городов». Стоило бы подумать ещё: может, отыскалась бы зацепка… Времени недоставало. Алей поколебался немного и закинул удочку:

– Значит, Ясень ушёл не в опорный мир этой книги?

– Грубо, – сказал Эн, – неаккуратно, не годится. Я пришёл не о Ясене поговорить, а о тебе. Пока великий государь с разведкой

своей толкует и бояр стращает.

– И что ты хочешь мне сказать?

Эн подался к Алею и доверительно шепнул:

– Алик, а ты никогда не задумывался, какой у тебя Предел?

Несколько мучительных мгновений Алей искал, как можно ответить на это вопросом. Проксидемон лучезарно улыбался и терпеливо ждал.

– Тебе-то зачем? – наконец, выговорил Алей.

– Да я тут подумал, – прожурчал Эн, – должна же тебе быть от меня какая-то польза. Я всё же сервис-программа, не как-нибудь. Могу, например, тебя на верный путь вывести, цель указать. Что ты всё сводишь к приземлённому и обыденному! Я ведь и мировоззренческие, философские вопросы решать могу.

«Чтоб ты лопнул», – подумал Алей, но промолчал.

– Вот, скажем, – соловьём разливался демон, – нравишься ты Летену Истину. Он тебе всё прощает, оберегает тебя, носится с тобой как с писаной торбой. Думаешь, он в эту заварушку за Пределом своим полез? Шиш там! За тобой он полез, за своим мальчиком. А теперь подумай, Алей Обережь, какой у тебя Предел? Не придумывается? Не понимаешь намёков? Так я прямо скажу.

И Эн наклонился к нему, подняв свечу, приблизил лицо к лицу Алея так, что стало видно, какая неестественно ровная у демона кожа – без пор и неровностей, и без намёка на бороду и усы, будто у женщины.

– Хочешь быть правой рукой Вождя, Алик? – тихо спросил Эн. – Его главным советником?

Алей подавился воздухом. Этого он не ожидал.

Эн умолк и оценил выражение его лица; остался доволен. Выпуклые глаза его заблестели, на бледных щеках появился румянец азарта. Тесёмка на голове натёрла ему лоб: проксидемон оттянул её, с удовольствием почесался и блаженно вздохнул.

– Съёмная совесть отца народов, – проговорил он и мелко, мерзенько захихикал. – Неплохо для такого ничтожества, а? «Летен Истин, прикажите брать пленных!» Очень пафосно вышло.

– Искусителя изображаешь? – бесцельно уронил Алей.

Похоже, в этом раунде Эну доставалась чистая победа… Алей мог только смириться. В горле встал сухой ком; Алей судорожно глотал его и никак не мог проглотить. «Эн подчиняется Летену, – думал он. – Когда Летен вернётся, то разберётся с ним…»

– Зачем что-то изображать? – патетично вопросил демон. – Зачем лицемерить? Достаточно просто говорить правду. Кстати, это легко и приятно.

«Он может говорить правду, – вспомнил Алей. – Может врать.

Но всё, что он делает, он делает с самыми худшими намерениями». И вдруг смутная, слабая искра промелькнула в мозгу. Измученный вконец, Алей упустил её и осознал только ассоциативный след, самый общий смысл. Но этого хватило.

Он перевёл дух.

– Эн, – сказал он вполголоса, – можно задать тебе философский вопрос? В некотором роде, мировоззренческий?

Демон вскинул брови, захлопал глазами и напустил на себя польщённый вид.

– Конечно, – сказал он с отеческим участием. – Конечно, Алик.

– Эн, чего ты хочешь для себя? В конечном итоге? У тебя есть цель?

Стало так тихо, что можно было услышать треск поленьев в кострах, горевших перед шатрами. Фыркали лошади, переговаривалась стража. В темноте лицо демона походило на мягкий, желтоватый круг сыра. Улыбка сошла с него, бледные глаза потемнели. Алей понял: пусть он не выиграл, но сумел свести поединок к ничьей. Победа ушла из цепких лап туннелирующей сервис-программы.

Эн так и не ответил. С минуту он смотрел на Алея впрямую, и недоумение на его лице постепенно сменялось ожесточением и ненавистью. Алей не мог бы поручиться, но ему показалось, что на миг черты проксидемона исказила боль.

Монашек Аникей вскочил на ноги. Облик его исказился, как отражение в кривом зеркале или неспокойной воде; силуэт стал плоским, подёрнулся рябью… И хлопнул полог шатра: он исчез.

Алей не слышал, когда вернулся Летен Истин. Вымотанный до полного бессилия, он упал на шубу и уснул как убитый, едва остался в одиночестве.

Летен разбудил его утром, уже к концу завтрака, сунув под нос миску с кашей. Алей чуть не опрокинул её со сна. Он заморгал, поднимаясь. Боль ушла – то ли подействовали местные травки, то ли сама отболела… Летен смотрел на своего пленника с благодушной улыбкой. Свежая рубаха на князе светилась белизной, на кованом золотом поясе переливались каменья. Против воли в памяти Алея всплыли слова проксидемона, и он потупился.

– Просыпайся, – сказал Летен, – ордынец. В Москву повезу.

Алей сел, скрестив ноги, помотал головой и взялся за ложку. Ложка была точь-в-точь сувенирная, резная, и есть ею было странновато.

– Летен Истин, – спросил он, – а вы… насколько планируете

здесь оставаться?

– Я планирую, что это ты мне скажешь, – и Летен добавил в ответ на удивлённый взгляд: – Теперь мы опять ищем Инея, так?

Алей смущённо отвёл глаза.

Он запутался.

Он не понимал уже не только происходящее, но и себя.

Кем бы ни был Летен Истин Воронов, но за всю жизнь Алея никто не сделал для него больше. Он видел от Летена только добро, и Летен не собирался останавливаться… Да, началось с того, что Алей пообещал ему взлом Предела и не сумел выполнить обещание. Вроде бы Воронов помогал ему ради собственной будущей выгоды. Но сколько прошло времени – а он так ни разу и не напомнил Алею о его посулах. Летен не думал торопить его. Возьмись Алей предсказывать поведение Летена Воронова, бандита, убийцы и главаря убийц и бандитов, – предсказывать не через предельный поиск, а попросту, исходя из обывательского опыта, – так давно пора была Летену сказать что-то вроде: «Хватит шуток, Алей Обережь. Я достаточно вложился в эту цацку, и ты мне её добудешь». И тогда, пожалуй, Алей с холодным сердцем отдал бы ему фальшивую цепочку взлома, и промолчала бы его совесть, а если совсем честно – то Алей остался бы доволен собой: человек, по-настоящему спасший мир, избавивший его от очередного диктатора.

Но шло время, и мало-помалу решимость Алея таяла. Крепли сомнения в правильности такого поступка. Он узнал Летена ближе. Понял, отчего именно этому человеку достались высокая любовь-предназначение Поляны и простая, тёплая любовь Рябины. Он радовался за Поляну, но его собственный выбор становился всё тяжелей. Слишком ярким и страшным было видение военного переворота и культа личности, следующего за ним. Алей предпочёл бы сомневаться в своих способностях к визионерству. Насколько проще бы стало ему, окажись, что здесь он допустил ошибку! Но увы – он не был даже мастером предельного поиска. Он был лайфхакером. А лайфхакеры не ошибаются.

«Лайфхакеры не ошибаются, – подумал Алей, – но могут не до конца понимать свои цепочки. Я видел Нефритовую Электричку, но не понимал, что она такое и почему я её вижу. Я понял, что папа жив… и не понял этого. Не поверил и истолковал всё по-другому. Тоже правильно, кстати, истолковал. Каждое звено цепочки многозначно, и сами цепочки могут иметь множество смыслов». Тут же загорелась надежда, что он неверно истолковал видение грандиозного Летенова Предела; например, понял его буквально, в то время как было оно символическим.

Алей ухватился за эту мысль, попытался продолжить цепочку…

…отец вышвырнул его в сверхпластичный ненастоящий мир, мир-лакмусовую бумажку. Эн привёл сюда Летена.

И Летен превратился в грозного государя.

«Эн, – вдруг подумал Алей. – И ещё кое-что. Я понял уже, что моя жизнь связана с жизнью Летена. Может, этот смысл больше, чем мне кажется? Эн не врал? И наши Пределы тоже связаны? Я должен достичь Предела, чтобы стать соратником Воронова? Чтобы научиться вовремя его останавливать?..»

Он прикусил губу. Невероятно. Слишком самонадеянно.

– Что молчишь? – спросил Летен Истин.

– Думаю, – честно ответил Алей. – Летен Истин, я хотел вам сказать…

– Что, – князь глянул на него испытующе.

Алей запнулся.

– Я хотел поблагодарить вас. И попросить прощения.

Летен прищурился.

– За что?

– Ну… – Алей низко опустил голову, – вы из-за меня ввязались в неприятности… и вроде как…

Он метнул на Летена быстрый взгляд и увидел, как брови Ледяного Князя ползут на лоб, а глаза наполняются весельем. Летен вытаращился на Алея, улыбнулся недоумённо и недоверчиво, а потом со стуком положил в миску обглоданную баранью кость и расхохотался до слёз. Алей и не представлял, что Воронов может так искренне и безудержно радоваться. Оробев, он пугливо покосился на князя и осторожно растянул губы в вежливой улыбке.

– Алик! – сказал Летен, утирая лицо шитым рукавом рубахи. – Алик! Какие неприятности, дурья твоя башка?! Да я никогда в жизни так не расслаблялся!

– А? – на Алея нашла оторопь.

– Алик! – сказал Воронов, улыбаясь во весь рот. – Да я же в сказку попал. Сначала Полянушка моя, потом Предел этот… как мы с автоматами по развалинам бегали? По иным мирам? Чисто сказка. А теперь? Играю в великого князя и счастлив, как дурак. Медведя на рогатину принял. Битву выиграл. Татар мечом рубил. И всё по-настоящему. Это тебе не корпоратив!

– Летен Истин… – пискнул Алей.

– Что, ордынец ты мой? – веселился Летен. – Вот отвезу тебя в Москву, пойдём в баню париться. А потом княжеский пир закачу. Эх, жизнь! Как ни живи, а красоту её никогда до конца не изведаешь. Я тебе благодарен, Алик, не передать как.

Он встал и хлопнул Алея по плечу – от души, так что тот

скособочился.

– Доедай кашу, – велел князь, – а то с коня свалишься. По пути будешь думать, как брата искать. В этом ты больше моего смыслишь.

Коня Алею подвели рослого, тонконогого, с высокой шеей и сухой головой – должно быть, из захваченных ханских табунов. Караковой масти жеребец фыркнул, покосился огненным глазом и ухватил его зубами за рукав. Сбруя тоже была дорогая, искусной работы, на ней блестели золотые бляшки. Не конь – песня, улигэр… «Он подобен прекрасным небесным коням, оба глаза его подобны блеску солнца и луны. Пар его рта подобен протянувшемуся небесному туману, от кончиков ушей его словно радуга протянулась, красный язык его словно разгоревшийся огонь, а хвост его — подобен гриве льва…» Алей помедлил, прежде чем поставить ногу в стремя; помстилось вдруг, что чужая память покинула его, и он по-прежнему не умеет ездить верхом. Но нет, рефлексы сохранились: взлетев в седло, он точно прирос к нему. «Интересно, – подумалось ему, – когда мы вернёмся, все эти умения останутся? Не должны. А было бы славно».

Летен одобрительно смотрел на него, восседая на громадном вороном.

От воды поднималась прохлада. Едва трепетала листва в солнечной тишине. Уходили за край земли розовые лучи рассвета, умывая путь яркому золоту. Небо было высоким и ясным. Совершенно очистилось оно от туч, как будто зеркалом отражало происходящее на земле. Разразилась и истаяла нахлынувшая гроза, разбитый враг бежал, и солнце сияло над русской землёй, щедрое и весёлое. «Может, и так. Если это мультфильм или сказка, – подумал Алей, – любая метафора или параллелизм может воплотиться буквально». Стоило бы продолжить эту цепочку, но Алей слишком устал думать и решил отложить поиски.

По обочинам разбитых дорог длинными вереницами шагала пехота. Верховые огибали её и устремлялись вперёд, вперёд, к далёким домам. С надрывным скрипом ползли телеги. На передних сложили брони и оружие, усадили на них легкораненых ратников. Иных везли медленно и бережно, отставая от войска, и не слышалось здесь их стонов. Лекари не свернули своего лагеря, многие ещё оставались там: ждали, когда тяжелораненые достаточно окрепнут, чтобы выдержать путь, или умрут… Где-то переругивались, где-то пересмеивались, вдали затянули песню, звучавшую диковато, но всё же знакомо. Тысячи остались лежать убитыми, ещё много дней им будут рыть могилы на поле, но

другие тысячи уходили по домам победителями.

Ледяной Князь тронул коня. Позади принялись сворачивать великокняжеский огромный шатёр. Завидев Летена, ратники закричали славу, и приветственный клич прокатился из конца в конец растянувшего строя, ещё раза три он отдавался эхом из-за леса, за которым скрылись передовые отряды. Летен не улыбнулся, но лицо его просветлело.

Алей подавил вздох.

– Летен Истин, – спросил он, – много ли взяли пленных? – и добавил, выговорив через силу: – Женщин?

– Много. Женщин не трогали. Не звери.

– Что с ними будет?

Князь склонил голову набок.

– Кто пойдёт под мою руку – пусть оседают на земле. В кочевья не отпущу. Что кочевник – то налётчик. Казнить станем нещадно.

Алей помолчал и сказал мрачновато:

– Вы, Летен Истин, как на годы закладываетесь.

В ответ Воронов улыбнулся почти мечтательно и ответил:

– Кто-то здесь был до меня. Уйдём, не разруху же ему оставлять.

Великий князь так и светился довольством. Растерял львиную долю своей ледяной суровости. Улыбался солнцу, лесу, воде, и ратники с теплотой оглядывались на государя.

Алей смотрел на него с печалью. Не шло из головы Летеново признание. Ясень Обережь развлекался, распоряжаясь людскими жизнями; для Летена Воронова битва с захватчикам оказалась способом расслабиться. «Стоят друг друга!» – подумал Алей с долей неприязни, но тотчас иная мысль пришла ему, и он устыдился. Поставив себя на место Воронова, он мог его понять. Даже если Эн и не сказал Летену, что мир ненастоящий, этот мир оставался по сути своей чёрно-белым. Дело государя-освободителя здесь было чище и в некотором смысле проще, чем бизнес и политика, которыми занимался Летен в родном мире.

…Колонна углубилась в лес, и на поляне, залитой солнцем, Алей увидал виселицу. Над повешенными кружились птицы. Лица уже расклевали. Тошнота подкатила к горлу, Алей уставился на гриву коня.

– Кто это? – шёпотом спросил он.

– Паникёры, – ответил Летен.

Алей прикусил губу.

Дорога была тягостной. Великий князь не отпускал Алея от себя – беспокоился, хоть и не показывал виду. Ирсубай ни на шаг не отставал от Улаана-тайджи, а Летеновы бояре старались

держаться поближе к князю. Грозно топорщились седые бороды, неласково смотрели светлые глаза, когда русичи косились на пленных татар. Алею становилось оттого порой страшно, порой стыдно, а порой – нервный смех разбирал его: кажется, нерусью его до сих пор обзывал только Полохов и только потому, что знал слишком много ненужных и бессмысленных вещей, вроде Алеева генеалогического древа. Азиатская кровь ещё заметна была в Ясене, в детях его осталось этой крови всего четверть. Пускай волосы тёмные и жёсткие – а профиль у Алея славянский. Глаза… и что? У Инея глаза скошенней и уже, чем у старшего брата, а Иней всё равно русский мальчик. Листва – котёл народов. Трое бывших одноклассников Алея числили себя в скинхэдах, и все трое в школе набивались к нему в друзья. Грохот Синин, отец Торопа Чернышова, ещё возил их на дачу на своей машине, пока дача не сгорела…

Алей упросил Летена отправить людей, чтобы разыскать в ордынском полоне Саин, и её искали два дня, расспрашивали, обещали награду, но так и не нашли. Даже вести о женщине, сражавшейся как воин, не принесли.

После виселицы Алей почти не смотрел по сторонам: ехал, уставившись на золотую стрелку между конских ушей, плёл косички в гриве. Жеребец, послушно следуя за конём Летена, переходил на рысь и возвращался на шаг, опять поднимался в рысь. Тянулись вокруг леса, поля, реки, показывались вдали деревенские избы и пасущиеся коровы – всё то же, что видишь из окна электрички, выезжая с Савёловского или Белорусского. Только медленнее. Мало-помалу обоз таял: расходились пешие ратники, возвращались по домам – под Рязань, под Владимир… Оставались дружинники и те, кто шёл в Москву. «Туристический маршрут, – думал Алей с глухим раздражением, – Золотое Кольцо».

Конец его собственного пути отодвинулся в неизвестность. Будущее сулило новый труд и риск. Алей гнал от себя лишние мысли. Но порой воля его слабела, и тяжёлые чувства одолевали его. Алей скучал по своей работе – по монитору и клавиатуре, по строчкам кода, по проекту, который наверняка уже закончил Джипег. По зелёной лодке Ялика и реке запросов. По менеджеру Осени. По толкотне в метро и пробкам в час пик. Далеко, слишком далеко, в иной Вселенной через семьсот лет… «Я разыщу Инея, – говорил себе Алей, – и мы пойдём домой». Как бесконечно далёк стал час возвращения! Смутен, даже не вообразить его толком. Алей вспоминал приказ Воронова и пытался исполнить: вновь и вновь принимался за предельный поиск, определяя местонахождение брата. Вскоре ассоциативные

цепочки стали повторяться: стартуя с мальчика на вороном коне среди золотых злаков, Алей выходил к образу Великой Степи, беспредельной и продолжающейся в мириадах параллелей, а от неё следовал по связке противоположности к иному образу – серебряному и зелёному лесу Старицы, маленькому закольцованному мирку, прекрасному, как шкатулка. Поначалу Алей думал, что его уводит в прошлое: рассказывал же Иней ему о том, как они с папой путешествовали по берегам Реки Имён. Потом Алей стал утверждаться к мысли, что в этой параллели брата уже нет. Отец увёл его. Поиск надо начинать заново и делать это из Старицы – только так можно найти человека в другой параллели.

Воронов не спешил. Государь возвращался в свою столицу. Дела ждали. Поднимая взгляд, Алей видел то широкую спину великого князя над крупом коня, то резкий грубый профиль совсем рядом… Он почти не разговаривал с Алеем. Как будто забывал об истинной своей личности, оставаясь только великим князем московским; отдавал приказы, вершил скорый суд, порой, отъехав в сторону, внимательно выслушивал бедно одетых людей на простых конях, которые после этих бесед мгновенно исчезали, растворяясь в окрестных лесах и болотах.

От Летена исходило ощущение надёжности и мира. Ему повиновались беспрекословно, он всё держал под контролем, никто не оспаривал его власти. Грозная потаённая сила его, та, что уподобляла его термоядерному реактору или пробуждающемуся вулкану, сейчас дремала в покое. Сытый лев на припёке, победоносный маршал на даче, Летен Воронов в отпуске. Алей думал об этом и грустно усмехался.

Ещё он думал о том, что для Летена совладать с проксидемоном оказалось так же просто, как для админа Васи. Летену, по сути, вообще не пришлось переламывать злую волю Эна или пытаться перехитрить его. Демон подчинился ему сам, чуть ли не с радостью. Конечно, он преследовал собственные цели: хотел столкнуть лбами Летена и Ясеня и посмотреть, что получится. Но интуиция подсказывала Алею, что дело не в этом. Дело в масштабе личности. То, что давалось Алею ценой огромного напряжения и риска, Летену было легко. И это распространялось не только на отношения с сервис-программой. У Воронова было всё, чтобы стать Якорем. Наверняка для кого-то он уже был Якорем – для Мая и Корнея, например…

И мысли Алея возвращались к отцу.

В пластичном вымышленном мире Летен несмотря ни на что одержал победу. Но сверхъестественные области не были ему доступны. Он не мог взяться за вселенские верньеры и подкрутить

их – а Ясень мог. Что дальше? Алей знал, что папа не отступит. Ясень Обережь не сдаётся. Он хочет, чтобы Алей довёл его до Последнего моря.

И здесь Алей переставал что-либо понимать.

Ему ещё не удалось дойти даже до Реки Имён. Пусть рано или поздно удастся. Почему папа считает, что Алей способен дойти до Моря? Если даже у почти всемогущего Ясеня не получилось?.. То ли дело в Полохове? Вася мог подставить плечо? Но и сам полубог Вася о Море только грезил, а Ясеня просто боялся. Нет, искать ответы следовало не здесь.

И всё сильнее Алей хотел возвратиться – уже не домой, а в Старицу, чтобы начать новый поиск, выйти к Реке, поравняться с отцом и одолеть его на его поле. Это был единственный выход – и это был очередной вызов, которого Алей Обережь не мог не принять.

…Дня через три они услышали перезвон колоколов. Алей понятия не имел, почему звонят, но воины приободрились и разулыбались. Прислушиваясь к их разговорам, Алей понял, что звон праздничный и доносится из монастыря. Там ратников ждал отдых и отличная кормёжка. Названия монастыря Алей не разобрал.

Летен оглянулся на своего пленника, подмигнул ему и одними губами сказал: «Приехали». Алей не понял, но встрепенулся.

Леса расступились. Дорога пролегала через цветущие луга, благоухающее разнотравье. Сладкий медовый дух стоял здесь, травы росли плотно. Лиловые, жёлтые, малиновые гроздья цветов покачивались лепесток к лепестку, сливались в широкие мазки щедрой, богатой кисти. Словно горячие и пышные, только из печи, пироги были эти луга, и дорога разрезала их, как след хозяйкиного ножа…

Когда стены монастыря показались вдали, а князь ускакал вперёд, к царевичу приблизился Ирсубай.

Ирсубай следовал за царевичем молчаливо, как тень. Порой Алей вообще забывал о его присутствии, а кэшиктэн не привлекал к себе лишнего внимания.

– Улаан, – окликнул он.

Именно в это время Алей думал о структуре мультивселенной и семантических сетях: мурашки скатились по спине, когда ожила его вторая, здешняя личность.

– Слушаю, – ответил он по-монгольски.

– Теперь я понимаю, – сказал ему друг и впервые за много дней улыбнулся по-прежнему светло. Улаану приятно было видеть это, но печаль коснулась его сердца серым крылом:

никогда не вернётся былое.

– О чём ты? – спросил он.

– Ты нужен Ледяному Князю и с каждым днём нужен всё больше, – сказал Ирсубай. – Не знаю, что ты делаешь, и как это получается у тебя.

Улаан поднял брови и повторил:

– О чём ты?

– О том, что ты не пленник ему, даже не почётный, – Ирсубай прищурился, – он смотрит на тебя так, будто ты его дорогой младший брат. Это видно, Улаан! Теперь я думаю: если бы Гэрэлхан прислушивался к тебе! Возможно, теперь Москва была бы нам союзником.

Улаан только покачал головой, усмехнувшись. Менее всего он ожидал услышать подтверждение слов Эна от Ирсубая. «Что же, – подумалось ему, – если я должен быть рядом с Летеном… это не худшее из предназначений», – и мысль эта не вызвала в его сердце ни протеста, ни страха.

Вечером остановились в деревне под стенами монастыря. Синие и сизые дымы поднимались из печных труб: жили богато, топили по-белому. В двухэтажной избе тиуна было тихо, как в могиле. Летен вызвал Алея к себе. Он был один, расхаживал по горнице, заглядывал в блёклые, затянутые бычьим пузырём оконца. Пахло травами и корешками. Из красного угла строго смотрели иконы. Беседу князь начал довольно странно. Алей понял так, что ему просто захотелось выговориться – о том, чего никто, кроме Алея, не мог понять здесь. Алей тоже не очень-то его понимал, но слушал покорно.

– Кино и немцы! – пробурчал Летен. – За что ни возьмись, ничего нет. Ни авиации, ни связи, ни бронетехники. Пушек, и тех нет. Хорошо хоть разведка налажена. А пехоте тяжко. Окопаться и залечь нельзя. Я бы здесь в пехотном строю стоять не смог. То есть стоял бы, конечно. Обосравшись.

Алей, сидевший на тиунском сундуке, диковато покосился на князя и ничего не ответил.

Летен помолчал, оглаживая короткую бороду. Красивая удавалась борода, но с нею он всё меньше походил на серьёзного человека со связями, и всё больше – на былинного витязя. Впрочем, кем и были былинные витязи, если не серьёзными людьми со связями?..

– Меня вот что удивляет, Алик, – сказал он. – Да, у меня есть опыт руководства. Но я сержант ВДВ. Я не могу уметь драться на мечах и командовать армиями старого образца. А я умею. С чего?

Алей вздохнул.

– Я никогда в жизни не стрелял из лука. То есть до этой

недели. Я даже на лошади никогда не сидел. А Эн… который Аникей, разве не сказал вам?

– О чём?

Алей в задумчивости поскрёб ногтями оковку сундука. «Значит, всё-таки не сказал».

– Этот параллельный мир, он в некотором смысле… – не очень уверенно начал Алей, – ненастоящий. Вымышленный кем-то. Может быть, мир книги, может – фильма. Поэтому он пластичный. В нём возможно то, что невозможно в настоящих мирах. Например, такие вот… ролевые игры.

Летен хмыкнул.

– А я-то радовался, что всё по-настоящему. – Но известие явно не слишком его огорчило. Он подошёл, сел рядом с Алеем и спросил: – Если книга, то в книге нельзя описать всего. А здесь каждый из тысяч – живой человек. Это как?

Алей покачал головой.

– Я не знаю. Наверно, вымышленные миры сами достраивают себя по каким-то законам. Я бы и не догадался, что он ненастоящий. Мне папа сказал. А вам Эн не сказал?

Летен поразмыслил.

– А что это за тварь – Эн?

– То есть вы не знаете? – переспросил Алей, скосив глаза на Воронова.

– Я его не спрашивал. Не до того было.

Алей вздохнул снова, уставившись в плетёную дорожку на полу горницы.

– Эн – проксидемон, туннелирующая сервис-программа. Его написал Вася, вселенский админ.

– Какой-какой админ?

Алей потёр глаза, сжал пальцы на переносице. Он сам себе-то не мог с исчерпывающей полнотой объяснить, кто такой Вася, а тут – человек практически непосвящённый…

– Каждый мир, – сказал он, прижмурившись, – держится на некотором смысловом контуре. Ну… на понятиях.

– На бандитский жаргон можно не переходить.

– Я терминологии сам не знаю. Может, она вообще не разработана. К тому же, кое-чьи миры действительно на понятиях держатся… В общем, этот смысловой контур иерархичен и представляет собой огромное дерево, в смысле – связный граф. С самого верха до самого низа. В каждом узле ветвления стоит Якорь, который определяет… понятия. На нижних уровнях, где речь идёт о людях и их представлениях о жизни, это просто авторитет. Блик! Летен Истин, я не нарочно.

Воронов улыбнулся.

– Я понял.

– Чуть выше, – продолжал Алей, уставившись в бревенчатый потолок, – стоят настоящие админы. Полубоги, что ли. У них возможности больше. Вася, например, принял такой закон, чтобы в его мире честным людям везло чаще.

– Молодец.

– Ещё у него своеобразные отношения с информацией. Он как считывает её из воздуха. Может управлять временем, только умеет плохо. Может… ну как это… телепортироваться. Он написал программу, которая позволяет перемещаться из одной параллели в другую. Но он живёт в обычной квартире, днём спит, а ночью пасётся в интернете.

– Вот как.

– Он в самом низу иерархии, – сказал Алей. – Я не знаю, что или кто над ним. Думаю, что очень много людей… существ… неведомо кого, чья власть просто непредставима. Но у Васи уже есть доступ к интерфейсу, из которого админы управляют мультивселенной.

– К Старице? – вдруг спросил Летен.

Он произнёс это просто и спокойно, как ни в чём не бывало. Алей сначала попросту не понял его, потом не поверил ушам и, наконец, уставился на Воронова в замешательстве. Воронов приподнял брови, беззвучно спросил: «Что?»

Алей в смущении отвёл глаза.

– А вы там были? – осторожно спросил он после паузы.

– Был, – не стал отпираться Воронов. – Демон твой вывел. Хорошее место.

И Алей снова плотно зажмурился.

Он чувствовал, что разуму его недостаёт свободы и остроты – как будто часть его впала в спячку. Не хватало чёткости формулировкам, мысль ходила вяло, хватала по верхам; ассоциативные цепочки не напрашивались сами, как обычно. Это огорчало и настораживало. Алей знал, что это состояние ума – временное. Оно пройдёт – оно вызвано усталостью и перегрузкой восприятия. Помнить и сознавать две личности одновременно – тяжёлое испытание для мозга. Но как всё не вовремя! Сейчас Алей меньше всего мог позволить себе беспечность и невнимательность. Эн побывал в Старице. Почему-то это было важно. Лайфхакерская интуиция уже забила тревогу, но известие оказалось слишком неожиданным, чтобы Алей сразу понял, в чём дело.

– Как – демон – вывел? – раздельно спросил он.

Летен посерьёзнел.

– Я потребовал, чтобы он вёл меня к тебе. Он сказал, что для

этого ему нужно попасть в Старицу. На это потребно моё разрешение. Я дал.

И ужас дёрнул Алея, как удар током.

– Блик, – прошептал он, – блик, блик!

– Что?

– Он может врать, – в приступе паники Алей вскочил с места, кинулся вперёд, не видя пути, наткнулся на холодный бок нетопленой печи, прижался лбом к изразцам. – Он соврал. А ведь Вася предупреждал меня!.. Блик! Блик!

Летен тяжело поднялся с сундука, подошёл, взял Алея за плечи и развернул к себе. Тряхнул слегка, приводя в чувство.

– В чём дело?

– Вася предупреждал меня, – выдохнул Алей. – Проксидемон не должен попасть к Старице. Это опасно. Но я не знал!.. Я думал, я сам его туда не возьму, и всё. Мне и в голову не могло прийти!.. Я не знал, что ему нужно только разрешение! Блик! Чёрт! Что теперь будет?!

Распахнутыми глазами, полными страха, он смотрел Летену в лицо. Взгляд великого князя оставался спокойным, но на челе его собирались тучи.

– И что теперь будет? – хладнокровно уточнил он.

– Не знаю! – вскрикнул Алей. С каждым мгновением ему становилось всё жутче. Он почти ничего не понимал даже в урезанной, демонстрационной версии Старицы, он не способен был работать с ней без вспомогательных программ и кодов. Он толком не знал, как выяснилось, и всех опций проксидемона. Летен мог подавлять Эна своей волей – но Эн мог Летена обмануть! Воспользоваться его неведением…

– Ти-хо, – вполголоса, совершенно спокойно сказал Воронов. Алей беспомощно трепыхнулся в его руках и отвёл взгляд.

А Летен сказал:

– Всё под контролем.

Великий князь отворил дверь горницы и нашёл за нею отрока-прислужника: судя по позе последнего, он изо всех сил подслушивал. Алей бросил косой взгляд на белобрысого подростка и мельком подумал, что тот много, конечно, понял в связных графах и мультивселенных… Алей сполз на пол возле печи и сидел, привалившись к ней спиной – отчаянно мечтал, чуть ли не молился о том, чтобы Вася проснулся и вспомнил о них. Всё оборачивалось как нельзя хуже. Ясень ушёл. Какие возможности обрёл демон, попав к Старице? Какие возможности у него вообще были? В сложившейся ситуации Эну не нужно особенно изощряться в подлости, достаточно просто бросить их

здесь, и тогда… Алею не хотелось об этом думать. Где местный админ? И есть ли он вообще? Здесь есть Якоря. Но вполне логично будет, если у вымышленного мира вообще не окажется внутреннего админа, местный админ – вовне, он – автор… и, может быть, его уже нет в живых, как того отца Иоанна, который был Якорем дружинника Андрея-Месяца…

– Аникея сыщи, – велел отроку князь. – И скажи хозяину, чтобы баню стопил. В баню пойду.

Отрок поклонился и кинулся исполнять.

Летен прикрыл дверь и сказал Алею – точно между делом, почти небрежно:

– Алик, ты мне веришь?

У Алея холодок сбежал по спине. Он облизнул пересохшие губы и ответил:

– Да.

– Успокойся. Я разберусь.

Но в это Алей не верил.

– Летен Истин, – в тоске уронил он, – вы же не умеете…

– А тут уметь нечего.

Алей закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях.

– Успокойся, – повторил Летен. – Ты не виноват.

– Мы можем застрять здесь, – монотонно проговорил Алей, ткнувшись лбом в колени. – У меня нет ни малейшего желания здесь оставаться. Я должен найти брата. Мне нужно вернуться. Мне нужно домой… – Он услышал сдержанный вздох Летена.

И князь пообещал:

– Завтра же будем дома.

Алей отнял руки от лица и недоверчиво уставился на Воронова.

– Ты же поисковик, – сказал ему Летен, улыбаясь. – Выведешь.

– Как?

– Через Старицу.

Алей дёрнул головой так, что ударился затылком о печь. Снова заныла голова.

– Летен Истин, – сказал он ожесточённо, – да, я могу попасть в Старицу. Только мне для этого интернет нужен, понимаете! А здесь нет интернета и не будет ещё семьсот лет!

– Нет, – легко согласился Летен. – Интернета нет. Но есть речные старицы и зелёные лодки.

Алей онемел. Некоторое время он смотрел на Воронова неверящим взглядом, потом медленно поднялся с пола, сжал руки, выпрямился. Каким непостижимым образом Воронов догадался о том, чего не мог знать? Или он знал? Понял, исходя из имеющихся сведений? Понял же он, что значит железная змея

на Алеевом запястье. Такие люди, как Воронов, обязаны мыслить быстро и верно, иначе их просто съедят…

Летен усмехнулся, глядя на него.

– Знаешь что, ордынец, – сказал он, – поищи-ка ты его сейчас по-своему. А то есть у меня подозрение, что смиренного монаха Аникея мы больше не увидим.

– Я его уже дня четыре не видел, – прибавил он, – рыщет где-то. Но он и раньше пропадал. Возвращался, как собака. Я думал, и сейчас вернётся. Теперь не думаю.

Алей не слышал его. Он прислонился спиной к изразцовой стенке, скрестил руки на груди и закрыл глаза, сосредотачиваясь на образе демона. Попугай – змея – человек, странный и противоестественный путь эволюции… То ли ужас встряхнул Алея, пробудив его мозг, то ли наоборот – присутствие Летена и его уверенность успокоили, позволив всецело посвятить себя задаче, но Алей, не задумываясь, начал поиск в три потока. Прежде он так почти никогда не делал, а когда делал – быстро уставал, путался и выключал дополнительные каналы. Теперь же тройной поиск дался ему без малейшего напряжения.

Не было времени гордиться собой. Ассоциативный поток набирал скорость, как истребитель.

Попугай. Змея. Человек.

Клетка. Яд. Герпетолог.

На третьем звене потоки сошлись в один, но не слились, обещая вскоре разойтись вновь. Серпентарий, где навеки заключены змеи; их яд выдаивают, заставляя прирождённых убийц исцелять, приносить людям пользу. Проксидемон Эн подобен такой змее. Но он бежал из плена.

Птичьи крылья, ветер и свобода, синева поднебесья. Серо-золотые чешуи, прохлада жирной земли, потаённость нор. Человек, которого невозможно поймать.

Ясень Обережь, побежденный, но свободный, великий хан Гэрэл, закованный в чешуйчатую золочёную броню.

Алей стиснул зубы.

Эн бежал. Но бежал он не в пустоту. Сервис-программа не рвалась на свободу, не по рангу и не по сердцу была ей человеческая мечта о воле. Программа меняла хозяина, и в хозяева выбрала Ясеня.

– Плохо, – вслух проговорил Алей, – очень плохо.

Цепочка ещё не закончилась.

Три канала поиска, три золотозвенные цепи, три серебряные реки. Три живых существа, которые держатся вместе. Один из них неуловим, непостижим, почти всемогущ, как небесный дух-

тэнгри; второй ядовит и изворотлив, как змея; третий же – человек, пленённый нечеловеческим небом и коварством норной твари, маленький человек, затерявшийся в мультивселенной, далеко от мамы и брата…

Иней с ними.

Странно сплетались видение брата и символ змеиной чешуи. Змея оплетала Инея, сковывала его, отравляла ядом и замораживала инъекциями ледяной крови. Сердце Алея захолонуло. Что-то плохое творилось с братом, и никто не мог охранить его. Отец, который обязан был встать на защиту маленького сына, гнался за своей высокой, невозможной целью, а Иней был при нём как инструмент. Манок, магнит. Не был он нужен отцу сам по себе. Ценной вещью становился он, украденной степняком чужой добычей, за которой ожидалась погоня.

Алей медленно открыл глаза.

Ясень Обережь продолжал свои игры. Зачем-то он прихватил с собой Эна. Алей не сомневался, что папа раскусит проксидемона и взнуздает его так, что тот уже не вырвется и не трепыхнётся. Мало не покажется… Эн предрекал когда-то, что Летен раздавит Ясеня, но сам-то Эн для Летена был как блоха под ногтем. А Ясень хорошо знаком с админским интерфейсом, не раз гулял по берегу Реки Имён. Зачем ему проксидемон? Всё, что умеет Эн, Ясень умеет и так. Стало быть, демона он прихватил с собой только затем, чтобы Алей лишился своей подпорки, даже такой ненадёжной.

Был тут ещё один смысл, который Алей уловил напоследок. Папа хотел сделать из него лоцмана. Папа тренировал его. И то, что он делал сейчас, могло оказаться не более чем следующим этапом тренировки. Даже Летен Истин догадался, как можно покинуть эту параллель и попасть в Старицу без помощи проксидемона. Алей не вполне представлял, как совершит этот шаг, но уже чувствовал, что сможет.

И он изумился точному, блестящему расчёту отца. Победа и поражение равно приближали Ясеня к его цели. Поэтому-то он не боялся проиграть битву. «Мне далеко до него, – признал Алей, кусая губу. – Он всё предусмотрел. Как бы я ни поступал, всё окажется ему на руку. И если Эн не врал, говоря, что Летен сильнее, то Летен… нет, это неважно. У меня своя цель. Мне плевать, что это тоже часть папиного плана. Мне нужно выручить Иньку. Всё остальное – не моё дело».

Летен не прерывал его размышлений – сидел на лавке, закинув ногу на ногу, и с интересом наблюдал за ним. Когда по лицу Алея стало ясно, что он вернулся к реальности, Летен

сказал:

– Я так думаю, что Эн побежал за Гэрэлкой. То бишь за Ясенем Лазуриным. Прав?

Алей уже устал удивляться. Он только слегка обиделся: то, что ему открывалось через предельный поиск, Летен элементарно вывел логически.

– Правы, – сказал он. – А почему вы так думаете?

– А больше некуда, – сказал Летен. – Тварь прилипчивая. Ершится, а уйти не может. Возвращается и снова ершится. К хозяину он вернуться не захочет – похоже, лют хозяин. А больше здесь идти не к кому. Остальные-то все вымышленные.

Алей обречённо кивнул.

– И зачем я вам нужен, – пробормотал он, – у вас и так получается…

Летен добродушно засмеялся.

– Нужен, – сказал он. – Куда я без тебя. Я по Старицам ходить не умею.

Алей вздохнул.

– Летен Истин, Иней не в порядке. Что-то с ним не так. Можно, мы не станем задерживаться?

– Я обещал, что завтра будем дома, – сказал Летен.

В дверь постучали – осторожно и дробно, трясущейся рукой.

– А сейчас, – заключил Воронов, – в баню.

Тиун, маленький и кудлатый, приотворил дверь, просунул голову внутрь и точно обвился вокруг створки: не решался ни войти толком, ни даже открыть дверь на всю ширину. Великий князь смотрел на него с милостивой усмешкой. Как не своим, тоненьким бабьим голоском мужичок объявил, что баня стоплена, пар чуден, а веники нарублены всякие, и можжевеловые тож.

– Хорошо, – одобрил Летен и отпустил тиуна движением брови.

Потом обернулся к Алею и ухватил его за рукав.

– Пошли.

Алей рефлекторно попытался вывернуться из Летеновой хватки и не смог.

– Летен Истин, – жалобно сказал он, – не надо.

– Ты чего, – удивился Летен, – в Орде мыться отучился?

– Нет, – скал Алей, сгорая со стыда, – мне в баню нельзя.

– Это почему? Баня для здоровья полезна.

– Мне плохо станет. У меня давление пониженное.

– У татаро-монгольских захватчиков, – сказал Летен, – не может быть пониженного давления. Пошли. Если в обморок соберёшься, я тебя в холодную воду макну. Враз очухаешься.

Больше он возражений Алея не слышал и на слова его не отвечал, а вместо того перехватил за руку повыше локтя и потащил за собой силком. Алей протестующе пискнул в последний раз и сдался. Если Летену что-то взбредало в голову, сопротивления он не то что не терпел – не замечал. «Если мне нужно будет его останавливать, – безнадёжно подумал Алей, – мне точно надо ломать себе Предел. Иначе не выйдет. Да и с Пределом-то не факт…»

В предбаннике, густо застланном душистым сеном, Летен стянул рубаху. Алей неуютно притулился у стенки. Сено кололо босые ноги.

– Ну чего ждёшь? – ухмыльнулся Воронов. – Помочь?

– Блик, – безнадёжно сказал Алей и начал развязывать пояс халата.

Сунулся было банщик с ковшом. Летен ковш отобрал, а банщика выгнал, велел принести чистое и больше не соваться.

– У, блокадник, – укоризненно сказал он Алею, который зябко вцепился в собственные локти и смотрел на Летена как на врага. – В чём душа держится. Между рёбрами палец просунуть можно.

– Я знаю, – мрачно сказал Алей.

Сам Летен состоял из мускулов, крепко навитых на тяжёлые кости. Когда он открыл дверцу, из-за неё вырвался клуб пара. Алей нервно переступил с ноги на ногу.

– Хорошо топили, – сказал князь, – умельцы, – и шагнул внутрь.

Алей выдохнул.

В следующий миг Летен, уже покрытый испариной, высунулся наружу и одним уверенным рывком втащил его в ад.

В глазах у Алея потемнело. Впрочем, в бане и было довольно темно. Воздух тут можно было нарезать кусками и есть; дышать им не представлялось возможным. Алей поскользнулся на мокром полу, нелепо взмахнул руками, и тут Летен, как обещал, окатил его ковшом ледяной воды.

Воздух мгновенно оказался превосходным, жар – приятным. В голове прояснилось, а кости сладко заныли, вбирая тепло. Чувствуя себя полным идиотом, Алей осторожно пробрался к полку и сел, поджав ноги.

Второй ковш Летен опрокинул на раскалённые камни. Пар поднялся до потолка, нежно, горьковато запахло смолой. Алей помотал головой, запустил руки в волосы и стал неуверенными пальцами расплетать косички. Летен поднялся на полок выше и уселся там, расставив колени, похожий на довольного медведя.

– Ну что, ордынец, – хохотнул он, – нравится русская баня?

Алей подавил безнадёжный вздох.

– Я тебя ещё веником отхожу, – ёрнически пообещал Летен, и Алей содрогнулся.

– Блик…

– Ладно, не буду, – сжалился Летен и вытянул ноги.

Левую икру его бороздил глубокий шрам. «В битве получил?» – предположил Алей. Но шрам был старый и аккуратный, не средневекового шитья. Алей украдкой поднял взгляд. Ещё один такой же шрам проходил по рёбрам и животу справа. Оба – длинные, вроде как от ножа… На литом теле великого князя были и другие отметины. Алей не знал в точности, как выглядят следы пулевых ранений, но, кажется, это были они – на левом плече и левом подреберье.

Летен покосился на него, проследил за взглядом и расслабленно усмехнулся.

– Это меня дома порезали, – сказал он с каким-то пугающим удовлетворением, – в девяносто третьем. Разбирались кое с кем… Один зверёк ножом пырнул. Молодой был, глупый, – и Летен пояснил со смешком: – я. В печень урод целился. Хорошо, неглубоко прорезал. А то кто знает, где бы я сейчас был. Уронил я его… правильно так уронил, думаю, вырубил. А он мне ногу пропорол.

Алей опустил глаза. У него подводило живот – не от страха, а от какой-то странной неловкости. Вроде как неспроста, не ради красного словца рассказывали ему это, но зачем – он не мог понять.

– А здесь, – сказал Летен, ощупывая след от пули на плече, – на Первой чеченской снайпер расписался. Видишь, одну пулю выше сердца положил, другую – ниже. А я злой был как собака. Друга моего он убил. Раз – и нет человека. Полчерепа снёс. Я этому снайперу сначала шею свернул, только потом упал. Два месяца в госпитале провалялся. Думал: Господь Бог меня для чего-то избрал. Одна пуля выше сердца, другая ниже, а снайпер этот пристрелялся там на отлично. Сколько хороших парней в землю положил. А я живой.

Алей молчал. Бездумно он сунул в рот пальцы, впился зубами, не чувствуя боли, отнял руку и увидел кровь. Тогда он сказал:

– Летен Истин…

– Знаешь, что, Алик, – прервал его Воронов и наклонился с высокого полка, сощурил весёлые, блестящие глаза, – давай-ка ко мне на «ты» и по имени.

Отправились в путь рано утром, едва рассвело. Пели петухи в деревне. Летен отдал приказы заранее: его разведчики

расспросили крестьян и нашли в лесу несколько речных стариц, волоком доставили к ним простые зелёные лодки. Никто не задавал вопросов. Алей не видел страха во взглядах, устремлённых на князя – только преданность и безграничную веру. То ли выучка замыкала уста, то ли привычка. «Князь знается с колдунами. Может, и сам колдун, – думали они, и так легко было Алею считывать их мысли, что получалось само собой. – Ничего не боится, поступает по-своему. Звонили в монастыре к заутрене – не пошёл, а с вечера ларь золота подарил отцу игумену, вызолотит отец игумен маковицы колоколен, чтобы далеко сияли во славу… Жертвует князь на монастыри и церкви, а задаст кто вопрос каверзный, так отвечает: «Отмолю». На то воля его, а простому люду не след мешаться…» Мелькнула мысль, что в пластичном мире, верно, и Якорем стать проще; великий князь Летен свет-Истин – надежда и опора для подданных. «Кто-то вернётся из этих стариц, – подумал Алей потом, – тот московский князь и тот ханский сын, которых сочинил автор этого мира. Интересно, как обернётся сюжет…»

Блестели тесовые крыши домов, зелёный мох поднимался по старым срубам. Пастухи выгоняли на поле скотину, увидели князя – стали ломать шапки, кланяться земно.

Ехали по лесу в сопровождении двух дружинников. Кони ступали по грудь в высокой траве, на которой жемчугами и алмазами блистала роса. Алей почти не смотрел на сторонам, но чутко прислушивался к лесу. Светлый березняк сменялся тёмным ельником, веяло сыростью, ягодами и грибами. Когда вдали завыл ветер, и зашумела листва, Алею почудилось, что там, за лесом, идёт поезд – по полотну, которое проложат здесь через семьсот лет. Морок пронёсся и сгинул, но осталось ясное, как свет, понимание, дарованное догадкой: из вымышленного мира уйти легче, чем из реального, потому что он подчиняется воображению. Когда Алей увидит крутые берега Старицы и зеленым-зелено пламенеющий лес над ними – кажущееся станет настоящим.

Нежно перекликались птицы. Прохлада светлым плащом опускалась на плечи, поила безмятежностью, точно горьким настоем целительных трав. Среди дерев косо стояли солнечные столбы. Едва шелестели листья. В тишине слышно было, как белки лущат шишки. Показался болотистый берег и лодка на нём. Летен остановил коня и сказал Алею, что лодок три и подходящих стариц три, но прочие дальше. Если Алею не нравится эта, они перейдут её вброд и будут ехать ещё час.

Алей отрицательно покачал головой и спешился. Немного помедлив, Летен обернулся к дружинникам и кивком отослал их.

Хвосты их коней, серый и белый, скоро затерялись в солнечных пятнах. Соскочив наземь, великий князь вывел своего Орлика на место посуше и привязал к дикой яблоне. Похлопал коня по могучему плечу, огладил бархатный нос, и вдруг порывисто обнял за шею и вслух сказал: «Спасибо, дружище!» Орлик фыркнул, переступив на месте, в шутку схватил хозяина за плечо зубами. Алей смотрел на это с улыбкой.

– До чего ж звери славные, – сказал Летен. – Дома своего заведу.

– Да, – Алей потрепал гриву каракового. – Жалко оставлять.

– Из-под меча меня унёс, – сказал Летен, ослабляя подпругу, – вашего, ордынского.

Алей безнадёжно закатил глаза и вздохнул.

– Шучу, – сказал Летен. – А всё же извиняться тебе надо было не передо мной, а перед Беркутом. Метко стреляешь, программист.

Алей смешался и не знал, что сказать, но князь и не ждал ответа.

– Добычу богатую в Орде взяли! – продолжал он. – Одного золота… – он сдвинул челюсть набок, подсчитывая в уме, но так и не сосчитал, закончив: – телегами вывозили. И стада несметные. Если разворуют и пропьют – вернусь и перевешаю.

– Летен Истин, вы…

– Меня не двое. Ты чего? Я ж разрешил.

– У меня духу не хватает, – признался Алей, и Воронов хмыкнул. Алей облокотился о седло и сказал ему: – Ты, государь, грозный очень.

– Не отрицаю, – сказал государь. – Найдёшь мне потом ещё один такой мир, вымышленный. Я корешей позову, будем Казань брать. Или Астрахань. Тебя назначу опричником.

Летен говорил суховато и веско. Алей чуть было не испугался всерьёз. Но князь обернулся, глаза его искрились весельем. Он и впрямь шутил. Алей, рассмеявшись, ткнулся лбом в седло.

Привязав коня, он медленно, оскальзываясь на болотистой почве, пошёл к лодке, остановился перед нею. Попробовал столкнуть в воду, но не получилось. Подоспел Летен и помог.

– Грести ты, конечно, не умеешь, – сказал он, легко запрыгнув в лодку. – Показывай путь.

Вымочив сапоги на мелководье, Алей неуклюже перебрался через борт и сел на скамейку. Поднял глаза: белые облака потихоньку затягивали небо, заслоняя рассветную голубизну. Как будто Старица звала его, обещая принять без препон… Он улыбнулся, охваченный страстной надеждой.

– Летен, нам нужно к излучине, где не видно, что за

поворотом. Вон… хоть туда, где ёлки на полуострове.

«Полуостров» был скорей кочкой. На глине и валунах плотной стеной встали, сплетаясь ветвями, молодые ёлочки. За ними высились огромные старые липы, сходясь в тенистый сырой лес. Лодка неторопливо заскользила по недвижной тёмной воде, от каждого касания вёсел расходились круги, с едва слышным всплеском нырнула с камня лягушка.

– Пахнет-то как, – сказал Летен, с удовольствием озираясь. – В таком лесу я на медведя охотился. А он малину жрал. Ну туша! Попёр на нас, как танк, лошади перепугались.

Алей почти не слышал его. Он смотрел в светящееся небо за узорной завесой лиственных крон. Солнечные лучи всё ещё низвергались из-за облаков водопадами золотого пламени – одаль, позади, в сосновом бору, который тянулся до самых стен монастыря. Алей задумался вдруг, как называется монастырь и есть ли он – был ли он? – в их настоящем мире… Ветер стих.

«Эн убежал к Ясеню, – подумал Алей. – Понятно, зачем папе может понадобиться Эн. Но зачем он демону? Эн глуп, но не настолько глуп, он знал, насколько Ясень могуч, а ему не нравятся сильные хозяева. Я его развлекал. Папа любит развлекаться. Может, Эн решил полюбоваться на его развлечения? Или… – тут Алея посетило неприятное чувство, – или это я прогнал Эна? Я нашёл болезненный для него вопрос. Я зацепил его. Конечно, раз я узнал его слабое место, я бы этим вовсю пользовался. Поэтому Эн решил отделаться от меня или просто обиделся… А! Пускай Вася ищет своего блудного попугая». Алей потянулся, хрустнув позвонками, и запрокинул голову.

Светлый частокол солнечных лучей истаял. Стало пасмурнее. Тихий зелёный лес виделся будто бы через очень прозрачное и чистое стекло. Свет небосвода достигал земли процеженным сквозь высокую сияющую пелену.

Несколько сильных гребков донесли лодку до излучины, и ещё минуту спустя за упругой колючей стеной ельника скрылся топкий берег и дикая яблоня, к чьему стволу они с Летеном привязали коней. Алей откинулся назад и прилёг на локоть, вывернул шею, напоследок прощаясь со своим караковым жеребцом.

Когда он обернулся, то увидел Осень.

Она стояла на зелёном склоне, над белым песчаным берегом Старицы и приветливо улыбалась.

Глава 11. Метапоиск

Выйдя из машины, Алей поднял лицо к небу.

Золотое колесо времени откатилось назад, от конца лета к его началу. Сменилась параллель, время года стало иным, иным – время мира. В глубокой и яркой, налитой июньским молодым жаром синеве плыл над Старым Пухово огромный лайнер, оставляя за собой конденсационный след, толстый и пушистый как хвост. Стояла тихая послеобеденная пора, детские площадки опустели, и даже взрослых не было почти никого. Только ковыляла от подъезда в угловой магазин подружка Меди Морошиной бабушка Радость, да на площадке перед гаражами Тороп Чернышов нарезал круги возле древней бежевой «Победы». «Реставрировать собрался», – подумал Алей. Тороп почесал бритую башку, открыл капот «Победы» – нежно, как женскую шкатулку – и погрузился в глубокую задумчивость. Летен полюбовался на машину и хозяина и одобрительно хмыкнул.

Траву постригли возле школы, а больше ничего не переменилось здесь. Высокие деревья замерли над пятиэтажками, впитывая щедрый летний свет. В песочнице забыли красно-синий мячик. Алей неуверенно сделал шаг, всё ещё касаясь рукой дверцы Летенова джипа. Всего несколько субъективных часов назад они были невозможно далеко отсюда, в мире, имевшем иную природу, в чужих, нереальных телах и судьбах…

Вот стоит перед рыжими гаражами незамысловатый Тороп в майке-алкоголичке, ласкает чёрными пальцами машину прадеда-ветерана. А три дня назад Алей как раз вспоминал Торопа; тогда Улаан-тайдзи ехал верхом по разбитой дороге в приокских лесах, под неусыпным и недобрым надзором дружинников Летена. Теперь Летен заводит чёрную немецкую машину, чтобы ехать к другим своим дружинникам… «Для него и сейчас Средневековье, – подумал вдруг Алей. – Побратимы, войны, дети от наложницы. И княжеский стол».

– Дела ждут, – сказал Летен ему в спину. – Позвоню тебе дня через три. Если сам что узнаешь раньше – звони смело.

– Да. Спасибо, – Алей обернулся, примерился уже захлопнуть дверцу джипа, когда услышал до боли знакомое, звонкое:

– А-а-алик!

– Блик! Лёнька!

Выскочив из теней проулка как рыжий чёртик, к Алею нёсся ошалелый Лёнька, лохматый, весь облезлый от солнца. Мальчик-морковка… Алей прикинул направление, заподозрил, что Лёнька дежурил у его подъезда и перепугался. До родителей-Комаровых

ему дела не было, но самому Лёньке могло прийтись от них очень кисло. А то и приходилось уже. Сколько времени провёл Алей неведомо где? Осень сказала ему, какое сегодня число, но он успел забыть. «Вася говорил, что позвонит мне на следующей неделе, – вспомнил Алей, – значит, не больше недели потерял. Всё равно много».

Луша опередила хозяина, ткнулась мордой Алею в бедро, а потом поставила лапы ему на плечи. Тот едва увернулся от мокрого языка, отпихнул собаку и сурово сдвинул брови, уставившись на Комарова.

– Ты что, – поинтересовался Алей, – так и сидишь здесь? Меня дожидаешься?

Лёнька остановился, задыхаясь, согнулся, упёрся руками в колени.

– Ага, – выдохнул он и зачастил: – Алик, а ты где был? Ты к Иньке в лагерь ездил, да? А ты его не привёз? А ему там нравится, да, там хорошо? Алик, а там телефона нет, что ли? Там телефоны отбирают? Почему он мне не звонит?

Алей прикрыл глаза. Он хотел остаться спокойным и благожелательным, чтобы не пугать Лёньку, но не сумел: скривился, оскалился, отвернул лицо. К досаде и бессилию теперь добавился стыд. Не смог. Не справился. Не вернул маленькому часовому его знамя, его лучшего друга…

– Да, – через силу соврал Алей, стараясь, чтобы голос звучал ровно, – там отбирают телефоны.

Лёнька выпрямился и повесил голову. Сжал кулаки. И уже не понял, не увидел Алей – почувствовал и прочитал, точно отсканировал, что Комаров стиснул зубы и подавил гневный вздох. Испытание, выпавшее на долю друга, он переживал так, будто сам был там, в мрачном полувоенном лагере. Не мог помочь другу Лёнька, но не мог и остаться равнодушным.

Он посмотрел на Алея исподлобья, бледными и строгими взрослыми глазами.

– Там плохо, да? – спросил он. – Алик, ты почему его не забрал тогда? Ты обещал.

У Алея пересохло во рту. Он не знал, что ответить.

Летен заглушил мотор по второму разу, вышел из машины и встал у Алея за спиной. Алей беспокойно оглянулся. Мурашки побежали между лопаток.

– Тебя Лёней зовут? – вполголоса спросил Летен. Алей заметил, как Комаров бессознательно выпрямился, расправил плечи. Ни дать ни взять мальчишка из гайдаровских повестей – перед фронтовиком.

– Клён Комаров, – отрывисто сказал Лёнька, пожирая Летена

глазами.

– А я Летен Истин. Дядя Летя. Иди сюда, Клён, слушай, – Летен мягко отодвинул Алея в сторону.

Лёнька шагнул вперёд, как из строя.

– Иней, друг твой, – серьёзно сказал Летен, – ни в каком не в лагере. Он попал в беду.

Лёнька раскрыл рот и тут же захлопнул. Сглотнул.

– Мы с Аликом, – продолжал Летен, – делаем всё, чтобы его выручить. Но это очень трудно.

Запоздало Алей понял, что магнетическая воля Летена и его подчинила себе. Критическое восприятие притупилось. «Не надо Лёньке этого говорить! – запаниковал он. – Лёнька же болтун! Растрясёт по всему району! Всех напугает и сам себя напугает…» Но прервать Летена он не мог. Не сейчас.

Жалко и жутко было смотреть, как сереет Клён под веснушками. И всё же спокойная сосредоточенность взрослого передавалась ему. Алей впервые видел Лёньку таким внимательным. Втолковывая Комарову математику, он никогда не мог добиться, чтобы Клён слушал его – так.

– Мы очень старались, но потерпели поражение, – сказал Летен Клёну. – Так бывает. Мы обязательно выручим Инея. Веришь?

Лёнька моргнул. На выцветших морковных ресницах закипали слёзы.

– Верю, – без голоса ответил он и прибавил: – С-спасибо, дядя Летя.

– А теперь самое важное, – сказал Летен и присел на корточки. – Лёня, чем больше людей об этом знает, тем хуже наше дело. Ты уже понял, что все стараются молчать. Даже Алик. Я верю, что ты не подведёшь нас. Никому не скажешь ни слова. Условимся, что Иней сейчас в летнем лагере и ты не беспокоишься о нём. Хорошо?

– Клянусь! – торопливо выпалил Лёнька, прижал руки к груди, шагнул вперёд, но Летен двинул ладонью в воздухе и покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Дай честное слово.

И Алей не поверил глазам: круглое лицо Лёньки стало вдруг безмятежно-спокойным и даже весёлым. Клён смахнул слёзы, улыбнулся и твёрдо ответил:

– Честное слово.

Летен молча встал, протянул руку и крепко пожал маленькую веснушчатую ладошку.

– А теперь, – сказал он, – иди домой. Мама заждалась к обеду, наверное.

Лёнька переступил с ноги на ногу, поморгал, кивнул и, не попрощавшись, забыв об Алее, побежал обратно в проулок. Немного растерянная Луша вывалила язык, уставившись вслед хозяину, и скоро галопом понеслась за ним.

– Летен, зачем ты ему рассказал? – выговорил Алей, когда к нему вернулся дар речи. – Он маленький ещё. Он болтун. Он забудет про это честное слово…

– Нет, – сказал Воронов всё с той же серьёзностью, глядя в ту сторону, где скрылся Лёнька. – Не забудет. А врать никому не надо, ни маленьким, ни большим.

Алей посмотрел на Летена искоса и улыбнулся одной стороной рта, произнеся:

– Умалчивать.

Воронов, холодный, пожал плечами.

– Умалчивать можно.

Оставшись наконец один, Алей сунул руку в карман и нащупал металлическое колечко с нанизанными на него ключами. Его вещи так и хранились у Рябины, она вынесла их из подъезда, когда Алей с Летеном приехали. Летен позвонил ей заранее, одолжив телефон у Осени.

«Надо позвонить Осени, – думал Алей, шагая к дому. – Или лучше не надо? Может, она спит… А я поищу и определю, спит или нет. Только попозже. Сначала надо позвонить маме». Простые, здешние тревоги и заботы казались ему сейчас такими маленькими и незначительными, что приходилось заставлять себя думать о них. Отлучку не удалось скрыть от матери. Как и предполагал Алей, она обзвонила всех, кого только могла, даже одноклассников и бывших девушек. Рябина взяла трубку, когда Весела звонила на Алеев телефон, но ничем не могла ей помочь. Весела ещё много раз звонила по номеру сына, так много, что телефон разрядился… «Как она? – спросил Алей, отпирая дверь. – Сначала Иней, потом я…» Он отпустил ассоциативный поиск, и поиск продлился не дольше пары мгновений. Возвратилась картина той огненной ночи, когда началась погоня за Ясенем. Снова отец стоял под звёздным небом посреди Великой степи, преображаясь в каменного кумира, снова бежал от него несчастный толстый Шишов, а Весела каменела от горя. «Мама догадалась, – понял Алей. – Она решила, что меня тоже забрал папа. И… да что там, она правильно догадалась. Наверно, это даже хорошо. Это всё-таки не совсем неизвестность». Но невыносимая душевная боль пронизывала видение и передавалась телу: казалось, в сердце вонзали и проворачивали там иглу. Алей с усилием перевёл дыхание и бросился к

телефону, не разувшись.

– Мама?

Только что она устало сказала «Алло», но с первым звуком Алеева голоса будто канула в тишину, и по ту сторону трубки стало пусто. Алей испугался. Стыд ожёг его: он мог позвонить маме ещё четыре часа назад и не позвонил. Пускай тогда он боялся за Осень, потому что Осени тоже стало плохо, пускай был слегка не в себе… Всё равно не прощалось такое сыну.

– Алло! – тревожно повторил Алей. – Мама? Ты в порядке?

Несколько бесконечных мгновений продлилась пауза. Алей чувствовал себя как на раскалённых углях. Хотелось сорваться и побежать – но куда? Где спасёшься от совести?..

– Да, – бесцветно прошептала мама. – Алик, это ты? Ты где?

– Мама, я дома! – громко сказал Алей. – Я вернулся!

– Откуда? Где ты был? Почему не позвонил?

– Я не мог. Мама, прости, пожалуйста, я действительно не мог позвонить.

– Я не обижаюсь, – ответила она так, что Алей чуть не расплакался. – Господи, слава Богу, ты жив. Где ты был, Алик?

Алей впился ногтями в ладони. Осязание как будто притупилось.

– Далеко, – сказал он, – очень далеко. Мама, я нашёл Иньку! Слышишь? Я искал Иньку и нашёл его! С ним тоже всё в порядке!

– Ох, – беззвучно сказала трубка и донёсся странный шорох, будто что-то мягко упало. У Алея волосы встали дыбом: он понял, что у мамы стало плохо с сердцем.

– Мама! – крикнул он, вцепившись в трубку. – Мама!

– Я тут, – слабая улыбка мелькнула в её голосе, – я на диван села… А Инечка с тобой? Дай мне с ним поговорить…

– Он не со мной, – виновато сказал Алей. – Я не смог отобрать его у папы. Но я всё решу. Я его верну, клянусь, мама, – и он зачем-то прибавил: – Честное слово.

– Папа… – пробормотала Весела и чуть живее спросила: – Алик, а как там папа? Он про меня что-нибудь говорил?

Алею стало грустно. Он покусал губы, переложил телефон из руки в руку. «Мама его любит, – подумалось ему. – И всегда будет любить. Никогда не перестанет».

– Я очень зол на папу, – честно сказал он. – Но он в порядке. Он сильно обиделся на тебя.

Весела всхлипнула, как ребёнок.

– Я понимаю, что обиделся, – пожаловалась она, – Алечка, ты скажи ему, пожалуйста, чтобы он меня простил. Я же не виновата.

«О господи!» – подумал Алей в сердцах, а потом с обречённым вздохом сполз на пол возле телефонного столика. В

животе стало горько от жалости. Он знал, что мама слабая, но это… Тяжесть её любви была выше её сил и совсем её раздавила.

– Папа сам виноват, – зло сказал Алей. – Он не должен был на тебя срываться. Тоже мне, мужчина. У мужчины, говорит, должна быть гордость. Тьфу на его гордость.

– Алечка, не надо, – быстро попросила мать. – Он ведь из-за Ини обиделся? Из-за того, что Лёва его обидел?

– Нет, – сказал Алей мрачно. – Он обиделся из-за того, что ты венчалась. Вступила в нерасторжимый брак.

– Да как же нерасторжимый? Он недействительный, – и мама, кажется, обрадовалась.

– Что?

– Недействительный брак, – почти радостно повторила она. – При живом муже какой брак! Лёва меня отпускает. Так что мы с Иней вернёмся и опять будем жить все вместе!

Алей скептически покачал головой. Он сильно сомневался, что Ясень вернётся в семью, но ничего не сказал. Его дело сейчас было успокоить мать.

– Когда ты переезжаешь?

– Когда скажешь. Хоть завтра.

– Тогда собирайся, – сказал он с улыбкой. – Но я ещё буду пропадать, мама. Пойду искать Иньку.

– Только ты мне звони! – велела мама.

– Если смогу, – обещал Алей, – позвоню.

«Ладно, – подумал он, положив трубку, – это хорошо. Шишов – это было ей совсем лишнее». Он посидел немного, привалившись спиной к стене, потом снова запустил короткий предельный поиск и обнаружил, что Осень не спит, а телефон её занят, потому что она упорно пытается добиться внимания Васи и поставила на автодозвон. «Вот уж не дело», – заметил Алей и потянулся за мобильником.

…Когда он увидел Осень на берегу Старицы, она показалась ему богиней, дивным видением почти всесильного существа, которому лишь нескольких минут не хватило, чтобы протянуть ему руку помощи. Летен грёб к берегу, он уже понял, что у Алея всё получилось, и имел довольный вид. Алей вскинул голову, привстал в лодке, подался к борту. Летен беззлобно обругал его, потому что лодка накренилась. Алей послушно сел, но сидел, ёрзая, как крышка на кипящем чайнике. Приветная улыбка светилась на прекрасном лице Осени, золотой мангуски, девушки-киборга…

Осень молчала.

Скоро и радость на лице её погасла, уступив место выражению крайней усталости. Она помахала Алею рукой, маня к

берегу, потом попыталась спуститься на песчаный низкий бережок – и споткнулась, съехала по откосу на подогнутой ноге. Алей встревожился. Он вообще никогда не видал, чтобы Осень двигалась неграциозно. У неё было идеальное чувство пространства и равновесия. Едва лодка причалила, он перепрыгнул борт и кинулся к ней, а она даже не поднялась с колен. Только запрокинула к нему лицо и прикрыла глаза. Алей схватил её в объятия, и Осень прильнула к его плечу.

Алею стало страшно. Он понял, насколько же она устала. Железная воля и беспримерная работоспособность киборга не были бесконечны, они почти исчерпались… Алей не успел спросить, что она делает здесь – Осень ответила прежде.

– Вася отказался помогать, – сказала она, не поднимая век, и уткнулась носом ему в шею. – Мне позвонила твоя мама. Она, кажется, всем позвонила. Ей очень плохо. Вася дал мне код рассечения границ, но я не могла тебя найти, я же не лайфхакер… – голос её прервался.

– Ты мне снилась, – сказал Алей. – Я даже помню этот код. Скалистое поле, молнии мечут славу…

– Это из середины. Где ты был? Ты похож на древнего монгола, только лука не хватает.

– Я и есть древний монгол, – неловко пошутил Алей, – и лук у меня был.

– И он им даже пользовался, – не без насмешки сообщил Летен, привязывая лодку к колышку. – И даже успешно. – Он подошёл и сказал Алею:

– Встречают?

– Это Осень, – ответил Алей, – моя девушка.

Осень открыла глаза. С помощью Алея она встала. Встряхнула головой, пригладила волосы.

– А вы…

– Летен, – представился тот. – Друг.

Алей разулся, прошел по комнате босиком и забрался на тахту. Сел, скрестив ноги. Глядя в потолок, на котором колыхались тени листвы, он ощущал себя зверем, вернувшимся в логово. Час покоя, день покоя и отдыха – и можно будет вновь ринуться на охоту, принюхиваться к ветру, тропить следы; и словно ждёт у порога резвый степной скакун, фыркая на задорного пса, и томятся в колчане стрелы… Вот с чем теперь ассоциируется у него поиск. Не с тихими рейдами из белых и стеклянных офисных переговорок, не со странной последовательностью запросов в браузере с открытым исходным кодом, и даже не с безмятежным закольцованным мирком

Старицы. Да и перестал тот мир быть закольцованным с тех пор, как они с Летеном доплыли домой на зелёной лодке… Алей потёр лоб и набрал номер Осени. Она откликнулась с запозданием.

– Осень, – сразу сказал Алей, – не надо звонить Васе. Я сам до него доберусь. Мне многое нужно ему сказать. Ты лучше отдохни.

Осень помолчала.

– Алик, – сказал она, – давай договоримся.

– О чём? Давай, конечно.

– Я понимаю, что твои возможности растут. Но не надо читать мои мысли и следить за мной. Иначе я обижусь.

Алей кашлянул. У него загорелись уши. Существовал, наверно, какой-то этический кодекс вселенских админов, но Алей-то админом не был. Имелся этический кодекс у мастеров поиска – не выслеживать коллег, не собирать без запроса данные о чужих Пределах, – но мастера поиска не умели читать мысли и сканировать тоннели. Алей не додумался сразу экстраполировать правила.

– Хорошо, – смущённо сказал он, – извини.

– На первый раз – извиняю.

Алей вздохнул и спросил:

– Осень, ты как?

– В каком смысле?

– Как ты себя чувствуешь?

– Я ещё не вполне успокоилась, – голос Осени был совершенно безмятежным, отстранённым, и Алей вспомнил, почему она всегда казалась ему ИскИном. – Поэтому я не ложусь спать. Я не усну. Васе я действительно звонить больше не буду. У меня есть основания полагать, что он чем-то очень недоволен, Алик. Будь осторожен.

– Недоволен, – пробурчал Алей, – ещё бы ему быть довольным. У меня сбежал проксидемон, и сбежал к моему папаше.

– Это плохо.

– Знаю. Мне проксидемон больше не нужен, но чёрт знает, как его использует папа. Вася мне намекал, что у него нет инструкций к Эну. Я теперь думаю: он сам-то все опции проксидемона знает?

– Знает, – ответила Осень, – но, скорее всего, часть их просто не помнит. Когда он пытается забыть ненужные вещи, то вместе с ними порой забывает нужные.

– Неудивительно.

– Ещё кое-что, Алик, – сказала Осень, и он насторожился. – Просчитай время. Вряд ли Вася поможет тебе его растянуть. Он

сам в нём путается, а теперь ещё и капризничает.

– А что со временем?

– Сессия не может продолжаться бесконечно, – хладнокровно заметила Осень. – К тому же ты её не сдаёшь. Конечно, я постараюсь тебя прикрыть. Но в Ялике слишком много мастеров поиска. Металл уже подходил ко мне и спрашивал, всё ли у тебя в порядке.

– Металл? – переспросил Алей, удивившись: «Дейрдре? Я понимаю, что она беспокоится и кое о чём может догадываться, но зачем ей беспокоить других?»

– Элементарно, Ватсон, – сказала Осень. – Мы с Экзе можем раскинуть твои задачи по другим разработчикам, но этим разработчикам понадобится минут пять, чтобы в общих чертах определить, чем ты занимаешься на самом деле. Не недооценивай того же Джипега. Он отлично владеет ассоциативным поиском. Я не говорю о Металле или Дне Вьюгине. Они, конечно, не обидятся, но может начаться кутерьма.

Алей слушал её и думал о том, что лайфхакеры не выслеживают коллег ради выгоды или из любопытства. Встревожившись, и Металл пока что только задал вопрос знакомой. Но если юзеры форума «Запределье» заподозрят, что кто-то из собратьев попал в беду… До сих пор такого, к счастью, не случалось – поисковиков от серьёзных невзгод спасала изощрённая интуиция. Но если случится, они не останутся в стороне. В этическом кодексе быстро появится новое правило. Алей неплохо знал своих друзей с форума.

– В лучшем случае у нас потребуют объяснений, а в худшем начнут искать их сами, – продолжала Осень. – Подумай. У нас многие умеют работать в Старице. Многие дотошны и любопытны. Ты уже побывал в полудесятке параллелей. В совокупности это чревато резким ухудшением статистики несчастных случаев с точками перехода. Вдесятеро больше работы отделу информационной безопасности, впятеро больше обращений к админу. Админ, с которым работает наша безопасность, маловменяем. Проблемы могут возникнуть не только у сотрудников Ялика, не только у наших пользователей, но даже у их Якорей. Это вне нашей компетенции. Никто не ответит, во что это может вылиться. Но Вася точно будет зол как собака. В наших интересах, Алик, действовать как можно аккуратнее.

– Крадучись.

– Крадучись, – согласилась Осень и добавила, – но очень быстро.

Алей упёр палец в середину лба.

– Понял.

– У нашей компании прекрасная репутация в админских кругах, – сказала киборг-менеджер Осень совершенно серьёзно, – не подведи.

Алей не сразу понял, что она так шутит, а поняв, нервно хохотнул.

– Осень, ты меня напугала.

– Я тебя мотивировала, – заметила та. – Я, в конце концов, твой начальник, – она снова шутила, даже голос стал живее и веселей, но в шутке заключалась и доля правды. Алей в задумчивости потеребил нижнюю губу.

– Сколько у меня времени?

– Около недели. Если ты, конечно, не научишься оперировать временем сам. Я в тебя верю. Пока, Алик.

Сложив телефон, Алей долго сидел, глядя в одну точку. «Все меня мотивируют, – подумал он наконец с досадой. – Папа, Летен, Вася, Осень. Даже Клён. Проще сказать, кто меня не мотивирует. Достали!» И с мстительным чувством он подумал, что сейчас достанет Васю и сам его мотивирует. Пускай сумасшедший полубог и автор зловредных сервис-программ отучится спать и капризничать, когда он нужен.

Повинуясь интуиции, он начал ассоциативный поиск не с проксидемона, что было бы логично, и даже не с самого Васи, а с монорельса с окном Васиной квартиры. Красивый бело-голубой поезд напоминал гигантскую игрушку, забавы ради вынутую из другого мира – из мира старой фантастики, где каждый был честен и светел и горел на любимой работе.

Любимая работа.

Ялик. Датацентры Ялика. Админы Ялика.

Вселенские админы.

И воскрес визионерский дар; но больше Алей не забывал себя и свою цель в ярком калейдоскопе.

Он увидел коридор и тяжёлую металлическую дверь. Вспомнил, что её поставили Васины соседи, без спросу прихватив заодно и квартиру админа. «Замуровали демона»,– подумалось Алею. Дверь была заперта – и в буквальном смысле, и в метафорическом. Вася не хотел, чтобы его тревожили. Алей не собирался отступать. Усилием воли он переместил себя, превратившегося в точку восприятия, вперёд, и оказался в холле Васиной квартиры.

Место это меньше всего походило сейчас на квартиру.

Здесь владычествовала тьма. Не было стен. Пол и потолок оттолкнулись друг от друга и со страшной скоростью уносились в разные стороны. В бархатном мраке кружились бриллиантовые

капли, вспыхивавшие вдруг: то ли шаровая молния, то ли звёздное скопление… В неверном свете прорисовывались очертания тёмных ущелий. Видна была стремнина ветра, несущего яблоневые лепестки и лазурных, лиловых, серебряных бабочек с причудливыми зигзагообразными узорами на крыльях; порой эти круто изломанные или плавно вьющиеся линии складывались в очертания тел живых существ – людей или их отдалённых подобий. Метались незнаемые одушевлённые тени. Клубились плотные облака и превращались нежданно в матово-жемчужного цвета ладони, пересыпавшие тёплого, телесного оттенка жемчужины…

И всё это были слова. Структурно-семантические, номинативные и когнитивные единицы. Кто-то говорил, спокойно и рассудительно, не планируя ни чудес, ни эффектов. Невероятными картинами его речь представала Алею; и интуиция подсказывала ему, что это так, но даже лайфхакерский дар не мог помочь ему понять этот язык, мог лишь подсказать, что для понимания требуется нечто большее.

«Чертовщина», – подумал Алей и сделал ещё шаг.

Стало тихо.

…В забитой хламом комнате, где висела клетка попугая Эна, оказалось, как в прошлый раз, тухло и пыльно. Странным образом стало ясно, что админ дома – но не вполне дома. Большая часть Васи отсутствовала. «Вот дела, – подумал Алей и беспечно пригрозил: – Придётся давать пинка». Он удивлялся только сам себе: тому, что совершенно не испытывал удивления. Происходящее казалось простым и естественным, абсолютно нормальным, и даже случайно подслушанный обрывок высшего разговора не внушал благоговения. Алей поразмыслил, разыскивая способ дать пинка ближайшей части расщеплённого админа, и вспомнил слова Осени: заклинание, которое снилось ему в ином мире и было кодом рассечения границ. Не медля, он начал:

– Скалистое поле. Молнии мечут славу. Две чашки горя. Летит фотография птицы…

Что-то завибрировало – совсем рядом и совершенно беззвучно.

Потом резкая вспышка ослепила Алея. Послышался громовой Васин мат, и Алей, не теряя присутствия духа, вернулся в самый простой способ восприятия – в собственное тело. Он убрал волосы за уши и усмехнулся.

– Мать твою! – обиженно орал демиург. – Это нечестно! Это непорядочно! Это, в конце концов, неприлично! Ты чем думал вообще?!

Алей подхватился на ноги и встал на тахте. Так он был вровень с Полоховым.

– А Осень подставлять прилично? – со спокойным напором произнёс он. – Бросать её на произвол судьбы прилично? Ты ведь её вроде как любишь, Вася.

Админ замолчал и посмотрел на Алея с ненавистью.

И ещё раз посмотрел.

Потом открыл в центре лба третий, вертикальный глаз и посмотрел снова.

– Да чтоб тебя!.. – простонал он, убедившись, что грозный его вид не производит на Алея никакого впечатления. – Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

– Разумеется, – Алей соскочил на пол. – Я выдернул тебя… откуда?

– С совещания, – жалобно сказал Вася. – Прямо с совещания.

Выглядел Полохов нелепо и дико. Во-первых, его тёмно-лиловый третий глаз смотрел с глупым и печальным коровьим выражением. Во-вторых, демиург светился неприятным химическим светом. Ярче всего сияло некое подобие крыльев, в которые он заворачивался, как в банную простыню. Человеческие глаза Васи напоминали лампочки: побледневшие и прозрачные, они испускали лучистый блеск, как будто голова Полохова была пуста, и внутри сверкал дуговой разряд. В-третьих, Вася висел в воздухе сантиметрах в пятнадцати от пола.

– И не смотри на меня так, – сказал Вася Алею с ожесточением. – Я не виноват. Я не идиот. Хотя похож. Ну не успел я переодеться! И вообще, если уж ты смог меня достать, мог бы и зайти за мной по-человечески.

Алей поднял брови.

– Хорошо, – легко согласился он. – В следующий раз зайду.

Демиург скорбно покачал головой, закрыл третий глаз и поджал губы.

– Василёк Криницын, – продолжал Алей как ни в чём не бывало, – ты почему от Осени откупился этим чёртовым кодом? Она чуть не убилась, пытаясь его активировать. Ты что, сам не мог это сделать?

Полохов зло скривился.

– Ты что, – сказал он, – не в состоянии вообразить, что у меня тоже бывают дела?

– Тогда не надо было давать Осени код. Ты мог подумать о том, что ей задача не по плечу?

– Она попросила, – угрюмо сказал Вася, – я дал. Она, блик, аргументирует свои просьбы.

– Вася, ты же админ. У тебя должен быть мозг.

Полохов повесил голову и даже руки свесил вперёд, став похожим на какое-то говорящее мультяшное насекомое, только вместо трепещущих крыльев над его лопатками поднималось бледное звёздное сияние. Он явно сознавал, что виноват.

– К тому же, – продолжал Алей, усаживаясь в кресло, – ты мог сместить время и всё успеть. Ты мог хотя бы поинтересоваться, где твой проксидемон.

– Кстати, где мой проксидемон? – поинтересовался Вася и приободрился от возможности ответить обвинением на обвинение. – Конечно, его забрал Ясень! Как неожиданно! Кто бы мог подумать! Алик, может, тебе волшебную палочку подарить? Меч прадедушки Тэмуджина? Ты их либо сломаешь, либо потеряешь.

– Вася, – ядовито сказал Алей, – не меняй тему.

Демиург закатил глаза к потолку и развернул крылья, оказавшиеся двубортным плащом.

– Тему, – пробормотал он, – тему… Во-первых, я спал. Во-вторых, я был занят. В-третьих, у нас тут не сказка по Проппу, а я не волшебный помощник. В-четвёртых, вредно делать за человека то, что он может сделать и сам, я тебя имею в виду. В-пятых, меня меньше всего колышут нервы окружающих… Ну, всё же хорошо кончилось! – сказал он громче и скрестил руки на груди. – Какие ко мне ещё претензии?! Я не валокордин, чтобы успокаивать.

Алей усмехнулся.

Внезапно выражение лица Полохова переменилось. Глаза его повеселели, в них мелькнула безуминка. Админ улыбнулся во все тридцать два зуба, поморгал и состроил придурковатую мину. Он как будто совершенно забыл, о чём только что шла речь. Покачал люстру, толкнув её пальцем, заметил осуждающе: «Пыль надо вытирать!» Алей выжидал. Админ мог совершенно потерять связь с реальностью, но мог и так же быстро прийти в себя.

– Кстати, – сказал Вася небрежно, будто продолжал какой-то другой разговор, – Алик, ты читал Клюева?

– Какого Клюева? – уточнил Алей. – Поэта?

– Нет. Другого Клюева. Который Ветер Клюев. Который «Между двух стульев» написал.

– Не читал.

– А зря! – Вася скосоротился и вновь уставил глаза в потолок: – Между прочим, Муха-на-мотоцикле выкладывала на форум список литературы, обязательной к прочтению всяким порядочным лайфхакером.

Вася казался более-менее адекватным, поэтому Алей поддержал разговор.

– Да Муха составит! – скептически сказал он. – Я увидел, что

она включила туда «Нарнию» и потерял к ней доверие. Она бы ещё Уголовный кодекс туда включила.

Услыхав это, Полохов вытаращился на Алея с выражением крайнего потрясения на лице. Сияющий крылатый плащ его разгорелся так, что затмил бы трёхламповую люстру, глаза демиурга побелели от внутренней вольтовой дуги, и он немного воспарил к потолку.

– Ты что?! – выпалил он. – Я как раз после этого и проникся к ней доверием. Я же филолог, я много читаю. Ты «Нарнию»-то читал вообще?

– Начал и бросил, – ответил Алей честно и удивлённо и пояснил: – Я был ребёнок-атеист, мне стало противно от всего этого христианства.

– То есть ты не дочитал даже до того момента, когда дети попадают в Старицу?

Настал черёд Алея таращить глаза.

– То есть как?

– Ну не совсем в нашу Старицу, – сказал Вася и аккуратно опустился на пуанты. – Там явно расширенный функционал по сравнению с нашей, но совершенно нет текучей воды, то бишь нет перспективы. Я склоняюсь к мысли, что это альтернативная демо-версия, которую писали британские админы. Заметь, кстати, как отражается национальная ментальность, то есть как проявляет себя тоннель высокого уровня. Нам меньше разрешено, но мы больше можем – если, конечно, прорвёмся к Реке, а к Реке мало у кого получается прорваться. Зато мы видим в Старице образ Реки, а не Окно-бочажину. Но видение Реки завораживает и заставляет думать о Реке даже тех, кто не собирается к ней идти. Чарует и сковывает душу. Вместо того чтобы работать над собой, наш человек сидит и любуется мыслимой Рекой, которой никогда не увидит въяве.

Брови Алея поползли на лоб. «Как это понимать? – задался он вопросом. – То ли у Васи опять «болтанка», и он просто сливает ненужную информацию, то ли он всерьёз рассуждает».

– Вот она, пресловутая русская духовность! – соловьём разливался демиург. – Сидеть на заднице и устремляться мыслями к Реке и Морю, пока суровые англосаксы открывают окна и осваивают миры!

– Вася, по-моему, ты бредишь.

Полохов замолчал, как будто его заткнули.

– Вероятно, – сказал он после паузы. – Кажется, я транслировал чьё-то довольно спорное мнение. Ну да чёрт с ним. Так чего ты от меня хотел?

– Во-первых, – сказал Алей, – прекрати светиться, как

радиоактивный. Во-вторых, встань нормально на пол.

– Какие мы капризные, – уныло прокомментировал Вася, но подчинился.

Алей заложил ногу на ногу и скрестил руки на груди.

– В-третьих, – продолжил он, в упор глядя в кислое лицо демиурга, – я хочу рационализировать процесс.

Вася свернул голову набок и посмотрел на Алея одним глазом: не то в невидимый микроскоп, не то в подзорную трубу, тоже невидимую.

– А ключи от серверной ты не хочешь? – противным голосом осведомился он.

– Не откажусь. Но подозреваю, что у тебя их нет.

Полохов тяжело вздохнул, проплёлся по комнате наискосок и сел на Алееву тахту. Всем видом своим он демонстрировал крайнее недовольство, утомление и снисходительную печаль. «А ведь он даже не пытается сбежать, – подумал Алей, следя за ним краем глаза. – Послать меня по матушке и удалиться на своё небесное совещание. Сидит. Шерсть дыбом подымает, но сидит». Чем-то Вася сейчас напоминал ему проксидемона – не столько вымученным ехидством, сколько хорошо замаскированной беспомощностью. Админ мог сколько угодно строить рожи, выражая своё отношение к происходящему, но просто встать и уйти – не мог. «Стало быть, – решил Алей, – я прав».

– Мне надоело, – требовательно сказал он Васе. – Я тычусь во все углы, как робот-пылесос. И от этого нет никакого толку.

– Интересно, – пробормотал Вася, разглядывая ковёр, – ещё пять лет назад сказали бы «как слепой кутёнок»… Меняется мир…

Алей сдержанно вздохнул.

– Вася, не делай вид, что это нужно только мне, – сказал он немного мягче. – Мы же договаривались. Ты сказал, что тебе тоже нужна помощь. Я хочу выручить брата, но есть ещё мой отец. Который ходит по твоей квартире и открывает двери.

– Ты тоже навострился открывать мои двери, – буркнул Вася, не поднимая головы.

– Но я себя хорошо веду, – фыркнул Алей и посерьёзнел: – Ты же понимаешь, что дальше будет хуже. Время идёт. Тебе нужны проблемы? Точки перехода за каждым углом? Временные якоря пачками? К тому же, Эн теперь вместе с Ясенем. Если он сможет тебе подгадить, он подгадит. И я не знаю, что теперь собирается делать папа. Но я совершенно не хочу завтра проснуться в ещё каком-нибудь вымышленном мире.

– Тебе-то что, – вяло сказал Вася. – Возвращаться ты научился…

Алей помолчал.

– Полохов, – сказал он прямо, – признавайся, ты боишься? В то, что тебе лень или ты просто не можешь, я не поверю.

Демиург поднял бледные глаза, сцепил в узел длинные гибкие пальцы. Странноватым движением, будто у него сводило мышцы, он выгнул шею и выставил вперёд подбородок. Линия рта исказилась. Бровь Полохова дёрнул несомненный, наконец, нервный тик.

– Как у тебя всё легко, – вполголоса произнёс он, – Улаан-тайджи. Воруй, убивай, лови коней, веди славян в полон…

Произнося эту глупую фразу, он старел с каждым словом. Плечи его опустились, спина сгорбилась, всякая легкомысленность пропала из облика. В чертах Полохова проглянул тот Якорь, вселенский админ, которого Алей увидел в день их знакомства. За аляповато раскрашенной шутовской маской скрывался некто хмурый и проницательный, близко знакомый с опасностью и ответственностью. Слишком многое он вынужден был знать, чтобы позволить себе оставаться человеком, и потому теперь лишь пытался им притвориться – насколько умел, насколько помнил, как это. Когда-то, кляня Васю, Эн обозвал его «демиургом на уровне административного округа», но Эн мог говорить не только самую злую потаённую правду. Алей заподозрил, что Эн бессовестно врал. Но потом ему пришло в голову, что административный округ в Листве – это добрый миллион человек. Целая страна. А он, Алей, знает только, каково нести ответственность за свою семью – и это трудно. Вряд ли он способен понять Полохова. Сейчас Вася вновь решал какую-то очень сложную и грозную задачу. Алей почувствовал себя виноватым за то, что выдернул его с совещания. Не с начальством ли совещался низкоуровневый Якорь, поняв, что не справится сам?

– Вася, – торопливо сказал Алей, – я кое-что узнал.

– Да я в курсе. Я же твой Якорь. Вижу тебя насквозь.

Алей осёкся.

– И что? – осторожно спросил он.

Вася помолчал.

– Можно, я закурю?

– Конечно.

– У тебя пепельница есть?

– Нету. Я тебе блюдце принесу.

Алей вышел за блюдцем на кухню, а когда вернулся, в комнате уже вовсю воняло табаком. Вася пыхал дымом и смотрел в пол.

– Вот оно, значит, как, – сказал он, болезненно

зажмурившись. – Ясень хочет попасть к Морю Имён. Ему нужен лоцман, и он натаскивает тебя как собаку… очень замечательно.

Алей задумался. Он не мог помочь Васе, поделившись информацией, потому что всей его информацией Вася уже располагал. Но Алей мог её структурировать и попытаться взглянуть на проблему со стороны.

– Нефритовая Электричка… – начал он, и Полохов закивал:

– Да-да-да. И дядя Сёма, который едет на ней уже тридцать лет. По крайней мере, я теперь знаю, откуда взялся Ясень. В смысле, теперешний Ясень. Не то что бы я не знал, что есть люди, которые стремятся к Морю, – Вася покачал головой и стряхнул пепел. – Я и сам к нему стремлюсь, немного так, слегка. Но я впервые столкнулся с теми, кто занят этим всерьёз. Вот, значит, какие они…

– Вася, – спросил Алей, – почему папа считает, что из меня можно сделать лоцмана? Вот чего я совсем не понимаю. Я его-то догнать не могу.

Демиург безрадостно гоготнул.

– Ну ты даёшь. Сколько времени прошло, Алик? Две недели, три? И ты уже прорезаешь тоннели без чьей-либо помощи. Ну, с некоторым напряжением, не без того… Ясеня, судя по всему, этот его дядя Сёма несколько лет дрессировал. Смешно сравнивать. А выбрал тебя отец потому, что ты стартовал с фантастически выгодной позиции. Лайфхакер, один из лучших в мире. Я в этом вопросе некомпетентен, но мне кажется, что у тебя действительно может получиться.

Алей откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Сигареты Полохова были какими-то редкостно вонючими, но он терпел.

– Вась, – сказал он, – вот поверишь ли, у меня нет ни малейшего желания становиться лоцманом. Я не знаю, зачем папе к Морю. Может, не для хорошего. Он вообще странный. Я хочу только вернуть Инея и жить спокойно.

Неожиданно демиург тихо засмеялся.

– Не смотри на меня, как Фродо на Гэндальфа, – сказал он. – Во-первых, ты врёшь. Тебе слишком много дано. Если бы ты хотел жить в идиллической простоте, тебе бы не пришлась так по душе мысль стать советником Воронова.

Алей смущённо и неловко отвёл глаза. Мгновение назад он, кажется, искренне обманывал себя, вот только зачем?

– Я же всё знаю, – дружелюбно напомнил Вася.

Алей вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Вася, стало быть, ты знаешь, каким образом Ясень смог блокировать Предел Летена?

– Этого не знаю, – легко сказал тот, игнорируя противоречивость утверждений. И прибавил: – Я такими вещами не занимаюсь. А вот ты знаешь.

Алей поперхнулся и озадаченно упёр палец в середину лба.

– Временный якорь? – спросил он после недолгого размышления. – Папа вытолкнул Летена в другой тоннель? Но на то, чтобы убрать Летена как такового, сил у него не хватило, и он вытолкнул только часть его личности. Расщепив его. Как расщепился ты, уходя на совещание. Или как расщепляются люди, попавшие в чужой интернет. Правильно?

– Примерно. Технические подробности опустим.

«Тогда я могу ему помочь», – подумал Алей и тут же испугался: с чего это он вдруг переменил своё решение? Он же боялся Воронова и хотел отдать тому фальшивую цепочку взлома Предела. «Нечего восхищаться собственной крутостью, – хмуро напомнил он себе. – Не всё, что можешь сделать, стоит делать».

– Ясно, – сказал он. – Вася, я собираюсь продолжить поиски. Но мне нужна твоя помощь?

– Всё ещё нужна? – странно спросил Вася.

– Да, – твёрдо ответил Алей. – Отец меня использует. Всё, что я делаю, оборачивается к его выгоде. Но я не хочу вести его к Морю!

– И чем могу помочь я?

– По крайней мере, советом. Мне не нужен проксидемон. Мне нужно, чтобы ты был на связи.

Админ вскинул брови и ухмыльнулся, снова становясь прежним.

– Да ты что, – сказал он. – Вот уж прикол! Алик, тебе так нужны голоса в голове?

– Пускай голоса в голове, – Алей не принял шутку. – Мне очень сильно надоело изучать опции программы в отсутствие мануала. Мануал в виде аудиокниги – это не очень удобно, но лучше, чем ничего.

Полохов рассмеялся.

– Аудиокнигой я ещё не был, – сказал он. – Должно быть занимательно! Я сам не верю, что я это говорю, но – ладно, согласен. Я хочу разобраться, что это за экстремалы-мореманы и как перевести их энергию в мирное русло.

Алей кивнул.

Вася наклонился к стоявшему на полу блюдцу и загасил окурок. Потом встал. Он выглядел довольным. Привычная диковатая улыбка вернулась на его лицо, глаза заблестели.

Неожиданно для себя Алей подумал, что у Васи должен быть не только тоннель, который он удерживает, но и тоннель, в

котором он находится сам. И если попробовать проанализировать данные, можно определить Якорь высшего уровня, то небесное начальство, с которым Полохов совещался. Алей едва не начал поиск, забыв о приличиях. Вася напомнил. Вася многозначительно покрутил пальцем у виска и хохотнул:

– Ну ты наглый, Улаан! Не побоюсь этого слова, дерзкий!

– Извини, – Алей загородился ладонями, – не подумал, – но Вася не удовлетворился.

– Нет, вы гляньте на него! – продолжал он с восторгом. – Это же чёрт знает что такое. Человек-фейерверк! Ордынец, нехристь и линуксоид!

– Я не линуксоид.

– Зато остальное правда! – и, разразившись сатанинским реготом, Вася ускакал на кухню, где и исчез.

Пройдя за ним следом, Алей поставил чайник. Поколебался, открыл холодильник и с ужасом закрыл, подумав, что в остатках супа Поляны завелась жизнь, и эта жизнь скоро изобретёт колесо. Открыл морозилку и, вслух сказав: «Слава пельменям», – принялся готовить себе обед. На гору грязной посуды в раковине он старался не смотреть: нижним слоям там сравнялся уже месяц. «Вот вернётся мама, – думал он, – будет меня кормить… Итак, на голоса в голове я подписался, молодец. Вася, конечно, не проксидемон, но характер у него тоже скверный. И прорезать для меня тоннели он не будет из принципа. Потому что я и сам это могу. А я могу? Да. Только не умею…»

Вымышленные миры пластичны, покинуть их просто. Алею же предстояло работать с мирами реальными. «Папа усложнит задачу настолько, насколько сможет», – подумал Алей и решил собрать воедино всё, известное ему о перемене параллелей.

О самом феномене он узнал от Ворона Вежина. Исчерпывающей информацией Ворон не располагал. У него были данные эмпирических наблюдений и минимальная аналитика, предоставленная сотрудниками Ялика – бывшими лайфхакерами. «То есть этими знаниями админы не делятся, – отметил Алей. – И с информационной безопасностью тоже не делятся. День Вьюгин советовал мне попытаться переспорить Эна. Да если б я пытался его переспорить, где б я сейчас был! Страшно вообразить. Отсюда вывод, что все админы разные, и характеры у их проксидемонов тоже разные… А Волга впадает в Каспийское море. Тьфу, великое открытие».

Значимым здесь было то, что Ворон Вежин мог ошибаться. Он рассказывал про лайфхакера, который нашёл точку перехода, материальный тоннель. Он рассказывал про юзеров, которых

затягивало в другую Вселенную, пока они читали созданные там веб-страницы. Но админ Вася, человек, который всё это держал в руках и знал точно, ни о чём подобном не говорил! Вася упирал на то, что для перехода из мира в мир обязательно нужна служебная Вселенная – пространство, в котором создание тоннеля допустимо. «В принципе, – подумал Алей, засыпая пельмени, – тоннели могут существовать и в нашей Вселенной. Какие-нибудь «червоточины». Какие-нибудь чёрные дыры. Но никак не угол возле булочной».

Переход возможен из Старицы. И с берегов Реки. Иней рассказывал Алею про Реку: Инея водил к Реке папа… «Надо же, – Алей улыбнулся, – Толстый меня обогнал», – и он тотчас забыл об этом, задавшись вопросом, как сумел переместиться лайфхакер из сказки Ворона Вежина. У него-то не было ни демона, ни доступа в админский интерфейс.

Есть другой способ?

Нет. Способ один. Служебное пространство обязательно, будь то величественная Река Имён или жалкий «плавательный пузырь» проксидемона. Иногда таким пространством может оказаться интернет. Вася сказал, что это баг интернета как явления, который когда-нибудь, лет через сто, пофиксят вселенские админы высшего уровня…

«Ясно», – удовлетворённо подумал Алей и нашёл соль на полке. Помешивая пельмени в кастрюльке, он вдруг подумал о Мириаде – о том, как она может выглядеть в пространстве идей. Почему-то представилось звёздное небо, каким его рисуют для детей: с огромными косматыми светилами, с тонкими серебряными тросиками, стягивающими фигуры созвездий. Звёзды Мириады блестели полупрозрачной сладостью, как сахарные фигурки… А символический Инфокот, должно быть, гулял сам по себе по бесконечным переплетающимся дорожкам. Всего лишь сайты, всего лишь онлайн-сервисы, но даже у самого скромного символа есть воплощение… «Ну и бедная же у меня фантазия, – заметил Алей с улыбкой. – Онлайн-сервисы. Нет бы представить, как выглядит там Листва или Роса». И тотчас же вызолотилась, как паутинка в солнечном луче, очевидная связь. Нет нужды фантазировать о великих воплощениях. Они – не тайна. «Домен второго уровня применительно к реальности, – сказал вселенский админ Вася, – это не страна и не народ, а язык». Язык, речь… река. Человек мыслит на определённом языке, и Река Имён всегда предстанет ему воплощением его языка… Транснациональная Мириада, интернет-поисковик англоязычного мира и его сателлитов – звёздное небо, обещание многих миров и многих возможностей, она огромна, но не заключает в себе

намёка на что-то большее. «А китайская Байду? – предположил Алей. – На что она похожа?» Вообразился огромный красный терем, императорский Запретный город с бесчисленным множеством коридоров, залов, комнаток, галерей. Байду подцензурна и очень сильно фильтрует контент. Ялик – маленькая зелёная лодка, и Старица – маленький закольцованный мирок, но вода течёт, а на лодке можно уплыть… «И всё-таки, – напомнил себе Алей, – к Реке можно попасть отовсюду. Или не попасть. Домен первого уровня для всех один».

Потом он подумал о том, что есть ещё домен нулевого уровня. Тот, который невидим.

А потом – что символ есть не только у бренда, общества, страны, но и у любого существа. Каждый из людей – символ. И в качестве этого символа каждый всегда пребывает каплей в водах Реки.

У Алея перехватило дыхание.

Всё оказалось так просто. Так до чудесного хорошо и до смешного понятно. Ты человек, не ведающий ни о чём – и ты капля в водах Реки. Только пойми это. Не нужно стремиться к её берегам, потому что ты уже там.

Прекрасная Минамото Дейрдре, маленький, добрый Металл Майоров сказал когда-то: «Если бы мы поняли, как работает наш собственный ассоциативный поиск, мы разобрались бы и в природе Предела». Да что здесь понимать-то? Алей помотал головой и даже рассмеялся. Просто как дважды два! Ассоциативный поиск – это поток имён. Лайфхакер в поиске частично осознаёт себя частью речной стремнины, вливается в течение воды тайн. Отсюда и происходят все «чудесные» озарения, открытие неизвестного, постижение того, что поисковик, казалось бы, не мог знать. Неопытному нужны подсказки, опорные точки, которые обычно находят в интернете или ещё каком-нибудь источнике информации. Но они не дают новой информации, они только резонируют с потоком в Реке. Можно обходиться вовсе без них – только откройся для этого потока.

Тонкая, тонкая струйка воды в большой стремнине не может быть отдельной от прочей воды: рано или поздно она смешивается с ней и раскрывается, растворяясь в Реке. Река движется к Морю. Каждый преодолённый Предел – это маленький шаг к великому Морю Имён.

И Алей сделал шаг.

Он стоял на кухне своей малогабаритной квартиры, перед самой плитой, и не хватало здесь места ступить вперёд.

Но шаг был сделан.

Алей стоял на вершине обрыва.

Над головой его по светлой пелене облачного океана плыли, как корабли, более тёмные и низкие облака. Солнце всё ещё скрывалось за тончайшей туманной поволокой, но сама каменная чаша долины излучала горячий свет. Вздымались белые и золотые откосы меловых скал, сверкающие, будто выточенные из слоновой кости. Осыпи темнели, как чернь на серебре. С обрывов низвергались грохочущие водопады, окутанные миллионами бледных радуг. Напоенный влагой свежий ветер освежал и ласкал. В упругом, влекущем дыхании его пело и радовалось обещание невероятной свободы.

А внизу простиралось бушующее зелёное море, охваченное пламенем вечной весны. Молодая листва – озарённая, тающая, каплющая и струящаяся светом.

По горной долине, среди лесов и лугов несла свои могучие воды Река Имён.

Казалось, самые стихии не враждовали тут: жидкое, прохладное, живое, одушевлённое пламя и искристая, бликующая, пылающая вода, росная и талая, горячая и ледяная. Ими можно было дышать. В их формате можно было хранить информацию.

Справа серо-голубую ленту Реки пересекал ажурный железнодорожный мост. Он был настолько высоким и лёгким, что казался сплетённым из серебряной проволоки. Опоры не столько поддерживали полотно, сколько не давали ему воспарить в воздухе над блистающей прекрасной долиной, подняться и унестись по ветру, как паутинка.

Нефритовая Электричка ещё не показалась, но уже чувствовалось её приближение – как приближение некой разумной воли, исполненной мудрости и доброты.

Алея переполнял восторг. Невольно он старался дышать глубже, чтобы причаститься света этой долины, впустить его внутрь себя. Ветер вышибал слёзы из глаз, но зрение не туманилось, оставалось чётким. Минута ли прошла, час ли перед тем, как донёсся неторопливый стук колёс Электрички? Текла вода и текло время, но всегда можно было подняться по течению немного выше.

На мосту появилась Нефритовая Электричка, совершающая свой вечный рейс. Она сбросила скорость. Ни с чем нельзя было сравнить её – живую, осторожную, трепетно скользящую над Рекой в хрустальном воздухе, пронизанном огнистым светом. Зрение Алея так обострилось, что он видел белые занавески единственного плацкартного вагона. «Где-то там едет дядя Семён,

– вспомнилось ему, – Иней про него рассказывал… Странный дядя. Научил папу стольким вещам, а сам сидит в Электричке и ни гу-гу. А ещё там спят проводницы. Когда они проснутся, в Электричке нельзя будет оставаться… Она такая красивая. Она идёт к Морю. Но доехать на ней нельзя».

Тогда как? Как достичь Моря Имён?

Всё так просто.

Алей отступил на шаг, сойдя с камня, и сел на мягкую траву. Помедлил, огладил ладонью зелёный ковёр и улёгся на него навзничь, закинул руки за голову. Сияние небосвода не слепило глаз. Можно было смотреть на него и пытаться угадать, где сейчас солнце. Это Старица застыла в бесконечном полдне, а здесь сменяются времена суток, Река течёт сквозь ночи и дни. «А время года одно и то же, – подумал вдруг Алей. – Вечная весна. Время года меняется только у Моря Имён». Ему представилось зимнее Море – тихое-тихое, тёмное, окованное холодом, едва посылающее прибой к заснеженному берегу. А снег падает большими мягкими хлопьями, ложится тяжёлыми шапками на кроны деревьев, доверху засыпает молодые ели. И через сугробы, вся осыпанная искристыми льдинками, идёт Нефритовая Электричка… А осенью над Морем дождит, и поверхность его рябит от капель, и вздымается шторм, чтобы принести на белый песчаный берег новые чудные раковины и пахучие водоросли.

Алей прикрыл глаза, но не перестал видеть свет, исторгаемый пеленой облаков. «Мне не понадобиться плыть в Ялике, чтобы выплыть из Старицы в Реку, – подумал он, не столько рассуждая, сколько осознавая уже дарованное понимание. – К Реке я могу попасть и сам. Но папа у Реки как дома, а к Морю добраться не может. Мир Реки тоже закольцован, как мир Старицы. Просто на другом уровне. Папе нужен лоцман, который выведет его к устью. Нужен… поисковик. А Ялик и есть поисковик, и я могу его взять».

Умозаключение превратилось в путь, и путь предстал перед ним настолько же ясным и надёжным, как серебряное полотно Электрички. С запозданием Алей вспомнил, что не собирался никуда вести своего жестокого отца. «Что же, – подумал он, – всегда должен быть план «Б». Если папа не отпустит Инея иначе, чем получив своё – он получит. Но мне не нравится эта сделка, я не хочу её заключать».

И он задумался о том, как найти Инея.

Некогда поиск из Старицы казался ему непосильно тяжёлым. Алей путался в невероятном количестве информации, тонул в видениях. Река заключала в себе намного больше информации, чем можно было вообразить, но искать отсюда было легче. То ли Река, полноценная версия, не урезанная никакой чужой волей,

сама подсказывала ответы, то ли умения Алея возросли настолько, что поиск для него стал лёгкой задачей.

Он начал с начала. С проксидемона, злой железной змеи. Переполненная ядом змея кусала себя за хвост, и время возвращалось к истоку. У истока лежал самый первый мир, первый на пути Алея из родной параллели – тот, в котором осталась целой Ясенева дача, так и не покрашенная в синий «духовный» цвет.

Самая первая ассоциативная цепочка, которую с таким напряжением Алей плёл когда-то.

Дверь.

Море.

Фонарь.

Ливень.

Поезд.

Чем проще поисковая цепочка, тем больше у неё может быть смыслов и толкований. Цепочка поворачивалась другой стороной, и Алей понимал: он уже открыл дверь к Морю. Но путь ещё не закончен. Поезд только собирается выйти сквозь проливной дождь, сквозь ночной мрак, в котором тают и плавятся огни фонарей – выйти в путь к городу Ливню с Северного вокзала Листвы.

Алей почудилось, что он слышит переплеск воды в далёкой Реке. Она подсказывала имена.

Санкт-Петербург. Ленинградский вокзал. Москва.

Но было что-то ещё. Последнее звено цепочки, ключ к двери. И Алей принялся вспоминать.

Золотые, рыжие во тьме огни фонарей. Огонь, ветер, небесная вода, земля под рельсами: четыре стихии. Фонарные столбы. Четвероногие опоры линий электропередачи.

Глупая собака Луша и рыжий Клён Комаров, верный друг.

Алей встал, не открывая глаз, и коротко втянул воздух лёгкими.

Исчезли сияние, свежесть и воля, утих шум вечной листвы, истаяло дыхание речных вод. Алей Обережь вновь был у себя дома, в закопчённых стенах кухоньки, он стоял над кастрюлей готовых пельменей, и только зелёная растрёпанная ветка стучала в оконное стекло, напоминая… «Хорошо-то как, – подумал Алей, выключая огонь в конфорке, и вслух рассмеялся, чтобы не угасло бьющееся в сердце эхо счастья: – Хорошо!» Казалось, ничего на свете нет прекраснее Реки Имён; Алей понимал, что Море должно быть ещё прекраснее, но не мог в это поверить. «Как хорошо, что я поисковик, – сказал он себе. – Как хорошо, что я лайфхакер. Как хорошо… а, да чёрт с ним, как же хорошо, что папа всё это

затеял! Я же мог никогда, никогда всего этого не увидеть. На свете столько людей, которые никогда не смогут увидеть Реку. Это… обидно и грустно. Каким был бы мир, если бы все могли увидеть…»

– Все могут, – сказал чей-то скрипучий голос прямо из воздуха; Алей подпрыгнул от неожиданности и выронил половник. – Просто не все хотят.

– Вася?!

– Кто подписывался на голоса? – невидимый админ явственно ухмыльнулся.

– Вася, ты не вовремя, – выдохнул Алей, подбирая половник.

– Знаю. Не мог отказать себе в удовольствии, – Полохов засмеялся. – А ты не приписывай другим своих желаний. Это метод вредный и нездоровый.

– Вася, – проворчал Алей, – отстань пока что. Я тебя позову.

– Ну уж нет. Голоса в голове – они такие, им не прикажешь.

– Мало мне было твоего проксидемона!

– Видимо, мало.

– Вася, тебе заняться нечем?

– Ну что ты такой неприветливый, – обиделся админ. – Я на него пашу, можно сказать, а он хамит и меня посылает. Кто здесь чей Якорь, вообще?

Алей демонстративно выложил пельмени в тарелку, заправил маслом и сел есть.

– Никто, – сказал он, жуя, – ничей.

Полохов замолчал. И молчал некоторое время, но не исчезал – Алей спиной и затылком чувствовал его взгляд. Админ сканировал изменения в системе: произошёл апгрейд.

– Ах да, – сказал наконец Вася с усмешкой. – Поздравляю с первым Пределом.

– Спасибо.

Утром был понедельник, одиннадцатое июня.

Надвигалась гроза.

Вчера здесь сильно парило. Камень, асфальт и земля высохли, отдали влагу воздуху, и плотный, ватный медленный ветерок не давал продохнуть. К лицу как будто прижимали горячую тряпку, грудь теснило. Но теперь надвигалась гроза, тёмная, как ночь. Сумерки опускались на город, а над острыми шпилями высоток, едва не задевая их, быстро шли свинцово-чёрные тучи. Скоро должно было громыхнуть.

– Пап, – сказал Иней, – а мы промокнем?

Ясень улыбнулся.

– Ну это уж как ты сам захочешь.

Иней заморгал.

– Чего?

Белый крыс глянул на него с папиного плеча алыми бусинками глаз и косолапо переступил задними ногами. Крыса звали Эн, и он Инею не нравился. Даже не хотелось его погладить.

Папа взял Инея за руку и отвёл к ближайшей подворотне, под крышу, а там присел на корточки.

– Смотри, – сказал он, – ты можешь прямо сейчас дождь пролить, и тогда мы тут постоим, а можешь его удержать, чтобы мы в метро успели.

– Я? – растерянно переспросил Иней.

Ясень фыркнул.

– Я могу, конечно. А ты разве не хочешь попробовать?

Иней открыл рот. Папа засмеялся:

– Я так полагаю, что у тебя должно получиться.

«Ой, мама», – испуганно сказал Иней про себя, а вслух спросил:

– Что – получиться?

Папа весело зажмурился.

– А в понарошку играть, – объяснил он. – По малости пока. Воду из волшебной реки ты пил, в волшебном поезде катался – значит, ты и сам теперь немножко волшебный.

– Ой, – сказал Иней.

– И не ойкай, – покровительственно сказал папа. – Вот, посмотри вверх.

Иней послушно поднял лицо.

– Видишь тучи? Видишь, как их ветер гонит? Представь, что ты понарошку ветер. Ты сам их двигаешь.

Бессознательно Иней сжал кулачки, но сразу почувствовал, что так делать неправильно. И он разжал пальцы, представляя, как держит в ладонях что-то большое и пушистое, вроде здоровых плюшевых мишек.

– Молодец, – одобрил папа.

Плюшевые мишки так и рвались прочь из Инеевых рук. Иней напрягся, пытаясь удержать их. И ветер утих. Ход облаков замедлился. Они тяжелели на глазах, и тяжесть оттягивала руки Инея.

Ясень встал.

– Ну, – сказал он, следя взглядом за тучами, – решай теперь. Сейчас грозу включать или потом?

Иней подумал.

– Я бы так сделал, – рассудительно сказал он. – Я бы сначала маленький кусочек грозы пролил, чтобы похолодало и дышать

стало легче. А потом бы ещё немножко подождал, пока мы в метро успеем, и остальное вылил.

– Вот это мудрое слово, – согласился Ясень. – Давай.

Иней озадаченно покусал губу и жалобно спросил:

– Что давать?

– Молнию, конечно. Ты чего? Природоведение прогуливал? Не знаешь, отчего гроза бывает?

Иней нахмурился от обиды. Он в жизни не прогулял ни одного урока. Только когда честно болел. Правда, он иногда не слушал, что говорит учительница, потому что шептался с Лёнькой, но уж про грозу-то он с детского сада знал. Надо было столкнуть тучи. Иней с усилием приподнял воображаемых плюшевых мишек и как мог резко сдвинул их.

Ослепительный свет разодрал небо над головой. Иней вздрогнул. Папа охнул: «Ого!» – и звонко рассмеялся: «Ну-ка, ещё!» Иней послушался, и молнии засверкали снова. Они были ужасно близко, так близко, что делалось страшно. Иней читал про то, что молния может попасть в человека и убить на месте. Но испугавшись, он сейчас же понял неведомо откуда, что молнии никогда не попадут в них с папой. Потому что они командуют молниями.

Тяжеленными ножищами переступил гром. Ливанул дождь – сплошной серой стеной, за которой вмиг скрылись не только дома по ту сторону улицы, но и сама улица. Отчаянно завопили автосигнализации. Закрывая головы руками, пробежали какие-то люди, и Инею стало стыдно за то, что он их намочил. Ещё одна женщина изо всех сил пыталась открыть жёлтый зонтик, но порывы ветра рвали зонтик у неё из рук и выплёскивали пригоршни холодной воды прямо в лицо и на волосы. Иней рассердился на ветер и поймал его за холодный хвост. Ветер исчез. Он мог жить, только пока двигался. Почти как акула.

…молнии никогда не попадут в них с папой, потому что попадут туда, куда они с папой захотят.

– А вот в городе не надо с молниями тренироваться, – заметил папа. У Инея морозец пробежал по спине. – Промахнёшься ещё, попадёшь куда-нибудь не туда… или вообще в кого-нибудь. Потом всю жизнь будет стыдно.

– Я не буду в городе тренироваться, – сказал Иней. Откровенно говоря, он вообще сомневался, что когда-нибудь станет тренироваться. Страшновато было.

– Да брось, – улыбнулся папа, – это ж весело. И красиво. Вот влюбишься в девочку, будешь ей фокусы показывать.

Иней насупился.

– Я не буду влюбляться, – пробурчал он.

Папа только рассмеялся. Потом уставился, приложив ладонь козырьком ко лбу, в стену дождя, как будто она была телевизором и что-то ему показывала. Струи били так сильно, что в подворотне нельзя было совсем укрыться от них, они отбивали от асфальта рикошетом, а скоро по улице побежали настоящие ручьи. Эн юркнул папе за пазуху. Углядев что-то в серой пелене, Ясень заметил:

– Как почувствуешь, что первый дождь пролился, останавливай его.

Иней сосредоточился. Плюшевые мишки в его руках мало-помалу становились легче. Но очень медленно. Надо было выждать ещё. И он выждал, а потом силой желания прекратил дождь. Он так и не понял, как это вышло; кажется, он приподнял мишек и запер их на лёгкий замок. Вроде того. Дождь лился ещё несколько секунд, пока выплаканные капли летели до земли с облаков, а потом всё стихло.

– Пошли, – бодро позвал Ясень. – Ух, луж-то, луж! Что ж ты столько луж налил! Ноги мокрые будут.

Иней тихо засмеялся. Ему понравилось управлять дождём.

– Извини, – довольно сказал он. – Папа, а куда мы идём теперь?

– На Ленинградский вокзал, – сказал папа. – Надо нам Эна на поезд посадить. Я ему обещал.

– На поезд? – переспросил Иней и догадался: – На Нефритовую Электричку?

– Именно, – папа потрепал его по макушке.

– Но разве она приходит на вокзал?! – изумился Иней. – Она же волшебная!

Папа покосился на него сверху вниз. В чёрных глазах блеснула хитринка.

– Она приходит куда угодно, Инь. Куда позовёшь. Только надо уметь позвать.

И они пошли к метро, прыгая через лужи. По пути проходящий автобус окатил их водой, и папа смешно обругал автобус. Штаны Инея стали мокрым-мокры, попытки огибать лужи как-то потеряли смысл, но он всё равно перебирался через них вскачь, просто так.

Инею всё время хотелось спросить, почему они убегают от Алика и когда они наконец к Алику вернутся, но он никак не мог улучить минутки. То папа был чем-то занят, то хватал его за руку и чуть ли не бегом тащил за собой, и было уже не до вопросов, а то вдруг он начинал учить Инея разным волшебным трюкам. Иней уже научился управлять ветром и чуть-чуть читать и внушать мысли. Последнее занятие было очень неудобное и

стыдное, словно подглядывать в душ. Но папа решил научить Инея этому не просто так, не для любопытства. Папа на перекрёстке увидел, как лихач проносится на красный свет, и вдруг очень рассердился на него и испугался за Инея. Стал тренировать Инея на машинах на перекрёстке: определять, кто из водителей когда собирается жать на газ, останавливать дурных лихачей. А больше ничего, ничего плохого.

Теперь вот дождём управлять научил. Немножко.

Иней вздохнул. Мультфильм из его жизни теперь получался интересней некуда. Только он устал сильно. От сказки быстро устаёшь, оказывается, когда ты внутри неё… Инею хотелось вернуться домой. Ну, не совсем домой, не к Шишову, конечно, да и маму встретить он теперь просто боялся. Совестно было. Мама точно начнёт плакать так безутешно, как будто Иней не вернулся, а вовсе даже наоборот. Вернуться хотелось к Алику и к Лёньке. Вот Лёньке рассказывать про всё, что случилось, будет очень здорово. Иней представил, как Комаров станет разевать рот и потрясённо хватать его за руки. Выходило так смешно, что он малость приободрился. Ну правда же. Когда-нибудь всё кончится, он вернётся к друзьям и к Алику и сможет веселиться, рассказывая о закончившемся всём… Наверно, и фокусы покажет.

…Вокзал был полон народу. Кто-то сидел на чемоданах и спал с открытыми глазами, кто-то лежал на чемоданах и просто спал, не слыша гремящей музыки. Другие присматривались к книжкам в открытых лавках или курили на перроне. Ясень уверенно свернул к крайней платформе.

Там никого не было. Совсем никого, ни пассажиров, ни проводников, и поезд стоял пустой, с открытыми дверями, будто приглашал: заходи, садись. Но никто не входил и не садился. И сам вокзал будто отодвинулся в сторону со всем своим шумом и толкотнёй. Невидимое стекло опустилось с небес и отгородило его.

Дождь стих, когда Ясень ступил на платформу.

Держа Инея за руку, он прошёл ко второму вагону и там остановился. Белая крыса выскользнула из ворота полурасстёгнутой куртки и взобралась старшему Обережу на плечо.

– Ну вот и всё, – сказал Ясень крысе, – пришли.

Он сел на корточки и протянул руку к открытой двери вагона. Алые глазки крысы обратились сначала к Ясеню, потом к поезду, крыса сбежала по руке от плеча к кисти, а потом взлетела в упругом прыжке, точно пущенная пружинкой, и приземлилась уже в тамбуре.

– Над тамбуром горит полночная звезда… – вполголоса

пропел Ясень и усмехнулся. Лицо его стало тёмным и жутковато-хитрым, неласково-насмешливым. Иней отступил на полшага и сжал руки. Ему не нравилось, когда папа бывал таким. Такой папа его пугал.

– Кондуктор не спешит. Кондуктор понимает… – Ясень встал. Крыса смотрела на него в дверной проём. Взгляд её был осмысленным, как у человека.

– Это Нефритовая Электричка, – сказал Ясень то ли крысе, то ли Инею. Иней посмотрел на поезд и поёжился. Он хорошо знал, как выглядит волшебная Электричка, и хмурый поезд на неё совсем не походил. – Она мимикрировала под местный поезд. Когда она отойдёт от перрона, то вернёт себе обычный облик. У неё четыре вагона. Первый – плацкартный, и туда я тебе заходить не советую. Пока.

Крыса молча смотрела на него.

– Удачи, – сказал Ясень. – Прощай.

И, повинуясь его слову, Электричка сомкнула двери. Тяжело вздохнув, она подалась назад, а потом медленно, медленно начала набирать ход. Иней следил за ней во все глаза. Отойдя от перрона, она никуда не исчезла, а продолжала удаляться, как самый обычный поезд, но Иней неясно чувствовал, что папа не соврал, сейчас Эн, белая крыса, уже едет на настоящей Электричке среди туманных цветущих рощ…

– Папа, – тихо спросил Иней, – кто это… был?

– Это нехорошее существо, – ответил папа, провожая Электричку взглядом. – Проксидемон Эн. Норовил Алика обидеть.

Услыхав о брате, Иней встрепенулся.

– Но один раз в жизни, – продолжал Ясень задумчиво, будто рассказывал сказку, – у него возникло доброе желание. Вернее, два добрых желания. И хотя он всё равно думал только о себе… я решил их исполнить.

– Какие желания?

– Стать свободным. Стать человеком.

Иней заморгал.

– Папа, – робко спросил он, уставившись в мокрый асфальт под ногами, – а ты его обманул?

Папа зыркнул на него насмешливым чёрным глазом.

– А ты сам догадайся.

Иней вздохнул.

– Вроде бы нет. Кажется. Но…

– Но я не обо всём ему рассказал, – кивнул Ясень. – Расскажи я всё как есть, он отказался бы от добрых желаний и остался со злыми. И никому оттого не стало бы хорошо, в первую голову – ему самому.

– А…

– Проводницы, – ответил папа на незаданный вопрос Инея. – Рано или поздно в поезде проснутся проводницы. Они растерзают его. Огнём, светом и ужасом они уничтожат его злую суть, всю, кроме единственного зерна души. Пройдут века, и это зерно сможет родиться и стать человеком.

Иней не всё понял в папиных объяснениях, но стало ясно, что предстоит что-то очень жуткое… такое, что и не вообразить. Не описать ни в какой сказке. От жути ему стало так холодно, что он перестал чувствовать пальцы ног в ботинках. Он низко опустил голову и оцепенел, не зная, что сказать.

– Да ну тебя! – весело сказал папа. – Что-то ты разнюнился, мужик.

Иней несмело поднял глаза.

Папа улыбался, как ни в чём не бывало. Он стал совсем прежним. И Иней заметил, наконец, что папа тоже очень устал. Он радовался так, как будто почти закончил трудное, очень трудное дело, почти достиг цели и уже предвкушал заслуженный отдых. Иней улыбнулся ему, порадовавшись заодно. А потом понял, что невольно прочитал чуть-чуть папиных мыслей, и покраснел как рак.

Папа расхохотался.

– Ладно, – добродушно проворчал он, – ладно тебе. Я же разрешил.

Иней облегчённо выдохнул и тоже улыбнулся.

– Пап, – спросил он, – а что нам ещё осталось сделать?

Ясень сощурился по-лисьему хитро: узкие глаза его сошлись в щёлочки, в которых горели лукавые огоньки. Улыбка его сделалась просто-таки до ушей. «Хоть завязочки пришей», – вспомнил Иней и фыркнул.

– Нам, – сказал папа, – осталось самое интересное. Мы будем ловить Алика.

– Ловить?! – удивился Иней и скорее подумал, чем сказал: «Мы же так долго от Алика убегали!»

– Именно, – подтвердил Ясень и просиял, как солнце в тучах: – Держись, мужик! Ничего не пугайся. Я с тобой.

Четвертым в команде Летена на этот раз стал Волен, низкорослый, сутулый человечек, постоянно улыбавшийся. Даже дружелюбная улыбка не красила его маленькое, словно стиснутое в кулачок лицо. Светло-голубые глаза Волена постоянно были расширены, так, что между краями радужки и веками открывался белок, и оттого казалось, что Волен то ли под кайфом, то ли маньяк в приступе мании.

За рулём снова сидел Корней. Мая не было. Алей помнил, что Май, оценив опасность, отказался участвовать в развлечениях Воронова. Подумалось, что лучше бы с ними остался расслабленный, холодный стрелок Май… Тёмным излучением окружало Волена чувство неуюта и какой-то казённости. Ассоциации продолжались сами собой: грубо покрашенные стены, ржавчина, штукатурка, вонь, страдание и агрессия. Выщербленной стеной вставала безличная жестокость государственной машины. Алей только и делал, что пытался закрыться от этой тьмы, но не удавалось. Его охватывали досада и злость. Он утешал себя тем, что у всего есть плюсы и минусы, но… Стоило оттачивать интуицию и развивать сверхъестественную проницательность, чтобы в итоге остаться без кожи на ледяном ветру!.. Плюсы и минусы и побочные эффекты: мало пересечь Предел, нужно ещё освоиться по ту сторону.

Алей искоса бросал взгляды на Летена; тот, отойдя в сторону, говорил по мобильнику. Воронов, конечно, ничего подобного не чувствовал, а если и чувствовал, то такие вещи его не раздражали. Несомненно, они были частью его тоннеля, его личной вселенной; но – пренебрежимо малой частью, в то время как мир Волена ими ограничивался.

Устав бороться с собственным обостренным восприятием, Алей решил пойти от противного. Он зафиксировал свои ощущения от присутствия Волена и превратил их в стартовое звено поисковой цепочки.

Он даже не успел удивиться тому, каким стремительным и лёгким стал его поиск. Ответ едва ли не опережал вопрос.

…Волен сидел в машине Летена на переднем сиденье, рядом с Корнеем. Он не мог никому мешать, но всё равно сжимался, стараясь занять меньше места. Здесь он был в самом низу иерархии.

А Алей видел его Якорь.

Человека, который держал Волена в координатах шконки, параши и баланды, на вечном этапе. Того, кто с рождения до смерти мотал его между волей и зоной. Неприязнь Алея ушла, он ощутил острое сочувствие и понял вдруг, что может сейчас одним прикосновением вытолкнуть Волена в огромный прекрасный мир… Нет, Волена Птицына Чекалова невозможно было вывести за Предел: слишком он был от него далёк. Но Алей мог дать ему другой тоннель. Сделать привязку к другому Якорю. Подарить полубезумному маленькому человеку пусть столь же неполное, но куда более милосердное бытие. Как это говорил Вася? «Видишь тоннель. И видишь, в какое место надо пнуть, чтобы человека из тоннеля вытолкнуть». Элементарно, за пару минут, по своей

воле… У Алея даже голова закружилась от сознания могущества. Раньше, оценивая подобный поступок теоретически, он находил его неэтичным. Но если доброе дело сделать так просто, если всё в твоих руках, то почему нет?.. За пару мгновений, всё ещё размышляя об этике, он успел нащупать стенки Воленова тоннеля: физические свойства пластилина, текстура бетона… Быстро выделил основные понятия, опорные точки – одну, вторую, третью. Вот они. Некритическое восприятие. Животная иерархия. Дикий, непреодолимый, глубинный страх, похожий на уродливую слепую рыбу с полной зубов пастью… Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю. Переверну душу. Чужую душу, которая более для меня не потёмки.

…И Полохов, Вася-демиург, преградил ему путь.

– А ему там удобней, – напомнил голос в голове Алея. – Ему так понятней.

Морозец сбежал по спине. Алей открыл глаза, судорожно встряхнулся, озираясь, и запоздало вспомнил, что слышит Васю только он сам.

«Вася» – неуверенно подумал он.

– Я, я. Ты руки-то не распускай, ордынец.

«Извини».

– Да я-то тут при чём? – удивился демиург. – Я так, поржать пришёл. Сколько этических ограничений придумывает человек, который мало что может, и как они разлетаются сразу, только он власть почует. Да не хнычь ты, это естественно. Меня в своё время тоже дрючили. Ты вспомни, что ты сам мне говорил раньше. Или не мне? Осени? Чёрт, я не помню, неважно. Ты вроде хотел лайфхакинг бросить, потому как не знал, во что выльются систематические взломы Пределов в масштабах мироздания. Мироздание, скажем прямо, как-нибудь это переживёт. Но всё равно не надо шаловливыми ручонками в чужих судьбах копаться. Ты не Золотой Шар, чтобы счастья всем даром. Ломать – не строить.

– Я понял. – Забывшись, Алей сказал это вслух, и на него обернулись. Вася немедля исчез.

Алей остался наедине с тремя хмурыми спутниками.

Корней быстро утратил к нему интерес и вновь задремал, устроившись поудобнее в водительском кресле. Иное дело Волен. Он и раньше бросал на Алея заинтересованные взгляды. Теперь он смотрел на него неотрывно, улыбаясь вежливо, но чуть развязно. В первобытной иерархии, которая определяла и строй мыслей, и всю жизнь Волена, ранг Алея был ниже его собственного, но Алей принадлежал Летену, альфа-самцу и вожаку стаи, и потому к Алею надо было относиться с почтением,

не забывая, впрочем, о настоящем положении вещей… «Тьфу ты», – подумал Алей беззлобно. Невероятно хитрые и в то же время невероятно примитивные соображения Волена его скорее смешили. Разум Волена открывался легко. Легче было читать его напрямую, чем искать что-то в информационном пространстве. «Дважды судим. Первый раз по малолетке. Оба раза – за многочисленные кражи. Ещё в двадцати одной краже не сознался, три приписаны другому вору, восемнадцать остались «висяками». Освобождён условно-досрочно за примерное поведение. Зачем он Летену?»

Но мысли Воронова читать было намного сложнее.

Сложив телефон и сунув его в карман, подошёл Летен. Сел в машину рядом с Алеем, откинулся на спинку сиденья, потянулся, крякнув. По лицу его скользнула тень улыбки.

– Понял? – переспросил он у Алея, и Алей машинально кивнул. – Тогда поехали.

«Блик! – подумал Алей. – Он решил, что я уже нашёл дорогу». Но возражать он не стал. Он уже знал, где сейчас Иней, а провесить тоннель мог за долю секунды.

– Куда теперь поедем? – спросил Корней.

– Куда угодно, – ответил Алей. – Нужен отрезок дороги или глухой переулок, где машину некоторое время никто не будет видеть.

Корней поразмыслил, почёсывая нос.

– Глухой переулок? – пробормотал он. – Глухих много, но чтоб такой, где никого нет… На Шаболовку, что ли, поехать, где цеха? Нет, там машин много. В парках народу полно. Придётся за город.

– За город, так за город, – согласился Летен и окликнул: – Волен!

Волен торопливо обернулся через спинку сиденья.

– Ты сегодня много чего увидишь, – сказал Воронов. – О том, что увидишь, молчать до гроба. Понял?

Улыбка бывшего зэка сделалась ещё шире, он захихикал:

– Обижаешь, начальник!

– Начальник твой на зоне, – очень мягко поправил Воронов. – Меня Летен Истин зовут.

Волен съёжился и побелел.

Корней тронул машину с места и включил музыку. На диво хороший вкус оказался у него: в джипе зазвучал Мендельсон, «Рондо каприччиозо». Джип выехал со двора, миновал известковый белый проулок с чередой ржавых гаражей, притормозил, пропуская маму с детской коляской. На улице было светло, зелено и пустынно, но вдали гуляли ещё две молодые

мамы, навстречу им шёл старичок с палочкой. Солнце сияло ярко – ярче не бывает… Корней вырулил к шоссе и поехал по направлению к Новому Пухово. Алей бездумно смотрел в окно. Считав тоннель Волена, он смог отгородиться от неприятных ощущений и теперь просто ждал. Сколько ещё продлится преследование? День, два? Ясень не позволит настигнуть себя так легко. Но старший сын стал равен отцу. Скоро он его догонит… «И всё-таки папа был прав, – подумалось Алею. – Конечно, методы у него скверные. Но он добился своего. Я иду за ним след в след. Только к Морю я его не поведу, ни за что. Я не хочу».

Показались белые высотки Нового Пухово. Тротуары стали совсем безлюдными, но по шоссе то и дело пролетали одинокие машины. В полуоткрытых стеклянных коробках автобусных остановок ждали люди – где один, где двое. Тем, кто искал полного одиночества на дороге, нужно было ехать дальше.

Клёна с неразлучной собакой Алей заметил издалека. Но полудрёма долгого пути уже владела им, и опомнился он, только когда машина уже проехала дальше, метров полста.

– Корней, извините! – торопливо окликнул Алей. – Можно остановиться? Ненадолго.

Тот что-то хмыкнул и притормозил. Выскакивая из машины, Алей решил, что вышло даже удачно. Чужие люди далеко, с Лёнькой удастся поговорить почти что наедине.

Клён сидел на автобусной остановке, на новой, блестящей металлической скамейке и смотрел себе под ноги. Его колли, примостившаяся рядом, тоже выглядела понурой – не смотрела по сторонам, не принюхивалась. Тихо, согласно грустили рыжая собака и её рыжий хозяин, одинокие, потерявшие лучшего друга.

Алей быстро шагал к ним. Он не знал, о чём, собственно, хочет поговорить, но очень чётко помнил, что Лёнька стал финальным звеном ассоциативной цепочки. Был вокзал, был дождь, был поезд в чужой город чужого мира, но закончился поиск всё же на рыжем пареньке. «Лёнька что-то подскажет, – предположил Алей и тотчас почувствовал, что предположение верное. Сердце заколотилось: – Будет ещё одна ключевая точка. Возможно, решающая».

– Привет, – сказал он, прислонившись к стеклянной стене остановки. – Лёнь, чего грустишь?

Комаров поднял голову, искривил уголок рта. Отчаянно грустный имел он вид. Даже веснушки поблёкли, и точно выцвели голубые глаза. Алею стало бы его жалко – но Алей верил, что скоро вернёт Лёньке-часовому его знамя, и пора была уже не грустить, а ждать и надеяться. Алей улыбнулся.

– Да я не грущу, – неуклюже соврал Комаров. – Я это… с

собакой гуляю. Вот.

– А чего один?

– А-а… А Инька в лагере.

– Лёнь, – сказал Алей, – да у тебя же друзей целая школа. Неужели все в лагере? Погулял бы с друзьями.

Комаров скривился и опустил голову низко-низко, чуть ли не носом ткнулся в колени. Алей подошёл и присел рядом.

– Да ну… – пробормотал Клён. Тяжело вздохнул и сказал: – Алик, я честное слово дал.

– Не гулять ни с кем, кроме Иньки? – удивился Алей.

– Нет… Делать вид, что всё в порядке. А я… а я не могу так, – Лёнька болезненно зажмурился. – Мне вот, Алик, мне так в груди тяжело. Я не могу. Поэтому я вот всё время гуляю, только один сижу. Чтобы меньше притворяться надо было. У меня не получается. А ты, – Лёнька чуть-чуть оживился, – ты по делу едешь, Алик? Ты к Иньке едешь?

– Да.

Клён прерывисто вздохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Вот хорошо как, когда такой брат есть. Если бы у меня такой брат был, здорово было бы. Ты ведь его спасёшь, Алик, правда?

– Обязательно, – сказал Алей и потрепал Лёньку по морковным вихрам. Лёнька фыркнул – и снова ссутулился.

– Хорошо… – повторил он и вдруг сказал с ожесточением: – Я помню, как ты говорил, Алик: «Ты, Лёнька, сам становись таким классным старшим братом». И чего? Я же маленький. Я, может, потом стану. А надо – сейчас. Если бы я сейчас большой был, я бы тоже Иньку спасал. Почему маленькие только в мультиках могут кого-нибудь спасать?!

Луша заскулила, завиляла хвостом и положила голову Алею на колени. Алей погладил собаку и вздохнул. Почему-то он вспомнил себя: как две недели назад, в квартире демиурга Полохова говорил Васе: «Я должен уметь то, что умеет мой отец, и прямо сейчас. Десяти лет на тренировки у меня нет». Он хорошо понимал Лёньку.

И вслед за этой мыслью пришла другая: не столько мысль ещё, сколько смутной озарение, дар интуиции, не дающей промахов. И Алей сказал:

– Нет. Это не так.

Клён моргнул. Посмотрел на него с удивлением. Алей набрал в грудь воздуха, всё ещё не понимая, что он должен узнать. Спросил первое, что пришло в голову:

– Лёнька, а во что вы играли с Инеем? Инька не рассказывал никогда. Это вроде как ваша тайна. Но мне важно узнать.

Клён задумался, поскрёб в затылке.

– Ну… – начал он. – Ну… мы много во что играли, например… знаешь, в овраге такие места есть… там ветки, как будто двери.

– Арки, – подсказал Алей.

– Ну да. Мы под ними проходили и играли, как будто попадали в другие миры. Как будто если пройти там, где тебя никто не видит, можно попасть в другой мир. И мы играли так, как будто… ну, там на самом деле были другие миры. И мы их видели. То есть… – Лёнька напрягся, подбирая слова: – Ну смотри. Мы попали как будто в другой мир, и я спрашиваю – Инька, ты чего видишь? А он говорит – я вижу большой город, там машины, магазины, всё такое. А я ему – на углу магазин игрушек, правильно? А он говорит, что правильно. А я задумываю, что перед магазином синяя машина стоит, и спрашиваю: Инь, а какого цвета машина там стоит? А он и отвечает, что синяя.

Глаза Алея медленно лезли на лоб. Он ожидал чего угодно, но не этого.

– Или вот ещё, – старательно продолжал Лёнька. – Мы же в лесу играли. И вот пойдём так подальше и играем, как будто попали в волшебный лес. И я говорю: Инь, смотри, вот течёт волшебная река. А он говорит: ой, точно, я тоже её вижу. Она такая красивая. Видишь обрыв, а под ним песок? А я вижу, я спрашиваю: а ты корягу видишь? И берёзки. И малину. И мы понарошку собирали малину и ели… Вот так, Алик.

– Так вы играли… – повторил Алей и чудом успел прикусить язык, проглотив невозможное «…или попадали?!» Торопливо закончил: – в другие миры…

– Да, – просто сказал Лёнька и пытливо заглянул ему в глаза. – Это правда важно?

– Это очень, очень важно, – медленно сказал Алей.

Он ещё не знал, чем, но такое не могло оказаться простым совпадением. Инька. Волшебная река. Место, где тебя никто не видит… «Чертовщина, – ошалело думал Алей. – Этого не может быть, просто не может. Это безумие какое-то».

– Лёнь, – осторожно спросил он, – а кто эту игру придумал?

Комаров расплылся в улыбке.

– Инька.

Он снова затараторил, как включённое радио, и всё говорил-говорил, какая классная была игра, как ему нравилось, и что они с Инькой угадывали мысли друг друга и как будто ну совсем по-настоящему видели другие миры, и как Лёнька пытался играть в эту игру с сестрой Липой и другими приятелями, и ничего не получилось, они только поссорились, никто не мог видеть того,

что видел Лёнька, и поэтому они с Инькой настоящие друзья, самые-самые друзья, лучше не бывает… Лёнька оживал на глазах. Ему очень хотелось поговорить хотя бы о друге, если не с ним самим. А Алей не отвечал. Он почти не слышал Лёнькиной болтовни.

Лес. Волшебная река. Иней.

Инею не нужен был проксидемон.

– Надо же, – сказал Корней. – Переехали. Вот те раз. Лёд, наблюдаешь?

Алей встрепенулся.

– Вижу, – поддержал Летен. – Хорошо, что я про это подумал.

– Про что? – осторожно спросил Алей.

Машина стояла в пробке на подступах к Ленинградскому вокзалу в Москве. О том, что это Москва, Алей прочитал на бетонной стеле, когда они возвращались из-за городской черты. Ещё дома, в Листве, Алей некоторое время высматривал глухие переулки, но опытный Корней сказал, что дело это бесперспективное, и уверенно направился за Кольцевую. Алей молчаливо с ним согласился и погрузился в размышления. Слова Клёна потрясли его настолько, что он совершенно перестал воспринимать действительность. Когда дорога опустела, а густой лес заслонил ряды высоток на горизонте, Летену пришлось окликнуть Алея и напомнить ему о тоннелях и перемещениях… Благо, Алей помнил координаты: менее чем через десять минут Корней развернул машину.

– Деньги, – сказал Корней. – Видишь рекламный щит?

Алей наклонился к окну. Со щита обещали выгодные кредиты. Название банка было знакомым. Но половину щита занимала фотография пачки тысячерублёвок.

– Да, – растерянно согласился Алей. – Здесь деньги другие.

– Выглядят по-другому, – поправил Летен с усмешкой, – а в сущности те же самые.

Алей упёр палец в середину лба.

– То есть… – неуверенно начал он.

– Местных денег у нас нет, – сказал Корней, – и документов тоже. Заметут – будут проблемы.

Он ворчал, но озабоченности в нём не было ни на гран. Корнея эта ситуация забавляла.

Алей подумал, что неспроста этот могучий небрежный человек остался с ними. Корней казался равнодушным ко всему, но риск любил не меньше, чем Летен. Куда более удивляло то, что идея прогулок по мирам не казалась ему странной и не вызывала в нём ни малейшего душевного трепета. А ведь Корней

был сугубым прагматиком. Он даже фантастику не читал.

Алей опять опоздал понять, что сканирует человека напрямую без его разрешения. Он поморщился, но было уже поздно, да и не затевал он ничего плохого, поэтому решил продолжить.

…Корней Вишнин Решетников, в данный момент – автоинженер. Участвовал в боевых действиях. Удостоен звания Героя Росы…

Ёкнуло сердце.

Алей сглотнул и зажмурился, благодаря Реку Имён за то, что она отдавала ему в видении не сам момент совершения подвига, а только сухую статью в какой-то базе данных. Проявил героизм в ожесточённых боях… Уничтожил четыре огневые точки, обеспечил успешное продвижение своего подразделения. Первым ворвался… Дальше читать было невозможно, строки таяли в серой пикселизации, сквозь них начинало проступать пламя. Алей судорожно встряхнулся, отгоняя видение. «Вот, значит, как, – подумал он, почти с робостью глядя в Корнеев бритый затылок, и откуда-то понял – мысль нахлынула, как волна: – Герой. Человек, который тыкал пальцем в потолок Господень. До потолка можно достать по-разному».

Он предположил, что ветеран мог стать адреналиновым наркоманом, но тотчас со стыдом понял – нет. Корней был просто бесстрашен.

– А как мы на поезд сядем? – сказал Корней. – Мы же на поезд собрались.

Летен хмыкнул.

– Я, конечно, попробую обналичить с кредитки, – сказал он, – но что-то мне подсказывает, что не получится. Ну, – он усмехнулся, – деньги – пыль. Будет день – будет пища. Я так думаю. Правда, Воля?

Волен подобострастно улыбнулся.

И Алей с омерзением понял: карманник.

Воронов заранее подумал о том, что в другом мире могут быть другие деньги, и поэтому прихватил с собой вора. Простейшее решение проблемы… Один спутник – Герой, второй – зэк-рецидивист. Алей покачал головой. В этом Летен был весь.

Нет. Ещё Летена сопровождал Алей Обережь, лайфхакер, пересёкший Предел и видевший Реку Имён, обладавший – что лгать себе? – сверхъестественными возможностями. Третий спутник.

И вот в этом действительно был весь Летен.

План-перехват, в сущности, тоже составил Воронов. После

двух промахов он решил, что надо менять тактику, и самостоятельно, раньше Алея нашёл выход. До сих пор Алей определял точку, где отец с Инеем находились в данный момент; пытаясь настигнуть их, он неизменно оказывался на шаг позади. Воронов велел: «Ищи то место, где мы их поймаем», – и подсказал искать место ночлега. «Как хищник, – думал Алей, – или охотник…» Метод Воронова выглядел эффективным и жестоким. Почуяв близость преследователей, Ясень срывался с места. Будь он одиночкой, Алей не догнал бы его никогда – отец попросту был опытнее и сильнее. Но на руках у Ясеня висел груз, с которым тот не мог расстаться.

На сколько хватит сил маленького мальчика? Детям надо спать. Раньше или позже из груза Иней начнёт превращаться в якорь.

«Якорь», – безмолвно повторял Алей. Сколько ассоциаций было связано с этим понятием! Но вспоминался ему перевод из словарей Ялика: «якорь спасения, символ надежды, железная связь, спортсмен, бегущий на последнем этапе». О, если бы и впрямь – на последнем! Об этом, кажется, впору было кому-нибудь помолиться. Алей был атеистом и Бога поминал только всуе; просить ему сейчас хотелось Реку Имён.

Или, может быть, Море.

«Нэрэйин далай, – выплыло вдруг откуда-то из безмерной дали, – нэрэйин далай…» «Море имён» по-монгольски.

…Раньше или позже Иней начнёт засыпать на руках у отца. Если отец будет упорствовать – ребёнок впадёт в беспамятство от усталости. Ясень может раздобыть машину и уложить сына на заднее сиденье – но машина пройдёт не всюду. А преследователям, по сути, достаточно только увидеть его, поймать в прицел взглядов, и он уже не сможет исчезнуть.

Предельный поиск дал Алею знать, что автомобилю отец предпочёл поезд: дешёвый и медленный ночной рейс с остановками в Твери, Лихославле и Вышнем Волочке. Что же, в поезде можно отоспаться, если нет других вариантов. Кажется, выхода Алей отцу действительно не оставлял. Это обнадёживало. Зачем нужен рейс с остановками, Алей понимал и без предельного поиска: каждая остановка – лишний шанс ускользнуть.

Не понимал он другого: почему поезд Москва – Санкт-Петербург выходит с Ленинградского вокзала, и что такое вообще Ленинград. Впрочем, история чужой параллели волновала его сейчас меньше всего.

– Приехали, – сказал Корней, и Летен отозвался:

– Давно я вокзалов не видел. Больше самолётами. Пойдём,

осмотримся, что ли, Алик.

Они поднялись по короткой лестнице и вошли в тёмный вестибюль. Корней и Волен остались ждать в машине.

– Ищи, – велел Летен, пока они медленно шли по залу ожидания, обрамлённому рядами ярких магазинчиков и кафе.

– Что? – рассеянно переспросил Алей.

– Поезд.

– Ночной, – автоматически ответил Алей. – Скорый, отправление в час десять минут. Вагон и место не знаю.

Летен остановился.

– А зачем мы так рано выехали? Двенадцать часов ждать? Ясень Лазурин двенадцать раз нас выследит и передислоцируется.

Он ничуть не сердился, говорил с иронией, но Алей всё равно съёжился под насмешливым взглядом. «Правда, надо было подумать об этом раньше, – признал Алей с досадой. – Теперь придётся менять план? Или вообще откладывать рейд? Нет, нет. Я же чётко определил точку. Блик! Что за чертовщина».

Воронов не позволил ему угрызаться. Окинув взглядом полупустой зал, Летен прошёл к свободному ряду кресел, сел и поманил Алея к себе.

– Ладно, – добродушно сказал он, прочитав все мысли Алея по его лицу, – буду командовать. Можешь определить, где они сейчас?

Алей сгорбился и потёр пальцами виски.

Его предельный поиск ускорялся с каждой минутой. Теперь Алей даже не успевал его осознать. «Я перешёл Предел, – подумал он. – Вот, получается, каково это… Интересно, а Дейрдре тоже с такой скоростью ищет?»

– Они здесь, – ответил он Летену. – То есть – в этой параллели. Где именно – непонятно. Где-то в городе, в толчее.

– В толчее – это хорошо. В городе – это плохо. Когда Ясень Лазурин уводил Инея, он тоже прямо посреди города исчез, верно?

– Да.

Алей выговорил это и вдруг вскинулся. Крохотная молния пронеслась от виска к виску.

Осень сказала ему: «Я в тебя верю». И Полохов сказал: «Ты можешь сам». Если они были правы, тогда картина складывалась яснее некуда. Отец действительно не сможет заметить Алея до самого последнего мига и окажется в ловушке. Команда Летена действительно должна была выехать раньше, намного раньше срока… Охваченный задумчивостью, Алей закусил хвост

собственных волос.

«Я должен сместить время, – подумал он. – Это возможно. Вот только как?»

Мимо них с Летеном прошла красивая пара с ребёнком: смуглая, тонкая, похожая на цыганку мама, высокий голубоглазый отец. Дочка-принцесса в платье с оборками тащила, прижав к себе, большущую, в половину её роста, мягкую игрушку – серого ёжика. «Вот ёжик, – подумал Алей, провожая их взглядом. – Он упал в Реку. Пусть Река несёт его…»

…упав в Реку Имён, так легко проплыть по течению немного дальше.

Летен облокотился о колено. Он смотрел на Алея с прищуром.

– Рассказывай, – велел он.

Алей сморгнул и нахмурился. Не ответил.

На уровне теории всё выглядело элементарно. Но что, если у него не получится? Одно дело – просто выйти к Реке Имён, совсем другое – манипулировать с её помощью временем, тем более, если ты не один. «Почему не один? – вдруг задался он вопросом. – Почему я так уверен, что со мной должен быть Летен? Это… как-то по умолчанию проставлено. Как будто я ничего не могу сделать без него. Мне что, до зарезу нужен отец-командир? Никогда за собой не замечал». Но мысли эти не вызвали в Алее эмоционального отклика; им не возразили ни честолюбие, ни здравый смысл. С каждым часом всё увереннее Алея вела интуиция – как нюх ведёт на охоте зверя.

Ему действительно нужен был Летен. Так же, как нужно было пару часов назад поговорить с Клёном и узнать, в какие таинственные игры любил играть маленький Инька. «Проксидемон! – вспомнил Алей и будто проснулся. – Эн сказал, что Летен сильнее Ясеня. И он не врал». Даже Вася Полохов, админ и полубог, боялся Ясеня Обережа – а Воронова Обережь-старший одолеть не мог со всеми своими невероятными силами. Мог расщепить, искалечить, лишить Предела – но не одолеть.

Одной из звеньев цепочки взлома для Летена значилось «победа». «В каком-то смысле, – подумал Алей, – Летен – гарантия победы. В каком-то. Блик, да в прямом».

Он поднял голову.

– Летен, – сказал он, – если мы сейчас исчезнем и появимся через несколько часов, как отреагирует Корней?

– Подремлет, – ответил Воронов совершенно спокойно. – Что ему сделается. А куда ты собрался исчезать?

Алей покусал губу.

– Я собрался сжимать время, – сказал он. – Так папа точно

меня не засечёт.

Летен уставился на него. В пристальном взгляде его удивление мешалось с восхищением, но за ними всё равно брезжила улыбка.

– Лихо, – отметил он. – Не подумал бы. Уважаю.

– Технически, – сказал Алей, – это то же самое, что перемещаться из мира в мир.

– Ну, в этой технике я не смыслю. Моя помощь нужна?

Алей медленно выдохнул и вдохнул.

– Да.

Выслушав его короткие сбивчивые объяснения, Летен неторопливо поднялся с сиденья. Упёр руки в поясницу, оглядел зал ожидания. Алей настороженно следил за выражением его лица. Сейчас Воронов никак не выделялся из толпы; разве что могучий разворот его плеч мог притянуть чей-то рассеянный или слишком любопытный взгляд. В простых летних брюках, клетчатой рубашке и белой куртке-ветровке он выглядел моложе, чем обычно – на свой настоящий возраст. Простой путник, или, вернее, провожающий: багажа-то нет.

– Хорошо, – сказал Летен и поманил Алея за собой. Алей послушно зашагал за ним к вестибюлю.

– Насколько я тебя понял, – сказал ему Летен, – выйдем мы по времени впритык. Это правильно. Будем действовать быстро. А сейчас погоди. Надо дела обделать.

– Какие дела?

Летен вскинул брови, не взглянув на Алея.

– Корнея предупредить, – ответил он. – Да и неудобно без гроша в кармане.

На душе у Алея стало скверно.

Ему отчаянно не хотелось, чтобы Летен марался о карманника. Неважно, чем занимался Воронов всю жизнь; неважно, что по его приказу происходит в родной параллели прямо сейчас. Он делает доброе дело, и его нельзя делать – так… Сказать по чести, Алею плохо придумывались сейчас логические аргументы. Слишком велика была сила нежелания. И он с горечью спросил:

– Волена за добычей пошлёшь?

– Нам билет нужен или как?

Алей скривился и глухо сказал:

– Летен, не надо.

Воронов остановился в полумраке вестибюля, в полудюжине шагов от дверей.

– Положим, мы войдём в вагон как провожающие, – сказал он

мягко, будто маленькому ребёнку объяснял, что к чему. – А потом? Попытаются нас высадить. Поднимут шум, чего доброго. Нам это надо? Я, Алик, умею решать проблемы. Зубы заговаривать – это не мой профиль.

Алей помолчал, глядя в пол. Потом мотнул головой и через силу проговорил:

– Не надо. Я… отведу глаза.

– Кому? – иронично уточнил Летен.

– Всем. Кому надо.

Воронов засмеялся.

…Но Предел был перейдён Алеем, и уже наливалось мощью, как под солнцем спелостью наливаются плоды и злаки, его Запредельное – то, что он никогда не искал нарочно, то, что он даже не осознавал как мечту, но чему никогда не суждено было разрушиться или измениться. С детства это было его вечным подспудным желанием, базой мировоззрения и мировосприятия, но если бы кто-то сказал Алею об этом словами – Алей бы, пожалуй, рассмеялся. И Поляна Облакова смутилась бы и отмахнулась, скажи ей кто-то о Запредельной, великой, вечной любви. И Летен Воронов не принял бы всерьёз речей о том, что кто-то предназначен править державой. Заповедное не предназначается словам.

Прекращать и предотвращать зло.

Таким было Запредельное Алея; и коварный проксидемон Эн не солгал, суля ему стать правой рукой Летена. Где можно предотвратить больше зла, нежели стоя за плечом главы государства?..

Отсмеявшись, Летен ласково сощурился и поглядел на Алея сверху вниз.

– Согласен, – сказал он. – Положусь на тебя.

Летен сбежал по ступенькам вниз и ушёл к машине. Алей остался стоять в тени. «Папа, – думал он, – Инька».

Он начал предельный поиск и позволил себе видение. Оно не замедлило явиться. Спустилась ночь, зажглись фонари. Влага, выпаренная с земли за день, проливалась дождём, и далёкие огни города таяли в ней. Ясень бодро шагал по мокрой платформе и вёл за руку сына. Вот они поравнялись с маленькой очередью у двери вагона, вот Ясень протянул проводнице бумаги… Алей с усилием оторвал взгляд от насупленного Иньки и попытался определить номер вагона.

Шестой.

Этого было достаточно.

Алей прерывисто вздохнул и потёр лоб, возвращаясь в

действительность. Пойманное видение должно было стать опорной точкой, маячком на берегу Реки Имён, которая воплотится рекой времени. Летен не увидит её – нет нужды осознавать себя в служебном пространстве, на то оно и служебное…

Воронов скоро вернулся и ободрительно потряс Алея за плечо. Он улыбался. Алей ответил бледной улыбкой.

– Пора, – весело сказал Летен. – Куда пойдём?

Алей поколебался, уставившись в потолок, и уверенно ответил:

– Нужно завернуть за угол.

…Когда они вновь вошли в зал ожидания, залитый ярким электрическим светом, там, казалось, не изменилось ничего вовсе. Так же гремела музыка, по-прежнему сидели люди за стеклянными стенами маленьких кафе, и даже молодой парень, который в сторонке спал на громадных баулах, до сих пор на них спал. Разве только за дальними дверями, которые вели на платформы, теперь стояла стена мрака.

Было без пяти час ночи. Через пятнадцать минут со второй платформы отправлялся скорый поезд Москва – Санкт-Петербург.

Алей едва успевал за стремительным шагом Летена. Воронов пронёсся через зал к выходу, обернулся в проёме – мелькнуло строгое лицо, недовольный взгляд, – ухватил спотыкающегося Алея за предплечье и потащил за собой под дождь. «Соберись, – говорил он сквозь зубы. – Не копошись».

У Алея сильно колотилось сердце. Он чувствовал, что папа и Иней всё ближе – и всё ближе конец пути.

Летен остановился у шестого вагона. Очереди уже не было, молодая полная проводница стояла в тамбуре, протягивала руку наружу и подставляла красивую ладонь под хлёсткие струи.

– Извините, – торопливо сказал ей Летен, опередив Алея, – еле успел. Человек, пассажир ваш, документы забыл. Кровь из носу надо передать. Разрешите, пройду? Дождь сильный.

Девушка моргнула, нахмурилась, но перед напором Летена мало кто мог устоять. Она кивнула.

Летен мгновенно скрылся, а Алей остался стоять под дождём. Он ошарашенно заморгал, глупо посмотрел на удивлённую проводницу, и лишь через несколько секунд опомнился. От того, что он собирался сделать, Алею заранее стало неловко, но выхода не было, да и зла в этом не было никакого… Он посмотрел девушке в глаза и тихо попросил:

– Не здесь.

Это не было насильственной переменой тоннеля или расщеплением личности, или каким-нибудь ещё ужасным,

калечащим действием. Алей всего лишь чуть-чуть подкорректировал её восприятие, убрав из него себя. Он был человеком из другого мира. Психически здоровая девушка не могла видеть людей из других миров. Коррекция была естественной, логичной и ни в чём её не ущемляла.

Проводница посмотрела сквозь него и снова протянула руку – ловить капли дождя.

Алей торопливо шмыгнул мимо, ударился с разлёту о стенку извитого коридорчика, рванулся вперёд – и едва не ткнулся носом в широкую спину Летена.

Полностью перегораживая плечами узкий проход купейного вагона, высился Летен Воронов, и Алей не мог видеть его лица, но знал, что он усмехается.

Перед ним, скрестив руки на груди и скаля в ухмылке сахарно-белые зубы, стоял Ясень.

Ему некуда было бежать. Он слишком поздно почуял опасность, а когда выглянул в коридор, Воронов уже подоспел и сумел отшвырнуть его от двери купе. По правую руку от Ясеня были закрытые двери, по левую – закрытые окна, до противоположного выхода нужно было пробежать несколько метров по узкому коридору и опять-таки открыть дверь. А за спиной у Ясеня стоял Иней и в ужасе смотрел на громадного преследователя, вцепившись с отцовскую куртку.

В скорости реакции Воронов не уступал Оберегу-старшему. Оба знали это, и оба улыбались – но разными улыбками.

– Всё, – ласково, почти вкрадчиво сказал Летен. – Как верёвочке ни виться… что там дальше?

Ясень, по-прежнему скалясь и не говоря ни слова, отступил на шаг, и Воронов гибко, по-тигриному подался вперёд.

– Отпусти ребёнка.

– Я его держу? – повёл плечом Ясень.

– Алик, – окликнул Летен, не спуская глаз с противника.

Алей подпрыгнул и выглянул из-за его плеча.

– Иней!

Братишка был бел как мел. Он молча поднял взгляд на Алея и покрепче ухватился за отца. Кажется, Воронов слишком пугал его. Алей напрягся, подыскивая слова – и не успел.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, – с ухмылкой проговорил Ясень. Летен резко выдохнул и подобрался.

Но он тоже не успел.

Рисуясь, по-прежнему скалясь, медленным театральным жестом Обережь-старший поднял руки.

Мир перевернулся.

Ночь сменилась днём в мгновение ока, как будто включили свет. Узкий коридор купейного вагона распахнулся невероятной ширью. Белый потолок стремительно взлетел ввысь и преобразился в белую сияющую ткань облаков. Повеял духмяный лесной ветер, принёс запахи малины и земляники, грибов и папоротников. Пластиковый пол стал мягкой чёрной землёй, ковром травы, песчаной скользью. Близость воды поднималась свежестью в воздухе. Спустя мгновение стало слышно, как Старица журчит на корягах и перекатах.

Когда взгляд прояснился, у Алея перехватило дыхание.

Они с Летеном стояли на берегу Старицы, напротив колышка, к которому привязан был Ялик. Прежнее расстояние отделяло преследователей от преследуемых, но расстановка сил изменилась. Широко расставив ноги, Ясень стоял в лодке. Не терял времени даром – отвязывал Ялик от колышка. Иней не удержал равновесия и сел на ближайшую скамейку-перекладину.

– Инька! – крикнул Алей, бросившись к кромке воды. – Инька!

Братишка посмотрел на него широко распахнутыми глазами и ничего не ответил. Лицо его будто окаменело, превратилось в испуганную маску.

– Алик, – укоризненно сказал отец, – ну хватит. Истеришь, как девочка. Давай поговорим как мужчина с мужчиной.

Алей втянул воздух сквозь зубы.

– Сначала отпусти Иньку, – отрубил он.

Ясень покачал головой.

– Нет. Я хочу, чтобы ты сделал то, о чём я тебя попрошу.

– А я не хочу этого делать! – крикнул Алей. – Я не поведу тебя к Морю! Ты… – у Алея перехватило горло, – ты мог бы прийти как человек и попросить как человек, а ты… стал шантажировать нас и мучить…

Ясень опустил глаза.

– Прости, Алик, – сказал он грустно и легко. – Но если бы я пришёл и попросил, как ты говоришь, – ты бы не смог выполнить просьбу. А теперь – сможешь.

Алей онемел от бешенства. Летен хмыкнул, покосившись на него, и сказал с долей усталости:

– Алик, обсуди условия выдачи заложника.

– Нет-нет-нет! – весёлый Ясень вскинул брови, сделал жест рукой, точно отодвигая слова Воронова. – Никаких условий. Сейчас Алик сядет с нами в лодку, и мы уплывём в светлое будущее. А ты, пожалуй, останешься здесь. Это тоже хороший способ от тебя избавиться. Хотя я предпочёл бы сделать это раньше и… брутальней, – и он расхохотался, закончив сквозь

смех: – Улусник мой и раб Летька Московский!

Летен медленно улыбнулся.

Они смотрели друг на друга – пристально, испытующе, радостно и грозно, точно хищники, делящие угодья. Ясень рвался к цели, пренебрегая всем, но он готов был подзадержаться ради схватки с таким противником, как Летен.

Сердце Алея упало.

«Два чудовища, – пронеслось в голове. – Два зла, из которых нужно выбрать меньшее. Я выбрал. Но меньшее ли? И почему я выбрал – его?..» С усилием он оторвал взгляд от Летена. Инька, бедный напуганный Инька сидел, вцепившись в скамейку, и не знал, куда прятаться – а Алей не знал, как помочь ему. Он сглотнул, переступил с ноги на ногу, чувствуя себя бесполезным дураком. Набрал воздуху в грудь.

И острая молния предчувствия обожгла его затылок изнутри. Мелькнуло жуткое видение, охолодившее Алея, но мысли и действия Воронова опережали даже лайфхакерскую интуицию. Не ушами – спиной, затылком Алей услыхал тихий и жуткий щелчок. Мучительная дрожь пробежала по телу, хотя Алей и не успел понять, что это был за звук: ему нечасто доводилось слышать, как взводят курок. В тот же миг правая рука Воронова вылетела из-за пазухи и уверенно распрямилась.

Под нежным небом Старицы, в благоуханном светлом воздухе её прогрохотал выстрел.

Алей едва слышал его. Все звуки заглушил истерический смех Полохова, проснувшегося крайне не вовремя. Демиург бурно наслаждался происходящим и декламировал дикий стишок:

Мы в бессонном карауле
Охраняем связь времён.
Что не сделает закон,
То должна восполнить пуля!

…Удар пули отогнул Ясеня назад. Секунду казалось, что он упадет в воду. Алей судорожно глотнул воздух. От шока он не смог испугаться, только оцепенел. Мысли застыли, как мухи в янтаре. Сама прекрасная Старица показалась плоской блёклой картинкой. Воронов не тратил время на выстрелы в воздух, стрелял на поражение, но не насмерть. Пуля пробила Ясеню левое плечо.

Легко восстановив равновесие, Ясень выпрямился.

– Надо же, – насмешливо сказал он, – попал.

Казалось, боли он испытывал не больше, чем от комариного укуса. Он скосил глаза на входное отверстие пули, потрогал его

пальцем и заметил:

– Хорошо стреляешь, сука, метко.

– Ах ты тварь, – едва слышно сказал Летен. Всегда спокойное лицо его исказилось.

Летен сунул пистолет в руку бледного как смерть Алея, сбросил куртку и рванулся вперед.

Слабое течение успело отнести лодку от берега на несколько метров. С шумом и брызгами Летен рухнул в воду и сильными гребками стал продвигаться вперёд. Ясень смотрел на него сверху вниз с брезгливым интересом. «Осень же запрещала трогать воду, – подумал Алей отстранённо. – Я же сказал Летену, что нельзя… А он её сейчас наглотается». Он не знал, что делать. Ему попросту не хватало скорости реакции. Алей не был бойцом.

Но и Ясень потерял добрую секунду. Его обманула собственная уверенность. Он полагал, что здесь, в непостижимом мире-интерфейсе он играет на своём поле, здесь совладать с Летеном будет легче, – а Летен не делал различий между мирами. Вода для него была просто водой, лодка – обычной лодкой.

Ясень с перекошенным лицом только ухватил весло, а Воронов уже подтягивался, переваливаясь через борт Ялика. Лодка валилась набок, Ясень пытался удержаться на ногах и не мог занести весло для удара.

Алей услышал, как тихо скулит от ужаса Иней.

Огромный Воронов двигался с невероятной скоростью. Алей с трудом понимал, что происходит. От первого удара Летен увернулся, перехватил весло и рванул на себя. Ясень качнулся. Лодка ходила ходуном. Боясь зацепить Инея, Летен не стал бить с размаху, а мощно толкнул Ясеня в грудь. Ясень задохнулся, но не потерял самообладания и вцепился Летену в горло.

Тот, казалось, только того и ждал.

Крепко держа противника, Летен прыгнул с лодки в воду и увлёк его за собой. Они мгновенно скрылись под поверхностью.

В этот момент Алей понял, что отец побеждён. Летен не мог не победить. Он воевал – а Ясень всего лишь дрался.

Прошло несколько бесконечных томительных секунд.

Летен вынырнул один.

Мрачный, он с трудом подтянулся, перелез через борт Ялика, сел и подгрёб к берегу. Привязал лодку к колышку. Алей опомнился и кинулся к брату, обнял Инея. Едва удалось отцепить его пальцы от бортов. Костяшки побелели и были как каменные. Ткнувшись головой в грудь брату, Иней чуть слышно застонал.

– Всё, – сказал Летен, отдуваясь. – Пуля дура, штык молодец.

– Летен, – прошептал Алей. Иней прижимался к нему,

ритмично, истерично, судорожно всхлипывая. – Ты…

– Мокрый я как цуцик, – сказал Летен, забрал у него свой пистолет и, кряхтя, стал стаскивать одежду. – Сушиться надо.

– Летен, – повторил Алей беспокойно.

Тот повесил рубашку на куст и обернулся.

– Что?

Алей не смог ничего выговорить. Иней совершенно онемел от шока, и старший брат был сейчас немногим лучше. Летен понял это и покачал головой, усмехаясь.

– Я в порядке, – сказал он, – полагаю, что Ясень Лазурин тоже. Видел, как тут огнестрел работает? Я так думаю, что здесь умереть нельзя. Вывернулся Гэрэлка, уплыл чёрт-те куда. Что ты там, кстати, про местную воду рассказывал, Алик?

Алей медленно выдохнул и вдохнул. Не помогло. Тогда он сел на траву и с усилием провёл по лицу ладонью. Помолчал.

– Мне говорили, – начал он без уверенности, – что воду Старицы нельзя трогать. Это опасно. Это не вода на самом деле, это – информация… Её может оказаться слишком много для человека.

Летен поразмыслил. Сказанное его явно не впечатлило.

– Надо же, – сказал он с усмешкой, – а я её наглотался, – и стал выжимать брюки.

Алей подавил вздох и взглянул на Инея.

Иней стоял столбиком, бледный и безучастный. Смотрел на носки собственных ботинок. «Напугал его Летен, – подумал Алей с печалью. – Он и меня-то напугал. Не надо было стрелять. Если б я заранее понял, что он стрелять собирается!» И тут же он понял, что с пистолетом или без, Воронов всё равно бы рванулся форсировать Старицу. Перед ним был преступник, особо опасный, и этот преступник, враг ему угрожал. Когда враг отказывается вести переговоры, идёт работать десант…

– Инька, – сказал Алей, – слышал? Папа не погиб. Он в порядке.

Иней коротко посмотрел на него и не ответил.

– Инька, – продолжил Алей почти жалобно, – а Инь. Пойдём домой, а?

Иней молчал.

– Мама испереживалась вся. Лёнька знаешь как соскучился? Он ни с кем не разговаривает, гуляет один, с собакой. Сядет где-нибудь и скучает. – Алей покусал губу. – Он знает, что ты в беду попал, Инь. Он тебя спасать хотел. Он клятву дал, что никому ничего не расскажет и будет притворяться, что ты в летнем лагере. И притворяется. Представляешь?

Иней посмотрел на Алея долгим взглядом. Потом опять уставился в землю, но лицо его чуть переменилось, и у Алея стало легче на душе. Он и раньше чуял, что в сердце Иньки потягаться с папой может только Лёнька Комаров, а теперь уверился в этом. Обидно было немножко, но что поделаешь. Всё-таки Лёнька и впрямь – самый верный, самый лучший на свете друг.

– Пойдём, а? – снова попросил Алей.

Иней едва заметно кивнул и подавил вздох. «Привязался он к папе, – понял Алей. – Несмотря ни на что. Папа – он обаятельный… и Инька мечтал о нём всю свою жизнь. А мы пришли как враги, Летен вообще папу подстрелил. Инька на нас обиделся».

– Ну Инь! – сказал он беспомощно. – Ну правда. Теперь всё хорошо будет. Это не обещание, это точно так. Прикинь, мама с Шишовым разводится. То есть не разводится, а брак признан недействительным, потому что папа на самом деле жив. Мама обратно переезжает, и мы будем все вместе жить, как раньше. Здорово, а?

Иней заморгал. Он всё ещё молчал, но лицо его явственно посветлело. Алей несмело улыбнулся и заговорил вдохновенно:

– А если папа захочет к нам вернуться, то он и вернётся. Или в гости будет приходить, если захочет. Мама его очень любит. Он её очень обидел и напугал, когда тебя увёл, но она всё равно его любит. Ну, Инь! Всё же можно сделать по-человечески! И ты сможешь с папой путешествовать, если он сначала спросит разрешения и скажет, когда вернётся.

Иней пригладил волосы и скосил взгляд в сторону. Алей понял, что теперь он молчит уже не от обиды, а от смущения – маму-то Иней и сам не предупредил, и разрешения у неё не спрашивал.

– А знаешь, – сказал Алей почти весело, – мне Лёнька рассказал, во что вы с ним играли в лесу. Про арки из ветвей, и как можно попасть в другой мир, если тебя никто не видит, и про реку. А я подумал: надо же. У меня, оказывается, брат – волшебник. А я не знал.

Иней посмотрел на него исподлобья и улыбнулся одной стороной рта, точно никак не мог решить, отмалчиваться ему дальше или уже смягчиться. Он подумал немного и едва слышно проговорил:

– У меня тоже.

– Что – тоже?

– Тоже – волшебник. Брат.

Алей засмеялся, встал и обнял Инея, прижал его голову к

своей груди. Иней глубоко вздохнул и крепко обхватил его.

Летен посмотрел на них и одобрительно хмыкнул.

Он с большим неудовольствием влез в мокрые брюки, застегнул сухую куртку, а рубашку перекинул через руку. Сказал:

– Что, волшебнички, пора отсюда выбираться. Нас, поди, заждались.

Алей кивнул и поднял голову, окидывая взглядом прибрежный лес. Неподалёку плотной стеной стояли молодые ёлочки. Алей вспомнил, как пропадала когда-то за ними Осень. «Там», – решил он и заранее представил, как они огибают колючую купу и оказываются на вокзале, точно завернули за угол. Корней ждёт их в машине. И они поедут домой.

Путь окончен.

Только сейчас Алей наконец прочувствовал это. Всё кончилось, они возвращаются домой…

– Пошли! – сказал он и уверенно зашагал вперёд.

Пышная трава пружинила под ногами. Веял освежающий ветерок. Алей обернулся через плечо и улыбнулся своим спутникам.

Добравшись до ёлочек, он мимолётно погладил иглистую ветку, сделал шаг и развернулся, готовый ступить на горячий городской асфальт.

Зеленым-зелено пламенел лес Старицы, дышала прохладой вода, шумела листва, и пахло сосновой смолой, малиной и земляникой…

Ничего не случилось.

Алей остановился, озадаченный. Перехода не произошло. Он вспомнил объяснения Осени и понял, что причина этому могла быть только одна – их видели. Кто-то смотрел на них со стороны. Это мог быть только Ясень. Он не стал спасаться бегством. Как речная змея, он вывернулся из смертельной хватки Воронова и укрылся где-то в роще-интерфейсе, не намеренный сдаваться. «Да чтоб тебя!» – подумал Алей с досадой и напряжённо оглядел лес. Он не особо беспокоился. Ясень не мог находиться в нескольких местах одновременно, а в лесу легко было скрыться с глаз. Надо было найти его, а потом просто убраться от него подальше.

Алей обернулся, чтобы объяснить это Летену и Иньке.

И остолбенел.

Их не было. На зелёной поляне возле молодого ельника он стоял один.

На миг ему показалось, что это какая-то дикая шутка. В следующий миг он понял, что это действительно дикая шутка, только шутит с ним отец. Алей ещё не всё знал о его

возможностях.

Он стиснул зубы. Если он был здесь один, значит, где-то ещё без него, без помощи остались люди, не способные покинуть Старицу самостоятельно. «Инею не нужен проксидемон, – пришло Алею на ум. – Может, Инька выберется сам?..» Но он не мог полагаться на силы десятилетнего мальчишки.

Он выругался, озираясь. Жестокие игры отца всегда вызывали в нём отвращение, сейчас оно сменилось бешенством. В эту минуту Алей, пожалуй, готов был бы даже воспользоваться пистолетом Воронова, только Воронов вместе со своим пистолетом исчез в дебрях закольцованного мира… «Вася! – мысленно крикнул Алей, – Полохов! Что это за чёрт?! Что с вашей демо-версией? Она глючит!» Но голоса в голове молчали. От демиурга не стоило ждать помощи.

На чём свет стоит обругав придурка Васю, Алей досадливо тряхнул головой и быстро зашагал к Ялику. Перешёл на рысцу. Предельным поиском он мог заняться везде, но интуитивно чувствовал, что у воды будет удачней. Переизбыток информации больше не пугал его. «До сих пор от Полохова не было никакой пользы, – раздражённо думал Алей, – видимо, и не будет. И чёрт с ним. Я сам».

Он едва не налетел на Ясеня – вернее, едва не ткнулся головой в его болтающиеся ноги.

– Привет, – сказал Ясень.

Он сидел на дереве, в развилке ветвей. Алей отшатнулся от него. Морозец продрал по хребту.

– Ну вы же меня утопили, – пояснил Ясень в ответ на безмолвный вопрос. – Теперь я русалка. Вишь, на ветвях сижу.

Он выглядел совершенно беззаботным.

Алей хватанул ртом воздух, как рыба.

– Зря всё это, – сказал Ясень. – Драться, ругаться, из пистолета палить. Помял меня друг твой. Медведь! – Он сделал обиженное лицо и хрустнул позвонками, плавно поведя головой. – Может, я, конечно, неправ был. Всё-таки этот твой Летен – ого-го мужик. Признаю. С таким в разведку можно. А шею зачем ломать мне? И куртку любимую испортил, – Ясень потеребил ткань и продемонстрировал дырку от пули.

Он по-прежнему рисовался. Алей смотрел на него мрачно. Отец передразнил его, скорчив угрюмую гримасу, и сказал:

– Ну что? Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?

– Где они? – холодно сказал Алей.

Ясень закатил глаза.

– Ничего с ними не сделается, Алик. Они и по отдельности не пропадут, а вместе – тем более. Давай лучше к делу.

– К Морю? – уточнил Алей после паузы.

– Да.

Алей молчал. Грудь его стесняло нечто похожее на отчаяние. Что бы он ни делал, отец оказывался на шаг впереди. Какие бы силы он ни обретал, отец оказывался сильнее. Ярость, бессилие и тревога раздирали Алея на части, а отец сидел на ветке и болтал ногами. «Море, – думал Алей со злостью, – Море. Если я доведу его до Моря, он успокоится? Оставит нас в покое? Что ж, был у меня план «Б».

– Папа, – наконец, спросил он с горечью, – ну скажи, зачем тебе всё это? Что ты с нами делаешь?! Что там, в Море, такого? Я знаю, что оно прекрасное. Но ты ради него…

Голос прервался – запершило в горле. Алей хотел закончить: «…столько зла сделал», – но отец перебил его.

– Да вы же дети мои, – сказал Ясень с отчаянной теплотой. – Сыны мои. Всё, что я делаю, я делаю ради вас.

Он вздохнул и опустил голову.

Алей потерял дар речи.

Некоторое время он безнадёжно смотрел на отца, сознавая, что никогда не поймёт его, а потом бросил ему, почти крикнул:

– Блик! Да чёрт с тобой! Хочешь к Морю?! Поплыли!

Ясень улыбнулся.

Больше он ничего не говорил.

Алей вышел к Ялику, отвязал лодку и сел на корме. Отец сделал несколько гребков, выталкивая Ялик на стремнину, а там течение понесло его само – и вскоре вдали, под светло сияющим небом прорисовались очертания высоких круч, с которых Алей когда-то смотрел на Реку Имён.

– И что нам теперь делать? – пробурчал Летен. Покосился на Инея, спросил:

– Инькой тебя зовут, верно?

– Верно, – сказал тот. – А вы Летен?

– Можно дядя Летя, – кивнул тот и уселся на поваленный ствол. – Ну и папка у тебя, Инь. Как с таким справиться?

Иней смущённо отвёл глаза. Папа обещал, что они пойдут ловить Алика, но Иней совсем не думал, что это будет так. Всё-таки папа иногда нехорошо поступал. Он всех напугал – и Алика, и самого Инея, и даже грозного Летена. Правда, Летен испугался не папку, а что папка сделает чего-нибудь нехорошее. Иней, честно говоря, тоже этого боялся.

– Как думаешь, Алик за нами вернётся? – спросил Летен.

Иней насупился.

«Алик, наверное, сейчас с папой к Морю Имён плывёт», –

подумал он и поднял на дядю Летю осторожный взгляд.

Тот сидел, понурившись.

Когда Иней представлял себе, как выглядит страшный Летен, которого папка так хочет победить, ему воображался кто-то очень мрачный и свирепый. И он правда оказался мрачный и свирепый, только не очень страшный. То есть, конечно, страшный, но… Иней немножко удивлялся сам себе. Он остался один с человеком, который стрелял в папу из пистолета и сбросил с лодки в воду, но совсем этого человека не боялся.

Больше того – получалось, что и папа не побоялся оставить Инея с ним. Иначе не оставил бы.

Да и стрелял дядя Летя не для того, чтобы убить папу, а чтобы спасти Инея. Так ему велел Алик. Они оба просто не очень правильно поняли.

А если неправильно поняли, значит, можно всё объяснить. Иней повеселел. Глядя на Летена, он понимал, что ему и правда можно объяснить. Вот Шишову, например, объяснить ничего нельзя. И Лёнькиному папке тоже нельзя. А Летену можно.

«И почему папка его так не любит?» – подумал Иней.

– Я думаю, вернётся, – сказал он.

– Ну, что ж. Придётся сидеть и ждать. Эх! – Летен потянулся, раскинув руки, оглядел лес. – Малины пособирать, что ли? Будем, как медведи, малиной питаться. Любишь малину, Инь?

Иней невольно улыбнулся. Дядя Летя собирался его кормить. Это было смешно, и Иней окончательно проникся к нему симпатией.

– Медведи, – сказал Летен, – ещё кедровые орехи любят. Интересно, можно тут найти шишки? Или лесной орех. Если орехи, ягоды есть и вода – так можно продержаться, пока не придёт подмога. Ты как думаешь?

Иней фыркнул. Летен и правда был как медведь – большуший, могучий, – но Иней рядом с ним чувствовал себя медвежонком.

– Хороший у тебя друг, – сказал Летен, – рыжий, с собакой.

– А вы с ним знакомы? – спросил Иней и примостился рядом на бревне.

– Можно и так сказать. Алик – парень добрый, всё пытался его успокоить. Говорил, что ты в лагере, там по телефону не разрешают звонить. А друг – он сердцем чует. У меня тоже был такой друг. Он меня однажды от смерти спас.

Иней заморгал.

– Как это? – с трепетом спросил он.

– На войне, – сказал Летен и потрепал его по макушке. – Знаешь: сам погибай, а товарища выручай.

У Инея замерло сердце. Он понимал, что дядя Летя ничего ему не расскажет, и не спрашивал. Но он почувствовал что-то, похожее на братство. У дяди Лети тоже был самый верный, самый лучший друг. Он знает, как это.

А вот у папы не было такого друга. Жалко папу.

И вдруг одна мысль захватила Инея.

Папа уже много чему научил его. И у него всё всегда получалось, сразу, как будто он правда был прирождённым волшебником. Сначала Иней считал, что папа ему втихую помогает, но с каждым разом росла его уверенность в себе. То, что Иней хотел попробовать сделать сейчас, он раньше не делал, но дядя Летя был очень вдохновляющий, в смысле – на подвиги. Иней был уверен, что Лёнька тоже чувствовал это. Наверно, и клятву с Лёньки взял дядя Летя. Он был такой. Ему хотелось давать клятвы.

И рядом с ним так чувствовалось, что тебе всё удастся, ты сможешь. Он был очень сильный, дядя Летен. Папа тоже был сильный, но по-другому. Рядом с папой все остальные казались слабыми. А рядом с дядей Летеном все становились сильнее.

Иней встал и сказал:

– Дядь Леть, а пойдёмте.

– Куда?

– К Морю Имён.

– Куда?! – удивился Летен.

Иней помялся. Он не знал, как рассказать.

– Ну-у, – протянул он, – это то место, куда папа хочет попасть. И они сейчас туда с Аликом плывут. В лодке. Мне так кажется. То есть я знаю, только не знаю, откуда. Отовсюду.

Летен внимательно посмотрел на него.

– Н-да, – пробормотал он, – братцы-кролики… И что?

– Ну вот они плывут, – сказал Иней. – В лодке. А туда можно ещё по-другому прийти. По берегу. Мне так кажется, то есть я тоже отовсюду знаю.

Летен покачал головой.

– Мы же не дойдём без Алика, – сказал он раздумчиво. – Даже папка твой без него – никак.

– Нет, – Иней нахмурился, скорчил рожицу, с трудом подбирая слова. – Вы это… вы, главное, не смотрите. Когда смотришь, это мешает только. Вы глаза закройте, а я вас поведу прямо сразу к Морю. Если не закрыть, то придется идти через Гору Глаголов, Рощу Речей, Облако Обликов… далеко это, в общем. А я так быстро могу.

Ясень вытащил лодку на берег и пошёл, утопая в мягком

песке, вслед за сыном. В устье Река Имён, как всякая река, расширялась, но ненамного – мешали выступы скал. Зелёные берега Реки почти незаметно переходили в жемчужный пляж Моря.

Алей дошёл до кромки прибоя и остановился.

Ветер пел в корабельных соснах, стройным частоколом вставших над берегом, но на Море царил штиль. Едва-едва колыхалась зыбь. Белый песок светился почти так же, как облачное небо над головой. На нём нетронутыми лежали огромные извилистые раковины, приоткрывая свою укромную розовость. В невероятно прозрачной воде видно было, как далеко уходит пологое дно, украшенное редкими округлыми, разноцветными камнями.

Алей повернул голову и увидел рельсы Нефритовой Электрички. Серебряные рельсы и яшмовые шпалы приподнимались над песком. В этом песке тонули ноги, но тяжесть железнодорожного полотна он держал прочно. То ли полотно весило меньше пушинки, то ли в песке под ним пролегала опора. Рельсы уходили далеко по лукоморью и на горизонте, в тёплой голубой дымке огибали горную кручу.

Море было прекрасно.

Но если Река Имён вселяла в сердце восторг, то Море дарило глубокую тишину. Здесь не хотелось думать, говорить, рождать слова – только молчать и прислушиваться.

Подошёл Ясень, остановился рядом. Алей покосился на отца и снова взглянул в морскую даль. Он больше не чувствовал ни злости, ни раздражения. Рядом с Морем это было невозможно.

– Вот оно, – сказал Ясень. Он мечтательно улыбался. – Море Имён.

– И что мы теперь будем делать? – тихо спросил Алей.

– Как что? – удивился Ясень и запрыгал на одной ноге, стаскивая ботинок. – Искупнёмся, конечно. Погодка класс!

Какой бы полной ни была тишина этих берегов, Алей не смог не вытаращиться в изумлении.

– И ты за этим сюда шел?! – неверяще сказал он.

– Нет, – фыркнул Ясень. – Вода – она везде вода. Но над Морем светит Солнце.

Алей вспомнил, что в мире-интерфейсе нигде нет солнца. Над Старицей, над Рекой – всюду небо покрыто облаками. Небо над Морем тоже пока затягивала облачная пелена, но если Ясень был прав, то тут она могла в любой момент разойтись…

И вдруг Алей понял.

Покров тайн разошёлся перед ним, как театральный занавес, и открылась новая истина, такая же простая, как все предыдущие.

Даже странно было, что он не подумал об этом прежде, что никто прежде об этом не думал.

Если весь этот мир и само Море Имён состоит из слов, понятий, знаков, определений, то Солнце над ним – тоже слово…

У Алея перехватило дыхание. Море Имён. Последнее море. Воды, над которыми носился Дух.

Слово.

– Да, – ответил Ясень совершенно спокойно. – То самое. Которое было в Начале.

Он замолчал.

Солнце Слова едва брезжило сквозь пелену облаков.

Алей почувствовал за спиной какое-то движение и обернулся.

Между могучими медными стволами сосен показались Иней и Летен. Закрыв глаза, Летен послушно шел за мальчиком по твёрдой, присыпанной иглами земле. Алей смотрел на них, не чувствуя удивления, как будто заранее знал, что так случится.

– Все, дядь Леть, – сказал Иней, когда землю под ногами сменил песок, и разулыбался, – пришли.

Летен открыл глаза.

…В этот момент облака разошлись и ослепительно брызнуло солнце.

Прикрыв глаза козырьком ладони, Летен Истин Воронов смотрел, не щурясь, на Солнце Слова.

И Солнце смотрело на него. Что-то неуловимо менялось в Летене под сияющим взглядом: как будто снимали с человеческой души тонкую блёклую защитную плёнку, кальку, открывая благородную подлинность. И само понятие Предела теряло своё значение – буквально на глазах, Алей видел это так, как будто понятие было чем-то вещественным.

Он перевёл взгляд на отца. Лицо Ясеня стало безмятежным и мечтательным. Угас в глазах рисковый лихой огонёк, сменившись другим огнём, могучим и светлым, разгладились саркастические морщинки у губ. Он стал одновременно моложе и старше, и Алей увидел, наконец, того отца, образ которого хранил в сердце десять лет. Весело и ласково глядел Ясень на сыновей, но, как и Летен, он не улыбался.

Один только Иней улыбался Солнцу Слова – лучисто и очарованно, как величайшему празднику. А себя со стороны Алей не видел.

Так они молча стояли, все четверо. Перед ними, играя бликами, простиралось Море Имён, пронизанное лучами до самого золотого дна. На берегу его стояли они и больше не были врагами, потому что под этим светом никто не мог быть врагом –

ни другому, ни самому себе.

Потом Ясень позвал, наконец, купаться.

Эпилог

– Вася, – с укором сказал Алей. – Ты бесполезен!

Демиург расхохотался в ответ.

– Я не отрицаю, – произнёс он, присосавшись к бутылке пива. – Я признаю. Впрочем, Алик, если начистоту: я же был тебе не нужен.

– Мог бы оказать моральную поддержку, – ёрнически сказал Алей и поглядел в бутылку на просвет.

– Я оказал! – возмутился Полохов. – Я влез на табуреточку и прочитал стишок. Что ещё я мог сделать в сложившейся ситуации?

– Да, – заметил Алей сумрачно. – Я помню. Только стишка мне тогда не хватало.

Напоследок выяснилось, что во времени Вася путался намного сильнее, чем сам думал. Телефонный звонок, который, как он считал, должен был иметь место спустя неделю после ожидаемого, на самом деле случился через месяц.

Полохов сел на подоконник и опасно перегнулся из окна наружу.

– Упадёшь, – автоматически предостерёг Алей.

– Взлечу, – поправил демиург.

Алей ухмыльнулся.

При небольшом напряжении он теперь мог увидеть Васин личный интерфейс – что-то вроде небольшого лучистого облака, окутывавшего демиурга с ног до головы. Считать с него информацию у Алея не получалось – то ли закодирована она была в Васин персональный формат, то ли плотность её превосходила возможности Алеева восприятия. Васиным глазам эта сияющая дымка представала чем-то явно глубоко и специфически осмысленным, вроде программного кода. Странные манеры Полохова стали немного понятней: он постоянно следил за событиями, происходящими в его тоннеле. «Логично, – думал Алей, – что админы не сидят постоянно у Реки Имён. Река – удалённый сервер, а локальная машина всегда при админе».

– И всё-таки, Вася, – сказал он, – я не понимаю, как ты можешь отрицать тот факт, что ты ангелическая сущность.

Полохов от неожиданности выплюнул пиво и обляпался.

– С-сука! – обиженно булькнул он. – Ну почему ты такой внезапный! Я не привык. Раньше-то я тебя насквозь видел.

Алей злорадно захихикал.

– Это тебе за стишок, – пояснил он, и Вася ответил: «Ы-ы-ы!»

Алею почему-то представилось, как в лоскуты пьяный Вася

летит над районом, тяжело помахивая большими белопёрыми крыльями, гнусно матерится и непристойно жестикулирует. Не удержавшись, он мысленно продемонстрировал эту картину Полохову, и Полохов минут пять ржал и плакал, стуча кулаком по столу от невыразимых чувств.

– Нет, – выдохнул он, едва просмеявшись, – нет. Ну чего ты как ребёнок. «Ангел» значит – «вестник», то есть по теперешним временам – курьер. Функционально иногда судебный пристав. А я тебе даже не эникейщик какой-нибудь, я – системный администратор! Разница колоссальная.

Алей иронично сощурился, и Вася посерьёзнел.

– Это порочная практика, – сказал он, стягивая залитую пивом майку, – искать аналогии в мировых религиях. Любая религия, сам понимаешь – тоннель. Ограниченная, несовершенная модель мира, которая изнутри воспринимается как полная и подлинная Вселенная… Аналогий вообще лучше не проводить. Лучше всего даже слов не подыскивать. Это я тебе как филолог говорю. Когда ты описываешь Реку Имён словами, ты создаёшь код физической реальности, который по определению не может выразить Реку во всей её полноте. Асимметричный дуализм языкового знака, типа того. В Клюевском понимании.

– Дао, выраженное словами? – уточнил Алей с улыбкой.

– Становится тоннелем, – кивнул Вася.

Без майки демиург выглядел плачевно. Торс у него был одутловатый, вялый и настолько бледный, словно Вася никогда в жизни не выходил под солнце.

Алей поразмыслил и выпил ещё пива.

– Но у них есть названия, – полувопросительно сказал он. – У Реки, у Нефритовой Электрички.

– Угу. Кто-то когда-то не удержался и назвал их. Для них это не проблема. Это проблема для нас.

Алей упёр палец в середину лба.

– Н-да, – пробормотал он. – А ведь раз есть сисадмины, значит, где-то должен быть и главный инженер. И айти-директор со разработчики.

Вася хохотнул, но даже в смехе его слышалась доля уважения.

– Это суровые люди, – сказал он. – Суровые, но справедливые.

…Море Имён, сказал он позже, заключает в себе абсолютно всё. Всё, что может и не может существовать, бесконечное множество Вселенных и их теней. И то, что видел Алей – тоже своего рода интерфейс, предназначенный для людского восприятия. Даже человеческий разум – в некотором смысле тоннель. Наверное, есть и для него Предел, который можно преодолеть и выйти тем самым за рамки человечества. Но это уже

совсем другая история.

– А Воронов? – спросил Алей напоследок. – Я не ломал его Предел, и сам он его тоже не преодолевал. Я даже не смог понять, восстановился он после расщепления, которое устроил мой отец, или нет. Летен видел Солнце Слова. Он теперь такой… не знаю даже, как описать. Он изменился. И что теперь с ним будет?

Вася хмыкнул. В глазах его зажглись весёлые огоньки. Он выкинул пустые бутылки в мусорное ведро, вернулся к столу и встал над ним в подобии величественной позы. Странно, но при этом Вася отнюдь не выглядел комично или нелепо.

– Летен, – сказал демиург торжественно, – теперь Помазанник Божий. Причём в прямом смысле – Божий, буквально. Я и не вспомню, когда Росе в последний раз так везло.

В офисе Ялика полным ходом шла подготовка к квартальной презентации. Убрали перегородку, разделявшую Правь и Навь, настраивали проектор. Перед белыми щитами для рисования стоял Мир Сиренин, и на лице его отражалась мучительная внутренняя борьба. И практически, и теоретически щиты предназначались для деловых записей. После презентации должно было начаться большое совещание отдела, мозговой штурм, пространство на стенах требовалось, чтобы записывать идеи. Но на щитах опять с поразительным художественным мастерством написали картину: на этот раз – группу «Битлз» на концертной сцене. Стереть битлов Миру Сиренину не давали сердце, совесть и ностальгия. Наконец, подошла хладнокровная Осень и сказала старому хиппи, что его ищет Светел Тишин. Мир Сиренин тяжко вздохнул и послушно удалился, а Осень взяла губку и стала стирать маркерный рисунок.

В рекреации у дверей Прави и Нави собирались люди. Программисты катались по длинному коридору на самокатах: глаза у них стекленели от глубокой задумчивости, и лучше было не попадаться им на пути. Ручей и Тайна принесли с первого этажа огромный ватманский лист и стали прилаживать его на стену. Лист был озаглавлен: «Чтобы сделать мир лучше, надо…» Внизу предполагалось приписывать ручкой.

Спустились из мансарды Ворон Вежин и День Вьюгин.

– Они нам сейчас об успехах отчитаются, – ворчал Ворон, – а у нас вчера в Геобазе Атлантида появилась. По-моему, это провозвестие конца света.

Ягуар-Стародубцев в ответ саркастически фыркал и хлестал по бокам несуществующим пятнистым хвостом.

Алей сбегал пообедать заранее, чтобы успеть на презентацию, и не рассчитал время. Зато он занял лучшее место в Прави,

катался на крутящемся стуле от стены к стене, отталкиваясь ногами, и вносил свою лепту в хаос.

Стерев великих музыкантов, Осень обернулась к Алею. По-всегдашнему спокойное лицо её сейчас было особенно безмятежным, и Алей заподозрил неладное.

– Алик, – спросила Осень, подойдя, – ты дописал мне фичу?

– Какую фичу? – невольно переспросил Алей.

И понял, что погиб.

– Поиск, – ледяным голосом сказала Осень, – по базе запросов.

Алей втянул голову в плечи.

Он забыл.

– Сень! – взмолился он, – я напишу! Я на выходных буду приезжать и напишу!

«Чёрт! – думал он в ужасе, – чёрт! Мне же ещё к последнему экзамену готовиться!»

– Сегодня пятница, – неумолимо отвечала Осень. – Пускай к воскресенью ты напишешь. Обновление выкатят не раньше середины дня в понедельник. И там будут баги, ты знаешь, они всегда есть. А в понедельник вечером мне нужен отчёт. Ты меня подставил, Алик, ты меня очень подставил!

Она бы и дальше ругалась. С тех пор, как Алей переехал жить к ней, она научилась то ли испытывать больше эмоций, чем прежде, то ли выражать их несколько откровенней. Вообще-то Алею это нравилось, только не тогда, когда он бывал виноват.

Но тут появился начальник департамента, не нашёл свободного стула, улёгся навзничь на пол переговорки и попросил начинать.

Гул голосов притих. К тканевому экрану вышел Металл Майоров, а Лог Хмыра развернул первую страницу презентации.

– Что сделано, – звонко сказал Металл. – Мы создали несколько дзенов, в том числе дзен отчаяния пользователя.

По аудитории прокатился смешок.

– С помощью Дзена Отчаяния мы смогли найти более двадцати чужих секторов сети.

В толпе уважительно присвистнули.

– Напомню, – продолжал Металл, – что сектором мы называем не параллель и не домен, а просто комплекс страниц, связанных прямыми ссылками, поэтому реальные достижения несколько скромнее, чем звучит. Тем не менее, если отсечь машинные запросы, запросы с опечатками и прочее подобное, то доля чужих запросов в дзене составляет около двух процентов. Это очень много. При тестировании каждый из отмеченных запросов проверялся аналитиками, и ошибок они не нашли. Ни

одной. Таким образом, мы можем сказать, что бета-версия семантического фильтра запущена в работу успешно и наши пользователи в безопасности. Ура нам!

Алей усердно зааплодировал.

Металл, улыбаясь, прошёл обратно. Его место занял аналитик из другого проекта и стал рассказывать про большой поиск. Алей обождал некоторое время, поглядывая украдкой на суровую Осень, а потом тихонько встал и на полусогнутых прокрался вдоль стены к выходу.

Среди зелёных травянистых перегородок было пустынно: почти все собрались в Прави и Нави. Алей сел и разбудил компьютер движением мыши.

На рабочем столе у него теперь стояла фотография со свадьбы Поляны, смешная и милая. Поляна и Летен гуляли на Поклонной горе в сопровождении едва ли не сотенной свиты. Со стороны жениха гости были почти сплошь мужчины с военной выправкой, многие пришли в форме. На краю кадра маячили веселый подвыпивший Корней и строгий Май с женой и нарядными детьми. Со стороны невесты гостей было больше раза в два – добродушная Поляна пригласила всех, кого вспомнила. Она даже бабушку Медю приглашала, но той здоровье не позволило выбраться. Позвала Алея с Осенью и со всей семьёй.

Скромная мама на фотографии затерялась среди Поляниных гостей, видна была только её причёска… Алей подумал, что мама всерьёз надеялась на возвращение Ясеня. Невозможная мечта её не сбылась. Но она, кажется, была счастлива просто тем, что он жив. Папа иногда приходил в гости на выходных, в промежутках между своими таинственными странствиями. Обедал дома, пел песни, а на прошлой неделе вывез Инея и Веселу кататься по Листве-реке на пароходике. А вечером играл в футбол с Инеем и Лёнькой.

Он тоже изменился, но не так, как Летен. Ясень стал похож на собственный идеализированный образ, который хранился у Алея в памяти. Поэтому перемены в нём Алей мог замечать только умом – а сердце говорило о простом возвращении прошлого. Случилось чудо, вернулся папа, воскресло сказочное, золотое детство… Минуты, когда он это чувствовал, были дороже всего.

…В свадебном платье Поляна выглядела так, будто её засунули в серёдку пышного кремового торта. Стилизованный кокошник, усыпанный настоящими бриллиантами, гляделся на ней совсем уж ни к селу ни к городу. Даже высоченный плечистый Летен терялся рядом с этаким великолепием. Но круглое личико Поляны светилось безудержным счастьем, и

посмеяться над ней смог бы разве самый угрюмый циник. Поляна казалась воплощением радости.

Улыбнувшись фотографии, Алей открыл список своих проектов и стал искать фичу, которую обещал Осени. Нашёл он её на второй странице. Потеребив нижнюю губу, Алей оценил объём сделанного и успел уже погрузиться в задачу, когда в сумке зазвонил его мобильник.

Алей вытащил телефон. На экране высвечивалось знакомое имя.

Алей облизнул вмиг пересохшие губы.

Маленькая молния догадки пронеслась между ушами, одарив преждевременным знанием: звонили по делу, и дело это, на первый взгляд незначительное, должно было привести к таким последствиям, задумываться о которых вовсе не стоило, потому что спокойно подумать о них смогут только в далёком будущем авторы исторических монографий…

«Нет, – поправил себя Алей. – Я должен думать о последствиях. Сейчас».

Он принял вызов.

– Летен, – спросил он, поздоровавшись, – а вы с Ляной разве не на курорте?

– Мы сегодня утром прилетели, – ответил тот. – Ляна спит. Алик, у тебя на следующей неделе найдётся время? Мне нужна твоя помощь.